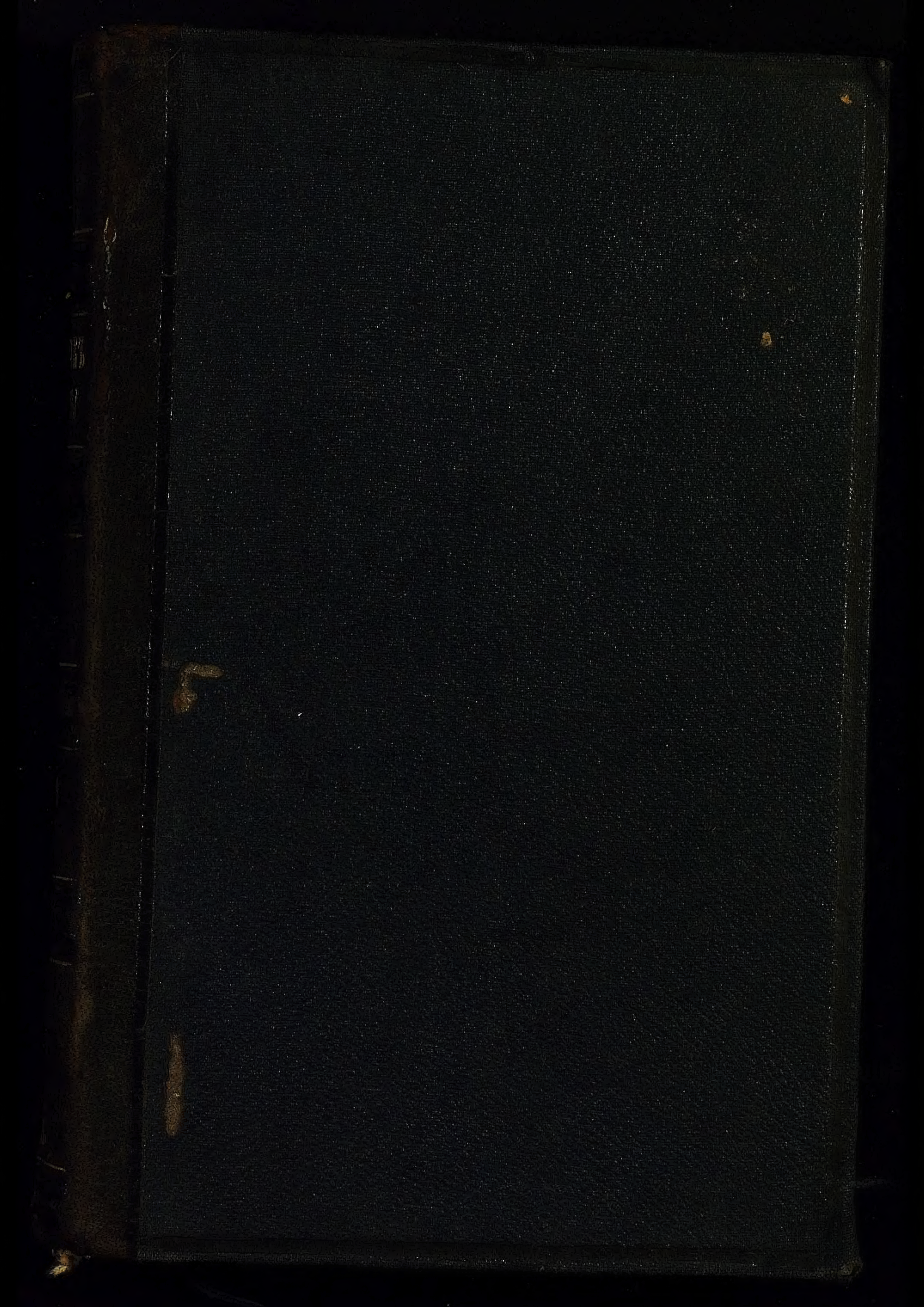


ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ V.

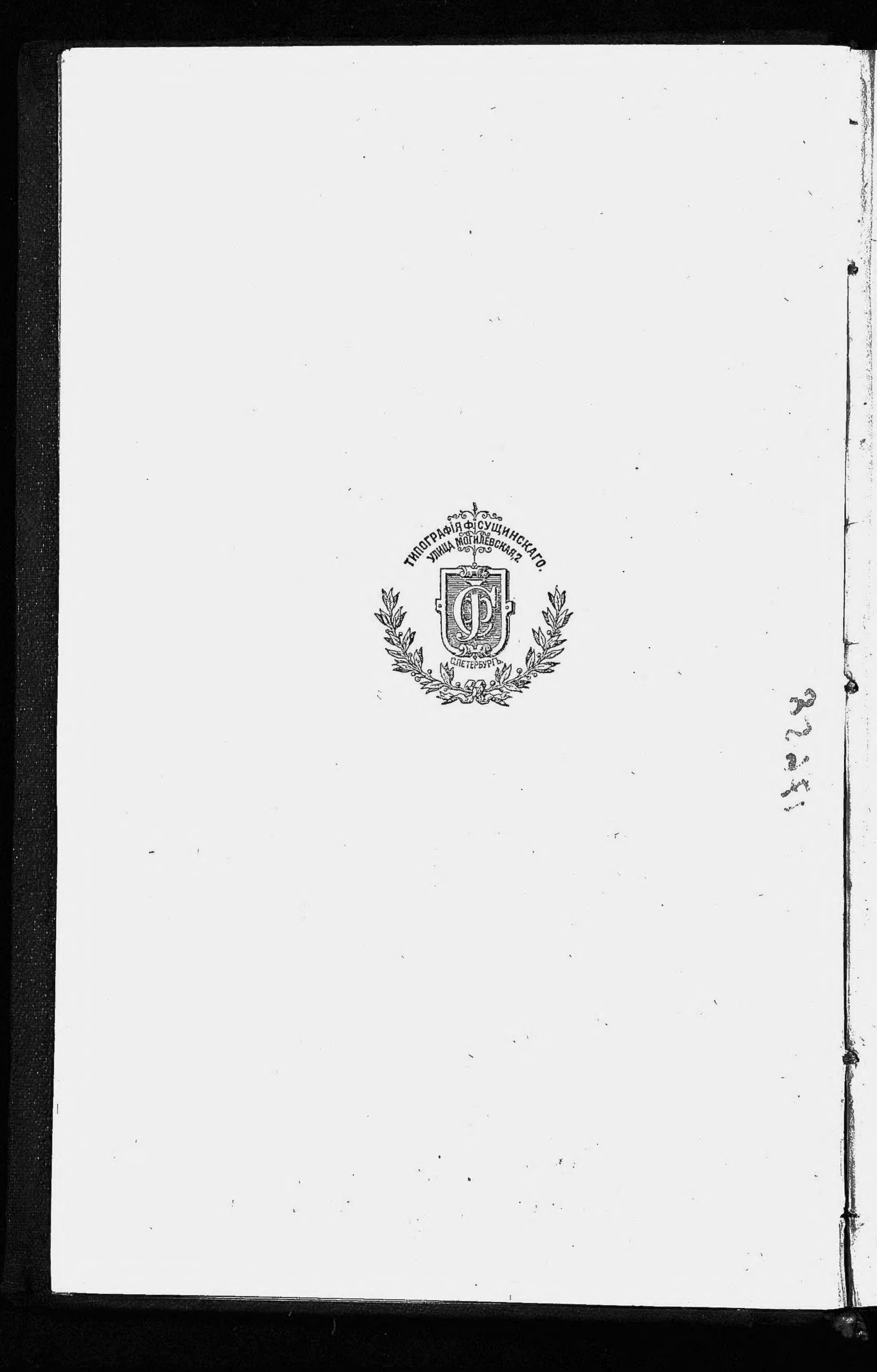
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.



ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ, 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

(Окончаніе третьей части).

VIII *).

Пока m-me Волкарева собиралась, Катеринѣ пришлось вынести еще два часа ожиданія. Ожиданіе бываетъ скучно, бываетъ мучительно, но промежутокъ между рѣшимостью и исполненіемъ дѣла, въ которомъ вся жизнь,—томитъ и мучитъ каждой своей секундой. Катеринѣ хотѣлось убѣжать домой, запереться, тихо, невозмутимо по прежнему... Невозможно, неловко. Ужъ и свѣтская отговорка!.. Первый шагъ сдѣланъ, возврата нѣтъ; началось притворство, началась неволя. Нѣтъ смѣлости, нѣтъ покоя— и не можетъ быть: сегодня, сегодня же вечеромъ...

— Если *онъ* неправъ—кончено! повторяла она, между тѣмъ какъ ея сердце замирало, рвалось, а никогда неизвѣданное смущеніе будто отталкивало въ этомъ сознаться, и гордая душевная сила боролась, тоскуя, съ какою-то закупающей нѣжностью.— Видѣть *его* хоть минуту. Что́ бы ни было, пусть горе будетъ только мнѣ одной!

Ея мысль мѣшалась... Она ходила одна по большимъ комнатамъ; мебель, люстры, закутанныя въ чахлы, отражались въ длинныхъ зеркалахъ; лѣтній свѣтлый день выказывалъ пятна паркета, трещины обой, полинялыя полосы драпировокъ, все что́ при огняхъ пряталось или не замѣчалось. Пусто и глупо. Въ этихъ стѣнахъ прошло столько глупости. Въ этомъ воздухѣ нельзя думать...

Волкаревъ нечаянно зашелъ изъ своего кабинета, но увидя

*) См. выше: февр. 5; март. 580; авг. 574 стр.

молодую особу, остался, спросилъ объ ея отцѣ, слегка забросилъ два слова о политикѣ, давая понять, что понимаетъ серьезный умъ своей собесѣдницы, выразилъ сожалѣніе, что такъ рѣдко ее видитъ и принялся любезничать. Такъ застала его m-me Волкарева. Предъ отъѣздомъ, она вздумала сдѣлать un déjeuner dinatoire, чтобы, пріѣхавъ въ Спасское, не затруднять хозяйку позднимъ обѣдомъ; она хотѣла-было сначала приказать приготовить обѣдъ на станціи, но передумала.

— Мы даже лошадей перемѣнимъ, невыходя изъ кареты, сказала она Катеринѣ:—въ деревняхъ теперь непріятно.

Это было совершенно справедливо; особенно въ такой ясный день, гнилыя избы казались еще чернѣе, а поѣзды рекрутовъ еще погребальнѣе. Катерина смотрѣла на нихъ изъ окна кареты, передъ которой слетали шапки, разбѣгались дѣти, сторонились въ канаву подводы. М-me Волкарева оживилась путешествіемъ и пріятными мечтами, немножко пошутила надъ своимъ супругомъ и безъ умолку разсказывала разныя исторіи. Это были великосвѣтскія сплетни, воспоминанія столичной жизни разсказщицы, и нельзя сказать, чтобъ чувствительная душа очень страдала, повѣствуя о прегрѣшеніяхъ ближняго: она даже выбирала изъ нихъ самыя забавныя, иногда спохватывалась, но скоро успокоивалась, мило шутя:

— Рано или поздно, вы все узнаете!

— И я слышу эти мерзости и молчу! думала Катерина.— И я пользуюсь средствами этой госпожи! не по приказу отца,— по своей доброй волѣ!... Вотъ, какъ втягиваются, связываются съ *ними*. Она мнѣ нужна,—я беру. Цѣль и средства—старая пѣсня.... Мнѣ нужно, беру, но вѣдь я руки мараю! стыдъ на вѣкъ.... Но ужъ и знаю я, что впередъ никакая нужда, никакая сила человѣческая меня къ *нимъ* не поведетъ, ни для отца.... ни для кого!

Волненіе, ожиданіе, недовольство собою, невозможность собраться съ мыслями и себя провѣрить, минутами какой-то страхъ, минутами—мучительное счастье, утомляли ее почти болѣзненно.

— Васъ укачало? замѣтила m-me Волкарева, улыбаясь и нѣжно думая, что эта особа не привыкла ѣздить въ каретахъ.

— Глупые нервы...., сказала себѣ Катерина, чувствуя, что была бы въ состояніи сейчасъ идти вертѣть воду изъ своего колодезя и поливать свой цвѣтникъ, какъ дѣлала по вечерамъ. Было ужъ подъ вечеръ. Свернули на проселокъ, показалось Спасское. М-me Волкарева достала зеркало изъ сумки кареты, оправила волосы, почувствовала внезапную любовь къ природѣ и восхищалась мѣстоположеніемъ. Каменный домъ бѣлѣлъ на

темномъ паркѣ; на горѣ, по краснымъ дорожкамъ, рисовались цвѣтники, блестѣли стекла оранжерей, жестяной куполъ бесѣдки. Съѣзжая на новый красивый мостъ, m-me Волкарева пугалась и приказала ѣхать какъ можно тише. Сторожъ отогналъ двухъ мужиковъ съ возами травы, намѣревавшихся слѣдовать за каретой.

— Тутъ господа ѣздятъ; куда суетесь? кричалъ онъ. Вонъ вамъ гдѣ указанъ проѣздъ.

Катерина взглянула, куда онъ указывалъ; тамъ надъ водой что-то торчало. M-me Волкарева привѣтливо кивнула сторожу, который снялъ фуражку; онъ былъ изъ отставныхъ N-скаго гарнизона и узналъ губернаторшу.

— Вы никого не видите? спрашивала она Катерину, когда проѣзжали у рѣшетки сада.

У Катерины туманило въ глазахъ.... «Вотъ, сейчасъ, сейчасъ....», твердилъ кто-то надъ нею.... Лакеи высадили m-me Волкареву изъ кареты подъ-руки. Машинально испугавшись, что съ нею сдѣлаютъ тоже, Катерина поскорѣе выскочила сама; каменное крыльцо, казалось ей, шаталось. Въ прихожей какъ-то много народу, лакеевъ, мужиковъ, много солнца, шумно. Худенькая бѣлокурая дама обнималась съ m-me Волкаревой; говорили, восклицали, опять обнимались. M-me Волкарева сказала чтó-то, показавъ на Катерину. Катерина почувствовала, что ея руку сжала маленькая горячая ручка и вмѣстѣ съ этимъ прикосновенiемъ скользнулъ холодъ тяжелаго широкаго браслета. Вошли въ залу; она была большая, высокая, прохладная. Тамъ дѣти играли въ кегли; у окна сидѣла гувернантка. M-me Волкарева стала цѣловать дѣтей.

— А я думала, что ужъ не найду васъ дома, что вы гуляете, сказала она имъ по-русски, чѣмъ лишала ихъ возможности, что за нихъ отвѣтитъ гувернантка.

— Répondez donc, замѣтила Лидія Матвѣевна.

— Нѣтъ, мы здѣсь, отвѣчала Валентина.

— Вы играете?

— Вотъ, кегли, сказалъ Элимъ.

— А чтó дѣлаетъ папа?

M-me Волкаревой показалось какъ-то легче предложить свой вопросъ въ видѣ шутки.

— Не знаю, куда онъ дѣвался, отвѣчала Лидія Матвѣевна.

M-lle Роше положила въ карманъ книжку, которую читала, и вышла въ стеклянную дверь на террасу. Верховской ходилъ тамъ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову.

— Идите скорѣе, сказала m-lle Роше:—жена вашего губер-

натора и съ нею молодая особа; не знаю, кто. Une grande brune, d'une beauté à peindre.

Верховской хотѣлъ спросить,—она ужъ вышла. Онъ, впрочемъ, не зналъ, что̀ хотѣлъ спросить. Самое невозможное пришло ему въ голову.

— Не утомила ли васъ дорога? спрашивала кого-то m-lle Роше.

— Благодарю васъ, нисколько, отвѣчали ей.

Она.... На террасѣ были диваны. Онъ сѣлъ; у него, какъ говорится, не было ни рукъ, ни ногъ. Въ душѣ — что̀ только можетъ быть сумасшедшаго и молодого, радость до ужаса.... Но надо идти. Не ждать же, чтобъ всѣ сюда пришли. Верховской поднялся и вошелъ въ гостинную. Передъ нимъ стояла Катерина, съ ней была m-lle Роше. Онъ, молча, подалъ руку; она, молча, дала свою.

— Вы видѣли мою жену? спросилъ онъ, когда могъ выговорить.

— Да.

Лидія Матвѣевна еще оставалась въ залѣ съ m-me Волкаревой. Онѣ шептались. M-me Волкарева объясняла, что m-lle Багрянская желаетъ своимъ посѣщеніемъ выразить свою признательность, но умоляла Лидію Матвѣевну, брала съ нея слово не проговориться. Лидія Матвѣевна очень жалѣла, что изъ-за какихъ-то соображеній это должно происходить такъ таинственно, она была нисколько не прочь дать поцѣловать себя въ плечико и, пожалуй, даже съ граціозной неловкостью не успѣть выхватить своей ручки. Но можно сдѣлать маленькій тонкій намекъ и хоть тѣмъ немножко ублажить себя.

— Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, сказала она Катеринѣ:— je vous désire du bien.

Катерина никогда не подмѣчала словъ, а тутъ была еще меньше на это въ состояніи. «Желаніе добра» ее тяжело смутило.

«А я явилась не съ добромъ....», подумала она и опустила глаза, встрѣтивъ взглядъ Верховского.

— Mademoiselle, дѣти одни, замѣтила Лидія Матвѣевна гувернанткѣ и продолжала:—Мой мужъ васъ встрѣчалъ. Стало-быть вы бываете гдѣ-нибудь, въ N? Имѣете знакомыхъ? А въ Москвѣ, вы когда-нибудь были?

— Бывала проѣздомъ, отвѣчала Катерина.

— Тамъ очень весело, когда бываетъ царская фамилія.... Да, правда.... Впрочемъ, при открытіи дворца всѣхъ пускали.... Еще очень хорошо, говорятъ, подъ Новинскимъ; туда институтокъ московскихъ возятъ.... А въ Петербургѣ вы никогда не были?

— Жила нѣсколько лѣтъ.

— Каково! даже нѣсколько лѣтъ! Этому нельзя никакъ повѣрить. А теперь, кàкъ же вы живете? Мой мужъ, кажется, былъ у васъ?

— Да...., сказала Катерина. Ея тяжелое чувство смѣнялось какимъ-то недоумѣніемъ.

Верховской растерялся отъ счастья. Онъ, между тѣмъ, говорилъ m-me Волкаревой такія несообразности, такъ горячо благодарилъ ее за пріѣздъ, что она сама, пріятно потерянная, прервала его, улыбаясь, сжала его пальцы и, бѣгло взглянувъ на жену, прошептала:

— Послѣ....

Она сѣла, жалуясь па усталость.

— Чтожъ вы стоите? садитесь, сказала Лидія Матвѣевна Катеринѣ, оставляя ее и переходя къ m-me Волкаревой. — Какъ вы вздумали ко мнѣ, душка?

Дамы оживленно разговорились. M-me Волкарева описывала скуку города, Лидія Матвѣевна — прелести деревенской жизни. Верховской сидѣлъ въ сторонѣ и молчалъ.

— Какъ здѣсь всего много! восклицала Лидія Матвѣевна:— сливки, цыплята.... Ахъ, я вамъ скажу, кàкъ меня встрѣтили! Хлѣбъ-соль, вотъ, такой огромной, — мнѣ въ ноги, староста, старшіе мужики; конфетъ дѣтямъ, — и очень порядочныя. Но самое главное—серебряную солонку; конечно, не велика, но значитъ, все-таки, есть же средства; чего-жъ они кричали, что они разорены? Я имъ это тогда же сказала. Это сдѣлало впечатлѣніе, прибавила она лукаво:—по крайней мѣрѣ, знаютъ, что меня не проведутъ!

— Вы много гуляете? прервала m-me Волкарева.

— Никогда! я все за дѣломъ; столько хлопотъ....

— И Андрей Васильевичъ хозяйничаетъ? спросила m-me Волкарева, которой эти слова подали надежду сдѣлать хоть одну прогулку въ обществѣ одного Верховского.

— Ахъ, Боже мой, Андрей Васильевичъ ничего не понимаетъ! возразила Лидія Матвѣевна, не давъ ему заговорить. Я вездѣ сама. Правда, здѣсь все было заведено не дурно, но, я вамъ скажу — тàкъ воровали!! Грабили! но теперь — нѣтъ! я вездѣ, вездѣ сама, на скотномъ дворѣ, на гумнѣ; я знаю, что пастухи дѣлаютъ. У меня моя полиція; безъ этого нельзя.... Но и не беречь, это тоже грабежъ. Здѣсь *они* очень удивились, и сосѣди.... тутъ есть они, всякіе,... что петербургская жительница, une femme de grand monde, все понимаетъ; я и сама за собой этого не воображала. Я принялась.... Я, рѣшительно, геніальная

женщина! Это мнѣ приходитъ какъ вдохновеніе! Vous ne saurez croire, on tire parti de tout, mille petites industries, вѣники, шпанскія мухи. У меня всякій ребенокъ что̀-нибудь доставляетъ....

— Возможно ли! вскричала m-me Волкарева.

— Ахъ, увѣряю васъ, все возможно. И замѣтьте,—я одна. Если бы еще я находила въ комъ-нибудь поддержку, но я такъ одна....

— Ah, pardon, я еще не спросила о вашей кузинѣ. Что̀ она?

— Annette? она теперь гуляетъ. У нея свой образъ жизни.... Да, вотъ, образчикъ вамъ моей предусмотрительности. Она вѣдь кокетка, Annette. У меня здѣсь парикмахеръ; она съ нимъ всякій день на разный ладъ причесывается,—я не запрещаю. Я его зимой отправлю по оброку; пусть онъ покуда учится.

— Ah, mon Dieu! воскликнула m-me Волкарева, позволивъ себѣ засмѣяться. Что́ же еще у васъ дѣлаетъ Annette?

— Она занимается съ дѣтьми.... Но, вотъ еще.... ахъ, здѣсь есть все, рѣшительно, все! У меня свой священникъ. Я его заставила учить дѣтей, русскому, тамъ, закону знаете, эти русскіе предметы. Андрей Васильевичъ спорилъ: «неловко, ка́къ предложить....»; я, просто, сказала и это дѣлается. Это, кажется, пріятель Андрея Васильевича. Вы не знаете, какихъ чудесъ онъ мнѣ тутъ было-надѣлалъ? Чуть не перевѣнчалъ всю деревню! Ужъ конечно, попъ хорошо бы поплатился, но эта женщина, жена садовника, прекрасно вышиваетъ. Я ее простила. Ахъ, я вамъ покажу, теперь шьютъ для меня, а тамъ заготовлю все приданое Валентинѣ. И это-ли одно! У меня коверъ ткутъ, у меня мебель дѣлаютъ, орѣховую, рѣзную, je vous prie de croire; два главные столяра учились у Тура....

— Это ужъ, конечно, подъ надзоромъ Андрея Васильевича? спросила рѣшительнѣе m-me Волкарева.

— Да, онъ заходитъ, по дорогѣ, въ столярную....

— Отдохнуть отъ прогулки? продолжала m-me Волкарева.

— Отъ бездѣлья, которому учитъ и другихъ, сказала Лидія Матвѣевна.

— Что-жъ дѣлать, сказалъ вдругъ рѣзко Верховской: — я такъ лѣнивъ, что не могу учить труду.

— Въ самомъ дѣлѣ, природа такъ хороша,... начала поскорѣе m-me Волкарева.—Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Ничѣмъ, сказалъ онъ, вставая. — Велѣлъ высылать себѣ сюда газету, но ваша почта неисправна.

— И цѣлые дни....

— Цѣлые дни брожу или лежу въ рощѣ съ старой книгой. На чердакѣ нашлись сундуки съ этимъ добромъ,—мемуары, да философы XVIII вѣка.

— И тихо, безъ мечтаній, безъ плановъ...

— Ахъ, ради Бога, вскричала Лидія Матвѣевна:—не поминайте этихъ плановъ! благодаря Бога, не всякая глупость возможна. Я ужъ довольно проучена, какъ онѣ дорого стóятъ. Все это великодушіе, просвѣщеніе....

— Ахъ, я сама за просвѣщеніе!

— Были бы средства.... и еслибъ были, нужно помнить: трое дѣтей! Вотъ кому нужно.... И я спрашиваю васъ, вскричала она, вдругъ еще болѣе волнуясь:—къ чему это ведетъ? поблажки? Я имѣю моихъ людей, они мнѣ чего-нибудь стóятъ, я ихъ пріобрѣла, ихъ содержаніе, наконецъ,—и я не буду ими пользоваться? Если бы они не умѣли, не могли для меня работать,—они, вотъ и пошли бы теперь, слава Богу,—война, есть средства отъ нихъ избавиться, а то.... напримѣръ, эти столяры.... Позвольте, mademoiselle, — вотъ, этотъ столикъ, ихъ работа, — это игрушка! Умѣютъ, такъ и дѣлай! А Андрей Васильевичъ.... Но вотъ сейчасъ, за минуту до вашего пріѣзда.... вы застали у меня сходку въ передней; Андрей Васильевичъ, до меня, здѣсь наобѣщалъ не знаю чего....

Верховской осмѣлился взглянуть на Катерину. До этой минуты онъ боялся и не рѣшался убѣдиться, что за нимъ слѣдитъ ея взглядъ. Но онъ ошибался. Катерина не смотрѣла на него, сидѣла неподвижно и слышала, что говорили кругомъ, казалось, потому только, что говорили громко. Минутами, она принуждала себя быть внимательной, чтобъ не оторопѣть, если и съ ней заговорятъ; ея опущенные глаза загорались, лицо блѣднѣло будто отъ скрываемой боли....

Часы били семь. Изъ залы явились дѣти и m-lle Роше.

— Это время ихъ прогулки, объяснила Лидія Матвѣевна:— часъ они должны играть въ кегли, а потомъ—въ паркъ.

— Они хотѣли просить у васъ позволенія идти сегодня въ поле, сказала m-lle Роше.

— Въ паркѣ скучно, сказалъ по-русски Анатоль, надувъ губки и тотчасъ покраснѣлъ.

— Ah, il est ravissant! вскричала m-me Волкарева.

— Своеволенъ до невозможности, замѣтила Лидія Матвѣевна. Вы заслуживаете, чтобъ васъ оставили дома, Анатоль.

Мальчикъ испугался, дрожалъ и молчалъ.

— Вотъ, посмотрите, чтó будетъ, продолжала Лидія Матвѣевна, не понижая голоса: — онъ хочетъ плакать и не смѣетъ.

Это комедія. Я его часто нарочно дразню; иногда, просто, видно, что бѣсится, а выдерживаетъ. Ну, а не выдержитъ, зареветъ, — не прогнѣвайтесь, въ темный чуланъ. Онъ знаетъ, что я его терпѣть не могу; я послѣ него больна была.... Такъ вы не хотите въ паркъ, monsieur Анатоль? вы, можетъ быть, никуда не хотите, ни сегодня, ни завтра, всю недѣлю?

Мальчикъ молчалъ.

— Извольте идти на верхъ. А за то, что вы говорить не хотите, вы—безъ чаю.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога! вступилась m-me Волкарева: — нѣтъ, простите его для меня!

— Слышите? Я только для madame васъ прощаю. Поблагодарите.

Анатоль шаркнулъ ножкой. Это выходило очень неловко при его «русскихъ» тяжелыхъ сапогахъ съ каблуками, его маленькой кругленькой фигуркѣ и его крайнемъ смятеніи. M-me Волкарева притянула его къ себѣ и поцѣловала.

— Не стòитъ, замѣтила Лидія Матвѣевна.—Можете идти всѣ. Mademoiselle, къ девяти часамъ они должны быть дома.

— Je le sais, madame.

— Если я не буду лишняя, сказала Катерина, вдругъ вставая и обращаясь къ m-lle Роше:—позвольте мнѣ идти съ вами.

Лидія Матвѣевна взглянула на нее съ удивленіемъ. M-me Волкарева смутилась: ея разсчетъ не удался; хозяйка оставалась на ея долю.

— Въ поле нельзя идти однимъ, сказалъ Верховской.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, дайте имъ провожатаго! вскричала m-me Волкарева, засмѣявшись, чтобъ скрыть свой испугъ, когда Верховской подошелъ къ двери.

Она заставила его одуматься; онъ остановился. Катерина сходила съ террасы. Верховской схватилъ ея шляпку и побѣжалъ за нею.

— Вы забыли....

— Благодарю васъ, мнѣ не нужно, отвѣчала она.

Дамы этимъ временемъ дѣлали свои замѣчанія: Лидія Матвѣевна о неловкости этой дѣвушки, m-me Волкарева о томъ, что отъ ея образа жизни и воспитанія нельзя больше и требовать. Верховской стоялъ на террасѣ, держалъ въ рукахъ шляпку и смотрѣлъ, какъ уходила Катерина.

Онъ говорилъ себѣ, что онъ не маленькій. Кто можетъ ему запретить идти гулять куда и когда угодно? Хозяину даже приличнѣе проводить гостью, нежели оставлять ее одну съ дѣтьми и незнакомой гувернанткой. Онъ былъ готовъ бѣжать слѣдомъ

и не двигался съ мѣста. Ему казалось, что всѣ—жена, Волкарева, гувернантка, дѣти, прислуга, стѣны, деревья, всѣ видятъ и поняли, что̀ съ нимъ происходитъ.... Въ такомъ случаѣ, и притворяться бы нечего....—Но можетъ быть, и не видятъ. Надо быть осторожнѣе... Но только что̀ же это? вотъ *она*, тутъ, — и не смѣть взглянуть, не смѣть подойти. Ловкіе люди,—не фаты, не кокетки, а просто, люди смѣлые, берутъ свое, гдѣ могутъ, пользуются всякой минутой. А они.... что за ненаходчивость! Первая любовь глупа... За то нѣтъ ничего ея лучше.... Но вѣдь это мука вѣчная: ушла! и сидѣть тутъ, торчать съ этими госпожами.... Считай онѣ всѣ свои laiterie, fromagerie, надо бѣжать въ поле.... Пошли въ ту сторону. Сейчасъ выйдутъ на тотъ пригорокъ; отсюда будетъ видно ихъ, куда поворотятъ...

Ленты на шляпкѣ Катерины сильно страдали во время этихъ безмолвныхъ монологовъ. Верховской оглянулся на свои поступки, вспомнилъ, что банты можно расправить дыханіемъ, и цѣловалъ ихъ до того, что измялъ окончательно. Его чуть не застали за этимъ занятіемъ.

— Вы здѣсь? сказала будто съ удивленіемъ m-me Волкарева, выходя изъ гостинной. — Какъ здѣсь хорошо отдохнуть, пріютиться...

— Знаете, мнѣ пришла прелестная мысль, сказала, появясь, Лидія Матвѣевна,—вотъ здѣсь, на террасѣ, сыграемте маленькую партію въ преферансъ.

— Играть?... повторила жалобно m-me Волкарева.

— Да. Мы двѣ и еще — прелесть, новичекъ!

— Ахъ, извольте, съ удовольствіемъ, вскричала m-me Волкарева, между тѣмъ, какъ Верховской, ничего не слыша, всматривался вдаль, на пригорокъ, позолоченный послѣднимъ солнцемъ.

— André, обратилась къ нему Лидія Матвѣевна, прикажи дать сюда столъ, карты....

— Карты?... Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, сломилъ вѣтку голубой гортензіи и убѣжалъ.

— André.... Ah, pardon, я не досказала...., прибавила Лидія Матвѣевна и тоже скрылась.

M-me Волкарева вздохнула, оставшись одна. Это было все не то́, чего она желала. Конечно, хоть за карточнымъ столомъ, но вмѣстѣ; все же легче. Лидія Матвѣевна играетъ непріятно; это случай выказать мягкость характера.... Но ка́къ сильна власть жены! «Новичекъ!» Она, стало быть, выучила его играть, заставила, покорила. Надо спросить его, что́ это—любовь или только повиновеніе? Онъ, кажется, грустенъ....

Размышленіе прервали лакеи, приносившіе столъ и прочее. M-me Волкарева задумчиво стала тоже смотрѣть вдаль. Ей слѣдовало обратить вниманіе поближе и тогда она увидѣла бы нѣчто весьма интересное: Верховского, который бѣжалъ около рѣшетки сада.

— Позвольте вамъ представить, сказала входя Лидія Матвѣевна, Григорій Ивановичъ Духановъ, мой хорошій знакомый, которому я, могу сказать, даже много обязана. Il ne parle pas français, прибавила она вполголоса. Начинающій; игрокъ совсѣмъ по нашимъ силамъ.

Духановъ ловко разшаркивался. Счастье, гордость, написанныя на его лицѣ, равнялись только испугу, страданію, одурѣнію, которые выразились на лицѣ m-me Волкаревой. Она не выдержала.

— Какъ, развѣ не....

— Annette, вы думаете? о, ее не заставите. Она все еще находитъ, что слишкомъ молода для картъ. Она воротилась съ своей прогулки, отдыхаетъ, se fait belle.... Григорій Ивановичъ мой единственный рессурсъ. Я пользуюсь его совѣтами, — онъ такъ все знаетъ! А потомъ, бьемся съ нимъ въ преферансъ.

— Вдвоемъ? спросила m-me Волкарева, хватаясь еще за какую-то надежду.

— Да-съ, съ деревяннымъ-человѣчкомъ, отвѣчалъ почтительно Духановъ.

Они усаживались.

— Вы сказали: «новичекъ», продолжала m-me Волкарева, между тѣмъ какъ улыбка застывала на ея устахъ, я удивилась— неужели Андрей Васильевичъ....

— О, Боже! Андрей Васильевичъ никогда не будетъ въ состояніи понять никакой игры. Въ молодости не было средствъ.... Впрочемъ, тѣмъ лучше.

— Они даже уходятъ всегда, замѣтилъ Духановъ, вотъ-съ и теперь ушли; я видѣлъ, брали фуражку. Очень скоро пошли.

M-me Волкаревой оставалось покориться судьбѣ и ставить ремизы. Духановъ, наверху блаженства, истощалъ всю свою любезность. Лидія Матвѣевна обыгрывала обоихъ.

Верховской ужъ былъ далеко....

Уѣзжая въ деревню, Верховской самъ не зналъ, что̀ тамъ будетъ. Казалось, предстояло дѣло; что̀ и ка́къ — онъ не имѣлъ времени и силы обдумать, онъ только тревожился. Онъ очутился

въ Спасскомъ, не успѣвъ привыкнуть къ мысли, что будетъ жить въ Спасскомъ.

Въ первый же день, въ первые же часы, покуда жена восхищалась своей собственностью, обходила, осматривала, приказывала, распоряжалась, гнѣвалась, принимала поклоненія, — онъ ушелъ въ комнату, которую для себя выбралъ, бросился на диванъ и, забытый всѣми до вечера, пролежалъ, закинувъ руки за голову, глядя въ потолокъ, слушая дальній шумъ по дому и повторяя себѣ, что, вотъ, онъ одинъ....

Одинъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никого на свѣтѣ и ничего нѣтъ на свѣтѣ. Тó, чтò тамъ, за дверью этой комнаты—чужое и чуждое.... И въ столько лѣтъ онъ еще не привыкъ! Все припомнилось. Въ сравненіи съ тѣмъ, чтò было кругомъ, даже пустая петербургская жизнь показалась легче; тамъ, по крайней мѣрѣ, были хоть лица человѣческія, это—тюрьма. Неужели такъ закончить свое существованіе въ тридцать-четыре года? А еще такъ недавно его увѣряли, что въ немъ живы его силы, еще такъ недавно въ его сердцѣ загорѣлась новая чудесная сила.... И она-то самая напрасная!

Нѣсколько дней онъ прожилъ, ничего не видя, — странное ощущеніе, которое испытывается въ неотвязной, тупой тоскѣ. Чтò говорилось, чтò происходило—все было какъ во снѣ. Очнувшись, Верховской замѣтилъ, что все кругомъ пришло въ порядокъ, установившійся, прочный, что этотъ порядокъ привычный, старый. Только жена больше суетится и мелькаетъ,—но она дѣлала это вѣчно; только небрежнѣе ея туалетъ. Дѣти также невидимы, также щегольски одѣты къ обѣду, безмолвны и одурѣны классомъ. Глядя на нихъ машинально, Верховской замѣтилъ Лидіи Матвѣевнѣ, что неделикатно навязывать священнику безплатные уроки. Лидія Матвѣевна наговорила противъ этого такъ много при дѣтяхъ, при прислугѣ, что онъ замолчалъ, но, опять почти машинально, поднялъ споръ наединѣ, не выдержалъ и вспылилъ. Лидія Матвѣевна сказала очень твердо, что ужъ замѣтила эту *новость* въ его характерѣ, но поддаваться ей не намѣрена, что до него здѣсь ничто не касается; что онъ только и съумѣлъ, что разорить Спасское, уступивъ казенную землю, что на филантропическія затѣи у нея нѣтъ денегъ, а если у него есть онѣ, то онъ можетъ самъ купить себѣ имѣніе и тамъ устроивать, чтó ему заблагоразсудится.... Верховской былъ взбѣшенъ. Лидія Матвѣевна была совершенно спокойна. Онъ не обѣдалъ и разстроился нервами; она восхищалась сытностью и дешевизной деревенской кухни. Онъ не говорилъ съ нею, она придумала преферансъ съ Духановымъ. Такъ шло нѣсколько дней.

Верховской еще разъ осмотрѣлся: все установившееся сдѣлалось уже незыблемо; все росло и преуспѣвало какъ было угодно Лидіи Матвѣевнѣ, и она, безъ церемоній, показала мужу, кого избрала вмѣсто него себѣ въ совѣтники: Духановъ не выѣзжалъ изъ Спасскаго. Онъ сдѣлался для Лидіи Матвѣевны необходимымъ человѣкомъ, помощникомъ, прислужникомъ, забавникомъ. Разсчитывая на бóльшее впереди, онъ терялъ время по своей службѣ въ N, мѣшался въ дѣла управителя, но улаживалъ ихъ, видимо не желая занять его мѣсто; безкорыстно удовлетворился очень небольшимъ денежнымъ вознагражденіемъ и съ признательностью принималъ подарки старья, «по малости», вещей «негодныхъ богатымъ господамъ», «избытковъ», которыя онъ тотчасъ успѣвалъ отправлять въ свою N—скую «квартиришку»; играя во всѣ игры навѣрное, онъ всякій день утѣшалъ Лидію Матвѣевну, проигрывая ей нѣсколько копѣекъ.... Верховскому стало гадко. Онъ послалъ Духанова къ чорту, потомъ расхохотался. Соперничать съ Духановымъ, замѣчать Духанова?... Духановъ тоже не замѣчалъ его,—что, въ отношеніи гостя къ хозяину, было гораздо оригинальнѣе, — и съ большимъ удовольствіемъ сознавалъ свой перевѣсъ.... съ утра до вечера пустые толки, возня, счеты, придирки, шумъ, брань, пошлая мелочность. одолѣвающая грязь. Прежде, Верховской не противорѣчилъ женѣ изъ деликатности, отъ усталости, со злости,—теперь окончательно отступился изъ отвращенія. Онъ пересталъ даже смотрѣть и слушать; ему было физически противно.... Онъ даже съ удивленіемъ спросилъ себя: съ чего онъ возмущается, когда не могъ ожидать ничего другого? развѣ не слѣдовало предвидѣть этого заранѣе? развѣ онъ не зналъ *ее* двѣнадцать лѣтъ? Почему онъ воображалъ, заранѣе пугаясь и отчаяваясь, что здѣсь, въ деревнѣ ему довѣрятся, поручатъ дѣйствовать, что на него обрушится забота—устроивать однихъ, угождать другой? Развѣ у него прибавилось какое-нибудь право? Развѣ могутъ быть *тутъ* нужны его способности?... Безъ него обходятся, и вотъ какъ отлично! Для всякаго дѣла бываютъ *свои* люди. Одной нелѣпостью больше или меньше....

— Но развѣ я ненавижу *ее* меньше? спросилъ онъ себя со злостью, которая вдругъ его оживила. Чтó мнѣ до того, чтó бы она ни дѣлала? Чѣмъ она хуже, тѣмъ лучше. Я ее больше чѣмъ ненавижу: я вмѣсто нея люблю другую. А *это* все—старая пѣсня; ну, пусть она по-старому и поется.... Чего нельзя, того нельзя; будь, чтó будетъ....

Женское общество имѣетъ свойство наводить тупую дремоту. Цѣлый день бантики, выкройки, юбки, существующіе, предпола-

гаемые и воспоминаемые; цѣлый день перемѣщенія съ мѣста на мѣсто, безъ надобности и причины, вялая, пустая бесѣда, нищета чтенія, совершенное отсутствіе мысли. Такую жизнь умѣютъ устроивать только женщины. Такая жизнь обступила Верховского. Онъ усвоилъ себѣ улыбку насмѣшливаго презрѣнія,— презрѣнія, такъ-сказать, пущеннаго въ пространство, гдѣ оно непремѣнно на кого-нибудь попадетъ, по чему-нибудь придется. Если это и замѣчали, то не безпокоились.... Сообразясь (онъ ужъ понималъ такія соображенія) и желая досадить, хотя и не сознавался въ этомъ — Верховской попросилъ жену разсчитать его деревенскіе расходы, которые, сравнительно съ петербургскими, должны много сократиться. Лидія Матвѣевна была въ духѣ и сдѣлала это охотно.

— Вотъ умница, сказала она, и ты, наконецъ, подумалъ приберечь въ домъ.

— Я сберегаю для себя, возразилъ Верховской, и нанимаю у васъ дачу.

— Со столомъ и прислугою, мило пошутила Лидія Матвѣевна. Видишь самъ теперь, что ты можешь жить только на готовомъ; гдѣ тебѣ распоряжаться!

— Очень бы желалъ имѣть милліонъ, чтобъ показать, какъ имъ распоряжаются, возразилъ онъ, уходя и не слушая, что̀ ему отвѣчали.

Отстранившись отъ всего, онъ не считалъ себя вправѣ ни во что̀ заглядывать, даже изъ любопытства, даже для развлеченія. Онъ не проходилъ по деревнѣ, выбирая для прогулокъ другія дороги, а если случайно встрѣчался въ полѣ съ крестьянами, то, приподнявъ фуражку, спѣшилъ скорѣе мимо.... Въ селѣ скоро поняли, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не баринъ.

Не зная, что̀ дѣлать отъ скуки, Верховской вздумалъ одинъ разъ посѣтить священника, который какъ-то попался ему на глаза, скрываясь послѣ класса чрезъ заднее крыльцо. Это былъ человѣкъ еще не старый, не глупый, но робкій и до крайности бѣдный; его бесѣда не могла быть занимательна и къ тому же невольно касалась все того же предмета, котораго избѣгалъ Верховской: быта села Спасскаго. Но недовольный разговоромъ, Верховской былъ недоволенъ и осторожностью говорившаго; бѣднякъ все помнилъ, что передъ нимъ владѣлецъ, который, Богъ его знаетъ почему, можетъ быть, отъ гордости, такъ поздно вечеромъ пробрался окольными тропинками къ его дому, къ этой избѣ подъ соломенной кровлей, на пустырѣ, въ концѣ поселка, подлѣ низенькой, старой деревянной церкви....

Верховской иногда останавливался взглянуть издали на этотъ черный поселокъ.

— Еслибы руки, еслибы средства, думалъ онъ.... — Еслибы *ее* сюда!

Ему хотѣлось къ *ней*.... и вдругъ, какъ-то странно не хотѣлось.

Бываетъ въ жизни странное время. Жизнь складывается такъ, что все въ ней, покружась, устанавливается опять въ прежнее положеніе. Однообразіе, убивающее мысль, которая, покружась тоже, падаетъ утомленная, привыкаетъ падать, уже не трудится и подняться для новаго круженья, а улегается на мѣстѣ, покуда закостенѣетъ. Душа полна желанія ожить, но это желаніе — не твердая воля, а только стремленіе. Стремленій бываетъ много, самыхъ искреннихъ, самыхъ горячихъ, вызванныхъ всѣмъ страданіемъ сердца, всей неудовлетворительностью жизни, казалось бы, такихъ, которыя не испугаются трудностей, не задумаются о препятствіяхъ. Странно и страшно: эти стремленія замираютъ даже не дождавшись трудностей и препятствій. Человѣкъ отвыкъ отъ нравственнаго движенія, также, какъ сидя въ запертыхъ комнатахъ, отвыкаетъ отъ ходьбы и чистаго воздуха: хорошъ просторъ и вольный вѣтеръ, но что-то широко, жутко — скорѣй въ свой уголъ, гдѣ покойнѣе! Казалось бы невозможно, чтобы люди дѣлали тоже съ потребностями души, — они дѣлаютъ; они не берутъ даже счастья, потому что оно тревожитъ, а отвыкнувшая душа не знаетъ ка́къ съ нимъ справиться.... Виновата ли она? Проходили дни, мѣсяцы, годы; она призывала, придумывала, билась и кружилась, падая на то же мѣсто, въ тѣ же тѣсныя потемки. Она обила крылья и силъ больше нѣтъ.... Она долго сама не хочетъ этому вѣрить; она принимаетъ свое минутное тепло за прежній, божественный огонь.... можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вспыхиваетъ въ ней его послѣднее пламя. Подставить его на свободный просторъ, захватить въ опустѣлую душу все, что́ встрѣтится живущаго и цвѣтущаго, вслушаться въ призывъ другой сильной души, протягивающей съ высоты любящую руку, — умирающая воскреснетъ и обновится. Нужна только ея собственная твердая воля.... Казалось, ка́къ бы ей не быть?

Ка́къ устоять предъ всѣмъ мелко, гадко житейскимъ, что́ опутываетъ, сбиваетъ, одуряетъ, предъ всѣмъ, что́ выносится незамѣтно по привычкѣ, совѣстливо изъ состраданія, скрѣпя сердце, изъ приличія, покорно по необходимости, молча ради своего достоинства, утомясь и махнувъ рукой ради, наконецъ, физическаго покоя?... А этотъ покой, къ несчастью, такъ отраденъ, такъ тянетъ забыться....

Роскошные дни, тихіе вечера, голубыя ночи, душистыя поля подъ росою, шелестъ темной рощи въ полдень, свѣжесть воды зарумяненной закатомъ, тысячи звуковъ, соловьиныя пѣсни и блѣдныя звѣзды, зарницы и глухіе раскаты въ темносиней тучѣ, вся эта прелесть, вся эта нѣга покоятъ и убаюкиваютъ. Забвеніе льется въ лучахъ, поднимается въ дыханіи цвѣтовъ; столько граціи, тишины, стройности, ласки; полный отдыхъ, полный покой отъ тревоги, злобы и боли.... Не въ правѣ ли душа взять его?

Верховской отдыхалъ. Лѣсъ, поле спасали его отъ всего, что̀ дѣлалось кругомъ, отъ всего, на что̀ онъ зажималъ глаза и затыкалъ уши. Онъ еще никогда не бывалъ такъ полно свободно въ деревнѣ. Ощущеніе новое; онъ отдался ему съ страстью. Новое чувство, которое въ немъ жгло, увеличивало силу каждаго наслажденія, дѣлало ненужнымъ, невозможнымъ, нестерпимымъ все, кромѣ наслажденія. Онъ бралъ книгу, — пустой предлогъ передъ самимъ собою, и терялъ ее, не помня гдѣ. Онъ только мечталъ, какъ не мечталъ въ свои двадцать лѣтъ. Это была мука, но мука прелестная. Онъ ею жилъ, сказывалъ себѣ сказки. Все *она*, вездѣ *она*, свѣтлый образъ *ея* красоты надъ всей красотою.... и вдругъ, этотъ образъ смущалъ его, но смущалъ не надолго.... О, *она* поняла-бы это сама! какое дѣло до всего остальнаго въ мірѣ? какое чувство, къ кому, къ чему, можетъ гдѣ-нибудь пріютиться въ душѣ, когда душа такъ полна, такъ всевластно покорена, что не смѣетъ даже на одно мгновеніе обратить вниманіе на что̀-нибудь другое? Да и есть-ли въ мірѣ что̀-нибудь другое?... Грезы, безуміе, пылъ первой любви и настойчивый эгоизмъ любви поздней, неопытность юноши и насмѣшка человѣка пожившаго, видавшаго промахи другихъ, томительная горячка и невыразимое блаженство, безнадежность до отчаянія и гордая радостная увѣренность, что, вотъ, все-таки, въ жизни берется свое....

Но что́же берется?...

Этотъ вопросъ гнался за нимъ и гналъ его, когда онъ шелъ по полю, на пригорокъ, и поворачивалъ по дорогѣ между рожью въ лѣсокъ, гдѣ, показалось ему, пестрѣли платья....

На полянкѣ, у опушки, былъ разостланъ коверъ, принесенный лакеемъ, который ждалъ конца прогулки господъ, стоя подъ деревьями. На коврѣ сидѣла Валентина и тихо связывала маленькіе пучки полевыхъ цвѣтовъ. Дѣвочка была невысока ростомъ, въ мать, но хорошенькая въ отца, хотя ее и безобразили то

взбитые локоны, то китайскія прически, а случалось и стрижка подъ-гребенку, которую Лидія Матвѣевна изобрѣтала вдругъ, съ досады. Теперь короткіе волоски Валентины притянуты сѣткой и прикрыты широкополой соломенной шляпой, неудобству которой дѣвочка привычно покорялась. Ея старшій братъ ходилъ кругомъ все на одномъ мѣстѣ, заложивъ руки въ карманы пиджака, иногда сбивая головки травы и щипля листья. Время отъ времени, онъ покрикивалъ на Анатоля, который безъ всякой цѣли, что было силъ, мчался по лугу большими концами, бросался на-земь, поднималъ къ верху ножонки, катался, вскакивалъ, кричалъ, ободряя самъ себя на новые подвиги, и опять пускался вскачь; представлялъ ли онъ жеребенка, или воображалъ себя жеребенкомъ, онъ самъ, конечно, не зналъ, но онъ былъ счастливъ.

M-lle Роше и Катерина сидѣли въ сторонѣ. Молодая гувернантка совсѣмъ забыла своихъ питомцевъ. Она была рада гостьѣ, которая съ перваго взгляда показалась ей такъ не похожа на тѣхъ, которыхъ она видѣла въ петербургскомъ обществѣ Лидіи Матвѣевны и на N—скихъ вечерахъ; ей понравилась спокойная простота, и смѣло нескрываемая, будто протестующая скука Катерины. M-lle Роше такъ прямо и начала съ вопроса объ этой скукѣ. Кромѣ скуки, у Катерины было горе, — но передъ нею была молодая дѣвушка, одинокая на чужбинѣ, работница,—этого довольно, чтобъ привязаться сердечно, и Катерина разговорилась, привязывая тоже, сама не зная какъ. Съ нѣсколькихъ словъ, онѣ сблизились, нашлось что-то общее, повѣяло чѣмъ-то добрымъ; говорили только о своихъ занятіяхъ, о прочитанномъ, не прошло и часа знакомства, а ужъ m-lle Роше повторяла:

— Зачѣмъ мы не встрѣтились тамъ, въ городѣ! Неправда ли, вы бы позволили мнѣ придти къ вамъ? Долго ли вы здѣсь пробудете?... Но какъ же это могло случиться, что madame познакомилась тамъ со всѣмъ свѣтомъ, а вы.... Но m-r Верховской, стало быть, былъ вамъ прежде представленъ?

— Да, онъ былъ у моего отца, отвѣчала Катерина, вспыхнувъ.

Ей было стыдно, будто сказавъ эту правду, она выговорила ложь.

— Вамъ жарко? спросила m-lle Роше.

— Да, отвѣчала Катерина, краснѣя еще больше, потому что уже лгала.

Она поблѣднѣла также мгновенно, ея сердце упало: послышалось, какъ Элимъ пригрозилъ меньшому брату:

— Et voilà papa qui vient!

— Боже, я ихъ совсѣмъ оставила, сказала съ досадой m-lle Роше и встала.

Анатоль спрятался въ траву; его маленькая, вѣчно дрожащая душа обмерла, хотя совсѣмъ напрасно: Элимъ мучилъ его по принятому обычаю, но былъ увѣренъ, что папа ничего не замѣтитъ. Верховской никогда не обращалъ вниманія на то́, что́ они дѣлали, а въ настоящую минуту былъ еще менѣе къ этому расположенъ и способенъ.

Катерина была еще не въ силахъ встать, когда онъ явился передъ нею.

— Неужели вы уже уходите домой? сказалъ онъ:—а я такъ спѣшилъ! Позвольте немного отдохнуть.

— Я иду къ дѣтямъ на минуту, отвѣчала m-lle Роше.

— Хоть на вѣки.... сказалъ ей вслѣдъ, по-русски, Верховской, бросаясь на траву подлѣ Катерины. Счастье мое, да вы ли это?...

Она не воображала, не могла вообразить чувства, которое ее охватило и не смѣя поднять глазъ, оставила свою руку въ рукахъ Верховского.

— Ну, что́ же? одно слово!

Она тихо сжала его руку и вдругъ обернулась.

— Простите меня....

— Въ чемъ?

— Что я пріѣхала.

— Боже мой, что́ вы говорите?

— Я виновата передъ вами. Соскучилась и.... простите, я думала.... Но ужъ этого я ожидать не могла!

— Чего, милая, дорогая? спрашивалъ онъ, стараясь опять захватить руки, которыми она закрывала свое лицо. Что́ васъ волнуетъ? Что́ васъ огорчило? Вамъ тяжело видѣть мою семью, тѣхъ, кто имѣетъ права надо мной? Завидно? Вы ревнуете?

— О, Боже мой...., прервала она съ нетерпѣніемъ и встала.

— И не сто́итъ! продолжалъ онъ страстно. Вы мое счастье, вы со мною.... чего-жъ еще? Такъ, соскучились? По мнѣ соскучились? Ну, а теперь?

— Теперь, прервала она:—я вижу эту жизнь... Теперь понимаю, почему вы бросились на первое слово, которое я вамъ отъ души сказала! Но ка́къ это выносить двѣнадцать лѣтъ!

Верховской взглянулъ на нее, пораженный.

— Это рабство, это мученіе... Легче было бы мнѣ, въ тысячу разъ легче убѣдиться, что я грѣшница, а вы неблагодарный, нежели видѣть, какъ вы унижены.... Господи, да что́ же это?... Говорите сейчасъ, отвѣчайте какъ честный человѣкъ,—

бились ли вы? Пробовали ли вы перемѣнить здѣсь что́-нибудь по-человѣчески? Выпросили ли вы хоть милости за кого-нибудь?

— Здѣсь нѣтъ ничего моего, прервалъ онъ:—какое право....

— А, такъ вы обязываетесь? вскричала она, внѣ себя:—ненавидите, а обязываетесь? пользуетесь....

— Слава Богу, нѣтъ, прервалъ оскорбленный Верховской,—я ѣмъ свой хлѣбъ и расплачиваюсь. Но я закованъ какъ каторжный, кандалы гремятъ, а люди воображаютъ, это я брякаю денежками моей супруги.... И вы тоже вообразили? Вы посмотрѣли на мое несчастье, — показалось мало, такъ вы еще подбавили.... Что́ жъ, очень благодаренъ!

Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Что́ жъ это такое? сказалъ онъ, какъ потерянный. И вы.... Вы,—да за что́ же?... Вы святы, вы совершенство... Но, Боже, чѣмъ же я такъ виноватъ? Вѣдь я говорилъ вамъ, вы кажется вѣрили? вы все забыли?

— Все помню, но этого терпѣнія не понимаю.

— О, лучше скажите прямо, что вы меня презираете! Ничтожный, безсильный.... А на что́ мнѣ сила? Ругаться при челяди, ронять свое достоинство? Какая цѣль великодушничать? Чего мнѣ искать? Здѣсь ли, у этой госпожи, въ другомъ ли мѣстѣ.... Одинъ! Кому я нуженъ, кому я дорогъ....

— А я то? вскричала она.

— Катя!...

Онъ бросился къ ней.

— Постой, ни слова больше! Я тебѣ дорогъ? Дорогъ, ты это сказала?

Онъ задыхался.

— Такъ подожди говорить, подожди осуждать, убѣдись сама, посмотри еще.... Жизнь моя, голубка, счастье мое, дай мнѣ вздохнуть одну минуту, дай все забыть.... вотъ, посмотрѣть на Бога въ твоихъ глазахъ! Ты соскучилась? А я умиралъ.... Катя, Катя, я тебя люблю!

Онъ охватилъ ее и поцѣловалъ. Она не противилась; ей показалось, искры побѣжали по травѣ, на которой она стояла. Она подняла глаза на милое лицо, дожидавшееся ея улыбки, и, не улыбаясь, смотрѣла на него пристально и кротко, взволнованная, но не смущенная. Верховской опустилъ голову.

— Это Богъ знаетъ что́...., прошепталъ онъ.

— Я тебя люблю, сказала Катерина.

Онъ хотѣлъ обнять ее снова.

— Зачѣмъ? тихо возразила она,—довольно. Вѣдь ты знаешь, что я твоя.

Она взяла его за обѣ руки и сжимала ихъ крѣпко.

— Ты сказалъ, что я еще увижу и повѣрю. Я всему вѣрю. Ты обманывать не можешь. Такъ подумаемъ же вмѣстѣ, поищемъ, что̀ можно сдѣлать....

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ онъ съ отчаяннымъ испугомъ,— нѣтъ, не сейчасъ, не сегодня! я не въ силахъ, я измученъ, дай опомниться.... Дай мнѣ хоть день одинъ, Катя, одинъ день. Тебѣ всѣ жалки, ну, пожалѣй и меня, — я, все равно, человѣкъ.... Обѣщай, дай слово....

— Обѣщаю...., сказала она и вдругъ, оставивъ его, пошла, опустивъ голову, не оглядываясь. Верховской, не двигаясь, смотрѣлъ ей вслѣдъ. Катерина дошла до того мѣста, гдѣ онъ засталъ ее съ m-lle Роше, наклонилась, подняла съ земли голубой цвѣтокъ гортензіи, который Верховской машинально сорвалъ, принесъ и уронилъ, осмотрѣла его и расправила съ какой-то жалостливой лаской. Верховской бросился къ ней. Имъ на встрѣчу шли m-lle Роше и дѣти.

— Nous rentrons, monsieur, сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ, сыро.... А вы съ открытой головой! сказалъ онъ Катеринѣ.

Она такъ задумалась, что ничего не слышала. M-lle Роше посмотрѣла на Верховского; онъ неловко обратился къ дѣтямъ, заставлялъ ихъ бѣгать, забавлялся съ ними, что̀ даже ихъ удивляло съ непривычки.

— Вамъ не нуженъ этотъ цвѣтокъ? вдругъ сказала m-lle Роше Катеринѣ и, не дожидаясь отвѣта, взяла у нея гортензію. Вотъ, Валентина, вы сбирали букетъ для маменьки.

— Это не полевой цвѣтокъ, возразилъ Верховской.

— Тѣмъ лучше. Немножко искусственности никогда не мѣшаетъ.

— Давно ли вы это проповѣдуете?

— Сейчасъ только. Мнѣ пришло вдохновеніе.

Въ домѣ, въ большой залѣ ужъ горѣла висячая лампа надъ чайнымъ столомъ; за нимъ одиноко сидѣла Аннета.

— О васъ безпокоились, mon cousin, сказала она Верховскому.

— Лидія Матвѣевна?

— Нѣтъ, m-me Волкарева.

Скоро явились и дамы. M-me Волкарева вошла счастливая, будто выпущенная изъ клѣтки, любовалась на залу, въ которой такъ бы хорошо потанцовать, прижимала къ сердцу Валентину, обращалась къ Аннетѣ, къ m-lle Роше, будто всѣ стали ей милы, спрашивала Катерину, пеняетъ ли она, что ее «похи-

тили» и увѣряла, что для нея лучшее счастье—дружить своихъ друзей. Говорили о природѣ, объ очаровательной мѣстности Спасскаго; m-me Волкарева, какъ могла, утѣшала Аннету, что проселочныя дороги не вымощены и не разчищены и выражала желаніе послушать соловья. Лидія Матвѣевна безпрестанно выходила и возвращалась съ хозяйственными тревожными приказаніями.

— Excusez, chère Marie. Право, столько хлопотъ. Вотъ, Григорій Ивановичъ очень мило называетъ здѣшній народъ «башибузуки». Je ne sais ce que c'est; мнѣ очень нравится.

— Все, знаете, на ôтмашъ, ваше превосходительство, отозвался Духановъ, и замѣтивъ, что его не слушаютъ, обратился къ Аннетѣ,—нѣтъ, мы нынче съ Элимомъ Андреевичемъ лучше придумали, — мы *ихъ* въ англо-французскіе генералы производимъ....

Лидія Матвѣевна на дѣлѣ доказывала свое убѣжденіе, что лишнее можно позволять себѣ только въ городѣ, и m-me Волкарева, вспомнивъ свой завтракъ-обѣдъ, пожалѣла, что не сдѣлала на дорогѣ полдника-ужина. Ее вознаграждала необыкновенная любезность Верховского. Онъ сѣлъ подлѣ нея, оживленный, веселый. Освѣщенныя комнаты, лишній говоръ, перемѣна въ обстановкѣ, немного непохожая на то̀, что́ было въ эти дни, будто его разбудили. Онъ вдругъ вспомнилъ, что не сказалъ двухъ словъ съ m-me Волкаревой съ ея пріѣзда, что былъ неучтивъ, неловокъ, что такъ, пожалуй, она и всѣ замѣтятъ. Онъ былъ счастливъ, но страсть затихла, чувство успокоилось; по душѣ прошла какая-то неохота тревожить чувство снова, какое-то недовольство при воспоминаніи того, что́ было испытано.... Не все вспоминалось съ восторгомъ; былъ какой-то страхъ при мысли, что *это* можетъ повториться.... Катерина сидѣла далеко. Верховской не смотрѣлъ на нее. Онъ повторилъ себѣ, что надо всѣхъ занять, разговорился, привлекъ въ разговоръ и Аннету, вспомнилъ Петербургъ; начались разсказы театральные, маскарадные, сплетни, анекдотцы и такъ живо, такъ забавно, что сама Лидія Матвѣевна не выдержала.

— Ахъ, André, да откуда же ты все это знаешь? Вотъ онъ, тихонькій, и вида не подавалъ!

Катерина слушала молча; у нея въ головѣ кружилось, все это показалось бы ей утомительнымъ, безсмысленнымъ сномъ, если бы живая мука сердца, каждую минуту, не напоминала, что это дѣйствительность. Прямо передъ нею была самодовольная, улыбающаяся физіономія Духанова; онъ одобрительно кивалъ головою, дѣлая видъ, что если не все понимаетъ, то хо-

рошо догадывается. Рядомъ съ нимъ, въ тѣни, блѣдное, худенькое и злое личико старшаго мальчика, который впился глазами въ говорившихъ и понималъ все. Анатоль ѣлъ, торопясь, покуда на него не смотрѣли, и испуганно оглядывался. Среди смѣха и громкихъ голосовъ, рядомъ съ Катериною послышался тоненькій, робкій голосокъ; Валентина была все время печальна и, наконецъ, шепча, призналась m-lle Роше, что сегодня, когда гуляли, лакей показалъ братьямъ гнѣздо, но она не смѣла подойти посмотрѣть, и это ее огорчаетъ, потому что, говорятъ, это хорошо.

— Прелесть, какъ хорошо, сказала ей по-русски Катерина, развѣ ты никогда не видала?

Дѣвочка вытаращила на нее глазки, въ удивленіи: ей никто не говорилъ *ты*.

— Jamais, mademoiselle, отвѣчала она.

— Пойдемъ со мною завтра, я тебѣ покажу ихъ десятокъ. Маленькія, мягко, тепло, пушокъ настланъ; яички — вотъ, крошечныя, голубенькія, глинистыя; только руками никакъ нельзя трогать....

— Ce que vous dites doit être adorable, сказала m-lle Роше, глядя на Катерину.

Верховской оглянулся, подумалъ тоже и сбился въ своемъ разсказѣ.

— Дѣтямъ пора спать, сказала Лидія Матвѣевна, услыша голосъ Валентины. И я не церемонюсь съ вами, chère Marie, иду по хозяйству. Annette этимъ временемъ всегда занимается музыкой; сбираемся вмѣстѣ, чтобъ проститься. Nous ne soupons jamais. Итакъ, какъ говоритъ Григорій Ивановичъ....

— «День прошедъ...» подсказалъ Духановъ.

— Завтра воскресенье; я могу, уложивъ дѣтей, придти сюда? спросила m-me Роше Лидію Матвѣевну.

— Какъ вы помните ваши праздники. Приходите.

Она вышла.

— Какая ночь! сказала m-me Волкарева, направляясь къ двери на террасу. Что́ вы дѣлаете этимъ временемъ, Андрей Васильевичъ?

Онъ только-что шелъ къ Катеринѣ и былъ принужденъ воротиться. M-me Волкарева задумчиво стала на порогѣ террасы, загораживая дверь такъ, что Верховской уже не могъ отступить въ залу, и смотрѣла вслѣдъ уходившимъ дѣтямъ.

— Ужъ большіе!... выговорила она со вздохомъ. Куда вы готовите старшаго?

— Не знаю. Кажется, въ правовѣды.

— Молодой отецъ...., продолжала m-me Волкарева еще задумчивѣе. Дайте мнѣ руку и пройдемся немного.

Она закуталась въ шаль, отнимая предлогъ прекратить прогулку по случаю сырости. Лунный свѣтъ красиво лежалъ на кустарникахъ и дорожкахъ, аллеи темнѣли, окна залы свѣтились. Верховской все ждалъ чего-то и кружилъ съ своей дамой по цвѣтникамъ.

— Я сдержала слово, пріѣхала, говорила m-me Волкарева, но, боюсь, кажется, я сдѣлала больше зла, нежели добра.... можетъ быть, лучше было бы оставить это.... такъ. Время, семья, и минутное впечатлѣніе.... Скажите, если такъ,—я уѣду завтра.

— О, нѣтъ, вскричалъ Верховской, вы видите, я счастливъ....

— Je m'en doutais un peu, сказала она лукаво. А мою хитрость вы отгадали? Я привезла спутницу. Какъ жаль, что она не играетъ въ карты!

— Очень жаль, подтвердилъ Верховской и вдругъ рѣзко обернулся.

Въ домѣ раздались громкіе аккорды рояля. Катерина показалась у окна и сѣла.

— Долго играетъ ваша кузина?

— Цѣлые часы....

— Пойдемте дальше.

Бравурная пьеса, которую исполняла Аннета, разносилась далеко по аллеямъ и вмѣстѣ со всѣмъ, что думалось, мѣшала Верховскому слушать m-me Волкареву. Катерина тоже слушала эту музыку и, въ промежуткахъ, великосвѣтскіе разсказы Аннеты, очень довольной, что и она, въ свою очередь, можетъ удивлять провинціалку, не имѣющую никакихъ талантовъ и ничего не видавшую. Катеринѣ было все равно, чтобы она ни говорила и ни играла. Пришла m-lle Роше и въ этотъ часъ, покуда музыка заглушала ихъ разговоры, онѣ успѣли еще сблизиться. Молодая дѣвушка разсказала, что она дочь бѣдныхъ людей, «изъ народа», отецъ и братъ ея—переплетчики, мать—цвѣточница, но — «художники!» и потому очень заботились дать ей воспитаніе. Оно и пригодилось: мать умерла, она отправилась искать счастья въ далекую сторону, помогала своимъ.... о, это большое счастье, какъ ни горька разлука, какъ ни отталкиваетъ чужая сторона!... Но, вотъ, умеръ и отецъ, братъ ушелъ въ солдаты....

— Проклятая война, сказала Катерина.

— Вы ли это говорите? Вы, мнѣ?

— Развѣ люди не вездѣ люди, не вездѣ семьи, не вездѣ любятъ другъ друга?

— Ахъ, вы первая это сказали! вскричала молодая дѣвушка, бросаясь ей на шею. Вы насъ не клянете, вы понимаете, что жестоко...

У нея сверкнули слезы, она ихъ удержала.

— Мнѣ только двадцать лѣтъ, и года нѣтъ, какъ я здѣсь, у васъ; что я сдѣлала? за что же оскорблять меня? Вотъ этотъ мальчишка, старшій, le Benjamin de madame, его дѣдушка, этотъ отвратительный генералъ... дразнить меня насмѣшками надъ моимъ отечествомъ, за кусокъ хлѣба, который я заработываю... Они называютъ это патріотизмомъ!

— Это низость! вскричала Катерина: — да скажите имъ въ лицо, что кто способенъ такъ оскорбить, тотъ способенъ самъ за грошъ продать свое отечество!... Какой это генералъ?

— Дядя monsieur... Но, нѣтъ, я не могу молчать объ этихъ людяхъ! Я васъ узнала, мнѣ необходимо облегчить душу!

Она разсказывала, не останавливаясь, съ горемъ, со злостью, съ насмѣшкой, не щадя. Весь этотъ домъ съ его нескладицей и несчастьемъ, съ его пошлыми ужасами сталъ какъ живой предъ Катериной. Она каждую минуту дрожала, что, вотъ, между этими именами услышитъ еще одно имя, еще одно осужденіе... она негодовала, что не слышала этого имени, и не выдержавъ, назвала его сама:

— Но что же дѣлаетъ самъ Верховской?

— Верховской? повторила m-lle Роше. Наше положеніе похоже, — онъ и я равно посторонніе. Мнѣ передали дѣтей, какъ вы ихъ видите — не знаю, можетъ быть, ему нравится, что они такіе; ему, можетъ быть, все нравится... О, нѣтъ, не буду несправедлива! Не можетъ это нравиться честному человѣку! Но онъ все молчитъ... Но еслибъ и не молчалъ... Не понимаю этой женщины: кричитъ, что его обожаетъ, а нынѣшней зимой, — онъ лежалъ боленъ при смерти, она поскакала на балъ! Сегодня... Сегодня, за мужиковъ, была сцена. Развѣ вы не замѣтили, они не говорятъ? Вотъ только за чайнымъ столомъ начала сама примиряться. У нея правило — она имъ хвалилась, — чтобы ночь не застала во враждѣ... Боже, чтобы съ утра оскорбить еще хуже!

— О, ради Бога, довольно..., выговорила Катерина.

Разошлись поздно. Верховской воротился изъ сада усталый, скучный; покуда дамы обнимались, безъ конца желая другъ другу доброй ночи, онъ пожалъ руку Катеринѣ, не сказавъ ни слова и ушелъ прежде всѣхъ. М-lle Роше проводила Катерину на

верхъ, въ назначенную комнату, и остановилась; ей не хотѣлось разставаться.

— Вы часто молитесь? спросила она вдругъ, взволнованная какимъ-то далекимъ чувствомъ.

— Молюсь, отвѣчала Катерина.

— Еслибъ было намъ о чемъ молиться вмѣстѣ!

— Есть: чтобъ война скорѣе кончилась.

— Я бы хотѣла молиться за васъ! сказала молодая дѣвушка, ужъ не удерживая слезъ.

Катерина осталась одна. Она не заплакала, увидя слезы, но была принуждена сознаться предъ собою, что силъ у нея не стало. Она сѣла, чтобъ отдохнуть, чувствуя, что не отдохнетъ. У нея распадались руки.

Что́ же это? Что ему дѣлать?

Вошла горничная, полусонная, подобострастная, запуганная. Катерина просила ее уйти, сказавъ, что привыкла все дѣлать для себя сама, но дѣвушка не ложилась и ждала, стоя въ коридорѣ.

— Изъ-за меня человѣкъ мучается..., подумала Катерина, позвала ее и скорѣе раздѣлась. — Все равно не спать и въ постели... Господи, да что́ же это?

Ея грудь разрывалась отъ тоски; въ смятеніи не связывалось ни одной мысли; до этой минуты, она во всю жизнь не воображала, что̀ такое отчаяніе... Несчастный, что̀ онъ надъ собою сдѣлалъ?..

Когда человѣкъ отъ горя, отъ работъ, отъ чужой неправды теряетъ терпѣніе, накладываетъ на себя руки — всѣмъ страшно; когда человѣкъ хвораетъ, чахнетъ — всѣмъ жаль... А когда онъ нравственно гибнетъ, когда все, великодушіе, честность, умъ, образованіе, достоинство, права̀, молодость, счастье, все гибнетъ... Господи, никто и не оглянется! Никто не скажетъ — смертельная болѣзнь; никто не скажетъ — самоубійство: человѣкъ сытъ, одѣтъ щегольски, — чего-жъ ему больше?....

— Милый, я тебя люблю, повторяла она, рыдая. Вотъ, ночь подъ одной кровлей, впереди цѣлый день съ тобою.... О, легче не видать тебя во вѣки, легче отдать тебя другой.... Господи, пощади меня, я грѣшница! Можетъ быть, она еще въ чемъ-нибудь права, можетъ быть, я вижу это *такъ*, потому что я безумная, можетъ быть, я хочу *такъ* видѣть и сама не разберу, что́ хочу....

IX.

Катерина рано проснулась. Чрезъ корридоръ слышался шорохъ; она вышла, отворила дверь и увидѣла большую комнату, полную пялецъ и дѣвушекъ. Однѣ вставали, многія ужъ сидѣли за работой.

— Мнѣ не спится, сказала она, входя къ нимъ.

Въ этой скучной, низкой комнатѣ, такъ неожиданно, такъ сладко, такъ свѣжо раздался ея простой, ласковый голосъ,—тотъ голосъ, который еще въ дѣтствѣ не зналъ ничьего отказа, отгонялъ всякую заботу отца, разбудилъ сердце Верховскаго, — что на его звуки обратились всѣ глаза, поднялись согнутыя головы, освѣтились всѣ лица и никто не удивился, что зашла чужая барышня: пришла *своя*. Еще нѣсколько минутъ, нѣсколько словъ— и съ нею ужъ обращались какъ съ своею. Несчастные люди чутки и потому, угадывая сразу, недовѣрчиво поддаются на участіе, даже искреннее, но недовольно крѣпкое, но это же чутье и заставляетъ ихъ привязываться скоро, разомъ, безъ ошибки. Катерину поняли, съ ней не стѣснялись, передъ нею не скрывались. Она спросила, почему онѣ въ праздникъ за работой; ей объяснили, что это дошиваются неоконченные уроки, что барыня придетъ сама повѣрять ихъ послѣ обѣда, что онѣ свободны только утро воскресенья и пользуются имъ, чтобъ сбѣгать повидаться съ родными, на деревню, а въ теченіе недѣли, что ни случись тамъ,—барыня не отпуститъ; что сейчасъ, какъ только дошьютъ, онѣ уходятъ всѣ, кромѣ той, которая назначена для прислуги Катерины. Несмотря на раннюю пору, бѣлое платье Катерины было ужъ приготовлено. Катеринѣ было совѣстно, жалко, грустно и досадно все вмѣстѣ; она еще разъ повторила, что одѣвается одна, и спросила только, гдѣ можно купаться.

— Ключъ отъ купальни у барыни, она почиваетъ, отвѣчали ей.

— Но вы сами гдѣ-нибудь купаетесь, возразила Катерина, пойдемте вмѣстѣ, а оттуда, покажите мнѣ деревню.

— Чтó ее смотрѣть!

— Или у васъ, барышня, нѣтъ своей?

— Не бывало и не будетъ.

— Такъ вамъ и любопытно.... А наша барыня своимъ дѣточкамъ и вовсе не приказываетъ туда ходить; ни разу не были.

— Почему?

— Кто ихъ знаетъ. Хороша ужъ деревня, боится—сглазятъ.

— Либо боится, съ дѣточками чтобы чего не приключилось.

— Чтó можетъ приключиться?

— Да они, и дѣточки, и барыня сама, даже у себя по двору, безъ провожатаго, петербургскаго лакея, не ходятъ, берегутся....

— Собакъ, чтó-ли?

— Собакъ! откуда онѣ? И людямъ-то ѣсть нечего....

— Пойдемте, пожалуй, барышня, полюбуйтесь.

Катерина испугалась. Вокругъ нея раздался злой, жалкій смѣхъ. Горе подступало еще страшнѣе среди бѣла дня; ночью, отъ него избавилъ сонъ, теперь, спасенія не было.... Но вѣдь она хотѣла знать, она за тѣмъ пріѣхала. Все, такъ все. Нечего трусить и отворачиваться.

— Пойдемте, сказала она. Сначала на рѣку, потомъ въ деревню; идемте всѣ.

Но дѣвушка, назначенная для нея, не пошла; Катерина напрасно успокоивала ее обѣщаніемъ сказать Лидіи Матвѣевнѣ, Андрею Васильевичу, что сама ее отпустила. Отъ Лидіи Матвѣевны не ждали пощады; при имени Андрея Васильевича засмѣялись. Говорилось все, прямо, просто, безъ оговорокъ, разсказывалось все. Прежде было дурно, теперь еще хуже, — да видно ужъ дѣлать нечего, терпѣть приходится,—разсказывались подробности, обычаи барыни, обычаи барина—Духанова....

— А Андрей Васильевичъ? вскричала Катерина.

— Да хоть самъ Богъ приди, ей все равно!

Провожатыя Катерины разошлись по домамъ; она пошла за ними слѣдомъ, въ деревню, прошла ее всю, не спѣша, смотря по сторонамъ, какъ проходятъ кладбище; дѣти убѣгали отъ нея, старшіе отворачивались или слѣдили странно-равнодушнымъ, спокойно-презрительнымъ взглядомъ.... Такъ смотрятъ и на *него*. Она должна раздѣлить всѣ его мученія.

Она тихо возвращалась къ дому, чрезъ пустое поле. Просторъ, красное солнышко.... Прошло время, когда все это такъ дѣтски ее радовало, прошелъ покой, прошло счастье!...

Она сбросила съ головы свои мокрыя косы; ей все казалось тяжело.

— Что жъ,—горе, но съ нимъ вмѣстѣ! Я права, я смѣю и должна его любить. У него никого нѣтъ, я ни у кого его не отнимаю. Это птенчикъ изъ гнѣзда выпалъ, я его беру и берегу. Она въ грязь бросила и затоптала сокровище... Господи, ты свидѣтель, какъ оно мнѣ дорого!

Она подняла голову; впереди, по дорогѣ, кто-то шелъ ей на встрѣчу; свернуть было некуда. Катерина узнала Духанова.

— Раненько поднялись, Катерина Николаевна, сказалъ онъ: деревенскимъ воздухомъ пользуетесь. А я такъ по дѣлу; попъ нашъ затѣялъ...

— Стало быть, вы туда идете? прервала она, давая ему дорогу.

— Нѣтъ-съ, я ужъ покончилъ. Я повернулъ, увидалъ, вы однѣ. Какъ, думаю, народъ этотъ, никто не проводитъ...

— Я хочу быть одна, отвѣчала она и пошла впередъ.

— Вы, Катерина Николаевна, вчера, должно быть меня не узнали, или я такъ полагаю, не обратили вниманія. Я тутъ съ самаго *ихъ* пріѣзда, ужъ попривыкъ. Ка́къ вы поживаете? Удивительно давно мы съ вами не видались!

Она шла не оглядываясь.

— Я полагалъ, по нашему знакомству,—такъ какъ я былъ вхожъ къ вашему батюшкѣ...

— То-есть, бумаги ему носили.

— Всякій съ малаго начинаетъ, Катерина Николаевна! Вотъ, и вы теперь изволите ѣздить съ ея превосходительствомъ... Имѣю честь васъ поздравить съ монаршею милостью.

— Съ какой это! Что меня привезла Волкарева?

— Нѣтъ-съ; что вашего братца помиловали.

— Что́?...

— Можетъ быть, желаете скрыть; еще въ газетахъ нѣтъ. Мнѣ, по расположенію своему, сами Лидія Матвѣевна открыли, что вы ихъ благодарить будете, потому — пожалованъ въ офицеры.

Катерина остановилась и смотрѣла на него.

— Не знаю, произведенъ ли мой братъ, сказала она:—но я спрошу Лидію Матвѣевну, за что́ я должна ее благодарить.

— Ахъ, нѣтъ, сдѣлайте божескую милость, не говорите! вскричалъ, испугавшись, Духановъ: — я черезъ это могу пострадать! Нѣтъ, я, ей-Богу, не сойти съ мѣста, такъ, самъ пошутилъ... Онѣ не говорили... я самъ, потому — для разговора. Я такое участіе принимаю во всемъ вашемъ, можно сказать, семействѣ... Вашему батюшкѣ, конечно, было бы лестно...

— Прежде всего, мнѣ будетъ очень лестно, если вы сію-же минуту оставите меня въ покоѣ, прервала она.—Я не желаю ни вашего участія, ни вашего шутовства. Вотъ вамъ дорога, ступайте.

— Это ужъ что́-жъ такое будетъ, Катерина Николаевна... Правда, вонъ Андрей Васильевичъ!...

Катерина услышала вслѣдъ себѣ это имя, но шла скоро, не оглянулась, не увидѣла Верховского и, не встрѣтясь съ нимъ,

воротилась домой. Въ домѣ шло вставанье, туалеты, сборы къ обѣдпѣ. Гдѣ-то, въ нижнемъ этажѣ, спѣвались лакеи. Аннета, нарядная, щегольски причесанная и набѣленная, дѣлала чай въ кругу дѣтей. Лидія Матвѣевна и m-me Волкарева явились вмѣстѣ, въ шляпкахъ.

— Я сегодня въ первый разъ беру съ собой дѣтей, объясняла Лидія Матвѣевна. Посмотрю, что-то будетъ въ церкви. Прошлый разъ,—я ѣздила,—смотрю: никого нѣтъ. Я разъ навсегда приказала, чтобъ изволили ходить молиться. Это изъ рукъ вонъ.

— Да, не молиться въ настоящее время!...

— Элимъ, принесите мой молитвенникъ.... А вы не сбираетесь? спросила Лидія Матвѣевна Катерину.

— Нѣтъ.

— Vous n'etes donc pas dévote, продолжала Лидія Матвѣевна, кушая чай. А я слышала, въ провинціи дѣвушки даже по сту поклоновъ въ день кладутъ, чтобы скорѣе имѣть жениха.

— Я не тороплюсь, отвѣчала Катерина.

— О, мы это знаемъ! вмѣшалась m-me Волкарева, мило смѣясь, чтобы загладить тонъ пріятельницы.

— Такъ vous faites la difficile, разборчивая невѣста?

— За меня никогда, никто не сватался, рѣзко отвѣчала Катерина.

— Вы бы постарались; можетъ быть, кто нибудь-бы и нашелся.

— Я навязываться не умѣю, сказала Катерина, чувствуя сама, что ея голосъ задрожалъ отъ злости.

М-me Волкарева прибѣгла къ своему нѣжному смѣху; ей вторилъ Духановъ, самодовольно покачиваясь. Лидія Матвѣевна сейчасъ сообразилась.

— Вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя, потому что у васъ нѣтъ состоянія. C'est un bon conseil que je vous donne. Какого-нибудь чиновника.... Андрей Васильевичъ, что-жъ карета? обратилась она къ входящему Верховскому.

— Экипажи готовы-съ, отвѣчалъ за него Духановъ:—я приказалъ карету и шарабанъ.

— Ахъ, merci.... Андрей Васильевичъ, ты поѣдешь?

Верховской здоровался, оглянулъ всѣхъ дамъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Ну, какъ знаешь.... Partons, chère Marie. Вотъ, замѣтьте, какой у меня порядокъ: какъ увидятъ мою карету, такъ начнутъ благовѣстить.... Ахъ, Боже мой.... А то, что я вамъ приказывала, Григорій Ивановичъ, вы распорядились?

— Какъ-же-съ! Вообразите вы себѣ, объяснялъ онъ Аннетѣ, пока дамы и дѣти выходили, а она натягивала перчатки и осторожно надѣвала шляпку.... Я буду имѣть честь быть вашимъ кавалеромъ въ шарабанѣ.... Нѣтъ, вообразите вы себѣ: тамъ, у казенныхъ, у однодворцевъ, то-есть, покойникъ случился. Хорошо, что я съ вечера вчера провѣдалъ: нашъ попъ его нынче выносить хотѣлъ! Умная голова! Да вѣдь дерзость какая—знаетъ, что нынче парадъ, сама Лидія Матвѣевна будетъ, ихъ превосходительство....

— Я не люблю мертвыхъ, сказала Аннета, выходя.

— Кто-жъ любитъ, помилуйте.... любезничалъ онъ, поспѣшая за нею.

M-lle Роше смотрѣла въ окно, какъ уѣзжали.

— Зачѣмъ же ты бѣжала отъ меня? спросилъ Верховской Катерину.

— Гдѣ?

— Въ полѣ.

— Я не видала.

— Ты опять печальна, Катя. Помнишь обѣщаніе?

M-lle Роше обернулась.

— Старшіе уѣхали, надо шалить, сказала она. Не пойдете ли вы переодѣться, а потомъ, пойдемте вмѣстѣ; я сегодня свободна, мнѣ бы хотѣлось срисовать одинъ уголокъ въ паркѣ.

— Хорошо, сказала Катерина.

— Я пойду съ вами, сказалъ Верховской.

Онѣ обѣ ушли на верхъ. M-lle Роше сбирала свой портфёль, Катерина одѣвалась долго какъ никогда. Она знала, что ее ждутъ; ей было страшно; у нея все изъ рукъ выпадало.

— Вы, конечно, не видали никого неловчѣе меня, сказала она нетерпѣливо.

— Вы не неловки, но разсѣяны. Чтó такое вамъ сказала madame? J'ai vu des flammes dans vos yeux.

— Я глупо вспылила изъ вздора.

— Не думаю, чтобъ это былъ вздоръ. Я вѣдь знаю madame.

— Не будемте терять время, говоря о madame; проведемъ его поумнѣе.

— Прекрасно сказано. Но я буду за дѣломъ, а вы....

— Мнѣ не будетъ скучно, сказала Катерина и покраснѣла.

M-lle Роше это видѣла и вдругъ покраснѣла сама: ей стало совѣстно, что она видѣла. Она потупила глаза, неловко взялась за свой портфёль, убирая чтó было вовсе не нужно, и, наконецъ, заговорила:

— Въ паркѣ есть группа старыхъ деревьевъ....

— Я не могу притворяться, сказала вдругъ Катерина. Вы честная дѣвушка, мнѣ стыдно. Знайте-же: я люблю Верховского, а несчастенъ ли онъ, — вы сами знаете.

M-lle Роше остановилась, пораженная.

— Я передъ вами на колѣняхъ! вскричала она: — такъ просто, такъ прямо.... Да что же вы такое?

Она бросилась обнимать ее.

— Простите, я вчера подумала, — вы такъ хороши!... что онъ, просто, любезенъ съ вами, какъ вообще мужчины.... его жена могла сказать вамъ что-нибудь непріятное.... Я взяла этотъ цвѣтокъ.... Милая, но отчего-жъ такое горе? вѣдь вы счастливы, вы любимы?... Ахъ, я безумная, онъ женатъ!

— Такъ что же!...

— Вы.... часто видались съ нимъ?

— Три раза и, такъ, короткія встрѣчи.

— Только? Этого не знаетъ никто?

— Кромѣ васъ.

— О, вѣрьте мнѣ! Счастливецъ онъ! И я счастливица,— теперь, неправда-ли, вы будете часто пріѣзжать?...

— Никогда больше въ жизнь мою. Здѣсь невыносимо. Притворяться я не могу.... Не ходите въ паркъ, я пойду съ нимъ одна. Если вы будете съ нами, никто ничего не скажетъ, но я не хочу вводить васъ въ ложь, заставляться вами; вы подумаете обо мнѣ дурно и будете въ-правѣ. Вы одиноки.... а я умѣю быть одна. Я васъ уважаю и не хочу быть передъ вами виновата. Прощайте....

— Пусть онъ васъ любитъ, какъ я васъ люблю! вскричала молодая дѣвушка, удержавъ ее, чтобъ обнять еще разъ.

Катерина сбѣжала съ лѣстницы. Ей вдругъ стало легче. Первое искреннее слово будто отогнало колдовство, которое ее опутывало.

— Люблю и говорю, что люблю, повторила она твердо. Онъ просилъ счастья на одинъ день—ему вся моя жизнь! И этотъ день, нашъ первый день.... Но возьму же и я его себѣ, наконецъ! и я хочу веселья, и я хочу счастья....

Она вспыхнула и выбѣжала на террасу.

— Здравствуй!

— Наконецъ! сказалъ Верховской. Ты одна?

— Да. Она не придетъ. Пойдемъ.

— Куда?

— Куда хочешь.

Они схватились за руки, сошли съ террасы, спѣша оба, дошли до аллеи и обнялись, обнимались долго, безумно, безъ

счета, забывая все, будто весь міръ и вся жизнь кончены на этомъ мѣстѣ, понимая одно — что это они и что они любятъ. Первыя минуты любви, первыя минуты счастья, страсть, чистота, прелесть, вѣра, сіяніе,—чудесный сонъ, единственный, неповторяемый въ жизни....

Они шли, не оглядываясь, куда шли; говорили, не зная, что́ говорили; повторялись ласки, нѣжныя имена, то дѣтски веселый смѣхъ, то замирающій шопотъ; сорванные цвѣты терялись по дорогѣ. Все было такъ хорошо кругомъ,—далекій крикъ птицы, къ которому она прислушивалась, зеленая полутѣнь листвы на ея бѣломъ платьѣ, высокое-высокое небо надъ высокими вершинами, въ которое она смотрѣла, закинувъ голову....

— Катя, ты упадешь! вскрикнулъ Верховской.

Она придержалась за его руку и все смотрѣла.

— Люблю это, сказала она.

— Не говори ничему, что любишь! Я не дамъ тебѣ любить ничего!

— О, нѣтъ, отвѣчала она, качнувъ своей поднятой головой.

— Что́ ты сказала? Нѣтъ? Но что́ же ты можешь любить больше меня?

— Все, отвѣчала она.

— Больше меня?...

— Я тебя люблю много, но чувствую, что могу полюбить еще больше; стало быть....

— Стало быть, можешь любить и поменьше?

— Нѣтъ. Я могу только разлюбить совсѣмъ.

— Катя!....

— А *всего* я не могу ни сильнѣе полюбить, ни разлюбить.

— Катя, да чего-жъ ты отъ меня хочешь?

Она оглянулась на него.

— Посмотри, сказала она: — ка́къ все велико и какіе мы маленькіе.

— Да лучше-то нашей любви есть тутъ что́-нибудь? вскричалъ Верховской, схватывая ее въ объятія.—Надъ тобой власти не было, мечтательная голова! Что́ обѣщаетъ —разлюбить! Ты лучше вели мнѣ сейчасъ умереть! Ты чего-же хочешь....

— Хочу, чтобъ ты ожилъ, прервала она.

— А я не могу ожить безъ твоей любви. Понимаешь? Что́ мнѣ остается, что́, скажи, разбери,— ты все разбираешь!... Не мучай; такъ злыя дѣлаютъ,—дадутъ минуточку, а тамъ что̀-нибудь на голову обрушатъ. Это называется—кокетство. Понимаете?

— Это вздоръ, сказала она небрежно.

— Повтори, ради Бога, ка́къ ты это сказала! вскричалъ

онъ, безумный отъ восхищенія. — Какъ ты хороша! Не думай ничего, я не хочу думать, день мой — вѣкъ мой.... Катя, это мой первый день! Что за блаженство! Долго не приходило, за то, какое пришло! Я во снѣ не видывалъ, — а ты видала? Скажи, что̀ ты думала обо мнѣ? Перескажи еще, ну, ка́къ тогда, въ тотъ вечеръ какъ я ушелъ, ка́къ это пришло тебѣ въ голову?

— Не хочу думать...., вдругъ сказала она и побѣжала.

Верховской догналъ ее на полянкѣ у самаго конца парка. Солнце ужъ было высоко; вдали, все поднимаясь въ гору, шло поле, серебрились овсы, краснѣли овраги, знойно синѣлъ лѣсъ; тяжелыя полдневыя облака клубились грозно....

— Ахъ, славно, сказала Катерина, передохнувъ и прикрывая глаза рукою.

— И вѣчно безъ шляпки, вѣчно безъ зонтика, сказалъ Верховской.

— Это вамъ, столичнымъ; вы пользуетесь воздухомъ по обязанности, по глоточку, а нашей сестрѣ, деревенской дѣвкѣ... возразила она, накидывая на голову бѣлый шарфъ изъ той-же кисеи, какъ ея платье. — Вотъ; лишь-бы глаза не жгло. Скоро сѣнокосъ. Ахъ, хорошо сѣно убирать, пѣсни пѣть....

— Ты поешь?

— Какую хочешь пѣсню. Вотъ, я тогда ходила въ деревню, пѣла.

— Жарко, Катя, пойдемъ.

— Постой, тутъ лучше. Ну, что̀ твой чищенный паркъ.... Господи, и подумать только, что все-то это—неволя! человѣкъ—богъ надъ человѣкомъ.... Колокольчикъ? слышишь, подъ горой?

— Слышу. Сейчасъ проѣдутъ мимо.

— Почтовый? курьерскій? на проселокъ?

— За тобой, бунтовщица. Тебя и отецъ такъ называетъ.

— Называетъ, да не та́къ.... Я хочу посмотрѣть, кто ѣдетъ.

Она взбѣжала на валъ, которымъ былъ окруженъ паркъ; Верховской за нею. Изъ-подъ горы на-выносъ поднялся маленькій тарантасъ и ѣхалъ рядомъ, у канавы.

— Стой! раздался голосъ.—Здравствуйте, Андрей Васильевичъ! Изъ тарантаса выскочилъ Лѣсичевъ.

— Ступай себѣ, я дойду пѣшкомъ, закричалъ онъ извощику и перепрыгнулъ канаву.

Верховской потерялся. Неожиданность, смущеніе самое глупое, злость, отняли у него всякое слово. Онъ сейчасъ бы столкнулъ Лѣсичева въ канаву, когда тотъ взбирался на валъ, — по долгу гостепріимства пришлось протянуть руку. Катерина казалась спокойна, только поблѣднѣла.

— Я зналъ, что вы здѣсь, Катерина Николаевна, сказалъ Лѣсичевъ:—и подъѣзжая, былъ почти увѣренъ, что васъ первую встрѣчу, — предчувствіе! Я сюда гонцомъ, впрочемъ, и по собственному желанію. У меня къ вамъ письмо отъ Волкарева, Андрей Васильевичъ. Онъ хотѣлъ посылать нарочнаго; я только-что вчера вечеромъ воротился изъ поѣздки и предложилъ себя. Вотъ вамъ посланіе, а это — супругѣ. Гдѣ она? Вѣроятно, не здѣсь?

— У обѣдни, съ Лидіей Матвѣевной, отвѣчала Катерина.

Верховской еще не могъ говорить. Лѣсичевъ взглянулъ на него.

— Обѣихъ нѣтъ? Ну, вообразите-же, что я и въ этомъ былъ увѣренъ.... Андрей Васильевичъ, я попрошу васъ объяснить мнѣ путь къ дому, а въ домѣ назначить мѣсто, гдѣ я могу привести въ порядокъ мою особу; я, вѣдь, ѣхалъ съ зари.

— Путь къ дому не близокъ, сказалъ Верховской:—вы, пожалуй, заблудитесь. Я самъ еще плохо знаю эти мѣста.

— Такъ, что, выходитъ, вы сами заблудились и можно ожидать спасенія, только когда Лидія Матвѣевна воротится и пошлетъ васъ отыскивать?

Катерина осмотрѣлась кругомъ.

— Пойдемте прямо полянкой, сказала она:—вотъ, тотъ лѣсокъ долженъ примыкать къ крытымъ аллеямъ, а за ними сейчасъ цвѣтники. Это совсѣмъ близко.

— Какъ вы рѣшительны, Катерина Николаевна! Надо спросить хозяина; тамъ могутъ быть канавы, западни....

— Вы хорошо прыгаете, сказала Катерина.

— А западни — дѣлать нечего, попадемся всей компаніей? Извольте, съ вами куда угодно. Позвольте-же вашу руку.... Андрей Васильевичъ, вы не очень любопытны узнать, въ чемъ заключается посланіе, стоившее мнѣ безсонной ночи, скáчки сломя голову....

— И удовольствія быть здѣсь, договорилъ Верховской.

— Каково? обратился Лѣсичевъ къ Катеринѣ:—сразу доказано, что я же неблагодарный!.... Виноватъ, Андрей Васильевичъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно; вижу, что вы блаженствуете, но, чтò же другимъ....

— Другіе могутъ любоваться, отвѣчалъ Верховской.

— О великодушный человѣкъ, онъ разрѣшаетъ! Такъ ужъ я покаюсь, что полюбовался прежде разрѣшенія.... Какъ здоровье Лидіи Матвѣевны? Да! теперь у насъ, тамъ, все приняло грозно воинственный видъ. Но вамъ Марья Васильевна, вѣроятно, ужъ

все разсказала. Я вчера, что пріѣхалъ, то въ клубѣ проигрался. Исторія въ клубѣ великолѣпная....

Онъ разсказывалъ, покуда шли. Верховской былъ радъ его болтовнѣ, дававшей время оправиться. Ему было досадно на себя; тридцатилѣтній, онъ смущался какъ мальчишка, отъ роду не бывавшій въ подобномъ положеніи. Просто, совѣстно. И еще бы передъ кѣмъ-нибудь, а то передъ провинціальнымъ фатомъ... Верховской старался оживиться, не соображая, какъ замѣтна эта неровность расположенія духа, не разсчитывая, на долго-ли ея станетъ. Катерина молчала, Лѣсичевъ много смѣялся. Всякій, только не Верховской и не Катерина, понялъ бы, что онъ хочетъ не съ-проста.

— Наконецъ-то, Катерина Николаевна! сказалъ онъ, уходя съ нею впередъ на узкой дорожкѣ. А вы и не спросите, вы и не пожалѣете, что я погибалъ въ уѣздѣ цѣлыя двѣ недѣли! Вы и не вспомнили обо мнѣ!

— Нѣтъ, вспоминала.

— Только не вчера и не сегодня?

— Нѣтъ, и вчера и сегодня.

— Возможно ли?

— Да. Здѣсь безпрестанно говорили о томъ времени, какъ вы веселились въ N.

— И къ слову, поминали меня. Ну, и чтóже?

— Это мнѣ надоѣло.

— Я не привязываюсь къ выраженію, понимаю, что вамъ надоѣли N-скія увеселенія, а не напоминанія обо мнѣ.

— Хорошо дѣлаете, что понимаете какъ слѣдуетъ.

— Но, согласитесь, можно понять и иначе. Вы могли подумать и другое.

— Тогда бы я прямо сказала.

— Неужели, Катерина Николаевна? Неужели вы прямо сказали бы мнѣ, что я вамъ надоѣлъ?

— Сказала бы.

— Знаете ли, что вы дѣлаете? спросилъ онъ, понижая голосъ, настойчиво и серьезно.

— Знаю: я съ вами откровенна.

— Вы меня съ ума сводите.

— Какой вздоръ! сказала она, также тихо и очень серьезно.

— Извините, рѣзко возразилъ Лѣсичевъ:—а этотъ вашъ отвѣтъ—ужъ просто кокетство.

— Что это, вскричала она съ досадой: — все кокетство да кокетство на всякомъ словѣ!

— «На всякомъ словѣ»...., повторилъ онъ тихо и закусилъ

губы. — Я позволю себѣ оправдываться, Катерина Николаевна: я еще никогда не осмѣливался сказать вамъ этого слова.

Катерина смутилась, промолчала и, войдя въ домъ, ушла въ свою комнату, не останавливаясь. Въ залѣ, m-lle Роше разбирала свои рисунки. Лѣсичевъ поздоровался нецеремонно любезно, говорилъ, по обыкновенію, много; въ немъ кипѣла досада и хотѣлось скорѣе опредѣлить ее и сорвать на чемъ-нибудь.

— Вы, кажется, работали? спросилъ онъ m-lle Роше.

— Нѣтъ, ничего не сдѣлала, все не выберу; хотѣлось бы срисовать что-нибудь особенно хорошенькое.

— Сдѣлайте портретъ m-lle Багрянской.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ Верховской.

— Осмѣлюсь ли я, возразила m-lle Роше: — это головка Леопольда Робера!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! повторилъ Верховской: — вотъ, сейчасъ, въ бѣломъ.... Такъ вотъ почему....

Онъ удержалъ свой восторгъ, заторопился, постарался принять серьезно-равнодушный видъ знатока-любителя и обратился къ Лѣсичеву.

— Художники создаютъ свои идеалы все изъ той же дѣйствительности. Когда я въ первый разъ увидѣлъ m-lle Багрянскую, мнѣ вспомнилось что-то знакомое, что́ я уже видѣлъ прежде....

— Очами души вашей, досказалъ Лѣсичевъ: — такъ, что идеалъ.... Какъ вы назвали художника, mademoiselle?... его идеалъ и вашъ—оказались одинъ и тотъ-же.

— У меня — только воспоминаніе, идеалъ-то — вашъ! возразилъ, смѣясь, Верховской.

— Нѣтъ, я не создаю себѣ идеаловъ.

— Почему? спросила m-lle Роше.

— Я не художникъ.... не гонюсь за недостижимымъ....

Лѣсичевъ ушелъ одѣваться и раздумывалъ....—Пріятель дорогой, такъ вотъ вы какъ, въ тихомолку? Штука не дурная—очарованъ, влюбленъ. Чего-жъ очевиднѣе: сейчасъ застали ихъ вдвоемъ. Если бы да привести супругу!

Лѣсичевъ хохоталъ одинъ и бѣсился. Онъ чувствовалъ рѣдко, думалъ еще рѣже, поступалъ—какъ случалось; до отказа Катерины у него не было опредѣленной любви къ ней, до настоящей минуты у него не было опредѣленной ревности. Теперь поднималось—онъ самъ не зналъ что́,—любовь, ревность, досада, самолюбіе,—больше всего досада на самого себя, что еще прежде, раньше, давно, не постарался онъ провѣрить своихъ смутныхъ догадокъ. Такъ Верховской влюбился еще тогда.... когда? неужели съ первой минуты? О жалкій человѣкъ, какъ обрадовался кра-

савицѣ! И какъ замѣтно, что это—первое уклоненіе.... Ужъ не оказать ли дружеской услуги, не обратить ли вниманіе милой Лидіи Матвѣевны на эту юношескую шалость? Наслажденіе! Добродѣтель зашипитъ, позеленѣетъ, поднимется на каблучкахъ, засверкаетъ ехидными глазками.... И выдать ей Катерину?... Ну, нѣтъ, madame Верховской, извините, c'est trop beau pour vous! Это можно и самому получить.... Кто бы могъ подумать— Катерина! Шутитъ она, что́ ли? Немного рисковано кокетничать съ другимъ въ глазахъ только-что отставленнаго жениха; слишкомъ смѣло.... Или отъ нея это станется? Отъ нея, пожалуй, все станется!

Катерина показалась ему еще привлекательнѣе отъ этой мысли, но тѣмъ невозможнѣе уступить другому. И еще кому же! Изъ всѣхъ N-скихъ молодыхъ людей, изъ всѣхъ знакомыхъ, Лѣсичевъ менѣе всего былъ расположенъ уступать Верховскому. Лѣсичевъ не сознавался, конечно, что завидуетъ всему—состоянію, значенію, наружности Верховскаго, даже ничтожнымъ успѣхамъ въ N-скихъ салонахъ, гдѣ появленіе изящнаго петербуржца отдаляло въ тѣнь провинціала; не сознавался, что ему было пріятно принадлежать къ короткимъ знакомымъ богатаго барина, и пріятно знать, что были люди этому, въ свою очередь, завидующіе. Сознаваться въ зависти — невозможно; испытывая и проявляя ее, должно объяснять ее чѣмъ случится ловчѣе.... Въ настоящую минуту, Лѣсичевъ говорилъ себѣ, что досадно видѣть, какъ такая умница, какъ Катерина, теряетъ время съ такимъ пустѣйшимъ человѣкомъ. Надо ей глаза открыть, пусть разглядитъ кого выбрала. Такой господинъ, если бы и не въ шутку влюбился, не выйдетъ изъ воли своей супруги. Что́-жъ это за глупая комедія? Показать *ей* хорошенько, какъ все это смѣшно, какъ сама *она* оказывается смѣшна — ея самолюбіе заговоритъ. Показать ей, что если она такъ легко кокетничаетъ, то, тоже вовсе не трудно, тутъ же, при ней, на зло ей, полюбить первую женщину, какая встрѣтится. Идеальничанье въ сторону; она самолюбива, она этого не выдержитъ; только такъ говорятъ женщины, будто для нихъ ничего не значитъ измѣна поклонника; неправда: очень и очень тяжела.... Съ одной стороны безхарактерный вздыхатель подъ огнемъ Лидіи Матвѣевны, съ другой — человѣкъ, который прежде любилъ, теперь смѣется.... Не выдержитъ, отступится!...

— Не надо только *ихъ* съ глазъ спускать...., заключилъ онъ свои размышленія.

Онъ особенно позаботился о своемъ туалетѣ и веселый, напѣвая, сошелъ въ гостинную. Обѣ дѣвушки были тамъ. Верховской спросилъ завтракать. По общей участи всѣхъ, кто живетъ

въ обществѣ, гдѣ по привычкѣ притворяются, машинально снисходятъ къ тому, надъ чѣмъ за минуту негодовали, негодуютъ изъ ложнаго самолюбія, молчатъ изъ ложнаго стыда, гдѣ нѣтъ разрывовъ, потому что нѣтъ сближеній—эти люди, которые оба могли бы прямо сказать, что терпѣть не могутъ одинъ другого, еслибъ не боялись словъ—подали другъ другу руки, разговаривали оживленно. Уходя курить на террасу, они даже сочли обязанностью завязать разговоръ серьезнѣе, сообщить другъ другу политическія извѣстія, не подавая вида, что тяготились, Верховской—собесѣдникомъ, Лѣсичевъ — предметомъ бесѣды. Лѣсичевъ озабоченно спросилъ его, получилъ ли онъ порученіе, котораго ожидалъ изъ Петербурга. Верховской серьезно отвѣчалъ, что нѣтъ еще. Лѣсичевъ задумался и, помолчавъ, сказалъ, что ѣздилъ въ уѣздъ тоже по важному порученію.

— Что̀-нибудь помѣщичье?... Или по рекрутству?

— Нѣтъ. Кража огромная. Деньги пропали послѣ.... послѣ какого-то покойника. Наслѣдники жаловались, дошло до Петербурга. Подозрѣваются чиновники, составлявшіе опись имущества; нашлись какіе-то билеты....

— Что́-же вы сдѣлали?

— Я?... Ничего. Я собственно и не былъ для этого посланъ; тамъ ужъ есть, безъ меня, чиновникъ. Я письмо отвезъ отъ Волкарева.... Ну ихъ совсѣмъ! вдругъ воскликнулъ Лѣсичевъ, не выдержавъ больше и прерывая самъ себя. Дѣло это близко къ сердцу принимаетъ нашъ Алексѣй Владиміровичъ; сердце у него нѣжное, отчасти родительское. Исправникъ этотъ ему, кажется, крестникъ; онъ его привезъ съ собой, какъ пожаловалъ сюда на царство; малый очень порядочный... Такъ было глупо, неловко. Постоялые дворы—грязь. Я остановился у него, бились съ нимъ въ пикетъ немножко; онъ меня познакомилъ; тамъ у нихъ госпожа одна. Хохотали. Ну, конечно, понятно, что Марья Васильевна волнуется, когда Алексѣй Владиміровичъ отправляется въ тѣ края на ревизію....

Стукъ шарабана и кареты, наконецъ, возвѣстилъ о возвращеніи хозяйки.

— Ахъ, мы объѣлись, объѣлись! кричала еще съ крыльца Лидія Матвѣевна. Мы объѣлись! повторяла она, входя въ комнаты. Ah, m-r Лѣсичевъ, quel heureux hasard! Мы сейчасъ кутили.... N'est ce pas, Marie, que c'était charmant?

— Oui...., выговорила m-me Волкарева, отдавая Верховскому свою шляпку:—j'étouffe.

Аннета, задыхавшаяся не менѣе, убѣжала, едва войдя и увидя Лѣсичева, утѣшая себя, что изъ-за вуаля онъ не успѣлъ раз-

смотрѣть, что̀ сдѣлалось съ ея лицомъ отъ полдневнаго жара, пыли и досады.

— Нѣтъ, я — молодцомъ! продолжала кричать Лидія Матвѣевна. Figurez-vous, m-r Лѣсичевъ, мы отъ обѣдни зашли къ моему мужику, къ мельнику, и c'est drôle, ужъ у него обѣдъ готовъ. Постъ у нихъ, но какая уха! На наше счастье—пироги безъ начинки,—мы это все, все въ одинъ мигъ, Григорій Ивановичъ, дѣти...

— Это ему за наказаніе, Лидія Матвѣевна, сказалъ любезно Духановъ:—потому, ваша рыба, ваша мука.... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, обратился онъ къ присутствующимъ:—пшеницы онъ не сѣетъ; станетъ онъ себѣ крупичатую муку покупать?... я вамъ про него еще тогда говорилъ....

— Я теперь вижу сама. Мнѣ говорили, что этотъ мельникъ одинъ не бунтовалъ, когда тутъ всѣ.... Потому я и была съ нимъ такъ....

Она замѣтила, что ее не слушаютъ и обратилась къ Катеринѣ.

— Много потеряли, что не пошли съ нами. Вотъ, что̀ значитъ не молиться Богу. Прокатились-бы, un déjeuner charmant....

— По случаю котораго здѣсь вы ничѣмъ не распорядились...., тихо сказалъ ей, подходя, Верховской. Будетъ ли что̀ обѣдать, по крайней мѣрѣ?

— Для кого-же здѣсь было....

Онъ не слушалъ и вышелъ.

— О, Боже, какія штуки...., сказала Лидія Матвѣевна, посмотрѣвъ ему вслѣдъ и презрительно покачивая головою. М-r Лѣсичевъ, подите сюда.

Лѣсичевъ въ это время передалъ m-me Волкаревой письмо ея мужа; она ушла читать его на террасу; онъ подошелъ.

— Что̀ прикажете?

— Вы таки-пріѣхали?

— Вы позволили, отвѣчалъ онъ, съ легкимъ поклономъ.

— То-то-же.... Ахъ, не уходите, ma chère, вы мнѣ добро сдѣлаете, если со мной останетесь, сказала она, удержавъ Катерину. Вы, конечно, незнакомы?...

— Давно имѣю эту честь, отвѣчалъ онъ.

— Ну, и прекрасно.... Чему вы смѣетесь, злой человѣкъ? Мнѣ за васъ досталось, знаете ли вы это? За васъ, indigne que vous êtes. Такая была сцена!!..

— О небеса! отъ кого-же?

— Отъ кого-же больше, отъ изверга, отъ André! Il devient livide, quand il est jaloux.... Вы еще хохочете!

— Въ счастьи не плачутъ, Лидія Матвѣевна... Но мы говоримъ такія ужасныя вещи при Катеринѣ Николаевнѣ....

— Такъ что́-же? Restez, restez, ma chère, это вамъ полезно. Во-первыхъ, вы должны знать, что André необыкновенно пылокъ и такъ страстно въ меня влюбленъ....

Лѣсичевъ взглянулъ на Катерину; она встала.

— Извините, сказала она, освобождая свою руку, за которую Лидія Матвѣевна не переставала держаться:—я не вижу никакой надобности это знать.

— Quelle pruderie! Такъ вы, стало-быть, не понимаете ревности? Это потому, что у васъ нѣтъ хорошенькаго мужа. Ахъ, какъ-бы я васъ помучила! Вотъ, спросите m-r Лѣсичева, какое это наслажденіе—мучить ревнивыхъ!

— А если бы васъ самихъ помучить? сказалъ Лѣсичевъ:— отнять у васъ вашего André?

— Какъ онъ смѣетъ? вскричала Лидія Матвѣевна: — онъ съ ума не сойдетъ, онъ знаетъ....

Катерина была ужъ на террасѣ.

— Passablement sotte, сказала ей вслѣдъ Лидія Матвѣевна. Не умѣетъ сказать двухъ словъ. Ну, и пускай занимается съ дѣтьми. Вотъ, позвала Валентину. Я рада, что мальчики съ Григоріемъ Ивановичемъ: Элимъ его такъ полюбилъ; онъ такъ умѣетъ ему угодить....

— Вы бы предложили ему совсѣмъ остаться у васъ, для мальчиковъ, сказалъ серьезно Лѣсичевъ.

— Я ужъ думала.... Ахъ, но что́ же это вы заговорили со мной о дѣтяхъ....

M-me Волкарева, на террасѣ, перечитывала письмо своего мужа; оно ее сильно затрудняло. Ей поручалось упросить Верховского пріѣхать какъ можно скорѣе въ N, хоть сегодня-же, съ Лѣсичевымъ—но ни Лѣсичеву, ни кому не говорить объ этомъ приглашеніи. «Устройте это какъ знаете,—прибавлялъ супругъ— а сами можете оставаться въ Спасскомъ сколько хотите и обо мнѣ не безпокойтесь.» Съ послѣднимъ m-me Волкарева была совершенно согласна, но оставаться въ Спасскомъ, когда уѣдетъ Верховской и даже Лѣсичевъ!... И такъ уже цѣлый день она испытывала одни лишенія и разочарованія....

Катерина уходила въ садъ съ дѣвочкой. Верховской показался изъ дверей залы. M-me Волкарева позвала его и прочла ему письмо.

— Ахъ, я получилъ тоже...., припомнилъ онъ вдругъ и досталъ

свое: въ немъ было приглашеніе пріѣхать, короткое, но очень настоятельное; причина необходимости свиданія не объяснялась, но, вѣроятно, она была, потому что Волкаревъ не шутилъ и не любезничалъ.

— Что́-же вы рѣшаете? спросила m-me Волкарева.

— Можетъ быть, Алексѣю Владиміровичу очень меня необходимо, но... но я не могу уѣхать, пока вы здѣсь, сказалъ онъ.

— Тише.... Такъ мы уѣдемъ вмѣстѣ?

— Да, только не сегодня. Пусть Лѣсичевъ уѣзжаетъ одинъ.

— А потомъ.... но предлогъ для васъ?

— Всегда найдется! отвѣчалъ онъ весело.

— О чемъ вы тутъ толкуете? спросила, являясь, Лидія Матвѣевна.

M-me Волкарева переконфузилась, стала говорить и наговорила, чего не хотѣла: выразила безпокойство о здоровьи своего мужа.... онъ не писалъ ничего, но между строками она прочла, что онъ страдаетъ; она лгала и недостало смѣлости сразу долгать до конца; грѣхъ, — но не весь-же вдругъ; по-немножку, онъ дѣлается какъ-то самъ собою и не чувствуется. Она такъ спуталась въ томъ, что̀ выдумывала, Верховской былъ такъ замѣтно нетерпѣливъ, что Лѣсичевъ сообразился и вступился.

— Я посылаю на станцію себѣ за лошадьми; прикажете-ли и для васъ?

— Ахъ, нѣтъ, вскричалъ Верховской.

— Я не знаю...., выговорила m-me Волкарева.

— Non, ma chère, ужъ столъ готовъ! я сейчасъ зову Григорія Ивановича, достану новыя карточки.... André, ты долженъ меня поддержать!

Она побѣжала распоряжаться.

— Алексѣй Владиміровичъ просилъ меня воротиться сегодня..., настаивалъ Лѣсичевъ.

— Но Марья Васильевна пробудетъ, сколько захочетъ доставить намъ удовольствія! возразилъ Верховской.

— Я бы проводилъ васъ....

— Могу проводить и я!

— Но вы безпокоились за Алексѣя Владиміровича...

— Забудьте этотъ несносный супружескій долгъ! вскричалъ Верховской.

— Ah, vous êtes fou!

— Вы остаетесь? Согласны?

— Согласна, сказала она, давая ему поцѣловать свою ручку. Grand Dieu, что́ мы дѣлаемъ?

— Живемъ! отвѣчалъ Верховской восторженно.

— Боже! вскричалъ Лѣсичевъ: — когда въ глазахъ моихъ осмѣиваютъ и забываютъ такой священнѣйшій долгъ, что-жъ я буду такое, если не съ умѣю забыть—ну, хоть долгъ службы? Вы не ѣдете, Марья Васильевна? И я остаюсь!

Былъ маленькій промежутокъ молчанія.

— Вотъ, это по-дружески, сказалъ Верховской: — я иду сказать женѣ.

— Для кого вы дѣлаете эту глупость, Лѣсичевъ? строго спросила m-me Волкарева, когда они остались одни. Я понимаю, зачѣмъ вы прискакали сюда слѣдомъ....

— Проницательность на этотъ разъ вамъ измѣняетъ, возразилъ онъ почтительно: — я повинуюсь вашимъ совѣтамъ, и если вамъ будетъ угодно наблюдать за моимъ поведеніемъ....

— Въ самомъ дѣлѣ? А, такъ это очень умно и, для Верховского, точно, по-дружески.

— Послѣднее совершенно справедливо.

— Она добрая дѣвушка. Родные поручили ее пристроить....

— Я давно понялъ: косвенный налогъ на Верховского, за всѣ дядюшкины милости.

— Вы неисправимы, Лѣсичевъ!... Исправьте его, ma toute belle, прибавила она, обращаясь къ входившей Аннетѣ.

Лидія Матвѣевна находила, что день идетъ очаровательно. Не успѣвъ съ утра засадить свою гостью за карты, она предложила ей осмотрѣть коверныя, швейныя и прочее. M-me Волкарева напомнила себѣ объ осторожности, объ «опасности раздражать, подать подозрѣніе», и, терпѣливо отложивъ удовольствіе до болѣе удобнаго времени, отправились съ хозяйкой въ обходъ. У нея была надежда встрѣтить гдѣ-нибудь Верховского, который, конечно, не встрѣтился. Лѣсичевъ тѣмъ временемъ пересмотрѣлъ по десяти разъ всѣ мелочи рабочаго ящика Аннеты и понялъ все устройство ея прически. Аннета вспоминала екатерингофскія гулянья. Верховской заглянулъ на минуту, убѣдился, что тутъ заняты, отправился въ садъ, но не пошелъ дальше террасы. Лѣсичевъ услышалъ его восклицаніе:

— А я вездѣ искалъ!

Правда, въ цвѣтникѣ бѣгала съ обручемъ дочка; вѣроятно, по близости была и гувернантка—но все-таки *они* были одни. Что говорили — разобрать было невозможно — но говорили порусски и Лѣсичевъ ясно слышалъ голосъ Катерины.

Онъ спросилъ себя: за какую вину принялъ добровольно это наказаніе, — вотъ, эти наблюденія, — но оторваться не могъ. Въ

чемъ еще убѣждаться? Это ужъ не одно кокетство. Ну, поговорила, пошутила, подразнила жену — и довольно. Нѣтъ, — цѣлый часъ сидятъ.... О чемъ философствуютъ?... А немудрено, что и въ самомъ дѣлѣ только философствуютъ. У Верховского, чтобъ пойти дальше, не достанетъ ума; у нея.... да у нея, просто, не достанетъ сердца!... Однако, говорила съ женой, въ лицѣ измѣнилась....

Дамы возвратились со свертками лоскутьевъ. M-me Волкарева, приходя въ ужасъ при мысли о картахъ, предложила Лидіи Матвѣевнѣ дѣлать корпію.

— C'est amusant, и не устаешь, говорила она, зная, что этотъ доводъ лучше всякихъ чувствительностей, но не выдержала при Лѣсичевѣ и прибавила со вздохомъ:—это заслуга!

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ, вскричала Лидія Матвѣевна:— у меня множество лоскутьевъ, раздамъ щипать всѣмъ дѣвчонкамъ, пошлю черезъ oncle Зурова — мнѣ фермуаръ дадутъ!

M-me Волкарева взялась распоряжаться работою; Лидія Матвѣевна позвала m-lle Роше и Валентину, всѣ усѣлись вокругъ стола и m-me Волкарева, восхищаясь какъ это весело, повторяла, что не достаетъ только чтенія. Лидія Матвѣевна объявила, что зимою будетъ богата «en fait de littérature»: вотъ, эти старыя книги, что отыскалъ Андрей Васильевичъ, она ихъ всѣ сдастъ знакомому букинисту и промѣняетъ на что угодно; прежде всего — полную коллекцію всѣхъ «Mystères»; изъ нихъ есть запрещенныя, все-равно, ей достанутъ.

— Я ихъ обожаю! женщина можетъ все читать, повторяла она.

Былъ маленькій литературный споръ: m-me Волкарева признавала существованіе драмъ и ужасовъ въ жизни, но въ книгахъ предпочитала описанія тихаго счастья, мечтаній, безмолвныхъ томленій любви. Лидія Матвѣевна, напротивъ, любила бури. Она не вѣрила, чтобъ въ жизни что-нибудь могло случаться, но была убѣждена, что въ «Мистерахъ» все то описано, что на самомъ дѣлѣ бываетъ.

— Андрей Васильевичъ много читаетъ?

— Не знаю. И если читаетъ, то все прескучное.... Но, ma bonne, мы такъ толкуемъ много, что сами, пожалуй, сдѣлаемся des bas-bleus.... А кстати, гдѣ-же эта.... m-lle Багрянская?

— Она ушла въ аллею, съ папа, отвѣчала Валентина.

— Какъ она дурна, замѣтила Лидія Матвѣевна.

— Кто дурна? Катерина Николаевна? вскричалъ Лѣсичевъ.

Лидія Матвѣевна подтвердила это съ сильными доказательствами. Аннета, хотя сдержаннѣе, была того же мнѣнія. M-me

Волкарева, улыбаясь, замѣтила, что и въ N. это мнѣніе—общее, и что Лѣсичевъ противорѣчитъ себѣ изъ каприза. Лѣсичева взяла досада; онъ обратился къ m-lle Роше. Но m-lle Роше еще серьезнѣе и равнодушнѣе всѣхъ объявила, что хотя черты лица m-lle Багрянской и правильны, но слишкомъ грубы, а это еще хуже, потому что не можетъ никогда нравиться.

— Вотъ, наконецъ, умно! вскричала, торжествуя, Лидія Матвѣевна:—стало быть, вы можете быть умны, когда захотите!

— Сужденіе художницы...., замѣтила m-me Волкарева, одобрительно и тонко улыбаясь.

— И это *вы* говорите?... спросилъ пораженный Лѣсичевъ.

— Я, отвѣчала увѣренно m-lle Роше и какъ-то мелькомъ на него взглянула.

Лѣсичевъ замолчалъ, потомъ вдругъ спохватился.... Ахъ, гадкая дѣвчонка! да она—*попросила* не выдавать, она съ *ними* за одно, она отводитъ глаза супругѣ.... да что-же это такое? Стало-быть, помогаетъ? Стало-быть, *той*, при всей ея храбрости, понадобилась помощь? Вотъ она, строгость понятій, человѣческое чувство, истинное чувство, чортъ знаетъ что̀! Ужъ свела дружбу, ужъ чѣмъ-нибудь отуманила эту дурочку.... А клялась, что не умѣетъ притворяться.... Да чего-жъ тутъ еще ждать, чего тутъ наблюдать,—когда ужъ завелись помощницы! Но вѣдь она не младенецъ въ двадцать-два года,—она-то чего ждетъ,—онъ женатъ! И что̀ нашла въ немъ?

Лѣсичеву вдругъ, какъ женщинѣ, мелькнула привлекательность Верховскаго; красивъ, богатъ....

Его душило въ горлѣ; онъ всталъ.

Низость! На средства жены.... А *она!* Это называется честность, это называется восторженность.... Это *она*, Катерина?... Влюбилась, увлекается.... нѣтъ, она понимаетъ, что̀ дѣлаетъ!... Одумается?... Да хоть-бы сто разъ одумалась! Послѣ Верховского....

— Но, Лѣсичевъ, подите-же къ намъ; въ глазахъ мелькаетъ отъ вашей прогулки, сказала m-me Волкарева, начинавшая тосковать. Вы-бы лучше сказали намъ сказку.

Онъ оглянулся, одурѣлый.

— Сказку? извольте, хоть десять.

Онъ принялся болтать пошлости, не задумываясь, не разбирая, не выбирая строго предметы своихъ разсказовъ. Лидія Матвѣевна закатывалась отъ смѣха; m-me Волкарева сначала недоумѣвала, потомъ не желала выказать излишней pruderie, наконецъ, увлеклась сама. Строгія приличія не такъ щекотливы, какими желаютъ себя выставить, и часто, не только не гнѣ-

ваются, но довольны, когда ихъ оскорбляютъ. Плоская, грязноватая шутка сходитъ съ рукъ, имѣетъ успѣхъ, подъ предлогомъ дружеской нецеремонности: сказать нечего, совралея вздоръ. Слушатели хохочутъ, хохочетъ и сказавшій,—можетъ быть, нѣсколько и презираетъ ихъ, но во всякомъ случаѣ беретъ къ свѣдѣнію, что тутъ все врать можно. Лѣсичевъ только говорилъ по-русски, чтобъ не могла понять m-lle Роше; чего онъ совѣстился или чего боялся—онъ не разбиралъ; ему было неловко, онъ не смотрѣлъ на нее. Аннета была удивлена, что такъ много смѣются и по обыкновенію молчала; потомъ, эти разсказы напомнили ей много водевилей, она почувствовала себя пріятно и вмѣшалась въ разговоръ, прибавляя смѣха своими, сначала искренними, а наконецъ, и сыгранными наивностями.

Всѣмъ было очень весело, когда вошли Верховской и Катерина.

— Ah, vous voilà! вскричала m-me Волкарева, не выдержавъ.

Лидія Матвѣевна такъ привыкла этимъ временемъ къ постоянному отсутствію своего мужа и такъ пріятно проводила свой настоящій часъ, что не подняла на входящихъ даже равнодушнаго взгляда. Ей даже было досадно, что они пришли: они прервали занимательный разговоръ. M-me Волкарева сдѣлалась томна, будто устала отъ смѣха, Лѣсичевъ пересѣлъ къ Аннетѣ и заговорилъ въ полголоса, какъ будто только и ждалъ минуты, чтобъ ихъ бесѣдѣ не мѣшали другіе. Но, говоря, онъ слушалъ и видѣлъ. Верховской постарался нахмуриться, чтобъ принять свой привычный видъ, подошелъ медленно, заговорилъ принужденно. Катерина вошла, какъ всегда, не торопясь, серьезно, сѣла, посмотрѣла что̀ дѣлалось,—всѣ ея движенія были ровны; съ ней заговорили — тѣже отвѣты безъ лишнихъ словъ, тотъ же звучный, отчетливый голосъ; только глаза не сіяли по прежнему; они смотрѣли кротко, отуманенные, въ нихъ горѣла какая-то искорка, которой Лѣсичевъ никогда не видывалъ прежде. Онъ смотрѣлъ на нее пристально. Она, спокойно, не опускала глазъ. Что-жъ это такое? Не умѣетъ скрываться или ужъ прямо хочетъ выставляться?... Ему хотѣлось убить ее, обнять ее. Рѣзко отвернувшись, онъ опять заговорилъ съ Аннетой.

Катерина отказалась отъ общей работы. M-me Волкарева усадила Верховского подлѣ себя. Было невозможно говорить съ Катериной, невозможно безпрестанно смотрѣть на нее; отнималось послѣднее — счастье сидѣть рядомъ. Верховской принудилъ себя пристать къ разговору; ему скоро надоѣло. Кругомъ говорили; кажется говорила и она; онъ сидѣлъ, опустивъ голову,

слушалъ и не понималъ ни слова. Надъ нимъ будто еще шумѣли деревья, перебѣгали лучи и тѣни, гдѣ-то вдали тысячи нѣжныхъ звуковъ звенѣли и убаюкивали; глаза смыкались; вдругъ, сердце вздрагивало, истомленное, счастливое.... Верховской взглядывалъ на *нее*, на ея лицѣ видѣлъ, что она думала о немъ, что они за-одно переживали эти минуты. Но она смотрѣла тихо, серьезно и только разъ, чуть видно, ему улыбнулась. Улыбка скользнула мгновенно, какъ струя на водѣ, мгновенно исчезла, но этого было довольно: Верховской потерялся.

— Чтó?... спросилъ онъ ее встрепенувшись.

Лѣсичевъ не сводилъ съ него глазъ и захохоталъ.

M-me Волкарева вспыхнула: она только-что кончила длинную тираду о правахъ женщинъ, назначавшуюся собственно для Верховского.

— Я ничего не сказала.... отвѣчала, смутясь, Катерина.

— Вы очень разсѣяны, mon cousin, замѣтила Аннета. Она стала живѣе и смѣлѣе, оттого что съ нею занимался молодой человѣкъ.

— Онъ, просто, дремлетъ, сказала Лидія Матвѣевна: — съ нимъ это часто бываетъ.

— Не отрекаюсь, что случилось и теперь, отвѣчалъ съ досадой Верховской:—ты придумала такое снотворное занятіе....

— Не *я*, а Marie! вскричала, торжествуя, Лидія Матвѣевна.

Верховской опомнился, поддержалъ шутку надъ собою, дамы остались довольны и все прервалъ докладъ объ обѣдѣ. Лѣсичевъ, будто нечаянно, уступилъ мѣсто подлѣ Катерины Верховскому, сѣлъ между Аннетой и m-lle Роше, любезничалъ, разговаривалъ безпрестанно, шалилъ съ дѣтьми, вообще будто взялъ на себя обязанность не давать замѣчать, чтó ѣлось и чтó дѣлалось.

Въ домѣ все нѣсколько затихло послѣ обѣда. Общество разошлось по немногу, по одиночкѣ, какъ всегда бываетъ, когда люди устанутъ другъ отъ друга и всякій, крадучись, бѣжитъ отдохнуть. Верховской оставилъ Лѣсичева у себя въ комнатѣ, ушелъ на террасу и бросился на диванъ.

Но онъ не усталъ и не отдыхалъ; онъ даже не замѣтилъ пошлой пустоты дня; чужія лица ему не надоѣли,—онъ видѣлъ только *одно* лицо; теперь — *ея* не было, но въ немъ была сила счастья, полнота, нѣжащая тревога всякаго ощущенія. Онъ смотрѣлъ вверхъ, въ небо, на карнизъ дома, по которому лѣпились

ласточки; въ воспоминаніи, въ воображеніи мелькали, смѣнялись прелестные образы настоящаго, прошлаго, далекаго и вѣчно дорогого, слова, стихи затверженные еще ребенкомъ, что-то трогательное, чистое, свѣтлое какъ этотъ вечеръ; грудь дышетъ вольно, жизнь бьетъ ключемъ, и даже отраденъ, даже нуженъ, вотъ, такой перерывъ блаженства, чтобъ можно было собраться съ мыслями.... Но что́ сбирать.

Онъ закрылъ рукой свои влажные глаза и забывался.

Кто-то тронулъ его волосы. Еще зажмурясь, смѣясь онъ поймалъ эти пальцы. Передъ нимъ стояла его жена.

— Ахъ, душка, ты одинъ! вскричала она въ восхищеніи и сѣла, не давая ему подняться.—А я думала.... Послушай, душка, мы вчера съ тобой повздорили....

— Тебѣ что́ нужно? спросилъ онъ тихо.

— Поцѣлуй меня.... Видишь, что́. Мнѣ скучно, та̀къ вдругъ.

— Позволь мнѣ встать, сказалъ онъ. Въ домѣ есть посторонніе; если ты тутъ начнешь что-нибудь,—не хорошо будетъ.

— Я ничего не начну, André, отвѣчала она кротко. Мнѣ только очень скучно. Этого со мной никогда прежде не бывало. Не знаю что́. Поцѣлуй меня.

— Уволь, не могу. Пусти меня.

Она все сидѣла, ломая пальцы. Верховской подумалъ, какъ это онъ сейчасъ не узналъ этихъ пальцевъ, унизанныхъ кольцами.

— Съ твоей стороны это отвратительно, сказала она, наконецъ. Но ужъ будь увѣренъ, что я не дамъ тебѣ съ ней слова сказать.

— Съ кѣмъ?

— Съ вашей пріятельницей.

— Съ которой? Я, наконецъ, начинаю понимать, сказалъ онъ, непритворно-равнодушно, но странно дразня самого себя. Съ которой-же? Ихъ здѣсь двѣ.

— Я слишкомъ уважаю себя, Андрей Васильевичъ, и не дура, не воображу, что, послѣ меня, вы можете влюбиться въ крестьянскую дѣвку.

— А, такъ губернаторша, сказалъ онъ, лѣниво поднимаясь: ну, возьми ее себѣ.

— Божественный! вскричала Лидія Матвѣевна, бросаясь ему на шею. Mais, Dieu, que tu es joli! что́ ты такое сегодня—картинка!... Нѣтъ, право?... Нѣтъ, и не говори—я тебѣ вѣрю!

— Какъ же это такъ, съ перваго слова? сказалъ онъ, находя какое-то удовольствіе въ этой игрѣ.

— André, вѣдь я тебя люблю, отвѣчала она серьезно:—ты это, я думаю, знаешь. Столько лѣтъ женаты, изъ чего тебѣ начинать дурачиться? Мнѣ вдругъ скучно стало, — и, странно, я не сердилась на тебя нисколько, — вообрази, André, нисколько! А скучно. Такъ мнѣ показалось.... пусто.

Она сжимала свои ручки и посмотрѣла кругомъ. Верховской отвернулся.

— Всего у меня много, все хорошо,—и вдругъ.... Она тебѣ глазки дѣлаетъ. Слушай, ты, гадкій, не смѣй ты къ ней подходить—убью! Ступай ты себѣ въ лѣсъ, — вѣдь пропадалъ тамъ цѣлые дни? нѣтъ, выдумалъ въ гостинной сидѣть, при лунѣ прогуливаться.... Этакій милка, такъ я его и отдамъ!

— Позволь...., сказалъ, отклоняясь, Верховской. А вотъ, я еще поѣду провожать ее отсюда.

— Ни за что на свѣтѣ!... Вы сговорились?

— Вотъ тебѣ доказательство, что нѣтъ, возразилъ Верховской, доставая письмо Волкарева:—читай сама.

Лидія Матвѣевна никогда не видала его корреспонденціи и не замѣчала этого лишенія; въ настоящую минуту, взять изъ рукъ мужа и читать письмо къ нему—показалось ей ново и пріятно. Ей все понравилось, даже бумажка съ коронкой и съ именемъ Волкарева, вязью; любуясь, она говорила, что закажетъ себѣ такую.

— Видишь, что дѣло и надо ѣхать, началъ Верховской, чтобъ обратить ея вниманіе: — а что касается до этой госпожи....

— Dieu sait, comme tu dis ça gracieusement. Ну, поѣзжай.... Ахъ, чтожъ я не скажу, я получила письмо отъ дяди Александра. Я на тебя была сердита, не хотѣла показывать....

Генералъ Зуровъ извѣщалъ милую племянницу, что все сдѣлалось по ея желанію: ея protégé Багрянскій, приказомъ такого-то числа, получилъ вмѣстѣ съ чиномъ свою отставку. Лидія Матвѣевна ужъ сообщила это m-me Волкаревой и хотѣла разсказать и Катеринѣ, но m-me Волкарева упросила ее молчать.

— Право, я ангелъ, добренькая, говорила Лидія Матвѣевна:—смотри только, я-же хлопотала, я-же сдѣлала, и я-же молчу. И для кого? Для твоей dame de coeur, невѣрный!... А о твоей командировкѣ дядя пишетъ, что все еще не выдумали, чѣмъ бы тебѣ здѣсь дать заняться.... Мной занимайся, вотъ тебѣ!

M-me Волкарева застала ихъ вмѣстѣ, Верховской былъ смущенъ, Лидія Матвѣевна тѣмъ счастливѣе. Но и среди счастья, она не забывала, что сегодня еще не было преферанса, и нахмури-

лась, когда гостья стала отговариваться, да еще завела разговоръ съ André. Правда, говорили вслухъ о Багрянскомъ. M-me Волкарева попросила также и Верховского не сказывать Катеринѣ.

— Молодую дѣвушку это интересуетъ менѣе; счастье полное будетъ для отца; предоставьте мнѣ....

Онъ былъ готовъ предоставить ей что́ угодно, лишь-бы скорѣе уйти; но m-me Волкарева, уступивъ необходимости, просьбамъ и своей осторожности—«не раздражать», садясь за карточный столъ, попросила Верховского сѣсть подлѣ нея «на счастье». Лидія Матвѣевна бросила ему грозный взоръ, но Верховскому пришло желаніе школьничать. Онъ остался, смотрѣлъ въ карты и, ничего не смысля, путалъ игру своими совѣтами. M-me Волкарева проигрывалась; Лидія Матвѣевна приняла это за милую шалость, за угожденіе André и восклицала, что онъ «душка». Она даже схватила его за полу, когда онъ поднялся, чтобъ уйти. Онъ, однако, ушелъ.

— Сейчасъ отнесу ей радость...., подумалъ онъ и остановился. Говорятъ, это ее мало интересуетъ. Ка́къ же такъ?...

Верховской ужъ такъ долго жилъ въ обществѣ, гдѣ все принималось безъ оцѣнки и размышленія, и самъ, среди круженья, такъ мало имѣлъ времени разбирать то́, что́ случалось, что, по привычкѣ, интересовался прежде обстоятельствами, *интригой* факта, нежели его смысломъ. Смыслъ бывалъ принятъ и прочувствованъ вдругъ, разомъ; жизнь такъ скоро подставляла другія обстоятельства, что чувство не могло быть продолжительно и привыкало быть отрывочнымъ, несвязнымъ, неопредѣленнымъ, иногда нѣсколько легкимъ для важности обстоятельства. Оглядываясь случайно, теряясь въ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, какъ-то инстинктивно недовольный, Верховской успокоивалъ себя, будто оправдывался предъ собою тѣмъ, что, если впечатлѣніе коротко, за то сильно.... Онъ не смѣлъ сравнивать, такъ ли было-бы оно сильно прежде, въ молодые годы безпрестаннаго жаркаго разбора, безпрестанной, неустававшей мысли; онъ не смѣлъ сравнивать себя *настоящаго* съ тѣмъ человѣкомъ, который остался въ прошедшемъ. Но онъ не сознавался и въ этой несмѣлости: онъ увѣрялъ себя, что горе, которое поразило его молодость, отнимаетъ у него силу вспоминать молодость.... Отговорка, сначала искренно отчаянная, потомъ только слабонервная, перешла въ самооправданіе, въ привычку....

До настоящей минуты Верховскому не входило въ голову спросить Катерину о ея братѣ, но было и некогда: съ тѣхъ

поръ, какъ Верховской о немъ услышалъ—онъ въ первый разъ видѣлся съ Катериной. Онъ предполагалъ и признавалъ законнымъ, что она не можетъ много любить брата, если онъ виноватъ—но чѣмъ онъ виноватъ? Его затронуло любопытство, привычное, мелкое чувство; мелочность доказывалась самой робостью чувства: Верховской желалъ и не смѣлъ предложить Катеринѣ вопроса, чтó сдѣлалъ ея братъ? Казалось-бы, что проще, что законнѣе, послѣ ея вызововъ на раздѣлъ всякой заботы, послѣ ея вмѣшательства въ его собственныя заботы, послѣ ея объятій, въ которыхъ страсть была забыта, а душа, чистое пламя, сливалась въ одно съ его душою.... Верховской робѣлъ.

— Это ее мало интересуетъ.... Ну, Богъ съ нимъ, съ этимъ братомъ.... Или, если чтó.... опять вспылитъ, взволнуется....

И въ его влюбленномъ сердцѣ далеко шевельнулась досада на эти помѣхи — вспышки, на это *гражданское* горе, которое она умѣетъ во все впутать. Въ какія прелестныя минуты, вспоминаетъ Богъ знаетъ о чемъ....

Воспоминаніе этихъ прелестныхъ минутъ прервало всякое размышленіе. Въ сотый, въ тысячный разъ со вчерашняго дня, Верховской повторилъ себѣ, что онъ счастливецъ, что несчастнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ, что надо пользоваться всякимъ часомъ.... Да, много воспользуешься! Ушла Богъ знаетъ куда....

Катерина одна сидѣла въ саду. Она очень устала; голова туманилась отъ безсонной ночи и длиннаго, празднаго дня; чувство, мысль, даже дыханіе, все было сжато, стѣснено, будто все той-же неволей, которая носилась въ воздухѣ. Вечеръ былъ чудесный; Катерина его не видѣла....

Кто-то подходилъ; она оглянулась.

— Вы однѣ, Катерина Николаевна? спросилъ Лѣсичевъ. Ну, и я вырвался. Я не помѣшаю, если здѣсь останусь?

— Чему помѣшаете?

— Такъ; вопросъ простой учтивости.

Онъ сѣлъ подлѣ нея. Она опять наклонила голову, молча и глядя на дорожку. Лѣсичевъ подумалъ, какъ еще недавно ее любилъ.

— Скажите мнѣ чтó-нибудь, Катерина Николаевна. Я такъ давно отъ васъ ничего не слышалъ.

— Да говорить не хочется, отвѣчала она, не оборачиваясь.

— Со мною? Или вообще?

— Кáкъ вамъ сказать? Пожалуй, съ вами. Вы сегодня слишкомъ разговорчивы.

— Вотъ, это откровенность! сказалъ онъ весело, отъ добраго

чувства, которое поднялось на минуту и опять упало. Признаюсь я ужъ этого и не ожидалъ. Такъ я и самъ буду откровененъ и замѣчу вамъ, что вы очень перемѣнились. Въ чемъ и ка́къ — сказать мудрено. Вы какъ будто.... старая стали.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отвѣчала она, засмѣявшись принужденно, и въ ту-же минуту замолчала, застыдясь своего смѣха.

— Вотъ и доказательство перемѣны, продолжалъ Лѣсичевъ: прежде вы бы та́къ не сказали и та́къ не засмѣялись.

— Можетъ быть.

— Отчего-же не прямо: *да*? Еще доказательство! И не довершайте, не скажите какой-нибудь шутки, не спросите, какое мнѣ дѣло. Вы очень хорошо знаете, что я все тотъ-же.

— Но и я—все та же, отвѣчала она, глядя на него кротко.

— Въ отношеніи меня? прервалъ онъ съ живостью и злостью, раздраженный этимъ взглядомъ. О, я въ этомъ увѣренъ. Даже больше чѣмъ когда-нибудь: изъ жалости. Въ счастьи, люди бываютъ еще добрѣе.

— Въ счастьи? повторила Катерина.

— Да, въ счастьи, подтвердилъ онъ глядя на нее пристально и безжалостно любуясь, какъ она блѣднѣла подъ его взглядомъ. Вы очень недавно говорили, что вы безмятежно счастливы.

Онъ говорилъ тихо, успокоительно, какъ старшій или искренній другъ и чуть-чуть улыбаясь, все смотрѣлъ ей въ лицо. Она не отворачивалась и не потупила глазъ: она ничего не видѣла, ей казалось, что она умираетъ. Лѣсичевъ вдругъ замолчалъ, будто доигралъ комедію, посмотрѣлъ по сторонамъ и, наконецъ, спросилъ, съ легкимъ вздохомъ:

— Ну-съ, что-же, вамъ здѣсь понравилось?

— Ничего, отвѣчала Катерина.

— «Ничего....», повторилъ онъ. Это, пожалуй, и правда. А хозяйка, вамъ нравится?

— Нѣтъ.

— Вполнѣ вѣрю. Такъ, что не ошибаясь, скажу: она васъ терпѣть не можетъ. Это въ порядкѣ вещей.

— За что́ же?

— За что́?... Что̀ съ вами сдѣлалось, Катерина Николаевна? Очень-просто: если вамъ не по-сердцу жена Андрея Васильевича, то и она, въ свою очередь, можетъ подмѣтить такія черты....

— Можетъ подмѣчать, если хочетъ,—прервала Катерина.

— О!... Вы, стало-быть, непогрѣшимы?

— Да.

— Катерина Николаевна, это—вызовъ. Если я имъ воспользуюсь? Вы скрытничать не умѣете, вы неловки, хуже всякой институтки.... Какой строгій взглядъ! Почему-же мнѣ не наблюдать? Если вы предоставляете это право Лидіи Матвѣевнѣ, слѣдовательно, предоставляете всякому...., а для меня это еще интереснѣе, нежели для нея, или, по крайней мѣрѣ, въ равной степени....

— Почему?

— Вы не забыли, Катерина Николаевна: я люблю васъ.

— Тѣмъ болѣе....

— Что?... Позвольте. Вы *тогда* это прекрасно объясняли, я помню. Но вы не дали мнѣ докончить. Вы говорили объ удовольствіи, которое вамъ доставитъ моя любовь къ другой особѣ. Я тогда не спросилъ себя, что почувствовалъ-бы въ подобномъ случаѣ.... теперь—я знаю....

— Что̀ такое? прервала Катерина.

— Ничего. Я васъ предупреждаю. Я знаю, что вы горды и не попросите пощады.... Позвольте! Если вы еще разъ скажете что-нибудь въ родѣ вашего *«что-такое»*—я прямо скажу вамъ: вы обманываете!... Я васъ любилъ, какъ этому барину во снѣ не приснится, — вы это разберете потомъ. Моя любовь не изъ уступчивыхъ. Великодушіе не моя добродѣтель. Если вы на него разсчитываете — то ошибаетесь.... Я не грожу; я не знаю, что случится; я только предупреждаю. Достанетъ у васъ смѣлости, вотъ, такъ, при свидѣтелѣ, вести любовь съ женатымъ человѣкомъ.... А, нашъ хозяинъ приближается и въ обществѣ прелестной m-lle Annette! Я не влюблюсь въ нее, Катерина Николаевна, не надѣйтесь.... Славныя розы; хотите?

Онъ сломилъ и подалъ ей; она отклонила, не оглядываясь.

— Не угодно?

— Я не могу ихъ видѣть, сказала она.

— Помнится, кто-то еще не можетъ ихъ видѣть, вскричалъ Лѣсичевъ, смѣясь громко: — антипатія слишкомъ оригинальная для того, чтобы пройти незамѣченной!... Попробую, не будетъ ли удачи... Mademoiselle!... обратился онъ къ Аннетѣ и, чрезъ минуту, роза украшала ея корсажъ. Je suis à vos ordres; мы, конечно, совершаемъ всѣмъ обществомъ эту прогулку, какъ вы говорили...

— Я иду въ лѣсъ, сказала Катерина. Идемте, Андрей Васильевичъ.

Лѣсичевъ взглянулъ на нее въ изумленіи. Аннета изумилась

бы тоже, еслибы ей не было пріятно остаться вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ, такъ мило подносящимъ розы.

— Но, прошу васъ, пойдемте прямой дорогой, сказала она, продѣвая руку подъ локоть Лѣсичева и указывая маленькимъ зонтикомъ по направленію къ полю.

— Прямой и самой укатанной! отвѣчалъ онъ:—отправимся!

Катерина ужъ отошла, повернувъ въ другую сторону. Верховской догналъ ее.

— Что тутъ было? Катя, что онъ тебѣ сказалъ? онъ дерзокъ...

— Ничего.... Не вмѣшивайся.

— Значитъ, было чтó-нибудь?

— Не спрашивай.... Хоть предъ тобой, дай не лгать. Цѣлый день эта мука! выговорила она.

— Лѣсичевъ въ тебя влюбленъ....

— Но ты не можешь сказать ему, что меня любишь, ты не имѣешь права вступаться.... Но хоть бы и имѣлъ,—не надо.

— Какъ ты легко рѣшаешь! И это—жизнь за одно?

— Это не жизнь, а наше положеніе. Предоставь мнѣ, справлюсь.... Или это будетъ путаница отвратительной лжи. Не думай обо мнѣ. Будетъ нужно — подай совѣтъ; будетъ горе—ну, обниму тебя и наплачусь...

— Катя!

— А защищать меня.... у тебя руки связаны!

— Это обидно, Катя. Я долженъ, я могу....

— Для меня ты ничего не можешь, прервала она:—но для себя....

Она тихо шла, потупивъ голову и вдругъ остановилась.

— Слушай, милый. Судьба насъ свела; тебѣ нужна радость. Я обѣщалась Богу, что буду для тебя радостью, но въ такой жизни, съ такими людьми, ни твоихъ, ни моихъ силъ не достанетъ.... Я только пришла посмотрѣть на тебя въ этомъ домѣ,—подсмотрѣть за тобою,—и за это наказана: видишь, на что я стала похожа, въ одинъ-то день! Я не гожусь быть съ этими людьми; только ради тебя, я здѣсь пила и ѣла; я измучена, думать не могу, себя не понимаю.... въ одинъ-то день! Милый, тоже дѣлается и съ тобою. Сбереги себя; брось все, бѣги, куда глаза глядятъ.

— Что ты говоришь, Катя?

— Говорю дѣло. Это — тина, ползучая гниль, здѣсь нечѣмъ дохнуть человѣку, это мелко, постыдно, хуже ужаса. Все это!...

Она показала кругомъ.

— Охъ, вотъ и ужасы! уйдемъ дальше, уйдемъ въ глушь! Не могу видѣть этого проклятаго стыда — богатства!... Я вѣдь была *тамъ*, была нынче утромъ, все видѣла...

— Катя, ты опять начинаешь тоже! Ты мнѣ обѣщала...

— День прошелъ, прервала она. Я сдержала обѣщаніе, потому что люблю тебя всей моей жизнью, я тебя словомъ не огорчила, я сама съ тобой забывалась,—не могу больше, не должна больше. День прошелъ; вотъ заря догораетъ, гляди, туманъ кругомъ. Милый, это слезы. Не жди отъ меня одного веселья; я тебѣ сказала—любятъ не такъ. Были счастливы цѣлое утро... охъ, у другихъ не бываетъ и часа! Милый, слушай, смотри, не отворачивай глазъ. Жизнь—страшное дѣло. Нельзя жить забывшись.... нельзя такъ жить, какъ ты живешь. Ты рожденъ не на это, ты нуженъ. Ищи, кому ты нуженъ. Бѣги отсюда. Ты здѣсь не господинъ; все это — не твое; не можешь помочь — нѣтъ и обязанности. Ты бѣденъ, живи бѣдно. О, живи бѣдно, голубчикъ мой, честный, ласковый! вскричала она и сладко засмѣялась.—Не цѣлуй, не надо... Дѣти,—ихъ отдадутъ въ казну; они тамъ будутъ больше твои, чѣмъ дома. Дѣло.... вѣдь ты баринъ важный, чиновный, отъ тебя многое можетъ зависѣть....

— Ты меня прогоняешь?

— Да! здѣсь нечего дѣлать.

— И ты меня любишь?

— Развѣ не любя можно сказать: уходи? Каково мнѣ, ты понимаешь, разсуди по себѣ! а я говорю — уходи....

— А не могу жить безъ тебя! вскричалъ онъ, обнявъ ее. Если я до сихъ поръ жилъ.... не знаю, кàкъ-то жилъ! теперь—не могу. Ты показалась—кончено! Нѣтъ тебя—все равно, хоть всего свѣта не будь!... Хочешь ты дать мнѣ силы, хочешь, чтобъ я пришелъ въ себя, сталъ человѣкомъ....

Онъ не договорилъ.

— Хочу, твердо сказала она.

— Подожди...., выговорилъ онъ, опустивъ голову.

— Долго ли ждать?

— Ты безпощадна! вскричалъ онъ, ты не женщина! Тебѣ довольно мертваго поцѣлуя въ лобъ, материнскаго чувства....

— Высшее существо, которое ты зналъ, была твоя мать, прервала она строго. Если ты сказалъ, что я на нее похожа, такъ слушай. Я говорю—передъ нею. Она любила въ тебѣ не сына, а человѣка. Мнѣ, любимой женщинѣ, еще нужнѣе нравственное равенство.... Помни ее, ее, которая не вынесла и умерла! Точно ли она вѣчно у тебя въ глазахъ? Точно ли ты чувствуешь,

сознаешь ея присутствіе, будто Божье? Все ли бы ты сдѣлалъ при ней, что̀ дѣлаешь безъ нея? Не прячешься ли ты, какъ ребенокъ, въ уголъ, чтобъ Богъ не видалъ? Разбирай, думай! Твоя праздная печаль, вотъ тысячи такихъ пустыхъ дней... Милый, *она* была божеская, а я груба, я безпощадна, я человѣкъ! Я отъ тебя требую отчета въ твоей растраченной жизни. Опомнись, — долго ли ждать?

— И Богъ ждетъ!

— Чтожъ, все завтра, да завтра? «Завтра покаюсь» — надпись у святоши надъ дверями? И ни во что̀ свобода, ни во что̀ честь? Опять молчать, терпѣть? Опять сдѣлки съ совѣстью, трусость, униженіе, ложный стыдъ....

— А ты что̀ дѣлаешь? вскричалъ внѣ себя Верховской, у тебя нѣтъ сдѣлокъ? ты не молчишь, не прячешься....

— Что я прячу?

— Не отрекаешься изъ ложнаго стыда.... и ты можешь глядѣть мнѣ въ глаза и проповѣдывать....

— Отъ чего я отрекаюсь?

— А твой братъ?... Катя!

Она помертвѣла, торопливо дошла до срубленнаго дерева и сѣла.

— Катя, прости, я не зналъ, вѣдь я не зналъ, что это такъ тебя убиваетъ.... Волкаревы, — они вамъ преданы.... Онъ прощенъ....

— Постой, прервала она, не слушая. Твоя жена тоже знаетъ, просила?

— Да.... Кто тебѣ сказалъ?

— Сказали.... И всѣ знаютъ? И ты знаешь этотъ позоръ?

— Онъ прощенъ, Катя, успокойся; ты раздражена, преувеличиваешь.... Съ кѣмъ не бывало! И ужъ прошло, прощено, ты можешь опять признать своего брата....

— Его? Я, дочь честнаго человѣка?... Пусти меня!

— Нѣтъ, постой, вскричалъ онъ,—это гордость, это ложный стыдъ! Чѣмъ же онъ такъ виноватъ, за что̀....

— За что̀? повторила она, вырываясь:—гордость? Нѣтъ, ненависть! Ты спрашиваешь, за что̀?... Пьяный звѣрь, распоряжался.... а тотъ, несчастный — не первый несчастный!... не вынесъ, хватилъ въ рожу.... Онъ.... ну, велѣлъ докончить на смерть....

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и чуть не упала. Верховской подхватилъ ее.

— Пусти меня, повторила она и сѣла. Слышалъ? хорошо?

Испугался? Ну, вотъ, сказала. На что̀ тебѣ было нужно? Тутъ помогать нечему. У меня брата нѣтъ. Простили его.... правосудіе!!... ну, пусть живетъ, гдѣ хочетъ, какъ хочетъ. Никогда не увидимся, дастъ Богъ. А ненавидѣть больно, вотъ что́.... Послушай, заговорила она черезъ минуту, глядя въ его лицо: я такъ зла; тебѣ противно?

Онъ припалъ къ ея колѣнямъ.

— Не могу—зло мнѣ нестерпимо! Видишь, какъ мнѣ тяжко... Братъ, другъ, милый, будь ты моей радостью! Я дочь честнаго человѣка,—дай, чтобъ я смѣла на цѣлый свѣтъ сказать: люблю честнаго человѣка....

— Прости меня...., прошепталъ онъ.

Она взглянула, вдругъ обвила его голову обѣими руками, прижалась крѣпко и не могла оторваться.... Она не могла отгадать, въ чемъ онъ просилъ ея прощенія.

В. Крестовскій.
(псевдонимъ.)

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА
КЕНИСАРЫ КАСИМОВА.

(1838—1847 гг.).

V *).

1842 годъ. Возобновленіе безпорядковъ въ степяхъ сибирскаго вѣдомства.—Новыя письма Кенисары; послѣднее ходатайство за него В. А. Перовскаго.—Новыя жалобы князя Горчакова на Кенисару.—Набѣги сибирскихъ отрядовъ и прокламація чиновника Ларіонова.—Набѣгъ султана Сарджанова.—Письмо вице-канцлера.

Съ 1842 года Кенисара возобновляетъ непріязненныя дѣйствія противъ Россіи; вѣрный своей политикѣ, мятежный султанъ, кочуя вдали отъ Оренбурга, принимаетъ угрожающее положеніе относительно Западной Сибири. Мелкія шайки приверженныхъ ему киргизовъ нападаютъ на внѣшніе округа мирныхъ кочевниковъ, сибирскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, когда въ Сибири шайки барантовщиковъ производили значительные безпорядки, озабочивая сибирскую администрацію, степи оренбургскихъ кайсаковъ наслаждались полнымъ спокойствіемъ. Дѣйствуя такъ, Кенисара преслѣдовалъ слѣдующую цѣль: кочуя, по возвращеніи изъ Ташкента, на границахъ сибирскаго вѣдомства, въ разстояніи отъ 600 до 700 верстъ за оренбургской линіей, мятежникъ отнималъ всякую возможность со стороны Оренбурга бдительнаго за нимъ надзора и наказанія его, въ случаѣ надобности, силою оружія,—это съ одной стороны; а съ другой, не производя смутъ въ оренбургскихъ степяхъ, онъ имѣлъ возможность заручиться вниманіемъ и защитой оренбург-

---

*) См. авг., стр. 541 и слѣд.

скаго начальства. Успѣхъ такой политики Кенисары обусловливался, отчасти, тѣми неразумными набѣгами сибирскихъ отрядовъ на аулы оренбургскихъ киргизовъ, которые производились подъ благовиднымъ предлогомъ поисковъ за степными мятежниками, скрывающимися будто-бы въ пограничныхъ кочевьяхъ оренбургскихъ киргизовъ; собственно же говоря—поиски эти, никогда не достигая цѣли, были только причиною безвиннаго раззоренія мирныхъ кочевниковъ, ожесточая послѣднихъ противъ русскаго правительства, и располагали оренбургскую администрацію вѣрить въ справедливость жалобъ Кенисары на тѣ притѣсненія, которыя, по его словамъ, претерпѣвали отъ сибирскаго начальства онъ и его соплеменники.

По возвращеніи изъ ташкентскаго похода въ 1841 году, Кенисара Касимовъ кочевалъ, первое время, по обоимъ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи и въ пространствѣ между песками Кара-Кумъ и озеромъ Теле-Куль, преимущественно съ киргизскимъ родомъ алчиновцевъ. Отсюда въ концѣ мая и въ іюнѣ 1842 года мятежный султанъ неоднократно посылалъ къ киргизамъ сибирскаго вѣдомства своихъ сообщниковъ, съ возмутительными грамотами, величая себя великимъ ханомъ непобѣдимой орды. Вотъ, напримѣръ, письмо его къ султанамъ Габдулфаизу и Кучуку:

«Отъ великаго побѣдителя и храбрѣйшаго витязя Кенисары Хана вашего, султанамъ Габдулфаизу и Кучуку изъявляется благоволеніе и желаніе благоденствія.

«Присланное вами ко мнѣ, въ прошломъ году чрезъ Хожемберды—есаула, письмо я получилъ, и, узнавъ содержаніе онаго, послалъ отъ себя изъ Оренбурга [1]) бумагу о дарованіи отцу вашему прощенія. Не зналъ я о такомъ положеніи брата нашего, я могъ бы упомянуть о немъ въ прежнихъ своихъ просьбахъ.

«Въ аулѣ вашемъ живутъ двѣ женщины и мальчикъ, которыхъ вы пришлите немедленно сюда ко мнѣ. Писано 3-го числа мѣсяца Рабигуль бахира 1258 года, что соотвѣтствуетъ маю мѣсяцу 1842 года [2])».

Другое воззваніе было обращено къ киргизской волости, кочевавшей на Ишимѣ, которую Кенисара приглашалъ перейти на его сторону. Съ подобными грамотами посланные отъ Ке-

[1]) Подобнымъ выраженіемъ Кенисара давалъ чувствовать свое вліяніе на Оренбургъ.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Курбанаковъ (переводчикъ кн. Горчакова).

нисары являлись въ аулы баганалинцевъ съ требованіемъ немедленной покорности ихъ хану, и возвращенія будто бы нѣкогда угнаннаго баганалинцами скота, принадлежавшаго Кенисарѣ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, ханскимъ гнѣвомъ, что равносильно конечному истребленію.

Затѣмъ, шайки султана Кенисары съ іюня и по сентябрь 1842 года появлялись въ Кокчетавскомъ Округѣ, въ Акмуллы, въ Кышь-Мурунѣ и на р. Абуганѣ.

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія возобновились въ Западной Сибири, мстить которой Кенисара считалъ своимъ долгомъ. Притомъ же онъ зналъ, что въ Оренбургѣ не довѣряли сообщеніямъ изъ Сибири, и, начиная непріязненныя дѣйствія противъ послѣдней, мятежный султанъ старался до времени удерживать своихъ сообщниковъ отъ безпорядковъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства. Выше мы видѣли, что подобная политика Кенисары всегда служила ему въ пользу, доставляя покровительство полемизировавшаго съ Сибирью оренбургскаго начальства.

Итакъ, бунтъ возобновился разсылкою прокламацій, имѣвшихъ цѣлію переманить къ Кенисарѣ киргизовъ, такъ-называемыхъ внѣшнихъ сибирскихъ округовъ; но вскорѣ мятежный султалъ начинаетъ поддерживать убѣдительность своихъ воззваній силою оружія. Для этого, подъ предводительствомъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, онъ посылаетъ небольшія шайки барантовщиковъ въ разные пункты сибирской степи. Такъ, по случаю появленія мятежныхъ партій, отъ 150 до 200 человѣкъ, въ пространствѣ между укрѣпленіемъ Джара-Каинъ и Амано-Карагайскимъ приказомъ, сибирское пограничное начальство, для обезпеченія сообщеній между названными пунктами, должно было учредить пикеты и разъѣзды.

Одною изъ такихъ хищническихъ партій былъ отогнанъ скотъ, принадлежавшій дядѣ мятежника Кенисары, султану Абдилдѣ, отличавшемуся преданностію къ Россіи; желая нагнать хищниковъ, чтобы отбить отогнанный скотъ, султанъ Абдилда наткнулся на кочевки своего племянника, который велѣлъ поставить особую кибитку для султана Абдилды, но, продержавъ его подъ строгимъ карауломъ двое сутокъ, къ себѣ не допустилъ; а отпуская на свободу приказалъ передать дядѣ: «что лучше бы было старику Абдилды впредь не отваживаться на преслѣдованіе людей, хану Кенисарѣ подчиненныхъ»...

Разумѣется, князь Горчаковъ не замедлилъ увѣдомить о возникшихъ безпорядкахъ оренбургскаго военнаго губернатора, прося послѣдняго удержать покровительствуемаго имъ и подчиненнаго ему султана отъ дальнѣйшихъ подвиговъ, въ предѣ-

лахъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства. Кенисара, съ своей стороны, въ нѣсколькихъ письмахъ, присланныхъ въ Оренбургъ, повторилъ свои жалобы на притѣсненія и клеветы «сибиряковъ». А такъ какъ сибирскіе наблюдательные отряды, высылаемые на Алу-Тау и Кичи-Тау (зимнія и лѣтнія кочевки Кенисары), мѣшали во многихъ отношеніяхъ мятежному султану, то въ первомъ изъ своихъ писемъ Кенисара просилъ ходатайства графа В. А. Перовскаго объ уничтоженіи этихъ наблюдательныхъ постовъ, по крайней мѣрѣ на 35 лѣтъ. Въ томъ же письмѣ онъ просилъ объ освобожденіи изъ ссылки соумышленника своего Габейдуллы-хана-Валіева. Впрочемъ, вотъ полный текстъ этого посланія:

«Въ 1841 году (пишетъ Касимовъ), чрезъ султана Карабая я объяснилъ уже о дѣйствіяхъ сибирскаго начальства. Въ 1838 году, находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ начальникамъ сибирской линіи, я увлекъ дѣтей Кувандыка и Суюндука, и послѣ того Атагай-Караула; съ этимъ родомъ мы захватили и увели Габейдуллу-хана-Валіева, котораго впослѣдствіи, по вступившей къ намъ просьбѣ и желанію народа, возвратили его на родину. Начальство же кокчетавскаго приказа, оклеветавъ его въ мнимыхъ сношеніяхъ со мною, сослало его въ ссылку, т.-е. въ каторжныя работы. Габейдулла-ханъ-Валіевъ невиновенъ; съ нами никакихъ сношеній не имѣлъ и пришелъ не своевольно, но былъ схваченъ нами».

Упомянувъ о Валіевѣ, Кенисара возвращается снова къ ташкентскому походу, и какъ-бы въ оправданіе свое говоритъ:

«Послѣ того, находившіеся при насъ роды отняты коканцами, которые, кромѣ того, убили старшихъ братьевъ моихъ: Сарджанъ-султана, Исень-Гильди-султана и Алджанъ-султана; а вслѣдъ затѣмъ отца моего, султана Касима-Аблаева. Нынѣ (въ 1841 году) мы отправили на Коканъ войска, чтобы выручить находившіеся тамъ роды наши съ цѣлію употребить ихъ на службу государя! Этихъ родовъ было захвачено 6666 кибитокъ, которыя по выручении употреблены на службу Царю».

«Васъ, многомилостиваго и благодѣтельнаго губернатора, просимъ испросить намъ у императора, царя царей, срокъ на 35 лѣтъ и разрѣшенія, чтобы съ сибирской линіи на Улу-Тау и Кичи-Тау не высылали войскъ; если же на Улу-Тау войско пошлется, то жены и дѣти наши будутъ устрашены и не въ состояніи служить государю. До насъ дошелъ слухъ, что изъ Коканіи поѣхали четыре посланца, очернившіе насъ въ томъ, что будто мы ограбили караванъ; пусть же они изобличатъ насъ въ этомъ, а мы одной денежки не взяли съ каравана, и тотчасъ же,

когда были выручены роды, мы возвратились, не причинивъ имъ болѣе никакого вреда. Зимуемъ мы на Улу-Тау, а лѣто проводимъ на Кичи-Тау, по Тургаю Джаику [1]. Къ сему присовокупляемъ, что отъ службы царю мы не отказываемся и что бумагу коммисіи о высочайшемъ помилованіи объявилъ намъ султанъ Иртанъ-Турсуновъ, чему мы были сердечно рады. Въ удостовѣреніе чего султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ [2])».

Письмо это въ копіи было препровождено къ князю Горчакову, съ просьбою уступить желаніямъ Кенисары, т.-е. освободить хана Валіева и не высылать болѣе наблюдательныхъ постовъ на Улу-Тау и Кичи-Тау.

Вскорѣ за приведеннымъ письмомъ въ Оренбургѣ была получена новая просьба Кенисары, написанная имъ въ отвѣтъ на всемилостивѣйшее прощеніе. «Проникнутый благоговѣніемъ къ повелѣніямъ и власти великаго императора и шагиншаха (царя царей)—писалъ Кенисара—я буду служить ему сердцемъ и душою, вездѣ гдѣ буду находиться, далеко или близко. Но прибѣгаю къ вашему превосходительству съ просьбою исходатайствовать мнѣ соотвѣтствующій чинъ и грамоту. Я имѣю много враговъ, а сибирское начальство, кромѣ клеветы, ничего добраго ко мнѣ не питаетъ. При чемъ свидѣтельствую о братѣ моемъ, султанѣ Абульгазыѣ Касимовѣ, который, хорошо зная законы и обычаи россійскаго государства и другихъ владѣній, два года уже внушаетъ намъ постановленія Россіи, пріучая держаться и слѣдовать имъ, говоря, что великаго императора должно почитать и признавать не такъ, какъ хановъ другихъ государствъ и владѣній. Думаю, что за это онъ также достоинъ быть награжденнымъ приличнымъ чиномъ и грамотою; за что мы будемъ служить царю вѣрно, состоя подчиненными вамъ сардарями (т.-е. правителями или начальниками). Въ удостовѣреніе этого султанъ Кенисара Касимовъ печать приложилъ [3]).

Письмо это было отправлено въ Петербургъ, гдѣ находился въ то время Перовскій.

Какъ ни нахальны были новыя требованія лишь только прощеннаго мятежнаго султана, но графъ Перовскій, придавая особенное значеніе вліянію Кенисары на нашихъ кочевниковъ, вошелъ съ представленіемъ къ государственному вице-канцлеру объ удовлетвореніи домогательствъ Кенисары.

---

[1]) Степная рѣчка.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.

[3]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.

«...Если-бы правительство наше (писалъ Перовскій) нашло нужнымъ, въ настоящее время, упрочить русскую власть надъ кайсаками, кочующими къ востоку отъ Могоджара,—то я полагалъ бы возможнымъ употребить для сего съ пользою султана Кенисару и для поощренія его въ этомъ дѣлѣ исполнить настоящее его прошеніе».

Это было послѣднее ходатайство генерала Перовскаго за Кенисару; имѣло ли оно успѣхъ—изъ дѣлъ, которыми мы располагаемъ, — не видно. Представленіе же къ князю Горчакову объ освобожденіи хана Валіева и снятіи наблюдательныхъ постовъ, высылавшихся на Улу-Тау и Кичи-Тау, рѣшительно было отвергнуто. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что наблюдательные отряды высылаются на упомянутые пункты по высочайшему повелѣнію, и что онъ рѣшительно отказывается вѣрить «въ миролюбивыя заявленія султана Кенисары, неуклонно стремящагося къ полной независимости», чему онъ имѣетъ несомнѣнныя доказательства.

Однакожъ и эти новыя предостереженія князя Горчакова плохо подѣйствовали на оренбургскую администрацію; а между тѣмъ, въ то самое время, когда въ Оренбургѣ принимали на вѣру чуть не каждое слово Кенисары, вѣроломный султанъ велъ дѣятельные переговоры съ бухарскимъ эмиромъ, съ которымъ Касимовъ, со времени охлажденія къ нему хивинскаго хана и перваго союза въ Бухаріей, старался установить самыя тѣсныя отношенія.

Бухарскій эмиръ, готовясь къ новому походу въ Коканъ, желалъ возобновленія союза съ Кенисарой, предлагая ему отводъ самыхъ лучшихъ земель въ его ханствѣ съ сохраненіемъ полной независимости. Богатая пожива на счетъ ташкентскаго бека и месть сему послѣднему невольно склоняли мятежнаго султана въ пользу новаго союза съ Бухарой. Къ тому же, въ случаѣ неудачи въ русскихъ степяхъ,—Кенисара видѣлъ въ будущемъ убѣжище и радушный пріемъ у обязаннаго ему эмира.

Такимъ образомъ, обѣ договаривающіяся стороны очень хорошо понимали выгоды предполагавшагося союза, который поэтому состоялся между ними безъ долгихъ проволочекъ. Рѣшено было съ 1843 года возобновить военныя дѣйствія въ Коканѣ, при чемъ Кенисарѣ поручалось занять своими войсками Ташкенію, съ цѣлію раздробить коканскія силы и тѣмъ облегчить бухарскому эмиру покореніе Коканскаго ханства.

Объ этихъ приготовленіяхъ Кенисары къ новому походу въ Коканъ въ Оренбургѣ находились въ полномъ невѣдѣніи; за то зорко слѣдившій за каждымъ шагомъ опаснаго мятежника кн.

Горчаковъ, узнавъ отъ коканскаго посланника о состоявшемся соглашенiи бухарскаго эмира съ Кенисарою, тотчасъ же увѣдомилъ о томъ новаго оренбургскаго военнаго губернатора генерала Обручева, прося послѣдняго принять самыя энергичныя мѣры къ удержанiю безпокойнаго султана отъ враждебныхъ дѣйствiй противъ дружественнаго Россiи коканскаго хана.

Сообщенiе это встрѣчено было въ Оренбургѣ съ обычными недовѣрiемъ и холодностью, благодаря тому же обстоятельству, что во главѣ киргизскаго управленiя стоялъ все тотъ же, незабвеннѣйшiй для киргизовъ по своей гуманности, генералъ Генсъ. Легко могло случиться, что и новыя представленiя князя Горчакова прошли бы совершенно безслѣдно для Кенисары, если-бъ на бѣду послѣдняго не появились въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства значительныя шайки барантовщиковъ. Одна партiя мятежныхъ киргизовъ, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, была замѣчена по обѣимъ берегамъ р. Илека; другая, тоже значительная по численности своей, подъ предводительствомъ родного племянника Касимова, султана Сарджанова, произвела набѣгъ на аулы киргизовъ средней части орды Тлявова отдѣленiя, Богындыка и Сагындыка-Казбаевыхъ, кочевавшихъ, въ числѣ 40 ауловъ, при урочищѣ Талды-Иргизѣ; при чемъ хищниками отогнано было 600 лошадей, 200 верблюдовъ и ограблено все имущество кочевавшихъ здѣсь киргизовъ.

Хотя впослѣдствiи, по приказанiю Кенисары, все ограбленное имущество и скотъ были возвращены пострадавшимъ, но участiе въ барантѣ родного племянника Касимова заронило подозрѣнiе относительно миролюбiя султана Кенисары.

Чиновнику Ларiонову и генеральнаго штаба шт.-к. Шульцу, командированнымъ для разграниченiя земель оренбургскихъ киргизовъ съ сибирскими, поручено было собрать на мѣстѣ и доставить самыя точныя свѣдѣнiя: объ истинныхъ намѣренiяхъ Кенисары, относительно его союза съ Бухарой и о томъ угрожающемъ положенiи, которое принялъ Кенисара, по словамъ князя Горчакова, въ отношенiи Акмолинскаго округа сибирскихъ киргизовъ.

Свѣдѣнiя, доставленныя шт.-к. Шульцемъ, вполнѣ подтвердили сообщенiя изъ Сибири; чиновникъ же Ларiоновъ, напротивъ, сообщилъ данныя самаго успокоительнаго характера, и въ подтвержденiе своего донесенiя ссылался на возвращенiе, по приказанiю Кенисары, ограбленнаго хищниками имущества у киргизовъ Тлявова отдѣленiя, какъ на фактъ миролюбiя и покорности раскаявшагося мятежника. Такимъ образомъ, и новыя свѣдѣнiя о Кенисарѣ отличались, какъ и прежде, противорѣчiемъ и неточ-

ностью; но такъ какъ Шульцъ не скрылъ того обстоятельства, что доставленныя имъ свѣдѣнія получены отъ оберъ-квартирмейстера сибирскаго корпуса, то это и было причиною того, что его вполнѣ правдивыя донесенія не имѣли успѣха, и что оренбургская администрація расположена была болѣе вѣрить донесеніямъ Ларіонова.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ князю Горчакову былъ данъ весьма уклончивый отвѣтъ. Изъ Оренбурга отвѣчали князю, что Кенисара не производитъ никакихъ безчинствъ и разбоевъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства; къ тому же, кочуетъ онъ такъ далеко отъ Оренбурга, что зимняя экспедиція противъ него не имѣла бы желаемаго успѣха; что, наконецъ, слухи о его союзѣ съ Бухарой *суть не болѣе какъ частные слухи, еще сильно нуждающіеся въ подтвержденіи*, но что, во всякомъ случаѣ, отъ султана Кенисары затребованы объясненія, и оренбургское начальство охотно готово, если въ томъ представится надобность, укротить вѣроломнаго султана военною рукой.

Такимъ образомъ, продолжавшіяся несогласія и разладъ въ дѣйствіяхъ полемизирующихъ администрацій, по прежнему, покровительствовали замысламъ Кенисары.

Имѣя вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія какъ о союзѣ Касимова съ Бухарой, такъ и о тѣхъ опустошительныхъ набѣгахъ, которые производились шайками Кенисары въ сибирскихъ степяхъ, князь Горчаковъ, конечно, не могъ удовлетвориться полученнымъ изъ Оренбурга отвѣтомъ. Поэтому, съ препровожденіемъ возмутительныхъ прокламацій Кенисары, генералъ-губернаторъ Западной Сибири вошелъ съ новыми представленіями къ генералу Обручеву, требуя отъ него совмѣстныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ замысловъ опаснаго мятежника. Зная же равнодушіе къ своимъ требованіямъ оренбургской администраціи, князь Горчаковъ обратился, въ тоже время, къ государственному вице-канцлеру, прося пробудить энергію оренбургскаго начальства; при этомъ князь жаловался графу Нессельроде не только на бездѣйствіе оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ, во все время мятежа, но даже и на возбужденіе чиновниками оренбургскаго вѣдомства своихъ кайсаковъ къ ненависти и мести сибирскому вѣдомству. Въ подтвержденіе же своихъ словъ, князь Горчаковъ представилъ къ вице-канцлеру объявленіе, разосланное чиновникомъ Ларіоновымъ, по поводу набѣга сибирскаго отряда на аулы оренбургскихъ киргизовъ. Называя объявленіе это «прокламаціею чиновника Ларіонова», князь жаловался на оскорбительность тона этого документа для сибирской администраціи...

Выше мы замѣтили, что распря двухъ администрацій, преж-

де всего благопріятствуя Кенисарѣ и его замысламъ, всею тяжестью своей ложилась на нашихъ кочевниковъ, и теперь заносимъ документъ этотъ на страницы нашей лѣтописи, какъ историческое оправданіе извѣстной пословицы: что, «когда паны дерутся, — у хлопцевъ чубы трещатъ!» Вотъ содержаніе этого объявленія:

«Отъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ коллежскаго совѣтника Ларіонова.

«Управляющему оргынскаго рода джугары-чектинскимъ племенемъ старшинѣ члену Мусину и прочимъ почетнымъ біямъ.

«Въ маѣ мѣсяцѣ сибирскимъ отрядомъ разбито 17 ауловъ киргизовъ табынскаго рода, вѣдѣнія бія Байкадама, на Каракумѣ, около рѣчки Каргалы, при чемъ перебито много киргизовъ, дѣтей и женщинъ и разграблены у нихъ весь скотъ и имущество. Послѣ того, въ скоромъ времени, опять разбито 30 ауловъ киргизовъ чумекеевскаго рода, приверженныхъ бію Сармаку, кочевавшихъ на Каракумѣ, гдѣ также били людей безпощадно.

«Нынѣ сибирскій генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ предписалъ полковнику Гайсу возвратить ограбленный скотъ, имущество и отпустить задержанныхъ двухъ киргизовъ.

«Предлагаю вамъ, почтеннымъ біямъ, если вамъ извѣстно, то увѣдомить меня: 1) сколько именно было убито киргизовъ, женщинъ и дѣтей, сколько взято въ плѣнъ, сколько ограблено скота и сколько взято имущества, и 2) возвращенъ ли скотъ и имущество и отпущены ли взятые въ плѣнъ киргизы».

Если безспорно то, что выраженія, допущенныя Ларіоновымъ, были оскорбительны для сибирской администраціи, то, съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что неистовство сибирскихъ отрядовъ во время безпричинныхъ набѣговъ ихъ на аулы невинныхъ оренбургскихъ киргизовъ, кочующихъ сопредѣльно съ сибирской границей, вполнѣ заслуживали подобнаго рѣзкаго отзыва; и, по совѣсти говоря, за него нельзя было строго обвинять человѣка, глубоко сочувствовавшаго безвинно-разоряемымъ кочевникамъ. Такъ на это дѣло посмотрѣлъ и государственный вице-канцлеръ, ограничившійся тѣмъ, что, съ препровожденіемъ копіи съ приведеннаго воззванія къ генералу Обручеву, просилъ послѣдняго истребовать отъ Ларіонова объясненіе: «по какому праву издалъ онъ отъ своего имени столь неприличныя объявленія, не пояснивъ притомъ, имѣлъ ли онъ на то приказаніе своего начальства?....»

Поступить инымъ образомъ графъ Нессельроде не имѣлъ причинъ, въ виду тѣхъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о Кенисарѣ, кото-

рыя, вступая къ нему отъ оренбургскаго и сибирскаго начальствъ, мѣшали установиться на это дѣло опредѣленному взгляду.

По распоряженію генерала Обручева чиновникъ Ларіоновъ, какъ бы въ наказаніе, былъ вызванъ изъ степи въ Оренбургъ, о чемъ тогда же донесено канцлеру и сообщено кн. Горчакову. Существенной же перемѣны въ политикѣ съ Кенисарою не произошло и въ Оренбургѣ, по прежнему, продолжали предпочитать, до конца 1842 года, въ отношеніи степныхъ мятежниковъ, систему оффиціальныхъ предостереженій и увѣщаній системѣ энергичныхъ вторженій сибирскихъ отрядовъ, имѣвшую послѣдствіемъ,—какъ справедливо замѣтилъ покойный гр. Перовскій,—одно лишь разореніе мирныхъ кочевниковъ и увеличеніе числа приверженцевъ Кенисары.

Между тѣмъ, въ концѣ 1842 г., въ Оренбургѣ было получено новое письмо отъ мятежнаго султана, въ которомъ онъ, замаскировывая свои отношенія къ Бухарѣ и Кокану, писалъ:

«Не переступая повелѣній отъ 14-го октября и 25-го ноября минувшаго года[1]), мы чрезъ султана Иртана Турсунова донесли о готовности нашей служить великому государю, и о томъ, что 15-го марта (1258 г.) 1841 г., отправляясь на Кара-Тау, вывели роды[2]): Танали, Тимишь, Алты-Ай, Тука, Бурджи, Каракисякъ и Тараклы, и потомъ возвратились. Ежели же ваше прев-ство изволите думать, что я отправлялся на Коканъ и дѣлалъ нападенія, то да будетъ извѣстно, что мы съ Коканомъ никакихъ дѣлъ не имѣли, кромѣ того, чтобы выручить аулы наши и употребить ихъ на службу законному государю. Послѣ того, вы изволили увѣдомить, что сынъ султана Сарджано Ирджанъ сдѣлалъ нападеніе на волость Тимишь, при урочищѣ Джатъ, но мы объ этомъ ничего не знали и совершенно его чужды. Ваше прев-ство одарены мудростью и умомъ, чтобы судить, что мы, будучи подданными государя, никогда не станемъ вредить другимъ подданнымъ его величества, которые находятся въ покорности».

Письмо это произвело, если не вполнѣ, то все же относительно благопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ оно задержало возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Кенисары, со стороны оренбургскаго корпуса, до слѣдующаго года.

---

[1]) См. выше письма В. А. Перовскаго къ Кенисарѣ.

[2]) Тѣ 6000 кибитокъ, о которыхъ упоминаетъ Кенисара въ своемъ письмѣ къ Перовскому.

VI.

(1843 годъ). Предложеніе вице-канцлера. — Письмо по этому поводу генерала Обручева къ кн. Горчакову.—Перемѣна политики съ Кенисарой.—Оправданія Кенисары. — Безпорядки внутри края: Челябинскій бунтъ и волненіе вновь обращеннаго казачества [1]).

Съ наступленіемъ 1843 года, Кенисара и его приверженцы совершенно беззастѣнчиво нападаютъ на крайніе пункты сибирской линіи и на аулы тамошнихъ кочевниковъ, сопровождая свои набѣги убійствомъ, усиленнымъ грабежемъ и захватомъ плѣнныхъ. Еще въ концѣ 1842 года, Кенисара простеръ свою дерзость до явныхъ нападеній на съемочные отряды сибирскаго вѣдомства, которые поэтому не могли, вполнѣ точно, исполнить возложеннаго на нихъ порученія.

Въ виду такихъ безпорядковъ, кн. Горчаковъ, минуя оренбургское начальство, обратился къ государственному канцлеру съ просьбою—предложить оренбургской администраціи принять самыя строгія мѣры относительно султана Кенисары. Слѣдствіемъ этого ходатайства было то, что покойный императоръ, чрезъ гр. Нессельроде, объявилъ генералу Обручеву свое непремѣнное желаніе, чтобы Кенисарѣ было предписано откочевать съ границъ сибирской степи къ оренбургской линіи. «Но (говорилось въ этомъ предложеніи вице-канцлера) государю угодно, чтобы ваше превосходительство, не прибѣгая къ оружію, испытали-бы еще разъ, письменно, пригласить Кенисару — исполнить волю его величества».

Въ противномъ случаѣ, оренбургскій военный губернаторъ уполномочивался объявить Кенисару явнымъ мятежникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ, и употребить противъ него войска оренбургскаго корпуса. Оренбургской пограничной коммиссіи предложено было изыскать средства мирнымъ путемъ удержать Кенисару отъ его вмѣшательствъ въ дѣла сибирскихъ кочевниковъ, и отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи вообще.

Исполняя это порученіе, предсѣдатель коммиссіи представилъ проектъ учрежденія особаго султана-правителя на Сыръ-Дарьѣ, на котораго возлагалось наблюденіе за всѣми дѣйствіями мятежнаго султана; для удержанія же Кенисары отъ явнаго возстанія, въ распоряженіе сыръ-дарьинскаго султана предполага-

---

[1]) Дѣла канц. генералъ-губернатора: о мятежныхъ поступкахъ Кенисары, № 497 и 855 о безпорядкахъ въ Сибирской степи; записка очевидца о волненіяхъ новообращеннаго казачества и челябинскія лѣтописи.

лось командировать 2-хъ-сотенный казачій отрядъ, при 2-хъ орудіяхъ.

Объ этихъ распоряженіяхъ тогда же было сообщено князю Горчакову; но при этомъ генералъ Обручевъ счелъ долгомъ предупредить генералъ-губернатора Западной Сибири, что вліяніе оренбургской администраціи на нѣкоторые роды оренбургскихъ кочевниковъ и на Кенисару въ особенности—нельзя признавать прочнымъ. Для убѣжденія же кн. Горчакова въ этомъ заявленіи были приложены: вѣдомость о всѣхъ вообще киргизахъ восточной, средней и западной частей, состоящихъ въ оренбургскомъ вѣдомствѣ, съ объясненіемъ: родовъ, отдѣленій, числа кибитокъ и душъ, а также начальниковъ ихъ и съ обозначеніемъ тѣхъ, которые совершенно покорны, и на коихъ оренбургское начальство имѣетъ весьма слабое вліяніе. Затѣмъ, къ этому же письму приложено было и краткое извлеченіе изъ упомянутой вѣдомости съ обозначеніемъ главныхъ киргизскихъ родовъ, ихъ кочевокъ, и степени непокорности оренбургскому начальству; здѣсь же была приложена карта киргизской степи, съ показаніемъ мѣстъ кочевокъ разныхъ родовъ и отдѣленій оренбургскихъ кайсаковъ.

Для наглядности, въ какомъ положеніи къ русской зависимости находилась степь оренбургскихъ киргизовъ, во время кенисаринскаго бунта, мы полагаемъ, будетъ не лишнимъ привести здѣсь упомянутое выше извлеченіе изъ приведенной вѣдомости киргизскимъ родамъ. Вотъ это росписаніе кайсацкихъ родовъ, съ обозначеніемъ степени ихъ зависимости отъ Россіи:

Киргизы Аргинскаго рода, кочующіе по границѣ оренбургскихъ и сибирскихъ киргизовъ и далѣе до р. Тургая, покорны; но правительство имѣетъ только малое вліяніе на тѣ отдѣленія этого рода, которыя кочуютъ въ дальнемъ разстояніи отъ линіи.

Кипчакскаго рода, кочующіе между Тоболомъ и новою линіею,—совершенно покорны; но на кочующихъ около р. Сыръ-Дарьи правительство не имѣетъ вліянія.

Кирейскаго рода, кочующіе между Тоболомъ и сибирскою границею совершенно покорны.

Яппаскаго рода, кочующіе между старою и новою линіями, также совершенно покорны; но на живущихъ около Сыръ и Куванъ-Дарьи власть правительства ничтожна.

Джагалбайлинскаго рода, кочующіе между новой и старой линіями и вдоль по новой линіи, совершенно покорны.

Чеклинскаго рода, кочующіе на вершинахъ Илека, Эмбы, Ори и Иргиза, большею частію покорны, только нѣсколько отдѣленій тляу-кабаковъ и чумекеевъ, кочующихъ въ Барсукахъ, около Аральскаго моря и на Сыръ-Дарьѣ—мало повинуются.

Байулинскаго рода, кочующіе отъ Каспійскаго моря вдоль Уральской линіи, вообще покорны, кромѣ отдѣленія адаевцевъ и другихъ кочующихъ на Усть-Уртѣ.

Алимулинскаго рода, кочующіе между Илецкою Защитою, лѣвымъ берегомъ Эмбы и Барсуками, вообще также покорны, исключая нѣсколькихъ отдѣленій кита, кочующихъ въ дальномъ разстояніи отъ линіи.

Семиродскаго рода, кочующіе отъ р. Утвы до Илека вдоль линіи, вообще покорны. Такое, скорѣе враждебное, отношеніе большинства киргизскихъ родовъ къ русской власти, конечно, тоже не мало благопріятствовало успѣху кенисаринскаго мятежа. Пояснивъ Горчакову, насколько въ данный моментъ трудно было оренбургской администраціи однимъ вліяніемъ удерживать своевольныхъ кайсаковъ, генералъ Обручевъ увѣдомилъ его, что объ ассигнованіи 5,000 руб., для предстоящаго поиска, онъ вошелъ съ представленіемъ къ военному министру, но что, предварительно этого, еще разъ рѣшился подѣйствовать на Кенисару угрозами и увѣщаніемъ.

И дѣйствительно, въ тоже время Кенисарѣ было предписано немедленно прикочевать къ оренбургской линіи, если онъ не хочетъ потерять объявленной ему императорской милости. Бумага эта, отличаясь отъ прежнихъ сношеній съ Кенисарою повелительностью и рѣзкостью тона, произвела на Касимова сильное впечатлѣніе. Мятежный султанъ не могъ не замѣтить нѣкотораго поворота въ политикѣ оренбургской администраціи съ нимъ, и потому, съ султаномъ Саналіемъ Мурзагаліевымъ, доставившимъ ему предписанія генерала Обручева, прислалъ на имя генерала Генса (на снисхожденіе котораго онъ разсчитывалъ болѣе, чѣмъ на великодушіе новаго губернатора) письмо, въ которомъ доказывалъ свою преданность Россіи тѣми услугами, которыя, по его словамъ, онъ оказалъ русскому правительству.

«Я знаю—писалъ Кенисара Генсу—что вы мнѣ много дѣлаете добраго и увѣренъ, что мнѣ не будетъ никакого вреда, пока вы будете проживать въ Оренбургѣ въ добромъ здоровьи. Я очень желалъ бы видѣться съ вами и имѣю о многомъ доложить государю императору.

«Я заставилъ перекочевать къ Уралу киргизовъ большой, средней и малой орды, кочевавшихъ въ окрестностяхъ не подвѣдомственныхъ Россіи владѣній: Бухаріи, Хивы и Коканіи,—гдѣ же зло, учиненное будто бы мною? Преданность мою можно видѣть изъ того, что я содѣйствовалъ въ прошедшемъ году султанамъ-правителямъ Ахмеду и Араслану Джантюринымъ, при сборѣ верблюдовъ и барановъ съ киргизовъ, кочующихъ вмѣстѣ

со мною,—въ то время, когда я могъ воспрепятствовать этому, потому что народъ сначала-было бѣжалъ отъ этого сбора, но я удержалъ его и увѣщаніями своими заставилъ отдать требованное. Вы думаете, можетъ быть, что я разстроивалъ народъ? напротивъ, если-бъ я думалъ объ этомъ, то на Уралѣ не осталось бы киргизовъ; ежели бы я увидѣлъ васъ, то кромѣ этого много имѣлъ бы до васъ просьбъ.

«Не вѣрьте лжецамъ; вы близки государю и намъ покровительствуете, а потому прошу васъ довести до свѣдѣнія государя императора о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ. Этимъ сдѣлаете намъ великую милость. Султаны, обратившіе на себя ваше вниманіе, не лучше насъ, подобно имъ и мы будемъ служить царю».

Въ другомъ письмѣ Кенисара извѣщалъ, что онъ получилъ предписаніе о движеніи его къ оренбургской линіи и что безпрекословно ему повинуется; что онъ готовъ лично предстать передъ начальствомъ, чтобы имѣть случай оправдать себя [1].

Но съ мѣста не двинулся.

Генералъ Обручевъ не удовольствовался приведенными письмами, и приказалъ пограничной коммиссіи подвергнуть строгому допросу посылавшагося къ «Кенисарыю» султана Саналія Мурзагаліева. При этомъ отъ коммиссіи было затребовано объявленіе: по какому поводу и праву султаны Джантюрины собирали верблюдовъ и барановъ съ киргизовъ, кочующихъ съ Кенисарою, насколько искренни его миролюбивыя заявленія и почему онъ ничего не отвѣчалъ на предписаніе, данное ему Обручевымъ, о немедленномъ приближеніи его къ оренбургской линіи?

Отобранное показаніе отъ султана Саналія можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ безтактности оренбургской политики въ степи, безтактности, которая тоже не мало служила въ пользу Кенисары, умѣвшаго пользоваться всѣми промахами своихъ противниковъ.

Такъ преждевременное заключеніе подъ стражу дяди Кенисары султана Карабая, присланнаго имъ заложникомъ [2], по словамъ Мурзагаліева, остановило намѣреніе Кенисары прикочевать къ оренбургской линіи, внушивъ ему опасеніе подвергнуться участи своего дяди.

Подобная, повидимому, разумная причина, выставленная Кенисарою въ оправданіе своего невольнаго ослушанія приказанію военнаго губернатора, подѣйствовала на оренбургское начальство. Такъ что, когда Кенисара вновь прислалъ письмо, съ просьбою

---

[1]) Перевелъ съ татарскаго Батаршинъ.
[2]) Въ 1841 году по требованію Перовскаго.

объ освобожденіи изъ-подъ стражи султана Карабая и о возвращеніи въ орду схваченныхъ сибирскими отрядами родственниковъ его,—султановъ Габайдулы и Мустафы, то генералъ Обручевъ поколебался, и даже готовъ былъ снова дать вѣру раскаянію мятежнаго султана. Но въ это время Кенисара, предводительствуя значительной шайкой хищниковъ, произвелъ опустошительный набѣгъ на 130 ауловъ яппаскаго и алтынскаго родовъ, при чемъ былъ убитъ сынъ одного изъ преданныхъ Россіи біевъ за урядъ-хорунжій Алтыбай Кубековъ. Послѣднія событія показали наконецъ оренбургской администраціи всю коварность политики хитраго султана, который велъ переговоры лишь ради того, чтобъ успѣть безпрепятственно усилиться для предстоящей ему борьбы за полную независимость. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Кенисара, вышедшій изъ Хивы съ жалкими остатками своихъ джигитовъ, успѣлъ, во время ведшихся переговоровъ, усилить свое скопище (съ небольшимъ въ годъ) до 5000 ауловъ, изъ родовъ Багоналинскаго и Аргынскаго двухъ племенъ—Джугары и Тюмень-Чекты, Табынскаго, Таминскаго, Байбачинскаго, Чиклинскаго, Чумекеевскаго, Яппаскаго и другихъ.

Рѣшено было наказать мятежнаго султана силою оружія. По предложенію военнаго министра, генералъ Обручевъ и князь Горчаковъ, по взаимному соглашенію, въ мартѣ 1843 года представили въ министерство свои соображенія: о предполагавшейся двухсторонней экспедиціи въ степь — отъ войскъ сибирскаго и оренбургскаго корпусовъ, для наказанія султана Кенисары и разсѣянія его скопища. Но въ то самое время, когда, съ приближеніемъ весны, оренбургскій отрядъ уже готовъ былъ къ выступленію въ степь, событія внутри края задержали это выступленіе и отвлекли вниманіе военнаго губернатора отъ Кенисары.

Въ началѣ мятежъ государственныхъ крестьянъ челябинскаго уѣзда, вспыхнувшій въ апрѣлѣ 1843 года, по поводу распространившихся въ народѣ нелѣпыхъ толковъ о закрѣпленіи всего челябинскаго уѣзда за помѣщикомъ Кульневымъ, вынудилъ генерала Обручева принять дѣятельное участіе въ подавленіи бунта, принявшаго широкіе размѣры [1]. А по усмиреніи челябинцевъ, безпорядки въ селеніяхъ, недавно обращенныхъ въ казачество крестьянъ, тоже потребовали присутствія съ войсками военнаго губернатора въ станицѣ Павловской и въ другихъ волновав-

[1] См. нашу статью: бунтъ государств. крестьянъ Челяб. уѣзда въ 1843 г. «Вѣст. Европы», апрѣль 1868 г.

шихся мѣстностяхъ. Преданіе гласитъ, что послѣдніе безпорядки и печальныя ихъ послѣдствія были вызваны, такъ сказать, гражданскою администраціею края въ лицѣ губернатора Талызина.

Когда создавалась, по проекту генералъ-адъютанта Перовскаго, новая оренбургская линія, то высшимъ правительствомъ было предоставлено жителямъ тѣхъ селеній, гдѣ долженствовала пройти проектируемая линія, буде они не пожелаютъ записаться въ оренбургское казачество, право переселиться на особо отведенныя имъ земли—если не ошибаемся—въ бузулукскомъ уѣздѣ, нынѣ Самарской губерніи.

Если вѣрить преданію, губернаторъ Талызинъ не принялъ на себя труда объяснить крестьянамъ упомянутаго разрѣшенія о правѣ нежелающихъ идти въ казаки переселяться на новыя мѣста, но беззастѣнчиво донесъ генералу Перовскому, а этотъ послѣдній, основываясь на донесеніи гражданскаго губернатора, покойному государю: что жители всѣхъ тѣхъ заселенныхъ мѣстъ, гдѣ должна пройти линія, въ похвальномъ рвеніи исполнить священную для нихъ волю государя, единогласно пожелали въ казаки.

Послѣдствія столь легкаго и крайне небрежнаго отношенія гражданской власти къ судьбамъ ввѣреннаго ея попеченію крестьянства не замедлили обнаружиться. Еще къ генералу Перовскому поступило пропасть просьбъ отъ новообращенныхъ казаковъ, не хотѣвшихъ оставаться въ войскѣ и желавшихъ воспользоваться высочайше предоставленнымъ правомъ переселенія на новыя мѣста.

Вступленіе подобныхъ просьбъ поставило въ крайне затруднительное положеніе графа Перовскаго, въ виду того донесенія, какое онъ сдѣлалъ, основываясь на заявленіи губернатора Талызина покойному императору. Преданіе разсказываетъ, что В. А. Перовскій вытребовалъ къ себѣ изъ Уфы гражданскаго губернатора, страшно распекъ его за ложное донесеніе, котораго онъ сдѣлался невольнымъ участникомъ и приказалъ Талызину, подъ личною отвѣтственностію, поправить свою ошибку какъ знаетъ.

Вскорѣ Перовскій оставилъ свой постъ, а губернатору Талызину удалось кое-какъ на время зажать ротъ недовольнымъ массамъ; но глухой ропотъ народа продолжался и, въ 1843 году, перешелъ въ открытое возмущеніе. Конечно, возстаніе это было подавлено тѣми же мѣрами, какъ и челябинскій бунтъ, но интересно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что оренбургской администраціи нисколько не было совѣстно истязать народъ же-

стокой экзекуціей, народъ, двинутый къ возстанію ея же ошибкой, подставившей народную спину подъ казацкую нагайку и шпицрутены генерала Обручева.

VII.

Движеніе оренбургскаго отряда въ степь. Инструкція В. С. Лебедеву. Хитрость Кенисары и торжество оренбургскихъ политиковъ. Тревожныя вѣсти изъ степи: усиленіе Кенисары и набѣгъ его на среднюю орду. Представленіе генер. Обручева вице-канцлеру [1]).

Усмиреніе безпорядковъ внутри края задержало экспедицію противъ Кенисары до іюня мѣсяца, въ первыхъ числахъ котораго отрядъ, состоящій изъ 304 человѣкъ при одномъ трехъфунтовомъ единорогѣ, долженъ былъ выступить изъ Орской крѣпости. Командованіе отрядомъ было поручено войсковому старшинѣ Лебедеву, успѣвшему зарекомендовать себя еще во время перваго похода противъ Кенисары въ 1839 году. Въ помощь начальнику экспедиціи былъ прикомандированъ офицеръ генеральнаго штаба Романовъ, обязанность котораго, кромѣ того, состояла въ собраніи возможно бо́льшаго количества свѣдѣній о малоизвѣстныхъ частяхъ степи, посредствомъ личныхъ обозрѣній и, гдѣ возможно, топографической рекогносцировки, въ особенности на обратномъ слѣдованіи по бухарской караванной дорогѣ, ведущей отъ Большого Тургая на г. Троицкъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ полное невѣдѣніе оренбургскимъ начальствомъ торговыхъ путей и апатичное отношеніе администраціи края къ утвержденію нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи.

Такимъ образомъ, экспедиція эта имѣла двоякую цѣль: съ одной стороны наступательное движеніе противъ Кенисары, и съ другой научное изслѣдованіе мало извѣстныхъ степныхъ пространствъ.

Отдавая полную справедливость стремленіямъ оренбургской администраціи познакомиться со степью ближе, нельзя не сознаться однакожъ, что такое похвальное стремленіе, пришедшее на умъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ по присоединеніи степи къ Россіи, пришло немножко поздно; но ужъ вѣрно таковъ складъ ума русскаго человѣка, привыкшаго ѣздить на трехъ любимыхъ

---

[1]) Дѣло канцел. генер. губернатора «о мятежныхъ поступкахъ султана Кенисары Касимова и о происшествіяхъ въ степи и на линіи, происшедшихъ отъ его скопищъ», № 954.

имъ конькахъ: «авось, небось и какъ-нибудь», и создавшаго про себя безсмертную, по своей мѣткости опредѣленія, пословицу: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ...»

Въ этомъ случаѣ оренбургская администрація была вполнѣ русскою, ибо пришла къ сознанію о лучшемъ знакомствѣ со степью только въ то время, когда ей уже пришлось дѣйствовать противъ Кенисары, знавшаго вдоль и поперегъ обѣ русскія степи. Оренбургскія власти постоянно удивлялись тому, что Кенисара всегда ускользалъ изъ рукъ нашихъ поисковъ, но мы не видимъ тутъ ничего чрезвычайнаго: хорошее знакомство со степью давало мятежному султану возможность, съ быстротою ястреба, перелетать съ мѣста на мѣсто отъ нашихъ отрядовъ, двигавшихся за нимъ черепашьимъ шагомъ, ощупью, въ открытой степи, какъ въ темномъ лѣсу, опасаясь, на каждомъ шагу, благодаря предательству вожаковъ-киргизовъ, попасть въ безкормныя и безводныя мѣста, быть брошенными вожаками и, наконецъ, погибнуть голодной смертью въ невѣдомой пустынѣ...

Такъ какъ главная цѣль движенія въ степи оренбургскаго отряда должна была состоять въ содѣйствіи отряду сибирскаго вѣдомства, то войсковому старшинѣ Лебедеву предложено было, во все время нахожденія его въ степи, соображаться съ дѣйствіями сибирскихъ войскъ.

Несмотря на то, что Лебедева выбралъ опытный глазъ Перовскаго, умѣвшій отгадать въ немъ человѣка съ большими военными способностями и сообразительностью, — генералъ Обручевъ счелъ нужнымъ дать ему особую инструкцію, главные пункты которой заключались въ слѣдующемъ: 1) отрядъ долженъ былъ выступить изъ Орской крѣпости никакъ не позже 7-го числа іюня мѣсяца; направляясь по р. Камышаклѣ, вершинамъ Большого Иргиза, чрезъ уроч. Карсакъ-Баши, на Большомъ Тургаѣ, долженъ былъ слѣдовать быстрыми переходами къ оз. Акъ-Куль, куда по разсчету времени могъ достигнуть около 25-го іюня. Еще по прибытіи на Большой Тургай Лебедеву вмѣнялось въ обязанность немедленно войти, посредствомъ надежныхъ киргизовъ, въ сношенія съ сибирскимъ отрядомъ и поддерживать ихъ какъ можно чаще, въ продолженіи всѣхъ дѣйствій противъ Кенисары и приверженныхъ къ нему кайсаковъ, для того, чтобы постоянно быть въ извѣстности объ ихъ положеніи, и о мѣрахъ, какія начальникъ сибирскаго отряда будетъ предпринимать противу мятежниковъ, «дабы совокупными дѣйствіями споспѣшествовать успѣшному окончанію предпріятія». Еслибы Лебедевъ, по прибытіи на озеро Акъ-Куль не получилъ

отъ подполковника Кривоногова [1]) никакихъ извѣстій, то инструкція обязывала его остановиться тамъ впредь до полученія таковыхъ.

2) Для избѣжанія какихъ-либо недоразумѣній въ сношеніяхъ нашихъ съ владѣтелями Средней Азіи, на основаніи высочайшей воли, вмѣнялось Лебедеву въ обязанность уклоняться отъ всякаго вмѣшательства въ происходившія тогда распри между бухарцами, хивинцами и коканцами, и потому онъ никакъ не долженъ былъ простирать поисковъ своихъ въ оренбургскихъ предѣлахъ далѣе Сыръ-Дарьи и озера Теле-Куль, а въ сибирскихъ далѣе р. Чу, избѣгая всякаго столкновенія съ бухарцами и коканцами.

3) Дѣйствуя противъ Кенисары, Лебедеву вмѣнялось избѣгать всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ мирными родами какъ оренбургскаго, такъ и сибирскаго вѣдомствъ, не обличенными въ сочувствіи мятежнику. Только въ крайнемъ случаѣ, при явныхъ покушеніяхъ съ ихъ стороны къ нанесенію вреда, дозволялось употребить противу нихъ силу.

4) При поискахъ за подлежащими наказанію киргизами, говорилось далѣе въ инструкціи, стараться захватывать главныхъ зачинщиковъ и людей, пользующихся какимъ-либо вліяніемъ, начиная съ самого султана Кенисары Касимова, его родственниковъ и главныхъ сообщниковъ, наказывая по усмотрѣнію Лебедева одни только враждебные аулы, строжайше воспрещалось, чтобы во время похода, отъ выступленія съ линіи и до обратнаго возвращенія, не было производимо грабежа и другихъ безпорядковъ у покорныхъ и мирныхъ киргизовъ, а также, чтобы нигдѣ отъ нихъ безденежно ничего не бралось. Въ противномъ же случаѣ, «за всякое насильство взыскивать съ виновнаго строжайшимъ образомъ и о таковыхъ поступкахъ каждаго», было приказано доносить Обручеву для поступленія по законамъ.

5) Не обременять отрядъ отбиваемымъ скотомъ, дабы чрезъ то не ослабить его, стараясь всегда имѣть во фронтѣ болѣе людей, а при вьюкахъ какъ можно меньше; и

6) Принимать постоянно строжайшія мѣры осторожности отъ внезапнаго нападенія киргизовъ на отрядъ, во время слѣдованія, приваловъ и ночлеговъ, и въ особенности при дѣйствіяхъ противъ Кенисары.

Въ заключеніе, сообщивъ Лебедеву главную цѣль движенія ввѣреннаго ему отряда и присовокупивъ, что мѣстность, на коей преимущественно кочуютъ султанъ Кенисара и приверженные

---

[1]) Начальникъ сибирскихъ войскъ.

ему роды, заключается на югъ отъ г. Улу-Тау, между озерами: Чубаръ-Денгизъ, Улькунъ-Денгизъ, р. Матай-Карасу, по р. Кингиръ, и указавъ первоначальныя дѣйствія противъ Кенисары и его сообщниковъ, Обручевъ предоставлялъ Лебедеву окончить порученіе, соображаясь со свѣдѣніями, какія онъ соберетъ на мѣстѣ и по сношеніямъ съ начальниками сибирскихъ отрядовъ.

10-го іюня, отрядъ двинулся изъ Орской крѣпости въ степь, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько переходовъ, какъ повстрѣчался съ шайкою въ полторы тысячи человѣкъ, хорошо вооруженныхъ ордынцевъ, подъ предводительствомъ Кенисары. Движеніемъ къ оренбургской линіи Кенисара хотѣлъ обмануть генерала Обручева мнимой покорностью его приказаніямъ и тѣмъ остановить намѣреніе оренбургскаго начальства двинуть противъ него войска. Хитрость эта, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ удалась вѣроломному мятежнику.

Войсковой старшина Лебедевъ, не надѣясь на свои силы, вступилъ съ Кенисарою въ переговоры и объяснивъ ему, что онъ находится для прикрытія съемочныхъ партій, производящихъ въ степи работы, въ знакъ своего миролюбія отступилъ къ Орской крѣпости, о чемъ тогда же донесъ генералу Обручеву. Пограничная коммиссія, съ своей стороны, сообщила оренбургскому военному губернатору, что, по полученнымъ ею свѣдѣніямъ, Кенисара прикочевалъ къ горѣ Карача-Тау, отстоящей отъ Орской крѣпости не болѣе 200 верстъ, откуда намѣревается придвинуться еще ближе къ линіи и на рѣчкѣ Ургисѣ ожидать повелѣнія начальства.

Причемъ предсѣдатель коммиссіи высказалъ мнѣніе, что движеніе Кенисары къ линіи есть несомнѣнный фактъ его миролюбія и готовности подчиниться приказаніямъ оренбургскаго начальства. Къ этому представленію были приложены два новыхъ письма Кенисары, исполненныя миролюбивыхъ заявленій и жалобъ на клеветы его враговъ и на обиды, понесенныя имъ отъ нѣкоторыхъ ордынскихъ родовъ.

Генералъ Обручевъ, раздѣляя мнѣніе пограничной коммиссіи, предписалъ Лебедеву воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ султана Кенисары и, не трогаясь съ позиціи, ограничиться наблюденіемъ за всѣми дѣйствіями мятежнаго султана. При этомъ Лебедеву вмѣнялось въ обязанность сблизиться съ Касимовымъ и постараться самому, или чрезъ благонадежныхъ лицъ, узнать истинныя намѣренія Кенисары. Пограничной же коммиссіи предложено было немедленно распорядиться отводомъ мѣстъ кочевокъ для Касимова и заготовить ему два письма, отъ генераловъ Генса и Обручева, имѣвшихъ цѣлью увѣрить мя-

тежнаго султана, что если онъ будетъ кочевать мирно на отведенныхъ ему земляхъ, то всѣ его просьбы будутъ исполнены, и что объ освобожденіи султана Карабая и другихъ родственниковъ его, захваченныхъ сибирскими отрядами, будетъ сдѣлано представленіе къ государственному вице-канцлеру.

Въ этихъ же письмахъ султанъ Кенисара былъ приглашаемъ прибыть въ Оренбургъ для личныхъ объясненій съ генераломъ Генсомъ, согласно выраженнаго имъ прежде желанія.

Движеніе Кенисары къ оренбургской линіи было истиннымъ праздникомъ и гордостью новаго оренбургскаго губернатора, спѣшившаго донести государственному канцлеру о блестящихъ результатахъ его политики съ Кенисарой. Генералъ Обручевъ придавалъ особенное значеніе прибытію Кенисары по первому его требованію къ уроч. Карача-Тау, какъ обстоятельству, отдававшему ему преимущество въ политической ловкости передъ его предмѣстникомъ. Словомъ, новый военный губернаторъ въ чаду самообольщенія дошелъ до того, что заключилъ свое донесеніе вице-канцлеру слѣдующими словами: «какъ слѣдуетъ поступить съ самимъ Кенисарою, если бы онъ, по приглашенію генерала Генса, прибылъ въ Оренбургъ, или на линію для личныхъ объясненій съ нимъ»?

Торжество оренбургскихъ политиковъ было очень непродолжительно, потому что, вслѣдъ за донесеніемъ о совершенной покорности Кенисары, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, какъ писалъ канцлеру генералъ Обручевъ, въ Оренбургъ, изъ степи, стали приходить весьма серьезныя вѣсти. Такъ возьмемъ, напримѣръ, донесеніе войскового старшины Лебедева, въ которомъ начальникъ отряда, высланнаго противъ Кенисары, приводитъ мнѣніе старшины Аргынскаго рода поручика Язы-Янова насчетъ истинныхъ намѣреній Кенисары:

«Яновъ говоритъ о немъ, т.-е. о Кенисарѣ — писалъ Лебедевъ—что если Кенисара и показалъ свою готовность прикочевать къ линіи и исполнять волю начальства, то это не болѣе, какъ только одна хитрость, доказывающаяся тѣмъ, что аулы Кенисары теперь кочуютъ неизвѣстно гдѣ, а самъ онъ съ вооруженнымъ скопищемъ въ 8,000 человѣкъ, разъѣзжая по степи, присоединяетъ къ себѣ необузданныхъ киргизовъ средней части орды, которыхъ большая часть уже передалась ему, и изъ коихъ дюрткаринцы, при проѣздѣ Язы-Янова въ отрядъ захватили-было его съ товарищами близь Иргиза въ плѣнъ и только чрезъ два дня отпустили. Находясь же у дюрткаринцевъ, Яновъ узналъ, что въ теченіе нынѣшняго лѣта присоединилось къ Кенисарѣ множество разныхъ отдѣленій, особенно альчинскаго

рода и потому Касимовъ сдѣлался здѣсь гораздо сильнѣе, нежели былъ прежде въ сибирскихъ предѣлахъ, не смотря на то, что большая часть тамошнихъ киргизовъ отъ него отложилась».

Поручикъ Язы-Яновъ, обнаруживая вообще недовѣрчивость къ дѣйствіямъ Кенисары, объяснилъ, что «скопище своевольныхъ киргизовъ при Кенисарѣ, будучи теперь на сытыхъ лошадяхъ, отуманенное кумызомъ и находясь въ весьма выгодномъ соединеніи множества родовъ и отдѣленій, — готово отважиться на всякую дерзость...»

Нѣсколько позже, тотъ же Лебедевъ доносилъ, что у джигалбайлинцевъ, кочующихъ въ вершинахъ р. Тобола, шайкою приверженныхъ къ Кенисарѣ киргизовъ угнано до 200 лошадей, изъ которыхъ хищники выбрали только нѣсколько доброѣзжихъ, оставивъ прочихъ хозяевамъ. Обстоятельство это, по словамъ Лебедева, тоже произвело въ степи благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ многіе изъ кайсаковъ одобряли «такое дѣйствіе», находя въ немъ великодушіе Кенисары, который беретъ только необходимое, а не угоняетъ всего, какъ то дѣлаютъ обыкновенные барантовщики. «Даже въ самыхъ прилинейныхъ джигалбайлинцахъ замѣчается неблагонадежность (писалъ Лебедевъ), потому что съ прибытіемъ отряда къ р. Ори, изъ множества кочующихъ по лѣвому ея берегу ауловъ ни одинъ мѣстный и дистаночный старшина не явился въ отрядъ, какъ это всегда бывало прежде, и даже находящихся при отрядѣ вожаковъ, своихъ однородцевъ, джигалбайлинцы называли русскими «кафирами», прогоняя ихъ отъ себя «и отказывая въ чашкѣ кумыза»; чтобы еще болѣе убѣдиться въ нерасположеніи ордынцевъ къ русскимъ, Лебедевъ посылалъ къ нимъ за покупкою барановъ, но никто ему не продавалъ ни одного. Далѣе, Лебедевъ высказываетъ предположеніе, что эти же киргизы доставляютъ Кенисарѣ свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ, какія дѣлаются на линіи и, въ особенности, о выступленіи отрядовъ въ степь, и что навѣрное Кенисара выѣзжалъ на встрѣчу отряду по ихъ извѣщенію. Наконецъ, Лебедевъ присовокупилъ, «что киргизы средней части орды безъ опасенія приняли явившагося къ нимъ изъ сибирскихъ предѣловъ мятежника Кенисару и что большинство, признавъ его своимъ ханомъ, съ нимъ вмѣстѣ волнуетъ степь, умножая его шайки».

Такъ всесильно было обаяніе этого человѣка на ордынцевъ, что, по мнѣнію Лебедева, ему стоило, какъ говорится, только «кличъ кликнуть», чтобы тысячи джигитовъ готовы были встать въ ряды его шаекъ, сражаться за утраченную независимость, или погибнуть вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ.

Такое значеніе Кенисары не было тайной для оренбургской пограничной коммиссіи, и поэтому она, не желая раздражать и безъ того опаснаго мятежника, въ своемъ заключеніи, по поводу донесеній Лебедева, высказалась въ пользу миролюбивыхъ сношеній съ Кенисарой; тѣмъ болѣе, что карательныя мѣры и прежде никогда не имѣли успѣха, а теперь могли возбудить въ Кенисарѣ враждебное чувство къ оренбургскому начальству, котораго до сихъ поръ онъ не обнаруживалъ.

А потому, коммиссія полагала ограничиться лишь распространеніемъ между киргизами объявленій, имѣвшихъ цѣлью удерживать кочевниковъ отъ сочувствія Кенисарѣ и его «коварнымъ замысламъ», подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

Но вслѣдъ за приведеннымъ представленіемъ, а именно на другой день (8-го іюля 1843 года), таже коммиссія должна была сдѣлать донесеніе генералу Обручеву уже болѣе воинственнаго характера. Случилось это такимъ образомъ: въ то время, когда въ Оренбургѣ администрація раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря — за и противъ военныхъ дѣйствій въ степи, султанъ Кенисара, уже откочевавшій отъ горы Карача-Тау, произвелъ опустошительный набѣгъ на среднюю часть орды.

Изъ донесенія султана-правителя этой части (отъ 4 іюля 1843 г.) видно, что Кенисара-Касимовъ, съ родственниками своими султанами: Чакбутомъ - Карабаевымъ, Худой-Мендой и Эрджаномъ Сарджановыми, собравшими шайку до 3,500 человѣкъ, раздѣлилъ ее на двѣ части, изъ которыхъ одною, въ 2,000 человѣкъ, предводительствуя самъ и разъѣзжая по средней части орды, напалъ на расположенные по р. Уилу аулы киргизовъ чиклинскаго рода, тлявова отдѣленія, Кулекеня-Дустанова съ родственниками, и разбилъ ихъ. Въ этотъ набѣгъ на тлявовцевъ было убито 17 человѣкъ, взято въ плѣнъ 15 женщинъ и дѣвицъ, угнано лошадей 5,500, верблюдовъ 3,500, коровъ 970 и барановъ 7,000.

Для преслѣдованія хищниковъ султаномъ-правителемъ были посланы 300 человѣкъ, которымъ, однакожъ, не удалось догнать барантовщиковъ и пришлось удовольствоваться брошенными ими на пути 5,713 баранами и возвратиться вспять. Самъ же Джантюринъ хотя и прибылъ къ р. Ори съ 500 киргизами и состоящимъ при немъ отрядомъ, «но не отважился преслѣдовать Кенисару, опасаясь пораженія».

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, коммиссія должна была убѣдиться въ невозможности достигнуть мирнымъ путемъ покорности Кенисары и потому, волей-неволей, ей пришлось

стать въ число сторонниковъ воинственной политики съ Кенисарой.

Всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ оренбургскихъ киргизовъ предписано было вооружить подвѣдомственныхъ имъ людей и присоединиться къ султану Джантюрину для совокупнаго нападенія на шайку Кенисары. Правителю западной части, султану Баймухамеду Айчувакову тоже было предложено поддерживать правителя средней части. Независимо отъ этихъ предварительныхъ мѣръ, въ Оренбургѣ признавали необходимымъ усилить состоящую при Джантюринѣ команду, въ особенности артиллеріею, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ линіи расположить сильныя команды для защиты отъ шаекъ Кенисары, кочующихъ вдоль линіи кайсаковъ.

А такъ какъ положеніе дѣлъ въ степи становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятнымъ, ибо бунтъ ожесточался, а Кенисара уже чувствительно далъ понять оренбургской администраціи, что онъ не расположенъ болѣе прикидываться покорнымъ, то для разсѣянія его буйныхъ шаекъ генералъ Обручевъ нашелся вынужденнымъ снарядить экспедицію въ степь, подъ начальствомъ уральскаго войска полковника Бизянова [1]), съ содѣйствіемъ султановъ правителей средней и западной частей.

Отрядъ предполагалось раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одну двинуть изъ станицы Колмыковской по р. Уилу, черезъ вершину Эмбы къ горѣ Айрюкъ; а другую изъ крѣпости Орской, подъ командой войскового старшины Лебедева къ р. Иргизу и далѣе къ горѣ Айрюкъ въ Мугоджарахъ, гдѣ эта часть войдетъ въ сообщеніе съ первымъ отрядомъ, соединясь съ нимъ не ближе 15-го августа по выступленіи обоихъ отрядовъ съ назначенныхъ пунктовъ перваго числа того мѣсяца.

Отряды эти, имѣвшіе цѣлью—по выраженію генерала Обручева—«разсѣять и наказать буйныя скопища Кенисары и, буде можно, захватить и самого его», должны были дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, раздѣльно, или, въ случаѣ надобности, соединенными силами.

На пути своихъ дѣйствій отряды, преслѣдовавшіе привер-

[1]) Экспедиціонный отрядъ предполагалось сформировать изъ 1,800 человѣкъ отъ войскъ: уральскаго 700, оренбургскаго 500 и башкирскаго 600 казаковъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ.

женныхъ къ Кенисарѣ киргизовъ, должны были привлекать къ содѣйствію племена, пострадавшія отъ его шаекъ. Нападая на аулы, преданные Кенисарѣ, войска должны были стараться захватывать его родственниковъ и другихъ вліятельныхъ ордынцевъ, удерживая ихъ вмѣсто заложниковъ, отбирать отъ нихъ скотъ и дѣйствовать силою оружія противъ сопротивляющихся.

Въ случаѣ же, если бы Кенисара отступилъ къ Сыръ-Дарьѣ или къ Тургаю, то отряды обязывались преслѣдовать его до тѣхъ мѣстъ. Но какъ экспедиція эта требовала значительныхъ издержекъ на снаряженіе отряда, жалованье командируемымъ чинамъ и на другіе расходы, опредѣлявшіеся цифрою въ 14 тыс. руб., то объ отнесеніи этихъ издержекъ на кибиточный сборъ генералъ Обручевъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, въ томъ вниманіи, что деньги эти нужны были на водвореніе въ степи порядка.

Между тѣмъ, когда оренбургскій военный губернаторъ переписывался съ государственнымъ вице-канцлеромъ о мѣрахъ къ укрощенію Кенисары, послѣдній усиливался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Значеніе и вліяніе опаснаго мятежника въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства съ каждымъ часомъ возрастало болѣе и болѣе: не только дальные отъ линіи кайсаки, но даже прилинейные киргизы видимо чуждались русскихъ и симпатизировали Кенисарѣ, котораго почти всѣ признали своимъ ханомъ. Есть дѣла, изъ которыхъ видно, что нѣкоторые султаны-правители сочувствовали мятежнику и не особенно ревностно преслѣдовали его сообщниковъ [1]). Положеніе Кенисары сдѣлалось опаснымъ не только для ауловъ, еще покорныхъ русской власти кочевниковъ, но и для самой линіи.

Кенисара кочевалъ уже въ это время верстахъ въ 600 за крѣпостью Орской; гдѣ именно скрывались его аулы въ то время — не было извѣстно, благодаря незнанію степи. Самъ же Кенисара, располагая почти 10-тысячной толпой хорошо вооруженныхъ всадниковъ, по нѣскольку разъ въ день перемѣнялъ мѣста стоянокъ; иногда, придя на ночлегъ, вдругъ онъ неожиданно снимался и переходилъ на другую стоянку, перемѣняя въ пути по нѣскольку разъ направленія. Это обстоятельство способствовало тому, что оренбургскія власти, даже отъ самыхъ вѣрныхъ лазутчиковъ, не могли получить вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній, гдѣ находился въ данное время станъ Кенисары и гдѣ кочуютъ его аулы.

---

[1]) Дѣло тургайскаго областного правленія о предоставленіи султаномъ-правителемъ Арасланомъ Джантюринымъ случая къ побѣгу сообщникамъ Кенисары.

Всѣ мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія, какъ-то: пикеты, разъѣзды, лазутчики и т. п. были приняты султаномъ Касимовымъ. Вообще было видно, что мятежникъ Кенисара приготовлялся къ упорной и продолжительной борьбѣ. Такъ, всѣ его джигиты были, относительно, прекрасно вооружены и раздѣлены на части или отряды, которыми командовали ближайшіе его родственники, преимущественно султаны тѣхъ родовъ, изъ которыхъ была составлена командуемая ими часть, что́, конечно, согласовалось съ духомъ киргизскаго народа, привыкшаго видѣть въ своихъ султанахъ, такъ сказать, прирожденныхъ своихъ родоправителей, — послѣднее обстоятельство, съ своей стороны, способствовало къ установленію нѣкоторой своеобразной дисциплины въ полчищахъ Кенисары.

Въ продовольственномъ отношеніи скопища Кенисары были также вполнѣ обезпечены сборомъ зякета, мукою, саломъ, баранами и другимъ скотомъ съ преданныхъ Касимову родовъ и отбарантованнымъ имуществомъ у тѣхъ ордынцевъ, которые не признавали его ханомъ. Въ станѣ мятежнаго султана не только были свои маркитанты, но даже два казанскихъ купца изъ татаръ, выѣхавшіе изъ Орской крѣпости — Хуссеинъ и Муса Бурнаевы,—производили правильную торговлю и обмѣнъ товаровъ, пользуясь полнымъ спокойствіемъ и покровительствомъ Кенисары. Денежная казна мятежника пополнялась сборами пошлинъ съ бухарскихъ, хивинскихъ и даже русскихъ карavановъ, шедшихъ изъ Оренбурга и въ Оренбургъ.

Такое положеніе дѣлъ въ степи заставило генерала Обручева вновь повторить, съ нарочно-посланнымъ курьеромъ, свои настоянія о скорѣйшемъ разрѣшеніи суммъ на предстоящую экспедицію.

«Изъ отношенія моего за № 14 — писалъ Обручевъ графу Нессельроде—ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что положеніе дѣлъ въ степи отъ присутствія султана Кенисары-Касимова сдѣлалось весьма неблагопріятнымъ, и что, для водворенія тамъ порядка и спокойствія, необходимо скорое принятіе мѣръ сильныхъ; вслѣдствіе чего и предположена мною экспедиція, на снаряженіе которой испрашиваю разрѣшенія, съ цѣлью разсѣять и наказать буйныя шайки Кенисары и, буде можно, самого его захватить. Но какъ по извѣстной хитрости азіатцевъ (продолжалъ Обручевъ) вообще и по соблюдаемой Кенисарою осторожности въ особенности, весьма трудно и даже вовсе невозможно захватить его въ степи, представляющей всѣ удобства къ побѣгу: то я просилъ бы покорнѣйше вашего, м. г., разрѣшенія, если это сочтено будетъ возможнымъ, предоставить начальнику экспеди-

ціи употребить тайныя средства для захвата живымъ или мертвымъ этого буйнаго султана, въ теченіи стольких лѣтъ занимающаго правительство своими непріязненными поступками, который (султанъ) время отъ времени, усиливаясь болѣе, можетъ содѣлаться опаснымъ для всей степи и даже для линіи, на которую, безъ сомнѣнія, станетъ дѣлать набѣги».

Средства, выбранныя Обручевымъ къ захвату Кенисары, заключались въ склоненіи на свою сторону нѣкоторыхъ изъ числа окружающихъ Кенисару Касимова киргизовъ обѣщаніемъ прощенія за прежніе проступки и предложеніемъ денежной награды отъ одной до 3 т. руб. сер.; «сумма ничтожная! — восклицаетъ генералъ Обручевъ—въ сравненіи съ тѣми безпорядками, которыхъ виною Кенисара, и съ издержками правительства, которыя оно вынуждено употреблять, принимая мѣры противъ этого мятежника» [1]).

Сумма, которой просилъ генералъ Обручевъ, дѣйствительно была слишкомъ ничтожна, не только для русскаго правительства, но и для того, чтобы соблазнить кого-либо изъ окружающихъ Кенисару ордынцевъ продать голову своего предводителя. Ниже мы увидимъ, что этой мечтѣ оренбургскихъ политиковъ не суждено было осуществиться, и что въ близкомъ будущемъ оренбургскому начальству пришлось перемѣнить гнѣвъ на милость и еще разъ вступить съ Кенисарой въ переговоры.

---

[1]) Письмо генерала Обручева гр. Нессельроде, отъ 12-го іюля 1843 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ
АРАКЧЕЕВСКОЙ ПЕРЕПИСКИ.

1805—1833 г.

III. Частная переписка *).

Письма барона Б. Б. Кампенгаузена къ гр. Аракчееву.

53.

11 іюня, 1820 года.

Милостивый государь,
Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Я имѣю сего дня съ вами объясниться по одному дѣлу, съ тою откровенностію, которую по благорасположенію вашему ко мнѣ, я всегда къ вамъ имѣть обязываюсь.

Въ 1812 г. по представленію покойнаго Рузанова, о запутанностяхъ книгъ финляндскихъ коммиссіонеровъ въ военную счетную экспедицію поступившихъ, повелѣно было, для развязки ихъ и должной предварительной со стороны провіантскаго департамента повѣрки, учредить временную въ Финляндіи коммиссію. Чрезъ дѣйствіе оной въ теченіе многихъ лѣтъ, на которое жаловался графъ Штейрютъ, и настаиваніе его (имѣло) наконецъ послѣдствіемъ, что она переведена была сюда [1]). Предъ возвращеніемъ моимъ изъ чужихъ краевъ военный министръ препроводилъ въ совѣтъ.... проэктъ инструкціи оной; по возвращеніи моемъ проэктъ сей пересматриваемъ былъ и возвращенъ къ

---

*) См. августъ, стр. 467 и слѣд.

[1]) Здѣсь въ копіи должны быть ошибки; неразобранное отмѣчаемъ точками.

нему съ разными заключеніями и пополненіями. Пополнивъ оный, требуетъ нынѣ онъ, чтобы инструкція сія была подписана какъ имъ, такъ и мною. Между тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ въ прошедшую недѣлю въ совѣтѣ, что онъ докладывалъ гос. императору объ опредѣленіи въ коммиссію сію предсѣдательствующаго, но что государь ему отвѣчалъ: „На что эта комиссія? развѣ вы хотите счесть графа Аракчеева? я всѣ тогдашніе обороты съ нимъ разсматривалъ и одобрилъ“. Я никогда не могъ предполагать и теперь не вижу, чтобъ это дѣло въ какомъ либо отношеніи могло касаться до вашего сіятельства, поелику, сколько я помню, здѣсь дѣло вовсе не относится къ распоряженію высшаго начальства, а единственно къ дѣйствіямъ подчиненныхъ чиновниковъ. Но если тамъ скрывается что либо другое и привязано къ предметамъ, до коммиссіи сей непринадлежащимъ, то, хоть оно не въ моемъ отдѣленіи, а единственный поводъ къ учрежденію оной былъ отказъ военной сч. ком. ревизовать тѣ книги, въ томъ видѣ, въ коемъ онѣ къ ней поступили,—прошу покорно съ равной откровенностію о томъ меня увѣдомить, и буде можно въ скорѣйшемъ времени, ибо я до того останавливаюсь подпискою пересланной ко мнѣ отъ военнаго министра инструкціи.

Варвара Аполлоновна сказала на сихъ дняхъ свояченицѣ моей, что ваше сіятельство сказали ей, что вы не знаете, нравилось ли намъ въ Грузинѣ, потому что я вамъ ничего не писалъ. Неужели вы тогда письмо мое не получили? Есть у меня росписка о пріемѣ онаго въ канцеляріи вашей.

Съ совершенною и всегдашнею моею преданностію вашего сіятельства подчиненный слуга Кампенгаузенъ.

54.

10 мая 1822 года.

Милостивый государь и проч.

По обѣщанію вашему къ намъ воротиться въ самое короткое время и до перваго мая, я въ ожиданіи пріѣзда вашего къ вамъ не писалъ ни о здѣшнихъ новостяхъ, ни о чемъ другомъ.

Между тѣмъ сказали мнѣ вчера, что вы въ Грузинѣ занемогли. Я все надѣюсь, что эти слухи невѣрны, но если вы, мой милостивецъ, дѣйствительно занемогли, то дозвольте, при сердечномъ моемъ о томъ сожалѣніи, повторить мою покорнѣйшую просьбу, берегите себя для всѣхъ, а особливо для тѣхъ, кои вамъ истинно преданы. Вы мнѣ часто совѣтовали беречься, но и вы часто отъ большаго усердія недовольно себя бережете, а нынѣшнюю весну люди нашего сложенія должны очень беречь себя, ибо слишкомъ ранняя весна, коей теперь послѣдовали безпрестанные не малые морозы, для людей на-

шего сложенія весьма вредна. Хотя бъ и сверхъ того намъ не безпрестанно надоѣли разными дѣлами и неисправностями. Я здѣшнихъ новостей не включаю въ сіе письмо, а упоминаю о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ приложенной при семъ первой запискѣ, а во второй о какомъ-то проэктѣ, до васъ нѣсколько относящемся. Сіе же я для того дѣлаю, чтобъ вы, когда получите сіе письмо, если еще не совсѣмъ здоровы, ихъ не читали, а читали ихъ послѣ, ибо больнаго никогда не должно тревожить ни новостями, ни проэктами. Вы однако незабыли лестное для меня приглашеніе быть нынѣшнее лѣто недѣли на двѣ жильцомъ села Грузина; и въ такомъ случаѣ воспользуюсь имъ въ концѣ сего мѣсяца, коль скоро только окончу травенную свою діету, которую я съ 1-го мая съ разными при томъ ваннами, по приказанію доктора и подъ его надзоромъ, началъ.

Между тѣмъ я ласкаюсь, что будете здоровы; а если въ бытность мою занеможете, то дозвольте мнѣ уже исправлять при васъ должность госпитальную сестеръ милосердія. Никто не умѣетъ столько беречь больнаго, какъ тотъ, кто самъ страдалъ и страдаетъ. Съ истинною и душевною преданностію и пр.

P. S. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ совершенное свое почтеніе, она собирается на сихъ дняхъ отправиться въ деревню. Давно уже надобно было ѣхать; но также все была нездорова.

Разныя новости...

1) Былъ опять комитетъ финансовой. Министръ Финансовъ....... изложилъ новыя надобности и нужды и что остатки, на весь сей годъ предназначенныя для екстра-ординарныхъ расходовъ, въ первыхъ уже мѣсяцахъ съ излишествомъ израсходованы. Въ сей крайности предлагалъ онъ послѣднее средство, а именно: полученные въ 1818 году департаментомъ удѣловъ изъ коммиссіи погашенія долговъ, за долгъ оному казначейства, билеты продать, а удѣльному департаменту выдать новые билеты изъ коммиссіи, съ новымъ обезпеченіемъ со стороны казначейства слѣдующаго по онымъ непрерывнаго дохода, насчетъ же казначейства; дабы же между тѣмъ незапная продажа на биржѣ столь значительныхъ долговыхъ билетовъ не уронила курсъ оныхъ, то большею частію купить ихъ на наличныя деньги коммерческаго банка, который за тѣмъ распродастъ ихъ мало по малу.

Вотъ новый источникъ, котораго я не догадался при началѣ нашего комитета. Я объяснилъ, что хотя согласенъ на оный, поелику дѣлать нечего, но что я не могу скрыть отъ комитета, что если и впредь этой системѣ послѣдуютъ, то откроется путь къ безконечнымъ долгамъ, которые тоже самое подѣйствуютъ, какъ на выпускъ ассигнацій, съ тою только разностію, что за сіи послѣдніе процентовъ не платятъ, — ибо спустя шесть мѣсяцовъ можно вновь данные департаменту билеты тоже продать на биржѣ и дать ему новые, чрезъ нѣ-

сколько за тѣмъ мѣсяцовъ еще разъ, и такъ далѣе. Министръ финансовъ увѣрилъ, что онъ самъ сію опасность предвидѣлъ, но божился, что далѣе никогда сей способъ не продолжитъ.

2) Кн. Лобановъ купилъ дачу Лазаревскую у Фарфоровыхъ заводовъ, слѣдственно и перемѣнилъ уже мысль свою, чтобъ идти въ отставку. Намъ теперь бѣда будетъ въ комитетѣ по дѣлу Сем. Кушелева съ княземъ, если его читать и обсуживать будутъ при послѣднемъ.

3) Вы помните дѣло коммиссаріатскаго поставщика Варгина, которое при васъ внесъ военный министръ въ комитетъ и которое обращено было къ нему, такъ какъ оно въ совѣтѣ его еще не разсмотрѣно. Теперь были по оному большіе споры и кончилось тѣмъ, что такъ какъ Варгинъ требуетъ много денегъ впредь, не обезпечивая между тѣмъ самую поставку, и по послѣдней поставкѣ имѣетъ большое число вещей имъ не выставленныхъ, и взысканія по передачамъ, при покупкѣ на щетъ его случившимся, то его недопустить, а чего поставщики другіе не возьмутъ ставить, то предоставить генералъ-кр. комисс. купить хозяйственнымъ образомъ, не выходя изъ цѣнъ Варгина, и съ надлежащею законною по разсчетамъ очисткою. Воен. минист. самъ не былъ. Онъ, сказываютъ, опять боленъ.

4) Въ Сибирскомъ Комитетѣ вышло наконецъ довольно серьезное сраженіе между мин-мъ финансовъ и Мих. Мих-мъ; первый внесъ записку о невозможности бывшихъ предположеній въ отношеніи къ приписнымъ къ Колыванскимъ заводамъ крестьянамъ. Послѣдній въ слѣдующемъ комитетѣ представилъ на сію записку оправданіе, мастерски написанное, но довольно колкое, наконецъ все несогласіе остановилось на томъ, быть ли приписаннымъ крестьянамъ въ зависимости по полицейской и судной части отъ губернскаго начальства, съ соединеніемъ при этомъ званія гр. губ-ра съ званіемъ заводскаго начальника, и съ тѣмъ, чтобъ оный былъ по выбору кабинета, или быть имъ во всѣхъ отношеніяхъ въ полномъ завѣдываніи однихъ заводовъ? М. М. согласился, чтобъ еще сообщить его опроверженіе мин. фин., съ тѣмъ, чтобы онъ его разсматривалъ съ пріѣхавшимъ изъ Колывана горнымъ начальникомъ.

5) Наконецъ послѣ многихъ споровъ кончили мы положеніе о страховой конторѣ.

6) Всѣ спрашиваютъ: когда выйдетъ дѣло о профессорахъ? Князь Голицынъ, который, какъ вы видѣли прежде, казался весьма разстроеннымъ, теперь кажется сталъ гораздо покойнѣе.

Проэктъ.... графу Аракчееву.

1) Былъ я недавно на пороховыхъ заводахъ. Начальникъ оныхъ показалъ мнѣ и военное поселеніе. Опять спрашивалъ себя, такъ какъ въ прошломъ году въ Грузинѣ: почему всѣ военныя поселенія строятся

на сторону, а не по большимъ дорогамъ? Всѣ большія дороги, ведущія въ столицу, столь мало обселены, что всякъ въѣдетъ въ оную съ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Пока не рѣшитесь выстроить какія-либо военныя поселенія въ большомъ видѣ по большимъ дорогамъ, украсьте однако окрестности столицы хотя маленькимъ образцомъ. Въ самой близости столицы нѣтъ ничего сквернѣе, какъ лѣвая сторона дороги, ведущей изъ С. Петербурга въ Парону (т. е. по выборгской дорогѣ) и дорога отъ Царскаго села въ Гатчино. Поселеніе одной роты на первой, и одного баталіона на послѣдней закроетъ весь скверный видъ болотъ, столь много портящихъ въѣздъ въ столицу.

2) Былъ я недавно въ Чесьмѣ. Отъ сего готическаго замка видѣлъ пространную, но совсѣмъ дикую долину, распространяющуюся отъ Чесьмы до Волковыхъ полей и до фарфороваго завода. Инвалидный комитетъ имѣетъ большой капиталъ. Пособіе изъ онаго многимъ инвалидамъ, не имѣющимъ родственниковъ, не столь полезно, какъ бы была для нихъ небольшая осѣдлость. Велите квакерамъ осушить ту долину; постройте на оной слободу изъ двухъ сотъ небольшихъ дворовъ, опредѣлите къ каждому двору три десятины, т. е. двѣ для сѣнокоса и одну для огорода и дайте этихъ хуторовъ отличнѣйшимъ инвалидамъ, не имѣющимъ родственниковъ и осѣдлости. Прилично жить заслуженнымъ воинамъ подлѣ зàмка военнаго ордена. У Чесьменской церкви св. Іоанна Крестителя ежегодно въ Іоанновъ день бываетъ изрядная ярмарка. Велите въ тотъ день всѣмъ волтижерамъ и подобнымъ художникамъ дать тамъ бенефисъ въ пользу инвалидовъ, и при томъ еще имѣть кружки. Много денегъ соберется. Самая церковь сооружена въ память морскихъ побѣдъ.

3) Въ чужихъ краяхъ верхушки горъ, коихъ тамъ много, украшены зàмками. У насъ есть одна Пулковская гора, и та гола, и безъ всякаго украшенія. Покойная императрица намѣревалась построить астрономическую обсерваторію. Почему государь тамъ не строитъ телеграфъ? Посредствомъ онаго, другаго поставляемаго на новой башнѣ въ царскосельскомъ звѣринцѣ, и третьяго, поставляемаго на какой либо петербургской колокольнѣ, могъ бы онъ получать въ Царскомъ Селѣ каждый часъ извѣстія петербургскія, послать въ Петербургъ во всякое время свои повелѣнія и получить отвѣтъ въ десять минутъ.

55.

19 сентября 1822 г.

Милостивый государь и пр.

Дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей имянинницей вашей. Слышалъ я сего дня утромъ, что васъ ждутъ въ Гатчинѣ, но что вы сюда не будете; я поспѣшилъ бы васъ тамъ посѣтить, если не полагалъ бы, что такъ какъ дворъ

тамъ, можетъ быть вы сами того не захотѣли бы. Между тѣмъ я приготовляюсь быть къ вамъ въ Грузино послѣ 1-го октября, и если до того Куракинъ дѣло, о которомъ я вамъ писалъ, не рѣшитъ, то я его уже болѣе не жду. Кажется онъ теперь въ експликаціяхъ съ графомъ Гурьевымъ.

Вы помните, что когда я государя просилъ объ отпускѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобъ мнѣ дозволено было по возвращеніи уже изъ отпуска вступить въ президенство тюремныхъ заведеній. Но какъ я и по сіе время отпуска не получилъ, то и принужденъ былъ на сихъ дняхъ открыть у себя засѣданіе. Я съ удовольствіемъ [1]) большое усердіе къ общеполезному дѣлу всѣхъ почти членовъ, но тутъ много надобно образовать, чтобъ сдѣлать полезную вещь. Я съ большею охотою за сіе принялся бы лѣтъ тому восемь назадъ, — но что мнѣ хворому теперь тамъ дѣлать. Тутъ требуется человѣкъ молодой и свѣжій, а не инвалидъ, какъ я. Какъ только холодная погода пришла, то и всѣ мои старые припадки возобновляются. Еслибы я не опасался наскучать вамъ всегдашними разсказами о моей болѣзни, то я сказалъ бы вамъ, что съ прошедшей недѣли чувствую я каждое утро, какъ только встаю, сильную головную боль, несносную скуку, волненіе крови, и въ слѣдъ затѣмъ иногда память такъ теряю, что не помню того, что мнѣ за четверть часа предъ тѣмъ сказали. Будучи въ дѣлахъ, быть иногда безъ памяти есть дѣло весьма плохое. Я стараюсь припадки сіи сколь возможно преодолѣть сильнымъ движеніемъ, — за то въ прошедшей недѣли дня на три поѣхалъ на Ематскій водопадъ, и можетъ быть па сихъ дняхъ еще на день-другой куда нибудь за городъ поѣду, но хотя сіе мнѣ на короткое время и помогаетъ, но чрезъ нѣсколько дней головная боль опять пристаетъ.

Въ совѣтѣ были у насъ большіе споры на счетъ новой страховой конторы, а особливо на счетъ упраздненія заемнаго банка. Всѣ, кромѣ меня и Гурьева, были противъ онаго. Вы увидите мое по сему предмету мнѣніе. Хотя я считаю вреднымъ дать дворянству способъ безпрестанно занимать деньги, исключая дѣйствительныя нужды, но не менѣе того чувствую я, сколько дѣло это будетъ непріятно всему русскому дворянству, и потому въ концѣ своего мнѣнія указалъ на одинъ способъ, коимъ однимъ по мнѣнію моему можно бы было дѣло сіе сладить. Я о семъ еще въ особенности писалъ его величеству.

Теперь у насъ длинные вечера, въ коихъ нечего другаго дѣлать, какъ только въ бостонъ играть, но какъ и въ игрѣ должна быть иногда перемѣна, чтобъ она не надоѣла, то дозвольте, чтобъ я прислалъ къ вамъ при семъ для грузинскихъ нашихъ друзей нѣсколько довольно забавныхъ игръ другаго рода. Засвидѣтельствуя и пр.

---

[1]) Пропущено: «увидѣлъ», или что нибудь т. п.

56.

19 октября 1822 г.

Милостивый государь и пр.

При возвращеніи моемъ изъ Грузина, усилилась головная моя боль, отъ которой я всю сію очень страдаю, такъ что наконецъ, по настоянію докторовъ, хотя весьма неохотно, рѣшился кровь бросать. Какъ они увидѣли кровь мою черную и густую, то утвердили, что пора было отъ оной меня освободить, и можетъ быть они правду говорятъ; но знаю только то, что такъ какъ я шестнадцать лѣтъ кровь не бросалъ, то это новое попотчиваніе чрезвычайно меня разслабило, такъ что я и по сіе время чувствую себя весьма слабымъ и какъ бы разбитымъ. Сіе единственная есть причина, что я понынѣ не могъ еще всепокорнѣйше благодарить ваше сіятельство за ласковый и драгоцѣнный для меня пріемъ въ прекрасномъ Грузинѣ, на счетъ коего изволили вы шутить въ письмѣ своемъ отъ 16-го октября, которое имѣлъ удовольствіе получить вчера. Правда, мнѣ стыдно, что вы онымъ меня предупредили, но причина, что я надѣялся видѣться съ вами вмѣстѣ затѣмъ въ Гатчинѣ, гдѣ потомъ, какъ вамъ извѣстно, ожидаемый съѣздъ былъ отмѣненъ, и что затѣмъ принужденъ былъ дѣлать кровавую эту кампанію. Вы меня уже и дарили въ Грузинѣ гравированными видами онаго, нынѣ же прислали и выкрашенные мною рисунки, за которые покорнѣйше васъ благодарю. Если мнѣ послать вамъ виды Трайдена, то это развѣ только для контраста. Все, что тамъ есть хорошаго, не отъ моихъ трудовъ, а даръ натуры. Домъ мой еще едвали равняться можетъ съ избами въ Графской слободѣ, а намѣреніе мое положить тамъ нынѣшнею осенью фундаментъ дому по подобію китайскаго въ Грузинѣ, или швейцарскаго, мною тамъ обитаемаго, не имѣло успѣха, какъ вамъ извѣстно. Правда, что подлѣ моей тамъ хижины находятся развалины того великолѣпнаго замка, въ коемъ нѣкогда пировали русскіе архіепископы и папскіе легаты, когда они воевали съ гейместерами и съ народомъ, кои и теперь еще столь хороши, что берлинскіе художники представляютъ ихъ на табакеркахъ. Я такую табакерку видѣлъ у Штиглица; но онъ не хотѣлъ мнѣ ее уступить, а имѣющійся у меня рисунокъ, сдѣланный какимъ-то лифляндскимъ художникомъ, столь неудаченъ, что въ немъ видѣнъ только одинъ конецъ сихъ рисунковъ.

Засимъ остается мнѣ только просить васъ, принять отъ меня одну небольшую, но хваленую коллекцію рисунковъ послѣдней французской войны, такъ какъ я ее не видѣлъ въ Грузинѣ и полагаю, что она можетъ имѣть нѣкоторый для васъ интересъ, такъ какъ вы сами были зрителемъ большой части тѣхъ происшествій, а если вамъ уже не годятся, то Михаилу Андреичу они будутъ не лишни, такъ какъ ему еще предстоитъ подражать героямъ того времени.

Мнѣ теперь новые хлопоты чрезъ тюремное общество, не потому, что дѣла онаго были столь трудны, какъ контрольныя, но потому, что трудно согласить пестрое сборище высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ, такъ что иногда рѣшаешься, дабы съ ними только не совсѣмъ разладить, подписать и что нибудь уродное. Засвидѣтельствуя истинное почтеніе всѣмъ моимъ любезнымъ знакомымъ грузинскимъ, прошу покорнѣйше ваше сіятельство помнить иногда душевно вамъ преданнаго и пр.

57.

7 ноября 1822 г.

Милостивый государь и пр.

Появившійся въ прошедшей недѣлѣ снѣгъ, давъ мнѣ надежду, такъ какъ онымъ работы въ Грузинѣ вѣроятно пріостановятся, имѣть въ скоромъ времени удовольствіе видѣть ваше сіятельство здѣсь, но какъ онъ нынѣ опять пропалъ, то съ нимъ вмѣстѣ и надежда та изчезла. Если ваше сіятельство располагаете тогда только доставить намъ сіе удовольствіе, когда государь воротится, то кажется намъ долго еще сего должно будетъ ждать, ибо опять слышно, будто государь не скоро возвратится, и далѣе поѣдетъ, нежели до Вероны. Также говорятъ, будто все еще будетъ война съ турками.

Мнѣ все хочется на будущую зиму въ сосѣдство къ вамъ пробираться въ одну изъ залитейныхъ улицъ, выстроить себѣ домъ по пропорціи моихъ нуждъ и для помѣщенія моей библіотеки и моихъ собраній, и потому ищу мѣсто тамъ купить, но по сіе время еще не удалось. Либо мѣста слишкомъ малы, либо слишкомъ дорого просятъ, когда на нихъ какая либо избушка, или совсѣмъ обветшалый домъ, который сломать должно. Здѣсь все идетъ по старому. Сегодня сказали мнѣ о смерти Василья Степановича Попова. Покойный былъ примѣръ непостоянства дѣлъ человѣческихъ. Въ книгѣ нашей судьбы писано было, чтобъ онъ былъ слѣпымъ, потому, какъ я полагаю, дабы онъ предъ кончиною вошелъ въ себя, и видѣлъ то, что онъ при быстромъ и счастливомъ теченіи своей жизни не успѣлъ видѣть. Дай Богъ, чтобъ смерть сія была для него спасительна и чтобъ не была правда то, что говорятъ, будто онъ ее не могъ перенесть и унылостію себя убилъ.

Вы знаете, что у насъ есть двѣ просьбы на высочайшее имя, которыя намъ велѣно разсмотрѣть. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь вамъ говорить о нихъ. Первая Ахматова; при первомъ на оную взглядѣ замѣчается то самое, что вы нѣкогда, бывъ еще военнымъ министромъ, замѣтили по провіантской части, т. е. что комиссіонеры обыкновенно начинаютъ пускаться въ доносы на начальниковъ тогда, когда сіи послѣдніе смѣняютъ ихъ или предаютъ суду. Такъ и Ахматовъ. Онъ показы-

ваетъ, что уже въ первый годъ существованія ком. погашенія долговъ, открылъ онъ исчисляемые имъ нынѣ убытки, и что исчисленіе ихъ начальствомъ принято не было и онъ тогда замолчалъ; но когда въ пенсіи ему отказали, то представляетъ о нихъ государю. Онъ требуетъ 4,000 р. пенсіи. Я не знаю, дѣйствительно ли она была ему обѣщана, но я знаю, что еслибы дѣло шло чрезъ комитетъ, то мы не согласились бы титулярному совѣтнику, служившему 28 лѣтъ только, дать полный пенсіонъ 4 тыс. руб., когда по законамъ половина оклада назначена въ пенсію послѣ 35-лѣтней службы и то въ сравненіе съ военными окладами. Убытки, имъ исчисляемые, вѣроятно основаны на томъ простомъ разсчетѣ, что за ассигнаціи проценты неплотятся, а за билеты комиссіи плотятся какъ проценты, такъ и премія, и если такъ, то незачѣмъ было бы его спросить, но какъ онъ именно сего не объясняетъ, то не спросить-ли намъ у него расчета того, и посмотримъ, что въ немъ будетъ. Еще замѣчаю, что онъ просьбу о пенсіи связываетъ съ издаваемымъ имъ атласомъ Россійской Имперіи, при генеральномъ штабѣ, а мнѣ кажется, что она съ симъ трудомъ ничего общаго не имѣетъ и если сей требуетъ поощренія и пособія, то сіе дѣло другое.

Вторая просьба Булычева. Поелику изъ оной нельзя было въ точности видѣть, сколько чего онъ проситъ, то вы велѣли мнѣ спросить его о томъ. Вслѣдствіе сего подана имъ мнѣ... обширная бумага. Онъ охотникъ писать. Я ее всю прочиталъ, но дабы изложеніемъ оной не опоздать въ отсылкѣ сего письма, такъ какъ сегодня почта отправляется и не обременить васъ вдругъ изложеніемъ сихъ дѣлъ, я отлагаю оное до будущей почты.

Между тѣмъ, прося покорнѣйше ваше сіятельство привесть меня въ память и пр.

58.

15 іюля 1823 г.

Милостивый государь и пр.

Вашему сіятельству рапортую: принялъ я новую дивизію сего 1823 года іюля 5 числа, по департаментамъ: полицейскому, хозяйственному, государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, медицинскому, по части генералъ-штабъ-доктора, по общей и секретной канцеляріи, по дѣламъ бессарабскимъ, по экспедиціямъ контрольнымъ, гражданской, военной, адмиральтейской, черноморской, заграничной, по комиссіи старыхъ дѣлъ, и по попечительному комитету о тюрьмахъ, состоитъ по сіе число благополучно. Больныхъ и слабыхъ нѣтъ, кромѣ новаго командира. Старому командиру новый обѣщалъ, что такъ какъ онъ отлучался на восемь только мѣсяцевъ, то никакую новую эксерцицію не заведетъ, предоставляя оную настоящему хозяину, и сдастъ ему дивизію въ томъ видѣ, въ какомъ отъ него принялъ, опричь внутренняго порядка,

въ коемъ поправитъ, когда понадобится, но не вдругъ, какъ то дѣлаютъ иные командиры, а учившись и по времени. Такъ хотя онъ уже и примѣтилъ, что по полкамъ не одинаковая дисциплина и вообще не совсѣмъ держутся военному уставу, но обратить ихъ на путь истины отложилъ до собственнаго своего совершеннолѣтія. Хотя зѣло тяжко командовать двумя дивизіями и разными отдѣльными отрядами, да быть притомъ ассессоромъ во многихъ кригсратахъ, но благодарю Бога, что попалъ теперь на такую дивизію, въ которой нѣтъ въ ратникахъ недостатка, а притомъ аммуниція и провіантъ изобильны. Бѣда только, что главные губернскіе комиссіонеры часто дивизіоннаго не слушаютъ, а мой старой сослуживецъ Новгородскій на многіе приказы отъ команды и въ годъ не отвѣчаетъ; за что я ему по старому знакомству и привычкѣ голову намою. Прежній дивизіонный командиръ, вчера, четырнадцатаго сего мѣсяца оставилъ сушу и послѣ обѣденнаго въ устьѣ и морѣ стола и выслушанія молебствія, сѣлъ на корабляхъ со свитою, при сильныхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, но не батарейныхъ, ниже корабельныхъ, а облачныхъ.

Я сегодня былъ на службѣ въ Павловскѣ, и къ празднику буду на караулѣ въ Петергофѣ, и если вы тогда возьмете меня къ себѣ въ ординарцы, то подробнѣе донесу.

Теперь болѣе рапортовать не очемъ, да уже и полночь и усталость не малая, ибо съ 5-го числа былъ на караулѣ ежедневно съ 9-го часу по полуночи до 5 и 6 пополудни, да трижды съ 8-го ч. пополудни до 12-го по полудни же. Не знаю только, какъ подписать сей рапортъ, ибо въ указѣ сказано: исправлять мнѣ должность графа Кочубея, а отъ сего иные творятъ длинные титулы, какъ-то: господину исправляющему должность управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, другіе, некраснорѣчивые, какъ-то: г-ну въ должности управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Государь же и сенатъ просто: управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и потому кажется должно бы держаться тому, какъ глаголятъ высшіе командиры, но доколѣ споръ по титулу не рѣшится, подпишусь просто

Вашимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою и пр.

59.

10 августа, 1823 года.

Милостивый государь и пр.

Когда мы были въ среду у вашего сіятельства въ сибирскомъ комитетѣ, то вы изволили мнѣ сказать, что вы еще со мною не прощаетесь и какъ изъ города не поѣдете прежде сего дня вечера, то и дозволите мнѣ сегодня къ вамъ явиться. Посему, какъ только въ 1-мъ часу нѣсколько отъ дѣлъ отдѣлался, то писалъ къ вамъ, прося васъ мнѣ ска-

зать, въ который часъ послѣ обѣда могу у васъ быть, не безпокоя васъ, но получилъ въ отвѣтъ, что вы четверть часа уже предъ тѣмъ поѣхали въ Царское Село.

Итакъ дозвольте мнѣ по крайней мѣрѣ желать вамъ письменно счастливаго пути и добраго здоровья, которымъ вы недовольно можете дорожить, и весьма должны беречься, ибо вы ѣдете въ южный край въ такое время года, въ которое всякъ, кто подверженъ простудѣ, весьма долженъ быть остороженъ, и въ которое необходимо каждый день дважды перемѣнить платье.

Я еще намѣревался вамъ доложить о двухъ предметахъ.

1) Государь недавно прислалъ ко мнѣ изъ Царскаго Села просьбу, поданную графу Милорадовичу Вистингаузеномъ, и Милорадовичемъ представленную его величеству, въ которой Вистингаузенъ сильно оспаривая проектъ англійской компаніи о подъемныхъ трубахъ для доставленія свѣжей невской воды всѣмъ домамъ петербургскимъ, проситъ себѣ на сіе привилегію. Государь къ просьбѣ сей приложилъ собственноручный билетъ на французскомъ языкѣ, въ коемъ онъ мнѣ поручаетъ, разсмотрѣвъ сіе дѣло подробно, представить его величеству записку съ полнымъ сужденіемъ. Посему требовалъ я отъ д—та госуд. хозяйства и публичныхъ зданій полную записку о проектѣ англичанъ съ надлежащими сличеніями противъ проекта Вистингаузена. Хотя въ сей запискѣ замѣтилъ я нѣкоторую натяжку на сторону англійской компаніи, но совсѣмъ тѣмъ многія уваженія обращаются въ пользу сей послѣдней и противъ Вистингаузена. По крайней мѣрѣ дѣло сіе есть двустороннее. Но оно весьма важно и я недовольно знатокъ, чтобъ мнѣ здѣсь дѣлать основательныя сужденія. Оно весьма заслуживаетъ подробное разсмотрѣніе въ особомъ комитетѣ, который, по мнѣнію моему, могъ бы быть составленъ изъ министра финансовъ, с.-петербургскаго военнаго губернатора и генерала Бетанкура. Въ семъ и единственно на первый случай можетъ состоять мое мнѣніе. Но я теперь затрудняюсь, представить ли оное на семъ основаніи въ к. г.г. министровъ, или прямо его величеству, такъ какъ государь въ своей запискѣ не упоминаетъ о вносѣ онаго въ комитетъ.

2) По упоминаніи въ первомъ письмѣ о неисправностяхъ Жеребцова, вы мнѣ въ Петергофѣ поручили довесть подробнѣе о нихъ до свѣдѣнія вашего, и что тогда вы сами ему прикажете стараться ихъ исправить. Главныя они суть по департаменту исполнительному, и они прописаны въ поданной мнѣ отъ онаго и при семъ приложенной запискѣ. По одной изъ нихъ о недоимочныхъ рекрутахъ, графъ Кочубей предъ самымъ отъѣздомъ своимъ велѣлъ заготовить докладную записку, при семъ же приложенную, которую онъ однако не успѣлъ поднесть государю императору и которую я нашелъ между разными другими дѣлами, имъ рѣшенными, но не исполненными. Прочимъ таковымъ далъ я настоящій

ходъ чрезъ комитетъ, а одну сію я остановилъ, ограничиваясь, когда между тѣмъ поступили и другія жалобы на Жеребцова, а особливо отъ графа Комаровскаго, дать ему въ половинѣ только общее предписаніе, при семъ также приложенное, въ которомъ я требовалъ отъ него, чтобъ онъ старался въ теченіи двухъ мѣсяцовъ очистить сіи бумаги, настаивалъ на точное исполненіе со стороны подчиненныхъ своихъ и объяснить о причинахъ, по коимъ они понынѣ не были исполнены. Что же касается до плана города Новгорода, составленіе коего графъ Кочубей возложилъ на Жеребцова, и о которомъ вы также въ Петергофѣ мнѣ сказали, что есть уже планъ города, то еще одна записка, при семъ приложенная, показываетъ причину его требованія. Если вы сообразите въ совокупности всѣ сіи обстоятельства, то вы сами найдете, что нужно его нѣсколько побудить исправить все сіе. Я самъ вѣрно не могу ему желать худого, ибо онъ всегда былъ человѣкъ мнѣ весьма приверженъ, и такъ какъ я самъ его вамъ рекомендовалъ, то супротивъ того собственный мой интересъ долженъ меня заставить сколь возможно поддержать его.

По разговору нашему въ Петергофѣ писалъ я сегодня утромъ государю императору, прося его величество о дозволеніи предстать предъ лицемъ его величества до отправленія въ дальній путь, въ день и часъ, который его величеству для сего угодно будетъ назначить.

Итакъ прощайте, мой милостивецъ, — вспомните иногда на пути о моихъ тягостяхъ, которыя при слабомъ моемъ здоровьѣ съ наступленіемъ осени увеличатся, и примите увѣреніе и пр.

60.

10 іюня, 1823 года.

Милостивый государь и пр.

Извините, мой милостивецъ, что я къ вамъ такъ долго не писалъ. Причина тому съ одной стороны несчастное мое строеніе, съ другой, что финансовой комитетъ сильно меня мучаетъ, о томъ и другомъ объясню ниже сего.

По § 25-му XI части проекта учрежденія о военномъ поселеніи, я долженъ отнестись къ вамъ о наградѣ бухгалтера экономическаго комитета за исправность отчета за 1821 годъ. Приготовлено было на семъ основаніи отношеніе къ вамъ, коимъ испрашивалъ я ему единовременную выдачу годоваго оклада, но слыша, что онъ сильно желаетъ слѣдующій чинъ, коллежскаго ассесора, я остановился отправленіемъ сего отношенія, желая напередъ у васъ спросить, будете ли вы на то согласны и производятся ли по экономическому комитету титулярные совѣтники въ коллежскіе ассесоры безъ экзаменовъ? Что же касается до Николаева, о исходатайствованіи коему награды вы вызвались въ отношеніи ко мнѣ отъ 18-го мая № 1226, то прошу васъ дозволить мнѣ

ничего не назначать, и въ формальномъ къ вамъ отношеніи предать собственному вашему усмотрѣнію. Въ партикулярномъ же семъ письмѣ могу сказать, что мнѣ казалось бы довольно дать полугодовой окладъ, ибо труды его гораздо меньше, нежели того, который весь тотъ отчетъ составилъ, притомъ вы его уже много наградили за ревизію предъидущихъ годовъ.

Теперь о моихъ тягостяхъ. Есть двухъ родовъ люди, отъ которыхъ у насъ бѣжать должно: доктора и архитекторы. Мой архитекторъ далъ мнѣ слово, что все мое строеніе, или лучше сказать перестройка и поправка онаго окончится къ 1-му мая и не обойдется 6,000 р., а дай Богъ, чтобъ оно кончилось къ 1-му іюля и стоило не болѣе 13,000 р., а между тѣмъ я безъ крыши живу въ маленькой садовой бесѣдкѣ, гдѣ поворотиться едва ли могу, весь трясусь, какъ опять стало холоднѣе и ежедневно сержусь на рабочихъ. Если же самъ не смотрѣлъ бы, то все лѣто ничего не окончилось бы.

А о нашемъ несчастномъ финансовомъ комитетѣ скажу слѣдующее: я почитаю очень Канкрина. Онъ человѣкъ умный и дѣловой; но если и впредь всегда такъ съ нами поступать будетъ, какъ теперь, то насъ измучитъ. Курьеры его летятъ въ полночь и когда за столомъ сидимъ, съ тѣмъ, чтобы, не выходя, тотъ часъ подписать ту или другую бумагу, или написать на оной мнѣніе, потому что онъ намѣренъ въ тотъ же или на другой день государю по оной раскладывать. И по текущимъ дѣламъ по сенату даютъ вамъ записку 8 дней читать, а здѣсь хотятъ, чтобы вы въ часъ сказали такъ или нѣтъ, по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, гдѣ идетъ рѣчь о перемѣнѣ того, о чемъ годами разсуждали. Я вамъ раскажу только о двухъ примѣрахъ.

1) Прошедшее воскресенье курьеръ его въ полночь меня разбудилъ съ извѣщеніемъ собраться на другой день для трактованія у графа Кочубея о важнѣйшихъ дѣлахъ. Тутъ онъ, не пустивъ еще Дружинина, просилъ насъ тотчасъ же рѣшить по одной запискѣ, собственно его рукою весьма кратко написанной, объяснивъ, что онъ никому изъ своихъ подчиненныхъ не вѣритъ, потому что они все пересказываютъ графу Гурьеву. Въ запискѣ сей объяснивъ, что система и операція предмѣстника его основаны совершенно на невѣрныхъ началахъ, что казначейство приближаетъ къ банкроту, что доходы совсѣмъ такъ не поступаютъ, какъ предмѣстникъ его полагалъ, требовалъ отъ насъ, чтобы мы его разрѣшили: 1-е, 28 милліоновъ, внесенныхъ въ государственную долговую книгу для сожженія, не жечь, а въ теченіе 6 лѣтъ употребить на выкупъ долговъ, между же тѣмъ употребить на нужды казначейства; 2-е, какъ казначейство не можетъ платить комиссіи погашенія долговъ должные ему 7 милліоновъ, то взять ихъ изъ банковъ; 3-е, серебро комиссіи взять въ казначейство для запаснаго капитала и проч. и проч. Кочубей и Куракинъ тотчасъ готовы были на все сіе согласиться,

но я уже удержалъ ихъ, сказавъ, что я полагаю, что такъ какъ симъ разрушается вся система, которая высочайшими манифестами публикована, то мнѣ кажется, что благопристойность требуетъ, чтобъ столь важные вопросы, согласно уставу, напередъ разсмотрѣны были въ совѣтѣ кредитныхъ установленій. На другой день показалъ намъ въ комитетѣ министровъ проектъ приготовленнаго журнала съ тѣмъ, чтобъ мы его тотчасъ утвердили, или прибавили, если находится нужнымъ, и чтобъ тотъ же день затѣмъ подписали; но я принужденъ былъ доложить, что моя голова уже слишкомъ стара и тупа, чтобъ я въ состоянiи былъ съ такою поспѣшностiю рѣшить столь важную бумагу, въ которой иногда одно слово дѣлаетъ большую разницу, тѣмъ болѣе, что не дали времени справиться ни съ уставомъ комиссiи, ни съ бывшимъ производствомъ. Хотя за тѣмъ три раза ко мнѣ присылали курьеровъ, но я бумагу сiю одни сутки у себя оставилъ и при подписанiи дѣлалъ нѣкоторыя прибавки, хотя не всѣ тѣ, которыхъ я можетъ быть сдѣлалъ бы, если бы мнѣ дали время нѣсколько обдумать всѣ сiи вещи.

2) Записка о выдачѣ 5 миллiоновъ изъ заемнаго банка на 12-лѣтнюю ссуду дворянству губернiй, потерпѣвшихъ отъ неурожая, съ тѣмъ однако, чтобъ изъ сей ссуды вычитаема была казенная недоимка, на сихъ губернiяхъ по имѣнiямъ заемщиковъ лежащая, казалось благотворительно, и я согласился съ нѣкоторою только оговоркою, такъ какъ оно противно всѣмъ прежнимъ предположенiямъ о капиталахъ заемнаго банка, совѣтомъ кредитныхъ установленiй одобреннымъ. Вчера, обѣдавъ у графини Безбородкиной, дали мнѣ знать, что прiѣхалъ курьеръ отъ министра финансовъ съ бумагою, которую сейчасъ мнѣ должно подписать, потому что онъ ѣдетъ съ докладомъ. Прочитавъ ее тотчасъ послѣ стола, я нашелъ: 1) что замѣчанiя мои не вполнѣ внесены были; 2) что туда помѣщены многiя губернiи, въ коихъ не было неурожая, но большая казенная недоимка. И такъ вся сiя мѣра повидимому имѣетъ одну цѣль, полученiе отъ банковъ платежа недоимокъ. Это можетъ быть хорошо, но тогда надобно прямо то сказать, а не представить сiе въ видѣ вспоможенiя разоренным отъ неурожая. Итакъ я принужденъ былъ часа два, при всѣхъ напоминанiяхъ курьера, что министру надобно сейчасъ сiю бумагу, написать особое мнѣнiе, въ которомъ я, прописавъ всѣ замѣчанiя, словесно мною представленныя въ комитетѣ финансовъ, наконецъ согласился на сiю ссуду, но съ тѣмъ, чтобъ она сдѣлана была по однимъ тѣмъ губернiямъ, кои дѣйствительно наиболѣе разорены отъ неурожая.

Вы помните, что два мѣсяца тому назадъ графъ Гурьевъ представилъ намъ, когда мы судили о смѣтѣ, подробный расчетъ о положенiи казначейства. По оному мы дали часть послѣдняго займа казначейству, и тѣмъ казалось все пополненнымъ на нынѣшнiй годъ. Засимъ новый министръ финансовъ увѣряетъ, что все это невѣрно, что

казначейство приближается къ банкроту, и требуетъ разрѣшенія взять деньги изъ комиссіи погашенія, изъ банковъ и проч. Мнѣ кажется, сему долженъ бы былъ предшествовать подробный расчетъ, которымъ бы особо въ точности доказана неосновательность представленнаго предмѣстникомъ его. Да хорошо-ли онъ дѣлаетъ, что когда мы твердили, что надобно ограничить расходы, онъ напротивъ того, сломавъ вдругъ все, что прежде сдѣлано, показываетъ новые ресурсы? Взять деньги изъ комиссіи погашенія и банковъ съ платежемъ процентовъ, не то же ли оно какъ дѣлать новые займы? развѣ хочетъ государю показать, что у него недостатка не будетъ? Мнѣ третьяго дня сказалъ Татищевъ, что при опредѣленіи въ сію должность онъ ему сказалъ, что ничего не боится, а все поправитъ. Я вамъ все сіе разсказываю, мой милостивецъ, по ближнему нашему знакомству, зная, что оно далѣе не пойдетъ. Я повторяю, что я Канкрина весьма почитаю и готовъ при всей моей дряхлости всѣми силами ему помочь, но, кажется мнѣ, и для него и для насъ и для государства полезно, чтобъ мы его нѣсколько удержали, чтобъ онъ не такъ шибко шелъ. Я поистинѣ теперь не знаю, на что еще нашъ финансовой комитетъ существуетъ. Вы знаете, что Гурьевъ его выдумалъ тогда, когда не хотѣли ему вѣрить, что денегъ нѣтъ, потому что онъ прежде все тоже сказывалъ, а всегда находилъ денегъ. Тогда ему надобно было, чтобъ и другіе тоже сказали, но теперь на что мы? либо новыя мѣры требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія, тогда они суть дѣло государственнаго совѣта; либо они требуютъ такую поспѣшность, чтобъ надобно ихъ рѣшить безъ справокъ и ближайшаго разсмотрѣнія, тогда и намъ нечего дѣлать, а надобно, чтобъ государь полагался на одномъ министрѣ финансовъ. Я ему недавно сказалъ, когда онъ мнѣ говорилъ, что онъ всю бывшую систему доселѣ находитъ ошибочною, что во всѣхъ государствахъ, когда систему перемѣняютъ, не требуютъ уже совѣта отъ тѣхъ, кои были прикосновенны къ прежней системѣ, что я хотя и во многомъ не былъ согласенъ съ бывшимъ министромъ финансовъ, но и во многомъ не могу и съ новымъ согласиться, когда по тому или другому предмету онъ совершенно иначе думаетъ, какъ я, что я готовъ дать подписку, что совершенно увѣренъ, что онъ гораздо лучше дѣла видитъ, какъ я; но не менѣе того, когда по глупости моей то или другое не такъ понимаю, не могу иначе сказать, не могу то назвать сегодня чернымъ, что я вчера назвалъ бѣлымъ, а потому гораздо лучше, чтобъ себя такъ онъ устроилъ, чтобъ такъ какъ онъ за успѣхи отвѣтствуетъ, ни я, ни кто только по тому или другому предмету съ нимъ не одного мнѣнія, не могъ ему мѣшать.

Хотя я и полагалъ вызовомъ государя объ отпускѣ пользоваться только осенью, но докторъ мой настаиваетъ, чтобъ я пользовался съ начала іюля, чтобъ опять не хворать зимою; то уже принужденъ буду о

томъ просить къ тому сроку. Между тѣмъ часть моей работы уже кончена и переписывается нынѣ, остальную же долженъ буду отложить до зимы. Да прежде никто вѣрно ею и не займется. Но прежде отъѣзда воспользуюсь дозволеніемъ посѣщать васъ, я давно хотѣлъ на нѣсколько дней къ вамъ ѣхать, но кромѣ собственныхъ моихъ хлопотъ, удерживало меня то, что я слышалъ, что вы весьма заняты, часто объѣзжаете военныя поселенія и ожидаете въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца государя. Между тѣмъ кланяюсь всѣмъ грузинскимъ друзьямъ моимъ. Одного изъ нихъ, Василія Николаевича, посѣщаю иногда здѣсь, у сосѣда моего Татищева.

Васъ же, мой милостивецъ, прошу покорнѣйше принять увѣреніе и проч.

P. S. Сей часъ былъ у меня Дружининъ съ бумагами. Разговоры его открыли мнѣ нынѣ всю причину, почему въ понедѣльникъ намъ безъ него читали первую бумагу, почему она для него оставалась скрытною, почему она написана рукою самаго министра финансовъ, почему столь настоятельно требовали утвержденія оной (впрочемъ я Дружинину ничего не говорилъ). Вотъ причина: Дружининъ мнѣ сказалъ, что графъ Гурьевъ выпросилъ у государя дозволеніе окончить четыре главные плана, коими онъ занимался, но до увольненія не кончилъ съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣны были: 1) о новомъ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, 2) о страховой конторѣ, 3) о гильдейской [1]) подати, 4) объ окончательномъ кругѣ дѣйствій кредитныхъ установленій, по коему онѣ въ 12 лѣтъ должны всѣ свои операціи заключить. Бумага же, Канкринымъ представленная, совершенно противна сему послѣднему плану. Итакъ онъ спѣшилъ, чтобы она утвердилась прежде, нежели Гурьевъ свой планъ представитъ, и никому изъ подчиненныхъ о томъ не сказалъ, дабы Гурьевъ не узналъ. Сей послѣдній, бывъ снова опредѣленъ членомъ совѣта и сената, писалъ къ предсѣдателю, что государь ему дозволилъ на время не присутствовать. Я думаю, что онъ тогда только станетъ ѣздить, когда планы его готовы будутъ и поступятъ къ разсмотрѣнію.

61.

18 августа, 1823 г.

Милостивый государь, и пр.

13-го я былъ у государя императора вечеромъ въ Царскомъ Селѣ. Вы помните, что ходатайство мое о полученіи аудіенціи было принято, а въ послѣдствіи того, что вы мнѣ сказали въ Петергофѣ, что государь вамъ сказалъ, что онъ меня еще и не видалъ, и что вы тогда мнѣ совѣтовали просить дозволеніе представиться его величеству до отъѣзда.

---

[1]) Въ копіи ошибка, которая, кажется, такъ должна быть исправлена.

Въ семъ предположеніи я чуть не явился-было безъ бумагъ, но кстати, что въ тоже время случилось нѣкоторыхъ бумагъ по Бессарабіи, по фасадамъ строеній на Аптекарскомъ острову и по проэктамъ объ устроеніи водопадовъ здѣсь, о коихъ предъ тѣмъ государь мнѣ собственноручно писалъ, чтобы разсмотря ему лично доносить, я говорю, что сіи дѣла кстати попали въ то время, ибо при самомъ входѣ въ кабинетъ государь меня спрашивалъ, о какихъ дѣлахъ я имѣю ему докладывать. Когда уже все кончилось, то государь вынялъ изъ пакета письмо графа Ланжерона, въ коемъ жалуется, что лишился его милостей, при томъ объяснивъ причины, по коимъ онъ былъ имъ недоволенъ, отдалъ мнѣ то письмо. Возвратившись въ квартиру и прочитавъ оное, я нашелъ, что онъ сверхъ того пишетъ, что онъ писалъ къ графу Кочубею, просить у государя, когда и гдѣ нынѣшнее лѣто онъ можетъ еще представиться его величеству. На сіе государь мнѣ ничего не сказалъ, да по изъясненіямъ его величества я не могу полагать, чтобъ его величеству угодно было какой либо дать отвѣтъ на сіе письмо Ланжерона изъ Карлсбада. Писемъ его къ графу Кочубею по канцеляріи никакихъ нѣтъ, а было отправлено ихъ нѣсколько къ графу въ Тихвинъ. По нашимъ свѣденіямъ нѣтъ еще извѣстія, чтобъ онъ проѣхалъ границу, а по газетамъ я читалъ, что онъ отправился въ Одессу. Я счелъ нужнымъ васъ о сихъ обстоятельствахъ предварить, ибо вы знаете, что Ланжеронъ большой говорунъ и надоѣстъ государю, если на нынѣшнемъ вояжѣ ему на встрѣчу попасть, и потому, можетъ быть, разсуждено будетъ тѣмъ или другимъ образомъ сіе навпредь отклонить.

Вы сами мнѣ сказали въ Петергофѣ, что вы меня избавили отъ донскаго комитета, но теперь получилъ извѣстіе, что я въ оный посаженъ. Помилуйте, мой милостивецъ, что со мною дѣлается. Мнѣ поручили два министерства, изъ коихъ каждое таково, что оно можетъ совершенно занимать самаго здороваго и сильнаго человѣка, у меня уже глаза сдѣлались всѣ красныя, я скоро ослѣпну; не имѣю даже часа для прогулки и отдохновенія. Теперь мнѣ сверхъ того должно начать наконецъ особую ревизію кредитныхъ установленій, а въ тоже время получаю извѣстіе, что совѣтскія собранія возобновляются, что въ комитетѣ быть дважды вмѣсто одного, что быть мнѣ въ донскомъ комитетѣ, а отъ министра финансовъ, чтобы быть мнѣ въ особомъ комитетѣ по дѣламъ пермскимъ, въ таковомъ же по показаніямъ Гранта [1]); князь Голицынъ требуетъ, чтобъ возобновить извѣстный комитетъ по дѣламъ раскольническимъ; сверхъ того у меня комитетъ о контрактахъ и тюремный, и безпрестанно повѣстки изъ сената, чтобы быть при слушаніи дѣлъ. Когда же я во всемъ томъ могу успѣть? у меня теперь 14 департаментовъ и канцелярій, кромѣ всѣхъ сихъ комитетовъ. И то одного дня въ недѣли недостаетъ,

---

[1]) Въ копіи это имя испорчено; но кажется такъ надо читать.

если и каждый день, кромѣ воскресныхъ, имѣть два доклада, одинъ поутру, другой ввечеру. Въ какой день мнѣ теперь эти комитеты помѣстить? Я ослѣпну, я умру и все будетъ еще много опущеній, по невозможности одному слабому человѣку все то обнять, въ чемъ и нѣсколько здоровыхъ и сильныхъ едва ли успѣвать могли. И ужели вамъ не жаль меня будетъ?

Сегодня ночью у насъ былъ морозъ и довольно порядочный.

62.

5 сентября (1823?)

Милостивый государь, и пр.

Покорнѣйше и усерднѣйше благодарю ваше сіятельство и за ласковое ваше письмо и за извѣстіе о праздникѣ вашемъ и за благосклонное ваше меня приглашеніе. Богъ знаетъ, какъ я желаю пользоваться симъ послѣднимъ и все еще не отчаяваюсь въ томъ успѣвать, несмотря на всѣ тѣ комиссіи и затѣи, коими меня здѣсь прицѣпляютъ, коль скоро я являюсь. Такъ напр. военный министръ, до самаго возвращенія моего изъ Грузина, назначаетъ дни для общаго нашего разсмотрѣнія важнаго моздовскаго дѣла, а потомъ все откладываетъ, наконецъ рѣшительно назначилъ 4-е сентября, а потомъ опять откладывалъ до 15-го. Между тѣмъ, какъ дѣлу сему послѣдній срокъ минулъ, въ тоже время призвали меня для разныхъ експликацій по кредитнымъ установленіямъ, потомъ предварили, чтобъ непремѣнно быть при диспутахъ въ государственномъ совѣтѣ объ учрежденіи страховой конторы, уничтоженіи заемнаго банка и учрежденіи капитала промышленности. А въ тоже время министръ финансовъ требовалъ, чтобъ намъ съ нимъ разсмотрѣть доносъ Гранта государю, поданный на послѣдній заемъ, дабы объясненія представить съ первымъ фельдъегеремъ; наконецъ тюремное общество настаиваетъ, чтобъ я непремѣнно теперь открылъ засѣданія, такъ какъ отпуска не получилъ. Но всего прискорбнѣе для меня одна порученность, коею я обязанъ нерѣшимости нашего графа Кочубея. Вы помните, что государь по дѣлу Колтовской утвердилъ мнѣніе Лопухина и Куракина, чтобъ поддержать отъ казны турчаниновскіе заводы; нынѣ министръ финансовъ просилъ, чтобъ финансовой комитетъ собирался представить оному счеты и исчисленія, что на сей предметъ требуется до двухъ м. рублей, что у него денегъ нѣтъ, и чтобъ комитетъ разрѣшилъ, откуда ему позаимствовать сію сумму. Кочубей, дабы откладывать дѣло, поручилъ, яко предсѣдатель, Куракину и мнѣ разсмотрѣть всѣ тѣ счеты да расчеты съ директоромъ горныхъ сол. дѣлъ, сообразить всѣ обстоятельства и представить потомъ комитету наше мнѣніе. Вотъ большое и совсѣмъ пустое занятіе, которое ни къ чему не послужитъ, а только много времени и напрасно отыметъ.

Мы 30 августа не такъ великолѣпно праздновали, какъ вы. Я въ третій уже разъ шелъ въ церемоніи изъ Казанскяго собора въ монастырь пѣшкомъ. Въ церкви одинъ офицеръ попалъ подъ ноги и криками своими насъ испугалъ. Завтракали у министра, а обѣдать поѣхали въ Таврическій дворецъ. 31-го были тамъ же на молебствіи по новорожденной великой княжны Ольги Николаевны. 2-го сентября поѣхали въ 9-ть часовъ на великолѣпное погребеніе Коновницына, которое продолжалось до 3-го часу. Великій князь былъ тамъ же. Митрополитъ самъ служилъ. Всѣ кадеты, также и войска были въ церемоніи. Графиня при выходѣ бросилась великому князю на шею и съ поцѣлуями, слезами и стонами его обняла. Протопопъ кадетскаго корпуса въ рѣчи своей разсказывалъ подробно о всѣхъ орденахъ и почестяхъ покойнаго. Одна сія часть погребенія мнѣ не показалась. О томъ ли говорить, когда намъ напоминается та стихія, при которой всѣ суеты свѣта исчезаютъ?

Послѣ сей печальной церемоніи сцена совсѣмъ перемѣнилась; ибо оттуда прямо намъ велѣно ѣхать въ биржу на открытіе монумента государю, прекрасная работа Мартоса, а оттуда на обѣдъ въ комерческій клубъ, гдѣ купечество насъ подчивало великолѣпно до 9-го часа.

Третьяго дня скончалась старуха Кушелева.

Сегодня отмѣнили, назначенный въ Таврическомъ дворцѣ(...?) и мы туда поѣхали только для поздравленія. Нарышкинъ Кирилла въ восхищеніи отъ вашихъ поселеній. Теперь стало у насъ весьма холодно и я нѣсколько дней на дачѣ уже не живу. Получилъ я недавно годовой свой изъ Парижа запасъ книгъ и эстамповъ, довольно любопытный, но мнѣ уже скоро негдѣ будетъ помѣстить всѣ эти книги. Напрасно меня не отпустили нынѣшнюю осень, хотя на короткое время, мнѣ необходимо было назначить нѣкоторыя пристройки и отдѣлки въ Трейденскомъ своемъ монастырѣ, чтобъ возможно было по мѣрѣ, какъ какая часть библіотеки или коллекціи дѣлается мнѣ уже ненужною, отправить ее туда для всегдашняго храненія въ архивѣ. Забылъ я еще сказать, что на сихъ дняхъ былъ у меня Булычевъ по извѣстному вамъ дѣлу. Я ему сказалъ, чтобъ онъ написалъ,чего именно проситъ.Нашимъ общимъ грузинскимъ друзьямъ мой истинный поклонъ. Я все еще надѣюсь, коль скоро военный министръ и Куракинъ меня отпустятъ, съ дозволенія вашего, пріѣхать ихъ обыграть. А можетъ быть къ тому времени и возвратится мой любезный спутникъ Михаилъ Андреевичъ съ перваго своего похода.

Итакъ до личнаго свиданія; остается мнѣ только поручить себя всегдашнему доброму вашему ко мнѣ расположенію и просить васъ принять увѣреніе всегдашней моей къ вамъ преданности, съ коею я навсегда остаюсь вашего сіятельства покорнѣйшій слуга,

Баронъ Кампенгаузенъ.

(Затѣмъ слѣдуетъ „поденная записка Самбургскаго о баронѣ Балтазарѣ Балтазаровичѣ Кампенгаузенѣ съ 9-го по 12-е сент. 1823 года“, заключающая свѣдѣнія о ходѣ его послѣдней болѣзни и смерти его 12-го сент.).

Письма Чернышева.

63.

Ново-Черкаскъ. 9 іюля 1821 года.

Милостивый государь,
графъ Алексѣй Андреевичъ!

Въ послѣднюю бытность мою въ Грузинѣ и при осмотрѣ государемъ военныхъ поселеній, видѣвъ новые опыты благосклоннѣйшаго вашего сіятельства ко мнѣ расположенія и вниманія, первымъ почитаю долгомъ принести вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за доставленіе мнѣ счастія сопровождать его величество въ сію поѣздку и поручить себя въ дальнѣйшую милостивую вашу память.

Три дня тому назадъ, какъ пріѣхалъ я въ Ново-Черкаскъ, хотя краткость времени не дозволила еще мнѣ осмотрѣться, но изъ всего того, что видѣлъ и слышу, съ удовольствіемъ замѣчаю, что наказный атаманъ совершенно оправдываетъ высочайшій выборъ его въ сіе званіе. Чиновники и казаки весьма довольны теперь своимъ начальникомъ, который о благосостояніи ихъ печется неусыпно. Здѣсь слава Богу все спокойно и начинаетъ возникать порядокъ по всѣмъ отношеніямъ; одни лишь бывшіе откупщики недовольны случившеюся перемѣною и злобствуютъ противъ благонамѣренныхъ, но число ихъ такъ мало и сами они въ такомъ презрѣніи у войска, что не заслуживаютъ никакого уваженія. Въ здѣшнемъ краѣ, начиная съ Воронежской губерніи продолжаются несносные жары и общая засуха; появленіе во многихъ мѣстахъ саранчи и другихъ насѣкомыхъ причинило хлѣбу и травамъ, безъ того уже отъ засухи весьма худымъ, чувствительное истребленіе. Жители вообще опасаются важнаго недохода и недостатка въ хлѣбѣ и сѣнѣ, столь необходимымъ здѣсь для поддержанія обширнаго скотоводства. Екатеринославскій губернаторъ Шеміотъ, который объѣзжалъ свою губернію и заѣхалъ сюда со мною повидаться, весьма безпокоится о семъ несчастіи. Слухи, переходящіе сюда изъ Таганрога, ободряютъ тамошнихъ грековъ успѣхами соотчичей ихъ противъ турокъ. Они разсказываютъ, будто-бы греки во вторичной битвѣ успѣли захватить въ свои руки большую часть турецкаго флота и также удачно дерутся въ Молдавіи; нельзя однакоже вѣрить разсказамъ ихъ; извѣстно, что для поддержанія народнаго духа они обыкновенно все увеличиваютъ въ свою пользу.

Впрочемъ обозрѣвши положеніе здѣшнихъ дѣлъ и начавъ труды мои по комитету, я буду имѣть честь доносить государю и вашему сія-

тельству о всемъ томъ, что будетъ заслуживать уваженія; надѣюсь однакоже, что нынѣшнія донесенія мои не будутъ уже безпокоить васъ такъ много, какъ прежніе, они должны быть и рѣже и короче.

Благосклонное письмо вашего сіятельства къ наказному атаману произвело надъ нимъ самое полезное дѣйствіе, какъ надъ человѣкомъ, умѣющимъ цѣнить ваше вниманіе.

Съ чувствомъ совершеннѣйшаго высокопочитанія и сердечной привѣтственности(?) навсегда быть честь имѣю, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга,

А. Чернышевъ.

64.

Верона. 8 октября 1822 г.

Милостивый государь и пр.

Пользуясь милостивымъ дозволеніемъ вашего сіятельства, честь имѣю васъ увѣдомить, что обожаемый государь нашъ третьяго дня благополучно прибылъ въ Верону. Его величество слава Богу здоровъ и весьма доволенъ пріятнымъ путешествіемъ, которое совершить изволилъ изъ Вѣны чрезъ Сальцбургъ и Тироль. Военный край сей особенно обратилъ на себя его вниманіе; восторгъ жителей по случаю проѣзда знаменитаго гостя, военныя почести по ихъ обрядамъ, стрѣльба въ цѣль, пляски, гористое и замѣчательное мѣстоположеніе, все составляло весьма пріятный и новый предметъ любопытства. Государя сопровождалъ при семъ случаѣ одинъ к. Волконскій, мы же всѣ направлены были чрезъ Понтебу прямо въ Верону, но дабы воспользоваться свободнымъ временемъ, я посѣтилъ Венецію и Миланъ и успѣлъ еще явиться въ Верону до прибытія его величества. Не въ состояніи описать вашему сіятельству очаровательной красы здѣшняго края; онъ представляетъ собою безпрерывный садъ, съ чудесно обработанными дорогами; не говорю уже о множествѣ отличныхъ зданій и живописныхъ сокровищахъ, которыя встрѣчаешь въ каждомъ изъ здѣшнихъ городовъ, но что меня болѣе всего удивило — это Венеція, которую ни съ чѣмъ нельзя уподобить. Едва можно вѣрить глазамъ своимъ, когда увидалъ сіи колоссальныя зданія изъ мрамора, гранита и бѣлаго камня, выходящія изъ волнъ; объѣзжая городъ въ гондолѣ, я осматривалъ закладку новаго небольшаго строенія и тогда только измѣрить могъ всю необычайную трудность сей работы. Очень грустно однакоже видѣть, что всѣ единственныя заведенія, всѣ неоцѣненныя сокровища, собранныя въ семъ городѣ стариннымъ его горделивымъ правительствомъ, приходятъ нынѣ въ постепенный упадокъ отъ небреженія, а еще болѣе отъ совершеннаго недостатка въ торговлѣ. Чтоже касается до Милана, то столица сія прелестна великолѣпіемъ зданій, по большей части въ новомъ вкусѣ построенныхъ, широтою и красою улицъ, безподобными

прогулками и окрестностями, и конечно послѣ Петербурга, Парижа и Лондона, занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Но ежели вообще сѣверная Италія плѣнила меня своей красою, то не могу сказать тоже объ народѣ; воображеніе находитъ въ немъ потомство древнихъ обладателей міра; неопрятная и праздная жизнь превосходятъ всякое понятіе. Послѣ Венеціи и Милана, Верона кажется намъ довольно скудна, хотя и она заключаетъ въ себѣ довольно рѣдкостей; всего замѣчательнѣе старинный амфитеатръ или открытая арена, построенная римлянами. Число пріѣзжихъ здѣсь весьма велико; кромѣ двухъ императоровъ, прибыли уже: король прусской, великій герцогъ тосканской, бывшая императрица Марія Луиза и герцогъ моденскій, а вскорѣ ожидаются короли сардинскій и неаполитанской. Министры уже всѣ собрались и къ общему удовольствію къ нимъ также присоединился Велингтонъ, который только пріѣхалъ въ Вѣну за 12 часовъ до нашего отъѣзда. Кажется, что теперь дѣла должны идти успѣшно и скоро, и такъ какъ путешествіе въ южную Италію повидимому отложено совершенно, то можно надѣяться, что въ декабрѣ мѣсяцѣ мы предпримемъ обратный путь, чего я въ особенности отъ всего сердца желаю.

Прося ваше сіятельство о продолженіи милостиваго и неоцѣненнаго ко мнѣ расположенія вашего, котораго по искренной приверженности моей къ вамъ я почитаю себя не недостойнымъ, съ чувствомъ совершеннаго высокопочитанія и пр.

65.

Верона. 7 ноября 1822 года.

Милостивый государь,
графъ Алексѣй Андреевичъ!

Вскорѣ по отправленіи письма моего къ вашему сіятельству отъ 10-го прошедшаго мѣсяца я жестоко занемогъ; сильная боль въ боку не дозволяла мнѣ ни дышать ни двигаться, почему Яковъ Васильевичъ Виліе и рѣшился отворить мнѣ кровь и приложить шпанскую муху; сіи спасительныя средства оказались совершенно необходимыми, ибо нужно было тотчасъ прервать существующее воспаленіе и плёрезій. Слишкомъ двѣ недѣли просидѣлъ я дома и теперь только начинаю оправляться. Климатъ въ здѣшнемъ городѣ весьма для всѣхъ вреденъ; частые переходы отъ жару къ холоду, сосѣдство горъ и совершенная невозможность отапливать комнаты, причиняютъ частыя болѣзни: у всѣхъ пріѣзжихъ одно только въ умѣ и на языкѣ — скорое окончаніе нашего здѣсь заточенія! Ваше сіятельство легко повѣрить изволите, что я въ семъ числѣ не изъ послѣднихъ; столько причинъ общественныхъ и личныхъ заставляютъ меня сіе желать отъ всего сердца. Нѣсколько дней спустя прибытія въ Верону королей неаполитанскаго и сардинскаго, пруской король насъ оставилъ и отправился въ Римъ и Неаполь; такъ какъ его вели-

чество заранѣе во всемъ согласился съ нашимъ государемъ, то кажется, что не будутъ уже ждать его возвращенія. Сколько мнѣ извѣстно, итальянскія дѣла приведены теперь къ концу; по убѣдительной прозьбы самаго короля неаполитанскаго, австрійская армія будетъ продолжать занимать его государство; но только небольшая часть австрійскихъ войскъ останется въ крѣпостяхъ Піемонта; политическія дѣйствія относительно дѣлъ гишпанскихъ и восточныхъ покрыты еще завѣсою неизвѣстности, только повидимому можно ожидать, что недѣли черезъ три мы отсюда выѣдимъ. Не позже какъ вчерась государь мнѣ изволилъ сказывать, что надѣется здержать свое обѣщаніе и быть въ Петербургѣ въ концѣ декабря; но такъ какъ его величеству угодно видѣть Венецію и Миланъ, имѣть свиданіе на возвратномъ пути съ королемъ виртембергскимъ, посѣтить Мюнхенъ и пробыть нѣсколько дней въ Вѣнѣ, то неуповательно, чтобъ мы возвратились домой прежде генваря мѣсяца.

Всею душею и сердцемъ по вѣкъ преданный вашему сіятельству,

всепокорнѣйшій слуга,

А. Чернышевъ.

66.

Верона. 23 ноября 1822 г.

Милостивый государь и пр.

Письмо, которымъ ваше сіятельство меня почтить изволили отъ 2-го настоящаго мѣсяца, имѣлъ честь получить. Чувствуя въ полной мѣрѣ благосклонность вашу и цѣня отъ всего сердца милостивыя выраженія, кои столь лестно для меня подтверждаютъ оную, поспѣшаю принесть вашему сіятельству наичувствительнѣйшую благодарность. Къ душевному удовольствію моему честь имѣю извѣстить васъ, что отъѣздъ государя императора изъ Вероны назначенъ 4-го будущаго мѣсяца; его величество поѣдетъ отсюда въ Венецію, гдѣ проведетъ нѣсколько дней; къ новому году намѣренъ быть въ Варшавѣ, а въ Петербургъ изволитъ прибыть неранѣе, какъ къ 15-му генваря. Надѣясь получить позволеніе ѣхать изъ Варшавы прямо въ Петербургъ, я опережу пріѣздъ государя по крайней мѣрѣ двумя недѣлями. Первый долгъ мой будетъ явиться къ вашему сіятельству, дабы изустно повторить увѣреніе въ томъ душевномъ высокопочитаніи и безпредѣльной преданности, съ коими по вѣкъ мой и пр.

67.

С.-Петербургъ. 23 сентября 1824 года.

Милостивый государь и пр.

Душевнымъ удовольствіемъ поставляю принести вашему сіятельству искреннее поздравленіе, по случаю дня вашего рожденія. Особенною честію почелъ бы я исполнить пріятный долгъ сей лично, но остановленъ

былъ здѣсь печальною обязанностію къ памяти покойной жены моей, о которой сего дня совершаю святую тризну.

Позвольте мнѣ при семъ случаѣ удостовѣрить ваше сіятельство, что изъ числа всѣхъ къ вамъ приверженныхъ никто не превзойдетъ меня въ чувствахъ искренняго къ вамъ уваженія и душевной преданности, что и желалъ бы имѣть случай доказать на опытѣ.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и приверженностію быть честь имѣю и пр.

68.

С.-Петербургъ. 2 ноября 1832 г.

Милостивый государь и пр.

Директоръ Санктъ-Петербургскаго Александровскаго завода литейнаго, оберъ-бергъ-гауптманъ 5-го класса Кларкъ, отъ 2-го сентября сего года за № 3823, вошелъ съ представленіемъ, что въ 1825 году, по требованію вашего сіятельства отъ 18-го іюня, приготовлено на ономъ заводѣ и отпущено подъ росписку штабсъ-капитана Серкова, для отправленія въ село Грузино, четыре чугунные фонарные столба, съ круглыми пьедесталами и варшавскими фонарями, съ мѣдными цѣпочками; и какъ заводъ не получилъ еще слѣдующихъ за сіи фонари денегъ, полагая за каждый по 500 рублей, всего 2,000 рублей, то и проситъ объ уплатѣ заводу сихъ денегъ.

Изъ вытребованнаго, отъ экономическаго комитета военныхъ поселеній, донесенія оказалось, что за всѣ фонари, которые съ 1821 года были заказываемы на литейномъ заводѣ, деньги заплочены заводу въ свое время, и что четыре, за которые требуется нынѣ 2,000 рублей, не поступали въ оное. По докладу о семъ государю императору, его императорское величество, во вниманіи, что четыре фонаря въ военномъ поселеніи не находятся, а сданы въ село Грузино, — высочайше повелѣть соизволилъ: требованіе директора санктпетербургскаго литейнаго завода препроводить къ вашему сіятельству.

Во исполненіе таковаго высочайшаго повелѣнія, препровождая при семъ къ вашему сіятельству копію съ отношенія 5-го класса Кларка (№ 3823) и представленный при ономъ списокъ съ записки вашей къ нему о помянутыхъ четырехъ фонаряхъ, имѣю честь увѣдомить, что г-ну Кларку дано знать о семъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Письма графа Кочубея.

69.

17 мая 1823.

Сколько не уклонялся я всегда безпокоить кого бы-то ни было просьбами моими, но въ надеждѣ на снисхожденіе вашего сіятельства ко

мнѣ, рѣшаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ таковою. Въ продолженіи почти четырехъ-лѣтняго управленія моего министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, чиновники онаго не получали наградъ. Сіе [1]) ставитъ меня въ непріятное положеніе. На меня жалуются и жалуются справедливо, ибо дѣлаютъ сравненія. Многіе чиновники вышли и выходятъ; а между тѣмъ должно однакожъ сказать правду, трудовъ ихъ не меньше другихъ. Представленія мои комитету министровъ въ 1821 году сдѣланныя разсмотрѣны и ваше сіятельство лично величайшее одолженіе окажете, если изволите ускорить испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія. Въ горестной участи, Всевышнимъ Промысломъ мнѣ предопредѣленной, мнѣ нужны нѣкоторыя утѣшенія и я найду особенное удовольствіе и въ семъ отношеніи быть вашему сіятельству обязаннымъ.

Съ чувствами совершеннаго почтенія и искренною преданностію всегда пребуду вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Графъ В. Кочубей.

70.

Царское Село. 9 іюля, 1823 года.

Милостивый государь и пр.

Я не хочу оставить Петербурга, чтобъ за невозможностію лично видѣть ваше сіятельство, хотя письменно проститься съ вами, милостивый государь; принести вамъ искреннѣйшую мою благодарность за всѣ дружескія ваши расположенія и просить васъ мнѣ оныя продолжать. Я льщу себя надеждою, что послѣдняя просьба сія не будетъ вами отринута, находясь въ томъ убѣжденіи, что ваше сіятельство отдаете справедливость чувствамъ моимъ и моему образу мыслей.

Мы уже почти совершенно на отъѣздѣ и я ожидаю только возвращенія его величества.... чтобъ поклониться его величеству.... Благодаря Бога погода, кажется, установилась, а съ симъ успокоиваюсь я нѣсколько на счетъ предстоящаго намъ путешествія. Больная моя имѣетъ нѣкоторое облегченіе. Съ помощію Всевышняго, неужели не должно имѣть надежды? Мысль сія меня укрѣпляетъ и я пускаюсь на воды и моря веселѣе.

Ваше сіятельство имѣли намѣреніе, возвращаясь изъ Вознесенска чрезъ Полтаву, взять путь чрезъ имѣніе мое, село Диканьку. Я также льщу себя надеждою, что намѣренія сего перемѣнить вы не изволите. Въ разстояніи отъ Кременчуга чрезъ Полтаву до Харькова, и миную Полтаву чрезъ Диканьку и Ахтырку, не только нѣтъ никакой значущей разницы; но навѣрное полагаю, что послѣдній путь сокращеннѣе. Записку, указывающую направленіе сіе, препроводить у сего честь

[1]) Въ копіи: «Все».

имѣю. Но напредь предваряю ваше сіятельство, что Диканька одно примѣчательное только имѣетъ: это красота лѣсовъ и растеній. Домъ мой повалился; церковь одна въ трещинахъ и разбирается, послѣдствіе дурныхъ нашихъ строителей и архитекторовъ; причемъ и величайшее затрудненіе въ матеріалахъ и работникахъ.

За всѣмъ симъ надѣюсь, что ваше сіятельство найти изволите уголокъ чистой для успокоенія и бутылку вина, не фабрикъ россійскихъ. А что вы найти изволите точно безъ примѣси, это совершенное удовольствіе хозяина, видѣть во владѣніи его столь пріятнаго посѣтителя.

Жена моя поручаетъ мнѣ вашему сіятельству усердно поклониться...... Будьте увѣрены въ чувствахъ искренняго почтенія и пр.

71.

Ѳеодосія, 3 ноября, 1823 года.

Милостивый государь и пр.

Никогда не воображалъ я, чтобъ едва оставивъ С.-Петербургъ, могъ я быть тамъ предметомъ самыхъ неосновательныхъ и даже оскорбительныхъ толковъ по какому-то письму министра юстиціи князя Лобанова, въ коемъ онъ обвиняетъ меня пристрастіемъ по дѣлу о чиновникахъ его, переведенныхъ изъ Калужской губерніи; родственники мои и жены моей естественно огорчены чрезмѣрно были обстоятельствами, въ коихъ съ такою подлостію хотѣли помрачить честь мою.

Поставляя оную выше всего, я осмѣлился нынѣ писать къ его императорскому величеству и всеподданнѣйше просить гласнаго изслѣдованія, а къ вашему сіятельству, какъ имѣющему главное управленіе дѣлъ комитета гг. министровъ, и къ человѣку, который цѣня честь, оказывалъ мнѣ всегда дружескія расположенія, обращаюся въ надеждѣ, что вы изволите принять внимательное участіе въ дѣлѣ семъ.

Я истинно не зналъ, что точно писалъ князь Лобановъ къ государю императору, ибо мнѣ извѣстна только общая молва городская; но ваше сіятельство, зная меня, согласиться изволите, что я кромѣ точнѣйшаго исполненія повелѣній его величества ни въ какія дѣла, до меня не принадлежащія, никогда не мѣшался, и что и самимъ м. ю. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ я столь же мало занимался, какъ и вы сами, радуяся только иногда, когда пустое и шумное многоглагольствіе, хотя окончаніемъ засѣданій комитета или совѣта прекращалось. Сіе было конечно скучно, тяжело, но видѣли ли ваше сіятельство во мнѣ когда изъявленіе досады или вспыльчивость? впрочемъ могъ ли я не докладываться его величеству о томъ, что мнѣ писано для доклада вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія? Но какъ бы то ни было, я не унижу себя до того, чтобъ упоминать о тѣхъ побужденіяхъ, кои вѣроятно дѣйствовали въ семъ случаѣ, да мнѣ они и ненужны для показанія правоты моей.

Я не могу вашему сіятельству изъяснить, съ какимъ прискорбіемъ лишенъ я былъ возможности пріѣхать въ Вознесенскъ, а потомъ принять васъ въ моей Диканькѣ; гдѣ по письму вашему къ женѣ моей надѣюсь я, что вы быть изволите, ибо почты такъ медленно здѣсь ходятъ, что я ничего еще о семъ непосредственно не знаю.

Болѣзнь моя и теперь не совсѣмъ меня оставила. Нѣсколько опытовъ непріятныхъ имѣю уже я, что подагрическіе припадки мои отъ 2 до 3 мѣсяцевъ продолжаются и что всякій разъ послѣ оныхъ съ лѣтами силы слабѣютъ.

Не знаю, ваше сіятельство въ путешествіе ваше въ Крыму изволили ли быть въ Ѳеодосіи? Мѣсто самое непріятное. Уныніе давно бы преодолѣло надо мною, если бы давно съ должнымъ подобострастіемъ къ предопредѣленіямъ Всевышняго, не предался я на всѣ терпѣнія и еслибы не имѣлъ я непрестанно въ виду одной цѣли исцѣленія дочери моей. Она чувствуетъ большую перемѣну въ здоровьѣ своемъ. Путешествіе наше (коему не совѣтую вашему сіятельству никогда подражать) было для меня полезно. Ванны теплыя морской воды ее укрѣпляютъ, а при томъ при помощи Божіей я имѣю нѣкоторую надежду и на климатъ. Мы живемъ здѣсь въ семействѣ нашемъ. Общества никакого нѣтъ и мы довольно счастливы, что не имѣемъ въ немъ и надобности.

Край здѣшній представляетъ самое жалкое изображеніе. Саранча или жары при засухѣ все истребили. Хлѣбъ и фуражъ весьма дороги. Скотъ продается за ничто. Можно изрядную молодую лошадь купить за 30 рубл., быка за 15 р., овцу за два рубля и дешевле.

Примите, милостивый государь мой, свидѣтельство искренняго почтенія и пр.

Письма Дибича.

72.

С.-Петербургъ. 29 апрѣля, 1824 года.

Ваше сіятельство,
милостивый государь графъ Алексѣй Андреевичъ!

Къ крайнему моему сожалѣнію не имѣлъ я честь видѣть вашего сіятельства предъ отъѣздомъ вашимъ и узналъ, что изволили уѣхать на довольно значительное время.

Получивъ почтеннѣйшее отношеніе ваше на счетъ дизлокаціи поселенныхъ войскъ Новгородскихъ, я приказалъ гвардейскому штабу о нарядѣ офицера (назначенъ капитанъ Рочфортъ), но долгомъ считаю убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство о оставленіи лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка въ Новгородѣ, ибо выводъ онаго вовлечетъ казну въ весма значительныя издержки для построенія вновь заведеній, существующихъ тамъ для кавалерійскаго полка.

Государю императору поднесена была вторично просьба отставного генералъ-маiора Ансiо, которую при семъ имѣю честь препроводить къ вашему сiятельству. Его величество имѣетъ весьма невыгодное мнѣнiе о службѣ сего генерала, особенно по интересной части. Ансiо напротивъ того увѣряетъ о невинности своей. Полагая, что служба его можетъ быть извѣстна вашему сiятельству я просилъ позволенiе представить вамъ его просьбу, съ покорнѣйшею просьбою о сообщенiи мнѣнiя вашего, которое вашему сiятельству, можетъ быть угодно будетъ объявить словесно чрезъ генерала Клейн-михеля или по возвращенiи Вашемъ.

Пользуюсь отъѣздомъ генерала Клейн-михеля, дабы повторить вашему сiятельству увѣренiе истиннѣйшаго высокопочитанiя и преданности, съ коими имѣю честь пребывать вашего сiятельства покорнѣйшiй слуга

Иванъ Дибичъ.

73.

Симбирскъ. 2 сентября 1824 года.

Милостивый государь и пр.

За письмо вашего сiятельства, полученное мною въ Пензѣ, приношу вамъ искреннѣйшую мою благодарность.

Государь императоръ, имѣя намѣренiе сдѣлать производство въ генералъ-лейтенанты, приказалъ мнѣ предварительно спросить у вашего сiятельства о мнѣнiи вашемъ, должно ли произвесть генералъ-маiора Рылѣева, начальника могилевскаго поселенiя, когда произведутъ младшие его? О чемъ буду ожидать благосклоннаго увѣдомленiя вашего сiятельства.

Его величество остался весьма доволенъ осмотромъ войска 2-го пѣхотнаго корпуса, въ особенности состоянiемъ 6 пѣхотной дивизiи и артиллерiи и движимости и точности на маневрахъ особливо пѣхоты. Равномѣрно государь императоръ изъявилъ свое удовольствiе и состоянiемъ губернiй Рязанской, Тамбовской и Пензенской. Губернаторамъ Штрейдеру и Миронову пожалованы табакерки съ высочайшимъ вензелемъ, Лубьяновскому 2-му Владимiра, генералу князю Горчакову табакерку съ портретомъ и генералу Абычкову тоже орденъ Святаго Александра Невскаго.

Здоровье его величества слава Богу соотвѣтствуетъ общимъ желанiямъ: погода и дороги прекрасныя и сердечная приверженность добрыхъ россiянъ казенныхъ радуетъ весьма вѣрноприверженнаго.

Съ истиннымъ почтенiемъ и проч.

74.

Село Балки, симбирскаго уѣзда. 19 сентября, 1824.

Милостивый государь и проч.

Государь императоръ изволитъ продолжать вояжъ въ желаемомъ

здоровьѣ, при благополучной погодѣ и славныхъ дорогахъ. Край Оренбургскій, хотя мало населенный, но прекрасный, жителей достаточно, живутъ довольно чисто и сборъ только разныхъ націй, весьма часто въ одной деревнѣ, весьма любопытно. Мы уже находимся въ настоящихъ Уральскихъ горахъ и чрезъ три дня будемъ на Сибирской сторонѣ, дай Богъ только продолженія столь благополучной погоды. Особеннаго новаго у насъ ничего нѣтъ. Милостивый государь Паткуля приказалъ..... отмѣнить по арміи, о Угрюмовѣ же будетъ отдано въ приказъ вмѣстѣ о назначеніи нѣсколько другихъ дивизіонныхъ командировъ, ибо Ласкевичь назначенъ на мѣсто Сталя на кавказскую линію, а кромѣ Храповицкаго проситъ также Эмме и по болѣзни нужно будетъ замѣстить Нейдгарта 1-го. Все сіе я надѣюсь воспослѣдуетъ до Екатеринбурга. Ваше сіятельство получили уже офиціальное донесеніе мое на счетъ перемѣны высочайшаго маршрута на Новгородъ чрезъ Боровичи.

Государь равномѣрно заѣзжалъ изъ Уфы въ Бирскъ и сего числа имѣетъ ночлегъ вмѣсто Бердяжскаго перевоза въ селѣ Балкалѣ. Я желаю сердечно, чтобы строки сіи застали васъ въ лучшемъ здоровьѣ и имѣю честь быть и проч. [1])

75.

Билимбаевскій заводъ. 29 сентября, 1824 г.

Милостивый государь и пр.

Послѣ весьма благополучнаго вояжа и подробнаго осмотра заводовъ, Уральскихъ горъ, въ окружности Златоустовска и Екатеринбурга лежащихъ, государь императоръ соизволилъ прибыть сего числа къ обѣду сюда въ Билимбаевскій заводъ въ вожделѣнномъ здравіи и отправленіе фельдъ-егеря даетъ мнѣ пріятный случай имѣть честь увѣдомить о томъ ваше сіятельство. Назначеніе дивизіонныхъ командировъ, о которыхъ я имѣлъ честь писать вашему сіятельству съ послѣднимъ фельдъ-егеремъ, еще не вышло, но я надѣюсь, что оно не можетъ замедлиться. Государь императоръ вообще былъ доволенъ этимъ краемъ. Въ положеніи горныхъ заведеній требуется [2]) непремѣнно дѣятельныхъ мѣръ, для коихъ обозрѣніе государя императора послужитъ полезнѣйшимъ основаніемъ. Богатство здѣсь большое и все открытое обѣщаетъ величайшій успѣхъ, но надобно единообразное управленіе, дѣятельность и честность, а для сей послѣдней нужно опять дѣятельность и твердость. Нѣкоторые частные . . . . . удѣлы въ хорошемъ видѣ, блистательнѣйшее изъ нихъ Яковлева Исетскъ. Устройство нашей артиллеріи, акуратность въ..... снарядахъ, точность и единообразіе, доведшіе оную до столь отлич-

---

[1]) Въ этихъ письмахъ, копія наша повидимому опять несвободна отъ неточностей.

[2]) Въ копіи «требуетъ».

наго состоянія, распространяли свою пользу и на Сибирской край, принуждая, по собственнымъ словамъ управителя завода, къ точнымъ работамъ, они улучшили способъ работъ и увидѣли соотвѣтственный успѣхъ. Я увѣренъ, что вашему сіятельству не могло бы быть непріятно слышать сіе отъ самыхъ исполнителей и сердечно жалѣю вообще, что обширныя дѣла, васъ обременяющія, не позволили вамъ видѣть сію достопримѣчательную страну. Государь императоръ слава Богу доволенъ состояніемъ болѣвшей ноги, и здоровье его величества поддержано продолженіемъ строгаго діэта и совершенно соотвѣтствуетъ молитвамъ нашимъ. Я уже имѣлъ честь донести вашему сіятельству, что государь императоръ изъ Устюжна изволитъ ѣхать на Боровичи, Крестцы и Новгородъ, чрезъ что прибытіе въ С. Петербургъ (или лучше сказать въ Царское Село) промедлитъ однимъ днемъ.....

Приложенную при семъ записку, полученную государемъ императоромъ при городовомъ С.-Петербургскомъ рапортѣ, имѣю честь представить вашему сіятельству на ваше благоусмотрѣніе: благоугодно-ли будетъ, чтобъ рѣшено было слѣдствіе надъ артиллерійскимъ офицеромъ, приведшимъ больныхъ, или предварительно сдѣлать распоряженіе по отдѣленіямъ. Въ первомъ случаѣ буду ожидать благосклоннаго увѣдомленія вашего сіятельства. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и пр.

76.

Крестцы. 22 октября, 1824 г.

Милостивый государь и пр.

За письмо вашего сіятельства отъ 14 сего мѣсяца и благосклонное увѣдомленіе о помолвленіи племянницы моей и за милостивое участіе какое изволите принимать въ ея участи, приношу вашему сіятельству истиннѣйшую мою благодарность. Получивъ сіе письмо послѣ отправленія фельдъ-егерей въ С.-Петербургъ и Новгородъ, я не могъ предувѣдомить вашего сіятельства, что государь императоръ полагаетъ пріѣхать въ Новгородъ сего дня вечеромъ, пообѣдавъ здѣсь въ Крестцахъ часу въ первомъ и второмъ, отъ чего пріѣздъ нашъ въ Бронницы нѣсколько промедлится. Я полагаю навѣрно, что ваше сіятельство изволите быть о томъ извѣстнымъ чрезъ новгородскаго губернатора, но не менѣе того почитаю долгомъ о томъ донести. Отъ Вологды имѣли мы самую затруднительную дорогу, въ особенности около Череповца, Устюжна и Боровичъ, такъ что всѣ наши экипажи отстали, но слава Богу здоровье государя императора нимало не потерпѣло отъ затруднительныхъ ночныхъ поѣздокъ и его величество занимается теперь отправленіемъ бумагъ.

Съ истиннымъ нетерпѣніемъ ожидаю минуту, гдѣ сегодня въ Бронницахъ надѣюсь повторить вашему сіятельству увѣреніе истинныхъ чувствъ высокопочитанія и пр.

77.

Ижевской заводъ. 5 октября 1824 г.

Милостивый государь и пр.

Съ истиннѣйшею благодарностію имѣлъ я честь получить письмо вашего сіятельства отъ 16 сентября и увѣдомленіе о неприбытіи купеческаго сына Бубнова (?) и о генералъ-маіорѣ Рылѣевѣ.

Вояжъ его величества продолжается слава Богу весьма счастливо. Государь императоръ воспользуется наилучшимъ здоровьемъ, держась однакожъ по прежнему строгаго діэта. Съ вчерашняго дня погода перемѣнилась въ осеннюю довольно холодную и дождливую, я полагаю, что сему также причиною непроходимые лѣса здѣшнихъ мѣстъ. Его величество остался весьма довольнымъ ижевскимъ заводомъ и пожаловалъ генералъ-маіору Греку Аннинскую ленту.

Механическая часть здѣсь противъ Тулы позади, но работаютъ хорошо и строенія прекрасныя, большею частію экономическимъ образомъ построены.

Завтра по утру продолжаемъ путь къ Вяткѣ и приблизимся уже болѣе и болѣе къ окончанію вояжа. Съ особеннымъ удовольствіемъ ожидаю минуты, гдѣ могу лично повторить вашему сіятельству увѣреніе истиннаго высокопочитанія и преданности и пр.

Иванъ Дибичъ.

78. *Письмо Куракина.*

С.-Петербургъ, 29 апрѣля, 1824 г.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ.

Желая исполнить въ точности назначеніе вашего сіятельства въ день отъѣзда вашего, касательно приглашенія первыхъ членовъ частныхъ комитетовъ въ собраніе главнаго комитета въ будущій четвергъ, для исправленія дѣйствій ихъ по замѣчанію, государемъ императоромъ сдѣланному, я признаться долженъ, остаюсь въ нѣкоторой нерѣшимости, какъ ихъ помѣстить въ званіи сенаторовъ въ комитетѣ, ибо тогда насъ будетъ 18 человѣкъ, да и какое можно будетъ сдѣлать заключеніе изъ разнообразныхъ ихъ объясненій.

По симъ уваженіямъ, если угодно будетъ вашему сіятельству согласиться, думалъ бы я потребовать отъ нихъ предварительнаго свѣденія, какими правилами каждый комитетъ руководствуется при выдачѣ пособій потерпѣвшимъ? Получивъ донесенія ихъ по сему предмету, удобно кажется будетъ въ комитетѣ разсмотрѣть и сообразить оныя безъ ихъ присутствія, и сообразивъ все ими представленное, назначить уже тѣ правила къ дѣйствію ихъ, которыя бы въ точности исполняли

высочайшую волю, дабы выдаваемыя пособія клонились болѣе къ улучшенію цѣлаго положенія человѣка, нежели къ одному дневному удовлетворенію, которое въ мелкомъ видѣ скорѣе обратиться можетъ на произвольную и тщетную издержку.

Прилагая на сей конецъ проэктъ циркуляра первымъ членамъ частныхъ комитетовъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, съ симъ вмѣстѣ соединяю я и покорнѣйшую просьбу не оставить меня безъ вашего разрѣшенія.

Истинно совѣщусь, что и въ предѣлахъ спокойствія и отдохновенія, я васъ, милостивый государь, обременяю, но неутомимое стремленіе исполнить лучшимъ образомъ волю государя императора одно мое оправданіе. Благоволите, ваше сіятельство, принять увѣреніе о истинномъ и непремѣнномъ почтеніи и таковой же преданности, съ коими навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

К. Алексѣй Куракинъ.

79. *Письмо Магницкаго.*

12 февраля (1824 ?).

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ!

На вопросъ вашего сіятельства о лучшемъ катехизисѣ для военныхъ училищъ имѣлъ я честь сказать вамъ, милостивый государь, что у насъ есть древняя и истинно догматическая книга: Православное исповѣданіе вѣры, которая вытѣснена изъ употребленія новыми катехизисами, двенадцатью, кажется, одинъ другаго худшими по удаленію ихъ отъ вѣры отцовъ нашихъ, отъ православія, на которомъ стоитъ Россія.

Нынѣ доставилъ я представляемое у сего разсужденіе о сей книгѣ, официально произнесенное въ Невской академіи въ 1804 году. Оно очень рѣдко, по истощенію изданія. Изъ него ваше сіятельство усмотрѣть можете, что книга Православное исповѣданіе есть истинно догматическая; ибо утверждена всѣми восточными патріархами и издана однимъ изъ нихъ. И такъ важна, что въ важныхъ случаяхъ и самые римскіе католики на нее ссылались. Но когда изволите прочесть разсужденіе о ней, то вѣрно представится вопросъ: какая была нужда издавать новые катехизисы, имѣя столь полный и такъ торжественно и надежно утвержденный?

Она переведена съ греческаго и переведена на славянскій, издана на славянскомъ языкѣ въ концѣ 17-го столѣтія, именно тогда, когда у насъ духъ реформы и даже кальвинизма предшествовалъ духу невѣрія. Потому и книгу сію, чистое золото православія, вытѣснили скоро богословія Ѳеофана, сильнаго врага церкви. Потомъ всѣ катехизисы выходили по духу времени и теперь дошли мы уже до того, что каждый

законоучитель учитъ какъ хочетъ, а книга Православное ученіе лежитъ кучами въ сѵнодальной лавкѣ.

Извините ваше сіятельство, что отнимаю время ваше сими богословскими разсужденіями потому только, что на довѣренность вашу, милостивый государь, почитаю себя обязаннымъ отвѣчать совершенною искренностію, которая къ тому мѣсту, гдѣ Богъ васъ поставилъ, не всегда и доходитъ, а потому и имѣетъ свою цѣну.

Записка о кантонистахъ заслужитъ, можетъ быть, также вниманіе вашего сіятельства.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Михаилъ Магницкій.

Письма Оленина.

80.

С.-Петербургъ, 23 іюля 1824 года.

Милостивый государь и пр.

При предписаніи отъ сего числа за № 109 я препроводилъ въ Императорскую Публичную библіотеку для храненія въ надлежащихъ ея отдѣленіяхъ полученныя мною лично отъ вашего сіятельства въ селѣ вашемъ Грузинѣ, во время бывшаго тамъ нынѣ праздника, двѣ печатныя книжки и двѣ рукописи, а именно: 1) Рескрипты и записки государя императора Павла I къ вашему сіятельству. 2) Разные акты, принадлежащіе селу Грузину, высочайше утвержденные. 3) Найденный въ Бессарабской области г. генералъ-лейтенантомъ Инзовымъ листокъ писанный тибетскими письменами, зарытый въ землѣ, подъ которой оный хранился въ кувшинѣ, и 4) Собственно-ручную вашего сіятельства выписку изъ письма къ вамъ братца вашего г. кіевскаго коменданта, отъ 9-го іюня сего года, при которомъ прислана была къ вашему сіятельству изъ Кіева упомянутая любопытная рукопись.

Императорская Публичная библіотека, видя въ сихъ подаркахъ новое доказательство милостиваго вашего вниманія къ оной, приняла ихъ съ живѣйшею признательностію.

Для библіотеки сей особенно пріятно будетъ сохранять для современниковъ и потомковъ, заключающіяся въ печатныхъ книжкахъ [1]) заслуженнаго дарителемъ довѣрія и уваженія къ нему почившаго въ Бозѣ государя императора Павла I-го и благополучно царствующаго надъ нами самодержца, равно какъ примѣры вѣрноподданнической и вѣчной признательности къ государю благодѣтелю, и лучшіе опыты заботливости помѣ-

---

[1]) Должно быть пропущено: «примѣры» или что нибудь подобное.

щика о благосостояніи крестьянъ, ввѣренныхъ Богомъ и правительствомъ его попеченію.

Сіи уваженія возвышаютъ цѣну сдѣланнымъ вашимъ сіятельствомъ библіотекѣ подарковъ и вмѣстѣ умножаютъ и мое собственное удовольствіе при воспоминаніи о селѣ Грузинѣ, гдѣ оные мною получены. Посему позвольте мнѣ, сіятельнѣйшій графъ, съ отличною благодарностію приносимою вамъ Императорскою Публичною библіотекою за сіи знаки продолжаемаго вами благорасположенія къ сему общеполезному книгохранилищу, соединить мою особенную признательность и изъявленіе совершеннаго высокопочитанія и преданности, съ коими имѣю честь быть на всегда вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшимъ слугою

Алексѣй Оленинъ

81.

С.-Петербургъ, 21 сентября 1824 года.

Милостивый государь и пр.

Препровождая вашему сіятельству офиціальный отвѣтъ отъ имени Императорской Академіи художествъ касательно заказываемыхъ образовъ, по мѣрамъ даннымъ господиномъ архитекторомъ Стасовымъ, для церкви, сооружаемой въ штабѣ поселеній полка вашего имени, я осмѣливаюсь при семъ случаѣ, полуофиціально вамъ донести, милостивый государь, объ успѣхахъ изящныхъ искуствъ въ Россіи, судя по нынѣшней выставкѣ въ императорской академіи художествъ. Я искренно и крайне сожалѣю, что обстоятельства не позволили вашему сіятельству взглянуть на истинно пріятное собраніе отличныхъ работъ, въ первый еще разъ, какъ иные говорятъ, въ такомъ количествѣ и такомъ превосходствѣ явившихся въ стѣнахъ Академіи,—сего полезнаго заведенія, учрежденнаго болѣе уже полвѣка и покровительствуемаго щедротами и попеченіемъ четырехъ россійскихъ государей! Я о томъ искренно сожалѣю, по причинѣ, что ваше сіятельство достойнымъ образомъ занимаете въ академическомъ нашемъ сословіи, мѣсто почетнаго любителя. Не подумайте, сіятельнѣйшій графъ, чтобъ я хотѣлъ вамъ льстить. Это было бы съ моей стороны неблагоразумно и противно моимъ чувствамъ. Я говорю то, что въ самомъ дѣлѣ есть и докажу самымъ же дѣломъ. Ваше сіятельство, соотвѣтственно знатности вашего сана, весьма небогаты; но не смотря на то, время отъ времени выдаете хлѣбъ нашимъ лучшимъ художникамъ и стараетесь открывать новые пути къ полученію вѣрныхъ возмездій за труды ихъ. Послѣднее ваше порученіе то доказываетъ; слѣдственно вы въ точности исполняете академическіе законы, въ коихъ между прочимъ сказано: Достоинство почетныхъ любителей оставляется предпочтительно россійскимъ, кото-

рые въ установленіяхъ полезныхъ обществу, такъ какъ патріоты, не только подкрѣпляютъ непоколебимость оныхъ, но и вспомоществованіемъ своимъ стараются учреждаемыя здѣсь художества доводить, сколько возможно, до высочайшаго совершенства*). Извините, сіятельнѣйшій графъ, если я васъ обременилъ сею выпискою, оставя настоящій предметъ моего письма. И такъ еслибъ ваше сіятельство были здѣсь, то я надѣюсь, что вы бы изволили пользоваться превосходными работами нынѣ, г. Кипренскаго въ живописи портретной, г. Воробьева въ перспективной, г. Уткина—въ гравированіи и нѣсколькими другими произведеніями гг. академиковъ и постороннихъ художниковъ, а сверхъ того работами бывшихъ и находящихся еще пенсіонеровъ сей академіи въ Римѣ, какъ-то: архитектора Глинки и живописцевъ Щедрина и Басина, скульпторовъ: Воробьева и Галберга, также пенсіонера г. канцлера графа Румянцова—Сазонова въ живописи исторической. Даже и программы выпускаемыхъ нынѣ учениковъ могли бы привлечь вниманіе ваше! но къ крайнему сожалѣнію Академіи ваше сіятельство все это изволите узнать подробно, по однимъ только разсказамъ въ первой книжкѣ (за нынѣшній годъ) журнала изящныхъ искуствъ. Между тѣмъ къ собственному моему огорченію, къ будущей выставкѣ и выпуску учениковъ, т. е. чрезъ три года, врядъ-ли я еще буду президентомъ; ибо въ службѣ пора мнѣ честь знать, особливо когда силы только слабѣютъ, какъ мои ослабли въ нынѣшнемъ году; слѣдственно врядъ ли я тогда буду имѣть счастіе показывать вамъ, сіятельнѣйшій графъ, произведенія нашихъ художниковъ! Въ заключеніе сего моего длиннаго письма, за недосугомъ написать короткаго (какъ сказалъ какой-то древній писатель), позвольте васъ, милостивый государь, всеусерднѣйше поздравить съ будущими днями, вашего рожденія и Ангела вашего... Я весьма желалъ въ первый изъ сихъ дней быть (съ дозволенія вашего сіятельства) въ славномъ селѣ Грузинѣ, чтобъ изустно васъ съ тѣми днями поздравить; но обстоятельства мои по службѣ, въ нынѣшнемъ году, мнѣ въ томъ воспрепятствовали. У насъ въ Академіи, въ теченіи сихъ двухъ мѣсяцовъ: сентября и октября, такія хлопоты, что я изъ города никуда не могу отлучиться и даже въ моемъ Пріютинѣ третью уже недѣлю не былъ! Выставка художническихъ произведеній, выпускъ учениковъ въ художники, пріемъ дѣтей въ воспитанники, ужасное стеченіе публики, утомительное балотированіе и нужное безпристрастіе, справедливость и твердость въ пріемѣ дѣтей не дадутъ мнѣ покоя до 25 октября—день назначенный къ окончанію хлопотъ моихъ по Академіи. Я ласкаю себя надеждою къ тому времени видѣть ваше сіятельство въ добромъ здоровьѣ въ здѣшней столицѣ и имѣть истинное

*) Уставъ И. А. Х. гл. II разд. 1, ст. 6.

для меня удовольствіе изустно вамъ, милостивый государь, повторить искреннее увѣреніе въ отличномъ моемъ къ вамъ почитаніи и въ совершенной преданности, съ каковыми чувствами и проч.

82. *Письмо князя Юсупова.*

Москва, 15 мая 1824 года.

Милостивый государь и пр.

На сихъ дняхъ я отправилъ къ вашему сіятельству двухъ человѣкъ изъ Архангельскаго: одинъ конюхъ, другой его постарея. Оба не пьяницы и хорошаго поведенія. Далъ имъ пять сотъ рублей на дорогу, чтобы они видѣли, какимъ образомъ содержутъ ламъ и смотрѣли за ними въ дорогѣ.

Надѣюсь, что вы получили для вашей церкви серебреную парчу, и прошу ваше сіятельство объ ономъ меня увѣдомить. Ожидаю отъ васъ бѣлыхъ фарфоровыхъ талерокъ французскихъ, также и раскрашенные виды вашего прекраснаго Грузина и мериносовъ, если будутъ продаваться, то очень меня одолжите, если прикажете купить и отправить съ ламами, что и должно записать, я тотчасъ перешлю къ вамъ деньги. Квартиру вашего сіятельства въ Кремлѣ скоро отдѣлаютъ; маленькой графъ Толстой очень заботится и надѣюсь будете довольны. Работы по тверскому дому и архіерейскимъ уже начаты, но у насъ все дожди и работы нейдутъ такъ скоро, какъ бы я желалъ.

Прошу ваше сіятельство откровенно мнѣ сказать, такъ-ли я приступилъ по дѣлу объ арсеналѣ. Главнокомандующій мнѣ сообщилъ ваше письмо, чтобы Кремлевская экспедиція разсмотрѣла двѣ смѣты строительной комиссіи, одна вдвое другой, то для сего и повелѣлъ своимъ архитекторамъ сдѣлать смѣту, не показывая первыя смѣты. Двѣ статьи важныя: строить-ли на сваяхъ или нѣтъ. Мнѣ уже извѣстно, что Сенатъ и оружейная палата не строены на сваяхъ, велѣлъ также осмотрѣть фундаментъ арсенала и тогда уже можно будетъ совершенно увѣриться, что сваи ненужны. Вторая статья важная: дѣлать-ли стропила желѣзныя надъ всѣмъ арсеналомъ? что мнѣ кажется лишнее, ибо въ арсеналѣ печей нѣтъ, и отдѣленъ отъ прочихъ строеній и часть арсенала сдѣлана безъ желѣзныхъ стропилъ. Сіи двѣ важныя статьи: сваи и стропила уменьшатъ очень много сумму, требуемую на арсеналъ. Совѣтъ вашъ мнѣ нуженъ и прошу ваше сіятельство мнѣ сказать, согласны ли вы со мною. Когда моя смѣта будетъ готова, тогда я увѣдомлю главнокомандующаго, чтобъ вмѣстѣ съ его архитекторами оную разсмотрѣть, я сверхъ архитекторовъ туда назначу присутствующаго экспедиціи и онъ своего, и тогда уже можно сдѣлать вѣрную смѣту, и васъ навѣрно увѣряю, что будетъ очень умѣренная. Я за своихъ отвѣчаю, ибо съ того времени, какъ я въ экспедиціи, кромѣ хвалы и благодарности они отъ меня ни-

чего не слыхали, и всегда отъ смѣтъ что нибудь оставалось, дѣлая смѣты очень умѣренныя. Простите ваше сіятельство, что я васъ безпокою моимъ длиннымъ письмомъ, но бывъ увѣренъ, что вы меня любите и желая вамъ доказать мою къ вамъ довѣренность и почитая васъ; вашъ совѣтъ для меня нуженъ; если же времени вамъ не будетъ на будущей почтѣ мнѣ отвѣчать, то прикажите вашему секретарю, ибо ваше мнѣніе по сему дѣлу мнѣ очень нужно. Остаюсь съ почтеніемъ и непремѣнною преданностію вашего сіятельства покорный слуга — Князь Юсуповъ.

Когда я хотѣлъ печатать мое письмо, то получилъ отъ вашего сіятельства письмо изъ Петербурга отъ 7-го мая и приношу мою чувствительную благодарность. На будущей почтѣ перешлю къ вамъ 2,000 рублей и прошу купить четырехъ самцовъ мериносовъ, что составитъ тысячу рублей, а на другую тысячу купить самокъ, если они продаются, если же нѣтъ, то еще четырехъ самцовъ. Извините ваше сіятельство, что я васъ такъ безпокою, но увѣренъ въ вашей ко мнѣ благосклонности и въ надеждѣ, что вы ее ко мнѣ продолжаете.

Прошу также не забыть доложить государю о подаркахъ за планы прожектовъ для дворца великаго князя Михаила Павловича въ Кремлѣ.

Вашего сіятельства покорный слуга
Князь Юсуповъ.

83. *Письмо графини Орловой-Чесменской.*

Спб. 17-е октября 1824-го года.

Милостивый государь и пр.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ, принявъ порученіе вашего сіятельства, я тогда жъ писала въ Юрьевъ монастырь къ отцу архимандриту Фотію и отъ него получивъ сейчасъ отвѣтъ, спѣшу и ваше сіятельство увѣдомить: отецъ Фотій пишетъ, что онъ за всѣми своими усиленіями ни какъ не можетъ успѣть ни на 19-е, ни на 20-е число сего мѣсяца къ освященію въ Юрьевскомъ монастырѣ вновь отстроивающаго(ся) теплаго собора. А рѣшительно полагаетъ исполнить сей священный обрядъ сего октября 21-го числа. Вмѣстѣ съ симъ отецъ Фотій поручилъ мнѣ доложить вашему сіятельству, что онъ за отличнѣйшій знакъ благоволенія вашего къ нему почтетъ, если ваше сіятельство пожалуете на означенное 21-е число въ Юрьевъ монастырь и удостоите присутствіемъ своимъ быть при томъ священномъ обрядѣ.

Исполняю волю отца моего духовнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствую вашему сіятельству искреннѣйшее мое почтеніе, съ каковымъ и съ отличнымъ уваженіемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашему сіятельству покорнѣйшая къ услугамъ.

Графиня А. Орлова-Чесменская.

84. *Письмо графа Орлова.*

Спб. 13-е августа 1824-го года.

Милостивый государь и пр.

Съ посланнымъ симъ имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству двухъ извѣстныхъ вамъ лошадей отъ графини Анны Алексѣевны; она препоручила мнѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое почтеніе и благодарить васъ за изъясненное въ письмѣ вашемъ желаніе съ нею лично видѣться и что она очень будетъ рада, когда вашему сіятельству угодно будетъ посѣтить ее, препоручила мнѣ также объяснить вамъ, на счетъ присылаемой верховой лошади, что она не такъ хороша, какъ по приказанію, данному на заводъ, она ожидала; и что уже предписано управляющему приготовить для вашего сіятельства другую, которая способнѣе можетъ быть къ собственному употребленію вашему и оправдаетъ въ полной мѣрѣ желаніе ея услужить вашему сіятельству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и проч.

Алексѣй Орловъ.

85. *Письмо П. Борейши.*

Спб. 27-е іюля 1825 года.

Ваше сіятельство,
милостивый государь!

Согласно данному мнѣ вашимъ сіятельствомъ приказанію, имѣю счастіе всепокорнѣйше донести, что по прибытіи его королевскаго высочества въ Царское Село, его императорское величество удостоить изволилъ его высочество своимъ посѣщеніемъ. Герцогъ не считалъ возможнымъ при семъ говорить о просьбѣ его, относящейся къ прибавкѣ жалованья и не полученнымъ имъ деньгамъ по настоящему его окладу со времени назначенія его главноуправляющимъ, другаго же случая послѣ не имѣлъ; почему и отправлено къ его императорскому величеству отъ герцога письмо съ приложеніемъ копіи перваго представленія и бумагъ, оное сопровождающихъ.

Его королевское высочество по пріемлемому вашимъ сіятельствомъ благосклонному участію въ положеніи его высочества остался увѣреннымъ, что содѣйствіемъ вашего сіятельства обратить изволите всемилостивѣйшее государя императора вниманіе на просьбу герцога. Сіе одно можетъ поставить его высочество въ возможность продолжать службу въ настоящей трудной его должности, требующей столь большихъ издержекъ, чувствуя всегда безпредѣльную благодарность вашему сіятельству.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Петръ Борейша.

86. *Письмо Тыркова.*

Царское Село. 22-е августа 1831-то года.

Ваше сіятельство и пр.

Наконецъ депутація наша совершилась. Сегодня крестили великаго князя Николая Николаевича и мы удостоены были находиться при крещеніи. Воспріемниками ихъ высочества: Наслѣдникъ и Марія Николаевна. Новорожденнаго держала графиня Кочубей и князь Волконской. Насъ помѣстили на лѣвой сторонѣ, подлѣ ширмъ, противъ мѣста занятаго государемъ во время обѣдни; по окончаніи обѣдни гоф-фурьеръ позвалъ насъ въ собственныя комнаты государя (императорская фамилія живетъ въ новомъ дворцѣ, что прежде назывался Александровскимъ). Его величество принималъ насъ однихъ, такъ, что придворныхъ никого въ комнатахъ не было. Говорилъ съ нами, какъ отецъ среди дѣтей, благодарилъ дворянство за доброе обхожденіе съ крестьянами, тишину и спокойствіе, ими сохраненныя во время бунта, приписывалъ ихъ довольству и попеченію объ нихъ помѣщиками; увѣрялъ, что примутся такія мѣры, которыми безопасность наша упрочится и что за неблагодарность военныхъ поселянъ воздастся должное наказаніе.—Покойный императоръ, братъ мой, употреблялъ всѣ средства сдѣлать ихъ счастливыми, я зналъ его мысли и продолжалъ устраивать ихъ благополучіе, они заплатили неблагодарностію; теперь буду умѣть наказать ихъ. Вотъ слова буквально государемъ сказанныя. Объявилъ намъ свое ожиданіе, что дѣла Варшавскія скоро кончатся. Если они ведутся не съ такимъ успѣхомъ, какъ бы желалось, то много враговъ тайныхъ, носящихъ личину нашихъ пріятелей, мѣшаютъ въ томъ; предварялъ насъ быть осторожными. Повсемѣстные разрушители порядка завидуютъ величію Россіи, она еще одна противустояла ихъ соблазнамъ и потому они тайно употребляютъ всѣ способы поколебать ее. Давалъ совѣты воспитывать дѣтей иначе, чтобы исправить ошибки прошедшаго. Обѣщалъ въ скоромъ времени открыть корпусъ....... для дѣтей нашихъ, куда они будутъ приниматься безпрепятственно, и заключилъ благодарностію за посѣщеніе, повторилъ ее за доброе обхожденіе съ крестьянами, чему къ прискорбію видитъ въ другихъ мѣстахъ примѣры противные, присоединя и то, чтобы дворянство старалось избирать на мѣста людей достойныхъ, которые могли бы быть ему надежными помощниками, тогда только могутъ ожидать чистаго и прямаго правосудія. Лишь только мы откланялись, какъ въ корридорѣ графъ Моденъ объявилъ намъ, что императрицѣ угодно насъ видѣть. Мы приняты были въ ея спальнѣ. Она подошла къ намъ съ новорожденнымъ на рукахъ, допустила каждаго къ рукѣ и удостоила насъ тѣмъ привѣтствіемъ, что она благополучно разрѣшилась въ тотъ день и чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи отъ насъ императора — и что празд-

новать будутъ тезоименитство его высочества въ день новгородскаго угодника. Потомъ приглашены были къ обѣду, чѣмъ и кончилось наше представительство.

Слова государя, отечески съ нами бесѣдовавшаго и открывшаго намъ собственное положеніе Россіи и отношеніе къ ней другихъ державъ, трогали насъ каждаго до глубины сердца, а милостивый и умилительный пріемъ императрицы поразилъ насъ. Истинно, ваше сіятельство, безъ слезъ не могу вспомнить: онъ глубоко врѣзался въ чувствахъ каждаго изъ насъ.

Въ Петербургѣ были приглашены только прусскій посолъ и Лар. Вас. Васильчиковъ. Графъ Кочубей, князь Волконской, князь Голицынъ, гр. Нессельроде и Бенкендорфъ здѣсь живутъ. Графиня Кочубей получила браслету съ портретомъ государя, богато брилліантами усыпанную. Новгородскій купеческій голова получилъ медаль золотую съ брилліантами на андреевской лентѣ. О другихъ подаркахъ не слыхалъ.

По милостивому участію вашего сіятельства также долженъ сказать, что жену мою нашелъ хотя на ногахъ, но крайне здоровьемъ разстроенную. У дѣтей продолжается коклюшъ. Татьяна Яковлевна говоритъ, что она теперь лучше, но я нахожу, что нѣкоторые изъ нихъ крѣпко еще кашляютъ..... Съ Анною Григорьевною еще не видался и боишься даже посылать человѣка, чтобы не передать коклюша ея маленькимъ, а что она здорова, то знаю отъ нашихъ родныхъ Путятиныхъ — и дѣти всѣ также.

Пожелавъ отъ души вашему сіятельству добраго здоровья, съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою вашего сіятельства.

А. Тырковъ.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

H. *Klencke*—Alexander von Humboldt.
O. *Ule*— Alexander von Humboldt.
W. *Wittwer*— Alexander von Humboldt.
H. W. *Dove*—Gedächtnissrede auf Alex. von Humboldt.
A. *Bastian* — Festrede bei der von den naturwissenschaftlichen Vereinen Berlins veranstalteten Humboldts-Feier.
Im Ural und Altai—Briefwechsel zwischen A. v. Humboldt und Graf von Cancrin.

1769 годъ отмѣченъ въ новѣйшей исторіи рожденіемъ многихъ замѣчательныхъ личностей, между которыми достаточно указать на Наполеона, Веллингтона, Кэннинга, Кювье, Вальтеръ-Скотта, Шатобріана. Въ этомъ же году родился и Александръ фонъ-Гумбольдтъ, котораго столѣтнюю годовщину рожденія праздновала въ истекшемъ году не только Германія, но и весь образованный міръ помянулъ ученаго, имя котораго въ теченіи болѣе полувѣка наполняло собою вселенную славой мирныхъ завоеваній, не требовавшихъ принесенія въ жертву потоковъ человѣческой крови, а путемъ изслѣдованія и наблюденія порабощавшихъ строптивыя силы природы для блага всего человѣчества. Съ именемъ Гумбольдта каждый современникъ его неразрывно связывалъ понятіе о его господствѣ надъ цѣлою областью человѣческаго вѣдѣнія, господствѣ, не опозоренномъ однако 18-мъ брюмеромъ, въ которомъ нуждался его сверстникъ по лѣтамъ, для установленія своей власти. Господство Гумбольдта основывалось дѣйствительно на suffrage universel всего ученаго міра и эта общая подача голосовъ тоже совершенно отлична отъ

громкой, но гораздо менѣе прочной, которая совершилась на нашей памяти. Но чему обязанъ Гумбольдтъ, что онъ пользовался, въ теченіи полустолѣтія, такимъ громаднымъ вліяніемъ? Нельзя не согласиться съ нѣкоторыми біографами его, что онъ былъ одною изъ тѣхъ личностей, которыя, по пущенному недавно въ ходъ, съ высоты трона, выраженію, служатъ орудіемъ Провидѣнія. Сводя эту метафору въ болѣе скромные размѣры, мы можемъ выразить ее такъ: человѣчество, въ своемъ развитіи, переживаетъ различные фазисы. Исчерпавъ содержаніе послѣдняго, массы остановились бы на этой ступени, еслибы по временамъ не являлись личности, указующія имъ дальнѣйшій путь, по которому они должны слѣдовать. Личности эти, при всей кажущейся свободѣ дѣйствія, исполняютъ возложенную на нихъ историческую задачу. Обозрѣвая дѣятельность Гумбольдта, легко замѣтить, что онъ только при той громадной суммѣ знанія и собранныхъ данныхъ, могъ совершить то, что̀ онъ завѣщалъ наукѣ; съ меньшимъ умственнымъ капиталомъ для него это было бы невозможно, равно еслибъ онъ уклонился отъ того пути, который онъ прошелъ въ своемъ развитіи. Такая личность, какъ Гумбольдтъ, была необходима для текущаго столѣтія; безъ нея оно не достигло бы того развитія, на которомъ находится теперь. Большинство человѣчества живетъ, часто само того не сознавая, идеями, брошенными Гумбольдтомъ въ обращеніе. Допустивъ даже, что не всѣ онѣ составляютъ его умственную собственность, что многія изъ нихъ были найдены, или высказаны, хотя и не въ ясной формѣ, его предшественниками, тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ заслуга — сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освободилъ науку и преобразилъ ее. До него отдѣльныя отрасли ея уединялись до того, что между ними не оказывалось никакой связи; объ отношеніи частей къ цѣлому тоже никто не заботился; изъ-за частностей не видѣли главнаго— природы! Гумбольдтъ же, напротивъ, по преувеличенному, конечно, замѣчанію, уничтожилъ всѣ самостоятельныя отрасли естествовѣдѣнія, какъ науки, и низвелъ ихъ на степень служительницъ одной—изслѣдованія природы. Едва ли возможно указать еще ученаго, который, подобно Гумбольдту, обнялъ бы всѣ отрасли въ смыслѣ органовъ одного цѣлаго. Но и этимъ не ограничивается еще заслуга его: онъ впервые заговорилъ о предметахъ естественныхъ наукъ общепонятнымъ языкомъ. До него проникали въ святилище только посвященные — цеховые; Гумбольдтъ открылъ двери этого капища настежъ. Онъ впервые показалъ, что самые трудные вопросы науки можно популяризировать, не впадая въ крайность опошленія. Благодаря ему, въ

массѣ германскаго народа распространены теперь такія свѣдѣнія, которыя до Гумбольдта были извѣстны только ученымъ по призванію.

Приступая къ изложенію научной дѣятельности Гумбольдта, мы, конечно, ограничимся только болѣе выдающимися результатами ея, но для необходимаго уясненія ихъ значенія будемъ представлять, въ видѣ краткаго введенія къ каждому вопросу, обзоры, знакомящіе съ положеніемъ его въ ту эпоху, когда Гумбольдтъ приступалъ къ его разработкѣ. Такое отношеніе къ его дѣятельности уяснитъ ее лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомитъ съ ходомъ развитія естественныхъ наукъ за первую половину XIX вѣка, такъ какъ почти не существуетъ отрасли естествознанія, въ которой не встрѣчалось бы имени Гумбольдта, какъ дѣятеля, или даже какъ основателя ихъ. На чисто-біографическую сторону будетъ при этомъ обращено вниманіе только въ той степени, насколько она будетъ необходима для уясненія научной дѣятельности. Полная оцѣнка его характера едва ли въ настоящую минуту возможна. Хотя для нея существуетъ уже довольно богатый матеріалъ въ перепискѣ его съ самыми замѣчательными современниками, однако для вполнѣ безпристрастнаго въ этомъ отношеніи приговора, необходимо еще выждать болѣе полнаго опубликованія его переписки, которая была громадна и большая часть которой хранится еще въ семейныхъ архивахъ частныхъ лицъ, не рѣшающихся нарушить волю Гумбольдта, положительно выраженную—не предавать ея гласности. Поэтому понятно, что на основаніи исключеній нельзя создать пока ничего полнаго.

Родъ Гумбольдтовъ происходитъ изъ Помераніи, откуда члены его, съ присоединеніемъ этой провинціи къ Пруссіи, переселились въ Магдебургскую, занимая разныя дипломатическія и военныя должности на службѣ маркграфовъ бранденбургскихъ. Мы не станемъ подробно выводить родословной Гумбольдта, въ которой онъ менѣе всего нуждается, такъ какъ значеніемъ своимъ онъ обязанъ отнюдь не древности своего рода, или происхожденію отъ какого-нибудь изъ своихъ высокородныхъ предковъ, а напротивъ, предки его получаютъ для біографа его нѣкоторое только значеніе, именно благодаря ихъ потомку.

Отецъ Гумбольдта, Александръ-Георгъ Гумбольдтъ, родившійся въ 1720 г., служившій сперва въ военной, потомъ въ придворной службѣ, былъ женатъ на вдовѣ барона фонъ-Гольведе, урожденной фонъ-Коломбъ. Отъ брака этого онъ имѣлъ двухъ сыновей: старшаго, Вильгельма (род. 22 іюня 1767 г. въ Потс-

дамѣ) и Александра, родившагося 14 сентября 1769 г. въ Берлинѣ.

Первые годы жизни оба брата провели въ замкѣ Тегелѣ, между Берлиномъ и Шпандау, три часа ѣзды къ сѣверо-западу отъ Берлина. Расположенный у Гавеля, который здѣсь расширяется въ такъ-называемое Тегельское озеро, окруженный прекраснымъ лѣсомъ, превращеннымъ трудомъ человѣка въ настоящій паркъ, старинный замокъ, теперь замѣненный новымъ, былъ мѣстомъ, въ которомъ оба брата росли подъ впечатлѣніями прекрасной природы, такъ рѣдко услаждающей взоръ жителя бранденбургской провинціи. Гостепріимство хозяина и прежнее его положеніе въ свѣтѣ привлекали туда избранное общество Берлина. Мы узнаемъ, что въ числѣ посѣтителей Тегеля въ 1778 г. былъ Гёте, самъ вѣроятно не подозрѣвая того, въ какое близкое отношеніе онъ вступитъ впослѣдствіи съ обоими мальчиками, которыхъ онъ тогда здѣсь встрѣтилъ, въ особенности съ старшимъ, Вильгельмомъ.

Какое рѣшительное вліяніе оказываетъ на развитіе человѣка среда, посреди которой онъ получаетъ свои первыя впечатлѣнія, извѣстно каждому, кто не лишенъ способности наблюдать. Фактъ этотъ лишній разъ оправдывается и на братьяхъ Гумбольдтахъ.

Реакція противъ механическаго, убивающаго духъ, воспитанія, состоявшаго главнымъ образомъ въ развитіи только памяти (процвѣтающаго еще у насъ подъ характеристическимъ и мѣткимъ названіемъ долбёжки), заявила себя въ Германіи впервые въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Новые методы воспитанія, заявленные Руссо, нашли въ Пруссіи горячихъ приверженцевъ: въ Роховѣ, Гедике, въ особенности же въ Іоахимѣ Гейнрихѣ Кампе, священникѣ какого-то прусскаго полка, стоявшаго въ Потсдамѣ. Базедовъ приготовлялъ въ своемъ Филантропинѣ въ Дессау учителей по системѣ Руссо.

Свѣжее педагогическое вліяніе стало проникать даже въ высшіе круги, большею частію недоступные и враждебно настроенные противъ всего, что не согласуется съ ихъ кастовыми предразсудками. И майоръ Гумбольдтъ не устоялъ противъ общаго настроенія, охватившаго педагогическій міръ Пруссіи, старавшійся соединить занятія классическими языками съ дѣйствительно полезнымъ и практическимъ. Въ 1775 г. онъ приглашаетъ къ себѣ домашнимъ учителемъ Кампе, который сознавалъ, что онъ носитъ въ себѣ гораздо болѣе данныхъ, чтобы быть прекраснымъ педагогомъ, чѣмъ полковымъ богословомъ, и потому охотно перемѣнилъ свою дѣятельность.

Преимущественно филологическое направленіе Кампе, хотя

и оставило слѣды на новыхъ его питомцахъ, не было однако исключительнымъ. Что онъ, врагъ всякой механической дрессировки умственныхъ способностей, крайне вреднаго развитія памяти на счетъ способности мышленія, не видѣлъ единственнаго спасенія въ исключительно классическомъ образованіи, это уже явствуетъ изъ того, что онъ былъ издателемъ Робинсона. Можно ли это объяснить иначе, какъ сознаніемъ необходимости пробудить въ юныхъ душахъ впечатлительность къ созерцанію внѣшняго міра, чуждой природы, народовъ, къ наблюденію ихъ обычаевъ? Не бросилъ ли Кампе, въ ребенка Гумбольдта, первыхъ сѣмянъ ни передъ какими препятствіями не останавливавшагося стремленія къ путешествіямъ и открытіямъ?

Кампе пробылъ однако въ домѣ Гумбольдта не долго. Слава его какъ педагога доставила ему болѣе обширное поле дѣятельности, сперва въ Дессау, въ Филантропинѣ, на мѣсто Базедова, а потомъ въ Гамбургѣ, гдѣ заведеніе его пользовалось европейской извѣстностью.

Преемникомъ его, не только въ хронологическомъ порядкѣ, но и въ направленіи педагогической дѣятельности въ домѣ Гумбольдта, былъ молодой Хр. Кунтъ, конечно, не имѣвшій извѣстности своего предмѣстника, но проникнутый одинаковыми идеями. Пользуясь всѣми средствами, какія только представлялъ Берлинъ и его окрестности, для развитія и образованія своихъ питомцевъ, онъ старался, насколько возможно, соединить врожденное въ нихъ стремленіе къ универсальности знанія съ основательностью. Впрочемъ, онъ не могъ вскорѣ не замѣтить, что оба брата имѣютъ противуположныя стремленія, хотя онѣ и сходились у общаго источника. Старшій предавался съ особенною любовью изученію внутренняго человѣка, міра духа, и особеннаго его проявленія — языка; между тѣмъ какъ младшій, Александръ, интересовался болѣе всего внѣшнимъ природы и человѣка, во всѣхъ видахъ ихъ проявленія. Такъ, любимыми предметами занятій Вильгельма были: изученіе классической древности, искусства, философія, языкознаніе; Александръ по преимуществу изучалъ естественныя науки во всѣхъ ихъ отрасляхъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что какъ ни различны были эти занятія, источникъ ихъ былъ общій—изученіе природы и человѣка; поэтому понятно, что на обоихъ братьевъ указывали впослѣдствіи какъ на двухъ представителей, совмѣщающихъ въ себѣ всѣ сокровища знаній эпохи, въ которую они жили, какъ нѣкогда Лейбницъ считался полигисторомъ своего времени.

Вѣроятно, болѣзнь майора Гумбольдта (и вскорѣ послѣдовавшая смерть въ 1779 г.) сблизила семейство его съ мѣстнымъ

врачемъ, тогда неизвѣстнымъ, впослѣдствіи пользовавшимся большою славою — Геймомъ. Во время частыхъ посѣщеній замка Тегеля, Геймъ познакомилъ, на прогулкахъ, обоихъ мальчиковъ съ начальными основаніями ботаники и Линнеевской классификаціей царства растительнаго. Странно сохранившееся замѣчаніе Гейма, что старшій братъ научился ботаникѣ какъ бы шутя, усвоивая себѣ всѣ техническія названія немедленно, между тѣмъ какъ младшій, Александръ, тогда уже 11-ти лѣтъ, отличался непонятливостью. Тоже наблюденіе дѣлали неоднократно мать и Кунтъ, такъ что они были убѣждены, что Александръ не будетъ въ состояніи избрать научной дѣятельности.

Въ 1783 г. оба брата переѣзжаютъ, вмѣстѣ съ Кунтомъ, въ Берлинъ, чтобы подъ руководствомъ избранныхъ имъ учителей продолжать свои научныя занятія. И въ это время Александръ отставалъ отъ своего брата, что отчасти объясняется и болѣзненностью его.

Здѣсь преподавали имъ: Лефлеръ, впослѣдствіи Фишеръ — греческій языкъ, Вильденоу—ботанику, Энгель, Клейнъ, Домъ — философію, законовѣдѣніе и государственныя науки. Въ особенности съ послѣдними Домъ познакомилъ ихъ очень основательно. Министръ Шуленбергъ просилъ послѣдняго прочитать курсъ статистико-политическихъ лекцій молодому гр. Арниму; въ слушаніи этого курса принимали участіе, по желанію матери, и молодые Гумбольдты, съ осени 1785 до іюня слѣдующаго года. Кромѣ того, Кунтъ восполнялъ пробѣлы, приготовляя ихъ къ университетскому курсу.

Около этого времени различіе характеровъ обоихъ братьевъ начинаетъ особенно рѣзко проявляться. Старшій, подъ вліяніемъ господствовавшихъ идей, пущенныхъ въ общество «Вертеромъ» Гёте, отличается сентиментальностью, нашедшею себѣ особенную пищу въ общеніи съ молодыми дѣвушками: фонъ-Бристъ, извѣстною Рахель, Генріеттой Герцъ и др. Младшій братъ не подчинился этому направленію; въ немъ наблюдательность замѣняетъ его. Это видно уже изъ того, что въ то время какъ Вильгельмъ принимаетъ живое участіе въ эстетическхъ вопросахъ эпохи, возбужденныхъ Шиллеромъ и Гёте, Александръ изучаетъ естественно-историческіе труды Гёте и старается развить въ себѣ смыслъ къ пониманію явленій природы.

Такъ подготовлялись оба брата для будущей дѣятельности, не зная заботъ, которыя выпадаютъ на долю инымъ смертнымъ, снѣдаемымъ тѣми же высшими стремленіями, но не имѣющими матеріальныхъ средствъ ихъ осуществить. Въ этомъ отношеніи Гумбольдтовъ можно назвать баловнями счастія!

Въ 1786 г. оба брата, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, теперь другомъ, Кунтомъ, переселяются во Франкфуртъ-на-Одерѣ. Выборъ этого университета объясняется, кажется, просто желаніемъ матери имѣть сыновей въ своей близи и приготовить ихъ къ служебной дѣятельности, прежде чѣмъ они будутъ отправлены въ университетъ, пользовавшійся въ то время самою большою научною извѣстностью — въ Гёттингенѣ. Согласно господствовавшимъ наклонностямъ, Вильгельмъ поступилъ на юридическій, Александръ—на камеральный факультетъ. Въ 1788 г. братья переселяются въ Гёттингенъ. Для младшаго переселеніе это было крайне пріятно, такъ какъ онъ имѣлъ возможность сблизиться здѣсь съ знаменитымъ естествоиспытателемъ Блюменбахомъ, съ Гейне—возстановителемъ археологіи, Эйхгорномъ—историкомъ. Послѣднія двѣ науки были нейтральной почвой, на которой сходились оба брата. Классическая древность, съ ея филологическими и эстетическими занятіями, интересовала ихъ обоихъ; исторія, съ ея философскими воззрѣніями, привлекала Вильгельма именно въ ту сторону, гдѣ Александръ собиралъ географическія и этнографическія свѣдѣнія на исторической почвѣ.

Необыкновенно важно было для Александра знакомство, а потомъ дружескія отношенія съ Георгомъ Форстеромъ, сопровождавшимъ Кука, въ качествѣ естествоиспытателя, во второмъ его кругосвѣтномъ путешествіи. Многосторонне образованный, практическій, свѣдущій Форстеръ, соединяя съ глубиною чувства необыкновенную нравственную чистоту и непоколебимость характера и убѣжденій, не могъ не оказать вліянія на всѣхъ, съ кѣмъ онъ только приходилъ въ соприкосновеніе. Избѣжать этого вліянія не могутъ даже тѣ, которые не подчинялись обаянію личности, а ограничиваются только чтеніемъ его произведеній. Въ нихъ естественныя науки впервые являются въ такомъ видѣ, который, не представляя педантической закваски, дѣлаетъ ихъ доступными массѣ народа, какъ по эстетической, такъ и по нравственной отдѣлкѣ предмета.

Но другими сторонами своего характера Форстеръ оказывалъ на Александра Гумбольдта еще болѣе сильное вліяніе. Проведя большую часть своей жизни за предѣлами родины, путешествуя въ отдаленныхъ краяхъ, вдали отъ тогдашней гнилой, удушливой политической и соціальной атмосферы Германіи, Форстеръ сохранилъ независимость и свободу убѣжденій. Этою-то стороною своей личности онъ оказалъ на юношу Гумбольдта очаровывающее вліяніе, слѣды котораго замѣтны въ его независимомъ до конца дней характерѣ. Кромѣ человѣка, не менѣе вліялъ на него и кругосвѣтный путешественникъ Форстеръ. Какое обая-

ніе должны были оказывать на впечатлительную душу юноши разсказы его о морѣ и его чудесахъ, объ островахъ Южнаго Океана и его обитателяхъ, о растительномъ раѣ тропическихъ странъ и ужасахъ полярнаго моря. Не естественно ли предполагать, что направленіе, уже подготовленное вліяніемъ Кампе, авторомъ «Робинзона», стало принимать все болѣе и болѣе опредѣленные образы, и впечатлительная натура юноши искала удовлетворенія своихъ стремленій, нагляднымъ созерцаніемъ чарующей природы и знакомствомъ съ ея таинствами.

Въ общеніи съ замѣчательными личностями Гёттингена, въ занятіяхъ любимыми предметами, прерываемыхъ по временамъ экскурсіями въ сосѣдственный Гарцъ, прошло остальное время студенчества Гумбольдтовъ. Практическая жизнь, съ ея прозою, стала уже заявлять свои требованія — дѣйствовать для общества, для цѣлаго. Въ 1789 г., такъ памятномъ въ исторіи человѣчества, братья оставляютъ университетскую скамью, но тутъ же, на самомъ порогѣ практической жизни, направляются по разнымъ путямъ: Вильгельмъ, при первомъ извѣстіи о погромѣ спѣшитъ, удовлетворяя своимъ наклонностямъ и предстоящей государственной дѣятельности, съ бывшимъ учителемъ Кампе, въ Парижъ, чтобы, по выраженію послѣдняго, «присутствовать при похоронахъ французскаго деспотизма» (въ чемъ онъ, къ сожалѣнію, сильно ошибся), между тѣмъ какъ Александръ остается въ тихомъ Гёттингенѣ, предаваясь мирнымъ занятіямъ науками, которыя были необходимы для ученаго путешествія. Рѣшимость предпринять его созрѣла уже теперь въ юношѣ, опредѣлившемъ уже на 20-мъ году жизни высокую цѣль ея, къ осуществленію которой онъ рѣшается приступить не иначе, какъ добросовѣстно и многосторонне приготовленнымъ.

Цѣлую зиму съ 1789 на 1790 г. Александръ посвятилъ научному приготовленію къ небольшому путешествію, которое онъ намѣревался предпринять, въ обществѣ Форстера, къ нижнему Рейну. Плодомъ этой экскурсіи, состоявшейся весною 1790 г., было первое его сочиненіе: «Минералогическія наблюденія надъ рейнскими базальтами». Мы будемъ имѣть случай сказать ниже нѣсколько словъ о немъ, а теперь, не прерывая нити біографическаго разсказа, послѣдуемъ за нимъ въ хронологическомъ порядкѣ его дѣятельности.

Мы видѣли выше, что онъ изучалъ въ университетѣ камеральныя науки, въ которыхъ, для будущей практической дѣятельности, онъ желалъ дальше развиться, сосредоточивая однако преимущественное свое вниманіе на геологіи, къ которой онъ чув-

ствовалъ особенное влеченіе вслѣдствіе теоріи Вернера, сильно его интересовавшей и получившей новую пищу во время его небольшого путешествія на Рейнъ.

Горное дѣло, само собою, должно было занимать его, какъ практическое примѣненіе любимаго имъ предмета въ области камеральныхъ наукъ. Для лучшаго усовершенствованія въ послѣднихъ, онъ ѣдетъ въ Гамбургъ, въ коммерческую академію, состоявшую подъ руководствомъ Буша и Эбелинга, гдѣ изучаетъ практически конторное дѣло. Покончивши съ этимъ дѣломъ, онъ оставляетъ Гамбургъ весною 1791 г. и рѣшается ѣхать въ Фрейбергъ, въ горную академію, директоръ которой, знаменитый Вернеръ, привлекалъ молодежь со всѣхъ странъ Европы. Прежде, однакожъ, чѣмъ переселиться туда, Гумбольдтъ остается до іюля въ семейномъ кругу, въ обществѣ старухи - матери, брата Вильгельма, который успѣлъ тѣмъ временемъ жениться (на Каролинѣ фонъ-Дахерёденъ) и друга Кунта. Слабость здоровья, все еще продолжавшаяся, была, кажется, главною причиною этого отдохновенія въ кругу близкихъ.

Послѣ окончанія своихъ занятій горнымъ дѣломъ въ Фрейбергѣ, продолжавшихся съ іюля 1791 до весны 1792 г. (гдѣ онъ особенно сблизился съ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ), онъ вступаетъ на поприще практической и учено-литературной дѣятельности, принявъ мѣсто засѣдателя въ горномъ департаментѣ въ Берлинѣ, откуда онъ, въ теченіи того же года, командированъ былъ въ Байрейтъ, для устройства тамъ горныхъ заводовъ, гдѣ онъ сблизился съ Гарденбергомъ, игравшимъ впослѣдствіи такую крупную роль въ исторіи Пруссіи. Здѣсь, посреди практической дѣятельности, продолжавшейся до 1795 года, когда онъ добровольно оставилъ ее, его не покидаетъ мысль о предпринятіи большого путешествія. Посреди приготовленій къ нему, онъ не переставалъ заниматься предметами, которые представляли ему ближайшія окрестности и родъ его дѣятельности. Плодомъ этихъ занятій, разныхъ физическихъ и химическихъ опытовъ въ примѣненіи къ горному дѣлу и въ подтвержденіе теоріи объ образованіи земной коры его знаменитаго учителя, Вернера, главнаго представителя нептунизма, былъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, доставившихъ ему имя въ наукѣ и бывшихъ исходнымъ пунктомъ для его послѣдующихъ изслѣдованій. Главнымъ трудомъ Гумбольдта, въ этотъ періодъ времени, была «Флора тайнобрачныхъ растеній Фрейберга и окрестностей», гдѣ изложены наблюденія его въ рудникахъ названной мѣстности, надъ растущими тамъ грибами, и «Афоризмы изъ химической физіологіи растеній», заключающіе

опыты его надъ раздражительностью растеній, процессомъ ихъ питанія, цвѣтомъ и проч. Какъ ни далеко ушла съ тѣхъ поръ наука впередъ въ этихъ вопросахъ, но изложенные здѣсь наблюденія и опыты сохраняютъ во многомъ свой научный интересъ и во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о талантѣ наблюдательности и трезвости взглядовъ автора

Во время своей служебной дѣятельности Гумбольдтъ имѣлъ случай посѣтить вновь, въ обществѣ Гарденберга, еще разъ берега Рейна, а потомъ — провинцію Пруссію и часть Польши, отошедшей къ его родинѣ. Но путешествія эти не могли удовлетворить его вполнѣ. Тропическій, внѣ-европейскій міръ сохранялъ для него такую прелесть, которой экскурсіи по Европѣ не могли замѣнить. Поэтому, въ виду путешествія въ Новый Свѣтъ, которое онъ, движимый жаждою открытій, постоянно имѣлъ въ виду, Гумбольдтъ оставляетъ службу (въ 1795), и ѣдетъ въ Вѣну къ геогносту Фрейеслебену, гдѣ занимается по преимуществу ботаникой, изучая богатое собраніе экзотическихъ растеній, которое онъ здѣсь нашелъ. Отсюда онъ отправился въ южную Италію, желая изучить въ Неаполѣ и Сициліи классическую почву вулканизма, но война помѣшала ему исполнить свое намѣреніе. Онъ вынужденъ былъ ограничиться только сѣверной Италіей.

Въ это же время Гальвани дѣлаетъ свое важное и столь плодотворное для человѣчества своими практическим послѣдствіями открытіе, Гумбольдтъ, конечно, не могъ не интересоваться имъ, но печальное событіе—болѣзнь и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая кончина его матери (въ концѣ 1797 г.), и затѣмъ разныя семейныя дѣла, принудившія его отправиться въ Іену, къ брату Вильгельму, прервали на время его занятія.

Здѣсь только весною 1797 г. онъ въ состояніи былъ снова приступить къ обычному труду. Общеніе съ Фрейеслебеномъ, котораго онъ засталъ въ Іенѣ, было для него неожиданной находкой. Тутъ же онъ занимался и анатоміей, интересъ къ которой онъ до такой степени успѣлъ возбудить въ братѣ и Гёте, что они вмѣстѣ брали частныя лекціи ея у Лодера, а съ Гёте занимались изученіемъ зоологическихъ препаратовъ.

Кромѣ этихъ занятій Гумбольдтъ продолжалъ здѣсь свои изслѣдованія и опыты, начатые въ Вѣнѣ, надъ гальванизмомъ, обращая особенное вниманіе на законы раздражительности мышцъ и отношеніе къ нимъ живыхъ нервовъ. Онъ дошелъ до убѣжденія, что замѣчаемыя здѣсь жизненныя явленія сходны во многомъ съ гальваническими. Мысль эта изложена имъ въ трудѣ «О раздраженныхъ мышечныхъ и нервныхъ волокнахъ»,

гдѣ онъ старался уяснить дѣйствіе гальваническихъ цѣпей, составленныхъ изъ животныхъ веществъ. Предметъ этотъ не переставалъ занимать его и впослѣдствіи; мы встрѣтимся послѣ, во время американскаго путешествія, съ его изслѣдованіями объ электрическихъ рыбахъ.

Другой, начатый въ іюнѣ, трудъ — «О мышечныхъ и нервныхъ раздражителяхъ», Гумбольдтъ не успѣлъ самъ издать, предоставивъ рукопись въ распоряженіе Блюменбаха въ Гёттингенѣ, который издалъ ее съ примѣчаніями.

Изъ Іены оба брата отправились въ апрѣлѣ въ Берлинъ, чтобы устроить дѣла по наслѣдству. Доставшееся на долю Александра, помѣстье Рингенвальде въ Неймаркѣ (Вильгельмъ получилъ Тегель) онъ продалъ уже въ іюнѣ поэту Францу фонъ-Клейсту, предоставивъ Кунту заботу о движимомъ имѣніи во время своего отсутствія, такъ какъ продажа имѣнія состоялась съ тою именно цѣлью, чтобы вырученныя деньги употребить на путешествіе. Оба брата предполагали предпринять вмѣстѣ путешествіе въ Италію. Ему не суждено было однако состояться. Сперва задержала ихъ болѣзнь жены Вильгельма, а потомъ, когда они были уже въ Вѣнѣ на дорогѣ въ Италію, страна эта сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій, которыя и помѣшали осуществленію ихъ намѣренія. Они рѣшились ѣхать черезъ Швейцарію въ Парижъ. Въ Зальцбургѣ планъ этотъ былъ измѣненъ. Встрѣтивъ здѣсь Леоп. фонъ-Буха, Александръ прельщенный окрестной природой, рѣшился, остаться здѣсь въ обществѣ своего друга, съ которымъ вмѣстѣ изслѣдовали зальцбургскія Альпы и Штирію. Эти занятія наполнили цѣлую зиму 1798 года. Только весною этого же года Александръ поѣхалъ въ Парижъ, куда отправился, черезъ Мюнхенъ и Базель, братъ его Вильгельмъ послѣ разлуки съ нимъ въ Зальцбургѣ, осенью 1797 г. Сюда влекла его надежда осуществить свой планъ заатлантическаго путешествія, такъ какъ намѣреніе отправиться въ Нижній Египетъ неосуществилось. Въ Зальцбургѣ еще Александръ сошелся съ однимъ любителемъ и знатокомъ искусства, предложившимъ ему сопровождать его, въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ, въ путешествіи его по Нилу, до Ассуана, для обозрѣнія древнихъ памятниковъ. Гумбольдтъ согласился подъ условіемъ, чтобы на обратномъ пути, изъ Александріи, продолжать путешествіе черезъ Палестину и Сирію. Такъ какъ любитель очень дорожилъ свѣдѣніями Гумбольдта по исторіи классической древности, то безъ труда и согласился на это условіе. Путешествію этому, какъ и итальянскому, не суждено было состояться. Тѣ же военныя дѣйствія разстроили его. Испытанныя

препятствія не охладили однако предпріимчивости Гумбольдта. Приготовивши себя научно и практически къ своей цѣли, во время небольшихъ путешествій по Европѣ, онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, которыми судьба загромождала ему дорогу. Конечно, преодолѣніе ихъ было ему значительно облегчено тѣми матеріальными средствами, которыя находились теперь въ его рукахъ, послѣ продажи помѣстья; не многіе подвижники науки находились и находятся въ такихъ счастливыхъ экономическихъ условіяхъ, какъ онъ въ эту пору жизни своей.

Когда надежда на путешествіе въ Египетъ рушилась, Гумбольдтъ услышалъ, что французскій національный музей снаряжаетъ экспедицію, подъ начальствомъ капитана Бодэнъ (Baudin), въ южное полушаріе. Надежда принять участіе въ ней, въ крайнемъ случаѣ на свой собственный счетъ, и привлекла Гумбольдта въ Парижъ. Онъ немедленно познакомился съ двумя учеными, которые должны были сопровождать эту экспедицію, — Мишо (Michaux) и Бонпланомъ. Въ особенности съ послѣднимъ они сошлись скоро и близко, и, какъ увидимъ впослѣдствіи, на всю жизнь. Приготовляясь съ нимъ вмѣстѣ къ предстоящему путешествію, участникомъ котораго онъ былъ принятъ, Гумбольдтъ занимался въ это же время и арабскимъ языкомъ, побудивъ брата своего приступить къ изученію американскихъ нарѣчій.

Къ этому же времени относятся и изслѣдованія его о составѣ атмосферы, предпринятыя имъ уже прежде, и которыя теперь онъ продолжеалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ физикомъ Гэ-Люссакомъ. Въ особенности занимался Гумбольдтъ эвдіометрическими опытами надъ химическимъ составомъ воздуха, который онъ изслѣдовалъ при самомъ разнообразномъ состояніи погоды, въ разныя времена года, на разныхъ высотахъ надъ поверхностью моря. Изслѣдованія эти находятся въ тѣсной связи съ изслѣдованіями его «О подземныхъ газахъ», предпринятыми имъ, вѣроятно, еще во время его служебной дѣятельности, но теперь дополненными и распространенными.

Но и на этотъ разъ Марсъ, съ свойственною ему грубостью, ворвался въ тихую область Минервы. Экспедиція Бодэна не состоялась, такъ какъ средства, для нея назначенныя, употреблены были на военныя цѣли. Франція приготовлялась къ войнѣ въ Германіи и Италіи. Новая надежда Гумбольдта — принять участіе въ экспедиціи французскихъ ученыхъ въ Египетъ, тоже не осуществилась, такъ какъ послѣ битвы при Абукирѣ, гдѣ французы потерпѣли пораженіе, всякое сообщеніе съ Александріей было прервано.

Новая надежда оживила вскорѣ Гумбольдта, но не надолго. Въ концѣ 1798 г. познакомился онъ съ шведскимъ консуломъ Скіэльдебрандомъ, который черезъ Парижъ направлялся въ Марсель, гдѣ его ждалъ шведскій фрегатъ, долженствовавшій везти его въ Алжиръ, куда онъ имѣлъ порученіе отъ своего правительства. Гумбольдтъ и другъ его Бонпланъ видѣли въ готовности Скіэльдебранда взять ихъ съ собой удобный случай предпринять ученое путешествіе въ Африку и Египетъ. Они составили уже планъ его, предполагая отправиться съ караваномъ въ Мекку, и черезъ Персидскій заливъ въ Остъ-Индію. На пути они надѣялись изслѣдовать горы Марокко и, если возможно, соединиться съ учеными, сопровождавшими французскую экспедицію въ Египетъ.

Конецъ разочарованіямъ и неудачамъ еще не наступилъ для Гумбольдта. Оставивши, въ концѣ октября 1798 г. Парижъ, вмѣстѣ съ консуломъ и Бонпланомъ, они жили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Марсели, но шведскій фрегатъ все не являлся въ гавань. Наконецъ пришло извѣстіе, что вслѣдствіе поврежденій, потерпѣнныхъ имъ у португальскихъ береговъ, онъ можетъ явиться въ Марсель не ранѣе весны слѣдующаго года! Не желая терять случая изслѣдовать сосѣдственную страну, Гумбольдтъ согласился съ спутникомъ своимъ Бонпланомъ провести зиму въ Испаніи.

Путешествіе ихъ въ Мадридъ можно назвать ученой экскурсіей. Вооруженный прекрасными инструментами, приготовленными имъ для изслѣдованій въ Африкѣ, Гумбольдтъ изслѣдовалъ климатическія условія страны, опредѣлилъ высоту и астрономическое положеніе многихъ важныхъ мѣстъ, взбирался на вершину Монсерата, опредѣлилъ настоящую высоту центральной равнины Кастиліи, между тѣмъ, какъ Бонпланъ въ тоже время изслѣдовалъ растительное царство и собиралъ богатую коллекцію.

Лучъ надежды на осуществленіе давно желанныхъ плановъ блеснулъ Гумбольдту въ Мадридѣ. Сойдясь здѣсь съ саксонскимъ посланникомъ фонъ-Фареллемъ, а черезъ него съ просвѣщеннымъ министромъ испанскимъ Донъ-Маріано-Луисъ де-Урквихо, онъ и спутникъ его были представлены королю въ Аранхуэцѣ. Во время бесѣдъ съ нимъ имъ удалось такъ заинтересовать короля въ предпринимаемомъ путешествіи въ Америку, такъ наглядно представить практическія выгоды и послѣдствія ученыхъ изслѣдованій, что король далъ немедленное разрѣшеніе на безпрепятственное путешествіе Гумбольдта и его спутника на всемъ пространствѣ испанско-американскихъ владѣній. Урквихо обѣщалъ съ своей стороны всевозможное содѣйствіе. Осчастливлен-

ные такимъ неожиданно-благопріятнымъ разрѣшеніемъ, оба друга спѣшили какъ можно скорѣе достигнуть гавани, изъ которой можно бы немедленно отплыть въ Новый Свѣтъ. Поэтому, безъ особенныхъ приготовленій, они въ половинѣ мая оставили Мадридъ, и направились, черезъ Старую Кастилію, Леонъ и Галицію къ портовому городу Коруньѣ, изслѣдуя на пути и этотъ край въ естественно-историческомъ отношеніи. Достойна замѣчанія случайность, что какъ географическому открытію Америки Колумбомъ, такъ и ученому—Гумбольдтомъ, содѣйствовала одна и таже держава — Испанія.

Въ Коруньѣ встрѣтила ихъ новая непріятность. Такъ какъ портъ этотъ былъ блокированъ англичанами, желавшими помѣшать сообщеніямъ между Испаніею и ея американскими колоніями, то путешественникамъ нашимъ пришлось ждать удобнаго и счастливаго случая выбраться, посреди англійскихъ фрегатовъ, въ открытое море. Въ порту находился испанскій корветъ «Пизарро», назначенный къ отплытію въ Гавану и Мексику при первой возможности. На это-то судно, по совѣту начальствующаго надъ портомъ офицера Клавиго, которому путешественники были рекомендованы изъ Мадрида, они и сѣли. Удовлетворяя ихъ желаніямъ, Клавиго предписалъ начальнику корвета пристать къ Тенерифѣ и оставаться тамъ столько времени, сколько потребуется путешественникамъ для посѣщенія гавани Оротава и Тенерифскаго Пика. Въ ожиданіи отплытія они занялись опытами надъ температурой моря, и уменьшеніемъ теплоты его на разной глубинѣ. Опыты привели ихъ къ очень важному, въ практическомъ отношеніи, результату, именно: что вблизи мели внѣшніе слои воды отличаются очень замѣтнымъ пониженіемъ температуры, такъ что термометръ показываетъ мореплавателю гораздо прежде приближеніе опасности, чѣмъ лотъ, который иногда на большой глубинѣ не вдалекѣ отъ мелей не можетъ быть даже употребленъ.

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое имѣло важныя послѣдствія для Гумбольдта. Передъ самымъ отправленіемъ на корветъ онъ писалъ упомянутому капитану Бодэну, напоминая ему еще прежде данное обѣщаніе, что если французская экспедиція состоится, и направится черезъ мысъ Горнъ, то Гумбольдтъ постарается отыскать его въ Монтевидео, или въ Чили, Лимѣ, или гдѣ бы то ни было въ испанскихъ американскихъ колоніяхъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, какія послѣдствія имѣло это письмо для Гумбольдта. Послѣдній, обманутый ложными газетными извѣстіями, сообщавшими, что Бодэнъ дѣйствительно отправился въ кругосвѣтное путешествіе,

желая сдержать данное слово и явиться къ назначенному мѣсту свиданія, и отправился съ Бонпланомъ изъ острова Кубы въ Портебелло, черезъ Панамскій перешеекъ, на берега южнаго Океана. Такимъ образомъ Гумбольдтъ, благодаря журнальной уткѣ, сдѣлалъ напрасное путешествіе въ 800 миль по странѣ, посѣщеніе которой не лежало въ его планѣ.

Наконецъ давно желанная минута наступила для Гумбольдта. Во время сильной бури, дѣлавшей стоянку у берега опасною, англійскія суда, блокировавшія Корунью, отошли въ море. Этимъ моментомъ и воспользовался капитанъ корвета, чтобъ ускользнуть - изъ подъ дозора англичанъ. Попытка увѣнчалась успѣхомъ. Не встрѣтивши англійскихъ крейсеровъ, корветъ 5-го іюня послѣ обѣда былъ уже въ открытомъ морѣ!..

Предоставляемъ читателю представить себѣ, какими чувствами былъ исполненъ Гумбольдтъ въ минуту, когда европейскій берегъ сталъ скрываться отъ взоровъ его, когда единственный и послѣдній предметъ—тусклый свѣтъ изъ рыбачей хижины близъ Сизарги сталъ меркнуть... Гумбольдтъ былъ на пути къ осуществленію своихъ завѣтныхъ мечтаній, на дорогѣ, обезсмертившей имя его...

Оставивъ Гумбольдта и Бонплана плыть черезъ Океанъ, бросимъ теперь взглядъ на научную дѣятельность перваго. До сихъ поръ мы познакомились только съ внѣшнею стороною жизни Гумбольдта - юноши, упоминая только вскользь о его ученыхъ трудахъ. Остановимся теперь на нихъ какъ бы для того, чтобы подвести итогъ его дѣятельности въ молодыя лѣта. Конечно, въ рамкахъ настоящаго труда, мы можемъ сдѣлать это только въ общихъ чертахъ, избѣгая подробностей, важныхъ для ученаго и спеціалиста.

Мы уже упоминали вскользь, что первымъ литературнымъ трудомъ Гумбольдта были «Наблюденія надъ базальтами на Рейнѣ». Трудъ этотъ былъ вызванъ горячимъ споромъ между учеными той эпохи о томъ, былъ ли земной шаръ въ началѣ расплавленною массою, застывшею впослѣдствіи, или же смѣсью твердыхъ и жидкихъ веществъ, изъ которой потомъ каждое выдѣлилось особенно. Въ спорѣ этомъ базальтъ играетъ чрезвычайно важную роль, такъ какъ оба лагеря основывали на немъ свои положенія, и потому понятно, что враждующія стороны, каждая въ свойственномъ ей направленіи, старались воспользоваться многосторонними наблюденіями надъ предметомъ спора, для защиты мнѣній.

Бóльшая часть геологовъ прошедшаго вѣка считала призмы базальта большими кристаллами, выдѣлившимися изъ воды, на-

ходившейся, по ихъ мнѣнію, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь встрѣчаются базальты. Демаре (Desmarest) первый выразилъ сомнѣніе въ такомъ происхожденіи этихъ, такъ-называемыхъ, кристалловъ. Во время путешествія своего по Италіи и южной Франціи, въ особенности въ Оверни, въ окрестностяхъ Клермона, онъ имѣлъ случай видѣть и изслѣдовать самые лучшіе образчики базальта въ тамошнихъ Puys и горахъ Mont d'or. Цѣлая мѣстность эта носила на себѣ неоспоримые признаки вулканическаго происхожденія: кратеры, лава, пемза, шлаки, зола покрывали ее. Демаре, встрѣчая повсюду базальтъ посреди лавы, вывелъ заключеніе, что онъ въ Оверни долженъ былъ образоваться не изъ воды, а что составныя части его были прежде въ жидкомъ расплавленномъ состояніи, какъ лава, извергаемая изъ вулкановъ, и потомъ, по мѣрѣ охлажденія, они выкристаллизировались, при переходѣ въ твердое состояніе, принявъ настоящій видъ. Призматическую форму базальта Демаре объяснялъ неравномѣрнымъ охлажденіемъ поверхности и внутренности массы, и обусловленнымъ этимъ неравномѣрнымъ сжиманіемъ отдѣльныхъ слоевъ.

Мнѣніе это, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, нашло горячихъ защитниковъ, но и не менѣе жаркихъ противниковъ. Между первыми были даже такіе, которые утрировали новое ученіе до смѣшного. Такъ, нѣкто Витте утверждалъ, что египетскія пирамиды были не что иное, какъ изверженія базальта, поднятыя въ настоящемъ ихъ видѣ подземными силами; лабиринтъ — разлившаяся по поверхности земли лава; Меридово озеро—провалившійся кратеръ. Витте не затруднился объяснять и происхожденіе надписей и фигуръ на разныхъ древнихъ памятникахъ подземными силами природы: первые были провалившеюся мѣстами, при охлажденіи, лавою, давшею трещины; послѣдніе—вздувшеюся лавою!! Развалины Персеполиса, Бальбека, Пальмиры, храмъ Юпитера въ Джирдженти на островѣ Сициліи, и другіе остатки древнихъ городовъ, по словамъ того же Витте, суть не болѣе, какъ естественныя группы базальта и разлившейся лавы...

Въ Германіи теорія Демаре не сразу нашла приверженцевъ, такъ какъ встрѣчающіеся здѣсь базальты находятся почти исключительно въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ лавы и шлаковъ; напротивъ, они возвышаются надъ песчаниками и другими породами, носящими неоспоримое нептуническое происхожденіе, т.-е. изъ осадковъ воды. Такимъ образомъ, нѣмецкіе геологи не встрѣчали на родинѣ своей подтвержденій теоріи Демаре. Притомъ здѣсь теорія нептунистовъ находила жаркаго приверженца

въ знаменитомъ Вернерѣ, фрейбергскомъ профессорѣ, впослѣдствіи учителѣ Гумбольдта, который утверждалъ, что море, затопивъ въ разные періоды землю, оставляло, при паденіи водъ, разные осадки, отвердѣвшіе въ видѣ горъ, осѣвшихъ на первичныхъ породахъ земной коры. Во время одного изъ послѣднихъ потоповъ осадился, по словамъ Вернера, базальтъ, представлявшій прежде необозримый, покрывавшій разныя первичныя породы, слой, который хотя въ теченіи времени и былъ разрушенъ, но остатки котораго въ первоначальномъ видѣ сохранились въ видѣ базальтовыхъ холмовъ. Мѣстами подъ базальтами встрѣчались залежи каменнаго угля, который, загорѣвшись, растапливалъ ихъ, вслѣдствіе чего онъ разливался въ жидкомъ состояніи въ видѣ лавы.

Въ противуположность съ этой теоріей, не придававшей вулканической дѣятельности особеннаго значенія, выдвинулась другая, приписывавшая дѣйствію огня гораздо болѣе обширное поле. Представителемъ ея былъ Хюттонъ (Hutton).

По этой теоріи земной шаръ былъ прежде въ расплавленномъ состояніи; остывшія наружныя части его—кора земная—затвердѣли, но внутри онъ все еще находится въ жидкомъ состояніи. Охладѣвшія части застыли неровно: выдающіяся изъ нихъ образовали горы; углубленныя покрыты моремъ. Непокрытыя водою части земли подвержены постоянному разрушенію отъ дѣйствія температуры, дождей и т. п. Рѣки уносятъ образовавшійся такимъ образомъ илъ въ море, гдѣ онъ опять принимаетъ компактный, сплошной видъ. Съ теченіемъ времени рельефъ земной коры измѣняется, и такимъ образомъ прежде покрытыя моремъ мѣстности выдаются изъ него, между тѣмъ какъ образовавшіяся изъ прежнихъ горъ скалы возвышаются въ видѣ новыхъ горъ. Такимъ образомъ породы, образовавшіяся, по Вернеру, путемъ кристаллизаціи, соотвѣтствуютъ, по послѣдней теоріи, выдѣлившимся изъ прежде расплавленнаго матеріала; образовавшіяся, по теоріи англійскаго ученаго, мокрымъ путемъ сходны съ тѣми, которыя, по Вернеру, возникли посредствомъ поднятія водъ. Кромѣ того Хюттонъ принимаетъ еще породы, образованныя вулканами, куда, кромѣ яблока геологическаго раздора—базальта, относитъ еще трапъ, долеритъ, порфиръ, даже гранитъ, словомъ всѣ горныя породы, не представляющія слѣдовъ напластованія (что указывало бы на осажденіе изъ воды) и въ которыхъ не встрѣчается органическихъ остатковъ.

Другою причиной, почему теорія вулканистовъ не скоро привилась на нѣмецкой почвѣ, была чисто личная, лежавшая въ высокомъ уваженіи, которымъ были проникнуты германскіе гео-

логи къ Вернеру, одному изъ величайшихъ систематиковъ и наблюдателей въ области своей науки. Даже тѣ изъ нихъ, которые имѣли случай убѣдиться въ справедливости мнѣнія его противника, не рѣшались, при жизни Вернера, оставить его знамя. Послѣдній впалъ въ ошибку вслѣдствіе того, что построилъ свою систему о происхожденіи базальтовъ на наблюденіяхъ исключительно въ предѣлахъ своей родины — Саксоніи. Здѣсь дѣйствительно базальты отличаются особенною формою, которую можно сравнить съ формою гриба, но притомъ такъ, что только шляпа его выдается надъ поверхностью земли, а корешекъ — скрытъ подъ нею. При наружномъ осмотрѣ кажется, что такой базальтъ покоится на какой-нибудь нептунической породѣ, и только при раскопкѣ этой послѣдней откроется, что верхняя часть базальта находится въ непосредственной связи съ глубокими пластами земной коры посредствомъ базальтоваго же канала. Объ этой особенности строенія саксонскихъ базальтовъ ровно ничего не знали въ концѣ истекшаго столѣтія, и такъ какъ Вернеръ не имѣлъ случая дѣлать большихъ путешествій, то естественно, что онъ принималъ форму саксонскихъ базальтовъ за повсюду господствующій типъ ихъ. Французскіе геологи, имѣвшіе возможность изслѣдовать базальты Оверни, скоро и вѣрно оцѣнили справедливость вулканической теоріи, послѣдователемъ которой возвращался и каждый нѣмецкій нептунистъ, посѣтившій эту мѣстность.

Въ такомъ положеніи находился разсматриваемый нами вопросъ, когда Гумбольдтъ издалъ свое первое изслѣдованіе о базальтахъ Рейна. Хотя преимущественный характеръ его монографіи состоитъ въ описаніи географическаго мѣстонахожденія базальтовъ на Рейнѣ, между которыми самыми важными являются базальты Ункеля (близь Бонна), но все-таки видно, что онъ былъ приверженцемъ теоріи нептунистовъ, раздѣляя взглядъ ихъ о ихъ происхожденіи. Этого достаточно для насъ: мы знаемъ, въ какомъ лагерѣ науки находился Гумбольдтъ, при первомъ выступленіи въ ученомъ свѣтѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ, убѣдившись въ несостоятельности теоріи нептунистовъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ ея противниковъ, открыто и добросовѣстно сознаваясь въ своемъ прежнемъ заблужденіи.

Переходя къ совершенно другой области естествознанія, мы встрѣчаемся опять съ Гумбольдтомъ. Въ числѣ причинъ, вызывающихъ разнообразныя проявленія въ жизни животныхъ и растеній, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ втогой половины XVIII-го вѣка играла большую роль такъ-называемая раздражительность

(irritabilitas). Тогда предполагали, что вещество, масса, наполняющая пространство, есть нѣчто чувственно узнаваемое, и что на нее дѣйствуетъ чувственно-невидимая, только посредствомъ первой проявляющая себя сила, представляющая множество видоизмѣненій и степеней. Одною изъ нихъ являлась раздражительность—сила, обнаруживающаяся вслѣдствіе воздѣйствій извнѣ (раздражителей), тоже проявленіями наружу.

Явленія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были замѣчены естествоиспытателями давно, но Альбертъ фонъ-Галлеръ, замѣчательнѣйшій физіологъ XVIII-го столѣтія, профессоръ гёттингенскій, первый обратилъ на раздражительность особенное вниманіе. При изслѣдованіи различныхъ частей человѣческаго и животнаго организма онъ замѣтилъ, что разныя составныя его части неодинаково реагируютъ дѣйствію на нихъ механическихъ и химическихъ раздражителей. Основываясь на этомъ замѣчаніи, онъ называлъ ту часть чувствующею, которая, будучи тронута, передавала это соприкосновеніе душѣ человѣка, или вызывала явленія боли въ животномъ, такъ какъ онъ колебался, слѣдуетъ ли допустить въ послѣднемъ присутствіе души. Сюда относятся, по мнѣнію Галлера, преимущественно нервныя волокна.

Другія части организма, при дотрогиваніи, только сжимаются, безъ проявленія боли, не имѣя возможности довести это соприкосновеніе до сознанія мозга, сѣдалища души, по мнѣнію Галлера. Къ нимъ онъ относилъ по преимуществу мышечныя волокна, раздражительныя части организма; затѣмъ всѣ остальныя части онъ считалъ нечувствующими и нераздражительными. Главное примѣненіе теоріи раздражительности Галлера состояло въ объясненіи біенія сердца. Онъ считалъ сжиманія этого органа совершенно независимыми отъ мозга и артерій, и утверждалъ, что кровь, равно какъ и другія жидкости, даже воздухъ, служа средствомъ раздраженія сердца, вызываютъ сокращенія его волоконъ.

Хотя теорія эта и вызвала возраженія, но нашла также и ревностныхъ послѣдователей, распространившихъ ее и на царство растительное. Не входя въ разсмотрѣніе споровъ, вызванныхъ этой теоріей Галлера, мы должны однако упомянуть, что она играла важную роль и въ тогдашней медицинѣ. Степень раздражительности, говорили послѣдователи Галлера, измѣняется постоянно, смотря по возрасту, образу жизни индивидуума, и т. п. Она можетъ накопляться вслѣдствіе удержанія въ организмѣ раздражителя, дѣйствующаго правильно и равномѣрно; но въ случаѣ слишкомъ частаго повторенія дѣйствія его, или усиленія, можетъ уменьшаться. Отсюда три рода состояній, въ которыхъ

могутъ находиться волокна: а) состояніе здоровья, различнаго въ каждомъ индивидуумѣ (что на языкѣ Галлера называлось тономъ волоконъ); б) состояніе накопленія, происходящее отъ устраненія обыкновенныхъ раздражителей, и наконецъ в) состояніе истощенія, обусловленное слишкомъ сильнымъ воздѣйствіемъ раздражителя. Когда расходъ раздражителя уравновѣшивается приходомъ его — организмъ пользуется здоровьемъ, которое разстроивается съ наступленіемъ состоянія накопленія или истощенія. Такимъ образомъ, причины болѣзней могутъ быть двоякаго рода, а слѣдовательно и леченіе ихъ тоже должно быть различно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Съ исчезновеніемъ раздражительности наступаетъ смерть организма.

Къ числу раздражителей, правильно дѣйствующихъ, школа Галлера относила: теплоту, свѣтъ, пищу, обращеніе соковъ, нервный раздражитель; къ послѣднему причислялись и нравственныя впечатлѣнія. Но въ чемъ именно состоитъ эта загадочная раздражительность? Имѣетъ ли она какой-нибудь матеріальный субстратъ, доступный нашимъ чувствамъ? Не пріурочена ли она къ какому-нибудь химическому веществу? На это отвѣчаютъ намъ современные ученые, что она неразрывно связана съ кислородомъ! Чрезмѣрное накопленіе его, или недостатокъ въ организмѣ и обусловливаютъ то состояніе накопленія или истощенія, о которомъ было упомянуто выше. Слѣдовательно, вся задача при леченіи болѣзней сводится на его правильное регулированіе....

Система Джона Броуна, такъ долго господствовавшая въ Европѣ, и была развитіемъ и практическимъ примѣненіемъ этой теоріи. Впрочемъ, врачъ этотъ развилъ ее нѣсколько далѣе: онъ не ограничивается принятіемъ раздражительности Галлера, но принимаетъ, кромѣ ея, еще возбуждаемость (excitabilitas), подъ которй онъ понимаетъ не только сокращаемость мышечныхъ волоконъ, но вообще измѣненіе органическаго тѣла вслѣдствіе какого-нибудь извнѣ дѣйствующаго на него вліянія. Онъ допускаетъ два состоянія: состояніе возбуждаемости и возбужденія. Когда одно уравновѣшиваетъ другое — организмъ здоровъ; отъ различія между обоими происходитъ болѣзнь и наконецъ смерть.

Теорія Броуна довела ученіе о раздражительности до его крайнихъ предѣловъ, чѣмъ и нанесла ему сильный ударъ. Ученый этотъ не только принимаетъ раздражительность, но допускаетъ и измѣненія, которыя нельзя свести на одно сокращеніе волоконъ. Болѣе точное и тщательное изслѣдованіе этихъ измѣненій, вызванное ученіемъ Броуна, и было причиной, почему теорія раздражительности значительно утратила свое значеніе и

заняла, въ современной наукѣ, болѣе скромное противъ прежняго мѣсто.

Гумбольдтъ, въ своихъ «Афоризмахъ изъ химической физіологіи растеній», тоже принимаетъ раздражительность за характеристическій признакъ жизни, за изліяніе т. н. жизненной силы, различая составныя части животныхъ и растеній на оживленныя (раздражительныя) и неодушевленныя. Къ послѣднимъ онъ относитъ: волосы, ногти, кости, кожицу растеній, дерево, оторочку цвѣтной чашечки, и т. п. Раздражительными частями онъ считалъ въ растеніяхъ: сосуды, клѣтчатую ткань, заключая изъ способности движенія нѣкоторыхъ частей извѣстныхъ растеній о присутствіи мышечныхъ волоконъ и въ царствѣ растительномъ. Гумбольдтъ дѣлилъ движенія, замѣчаемыя въ немъ, на три класса: къ первому онъ относилъ движенія постоянныя, какъ напр. въ бенгальскомъ растеніи Hedysarum gyrans, которое, безъ всякаго посторонняго вліянія, движется съ неравномѣрною скоростью; въ полдень движеніе это иногда прекращается, но за то ночью усиливается. Ко второму классу онъ относитъ тѣ непроизвольныя движенія растеній, которыя вызываются новымъ возбужденіемъ, какъ напр. въ Parnassia palustris, Rutha chalepensis, въ которыхъ тычинки движутся вслѣдствіе раздраженія ихъ сѣменной жидкостью собственной цвѣтной пыли; наконецъ, къ третьему классу относятся, по Гумбольдту, растенія, которыхъ движенія обусловливаются внѣшнимъ раздраженіемъ, напр. Mimosa pudica, Dionoea muscipula, Oxalis sensitiva.

Съ цѣлью изслѣдованія этого рода раздражительности, Гумбольдтъ старался найти средства, ее усиливающія, или ослабляющія. Цѣлый рядъ такихъ средствъ и найденъ имъ. Особенно интересны опыты, произведенные имъ съ хлорной водой. Онъ открылъ, что крессовое сѣмя, въ нее брошенное, уже черезъ полчаса разбухаетъ, черезъ 6—7 часовъ пускаетъ ростки, которые черезъ часъ достигаютъ величины парижской линіи, между тѣмъ какъ это же сѣмя, брошенное въ воду, пускаетъ ростки едва черезъ 36—38 часовъ. Къ открытію этому пришелъ Гумбольдтъ, изслѣдуя вліяніе кислорода, какъ средства раздраженія, на растенія (въ концѣ XVIII-го вѣка считали хлорную воду соединеніемъ, очень богатымъ кислородомъ). Тогда же онъ нашелъ, что горохъ и бобы, предварительно отрощенные въ растворѣ металлическихъ солей, прозябаютъ гораздо скорѣе, чѣмъ посаженные въ сырую землю; онъ также замѣтилъ, что и кислородъ значительно ускоряетъ процессъ прозябанія.

Найденныя Гумбольдтомъ средства, усиливающія раздражительность, не только ускорили движенія названныхъ выше расте-

ній, но и способствовали ихъ росту; и наоборотъ, открытыя имъ средства, уменьшавшія раздражительность, ослабляли его. Замѣчательно, что средства перваго рода переходили въ категорію послѣдняго, т.-е. ослабляли раздражительность, если были повторяемы слишкомъ часто, или были употребляемы въ слишкомъ большомъ количествѣ.

Такія же наблюденія и опыты, какъ надъ твердыми частями растеній, Гумбольдтъ производилъ и надъ жидкими, надъ растительными соками, равно какъ и надъ ихъ обращеніемъ въ растеніяхъ, и надъ теплотою послѣднихъ.

Труды эти, явившіеся въ свѣтъ въ 1793 г., показываютъ, что Гумбольдтъ не зналъ еще тогда объ открытіи Гальвани, которымъ онъ, конечно, воспользовался бы при своихъ изслѣдованіяхъ. Но вскорѣ (въ 1797 г.) выходятъ его изслѣдованія «О раздраженныхъ мышечныхъ и нервныхъ волокнахъ», плодъ нѣсколькихъ лѣтъ работы, такъ, что мы вправѣ предполагать, что онъ въ непродолжительномъ времени заинтересовался великимъ открытіемъ болонскаго профессора.

Извѣстно, какъ послѣдній, замѣтивъ, что мертвыя лягушки, лишенныя кожи, подъ вліяніемъ электричества, судорожно сжимаются,—пытался найти, какое вліяніе оказываетъ на нихъ атмосферическое электричество. Съ этой цѣлью, отпрепаровавъ извѣстнымъ образомъ лягушку, онъ пронзилъ металлическою проволокой спинной мозгъ ея, и повѣсилъ на желѣзную рѣшетку своего садика. Лягушка вздрагивала по временамъ, и не только тогда, когда воздухъ былъ пресыщенъ электричествомъ во время грозы, но и въ ясную погоду. Такимъ-образомъ, явленія эти никакъ нельзя было объяснить атмосферическимъ электричествомъ. Продолжая свои изслѣдованія, онъ положилъ такую же лягушку въ комнатѣ на желѣзную плиту и замѣтилъ, что при соприкосновеніи пронизывавшей ее проволоки съ этой плитой, судорожныя сокращенія тотчасъ проявлялись. Разные другіе металлы, взятые, вмѣсто первоначально употребленныхъ, давали тѣже результаты. Различіе состояло только въ силѣ сокращеній. Напротивъ, при замѣнѣ ихъ худыми проводниками электричества, лягушка оставалась въ покоѣ. Явленія эти Гальвани объяснялъ новымъ источникомъ электричества—животнымъ. Онъ полагалъ, что нервъ представлялъ положительное, мускулъ — отрицательное электричество, и что оба рода электричества раздѣлены въ организмѣ такъ, какъ мы видимъ это въ лейденской банкѣ, съ тою разницею, что здѣсь роль стекла играетъ промежуточная животная ткань, какъ худой проводникъ электричества. При соединеніи, хорошимъ проводникомъ, мускула и нерва оба вида

электричества сливаются, при чемъ тѣло лягушки судорожно сжимается.

Естественно, что современные ученые занялись этимъ открытіемъ не только потому, что всякаго рода раздражительность особенно интересовала ихъ, склонныхъ, какъ мы видѣли выше, вездѣ ее отыскивать, но и потому, что предполагаемая связь между электричествомъ и мышечнымъ движеніемъ обѣщала имъ проникнуть въ тайники природы. При накопленіи матеріала наблюденій объясненія Гальвани оказались недостаточными; мѣсто ихъ заняла теорія Александра Вольты, искавшая причины ихъ и мѣста просхожденія въ совершенно другихъ условіяхъ.

Проткнувши спинной мозгъ лягушки металлическою проволокой, и соединивши мышцы животнаго съ этой проволокой другимъ металломъ, мы найдемъ, что она начинаетъ сокращаться. Опытъ этотъ можно повторять довольно долго. Мы видѣли, что Гальвани искалъ причину этого сокращенія въ самомъ животномъ и считалъ металлъ не болѣе какъ проводникомъ, по которому течетъ электричество отъ нерва въ мускулу и обратно. Вольта, напротивъ, утверждалъ, что явленіе это обусловлено различіемъ металловъ, или другихъ веществъ между мускуломъ и нервомъ, въ мѣстѣ соприкосновенія которыхъ проявляется электричество, проходя потомъ черезъ тѣло животнаго, какъ черезъ проводникъ. По мнѣнію Вольты, одно электричество, исходя изъ одного металла въ одномъ направленіи, а другое изъ другого — въ направленіи ему противоположномъ, встрѣчаются въ тѣлѣ животнаго, на которое слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ на весьма чувствительный реактивъ, проявляющій присутствіе электричества. Судорожныя сокращенія лягушки, замѣчаемыя при употребленіи одного только металла, Вольта объяснялъ тѣмъ, что однообразіе это только мнимое, такъ какъ одинъ и тотъ же металлъ представляетъ въ разныхъ своихъ частяхъ различіе въ твердости и химической чистотѣ. Гальвани и Вольта сходились однако въ томъ, что для того, чтобы вызвать въ лягушкѣ содраганія необходимо всякій разъ соединеніе между составными частями цѣлаго прибора (цѣпи), составленнаго изъ нерва, мускула и металла, изъ которыхъ послѣдній соприкасается съ двумя иервыми. Послѣдовательность можетъ быть однако и другая: напр. одинъ металлъ, другой металлъ и наконецъ животное, которое, въ свою очередь, должно находиться въ соприкосновеніи съ двумя нервыми—словомъ, цѣпь должна быть замкнутою. Содраганіе не имѣетъ мѣста, когда первое звено цѣпи не соприкасается съ послѣднимъ.

Когда споръ этотъ раздѣлилъ современныхъ ученыхъ на два

противоположные лагеря, Гумбольдтъ, занимавшійся тоже этимъ вопросомъ, принялъ, нѣсколько видоизмѣнивъ ее, теорію Гальвани. Онъ не допускаетъ даже названія «металлическое раздраженіе», для обозначенія наблюдаемыхъ явленій, такъ какъ металлы не только не играютъ здѣсь главной роли (въ противоположность мнѣнію Вольты), но могутъ быть совершенно устранены, и только тѣла, снабженныя чувствующими волокнами, могутъ быть возбуждены. Вольта основывалъ свою теорію на томъ, что когда не употреблять двухъ разнородныхъ металловъ, то и сокращенія не будутъ имѣть мѣста. Гумбольдтъ же объяснялъ это черезъ-чуръ незначительною раздражительностью животнаго организма, такъ какъ онъ замѣтилъ, что когда два металла не соприкасаются непосредственно, а раздѣлены нѣсколькими кубическими линіями мускуловъ, то судороги появлялись только въ животныхъ очень впечатлительныхъ, но при уменьшеніи раздражительности они не обнаруживались. Обстоятельство это навело его на мысль, которую онъ уже прежде преслѣдовалъ при своихъ изслѣдованіяхъ въ области ботаники, искать средствъ, при посредствѣ которыхъ раздражительность животнаго организма усиливается. Онъ и нашелъ ихъ въ углекислыхъ щелочахъ и хлорной водѣ, между тѣмъ какъ кислоты и спиртъ уменьшали ее. Окунувъ нервъ животнаго въ эти усиливающія раздражительность средства, ему удавалось вызывать явленія даже тогда, когда разнородные металлы даже не соприкасались. Онъ убѣдился даже, что у животныхъ раздражительныхъ можно было вызвать судорожныя сокращенія даже безъ всякаго употребленія металловъ, просто—посредствомъ соприкосновенія обнаженнаго нерва съ мускуломъ!

Мы не станемъ вдаваться въ подробности изслѣдованій Гумбольдта на этомъ поприщѣ физики, сдѣлавшіяся теперь достояніемъ науки. Замѣтимъ, что она ему обязана введеніемъ условныхъ знаковъ, такъ облегчающихъ изученіе явленій электричества; что раздѣленіе тѣлъ на хорошіе и худые проводники, теперь извѣстное каждому гимназисту, было тогда непочатымъ полемъ, которое Гумбольдтъ обогатилъ богатыми вкладами, такъ какъ распредѣленіе этихъ двухъ классовъ тѣлъ слѣдовало сдѣлать не a priori, а эмпирически. Ему же обязана наука замѣчательными, по тогдашнему времени, изслѣдованіями о вліяніи гальванизма на предметы міра органическаго. Такъ, онъ доказалъ, что растенія, подъ его вліяніемъ, представляютъ такія явленія, которыя всегда можно объяснить механическимъ раздражителемъ; между тѣмъ какъ животныя разныхъ классовъ представляютъ при этомъ самыя разнообразныя явленія. Чѣмъ сильнѣе живот-

ная теплота отдѣльныхъ животныхъ, тѣмъ скорѣе прекращается раздражительность послѣ смерти, и тѣмъ далѣе она сохраняется въ организмѣ, чѣмъ меньше мозгъ его.

Вліяніе гальванизма на человѣческій организмъ тоже было многосторонне изслѣдовано Гумбольдтомъ. Такъ, онъ доказалъ, что если положить два разнородные металла на оба глаза, или даже на глазъ и другую часть головы, и соединить ихъ проволокой, то глазъ пронизывается лучемъ свѣта, въ родѣ молніи. Вліяніе этой силы на органъ вкуса было уже извѣстно даже до ея открытія, когда не знали, чѣмъ ее объяснить. Уже Зульцеръ, въ 1760 г., слѣдовательно задолго до опытовъ Гальвани, замѣтилъ, что когда положить на языкъ кусочекъ серебра и свинца, соединивъ ихъ металлическою проволокою, языкъ ощущаетъ странный вкусъ. Вольта и послѣ него Гумбольдтъ нашли, что разнообразіе металловъ, для опыта употребленныхъ, вызываетъ различный вкусъ, кромѣ того—чувство холода и тепла, смотря по распредѣленію металловъ.

Гумбольдтъ, первый между учеными, дѣлалъ гальваническіе опыты надъ собственнымъ тѣломъ. Приставивъ двѣ мушки на спинѣ, онъ послѣ снятія съ нея, обыкновеннымъ образомъ, верхней кожицы, покрылъ одну рану серебромъ, а другую—цинкомъ. Едва оба металла были соединены между собою, какъ изъ раны потекла сукровица, сильно окрашенная примѣсью крови, оставляя, отъ воспаленія, послѣ себя на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она протекала, слѣдъ красно-синяго цвѣта. Ощущеніе, замѣченное при этомъ Гумбольдтомъ, онъ описывалъ совершенно отличнымъ отъ производимаго электричествомъ: это была смѣсь странной боли съ давленіемъ и жаромъ.

Въ объясненіяхъ гальваническихъ явленій Гумбольдтъ отступалъ какъ отъ теоріи Гальвани, такъ и отъ теоріи Вольты; онъ приходитъ къ заключенію, что исходный пунктъ гальваническихъ явленій организма слѣдуетъ искать въ самыхъ органахъ его, и что металлы и другія вещества, употребляемыя иногда звеньями гальванической цѣпи, играютъ роль очень второстепенную, а отнюдь не главную.

Многочисленные и разнообразные опыты Гумбольдта не только обогатили науку открытіемъ новыхъ, подверженныхъ раздраженію, органовъ, но онъ опредѣлилъ вліяніе множества средствъ раздраженія, до него совершенно неизвѣстныхъ и не изслѣдованныхъ. Кромѣ того онъ, въ противоположность системѣ Броуна, о которой мы упоминали выше, доказалъ, что существуютъ средства, уменьшающія раздражительность органа, не истощая его предварительно, между тѣмъ какъ англійскій ученый утверждалъ,

что при частомъ употребленіи раздражающаго средства органъ доходитъ до такого состоянія, въ которомъ на него не дѣйствуютъ даже самые сильные раздражители, а если иногда и оказываютъ какое-нибудь вліяніе, то лишь послѣ продолжительнаго отдохновенія. Кромѣ приведеннаго выше свойства кислотъ и спирта, при повтореніи гумбольдтовыхъ опытовъ Михаэлисомъ, послѣдній открылъ еще, что употребляя поперемѣнно мышьякъ и тинктуру опія можно одиннадцать разъ, поперемѣнно, уничтожить и возстановить раздражительность.

Наука давно отыскивала коренную силу, приводящую въ движеніе организмы. Въ разныя эпохи ея развитія роль эту приписывали эѳиру, воздуху, теплотѣ и др. Съ открытія въ 1770 г. Пристлеемъ кислорода, играющаго такую важную роль въ экономіи органической природы, бо́льшая часть ученыхъ стала искать въ этомъ газѣ главнаго регулятора дѣятельности органическихъ тѣлъ, раздражительности. Противъ этого односторонняго взгляда вооружается Гумбольдтъ. Признавая вполнѣ важную роль, которую играетъ кислородъ въ природѣ, онъ однако не признаетъ его альфой и омегой всего существующаго, видя во взаимодѣйствіи другъ на друга всѣхъ веществъ, составляющихъ органическія тѣла, законъ природы, а не въ деспотическомъ вліяніи кислорода на всѣ остальныя. Никто изъ ученыхъ не выражалъ до сихъ поръ мысли этой, господствующей еще въ наукѣ, съ такою ясностью и послѣдовательностью, какъ Гумбольдтъ.

Мы видѣли, что онъ отвергалъ, при объясненіи гальваническихъ явленій, теорію Вольты, основанную на соприкосновеніи разнородныхъ металловъ и веществъ. Для него онѣ были чисто химическія дѣйствія. Опыты, которые онъ производилъ съ цѣлью доказать это, были повторены многими нѣмецкими учеными, равно какъ и особой коммиссіей, назначенной французскимъ національнымъ институтомъ. Какъ первые, такъ и послѣдняя подтвердили ихъ. Но противъ нихъ сильно вооружился Пфаффъ, жаркій приверженецъ теоріи соприкосновенія, утверждавшій, что теорія Гумбольдта наполнена множествомъ недоказанныхъ гипотезъ. Въ 1799 г., слѣдовательно уже послѣ появленія монографіи Гумбольдта, Вольта открываетъ, что гальваническія явленія можно вызвать, въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ прежнимъ путемъ, и притомъ не прибѣгая къ раздражительнымъ тѣламъ, аппаратомъ, составленнымъ изъ пластинокъ разнородныхъ металловъ, распредѣленныхъ попарно, но раздѣленныхъ мокрымъ тѣломъ. Аппаратъ этотъ и теперь носитъ имя своего изобрѣтателя, называясь вольтовымъ столбомъ. Открытіе слѣдовало за открытіемъ, отодвигая теорію физіологическаго объясненія явле-

нiй, послѣдователемъ которой былъ и Гумбольдтъ, на заднiй планъ. Защищать ее не было возможности: въ вольтовомъ столбѣ не было органическихъ веществъ! Впрочемъ, теорiя Гумбольдта рушилась только отчасти: присутствiе химическихъ процессовъ при явленiяхъ гальванизма, на которые Гумбольдтъ обратилъ вниманiе, играютъ еще важную роль. Такъ, Риттеръ высказался въ пользу химической теорiи, равно какъ и во время жаркаго спора, въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтiя, между первыми знаменитостями физики, Де-ла-Ривъ и Фарадей-утверждали, противъ Пфаффа и Фехнера, оставшихся вѣрными теорiи соприкосновенiя, что гальваническiя явленiя постоянно сопровождаются химическими процессами. Споръ этотъ почти оконченъ теперь; наука обязана ему необыкновеннымъ количествомъ наблюденiй и открытiй, такъ какъ представители обоихъ направленiй старались представить фактическiя доказательства справедливости своихъ взглядовъ, при чемъ и тѣ и другiе дѣлали открытiя. Пренiя эти убѣдили, что есть столбы, дѣйствующiе и исключительно посредствомъ соприкосновенiя (сухiе столбы Цамбони), но что безъ химическихъ явленiй дѣятельность этихъ столбовъ крайне незначительна и слаба.

И физiологическая сторона гумбольдтовской теорiи, долго непризнаваемая, начинаетъ опять находить защитниковъ и послѣдователей. Между тѣмъ какъ прежде распространено было мнѣнiе, что электрическiй токъ вызываетъ физiологическiя дѣйствiя, оказалось теперь, что и наоборотъ, послѣднiя могутъ вызвать первый. Прежде всего это было доказано на электрическихъ рыбахъ, которыя вооружены органами, устроенными по тому же плану, какъ и вольтовъ столбъ. Затѣмъ Нобили доказалъ, что подобные токи находятся и въ живыхъ, и только-что убитыхъ лягушкахъ. Наконецъ Дюбуа-Реймонъ открылъ, что такъ-называемый лягушечный токъ есть не болѣе, какъ одинъ изъ безчисленнаго множества электрическихъ токовъ, встрѣчающихся во всѣхъ частяхъ нервной системы и мускуловъ всѣхъ животныхъ; онъ же доказалъ, что въ моментъ, когда въ нервѣ совершается процессъ, вызывающiй движенiе или ощущенiе, въ самомъ токѣ происходитъ измѣненiе. Имъ же доказано появленiе тока въ мускулѣ совершенно здороваго организма, когда мускулъ этотъ самопроизвольно сокращается.

Изъ сказаннаго видно, что теорiя Гумбольдта, черезъ полвѣка послѣ ея появленiя, когда многiе считали ее совершенно похороненною, подтверждается новѣйшими изслѣдованiями. Если великому ученому и неудалось, вслѣдствiе недостатка, въ концѣ XVIII-го столѣтiя, вспомогательныхъ средствъ, которыми распола-

гаетъ современная наука, благодаря прежнимъ открытіямъ, доказать свои положенія, то во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться провидѣнію его, опередившему на полвѣка современниковъ.

Обратимся къ новому полю изслѣдованій Гумбольдта. Каждый, даже самый невнимательный глазъ, видитъ различіе между тѣлами природы органической и неорганической; но не такъ легко сказать, въ чемъ именно состоитъ это различіе. Мы можемъ сказать, что разбитый на кусочки камень отличается отъ прежняго цѣлаго только тѣмъ, что кусочки значительно меньше цѣлаго. Камень увеличивается наслоеніемъ отдѣльныхъ частицъ извнѣ. Въ растеніяхъ и животныхъ мы замѣчаемъ совершенно противное, какъ при раздробленіи ихъ, такъ и при развитіи. Послѣднее совершается извнутри: частицы, бывшія прежде въ совершенно иномъ мѣстѣ организма, послѣ извѣстнаго ряда перемѣщеній, отлагаются наконецъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ его, очень отдаленномъ отъ того, въ которомъ онѣ находились сначала. Кромѣ того, отдѣльные органы сообщаютъ воспринятымъ ими веществамъ совершенно отличный отъ первоначальнаго видъ и свойства, чѣмъ тѣ, которые онѣ прежде имѣли, и въ этомъ уже измѣненномъ состояніи и доставляютъ эти вещества другимъ органамъ. Эти наглядныя наблюденія вѣрны, но онѣ всетаки не рѣшаютъ главнаго вопроса, а только обходятъ его, не рѣшая задачи: какая именно причина вызываетъ всѣ эти явленія?

Ученые, философы и естествоиспытатели, пытались давно рѣшить его, и рѣшали каждый разъ сообразно степени развитія современной науки. Естественно, что пока науки естественныя находились въ младенчествѣ, и рѣшенія вопроса этого были крайне неудовлетворительны, не выдаваясь надъ уровнемъ догадокъ и смутныхъ предположеній. Только въ то время, когда, въ концѣ XVIII-го вѣка, химія сдѣлала громадные успѣхи, можно было надѣяться, при посредствѣ ея, приступить къ серьезному обсужденію указаннаго нами выше вопроса, хотя окончательное его рѣшеніе и теперь еще не предвидится.

Въ половинѣ истекшаго столѣтія большая часть ученыхъ объясняла процессы органическаго міра механическими теоріями. Такъ, Гэльсъ (Hales) утверждалъ, что все движеніе питательныхъ соковъ въ растеніяхъ совершается подъ господствомъ двухъ законовъ: испаренія черезъ листья и закона волосности. Съ развитіемъ химіи ученые пытались примѣнить открытые ею законы и силы къ объясненію совершающихся въ растеніяхъ и животныхъ процессовъ. Гумбольдтъ принадлежитъ тоже къ числу изслѣдователей, и притомъ самыхъ выдающихся, которые искали помощи и отвѣта у химической науки.

Въ «Афоризмахъ» своихъ онъ дѣлитъ тѣла природы на двѣ группы: къ первой онъ относитъ тѣ, которыя повинуются законамъ химическаго сродства, а ко второй — тѣ, которыя, не будучи имъ подчинены, соединены между собою инымъ образомъ. Такъ какъ Гумбольдтъ полагалъ, что различіе это обусловливается не элементами и ихъ естественными свойствами, а ихъ распредѣленіемъ, то онъ и называетъ веществами неоживленными, недѣятельными, какъ бы апатичными, тѣ изъ нихъ, которыхъ составныя части смѣшаны по законамъ химическаго сродства; напротивъ, къ оживленнымъ, или органическимъ тѣламъ онъ относилъ такія, которыя, несмотря на постоянное стремленіе измѣнить свой видъ, не измѣняютъ его вслѣдствіе присутствія какой-то внутренней силы, сдерживающей ихъ въ этой первоначальной формѣ. Эту-то внутреннюю силу, разрушающую узы химическаго сродства и мѣшающую свободному сочетанію веществъ, Гумбольдтъ называетъ «жизненною силою».

Примѣръ уяснитъ мысль его. Возьмемъ известку и подвергнемъ ее дѣйствію углекислоты; отъ соединенія ихъ мы получимъ углекислую известь, которая не измѣняется. Но если мы на это новое вещество нальемъ азотной кислоты, то углекислота улетучивается, а азотнокислая известь остается. Если мы опять на эту послѣднюю нальемъ сѣрной кислоты, то она, вытѣснивъ азотную, займетъ ея мѣсто, образовавъ опять новое вещество — гипсъ. Примѣръ этотъ доказываетъ, что сѣрная кислота отличается болѣе сильнымъ сродствомъ къ известкѣ, чѣмъ азотно-кислая, а послѣдняя, въ свою очередь, бо́льшимъ, чѣмъ углекислота. Мы, конечно, не знаемъ причины, почему сродство это больше въ одномъ случаѣ, и почему оно меньше въ другомъ, но изъ опыта мы узнаемъ это явленіе, которое постоянно повторяется, сколько бы разъ мы ни предпринимали эти опыты. Совершенно другое замѣчаемъ мы, когда имѣемъ дѣло съ органическимъ веществомъ. Мускулъ, напримѣръ, остается мускуломъ до тѣхъ поръ, пока животное остается живымъ, но какъ только оно умерло—онъ не остается неизмѣннымъ, какъ углекислая известь или гипсъ, но подвергается разложенію, онъ гніетъ, и только продукты, при этомъ образующіеся, оказываются постоянными, слѣдуя законамъ сродства, указаннымъ выше въ тѣлахъ неодушевленныхъ. Что мускулъ въ теченіи жизни оставался мускуломъ—этому и причиной жизненная сила, и что здѣсь химическіе законы не господствуютъ и не преобладаютъ — это мы видимъ изъ судьбы мускула послѣ смерти. Такимъ образомъ, жизненная сила, по мнѣнію Гумбольдта, есть дѣятельность, зарождающаяся вмѣстѣ съ явленіемъ органическаго тѣла на свѣтъ,

и исчезающая съ его смертью; она стоитъ выше силъ химическихъ, которымъ слѣдуютъ только вещества минеральныя.

Гумбольдтъ оставался недолго приверженцемъ особенной жизненной силы: плодомъ его занятій раздраженными мышечными и нервными волокнами была теорія (изложенная во второмъ томѣ этихъ изслѣдованій, появившихся въ 1797 и 1799 годахъ), совершенно отличная отъ прежней. Изучивъ вліяніе раздражающихъ средствъ, и убѣдившись, что оно выражается каждый разъ болѣе или менѣе сильнымъ физическимъ или химическимъ измѣненіемъ раздраженнаго органа, Гумбольдтъ заключаетъ изъ этого, что вся жизнь организма не что иное, какъ непрерывная цѣпь раздраженій, и что соединенія, вызываемыя химическими законами, потому только не могутъ проявиться, что онѣ постоянно встрѣчаютъ противодѣйствіе, которое съ прекращеніемъ жизни исчезаетъ. Но чѣмъ обусловливается, спрашиваетъ онъ, это измѣненіе явленій, это исчезновеніе органическихъ тканей, это наступающее гніеніе? Гумбольдтъ объясняетъ ихъ причинами троякаго рода. Произвольныя движенія мышцъ и иныя физіологическія явленія показываютъ, что на вещество дѣйствуетъ нѣчто внѣ-чувственное, представленіе, имѣющее возможность даже измѣнять относительное положеніе элементовъ. Поэтому возможно, что это нѣчто внѣ-чувственное (сила представленія) и удерживаетъ въ равновѣсіи основныя силы вещества, и иначе опредѣляетъ, во время жизни, химическія сродства веществъ, чѣмъ послѣ смерти. Возможно однако, продолжаетъ Гумбольдтъ, что причину этого внутренняго равновѣсія слѣдуетъ искать въ самомъ веществѣ и притомъ въ неизвѣстномъ элементѣ, составляющемъ исключительную принадлежность растительныхъ и животныхъ особей, измѣняющемъ законы сродства. Точно также возможно, по мнѣнію Гумбольдта, что причина эта лежитъ въ томъ отношеніи дѣйствующихъ органовъ между собою, вслѣдствіе котораго каждый изъ нихъ постоянно передаетъ другому новыя вещества, вслѣдствіе чего болѣе ветхіе не могутъ достигнуть той степени пресыщенія, до которой они, при полномъ внутреннемъ покоѣ мертвой природы, безпрепятственно достигаютъ. При полной неизвѣстности внутренняго состоянія органическаго вещества, Гумбольдту казалось лучше умолчать о первыхъ двухъ предположеніяхъ, въ особенности, когда послѣднее представляетъ вѣроятность объяснить физическія явленія не только при посредствѣ физическихъ законовъ, но не прибѣгая къ неизвѣстному веществу. Поэтому Гумбольдтъ отказывается теперь отъ своего прежняго взгляда на жизненную силу, какъ на неизвѣстную причину, тѣмъ болѣе, что взглядъ этотъ, по его

собственному сознанію, совершенно опровергнутъ трудами Рейля, Фейта, Акермана и Рёшлауба.

Если онъ не рѣшается теперь признавать особенною силою того, что, можетъ быть, достигается при посредствѣ давно уже извѣстныхъ матеріальныхъ силъ, то онъ не останавливается однако передъ опредѣленіемъ, такъ необходимымъ въ наукѣ, веществъ живыхъ и неоживленныхъ, которое возможно вывести изъ химическихъ отношеній веществъ. Онъ называетъ вещество живымъ, когда его произвольно раздѣленныя части, послѣ этого раздѣленія, при неизмѣненныхъ внѣшнихъ условіяхъ, измѣняютъ свои составныя отношенія. Равновѣсіе элементарныхъ частей вещества живого сохраняется такъ долго, пока онѣ составляютъ часть цѣлаго. Одинъ органъ опредѣляетъ другой, сообщаетъ ему температуру, при которой дѣйствуетъ то, а не иное какое-нибудь сродство. Мы можемъ раздробить металлъ или камень на какія угодно мелкія части, и пока внѣшнія условія остаются однѣ и тѣ же, то раздробленныя части ихъ будутъ представлять ту же смѣсь, которую представляли и до ихъ раздробленія. Этого мы не замѣчаемъ въ веществѣ живомъ, является ли оно въ формѣ твердой, или жидкой.

Скорость, съ которой органическія вещества измѣняютъ свой внутренній составъ, неодинакова. Кровь животныхъ измѣняется скорѣе, чѣмъ питательные соки растеній; грибы переходятъ гораздо легче въ гніеніе, чѣмъ листья; мышцы легче, чѣмъ кожа. Напротивъ, кожа, волосы, древесина, шелуха на плодахъ и проч., уже во время жизни приближаются къ тому состоянію, которое они представляютъ послѣ отдѣленія отъ цѣлаго организма. Поэтому Гумбольдтъ выводитъ законъ, по которому, чѣмъ выше степень жизненности или способность раздражительности какого-нибудь живого вещества, тѣмъ скорѣе измѣняется, послѣ отдѣленія его отъ цѣлаго, его внутренній составъ.

Идеи эти приводятъ насъ къ одной изъ самыхъ трудныхъ главъ физіологіи,—къ понятію объ индивидуальности, не въ смыслѣ эмпирической психологіи, а въ смыслѣ эмпирическихъ естественныхъ наукъ. Раздѣлимъ, напримѣръ, плоскій глистъ (taenia), вьюнокъ (nais), или кактусъ по длинѣ ихъ, каждый изъ нихъ умираетъ; ни одна изъ ихъ частей не остается живою, каждый измѣняетъ свои составныя части и предается гніенію. Но попробуемъ раздѣлить эти составныя твари въ ширину, по сочлененіямъ, что̀ мы видимъ? Всѣ части ихъ остаются живыми, не разлагаются, сохраняя тотъ же составъ, который они представляли до раздѣленія. Опытъ этотъ не измѣняетъ упомянутаго выше опредѣленія живыхъ и неоживленныхъ веществъ. Онъ показываетъ, что не при каж-

домъ произвольномъ раздѣленіи сохраняется равновѣсіе элементовъ. Гдѣ же, напротивъ, подобное раздѣленіе, мѣшающее измѣненію составныхъ частей, возможно, въ тѣхъ случаяхъ не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ организмомъ сложнымъ; въ такихъ случаяхъ органы сплочены механически. Здѣсь мы имѣемъ критерій для опредѣленія индивидуальности, но критерій далеко неполный. Мы прибѣгаемъ къ опыту, который, если онъ удастся, можетъ служить доказательствомъ сложности организма, но если онъ не удастся, то не служитъ еще доказательствомъ противнаго. Наблюдая за расположеніемъ растеній посредствомъ листьевъ, мы убѣждаемся, что лавровое дерево представляетъ почти такой же аггрегатъ особей, какъ и Cactus. Напротивъ, намъ никакъ не удастся взростить Cerastium изъ отдѣльныхъ листьевъ этого растенія, несмотря на то, что оно и лавровое дерево соединены между собою цѣлою цѣпью сходныхъ типовъ.

Мы остановились на этой части дѣятельности Гумбольдта въ особенности потому, что изложенные здѣсь взгляды его даютъ намъ понятіе объ отношеніи его къ вопросу, который въ послѣднее время занималъ ученый міръ, раздѣлившійся, относительно его, на два лагеря. Одни смотрятъ на жизнь и ея проявленія какъ на непрерывный рядъ химическихъ и физическихъ процессовъ, т.-е. съ той же точки зрѣнія, какъ и Гумбольдтъ въ только-что изложенномъ взглядѣ своемъ, между тѣмъ какъ другіе принимаютъ жизненную силу, которую признавалъ и Гумбольдтъ, но отъ которой, какъ мы видѣли, отказался впослѣдствіи.

Обратимся къ изслѣдованіямъ его о питаніи и дыханіи растеній. Давно уже было распространено мнѣніе, что источниками перваго были почва и вода, но какія части ихъ они воспринимаютъ въ себя,—объ этомъ не было рѣчи. Въ XVII в. врачъ фанъ-Гельмонтъ старается рѣшить этотъ вопросъ. Онъ посадилъ иву въ точно взвѣшенное количество земли, которую черезъ 5 лѣтъ опять взвѣсилъ. Ива выросла значительно, а вѣсъ земли почти не уменьшился. Изъ этого фанъ-Гельмонтъ выводитъ заключеніе, что почва не питаетъ растеній, а служитъ только мѣстомъ прикрѣпленія для нихъ; питаетъ же ихъ исключительно вода, доставляющая имъ всѣ необходимыя составныя части, твердыя и жидкія. Къ этому выводу онъ пришелъ потому, что въ теченіе 5-ти лѣтъ ива его получала извнѣ только воду.

Теорія эта могла держаться до тѣхъ только поръ, пока не было обращено вниманія на дѣйствія удобренія, и различныхъ составныхъ частей почвы, и пока современная химія проповѣдовала, что вода можетъ превратиться въ вещества сгараемыя и твердыя. Когда послѣднее положеніе (что вода заключаетъ ве-

щества твердыя) рушилось, естествоиспытатели (въ особенности Мальпигій, Перро, Маріоттъ и Гринъ) стали утверждать, что питаніе растеній условливается солями, растворенными въ дождевой водѣ и почвѣ, которыя, путемъ любимаго химиками XVII-го вѣка процесса, броженіемъ, превращаются въ составныя части растеній.

Около 1750 г. Бонне замѣтилъ, что листья, положенныя въ свѣжую воду, покрываются днемъ безчисленнымъ множествомъ воздушныхъ пузырьковъ, которые, при наступленіи темноты, опять исчезаютъ. Пузырьки эти не показывались въ отварной водѣ, а равно не видно было ихъ и тогда, когда листья пролежали уже нѣсколько дней въ водѣ. Бонне объяснялъ явленіе это просто тѣмъ, что пузырьки эти — воздухъ, прежде механически заключенный въ клѣтчаткѣ и сосудахъ растеній. Двадцать лѣтъ спустя, Пристлей, воспитывая растенія подъ стеклянымъ колпакомъ, замѣтилъ, что онѣ могутъ очищать нечистый воздухъ, и что онѣ даже гораздо лучше растутъ въ послѣднемъ, чѣмъ въ совершенно чистомъ; онъ нашелъ притомъ, что пузырьки эти заключаютъ въ себѣ совершенно иной газъ, чѣмъ атмосферическій воздухъ, болѣе чистый (по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, болѣе богатый кислородомъ). Такъ какъ здѣсь подъ испорченнымъ воздухомъ понимается такой, который, поддерживая нѣкоторое время горѣніе и дыханіе, становился, наконецъ, къ этому негоднымъ, то это замѣчаніе открывало путь къ уразумѣнію этого процесса. Прингли, въ рѣчи, произнесенной имъ въ ноябрѣ 1773 г., ставитъ уже положеніе, что растенія очищаютъ воздухъ, испорченный дыханіемъ, питаясь имъ, а такъ какъ они сами служатъ пищею для животныхъ, то оба царства природы взаимно себя обусловливаютъ: животныя насыщаютъ воздухъ флогистономъ, растенія же уменьшаютъ его количество въ немъ, питаясь имъ и вмѣстѣ дѣлая воздухъ опять годнымъ для дыханія.

Быстрыя открытія въ области химіи, слѣдовавшія одно за другимъ, въ концѣ истекшаго столѣтія, повели и къ измѣненію понятій о питаніи растеній. Между тѣмъ, какъ прежде предполагали, что соли растеній соединены въ отдѣльныхъ органахъ послѣднихъ, съ гипотетическимъ флогистономъ, теперь поставили положеніе, что углеродъ составляетъ главную составную часть ихъ; что онъ переходитъ въ нихъ изъ атмосферы, въ которой онъ наполняется отъ дыханія животныхъ, вознаграждающихъ этотъ расходъ его путемъ питанія. Такимъ образомъ дыханіе растеній и животныхъ есть не что иное, какъ переходъ углерода изъ одного царства природы въ другое и въ воздухъ.

Ученіе это, принятое съ восторгомъ, вскорѣ нашло противниковъ. Оказалось, что дѣло было не такъ просто, какъ каза-

лось на первый взглядъ. Шееле, повторяя опыты Пристлея съ бобами, получилъ совершенно противуположный результатъ чѣмъ послѣдній. Растенія его выдыхали углеродъ и принимали въ себя кислородъ, между тѣмъ какъ Пристлей утверждалъ противное. Такимъ образомъ, по опытамъ Шееле, вліяніе дыханія растеній на атмосферу оказывалось точно такимъ же, какъ и дыханіе животныхъ. Пристлей повторяетъ свои опыты въ 1778 г. Результатъ ихъ былъ такъ неутѣшителенъ для его теоріи, что онъ готовъ былъ отказаться отъ нея. Въ это время Ингенгузъ находитъ причину противорѣчій; онъ обратилъ вниманіе на обстоятельство, упущенное изъ виду обоими учеными, именно на громадное вліяніе, оказываемое при этомъ процессѣ, свѣтомъ. При вліяніи его зеленыя части растеній выдыхаютъ кислородъ, и вдыхаютъ углекислоту, какъ утверждаетъ Пристлей, а въ темнотѣ происходитъ противное, какъ нашелъ Шееле. Незеленыя части растеній, по наблюденіямъ Ингенгуза, вдыхаютъ постоянно кислородъ и выдыхаютъ углекислоту. Окончательный результатъ процесса зависитъ отъ того, которая часть его значительнѣе. Если растенія вдыхаютъ болѣе углекислоты (состоящей, какъ извѣстно, изъ углерода и кислорода), чѣмъ выдыхаютъ, то онѣ удержатъ часть ея; при выдыханіи кислорода, углекислота разлагается на составныя части, углеродъ, составляя часть растеній, накопляется въ нихъ, чѣмъ и обусловливается ихъ ростъ. Противуположныя явленія приводятъ и къ противуположному результату.

Если растенія воспринимаютъ углекислоту изъ воздуха, то послѣдній долженъ содержать въ себѣ достаточное количество ея. Лавуазье не отыскалъ однако ея въ атмосферѣ; но позднѣйшіе изслѣдователи доказали, что количество ея въ атмосферѣ очень незначительно, такъ, что нѣкоторые предполагали, что углеродъ растеній отлагается въ нихъ изъ воды, которую онѣ принимаютъ въ себя, другіе же прибѣгали къ тому объясненію, что углеродъ ихъ получается ими изъ почвы.

Въ такомъ положеніи находился этотъ вопросъ, когда Гумбольдтъ издалъ свои «Афоризмы». Изъ того обстоятельства, что углеродъ, водородъ и кислородъ, суть составныя части растеній, онъ заключаетъ, что эти же элементы составляютъ и пищу ихъ. Онъ полагаетъ, что вода и углекислота разлагаются на свои составныя части пока растительное тѣло живетъ, причемъ большая часть ихъ отлагается въ сосудахъ, между тѣмъ какъ остальная, меньшая, испаряется наружу путемъ листьевъ и корней. При этомъ онъ вооружается противъ мнѣнія, что углеродъ растеній происходитъ изъ воды; онъ показываетъ, что количество его, выдѣляемое дыханіемъ людей и животныхъ, а также про-

исходящее отъ постояннаго горѣнія каменноугольныхъ залежей, совершенно достаточно для питанія растеній. Если же въ воздухѣ находится недостаточное, повидимому, количество его, то это обусловливается живостью процесса вдыханія углерода растеніями, оставляющими его только небольшое количество свободнымъ въ атмосферѣ. Послѣдняя содержитъ, смотря по мѣстности и погодѣ, отъ $^1/_{64}$ до $^1/_{10}$ углекислоты, которая, вслѣдствіе значительной тяжести своей, опускается на поверхность земли, гдѣ она, въ соединеніи съ водою, проникаетъ въ растенія. Кромѣ того ростъ растеній обусловливается углеродомъ; чѣмъ сильнѣе потребность растенія въ немъ, тѣмъ медленнѣе оно растетъ. Углекислота, найденная Соссюромъ на вершинахъ Альпъ, по мнѣнію Гумбольдта, была растворена въ водяныхъ парахъ, вмѣстѣ съ которыми она и поднялась на верхъ.

Замѣчателенъ взглядъ его на воспринятіе растеніями солей. Не находя ихъ въ нѣкоторыхъ растеніяхъ (напр. въ Byssus, Octospora, Peziza), онъ не рѣшался относить солей къ необходимымъ средствамъ питанія всѣхъ растеній, но считаетъ ихъ все-таки настоящею пищею большинства растеній. Замѣчаніе это было забыто, но гораздо позднѣе развито было далѣе Либихомъ, который поставилъ правиломъ, что различныя растенія нуждаются въ различномъ количествѣ тѣхъ или другихъ неорганическихъ веществъ. На этомъ Либихъ построилъ свою теорію о вліяніи различныхъ почвъ на растенія. Начало ея высказано было уже Гумбольдтомъ. Такъ, онъ говоритъ: для растенія (напр. Chara), въ которомъ мы постоянно находимъ известь, послѣдняя такъ необходима, какъ углеродъ или водородъ. Между существенными частями нѣтъ іерархіи, или табели о рангахъ. Съ пророческимъ провидѣніемъ онъ предсказываетъ, что съ развитіемъ химіи мы узнаемъ вліяніе нѣкоторыхъ элементовъ, которые теперь стоятъ какъ будто изолированными въ ряду другихъ.

Не менѣе интересны опыты Гумбольдта надъ низшими растительными организмами—грибами. Онъ доказалъ, что они представляютъ замѣчательную противоположность съ высшими, именно: они выдыхаютъ изъ себя не кислородъ, а водородъ, слѣд. разлагаютъ принимаемую ими воду на ея составныя части, изъ которыхъ они удерживаютъ только одну — кислородъ, а равно принимаютъ углеродъ изъ углекислоты.

Къ веществамъ, отдѣляемымъ растеніями, Гумбольдтъ относитъ, кромѣ газовъ, водяныя испаренія, слизь и эѳирныя масла. Послѣднія обусловливаютъ запахъ многихъ растеній. Исходя изъ корешковъ, по преимуществу ночью, масла эти дѣйствуютъ нерѣдко вредно на окружающія ихъ другія растенія, чѣмъ объяс-

няется наблюденіе, что по сосѣдству съ такими растеніями не растутъ другія, и они встрѣчаются совершенно изолированными.

Противъ этой теоріи выдѣленій изъ растеній, путемъ корней, какъ утверждалъ Гумбольдтъ, справедливо возражали, что еслибы она была справедлива, то мы должны бы найти въ почвѣ, на которой стоитъ какое-нибудь дерево въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, замѣтное количество этихъ выдѣленій. Опытъ однако этого не подтверждаетъ. Обстоятельство же, что въ сосѣдствѣ нѣкоторыхъ растеній не растутъ другія, можно просто объяснить тѣмъ, что корни первыхъ, распространяясь, потребили всѣ питательныя вещества, необходимыя для послѣднихъ, или тѣмъ, что послѣднія лишены, въ тѣни первыхъ, необходимаго свѣта.

Упомянемъ вкратцѣ объ изслѣдованіяхъ Гумбольдта надъ химическимъ составомъ воздуха.

Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, до самаго конца XVIII-го вѣка, взглядъ на составъ окружающей насъ атмосферы отличался не многимъ отъ очень поверхностнаго взгляда древнихъ на этотъ предметъ. Пристлей, во время занятій своихъ, о которыхъ мы упоминали выше, замѣтилъ, что посредствомъ дыханія $1/5$ часть воздуха измѣняется въ другой газъ (углекислоту, которую онъ называлъ «неизмѣннымъ воздухомъ»), поглощаемый известковою водою, и что остающійся затѣмъ остатокъ атмосфернаго воздуха негоденъ для дыханія, и не въ состояніи поддерживать горѣнія. Изслѣдуя свойства исчезающаго при дыханіи воздуха, Пристлей добылъ его изъ окиси ртути, и нашелъ, что всѣ вещества сгараютъ въ немъ гораздо живѣе, нежели въ обыкновенной атмосферѣ. Съ 1775 года онъ защищаетъ положеніе, что этотъ газъ только и поддерживаетъ дыханіе и горѣніе; что онъ и есть чистый, свободный отъ флогистона, слѣдовательно, какъ выражались тогда, дефлогистированный воздухъ, и что онъ смѣшанъ въ атмосферномъ воздухѣ съ другимъ, который онъ называетъ флогистированнымъ. Здѣсь, значитъ, впервые встрѣчаемъ положеніе, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ двухъ, совершенно противоположныхъ газовъ, состоящихъ другъ къ другу въ отношеніи 1:4, по объему. Именемъ флогистона называлось, въ господствовавшей тогда теоріи Сталя, невѣсомое вещество, которое входитъ въ составъ всѣхъ сгараемыхъ тѣлъ и улетучивается при ихъ горѣніи. Слѣдовательно, по этой теоріи, тѣло не сгорѣвшее было соединеніемъ этого флогистона съ тѣмъ, что̀ оставалось послѣ горѣнія, золой. Воздухъ, по преимуществу способный облегчать выходъ флогистона, долженъ былъ, при сгараніи какого-нибудь тѣла,

самъ заключать немного этого флогистона, чтобы имѣть возможность больше воспринять его, слѣдовательно, онъ былъ дефлогистированнымъ, между тѣмъ какъ воздухъ, не поддерживающій горѣнія, былъ флогистированъ.

Къ подобнымъ результатамъ пришелъ, почти одновременно съ Пристлеемъ, и другой химикъ Шилэ, хотя совершенно инымъ путемъ.

Хотя оба ученые были приверженцами флогистической теоріи, но они же подготовили ея паденіе. Лавуазье строитъ противоположную ей теорію, антифлогистическую, не признающую флогистона, или принципа сгараемости, который, и при сгараніи, не улетучивается. Напротивъ, то, что́ Пристлей называлъ дефлогистированнымъ воздухомъ, есть простой элементъ, тѣло не разлагаемое далѣе извѣстными доселѣ средствами, принимающее, вмѣстѣ съ теплородомъ, газообразный видъ, однимъ словомъ, это — кислородъ, открытіе котораго обусловило всѣ послѣдующіе успѣхи химіи со временъ Лавуазье. По ученію его, горѣніе не есть, какъ учили его предшественники, отдѣленіе двухъ тѣлъ — флогистона отъ остатка, но напротивъ, соединеніе двухъ тѣлъ, кислорода съ горящимъ тѣломъ. Понятно, что новое ученіе, такъ діаметрально противоположное прежнему, вызвало жаркіе споры между такъ называемыми флогистиками и антифлогистиками; споры кончились побѣдою послѣднихъ и признаніемъ, что другая часть атмосфернаго воздуха, не поддерживающая горѣнія, и носившая прежде названіе флогистированнаго воздуха, есть самостоятельный химическій элементъ — азотъ.

Вслѣдъ за рѣшеніемъ главнаго спорнаго пункта, слѣдовало рѣшить другой, — въ какомъ количественномъ отношеніи обѣ составныя части атмосфернаго воздуха находятся другъ къ другу? Подобное опредѣленіе извѣстно въ химіи подъ именемъ эвдіометріи. Результаты, добытые, въ концѣ XVIII-го вѣка, разными химиками насчетъ количественнаго состава воздуха, не согласовались между собою. Шилэ принималъ, что воздухъ содержитъ 27% кислорода (по объему); Лавуазье — $^1/_4$, потомъ $^1/_5$ объема его, допуская еще разныя колебанія противъ этой нормы. Кэвендишъ не признавалъ вообще никакихъ колебаній, утверждая, что кислородъ занимаетъ всегда въ воздухѣ 20,84 процентовъ, по объему.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ, когда Гумбольдтъ, съ самаго появленія антифлогистической теоріи, ставшій подъ ея знамя, принялъ участіе въ спорѣ, волновавшемъ современныхъ химиковъ.

Методъ, къ которому Гумбольдтъ обратился, состоялъ въ

введеніи окиси азота въ изслѣдуемый атмосферный воздухъ. При этомъ окись эта, соединяясь съ кислородомъ анализируемаго воздуха, образуетъ болѣе высокое соединеніе азота, чѣмъ прежнее, азотистую кислоту, которая, при присутствіи воды, разлагается опять на азотную кислоту, самое высшее соединеніе кислорода съ азотомъ, растворяющееся въ водѣ, и на окись азота. Такимъ образомъ, при этомъ процессѣ кислородъ, находящійся въ изслѣдуемомъ воздухѣ, расходуется на образованіе азотной кислоты. Чѣмъ больше ея образовалось, тѣмъ больше, значитъ, было въ этомъ воздухѣ кислорода, но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣмъ болѣе исчезнетъ воздуха изъ сосуда, его заключавшаго, ибо кислородъ, равно какъ и часть окиси азота, исчезли, и изъ количества исчезнувшихъ газовъ мы можемъ заключить о большемъ количествѣ кислорода, если мы изъ предварительныхъ опытовъ съ газами извѣстнаго процентнаго содержанія кислорода знаемъ, сколько частей исчезнувшаго воздуха мы вправѣ отнести на счетъ кислорода, и сколько на счетъ окиси азота.

Опыты этого рода производятся обыкновенно въ цилиндрѣ, который наполненъ изслѣдуемымъ воздухомъ, и одинъ конецъ котораго герметически закрытъ, а другой конецъ опущенъ подъ ртуть. Дѣленія, находящіяся на стѣнкахъ этого стекляннаго колпака, позволяютъ непосредственно учитывать количество исчезающаго воздуха, или вѣрнѣе, составной части его. Понятно, что при этомъ необходимо обратить вниманіе на окружающую температуру и состояніе барометра, такъ какъ этими двумя факторами тоже обусловливается пространство, занимаемое въ стеклянномъ колпакѣ воздухомъ; чистота употребленной окиси азота, ея растворимость и разлагаемость въ водѣ, ширина употребленнаго цилиндра или колпака,—все это также оказываетъ вліяніе на исчезновеніе газовъ и на самое вычисленіе.

Опредѣленіемъ всѣхъ этихъ вліяній на результатъ опытовъ, Гумбольдтъ занялся прежде, чѣмъ обратился къ нимъ самимъ. Мы не имѣемъ возможности слѣдить здѣсь за подробностями его изслѣдованій, и если, въ бѣгломъ очеркѣ, указываемъ на методъ ихъ и главные выводы, то дѣлаемъ это только съ цѣлью указать, чѣмъ обязана современная наука Гумбольдту, и по какому тернистому пути приходится идти служителямъ ея, чтобы добывать результаты, пользоваться которыми рѣже всего приходится самому труженику; общество же, наслаждающееся ими, въ большей части случаевъ, не знаетъ не только о трудахъ и лишеніяхъ своихъ благодѣтелей, но не знаетъ зачастую даже и имени ихъ.

Изслѣдованія Гумбольдта привели его къ тому результату, что объемъ воздуха, исчезнувшаго изъ-подъ эвдіометра (стеклян-

наго колпака), послѣ введенія въ него окиси азота, раздѣленный на 3,55, дастъ количество прежде заключавшагося въ немъ кислорода.

Кромѣ изложеннаго выше способа измѣрять содержаніе кислорода въ атмосферномъ воздухѣ, существуютъ еще другіе. Одинъ изъ нихъ, такъ-называемый эвдіометрическій, при посредствѣ фосфора, основанный на опредѣленіи количества кислорода посредствомъ измѣненія убыли его при сгараніи фосфора въ воздухѣ извѣстнаго объема, Гумбольдтъ тоже употреблялъ для контроля результатовъ, добытыхъ первымъ методомъ. При этомъ оказалось, что результаты обоихъ методовъ не согласовались вполнѣ; величины, даваемыя первымъ методомъ, были значительнѣе даваемыхъ послѣднимъ. Изслѣдуя причины этого, Гумбольдтъ открылъ, что фосфоръ есть очень ненадежное средство для эвдіометрическихъ цѣлей, такъ какъ онъ не поглощаетъ всего кислорода воздуха.

Окружающая насъ атмосфера заключаетъ, кромѣ кислорода и азота, еще газъ, извѣстный подъ именемъ углекислоты, соединенія углерода съ кислородомъ. Источники происхожденія ея очень разнообразны: вулканы, минеральные ключи, процессъ сгаранія, дыханіе, броженіе и проч. Несмотря на необыкновенно важную роль, которую играетъ этотъ газъ въ экономіи природы, онъ былъ такъ мало изслѣдованъ, что до конца XVIII-го в. ему давали различныя наименованія, смотря по источнику его происхожденія, хотя въ сущности это была одна и таже углекислота. Какъ только опредѣленіе его химическаго состава было сдѣлано геніальнымъ Лавуазье, ученые стали изслѣдовать его количественно, что́ было не легко, такъ какъ присутствіе этого газа въ атмосферѣ, при нормальныхъ условіяхъ ея, весьма незначительно. И Гумбольдтъ, при помощи особеннаго, имъ изобрѣтеннаго аппарата (антракометра), дѣлалъ обширные опыты и изслѣдованія. Но человѣку, съ его складомъ ума, было недостаточно рѣшать детальные вопросы; онъ никогда не упускалъ изъ виду общихъ взглядовъ, для которыхъ первые были только вспомогательнымъ средствомъ, и искалъ примѣненія ихъ къ разнымъ частямъ естествознанія. Вотъ, напримѣръ, какими задачами онъ задался при своихъ изслѣдованіяхъ надъ углекислотой: каково обыкновенное количество ея въ атмосферѣ, каковы maximum и minimum ея? Не больше ли оно въ тепломъ поясѣ, нежели въ умѣренномъ и въ холодномъ? Не уменьшается ли количество углекислоты въ зимніе мѣсяцы противъ лѣтнихъ? на горахъ въ сравненіи съ равнинами? Нѣтъ ли отличій, относительно содержанія ея, въ воздухѣ ночью и днемъ? въ открытомъ морѣ и въ лѣсахъ? Всѣ эти вопросы были впервые по-

ставлены Гумбольдтомъ и надъ рѣшеніемъ ихъ онъ трудился многіе годы. Разсмотрѣвъ источники углекислоты въ воздухѣ Гумбольдтъ переходитъ къ изслѣдованію ея количества и распространенія. Maximum перваго, по его опытамъ, доходитъ до 1,8, minimum 0,5 процентовъ; среднимъ числомъ изъ многихъ опытовъ — 1,5%. Послѣднее, т.-е. распространеніе углекислоты, найденной Соссюромъ даже на Монбланѣ, заставляетъ Гумбольдта утверждать, что она вовсе не случайная составная часть воздуха, но нормально въ немъ встрѣчающаяся, вслѣдствіе своего химическаго притяженія къ кислороду подымающаяся на такія высоты, до которыхъ она, безъ этого предположенія, не могла бы подняться вслѣдствіе своей тяжести. Такъ какъ, говоритъ онъ, составныя части воздуха—кислородъ, азотъ и углекислота — представляютъ различную плотность, то, судя по аналогіи капельно-жидкихъ тѣлъ, эти три газа должны бы занимать въ атмосферѣ разные слои: внизу — должна бы находиться углекислота, надъ ней—кислородъ, а надъ ними—азотъ, между тѣмъ какъ мы видимъ противное: всѣ три газа представляютъ смѣсь. Явленіе это, загадочное въ то время, когда Гумбольдтъ дѣлалъ свои опыты, объяснено теперь Дальтономъ (именемъ котораго открытый имъ законъ и названъ въ наукѣ). Дальтонъ доказалъ, что газы, находящіеся въ извѣстномъ пространствѣ, наполняютъ его какъ будто оно заключаетъ не смѣсь ихъ, а каждый отдѣльно. Такъ, каждый газъ, по закону Дальтона, образуетъ особую атмосферу, которая проникнута атмосферами другихъ газовъ, заключенныхъ въ одномъ съ нимъ пространствѣ. Поэтому мѣсто, освободившееся въ смѣси газовъ отъ удаленія одного изъ нихъ, играетъ роль пустого пространства, занимаемаго оставшимися газами, возстановляющими прежнее отношеніе смѣси. Незнакомый съ этимъ закономъ, Гумбольдтъ объяснялъ присутствіе углекислоты на значительныхъ высотахъ химическимъ притяженіемъ между собою составныхъ частей воздуха. Этимъ же предположеніемъ онъ объяснялъ и присутствіемъ водяныхъ паровъ въ высшихъ слояхъ атмосферы. Впрочемъ, онъ не предполагалъ притяженія этого неизмѣннымъ, и даже не считалъ его такъ значительнымъ, чтобы оно могло исключить возможность различнаго состава воздуха въ близко другъ другу лежащихъ мѣстностяхъ. Онъ приписывалъ степень этихъ измѣненій количеству водяныхъ паровъ, находящихся въ воздухѣ, и первый обратилъ вниманіе на необходимость, при опредѣленіи количества углекислоты, обращать вниманіе на многія постороннія обстоятельства, казавшіяся прежнимъ изслѣдователямъ совершенно безразличными. Что количество находящейся въ воз-

духѣ углекислоты найдено имъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ принимаемое въ настоящее время, это объясняется тѣмъ, что тогда не умѣли такъ хорошо, какъ теперь, освободить воздухъ отъ водяныхъ паровъ, и кромѣ того, какъ Гумбольдтъ, такъ и другіе его современники, тоже нашедшіе слишкомъ высокія цифры для углекислоты въ воздухѣ, анализировали черезъчуръ небольшія количества воздуха, которыя не могутъ дать вѣрныхъ результатовъ.

И опредѣленіе количества кислорода, сдѣланное Гумбольдтомъ, оказалось выше (26 — 27%), чѣмъ найдено впослѣдствіи. Причиной этой невѣрности былъ методъ, именно употребленіе окиси азота для эвдіометрическихъ анализовъ.

Объясненіе происхожденія свѣта при химическихъ процессахъ также сильно занимало ученыхъ того времени. Гумбольдтъ опровергъ общераспространенное тогда мнѣніе, что свѣтъ замѣтенъ только при соединеніи съ кислородомъ. По этому поводу онъ выражаетъ убѣжденіе, что явленія свѣта и теплоты не обусловлены существованіемъ опредѣленныхъ матеріальныхъ субстратовъ, а что онѣ представляютъ собою преходящее состояніе матеріи, мнѣніе, которое послѣдующія изслѣдованія совершенно оправдали.

Гумбольдтъ, познакомившійся, во время своей практической дѣятельности, на дѣлѣ съ опасностями, которымъ подвержены рудокопы, не могъ, по характеру своему, не обратить вниманія на средства устраненія ихъ. Между этими опасностями подземные газы играютъ чуть ли не самую важную роль. Изученіе этого вопроса разрослось, подъ руками Губмольдта, въ новую отрасль естествознанія, до него не существовавшую—въ подземную метеорологію. Первымъ шагомъ его на этомъ пути было изслѣдованіе мѣстностей. Вопросъ этотъ важенъ уже потому, что мѣстность обусловливаетъ самый химическій составъ подземнаго воздуха. Онъ будетъ совершенно различенъ, смотря по тому, находится ли онъ въ сообщеніи съ наружнымъ, или нѣтъ.

Не смотря на то, что изслѣдованія, при помощи маятника, показали, что внутренность земного шара не только не пуста, но даже имѣетъ значительную плотность, ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что всѣ горныя породы, въ особенности вулканическія, представляютъ различной величины пустыя пространства, наполненныя газами, которые очень отличны, по своему химическому составу, отъ внѣшняго воздуха. Наткнувшись на такую пещеру, работники, сдѣлавъ въ ней отверстіе, бываютъ вдругъ погружены въ атмосферу газовъ, неспособныхъ для поддержанія дыханія. Какія колоссальныя несчастія происходятъ отъ подоб-

ныхъ случайностей, мы имѣемъ случай, къ сожалѣнію, слышать очень часто. Такъ какъ рудокопъ изрѣдка только встрѣчаетъ на своемъ пути описанныя пещеры, то онѣ имѣютъ второстепенное значеніе; первое же мѣсто занимаютъ, безспорно, углубленія, производимыя искусственно при самыхъ горныхъ разработкахъ.

Общераспространенное мнѣніе, что газы этихъ углубленій тѣмъ опаснѣе и вреднѣе для рудокопа, чѣмъ глубже находится штольня, совершенно невѣрно. Не глубина ея, а мѣстныя условія, на которыя указалъ Гумбольдтъ,—перемѣна воздуха, укрѣпленіе шахты, вывѣтриваніе породъ, количество воды, въ нихъ заключающейся, открытыя щели, изъ которыхъ выходятъ газы,— вотъ тѣ мѣстныя обстоятельства, которыя играютъ здѣсь главную роль. На отсутствіе солнечнаго свѣта, электрическія условія, степень влаги, Гумбольдтъ также обратилъ вниманіе, но оказалось, что условія эти не играютъ главной роли. Температура въ шахтахъ умѣреннаго пояса отличается не многимъ отъ средней температуры наружнаго воздуха; встрѣчающіяся же уклоненія отъ нея объусловливаются наружными вліяніями. Гумбольдтъ не признавалъ мнѣнія, по которому, по мѣрѣ углубленія внутрь земного шара, температура его увеличивается въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ нѣкоторые утверждали. Этотъ взглядъ Гумбольдта объясняется тѣмъ, что онъ былъ тогда послѣдователемъ нептунической теоріи, не признававшей такъ-называемаго центральнаго огня. Извѣстно, что еще древніе защищали теорію противоположную, унаслѣдованную впослѣдствіи и вулканистами, между которыми, въ особенности Бюффонъ, развилъ ученіе о центральномъ огнѣ. Онъ утверждалъ, что земной шаръ есть не что иное, какъ частица солнца, которая оторвалась отъ него, и была прежде въ расплавленномъ состояніи. Охлаждаясь она образовала земную кору, которая, отъ неравномѣрнаго сокращенія, выдвинула горы и образовала долины. Не допуская тогда вулканической теоріи, Гумбольдтъ не признавалъ и слѣдствій ея — центральнаго огня, объясняя неподлежащее сомнѣнію возвышеніе температуры, по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли къ центру ея, химическими процессами, отдѣляющими теплоту.

Изслѣдуя химическій составъ воздуха въ рудникахъ, Гумбольдтъ нашелъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ ничѣмъ почти не отличается отъ наружнаго; въ большей же части случаевъ представляетъ значительныя уклоненія. Къ обстоятельствамъ, вліяющимъ на нихъ, онъ относитъ: разложеніе породъ, не заключающихъ рудъ, ископаемыя, заключающія углеродъ, подземныя растенія, стоячую воду, разведеніе огня, взрывы, дыханіе лю-

дей, освѣщеніе. Не заключающія рудъ породы, вывѣтриваясь, отдѣляютъ содержащіеся внутри ихъ газы, въ особенности азотъ; нерѣдко, напримѣръ каменноугольныя копи выдѣляютъ изъ себя углеводородъ, который соединяется съ кислородомъ воздуха, и дѣлаетъ его неспособнымъ для дыханія, или, при соприкосновеніи съ воздухомъ и огнемъ, производитъ взрывы, такъ опасные для рудокоповъ.

Изучивъ причины этихъ вредныхъ явленій, Гумбольдтъ пытается найти средства ихъ отклонить, или по крайней мѣрѣ ослабить. Средства, бывшія до того въ употребленіи, оказывались через чуръ сложными и дорогими. Такъ, штольни, устроенныя съ спеціальною цѣлью возобновлять воздухъ посредствомъ тяги, притока свѣжей воды, мѣховъ, накачиванія въ рудники кислорода, и т. п. оказывались непомѣрно дорогими. Притомъ Гумбольдтъ, во время своей практики, убѣдился въ необходимости отдѣлить аппараты, назначенные для проведенія годнаго для дыханія воздуха, отъ аппаратовъ, предназначенныхъ для поддержанія горѣнія лампъ, а не тщетно стараться удовлетворить обоимъ требованіямъ однимъ аппаратомъ. Къ этому побуждало его наблюденіе, что одинъ газъ гаситъ только лампы, не вредя дыханію, между тѣмъ какъ другой гаситъ лампы и производитъ удушье. Желая устранить первое неудобство Гумбольдтъ придумалъ особую лампу, теперь, правда, забытую и вытѣсненную лампою Деви, но онѣ восполняютъ другъ друга, ибо первая оказываетъ существенныя услуги въ рудникахъ, наполненныхъ газами, гасящими огонь, вторая же—тамъ, гдѣ развивается гремучій газъ. Такимъ образомъ, забвеніе это не можетъ быть ничѣмъ оправдано, и въ интересѣ рудокоповъ слѣдовало бы употреблять лампу Гумбольдта въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ кислородомъ, а тамъ, гдѣ газы, при соприкосновеніи съ огнемъ, воспламеняются и производятъ взрывъ—лампу Деви.

Аппаратъ, придуманный Гумбольдтомъ для охраненія работниковъ противъ удушья, хотя и основанный на вѣрномъ физіологическомъ разсчетѣ потребностей дыханія, также вышелъ изъ употребленія.

А. С......кій.

Утрехтъ.

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ
ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

IV. Карамзинъ. Записка «о древней и новой Россіи» *).

Начиная говорить о Карамзинѣ, мы невольно вспоминаемъ слова, сказанныя о немъ Бѣлинскимъ:

«....Вотъ имя,—говорилъ Бѣлинскій,—за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружій?... И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», призываютъ «молиться на могилѣ Карамзина» и «шептать его святое имя»; а съ другой слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, непонимающихъ другъ друга!...

«Карамзинъ... mais je reviens toujours à mes moutons...,— продолжаетъ Бѣлинскій. Знаете ли, чтó наиболѣе вредило, вредитъ и, какъ кажется, еще долго будетъ вредить распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ и усовершенствованію вкуса? Литературное идолопоклонство! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа, и ни мало ни заботимся о томъ, чтобы

*) См. выше: февр. 722; апр. 648; іюнь 645 стр.

справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Что дѣлать! Слѣпой фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествующихъ обществъ.... Да—много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетикъ, не только что авторитетъ: развѣ пріятно вамъ будетъ, когда васъ во всеуслышаніе ославятъ ненавистникомъ отечества, завистникомъ таланта, бездушнымъ зоиломъ... И кто же? Люди, почти безграмотные, невѣжды, ожесточенные противъ успѣховъ ума, упрямо держащіеся за свою раковинную скорлупку, когда все вокругъ нихъ идетъ, бѣжитъ, летитъ! И не правы ли они въ семъ случаѣ? Чего остается имъ ожидать для себя, когда они слышатъ, что Карамзинъ не художникъ, не геній и другія подобныя безбожныя мнѣнія?»[1])

Прошло почти сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, и они остаются однако въ общемъ смыслѣ вѣрны. До сихъ поръ, если заходитъ рѣчь о Карамзинѣ, онъ вызываетъ весьма различныя мнѣнія: съ одной стороны, насъ «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны» все еще приглашаютъ «шептать святое имя», съ другой точно также слушаютъ эти призывы недовѣрчиво и насмѣшливо. Борьба поколѣній продолжается; они все еще не понимаютъ другъ друга.

Это довольно понятно. Карамзинъ былъ въ литературѣ однимъ изъ очень крупныхъ людей, и борьба мнѣній литературныхъ и общественныхъ естественно захватывала и Карамзина, который былъ въ свое время представителемъ цѣлаго направленія. Но споръ о значеніи Карамзина ведется уже съ другихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ въ тѣ времена, о которыхъ говорилъ Бѣлинскій. Теперь не спорятъ о «старомъ» и «новомъ слогѣ», о красотахъ «Бѣдной Лизы», о научномъ достоинствѣ «Исторіи Государства Россійскаго», о которыхъ спорили при появленіи сочиненій Карамзина и еще не кончили спорить, когда началъ писать Бѣлинскій. Чисто литературная сторона дѣла отступаетъ на второй планъ: она разъяснена, или потеряла интересъ; взамѣнъ ея критика старается опредѣлить общее содержаніе понятій Карамзина, въ особенности его общественныя понятія, въ которыхъ, конечно, всего яснѣе окажется его историческое значеніе, какъ дѣятеля общественной жизни.

Современники восхищались въ сочиненіяхъ Карамзина новымъ легкимъ стилемъ, трогались его сентиментальностью, которая—худо ли, хорошо ли—сообщала или дѣлала имъ доступными извѣст-

---

[1]) Соч. I, 60—62. Писано въ 1834 году.

ныя гуманныя идеи, но не думали доискиваться глубокихъ корней его образа мыслей; крайняя партія литературныхъ старовѣровъ возстала-было противъ нововведеній его въ языкѣ и предполагавшагося французскаго вольнодумства, — но ея нападенія уже вскорѣ оказались неосновательными; въ «Исторіи» современники изумлялись потомъ произведенію дѣйствительно еще невиданному, его ученымъ и литературнымъ достоинствамъ, но опять мало отдавали себѣ отчетъ въ цѣломъ ея направленіи [1]). Только немногіе представители новой школы, какъ увидимъ послѣ, прилагали къ ней тогда эту болѣе широкую критику. Большинство восхищалось безусловно и не мудрствуя лукаво. Въ первомъ періодѣ дѣятельности Карамзина, до выхода въ свѣтъ «Исторіи», этого вопроса объ его общественномъ направленіи и вовсе не было: во-первыхъ, оно не достаточно сильно высказывалось въ печатныхъ сочиненіяхъ; во-вторыхъ, и публика еще мало задавалась этими вопросами, и развѣ только упомянутые старовѣры заподозрѣвали Карамзина въ вольнодумствѣ.

Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что то сочиненіе Карамзина, въ которомъ всего ярче выразились его общественныя понятія и гдѣ онъ непосредственно говоритъ о внутреннихъ политическихъ вопросахъ своего времени, осталось—точно также, какъ изложенный нами планъ Сперанскаго — повидимому совершенно неизвѣстно современникамъ. Два эти произведенія, представляющія собой два противоположные полюса тогдашнихъ понятій и выражавшія ихъ наиболѣе яснымъ и открытымъ образомъ, остались для публики секретомъ, столь великимъ, что дѣйствіе его длится и до нашего времени. «Планъ» Сперанскаго и записка «О древней и новой Россіи» до сей поры не были, т.-е. *не могли* быть напечатаны въ Россіи, какъ это ни странно въ особенности относительно сочиненія Карамзина [2]). Оба произведенія, какъ на-

---

[1]) Въ письмѣ объ «Исторіи» Карамзина, Сперанскій, который долженъ былъ хорошо ее понимать, считаетъ, что тогда не время (т. е. безполезно) было бы доискиваться этого. Онъ очень хвалитъ книгу, и замѣчаетъ только: «Есть точка зрѣнія, съ коей можно *совсѣмъ иначе* и, можетъ быть, *справедливѣе* смотрѣть на нашу исторію и написать ее, но сей видъ должно *предоставить потомству* и будущимъ томамъ». (Р. Арх. 1869, стр. 920). Это писано было въ мартѣ 1818. Понятно, что и въ «будущихъ томахъ» Карамзинъ не могъ дойти до точки зрѣнія, о которой говорилъ Сперанскій.

[2]) Понятно изъ этого, что мы все еще должны считать «Записку» Карамзина не вполнѣ извѣстной. Отрывки ея въ первый разъ напечатаны были въ «Современникѣ» 1837 г., т. V, стр. 89 — 112; потомъ, нѣсколько полнѣе въ Эйнерлинговомъ изданіи Исторіи Госуд. Росс. III, стр. XXXIX — XLVII. Затѣмъ содержаніе ея изложено было въ статьѣ г. Лонгинова о Сперанскомъ, Р. Вѣстн. 1859, № 20, стр. 535—547, и отдѣльныя части приведены въ «Жизни Сперанскаго», бар.

рочно, писаны были въ одно и тоже время (1810—1811); авторы защищали два совершенно различные взгляда, и такимъ образомъ, сражаясь между собою, оба не знали одинъ о другомъ. Оба автора одинаково не имѣли въ виду другихъ читателей, кромѣ императора. Только здѣсь, въ этомъ центрѣ сходились принципы, выражавшіе собой стремленія общества, однѣ — зарождавшіяся, другія—господствовавшія въ житейской рутинѣ.

Эта внѣшняя судьба двухъ произведеній очень характеристична. Общественному мнѣнію, до тѣхъ поръ совершенно безгласному и едва существовавшему какимъ-то темнымъ образомъ, только-что дана была первая возможность высказаться, столь ограниченная, что выслушалъ его только одинъ императоръ. Люди, которые представляли собой двѣ стороны общественнаго мнѣнія, оба были люди замѣчательные, каждый въ своей сферѣ, а потому ихъ мнѣнія особенно исключали одно другое. Естественно, что если бы поставленные ими вопросы были хоть до нѣкоторой степени доступны для взаимной критики обѣихъ сторонъ, эти вопросы нашли бы себѣ какое-нибудь разъясненіе. Но этого не случилось: вся практика жизни не допускала еще ничего подобнаго. Императоръ Александръ хотѣлъ одинъ быть рѣшителемъ основнаго вопроса общества и народа,—и не рѣшилъ его: все время своего правленія онъ колебался между двумя дорогами—и не могъ одолѣть задачи. Между тѣмъ задача дѣйствительно стояла; высказавшіяся мнѣнія представляли собой два направленія, дѣйствительно существовавшія въ обществѣ, и нерѣшенный вопросъ стала разъяснять сама жизнь—тѣмъ сложнымъ и труднымъ процессомъ, которымъ она наперекоръ препятствіямъ достигаетъ своихъ цѣлей.

Теперь гораздо яснѣе обнаруживается общественное значеніе Карамзина, чѣмъ то было для современныхъ ему критиковъ. Съ одной стороны становятся извѣстны матеріалы, исторически характеризующіе его личность и для нихъ неизвѣстные; съ другой понятія, которыя онъ защищалъ, имѣли свою исторію въ дальнѣйшемъ общественномъ движеніи. Борьба понятій, которая шла въ его время, правда, и теперь еще не кончилась, но съ той поры она уже прошла нѣсколько періодовъ, и сама исторія дала

Корфа, 1861. Рукопись «Записки», хранящаяся въ П. Библіотекѣ, вѣроятно не закрыта для желающихъ познакомиться съ нею; наконецъ, инымъ вѣроятно извѣстно заграничное изданіе ея (хотя не безошибочное): «О древней и новой Россіи» и проч. (вмѣстѣ съ запиской о Польшѣ, 1819), Берлинъ, Шнейдеръ, 1861; 160 стр. Но у насъ до сихъ поръ нѣтъ цѣлаго изданія, доступнаго для всѣхъ. Прибавимъ еще, что значительная часть ея, во французскомъ переводѣ, помѣщена въ книгѣ г. Тургенева, «La Russie et les Russes» (также съ запиской о Польшѣ), т. I, стр. 469—517.

намъ ясно видѣть, къ чему вела точка зрѣнія Карамзина и къ чему дѣйствительно она приводитъ въ настоящее время, — что̀ значили собственно его идеи и кто поклонникъ этихъ идей въ настоящую минуту.

Между прочимъ это отчасти высказалось въ недавно отпразднованномъ юбилеѣ рожденія Карамзина (1 декабря 1866). Юбилейная литература, въ особенности расплодившаяся у насъ въ послѣднее время, отличается извѣстными свойствами, которыя дѣлаютъ нашу юбилейную исторію особенно сомнительной. По нашимъ нравамъ у насъ вообще возможны были юбилеи только одни консервативно-нравоучительные — таковъ же вышелъ и юбилей Карамзина. Пересматривая довольно многочисленную литературу, имъ вызванную, нельзя не замѣтить въ ней самую положительную тенденціозность, охранительнаго свойства, вездѣ, гдѣ только эта литература касалась вопросовъ общественныхъ. Небольчего говорить, что все это были панегирики, рѣдко умѣренные, шей частью неумѣренные. Въ Карамзинѣ восхваляли не только его дѣйствительныя заслуги въ свое время, но и выставляли его какъ прямой образецъ въ настоящемъ; намъ не только изображали его *историческое* значеніе, но опять насъ приглашали «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны» — «шептать святое имя», выводили изъ Карамзина мораль для настоящей минуты и въ довершеніе всего, извлекли изъ Карамзина даже аргументы въ пользу консервативно - крѣпостническихъ тенденцій, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея.

Понятно, что стать въ ту пору (пожалуй и теперь) противъ этого потока юбилейныхъ панегириковъ Карамзину значило бы, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, прослыть «ненавистникомъ отечества», «бездушнымъ зоиломъ» и т. п. Люди, иначе смотрѣвшіе на предметъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, слушали юбилейные панегирики съ той же «недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой», но ихъ мнѣнія и не высказались въ эту пору, потому между прочимъ, что послѣдніе годы закрыли печать для цѣлыхъ направленій, существовавшихъ въ литературѣ.

Такимъ образомъ, давнишній споръ о значеніи Карамзина, въ нынѣшнемъ литературномъ періодѣ, даже не былъ веденъ какъ онъ велся прежде: высказывалась одна только сторона...

По цѣли нашихъ очерковъ, мы не входимъ въ цѣльную оцѣнку значенія Карамзина; мы коснемся только нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ въ опредѣленіи его характера и воззрѣній какъ общественнаго писателя, преимущественно въ описываемое время, до 1812 года, въ эпоху записки «О древней и новой Россіи». Мы замѣтили выше, что общественныя тенденціи Карамзина нашли

свой отголосокъ даже въ извѣстныхъ направленіяхъ нынѣшняго времени, и потому, намъ нужно будетъ коснуться и упомянутыхъ современныхъ мнѣній, высказавшихся въ юбилейной литературѣ. Эта литература иногда какъ будто прямо возвращаетъ насъ къ десятымъ и двадцатымъ годамъ,—начиная съ громоздкой компиляціи г. Погодина «Н. М. Карамзинъ» (2 ч. М. 1866), собирающей старательно все, что могло служить для бо́льшаго обогащенія панегирика, и какъ будто даже приноровленной ad usum Delphini. Часто не соглашаясь вообще съ ходячими мнѣніями о Карамзинѣ, мы по необходимости, вмѣсто простого изложенія нашего взгляда, должны были и указывать эти мнѣнія и обращаться къ самымъ сочиненіямъ Карамзина, — чтобы дать нашимъ словамъ наглядную доказательность.

Рано начавши свою литературную дѣятельность, Карамзинъ очень скоро пріобрѣлъ замѣтное мѣсто въ литературѣ. Одаренный отъ природы, онъ рано началъ умственную жизнь и успѣлъ пріобрѣсти много свѣдѣній, преимущественно литературныхъ, которыя—особенно при тогдашнемъ уровнѣ просвѣщенія — дѣлали его однимъ изъ образованнѣйшихъ людей его поколѣнія. Карамзинъ много читалъ еще дома, много пріобрѣлъ отъ профессора Шадена, у котораго онъ учился, еще больше, быть можетъ, пріобрѣлъ въ Дружескомъ Обществѣ, гдѣ нашелъ въ Петровѣ товарища, котораго умъ и характеръ онъ высоко цѣнилъ и авторитетъ котораго, кажется, охотно признавалъ во многихъ случаяхъ. Ихъ переписка открываетъ намъ маленькую перспективу въ умственную дѣятельность этого страннаго круга, гдѣ сектаторски упрямый мистицизмъ старыхъ масоновъ соединялся съ ревностными заботами о распространеніи образованія и литературныхъ вкусовъ въ полуграмотной публикѣ, и подавалъ руку молодымъ поколѣніямъ, которыя должны были продолжать эти заботы. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о томъ, какое странное соединеніе разнорѣчащихъ элементовъ представляли эти люди, у которыхъ чистые порывы къ общественному благу своимъ нравственнымъ достоинствомъ далеко превышали достоинство тѣхъ умственныхъ средствъ и круга понятій, какими они владѣли. Люди новаго поколѣнія, какъ Петровъ и Карамзинъ, проходили уже иную, болѣе прочную школу, чѣмъ ихъ предшественники; степень образованія была выше, но общій тонъ Дружескаго Общества отражался въ нихъ вѣроятно глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не говоря о разныхъ внѣшнихъ примѣтахъ, которыя носятъ масонскій характеръ, напр., что въ письмахъ

Петрова не разъ упоминается «Іоанновъ день» (масонскій праздникъ), какъ исключительная эпоха, что у Карамзина былъ свой масонскій псевдонимъ, повидимому вообще тогда употребительный въ ихъ дружескомъ кругу, что друзья Карамзина, Петровъ и Кутузовъ, были, особенно послѣдній, близкими довѣренными людьми старшаго масонскаго кружка [1]), — не говоря о всемъ этомъ, въ тогдашнемъ настроеніи Карамзина, какъ оно выразилось въ его перепискѣ того времени, въ самыхъ «Письмахъ русскаго путешественника», отразился мистическій тонъ кружка, а притомъ не въ видѣ преходящаго настроенія, какъ обыкновенно думаютъ, а болѣе глубокимъ и дѣйствительнымъ образомъ.

Обыкновенно полагаютъ, что когда, передъ поѣздкой за границу, Карамзинъ разстался съ кружкомъ старшихъ масоновъ, заявивъ свое несогласіе съ нѣкоторыми ихъ воззрѣніями и обычаями, то онъ уже вступилъ на иную дорогу. Это не вполнѣ такъ. Карамзинъ дѣйствительно отказался отъ крайностей розенкрейцерской школы, и могъ это сдѣлать по разнымъ основаніямъ: болѣе свѣжее образованіе помогло развиться въ немъ здравому смыслу и внушило ему недовѣріе къ апокрифической таинственности, масонско-алхимическимъ костюмамъ и обрядамъ; сравнительно короткое пребываніе въ этомъ обществѣ могло не дать ему настолько сродниться съ его учрежденіями, чтобы сдѣлать такое удаленіе особенно труднымъ; быть можетъ, другія постороннія вліянія и соображенія внушали ему и нѣкоторую осторожность (въ своихъ письмахъ и въ самой книгѣ онъ не одинъ разъ высказываетъ, въ очень темныхъ выраженіяхъ, какую-то тяжелую свою заботу,—быть можетъ, она исходила изъ опасеній за кружокъ и за самого себя). Но при всемъ томъ, несмотря на внѣшнее разъединеніе, несмотря на дѣйствительную неохоту къ алхимическимъ волшебствамъ, вліянія мистицизма остались въ немъ, одѣвшись въ иную форму. Въ розенкрейцерствѣ, какъ въ мартинизмѣ было, среди всѣхъ странностей, извѣстное идеалистическое воззрѣніе на природу. Наши масоны, какъ извѣстно, ушли не далеко въ степеняхъ своего ордена, въ практической алхиміи и магіи, и какъ сами они, такъ въ особенности ихъ младшіе друзья должны были ограничиваться только самыми общими представленіями о могуществѣ природы, объ ея таинственныхъ отношеніяхъ къ человѣку. Въ нравственныхъ понятіяхъ они были мистическіе піэтисты и филантропы; ихъ возбужденное чувство переходило границы спокойныхъ ощущеній,

[1]) Кутузовъ былъ агентомъ московскаго общества у берлинскихъ розенкрейцеровъ; Петрову, кажется, готовилась масонская миссія въ провинціи.

оно легко становилось паѳосомъ, аскетизмомъ, а также—меланхоліей или сантиментальностью.

Слѣды этого хода понятій и настроенія чувства мы найдемъ и въ Карамзинѣ. Панегиристы вообще стараются приписать развитіе Карамзина его личнымъ силамъ, и то новое, что съ нимъ входило въ литературу, сдѣлать его исключительной заслугой. Но отдавъ его личному дарованію всю справедливость, не слѣдуетъ преувеличивать дѣла. Напримѣръ, панегиристы удивляются обширнымъ свѣдѣніямъ Карамзина, его большому знакомству съ литературой, удивляются его необыкновенной оцѣнкѣ Шекспира [1]), что въ 1787 году Карамзинъ «выразилъ вѣрное мнѣніе о великомъ англійскомъ трагикѣ, о которомъ тогда не только въ Россіи, но *и вообще* въ Европѣ господствовали очень смутныя понятія». Будто бы? Панегиристъ забылъ или не зналъ, что «Литературныя Письма», гдѣ Лессингъ началъ свою знаменитую литературную борьбу противъ классицизма, вышли въ свѣтъ, когда Карамзина еще не было на свѣтѣ, а «Гамбургская Драматургія», гдѣ уже былъ вполнѣ развитъ его взглядъ на Шекспира, вышла, когда Карамзину было два года. Карамзинская оцѣнка Шекспира была только отголоскомъ идей Лессинга—не болѣе.

Карамзинъ дѣйствительно стоялъ выше массы своихъ современниковъ по образованію, но его средства въ этомъ отношеніи не были созданы только имъ самимъ, и не были такъ глубоки, какъ обыкновенно полагаютъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало разъясненъ характеръ кружка, въ которомъ жилъ Карамзинъ въ первые годы молодости, но въ немъ очевидно умственныя средства были несравненно выше, чѣмъ у старшаго литературнаго поколѣнія. Сохранившіяся письма Петрова показываютъ, что у него эти средства были едва ли не значительнѣе, чѣмъ у его друга; мы ничего не знаемъ о Кутузовѣ, но дружба его съ Радищевымъ достаточно показываетъ, что это не могъ быть только ограниченный мистикъ; поэтъ Ленцъ, котораго судьба занесла въ Москву, былъ живымъ представителемъ нѣмецкой литературы того времени и вѣроятно много помогъ своимъ московскимъ друзьямъ познакомиться съ нею; Дружеское Общество, повидимому, слѣдило за явленіями нѣмецкой литературы, которая давала пищу для его изданій и для его масонскихъ цѣлей. Знакомство съ нѣмецкимъ литературнымъ движеніемъ, которое обнаруживается въ «Письмахъ русскаго путешественника», нерѣдко вѣроятно идетъ

[1]) Погод. I, 57,—хотя въ другихъ мѣстахъ (напр. I, 37) проводятся указанія, по которымъ дѣло объясняется проще.

изъ этого источника: Карамзинъ знаетъ полемику Николаи по поводу іезуитства и крипто-католицизма, знаетъ гоф-предигера Штарка и питаетъ къ нему уваженіе, знаетъ Морица, автора «Антона Райзера», ему извѣстны похожденія масонскаго шарлатана Шрепфера, онъ еще въ Москвѣ преклоняется передъ Лафатеромъ и т. п. Съ одной стороны, эти вещи лежали въ предѣлахъ масонскаго горизонта и масонскаго интереса; съ другой, Карамзинъ не обнаруживаетъ особенно глубокаго знакомства съ тѣми вещами, которыя лежали внѣ этого горизонта (исключая развѣ только чисто литературные предметы). Далѣе, въ молодомъ кружкѣ еще могли сохраняться слѣды преподаванія Шварца, у котораго масонская мистика и «орденская» дѣятельность соединялись съ извѣстнымъ ученымъ образованіемъ, какъ это видно по его лекціямъ.

Карамзинъ, при помощи этихъ источниковъ, могъ ознакомиться съ главнѣйшими явленіями тогдашней литературы, главнымъ образомъ нѣмецкой, а также французской и англійской,— безъ особыхъ геніальныхъ усилій, какія ему приписываютъ. Объ этомъ можно судить по тому, какъ онъ пользовался своими средствами.

Карамзинъ до большой степени остается на томъ уровнѣ идей, который давала масонская мистика. Новый слой образованія видоизмѣнилъ эту основу, удаливши ея крайности, въ особенности ея алхимическій костюмъ; поэтическіе элементы расширили, уяснили и облагородили это содержаніе, но затѣмъ на его взглядахъ остался отпечатокъ какой-то вялости общихъ воззрѣній, гдѣ сомнѣніе никогда не доростало до освѣжающаго сильнаго скептицизма, а гуманныя идеи останавливались на степени какой-то разслабленной чувствительности, которая доходила до приторности на словахъ, и могла однако совсѣмъ отсутствовать на дѣлѣ.

«Письма русскаго путешественника», гдѣ въ первый разъ Карамзинъ выразился и пріобрѣлъ популярность какъ писатель, были конечно важнымъ явленіемъ въ русской литературѣ; но эта важность была очень относительная. Заслуга Карамзина съ чисто внѣшней стороны, въ преобразованіи языка, въ улучшеніи формъ, не подлежитъ спору; но содержаніе, какое онъ давалъ, стоитъ конечно ниже тѣхъ восхваленій, какія расточали ему его старые и новые поклонники.

Его взгляды, въ отвлеченныхъ предметахъ, были еще въ той мистической сферѣ, въ которой витала масонская школа. Его занимаютъ вопросы: «кто я, что я, откуда я»? и т. д., вопросы, совершенно естественные въ человѣкѣ, котораго интересуютъ

высшіе вопросы жизни,—но у него не было энергіи мысли, которая бы приводила его къ ясной постановкѣ ихъ. Его внутреннія сомнѣнія выражались и ограничивались мистической чувствительностью и меланхоліей; въ сущности, эта черта осталась за нимъ навсегда: «меланхолическіе припадки», на которые онъ самъ жаловался, современемъ изъ острыхъ сдѣлались хроническими, и наложили отпечатокъ на весь характеръ его понятій. Въ старшемъ поколѣніи, это броженіе мысли у многихъ кончилось, какъ извѣстно, настоящимъ религіознымъ квіетизмомъ; нѣчто, похожее на квіетизмъ нравственный, мало-по-малу развилось въ Карамзинѣ. Мы увидимъ дальше образчики этого настроенія. Въ литературѣ онъ останавливается всего больше на томъ, что̀ питаетъ эту безплодную сантиментальность; гораздо меньше дѣйствуетъ на него то, въ чемъ обнаруживалась прямая литературная и общественная борьба, гдѣ ставились положительные вопросы философіи и рѣшались споры дѣйствительной жизни. Онъ былъ хорошо приготовленъ къ путешествію,—говорятъ о немъ,—его начитанность открывала передъ нимъ возможность воспринять все, что̀ было сдѣлано лучшаго европейской мыслью. Дѣйствительно, онъ знаетъ многое, онъ стремится видѣть знаменитости нѣмецкой литературы, знакомится и со многими второстепенными дѣятелями; слава Канта, Гердера, Виланда, Гёте наполняетъ его великимъ почтеніемъ къ нимъ; онъ очень любознателенъ; онъ спѣшитъ извлечь изъ счастливыхъ встрѣчъ что̀ нужно ему для рѣшенія его недоумѣній, повѣряетъ эти послѣднія и Канту, и Виланду и т. д.; повидимому, онъ наблюдательно и серьезно вникаетъ въ то, что̀ слышитъ, — и что̀ же въ результатѣ? Въ результатѣ, къ сожалѣнію, очень немного,— напримѣръ, въ результатѣ для Карамзина что Кантъ, что Лафатеръ — все равно, или нѣтъ, Лафатеръ несравненно интереснѣе. Вкусы бываютъ различны, и Карамзинъ имѣлъ полное право предпочитать Лафатера кому угодно, но когда онъ самъ говоритъ, что онъ искалъ рѣшенія вопросовъ о натурѣ и человѣчествѣ, когда потомъ его послѣдователи и поклонники превозносятъ его, какъ олицетвореніе мудрости, мы вправѣ также удивиться нетребовательности философа, который, насказавши комплиментовъ Канту, пошелъ поучаться изреченіями, записочками и манускриптами Лафатера. Карамзинъ былъ тогда еще молодъ, но молодость именно и бываетъ богата одушевленіемъ къ возвышеннымъ идеаламъ и стремленіямъ, къ рѣшенію своихъ сомнѣній широкими и смѣлыми теоріями. Кантъ былъ извѣстенъ Карамзину, der alles zermalmende Kant, какъ повторяетъ онъ самъ эпитетъ, данный Канту Мендельсономъ; но тѣмъ не ме-

нѣе онъ ищетъ откровенія у Лафатера и глубокихъ объясненій «натуры» у Боннета.

Надо прочесть «Письма», чтобы видѣть, какимъ удивленіемъ проникнутъ былъ Карамзинъ къ Лафатеру. Карамзинъ упоминаетъ объ одномъ сочиненіи, которое Лафатеръ разрѣшилъ открыть только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и завидуетъ девятнадцатому столѣтію: «Девятыйнадесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что́ теперь почитается тайною!» И надо вспомнить, что́ такое былъ Лафатеръ, чтобы понять, какое умственное дѣйствіе могла производить его личность и его сочиненія [1]). Человѣкъ конечно съ талантомъ, и всего больше съ чрезвычайно возбужденнымъ воображеніемъ, Лафатеръ представлялъ собой странную нравственную смѣсь: въ одно и тоже время послѣдователь Руссо и Сенъ-Мартена, онъ соединялъ республиканскую любовь къ свободѣ съ самымъ темнымъ мистицизмомъ, искреннее благочестіе съ натянутыми и насильственными экстазами, чисто средневѣковое суевѣріе съ идеалистическими фразами, теплое чувство переходило въ фальшивую сантиментальность, и умъ слишкомъ часто переставалъ дѣйствовать въ самыхъ дикихъ фантазіяхъ. Его знаменитая «Физіономика», которую онъ выдавалъ за «науку», была пародіей на нее, какъ это уже тогда доказывалъ Лихтенбергъ.

Онъ писалъ множество, имѣлъ огромную массу почитателей между людьми, у которыхъ воображеніе преобладало надъ здравымъ смысломъ и недостатокъ серьезныхъ свѣдѣній былъ причиной крайняго легковѣрія. Лафатеръ не былъ именно такой шарлатанъ, какъ Каліостро, но въ немъ были черты, по которымъ онъ вовсе не годился и въ пророки, какимъ хотѣли его видѣть его поклонники. Его собственное самообольщеніе доходило до размѣровъ, не внушавшихъ уваженія, напримѣръ тогда, когда онъ самъ преклонялся передъ Каліостро. Удивленіе Карамзина передъ Лафатеромъ даетъ намъ чрезвычайно характеристичный образчикъ его собственнаго настроенія. Этотъ хаосъ республиканства, мистицизма, сантиментальности увлекалъ Карамзина, потому что въ немъ самомъ бродили всѣ эти элементы и

---

[1]) Объ Лафатерѣ есть значительная литература; между прочимъ любопытную характеристику даетъ Шлоссеръ, Ист. Восемн. Стол., новое изд. II, 439—446. IV, 161—175, и др. Изъ старыхъ книгъ очень интересно сочиненіе, написанное Мирабо, или ему приписанное. Въ нѣмецкомъ переводѣ оно называется: Schreiben des Grafen von Mirabeau an***, die Herren von Cagliostro und Lavater betreffend. Berlin und Libau. 1786. Эту книжку уже могъ бы знать Карамзинъ, какъ могъ бы вообще знать сочиненія противниковъ Лафатера и напр. въ особенности уничтожающую критику и сатиру Лихтенберга. — О Боннетѣ тамъ же у Шлоссе́ра II, стр. 441—442.

подобная неурядица была въ его собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ. При всемъ томъ увлеченіе Карамзина остается очень страннымъ. Карамзинъ былъ свободенъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, какія создавали вліяніе Лафатера въ нѣмецкомъ обществѣ; онъ былъ человѣкъ другой жизни и, въ первый разъ знакомясь съ Лафатеромъ, могъ уже имѣть въ рукахъ достаточно средствъ понять эту личность и ея характеръ. Полемика Лафатера съ его противниками, съ которой нетрудно было познакомиться Карамзину, могла открыть ему глаза.

Но онъ съ сантиментальной точки зрѣнія не вѣрилъ критикѣ, и напр. удивлялся нетерпимости Николаи къ его противникамъ. «Тотъ есть для меня истинный философъ,—говорилъ Карамзинъ,—кто *со всѣми можетъ ужиться* въ мирѣ, кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей». Прекрасная максима, безъ сомнѣнія, но трудно исполнимая на практикѣ; мы увидимъ дальше, какъ онъ самъ въ другихъ случаяхъ исполнялъ ее. Желательно, конечно, чтобы въ литературной борьбѣ господствовала терпимость, но «со всѣми ужиться въ мирѣ» можно было развѣ только въ литературѣ, гдѣ не о чемъ было и спорить, или когда ни одна мысль не принимается серьезно и не влечетъ за собой никакихъ результатовъ. Если такое правило Карамзинъ могъ примѣнять къ тогдашней русской литературѣ, то нѣмецкая литература того времени, и непріятная Карамзину полемика Николаи, уже захватывали дѣйствительные спорные пункты общественной жизни; дѣло шло о вещахъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ полагалъ Карамзинъ; терпимость была очень мудрена, потому что и борьба «просвѣтителей», между прочимъ, направлялась противъ тупого обскурантизма, который являлся и въ образѣ самого Лафатера. Аркадская точка зрѣнія была невозможна.

Съ чувствительной точки зрѣнія вещи получали, такимъ образомъ, свою особую окраску, въ сущности дававшую имъ совершенно фальшивый видъ. Изъ указанныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, какая неясность господствовала въ философскихъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Карамзина. Тоже самое было и въ его понятіяхъ о политической и общественной жизни,—таже поверхностная чувствительность, и тоже отсутствіе послѣдовательной критической мысли, погоня за красивыми словами и крайнее противорѣчіе ихъ съ непосредственнымъ пониманіемъ дѣйствительности.

Карамзинъ былъ великимъ поклонникомъ Руссо. Ему казалось, что здѣсь онъ находитъ тоже родственное ему содержаніе, какое онъ отыскивалъ у сантиментальныхъ поэтовъ періода Sturm und Drang, у Томсона, у мистическихъ поклонниковъ

«натуры», у Лафатера и Боннета; и точно также какъ онъ не отличалъ философіи Канта отъ философіи Лафатера, такъ здѣсь мало чувствовалъ, какой глубокій протестъ противъ существующаго порядка вещей скрывался въ мечтахъ Руссо, и находилъ въ нихъ только «сладкую чувствительность». Въ то время уже ясно увидѣли, что̀ значила та французская литература, къ которой принадлежалъ Руссо; это слышалъ и Карамзинъ, но тѣмъ не менѣе онъ остается какъ будто въ невѣдѣніи относительно смысла этой литературы: онъ восторгается фразами книги, и не понимаетъ, что̀ она означаетъ въ дѣйствительности. Немудрено, что онъ и самъ говорилъ много фразъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ,—какъ упрекалъ его еще Бѣлинскій.

Карамзинъ былъ въ восторгѣ отъ Парижа. «Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій». Это была, какъ мы знаемъ, общая мысль русскихъ образованныхъ людей тогдашняго времени, которые вообще видѣли въ Парижѣ «столицу ума и вкуса». Но Парижъ, восхитившій Карамзина, былъ именно Парижъ стараго режима; онъ восхищается Версалью и Тріанономъ, дворцомъ графа д'Артуа и французской аристократіей; онъ самъ познакомился съ какимъ-то богатымъ домомъ, участвуетъ на литературномъ чтеніи, разсказываетъ содержаніе «розовой тетрадки» аббата, заключавшей разсужденіе о любви, пишетъ нѣжные стишки. Но онъ не могъ постичь, что̀ значила новая политическая жизнь, которая въ это время уже охватила Парижъ и, по его собственнымъ словамъ, занимала всѣ умы. Онъ просто не разумѣлъ, чего хотятъ французы; ему очень прискорбно, что «французы думаютъ нынѣ о революціи, а не о памятникахъ любви и *нѣжности*»; народъ, проснувшійся теперь съ сознаніемъ своего права и возставшій противъ феодальнаго угнетенія столькихъ вѣковъ, и представители этого народа, просто — «парижскіе варвары», дерзкіе смѣльчаки, «поднявшіе сѣкиру на священное дерево», т.-е. на старую монархію, «при которой — по мнѣнію Карамзина—*все благоденствовало*»! Въ одномъ и томъ же письмѣ (изъ Франкфурта, 29 іюля) Карамзинъ восхищается героизмомъ Фіэски въ трагедіи Шиллера и презрительно отзывается о парижскихъ сценахъ: такъ расходились въ его понятіяхъ книга и фраза съ жизнью. На французскія событія вообще ложится неблагопріятная тѣнь въ его разсказѣ; ему хочется даже ограничить

размѣры движенія, какъ будто дѣйствовала только шайка буяновъ, — хотя еще до пріѣзда его въ Парижъ совершились событія, которыя были возможны только потому, что были дѣломъ цѣлой народной массы, и хотя ему самому приходится упоминать, что «цѣлыя *деревни* вооружаются», «солдаты не слушаются офицеровъ», «бабы говорятъ о революціи», и даже тѣ, кто могъ дѣйствительно «благоденствовать» при старой монархіи, «французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Онъ скорбитъ, что «грозная туча носится надъ башнями Парижа», что «златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками»; онъ скорбитъ о «прекрасной Маріи», о какомъ-то «кавалерѣ св. Людовика», выгнанномъ «бунтующими поселянами» изъ своего помѣстья. Все движеніе представляется ему общимъ бунтомъ; онъ не понимаетъ, чѣмъ была «прекрасная Марія», чѣмъ были «кавалеры» для поселянъ, забываетъ, что «грозная туча», между прочимъ, пронеслась надъ башнями Бастильи, и наконецъ забываетъ, что идеи народнаго права, которыя теперь такъ громко высказывались, были идеи его Руссо, что онъ уже требовалъ справедливости и свободы, отказъ въ которыхъ вызвалъ наконецъ эту страшную бурю. Поклонникъ Руссо ничего не понялъ во французскомъ движеніи: онъ оказался на сторонѣ салонныхъ франтовъ и аббатовъ съ розовыми тетрадками о любви....

Почитатели и панегиристы Карамзина возстаютъ противъ критиковъ, которые удивлялись, что письма Карамзина изъ Франціи обнаруживаютъ такое непониманіе событій, совершавшихся у него на глазахъ. Почитатели Карамзина возражаютъ, что «это были письма интимныя», письма къ Алексѣю Александровичу и Настасьѣ Ивановнѣ [1]), что «съ ними онъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ, вотъ и все»; что изъ писемъ Мелодора къ Филалету и обратно, можно опредѣлить отношеніе Карамзина къ французскому перевороту: началось оно сочувствіемъ, а кончилось разочарованіемъ, и что конечно этотъ интересъ его къ французскому перевороту начался не въ 1794, когда писаны были упомянутыя письма, а гораздо ранѣе: «какъ доказать, что не ранѣе? И нужно ли это доказывать?» Другой апологистъ замѣчаетъ, что Карамзинъ «хотѣлъ изучить въ Парижѣ *веселую* французскую *жизнь стараго времени*, видѣть зданія и чудеса искусства, набраться новыми впечатлѣніями. Странно было бы ожидать отъ Карамзина, чтобъ онъ слѣдилъ въ Парижѣ

---

[1]) Плещеевымъ, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ.

за новыми явленіями (?). На волненіе его онъ смотрѣлъ «съ тихою душею, какъ мирной пастырь смотритъ съ горы на бурное море», и т. д. [1]).

Эти возраженія однако неудовлетворительны, и прежде всего тотъ аргументъ, что письма были писаны къ Настасьѣ Ивановнѣ, имѣлъ бы силу только въ томъ случаѣ, еслибы онѣ и остались у нея въ ящикѣ или читались только въ семейномъ кругу: какъ скоро онѣ были напечатаны, то публикѣ все равно, кому они присылались первоначально. Что Карамзинъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ — также невѣрно, потому что письма преисполнены сужденіями о важныхъ матеріяхъ, именно о философскихъ матеріяхъ первой важности, о крупныхъ явленіяхъ литературы, и даже политики, — сужденіями, которыя часто дѣлаютъ честь уму писателя, но часто были и указаннаго выше сорта. Въ какое время составлялись взгляды Филалета и Мелодора, въ 1794 или въ 1790, это, пожалуй, все равно; но замѣтимъ, что «Письма русскаго путешественника» напечатаны были уже въ 1791—1792 годахъ. Далѣе, приписывать Карамзину желаніе изучать въ Парижѣ только веселую жизнь стараго времени — довольно странно, какъ будто Карамзинъ хотѣлъ въ Европѣ только «жуировать»; съ другой стороны онъ вовсе не предпринималъ и археологическаго изысканія. Карамзинъ, какъ вообще путешественникъ, желалъ просто видѣть европейскую жизнь, какъ она была въ то время. Отъ него никто не требовалъ, чтобы онъ «слѣдилъ» за новыми явленіями, но онъ безпрестанно о нихъ говоритъ и судитъ, и потому очень можно удивляться, какъ онъ не понялъ того, чтó передъ нимъ происходило во Франціи и чтó уже въ то время привлекало вниманіе всей Европы. Всего скорѣе можно было бы (какъ нѣкоторые и дѣлали) ссылаться на цензурныя опасенія, которыя могли мѣшать ему говорить искренно свои мысли; но и тогда замѣтна была бы эта вынужденная сдержанность. Но ея вовсе нѣтъ, и Карамзинъ вообще весьма опредѣлительно высказался о французскомъ переворотѣ, какъ показываютъ даже приведенныя цитаты, и незачѣмъ прибѣгать къ Филалету или Мелодору, чтобы выяснить его отношеніе къ дѣлу. Сущность взгляда его сводится къ тому, что при старой монархіи все во Франціи благоденствовало, но затѣмъ явились дерзкіе смѣльчаки и подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: «мы лучше сдѣлаемъ»; вслѣдствіе того раздался грозный крикъ парижскихъ варваровъ, поселяне начали бунтовать, солдаты перестали слушаться офицеровъ, дворянство и духовенство оказались плохими защитниками трона, и печальнымъ результатомъ этого

[1]) Галаховъ, Ист. Р. Слов. II, 9 и др. Казанскій юбилей Кар., стр. 65 и др.

было то, что «прекрасная Марія» была крайне огорчена, златая роскошь съ горестью поднялась на воздухъ и скрылась за облаками, «кавалеры» страдали, изгнанные бунтующими поселянами, и наконецъ французы вообще перестали думать о памятникахъ любви и нѣжности, и нація, столь веселая, остроумная и любезная, должна была вѣроятно утратить свой пріятный характеръ.

Мы не прибавили ни одной черты, которой нѣтъ у Карамзина, и намъ кажется, что такая картина французскаго переворота достаточно ясно опредѣляетъ взгляды наблюдателя. Не требуя вовсе отъ Карамзина, «чего онъ не можетъ дать», кажется слѣдуетъ требовать отъ человѣка, выражающагося такъ рѣшительно, чтобы онъ ясно понималъ, что говоритъ. Карамзинъ восхищается Руссо и дѣлитъ его мечтанія; онъ знаетъ вообще французскую литературу, возстававшую противъ всякихъ несправедливостей и бѣдствій стараго порядка и создававшую новые идеалы свободы и просвѣщенія, онъ могъ быть этимъ хоть нѣсколько подготовленъ къ уразумѣнію того броженія идей, какое онъ встрѣтилъ во французской жизни. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, когда уже совершились первыя бурныя сцены революціи. Никто не станетъ ни одну минуту требовать, чтобы Карамзинъ, воспитанный въ повиновеніи властямъ, и чувствительный, одобрялъ эти сцены, чтобы ему нравились народныя волненія; но серьезный человѣкъ, если уже начинаетъ говорить о нихъ, долженъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, *отъ чего* же наконецъ происходили эти сцены и эти волненія. Карамзинъ просто отвѣчаетъ, что это «бунтъ»—хотя легко могъ узнать въ Парижѣ, если не понималъ самъ, почему разрушена была Бастилья, почему поселяне изгоняли «кавалеровъ», почему солдаты переставали повиноваться офицерамъ, и почему наконецъ вся эта народная масса стала такъ легко поддаваться бурному потоку, конечно не обѣщавшему ничего добраго для Версали, Тріанона и для «памятниковъ нѣжности». Всѣ эти вопросы какъ будто не существуютъ для Карамзина, — а ему, повторяемъ, не трудно было бы, хотя нѣсколько, разъяснить себѣ эти вопросы, — безъ чего онъ и не могъ собственно высказать, благоразумно, своего приговора о событіяхъ. Онъ даже лицомъ къ лицу видѣлъ нѣкоторыя событія, онъ бесѣдовалъ съ «французскимъ Платономъ», онъ былъ въ національномъ собраніи и слушалъ Мирабо.... Въ тоже время говорятъ намъ, что отношеніе Карамзина къ этому движенію началось «сочувствіемъ».

Мы не будемъ винить Карамзина за эти противорѣчія: онъ былъ еще молодъ, не умѣлъ понимать дѣйствительности, не могъ согласить своихъ сантиментальныхъ теорій съ жизнью, ему трудно

было осмотрѣться въ событіяхъ—все это было очень возможно для человѣка, впервые увидѣвшаго Европу послѣ патріархальныхъ нравовъ и бѣдной умственной жизни русскаго общества; мы хотимъ только сказать, что не находимъ въ «Письмахъ» основанія для преувеличенныхъ восхваленій, которыя считаютъ своей обязанностью его нынѣшніе поклонники, и все-таки находимъ гораздо болѣе справедливыми слова обличаемаго ими Бѣлинскаго. «Столько-ли Карамзинъ сдѣлалъ, сколько могъ, или меньше?—спрашиваетъ Бѣлинскій. Отвѣчаю утвердительно: *меньше*». «Онъ отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоялъ ему развернуть передъ глазами своихъ соотечественниковъ великую и обольстительную картину вѣковыхъ плодовъ просвѣщенія, успѣховъ цивилизаціи и общественнаго образованія благородныхъ представителей человѣческаго рода!... Ему такъ легко было это сдѣлать!... И чтó жъ онъ сдѣлалъ вмѣсто всего этого? Чѣмъ наполнены его Письма Русскаго Путешественника?... Карамзинъ видѣлся со многими знаменитыми людьми Германіи, и что же онъ узналъ изъ разговоровъ съ ними? То, что всѣ они люди добрые, наслаждающіеся спокойствіемъ совѣсти и ясностію духа. И какъ скромны, какъ обыкновенны его разговоры съ ними!...» При всемъ томъ, Бѣлинскій справедливо замѣчалъ, что недостатки «Писемъ» происходили больше отъ его личнаго характера, чѣмъ отъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Карамзинъ мало зналъ умственныя нужды русскаго общества, — но кромѣ того, онъ и самъ не выработалъ себѣ прочнаго образа мыслей, который бы предохранилъ его отъ странныхъ колебаній и противорѣчій между возвышенными сантиментальностями въ теоріи и поверхностными, узкими взглядами на дѣлѣ. Не надо думать, чтобы лучшіе взгляды были невозможны. Такъ относительно французской революціи, господствующаго политическаго явленія той эпохи, въ русскомъ обществѣ уже въ то время существовали очень вѣрныя представленія. Назовемъ, напримѣръ, книгу Радищева: каковы бы ни были мнѣнія объ этой книгѣ и объ увлеченіяхъ ея автора, нельзя не признать, что въ ней есть замѣчательное пониманіе совершавшихся событій; Радищевъ также не сочувствуетъ «необузданностямъ» революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно здраво судитъ объ ея происхожденіи и общемъ ея смыслѣ. Намъ случалось указывать другаго современника, который точно также очень ясно видѣлъ значеніе событій; это былъ масонъ И. В. Лопухинъ, человѣкъ того самаго общества, отъ котораго Карамзинъ отдѣлился, конечно, считая его отсталымъ.

Но, при всей странности этихъ взглядовъ Карамзина, мы находимъ у него сочувствіе тѣмъ идеямъ, которыя хотѣла осущест-

влять французская революція, т.-е. этимъ идеямъ, какъ онѣ представлялись ему въ книгахъ, а не въ бурномъ историческомъ процессѣ, гдѣ онъ ихъ не понялъ. Въ кругу отвлеченныхъ понятій, Карамзинъ есть нѣжнѣйшій другъ человѣчества [1]), защитникъ его правъ, просвѣщенія, человѣческаго достоинства; его идеалы — идеалы просвѣтительной литературы конца XVIII-го вѣка. Это совершенно ясно выразилось въ его тогдашнихъ сужденіяхъ о реформѣ Петра, особенно интересныхъ при сравненіи ихъ съ его позднѣйшими мнѣніями объ этомъ предметѣ, которыя мы приведемъ дальше. Статуя Людовика XIV напомнила ему о Петрѣ Великомъ, и Карамзинъ называетъ Петра «лучезарнымъ богомъ свѣта», освѣщающимъ кругомъ себя глубокую тьму; онъ считаетъ его «благодѣтелемъ человѣчества» — въ томъ смыслѣ, какъ благодѣтелей человѣчества разумѣли философы просвѣщенія. Онъ самый пламенный поклонникъ реформы, потому что «путь просвѣщенія одинъ для всѣхъ народовъ»; сожалѣнія о русской старинѣ кажутся ему «жалкими іеремiадами» или «шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышленіи». «Мы не таковы, какъ брадатые предки наши—тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. *Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо *я человѣкъ*».

Панегиристы Карамзина, указывая эти его мнѣнія, спѣшатъ обыкновенно успокоить читателя, что позднѣйшее развитіе мыслей Карамзина, въ особенности глубокое изученіе русской исторіи, совершенно излечили его отъ этой космополитической ереси, и привели его къ другимъ, очень противоположнымъ понятіямъ, которыхъ онъ постоянно и держался впослѣдствіи. Панегиристы вообще считаютъ приведенныя выше мысли Карамзина заблужденіемъ молодости. Можно совершенно согласиться съ ними, что этого мнѣнія вовсе нельзя считать характеристическимъ мнѣніемъ настоящаго Карамзина, но трудно согласиться, чтобы Карамзинъ пришелъ къ лучшему, когда отказался отъ своего преж-

[1]) Нѣсколько позднѣе, въ 1793, въ частномъ письмѣ къ Дмитріеву онъ выражается такъ: «ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю душу мою... Назови меня Донъ-Кишотомъ; но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, какъ *я люблю человѣчество*».

няго взгляда, или, лучше сказать, когда отказался впослѣдствіи развить этотъ взглядъ въ болѣе совершенное воззрѣніе при помощи тѣхъ средствъ, какія давали ему потомъ дальнѣйшія наблюденія надъ событіями и «глубокое изученіе» русской исторіи. Нельзя не повторить еще разъ, что употребленіе, какое дѣлаютъ теперь панегиристы Карамзина изъ его позднѣйшихъ, настоящихъ его мнѣній, способно еще усилить сожалѣніе, что онъ такъ скоро и, кажется, легко бросилъ свою прежнюю точку зрѣнія.

Дѣйствительно, бросить ее нельзя было безнаказанно. Оставивъ ее, Карамзинъ очень послѣдовательно пришелъ къ консерватизму, вообще самому непривлекательному. Новѣйшіе славяне радуются, что Карамзинъ впослѣдствіи такъ измѣнилъ свои мнѣнія, что сказалъ бы свои прежнія фразы въ обратномъ порядкѣ,— онъ предпочелъ бы народное человѣческому, и посовѣтовалъ бы соотечественникамъ сначала быть славянами, а потомъ людьми. Но новѣйшіе славяне забываютъ, что «человѣческое» есть только тотъ запасъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, и запасъ научнаго знанія, который собранъ коллективнымъ трудомъ цѣлаго человѣчества, и въ этомъ смыслѣ никакимъ образомъ не можетъ представлять чего-либо несовмѣстнаго съ сущностью какой-либо отдѣльной національной природы, или противоположнаго ей; и что, съ другой стороны, «народное», совмѣщая въ себѣ всѣ индивидуальныя особенности націи, и ея достоинства, и ея недостатки, представляетъ собой тотъ же запасъ идеаловъ и знанія, только болѣе тѣсный, потому что онъ ограниченъ средствами одной націи. Такимъ образомъ, «человѣческое» и «народное»—не противоположности, а только градація. Когда индивидуально-народное дѣло или идея становится общечеловѣческимъ, это—высшая историческая заслуга и величіе націи; но чтобы достигать этого, нація необходимо должна воспринять и разработать въ себѣ интересъ общечеловѣческій. Въ этомъ взаимодѣйствіи совершается движеніе цивилизаціи и отъ него зависитъ различіе въ относительномъ значеніи націй. Такимъ образомъ «человѣческое» является необходимымъ элементомъ въ жизни народа, если онъ стремится къ историческому значенію. Можно спорить о практическихъ средствахъ и путяхъ, которыми отставшій народъ можетъ усвоить себѣ существующій запасъ общечеловѣческаго содержанія, но не можетъ быть спора о выборѣ между народнымъ и человѣческимъ, какъ между противоположностями. Поэтому, исключительные защитники «народнаго», противополагаемаго «человѣческому», «космополитическому», въ концѣ концовъ всегда и впадаютъ въ узкій консер-

ватизмъ, крайне вредный для интересовъ общества и народа, когда такіе люди, становясь общественной и политической партіей, пріобрѣтаютъ значеніе и силу. Этотъ вредъ является необходимо, потому что, защищая народное, обыкновенно защищаютъ и его недостатки и его отсталость. Замѣтимъ, что такіе споры о народномъ и человѣческомъ и боязнь этого послѣдняго составляютъ въ особенности принадлежность обществъ, которыя не успѣли еще воспринять въ себя достаточно общечеловѣческихъ идей, знаній и учрежденій; другія общества и націи, уже воспринявшія болѣе или менѣе это общечеловѣческое содержаніе и работавшія для него, напротивъ стремятся отождествлять себя съ человѣчествомъ, считать себя его представителями. Довольно вспомнить, *какъ* говорятъ въ подобныхъ случаяхъ французы, нѣмцы, англичане.

Измѣненіе взглядовъ Карамзина, восхваляемое новѣйшими панегиристами его, особенно рельефно выказалось на его сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ, что́ и естественно. Изъ великаго поклонника реформы Карамзинъ сталъ строгимъ ея порицателемъ. Защищая «народное», т.-е., какъ обыкновенно, старину, Карамзинъ долженъ былъ и въ новой жизни защищать все, что наслѣдовала она отъ старины или въ чемъ продолжала ее. Ему надо было защищать недавній status quo отъ всякихъ реформъ— онъ и защищалъ его съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, потому что—ему пришлось восхвалять то, что далеко не стоило похвалы, и умалчивать о томъ, что требовало осужденія. Онъ дѣлалъ то и другое.

Мы увидимъ, какъ эти мнѣнія и это фальшивое положеніе Карамзина выказались особенно въ запискѣ «О древней и новой Россіи». Впрочемъ, эта перемѣна не была какимъ-нибудь рѣзкимъ поворотомъ въ мнѣніяхъ Карамзина. Онъ и послѣ, какъ въ періодѣ «Писемъ», говорилъ о любви къ человѣчеству, о добродѣтели, о натурѣ; но въ сущности онъ не приходилъ къ какому-нибудь ясному общественно-политическому воззрѣнію, и повторяя тѣ же сантиментально неопредѣленныя общія фразы, онъ могъ теперь извлекать изъ нихъ одни заключенія, потомъ—совершенно другія.

Въ «Письмахъ» — въ то время, когда онъ, по его словамъ, «ожидалъ торжества разума», и когда, говорятъ, сочувствовалъ французскому движенію, онъ разсуждаетъ о событіяхъ такимъ образомъ: «Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ *несовершеннѣйшемъ* надобно *удивляться чудесной гармоніи*, благоустройству, порядку (?).. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго

ихъ счастія *добродѣтель* необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во *всякомъ* правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни (?). Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ свой планъ; въ его рукѣ сердца государей—и довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; *мудрые* знаютъ опасность *всякой* (?) перемѣны, и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево» и проч.

Панегиристы замѣчаютъ, что въ это время Карамзину было только 23 года и удивляются мудрости изреченій. Признаемся, находимъ изреченія вполнѣ соотвѣтственными его возрасту и видимъ въ нихъ не столько мудрость, сколько непослѣдовательность или необдуманность. Если Карамзинъ думаетъ, что надо предаться Провидѣнію и что оно конечно имѣетъ свой планъ, въ такомъ случаѣ и разсуждать о событіяхъ было бы безполезно, а тѣмъ болѣе было бы ошибочно осуждать ихъ. Онъ, конечно, не могъ претендовать, что ему извѣстны планы Провидѣнія, и могъ ли онъ оспаривать, что тѣми событіями, какія совершались, Провидѣніе именно хотѣло наказать несправедливость стараго порядка и само разрушило власть, злоупотребившую своей силой: можно ли тогда осуждать людей, которые исполнили его волю? Трудно понять далѣе, какъ въ «несовершеннѣйшемъ» порядкѣ вещей бываетъ «чудесная гармонія», какими путями люди увѣрятся въ «необходимости добродѣтели», въ чемъ ихъ тщетно убѣждаютъ съ сотворенія міра, какъ могутъ быть опасны «всякія» перемѣны, напр. перемѣны благодѣтельныя для народа? Наконецъ, утвержденія Карамзина о всеобщемъ благоденствіи при старой монархіи могли бы свидѣтельствовать развѣ только о недостаточномъ знаніи французской исторіи, потому что старая монархія произвела очень немного великихъ государей и министровъ, и гораздо больше совершенно ничтожныхъ, а великіе люди «въ разныхъ родахъ» гораздо рѣже были ея созданіемъ, а всего чаще были или ея противниками или жертвами.

Критики Карамзина составляютъ, по его сочиненіямъ, цѣлую нравственно-политическую философію и называютъ ее оптимизмомъ; можетъ быть, но въ примѣненіяхъ къ фактамъ и событіямъ, какъ мы видѣли, эта философія бываетъ скорѣе похожа на туманный фатализмъ, обыкновенно очень сантиментальный,

а иной разъ, при всей чувствительности автора, забывающій требованія простого человѣколюбія и справедливости, и въ концѣ концовъ дающій событіямъ и общественнымъ явленіямъ самыя странныя толкованія.

Чтобы закончить съ разсужденіями Карамзина объ европейскихъ событіяхъ, мы остановимся еще на послѣднихъ его выводахъ о французской революціи, высказанныхъ уже въ царствованіе Александра, въ «Вѣстникѣ Европы». Прошло много времени, совершилось много потрясающихъ событій, общественное настроеніе въ Россіи вызывало интересъ къ политическимъ вопросамъ, авторъ былъ въ полной силѣ своей литературной дѣятельности,—но въ сущности его пониманія вещей не произошло большой перемѣны.

Карамзинъ желаетъ, чтобъ началась новая эпоха не только для политики, но и для самаго человѣчества. «По крайней мѣрѣ истинная философія ожидаетъ хотя сего единственнаго счастливаго дѣйствія ужасной революціи, которая останется пятномъ восьмаго-надесять вѣка, слишкомъ рано названнаго философскимъ. Но девятый-надесять вѣкъ долженъ быть счастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца»... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Революція *объяснила идеи:* мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій;... что всѣ смѣлыя теоріи ума.... должны *остаться въ книгахъ* (!);.. что учрежденія *древности* имѣютъ *магическую силу*, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно *время* и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ.... То есть, французская революція, грозившая испровергнуть всѣ правительства, *утвердила* ихъ... *Теперь* гражданскія начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума». Упомянувъ, какъ съ половины XVIII-го вѣка всѣ сильные умы желали перемѣнъ, какъ вездѣ обнаруживалось *неудовольствіе*, «люди скучали и жаловались *отъ скуки* (?), видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага, проницательные наблюдатели ожидали бури, Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію»,—Карамзинъ заключаетъ, что: «теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, *не*

думая о новостяхъ.... Съ другой стороны правительства *чувствуютъ важность* сего союза и *общаго мнѣнія, нужду въ любви народной*, необходимость истребить злоупотребленія».

Такимъ образомъ, прошло много лѣтъ, и мнѣнія Карамзина не измѣнились. Сужденіе его о смыслѣ господствующаго событія той эпохи остается также неопредѣленно. Французскій переворотъ дѣлаетъ стыдъ восемнадцатому вѣку и былъ только ужаснымъ бѣдствіемъ. Но проницательные люди ждали бури, даже съ разительной точностью предсказали ее; были, слѣдовательно, достаточныя основанія предвидѣть переворотъ — Карамзинъ не замѣчаетъ этихъ основаній, находитъ только, что люди почему-то хотѣли перемѣнъ и жаловались *отъ скуки!* Онъ смѣло затѣмъ утверждаетъ, будто французская революція, грозившая испровергнуть правительства, только утвердила ихъ, точно Бурбоны жили тогда въ Парижѣ, а не кочевали въ Европѣ изгнанниками. Далѣе Карамзинъ настаиваетъ, что смѣлыя теоріи ума должны остаться въ книгахъ, а что учрежденія древности имѣютъ магическую силу — какъ будто европейскіе умы восьмнадцатаго вѣка работали только для книгъ; онъ забываетъ, что «смѣлыя теоріи» угадывали и высказывали потребности времени, что развитыя XVIII-мъ вѣкомъ идеи терпимости, общественной и умственной свободы, гражданскаго достоинства и были предметомъ революціонныхъ стремленій, которыя во многомъ и достигли своей цѣли; онъ забываетъ и то, что магическая сила древности напротивъ не спасла старой деспотической монархіи и ея аттрибутовъ. Но, доказывая эту безплодность переворота, самъ Карамзинъ находитъ однако, что когда ужасныя бѣдствія кончились, то въ результатѣ правительства чувствуютъ важность «общаго мнѣнія», нужду «въ любви народной» и т. д.; но замѣтивъ фактъ, онъ не можетъ объяснить его происхожденія....

Для русскихъ читателей и людей русскаго общества онъ дѣлаетъ одно замѣчаніе о событіяхъ:... «мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ». Совѣтъ быть «разсудительнымъ» и «тихимъ» онъ повторяетъ нѣсколько разъ, — хотя совѣтъ былъ совершенно излишній: съ давнихъ временъ русское общество было очень уже тихо. Общій нравственно - политическій выводъ Карамзина былъ тотъ, что народамъ и отдѣльнымъ людямъ нужно только повиновеніе, что волненія и теоріи гибельны, и что все слѣдуетъ предоставить «времени» и «Провидѣнію». Это былъ цѣлый общественный квіетизмъ. Правда, Карамзинъ говорилъ, что нужно «просвѣщеніе», но онъ остерегался говорить, должно ли это быть настоя-

щее просвѣщеніе, или что съ нимъ дѣлать, если оно будетъ приходить къ «теоріямъ». На всѣхъ разсужденіяхъ Карамзина лежитъ отпечатокъ чего-то крайне неяснаго: обществу онъ рекомендуетъ только просвѣщеніе, повиновеніе и добродѣтель, но нигдѣ онъ не касается прямо до существенныхъ вопросовъ внутренней жизни, тѣхъ вопросовъ, гдѣ обнаруживались общественныя противорѣчія и гдѣ надо было сказать прямо чего онъ хочетъ. Мы увидимъ, что когда онъ прилагалъ свои разсужденія къ русскимъ дѣламъ, въ этихъ случаяхъ онъ или просто умалчиваетъ объ извѣстныхъ вещахъ, или замаскировываетъ ихъ благовидными орнаментами, когда ихъ смыслъ не совсѣмъ укладывался въ его теорію. А теорія при всей благовидности фразъ была та самая, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя проповѣдовала другая школа, какъ высокую русскую добродѣтель, подъ именемъ «приниженія личности».

По возвращеніи изъ-за границы Карамзинъ сталъ издавать журналъ, потомъ нѣсколько альманаховъ и т. п. Литературная дѣятельность его, основавшая извѣстную сентиментальную школу, имѣла большой успѣхъ, но Карамзинъ не былъ спокоенъ и жаловался въ письмахъ къ Дмитріеву, что теряетъ охоту «ходить подъ черными облаками». Біографы Карамзина объясняютъ, что эти черныя облака, «помрачавшія всѣ цвѣта жизни», могли означать только то, что Карамзина огорчало равнодушіе и холодность императрицы Екатерины къ его трудамъ. Во время Новиковскаго дѣла названо было имя Карамзина, хотя самъ Прозоровскій тотчасъ увидѣлъ, что Карамзинъ не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія. Біографы предполагаютъ, что на Карамзинѣ могли остаться темныя подозрѣнія, которыя и безпокоили его. «Какъ бы то ни было,—говоритъ г. Погодинъ,—не находя возможности дѣйствовать на избранномъ имъ поприщѣ, по желанію, *съ полною свободою*, Карамзинъ оставилъ его, но *умѣя находиться* во всякихъ данныхъ обстоятельствахъ.... *безъ напрасныхъ жалобъ*, онъ *спокойно* перешелъ на другое поприще... *завелъ себѣ четверню лошадей* и началъ разъѣзжать по городу. Его любезность, образованность, его слава, обезпечивали ему успѣхъ въ большомъ свѣтѣ» [1]). Такимъ образомъ, Карамзинъ видѣлъ нѣкоторыя неудобства тогдашнихъ порядковъ, хотя, какъ видимъ, для него лично они не были особенно тяжелы. Онъ провелъ царствованіе Екатерины и Павла совершенно спокойно; черныя облака прошли мимо. Это и не мудрено. Въ тогдашнихъ изданіяхъ его попадались иногда вольнодумныя мысли, кото-

---

[1]) «Н. М. Карамзинъ» I, 245.

рыя могли инымъ давать поводъ считать его за вольнодумца, но рядомъ съ ними шли самыя благонамѣренныя разсужденія «Писемъ русскаго путешественника»; всѣ литературныя связи Карамзина были совершенно солидныя, какъ напр. Державинъ, Херасковъ, Дмитріевъ и т. п., — и вольнодумство не навлекло ему никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей. При Павлѣ на него дѣлали доносы,—вѣроятно тотъ же Голенищевъ-Кутузовъ, кажется исключительно доносившій на Карамзина, теперь и впослѣдствіи, при Александрѣ—но эти доносы были такъ невѣжественны (хотя Голенищевъ - Кутузовъ все - таки могъ быть при Александрѣ попечителемъ московскаго университета), такъ грубы и аляповаты, что не только при Александрѣ, но и раньше, при Павлѣ, не имѣли никакого вліянія. Доносы, конечно, были и грубо несправедливы, потому что даже въ ту эпоху, когда онъ «сочувствовалъ» французскому перевороту, когда онъ, какъ говорятъ, удивлялся Робеспьеру, — все это сочувствіе и удивленіе оставались столь платоническими, что не мѣшали Карамзину въ тоже самое время писать о французскомъ переворотѣ вещи, какія мы приводили.

Правленіе имп. Павла, какъ мы говорили прежде, заставило думать о положеніи дѣлъ въ обществѣ даже людей, которыхъ до того времени эти дѣла вовсе не интересовали. Нечего говорить, насколько смыслъ этого правленія долженъ былъ быть ясенъ для людей образованныхъ, которымъ были доступны нѣкоторыя нравственно - общественныя понятія. Это время явилось характеристическимъ образчикомъ нашего общественнаго устройства. Карамзинъ не извлекъ изъ него никакого опыта.

Наступило наконецъ время Александра.

Можно было бы не придавать особеннаго значенія тому, что Карамзинъ, вмѣстѣ съ литературной толпой, писалъ восхвалительныя оды, свойство которыхъ бывало обыкновенно то, что онѣ переходили всякую мѣру лести предержащимъ властямъ. Написавши оду въ 1796 году, онъ потомъ разочаровался, но съ новой ревностью писалъ оды въ 1801. Это послѣднее одописаніе легко объяснить всеобщимъ восторженнымъ настроеніемъ, съ которымъ принято было воцареніе Александра, но отъ писателя, какъ Карамзинъ, надо было бы по крайней мѣрѣ ожидать, что онъ не хочетъ только льстить, какъ толпа тогдашнихъ риѳмотворцевъ, что онъ не говоритъ на вѣтеръ, что онъ несетъ отвѣтственность за свои слова. Карамзинъ получилъ отъ императора нѣсколько подарковъ за свои панегирики, и къ сожалѣнію забылъ объ этомъ, когда писалъ свою записку о древней и новой Россіи: быть можетъ, воспоминаніе о прежнихъ одахъ

внушило бы бо́льшую осмотрительность карательному краснорѣчію «Записки»....

Кромѣ двухъ одъ, которыми Карамзинъ привѣтствовалъ новаго императора, онъ въ первое же время написалъ похвальное слово Екатеринѣ II. По словамъ новѣйшихъ біографовъ, Карамзинъ, ободренный благосклоннымъ принятіемъ его одъ (онъ получилъ за нихъ два перстня), «вознамѣрился выразить яснѣе свои мысли о желаемомъ правленіи» посредствомъ описанія дѣлъ Екатерины. Цѣль была нѣсколько дипломатическая. «Примѣръ казался для Карамзина гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе всѣхъ умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что онѣ могли подать еще поводъ къ невыгоднымъ предположеніямъ о непрошенныхъ наставленіяхъ, а по мнѣнію другихъ, пожалуй, и дерзкихъ. Подъ щитомъ императрицы Екатерины, *которой имя было возвѣщено* въ первомъ манифестѣ, Карамзинъ могъ гораздо безопаснѣе проводить свои собственныя мысли». При этомъ Карамзинъ забылъ свои собственныя непріятныя воспоминанія объ томъ времени, или объяснялъ ихъ тревожными обстоятельствами конца правленія Екатерины, и «хотѣлъ только почтить благодѣянія». Вообще, онъ «пропустилъ, и даже не намекнулъ объ ея недостаткахъ и порокахъ, потому ли, что считалъ неприличнымъ принимать на себя слишкомъ явно учительный тонъ, опасался оскорбить тѣмъ самолюбіе молодого государя, или считалъ неумѣстнымъ, *въ похвальномъ словѣ*, судить обо всей жизни въ совокупности, или, наконецъ, до того очаровался общимъ впечатлѣніемъ блистательнаго царствованія, что всѣ тѣни ускользнули (?) въ эту минуту отъ его вниманія» [1]).

То-есть, біографъ самъ чувствуетъ, что подобное описаніе царствованія нуждается въ объясненіи, и приводитъ ихъ сколько можетъ. Относительно перваго, можно замѣтить, что какое дипломатическое значеніе ни придавалъ бы Карамзинъ своему труду, ничто не мѣшало ему сказать хотя часть правды, вовсе не впадая въ учительный тонъ, и вовсе не оскорбляя самолюбія, особенно съ тѣмъ медовымъ стилемъ, какимъ онъ отличался. Онъ могъ «считать это неумѣстнымъ въ похвальномъ словѣ», — но его добрая воля была выбирать эту несчастную литературную форму, которая вмѣстѣ съ одой распложала въ старой литературѣ столько искаженія правды и столько рабской лести: ему никто не мѣшалъ дать своему труду форму историческаго обозрѣнія, которая была бы весьма естественна и невинна, и открывала бы полную возможность для критическихъ замѣчаній,

---

[1]) Погод. I, 326.

хотя бы самыхъ тонкихъ и деликатныхъ. Если онъ «очаровался»—такъ внезапно и заднимъ числомъ,—это во всякомъ случаѣ было бы нѣсколько странно въ глубокомъ историкѣ и политикѣ, какимъ изображаютъ его біографы. Онъ не въ первый разъ знакомился съ царствованіемъ Екатерины: онъ прожилъ въ немъ лѣтъ пятнадцать своей сознательной жизни, когда онъ могъ достаточно судить о вещахъ. Ему должны были быть особенно памятны послѣдніе годы царствованія, когда онъ «ходилъ подъ черными облаками, которыхъ тѣнь помрачала въ его глазахъ всѣ цвѣты жизни» [1],—и если бы онъ хотѣлъ серьезно смотрѣть на вещи, то могъ бы видѣть, что «облака» не были случайностью, что, напротивъ, это былъ цѣлый порядокъ вещей, который повторялся и потомъ, и который онъ самъ опять хорошо чувствовалъ, когда писалъ въ августѣ 1801 г. объ императорѣ Александрѣ: «мы при немъ *отдохнули;* главное то, что можемъ *жить спокойно*». Со стороны Карамзина было бы великодушно, еслибы, «очаровавшись», онъ въ своемъ панегирикѣ забывалъ одни свои личныя испытанія и тягости; но онъ забывалъ и тягости общества, а главное тягости народа, который при Екатеринѣ дорого расплачивался за блистательное царствованіе. Забыть, очаровавшись, всю дѣйствительную исторію—не было особой заслугой ни для историка, ни особымъ выигрышемъ для дипломата, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣло было поставлено фальшиво; исторически, постановка была одностороння и невѣрна; въ публицистическомъ отношеніи сочиненіе не достигало цѣли, потому что терялось въ кучѣ похвалъ и лести, ничего не дѣлало для общественной свободы (о которой Карамзинъ въ это время все-таки говорилъ) и для объясненія потребностей общества монарху. Дипломатическій разсчетъ былъ тѣмъ болѣе невѣренъ, что императоръ Александръ самъ видѣлъ, и очень близко, царствованіе Екатерины, еще юношей онъ замѣчалъ его слабыя и непривлекательныя стороны, и неумѣренная похвала по этому уже могла возбудить въ немъ сомнѣніе и не достигнуть цѣли.

Въ сочиненіяхъ Карамзина, писанныхъ за первые годы царствованія имп. Александра, какъ мы отчасти уже указывали, господствуетъ тотъ же общій характеръ, какимъ отличаются его «Письма»,—тотъ же сантиментальный туманъ и странное отношеніе къ практическимъ фактамъ въ исторіи и въ настоящемъ. Такъ въ русскомъ XVIII-мъ столѣтіи, только что пережитомъ, Карамзинъ находитъ сюжетъ только для панегирика. Въ его вѣчномъ противорѣчіи между чувствительными увлеченіями и

---

[1]) Въ письмѣ къ Дмитріеву, 1795, 14 іюня.

практическими взглядами, между словами и дѣломъ, уже не трудно видѣть задатки позднѣйшаго упорнаго консерватизма; потому что либерализмъ его отвлеченныхъ принциповъ, его любовь къ человѣчеству, къ «просвѣщенію», восхваленіе «республиканскихъ» добродѣтелей были слишкомъ книжно изысканны, въ нихъ слишкомъ большую роль играла старательно обдѣланная и украшенная фраза, чтобы за этой фразой можно было ожидать настоящаго чувства и продуманной мысли. Но на первое время его консерватизмъ не высказывался такъ откровенно, какъ впослѣдствіи; онъ раздѣляетъ либеральныя увлеченія того времени и говоритъ тѣмъ свободолюбивымъ тономъ, въ какомъ былъ настроенъ императоръ Александръ и его первые друзья.

Въ первой одѣ Александру, Карамзинъ повторяетъ то сравненіе, какимъ воспользовался и Державинъ; онъ радуется, что —

....милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Во второй одѣ онъ говоритъ о томъ, —

Сколь трудно править *самовластно*
И небу лишь отчетъ давать,

и замѣчаетъ тутъ-же: —

Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу (!) подражать....
Онъ можетъ *все*, но *свято чтитъ*
Его-жъ премудрости *законы*».

Народу нужны законы и свобода, — какъ мечталъ въ то время и самъ Александръ:

Короны блескомъ ослѣпленный
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но *можно ли рабу любить?*
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со *страхомъ* несовмѣстна.
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Далѣе, призыванія къ свободѣ:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, *свобода*, намъ *мила*,
И съ пользою царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была, и т. д.

И желаніе, чтобы новый царь давалъ новые законы:

«Трудись, давай уставы намъ», и пр.

Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ авторъ приходитъ въ восторгъ отъ «Наказа», «лобызаетъ державную руку», которая «подъ божественнымъ вдохновеніемъ души» начертала тѣ его строки, гдѣ говорится, что «самодержавство разрушается, когда государи.... собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ», что «несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить свое мнѣніе» и т. д. Карамзинъ восхваляетъ либеральныя разсужденія императрицы о свободѣ выраженія мнѣній и о свободѣ печати, стѣсненіе которой будетъ «угнетеніемъ разума, производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума»; — онъ восхваляетъ ея заботы о просвѣщеніи народа; — восторгается коммиссіей объ уложеніи, которая была «славнѣйшей эпохой славнаго царствованія». Въ историческомъ отношеніи Карамзинъ далъ здѣсь слишкомъ пристрастную и подкрашенную картину царствованія Екатерины, но по тѣмъ общественно-политическимъ мнѣніямъ, которыя онъ хотѣлъ тутъ высказать, мы находимъ у него тотъ же общій тонъ, какимъ говорили наиболѣе либеральные люди того времени, и какимъ говорили совѣтники Александра. Желаніе свободы и просвѣщенія, основаніе правленія на законахъ, необходимость свободы слова и печати, даже одобреніе представительства въ видѣ восхваленія Екатерининской «коммиссіи» — вотъ предметы, которые были указаны Карамзинымъ.

Когда онъ издавалъ «Вѣстникъ Европы», въ теченіе 1802 и 1803 года, онъ нерѣдко обращался къ общественнымъ вопросамъ того времени. Царствованіе Александра уже заявило тогда свои тенденціи и Карамзинъ опять является въ роли восторженнаго панегириста либеральныхъ мѣръ.

По поводу новаго плана народнаго просвѣщенія, Карамзинъ, называя указъ объ этомъ «безсмертнымъ», смѣло говоритъ: «Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едвали кто-нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія.... Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія.... Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію, скажемъ, что *всѣ* новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго

просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха». Относительно исполненія плана, Карамзинъ говоритъ, что конечно только въ будущемъ явятся плоды и вѣнецъ дѣла, потому что просвѣщеніе идетъ обыкновенно медленными и неровными шагами; а пока — «довольно, что сей безсмертный уставъ для совершеннаго просвѣщенія имперіи нашей требуетъ только — вѣрнаго исполненія; а *можно ли сомнѣваться* въ исполненіи того, что̀ монархъ Россіи повелѣваетъ россіянамъ?»

Вспомнимъ мимоходомъ, что въ новомъ министерствѣ былъ между прочимъ М. Н. Муравьевъ, покровитель Карамзина, доставившій ему званіе исторіографа и состоявшій тогда попечителемъ московскаго университета. Въ 1803 г., Карамзинъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью о публичныхъ лекціяхъ, которыя были тогда устроены въ этомъ университетѣ; въ этой статьѣ, по словамъ г. Погодина, «онъ хотѣлъ въ особенности доставить удовольствіе своему покровителю, М. Н. Муравьеву», и панегирикъ выходитъ изъ береговъ. «Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что̀ преподается въ нашихъ университетахъ (!). Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и первый университетъ россійскій, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху наукъ попечителя, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ».

Указъ о правахъ и должностяхъ сената и манифестъ объ учрежденіи министерствъ не только не вызываетъ возраженій, но, напротивъ, новый потокъ панегирика. «Читая указъ о правахъ и должностяхъ сената, россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей предъ симъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи (!), будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ шведовъ и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства» и проч. О новыхъ министрахъ: «Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ

свѣтѣ, какъ нынѣ?... Не одна Францiя должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсторфовъ.... *Уже прошло* то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II...; теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостію государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ»....

Уничтоженіе Тайной Экспедиціи вызвало у Карамзина воспоминаніе объ ужасахъ тайной канцеляріи. «Воспоминаніе, конечно, горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ!» и проч.

Въ числѣ желаній, которыя заявлялъ Карамзинъ для благополучія отечества, было желаніе имѣть систематическій кодексъ:— вѣкъ Александра украсится великимъ дѣломъ, «когда будемъ имѣть полное *методическое* собраніе гражданскихъ *законовъ, ясно и мудро написанныхъ*.... Александръ даруетъ намъ собраніе законовъ, то-есть кодексъ, или *систему гражданскихъ законовъ*, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою» и пр. Нельзя кажется обманываться, что въ этихъ словахъ Карамзинъ желалъ не одного простого сбора старыхъ указовъ, какъ онъ настаивалъ на этомъ впослѣдствіи, а желалъ именно *новаго* систематическаго законодательства, о которомъ тогда думало правительство.

Общее состояніе Россіи представлялось Карамзину въ тѣ годы въ самомъ блистательномъ свѣтѣ: «Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы (успокоеніе революціи при Наполеонѣ), съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлить съ другими европейскими народами, мы, *осыпанные блескомъ славы* и благотвореніями человѣколюбиваго монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіянская война доказала міру, что колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно.... Она судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ». Внутри, онъ видитъ спокойствіе сердецъ, «вѣрное доказательство мудрости начальства въ гражданскомъ порядкѣ». «Съ другой стороны другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и

болѣе дѣйствують въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ россіянъ возвышается»....

Перечитывая всѣ эти тирады, наконецъ утомляешься этимъ тономъ лести, преклоненія и восторга. Карамзинъ конечно въ значительной степени выражалъ дѣйствительную радость общества въ первыя недѣли и мѣсяцы правленія Александра, и мы были бы готовы помириться съ этимъ тономъ; но онъ тянется годы, и тянется въ такое время, когда было бы наконецъ возможно сказать и нѣчто болѣе критически-хладнокровное, серьезное и нужное. Карамзинъ уже въ то время пользовался авторитетомъ; способъ дѣйствій правительства открывалъ возможность болѣе открытаго изложенія мыслей; самъ Карамзинъ говорилъ о свободѣ, которая нужна и которая приходила къ обществу,—но, вмѣсто того, чтобы пользоваться этой свободой, онъ три года не дѣлаетъ даже попытки выйти изъ тона панегирика или отвлеченно-чувствительныхъ взываній къ добродѣтели согражданъ; здѣсь нѣтъ и рѣчи о какой-либо серьезной критикѣ общественныхъ или правительственныхъ недостатковъ: въ «нравахъ» есть конечно недостатки, потому что *«разныя обстоятельства* измѣнили нашъ простой, добрый характеръ»,—но о чемъ-либо болѣе осязательномъ, о какихъ-нибудь недостаткахъ въ устройствѣ жизни не говорится, или же говорится съ смиреніемъ, преувеличеннымъ до непріятной степени [1]). Если мы опять спросимъ: столько ли онъ сдѣлалъ въ это время, сколько могъ, или меньше? Надо снова отвѣтить: меньше. Въ то время, когда передъ серьезнымъ писателемъ открывалась именно возможность говорить о дѣйствительныхъ интересахъ общества и съ пользой служить самому правительству, Карамзинъ довольствуется льстивыми восхваленіями, которыми литература и безъ того была издавна наполнена черезъ мѣру, и возбужденіемъ національнаго самодовольства и самолюбія.

Только въ одномъ вопросѣ Карамзинъ хотѣлъ разсуждать нѣсколько самостоятельно, и гдѣ онъ уже не раздѣлялъ «истинно-человѣческихъ идей»—это былъ крестьянскій вопросъ, едва затронутый тогда имп. Александромъ. Мы остановимся дальше на мнѣніяхъ Карамзина объ этомъ предметѣ.

Намъ могутъ сказать, что въ тогдашнемъ положеніи обще-

---

[1]) Въ одной статейкѣ «В. Евр.», писанной вѣроятно самимъ Карамзинымъ, авторъ возстаетъ противъ заѣзжихъ иностранцевъ, которымъ у насъ поручали воспитаніе, и обличаетъ неблагодарность тѣхъ изъ нихъ, которые, оставивъ Россію, бранятъ ее. Онъ собирался сдѣлать выписку изъ одной книги подобнаго рода, но не сдѣлалъ этого; «мнѣ совѣстно,—говоритъ онъ,—что я имѣлъ любопытство читать такую книгу и не хочу въ нее снова заглядывать». Такъ велика дѣвическая стыдливость автора.

ственнаго развитія было много и то, что сдѣлалъ Карамзинъ; что общество только впервые начинало знакомиться съ подобными предметами, и сдѣлать больше, быть можетъ, не позволили бы самыя условія. Но это едва ли такъ: условія нисколько не требовали того приторно-льстиваго тона, какимъ говорилъ Карамзинъ, и онъ могъ бы говорить иначе, еслибы хотѣлъ. Наконецъ, мы и не ставили бы Карамзину такихъ требованій, еслибы ему не приписывали вообще такого господствующаго значенія, еслибы онъ самъ не говорилъ съ такимъ эмфазомъ, и въ особенности, еслибы онъ немного лѣтъ спустя не явился такимъ нетерпимымъ судьей современныхъ людей и событій въ своей запискѣ «о древней и новой Россіи».

Эта записка вообще вызываетъ самыя усердныя восхваленія нынѣшнихъ почитателей Карамзина. «Важнѣйшее государственное сочиненіе, — говоритъ одинъ, — стоитъ политическаго завѣщанія Ришелье, которое могъ написать только Карамзинъ съ его яснымъ умомъ, съ его наблюдательнымъ расположеніемъ, съ его долговременнымъ изученіемъ Россіи... Можетъ быть, онъ самъ удивился своему труду». Другой, съ нѣсколько либеральными тенденціями, хотя дѣлаетъ неясную оговорку о возможности нѣкоторыхъ ошибокъ въ мнѣніяхъ Карамзина, но все-таки говоритъ о «Запискѣ» весьма патетически. «Записка о древней и новой Россіи представляетъ, послѣ исторіи, самое замѣчательное произведеніе Карамзина, его послѣдняго, *зрѣлаго* періода литературной дѣятельности, тѣмъ особенно, что, отрываясь отъ прошедшаго... Карамзинъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на современное состояніе Россіи и *въ первый разъ* (а прежде-то?) становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію. Съ *глубокимъ чувствомъ гражданина*, оставаясь во всей запискѣ *вѣрнымъ эпиграфу*, взятому имъ изъ псалма «нѣсть льсти во языцѣ моемъ», Карамзинъ хочетъ говорить монарху одну истину, какъ она представляется его уму и душѣ, какъ она *давно* созрѣла въ его убѣжденіяхъ, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины... Записка Карамзина имѣетъ мѣсто въ его біографіи, какъ доказательство, что историкъ, занимаясь прошедшимъ, былъ не чуждъ вопросовъ времени и *живо, сознательно*, съ *глубокимъ чувствомъ понималъ, чего недостаетъ* его родинѣ, *гдѣ* болѣзни ея и чѣмъ могутъ быть излечимы онѣ... Карамзинъ былъ *вообще* правъ, потому что въ выводахъ своихъ опирался на исторію прошлаго. Больше другихъ его современниковъ, увлеченныхъ легкостію дѣ-

лать бумажные опыты надъ жизнію народа, какъ историкъ, онъ уважалъ и цѣнилъ эту жизнь и понималъ только то крѣпкимъ и прочнымъ въ ней, что выросло изъ нея самой, а не набросано сверху творчески самовластною рукою чиновника-администратора, воображающаго себя Пигмаліономъ (!) передъ бездушною статуею страны... Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце царя...» и т. д.

Новѣйшіе почитатели Карамзина, какъ видимъ, даютъ «Запискѣ» чрезвычайное значеніе: не только Карамзину отдается за нее великая похвала, не только обличается «самовластный» Сперанскій, но изъ нея дѣлается настоящая программа для предбудущихъ временъ—«стóитъ политическаго завѣщанія Ришелье», говорятъ они совершенно серьезно. Озлобленный консерватизмъ Карамзина нашелъ себѣ отголосокъ въ новѣйшихъ охранителяхъ.

Изъ этого восхищенія охранителей можно угадывать значеніе «Записки». Она дѣйствительно очень любопытна исторически, потому что Карамзинъ высказывалъ здѣсь не только свои личные взгляды, но во многихъ случаяхъ излагалъ мнѣнія цѣлаго консервативнаго большинства. Самъ Карамзинъ высказывается наконецъ весь, потому что «Записка», безъ сомнѣнія, была однимъ изъ наиболѣе искреннихъ и наименѣе искусственныхъ и натянутыхъ его сочиненій: для изученія его общественныхъ понятій она представляетъ наиболѣе характеристическихъ данныхъ. Что касается внутренняго достоинства ея содержанія,—глубины и справедливости ея основной мысли, доказательности аргументовъ, отличающаго ее настроенія чувства — то, разсматриваемая безъ охранительнаго задора поклонниковъ Карамзина, она представится далеко въ иномъ свѣтѣ.

Мы не станемъ оспаривать ея литературныхъ достоинствъ,— со словъ ея восхвалителей должно признать, что она прекрасно выражаетъ охранительную точку зрѣнія на русскую исторію древнюю и новѣйшую, — но нельзя не видѣть, что она крайне непослѣдовательна, что во многихъ случаяхъ она обличаетъ самого Карамзина и, наконецъ, что политическая мудрость, на которой она построена, подлежитъ большому сомнѣнію, и чувство, ее проникающее, мало способно вызывать симпатію.

Записка «о древней и новой Россіи» имѣетъ задачей представить внутреннюю политическую исторію Россіи и ея современное состояніе. Основная тема «Записки»—доказать, что все величіе, вся судьба Россіи заключается въ развитіи и могуществѣ самодержавія, что Россія процвѣтала, когда оно было сильно, и

падала, когда оно ослабѣвало. Урокъ, слѣдовавшій изъ этой темы для Александра, долженъ былъ быть тотъ, что и въ настоящую минуту Россіи ничего не нужно больше, что либеральныя реформы только вредны, что нужна только «патріархальная власть» и «добродѣтель». «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго»—этими словами Карамзинъ началъ свою записку: это прошедшее должно было доставить ему основаніе для его выводовъ о настоящемъ, — вся сущность записки и цѣль ея заключается собственно въ разсмотрѣніи и критикѣ царствованія имп. Александра. Характеристика древней русской исторіи, на которой мы не будемъ долго останавливаться, соотвѣтствуетъ конечно всему направленію его тогдашнихъ историческихъ трудовъ, и черезъ мѣру окрашена тенденціозными красками, которыхъ не слѣдовало бы употреблять и по тогдашнему состоянію нашей исторической науки.

Для доказательства основной темы «Записки», Карамзину нужно было показать, что въ древней Россіи единовластіе основало ея величіе, которое потомъ пало отъ раздѣленія княжеской власти и отъ удѣльной системы, и онъ утверждаетъ, что «въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже *не менѣе* нынѣшней, то-есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго»—чего, замѣтимъ, на дѣлѣ вовсе не было; далѣе, что въ половинѣ XI-го столѣтія «Россія была не только обширнымъ, но въ сравненіи съ другими, и *самымъ образованнымъ* государствомъ» — чего также не было. Но когда наступила удѣльная система, для Россіи наступилъ и упадокъ: «вмѣстѣ съ причиною ея могущества (единовластіемъ), столь необходимаго для благоденствія, изчезло все могущество и благоденствіе народа»—положеніе, которое по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ совпадало съ фактами.

Въ московскомъ періодѣ всѣ похвалы сосредоточиваются на мудрой политикѣ московскихъ князей, которые успѣли освободить Россію отъ монгольскаго ига и создать изъ нея могущественное государство. Восхваляя самодержавіе, основанное московскими князьями, Карамзинъ всячески прикрашиваетъ тѣ времена, при чемъ нерѣдко дѣлаетъ насиліе исторіи. Все получаетъ благовидную внѣшность. Татарское иго не благопріятствовало наукамъ и искусствамъ, — и кажется, можно бы признать, что науки и искусства были плохи, — «однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны *весьма скоро* по ихъ изобрѣтеніи»;—напр. книги стали печататься едва черезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи книгопечатанія; управляться съ по-

рохомъ и пушками не умѣли хорошенько до самаго Петра Великаго. «Библіотеки царская и митрополитская, наполненныя рукописями греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцевъ» — тѣмъ больше, что въ Москвѣ некому было и пользоваться этими рукописями, притомъ почти только богослужебными и церковными. «Политическая система государей московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію», — хотя всѣ путешественники удивлялись азіатскому деспотизму власти и рабству, грубости и невѣжеству народа, и хотя самъ историкъ тутъ же говоритъ, что «жизнь, имѣніе зависѣли отъ *произвола* царей». Народъ, по словамъ Карамзина, былъ доволенъ: «Народъ, избавленный князьями отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, *не жалѣлъ* о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ», — хотя уходилъ цѣлыми толпами въ казачество и грабилъ ту же Россію.

Приступая къ временамъ Петра, Карамзинъ собираетъ всю силу своихъ аргументовъ, чтобы доказать ошибку реформы. Теперь онъ думалъ о ней совсѣмъ иначе, нежели въ Парижѣ. Мы упоминали выше объ этой перемѣнѣ его мнѣній. Эта перемѣна мнѣній у Карамзина не имѣла вообще значенія такого строго послѣдовательнаго развитія взглядовъ, отъ космополитизма къ національности, отъ свободомыслія къ покорной умѣренности, какъ обыкновенно изображаютъ; потому что, какъ мы видѣли, у него издавна, въ пору самыхъ свободолюбивыхъ увлеченій, были всѣ задатки консерватизма — въ видѣ восхваленія старой французской монархіи, въ видѣ проповѣди повиновенія, отвращенія къ новостямъ, приверженности къ «магической силѣ древности». Теперь только сильнѣе стала выдвигаться эта послѣдняя сторона его мнѣній. Ей всего больше благопріятствовала русская жизнь. Сантиментализмъ Карамзина никогда не доходилъ до опредѣленныхъ общественныхъ представленій; его идеалы, всегда туманные, остановились въ концѣ концовъ на общественной неподвижности, и на безмолвной покорности, которыми издавна была преисполнена русская жизнь. Реформа Петра была единственнымъ фактомъ въ русской исторіи, который нарушалъ эту теорію революціонной рѣзкостью преобразованія, и Карамзину надо было доказывать, что реформа была вредна, что перемѣны даже не были и нужны, потому что и до Петра Россія уже принимала спокойно и умѣренно плоды европейской образованности. Въ XVII-мъ столѣтіи, «еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ

старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи.... Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно.... Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ». Нѣтъ спора, что Петръ дѣйствовалъ круто, но историкъ могъ бы поставить вопросъ: не былъ ли именно нуженъ крутой переворотъ, не потому ли только дѣло Петра и удержалось впослѣдствіи, что на него были потрачены эти страшныя усилія и неукратимая энергія? И эта энергія самого Петра не выражала ли только національную потребность, понятую геніальнымъ умомъ, вырваться изъ того полу-варварства, въ которомъ слишкомъ долго оставалась древняя Россія? Прежнее, до-петровское движеніе Россіи, на которое ссылается Карамзинъ, въ самомъ дѣлѣ было такъ тихо и такъ «едва замѣтно», что въ національной жизни вовсе не представляло собой никакой дѣйствительной силы, какою стала потомъ реформа. На многія жалобы противъ Петра отвѣчалъ очень удовлетворительно самъ Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Аргументы Карамзина противъ реформы, очень благовидные по наружности, нерѣдко однако совершенно неудовлетворительны, иногда нѣсколько рискованны.

Петръ Великій унижалъ народный духъ, пренебрегалъ старыми обычаями, представлялъ ихъ смѣшными и глупыми; «государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ: презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ?» Карамзинъ припоминаетъ, что этотъ народный духъ и вѣра спасли Россію при самозванцахъ. Этотъ духъ «есть ни что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, ни что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству.... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода, не мѣшали заведенію школъ» и т. д. Это справедливо было относительно одежды, пищи и бороды, но только съ сантиментальной точки зрѣнія можно было думать, что просвѣщеніе могло обойтись безъ столкновенія съ нравами. Просвѣщеніе, конечно, заключается въ знаніи нужнаго для благоденствія, но въ томъ и состоитъ спорный пунктъ, что благоденствіе представляется совершенно различно на разныхъ ступеняхъ просвѣщенія: существуетъ обыкновенно большое разстояніе не только

между людьми просвѣщенными и непросвѣщенными, но и между людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ просвѣщенія и эта разница въ степеняхъ просвѣщенія всегда въ практическихъ примѣненіяхъ была источникомъ несогласія и недовѣрія двухъ сторонъ другъ къ другу. Самая слабая доля просвѣщенія способна вызвать въ грубой массѣ подозрительность и вражду, и опредѣляя дѣло исторически, трудно сказать, съ которой стороны эта вражда высказалась раньше, которая сдѣлала вызовъ и которая была болѣе неправа. Карамзину могло быть извѣстно, что народный разладъ изъ-за стараго и новаго начался еще задолго до Петра, что даже то «медленное и тихое» движеніе,—которое обнаруживала Россія XVI — XVII вѣка и которое выразилось и въ Никоновской реформѣ книгъ,—взволновало народную массу до того, что она раскололась на двѣ смертельно враждебныя стороны. Петръ еще въ дѣтствѣ пережилъ впечатлѣнія этого страшнаго раздора; вражда старой Россіи противъ него началась еще въ то время, когда онъ самъ не сдѣлалъ еще ничего противъ нея: настоящая старая Россія ушла въ расколъ еще при Никонѣ, и слѣдствія *этого* раздора, явившагося задолго до дѣятельности Петра и независимо отъ него, конечно играли главнѣйшую роль въ томъ разладѣ, вину котораго сваливаетъ Карамзинъ на одного Петра. Каковы могли быть отношенія между двумя сторонами въ то время, когда реформа еще только обдумывалась и начиналась и когда однако противъ нея уже *готова* была оппозиція настоящей, т.-е. раскольничьей древней Россіи, объ этомъ даютъ понятіе страшные факты исторіи стрѣлецкаго бунта. Что могъ думать Петръ, объ этомъ Карамзинъ могъ судить по своимъ собственнымъ мыслямъ, когда, въ прежнее время, онъ самъ думалъ, что Петръ долженъ былъ «свернуть голову» старому русскому упорству и невѣжеству (см. «Письма русскаго путешественника»).

Карамзинъ могъ бы и съ другой стороны изслѣдовать, насколько это «униженіе народнаго духа» было личной ошибкой и виной Петра. Въ самомъ дѣлѣ, это униженіе было само по себѣ слишкомъ естественнымъ результатомъ крайней загнанности народа, и «чернаго» и бѣлаго. Іоаннъ Грозный говорилъ о русскихъ съ презрѣніемъ, на которое, конечно, имѣлъ не больше права, чѣмъ Петръ Великій; у Петра презрѣніе къ народнымъ обычаямъ не было по крайней мѣрѣ явленіемъ безумнаго тиранства и произвола и вызывалось мотивами, которые совершенно понятны; его собственныя побужденія часто были истинно возвышенны. «Униженіе народнаго духа» дошло до него, какъ готовая традиція,—потому что еще съ Іоанна IV верховная власть московская уже

вполнѣ приняла характеръ восточнаго деспотизма, который не останавливался ни передъ какими соображеніями человѣческаго достоинства и уваженія къ народу. Послѣ того, что позволялось противъ народа въ прежнія и въ позднѣйшія времена, вина Петра находитъ себѣ много извиненій. До какой степени это «униженіе» вытекало изъ цѣлаго характера жизни,—страннымъ образомъ обнаружилось потомъ въ царствованіе самого Александра, когда, по возвращеніи изъ Европы, онъ не разъ высказывалъ пренебреженіе къ русскому и русскимъ, которое едва ли было извинительнѣе, чѣмъ оскорбленіе народныхъ обычаевъ Петромъ Великимъ.

Въ сужденіяхъ о реформѣ еще разъ обнаружилось свойство сантиментальныхъ взглядовъ Карамзина. Онъ всегда рекомендовалъ «просвѣщеніе» и «добродѣтель» какъ панацею всѣхъ гражданскихъ и государственныхъ золъ, но онъ какъ будто никогда не думалъ о томъ, что въ практической жизни «просвѣщеніе» не можетъ оставаться однимъ пріятнымъ «украшеніемъ ума», а что оно можетъ вести за собой такую перемѣну понятій, которая будетъ отражаться перемѣнами и волненіемъ въ самой жизни, въ ея нравахъ и устройствѣ. Съ этимъ туманнымъ представленіемъ Карамзинъ остался на вѣкъ: если онъ, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, дурно понималъ умственныя потребности русскаго общества, когда писалъ свои «Письма», то также точно онъ не понималъ ихъ и послѣ, черезъ двадцать и тридцать лѣтъ;—онъ мало понималъ ихъ условія и въ прошедшемъ.

Карамзинъ считаетъ вредной ошибкой уничтоженіе патріаршества, и жалуется, что со временъ Петра духовенство въ Россіи упало. По его мнѣнію, патріаршество не было опасно для самодержавія, потому что «первосвятители имѣли у насъ одно право—вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать». Напротивъ, Петръ уже испытывалъ противодѣйствіе церковной власти, которая, по низкому уровню тогдашняго образованія въ русскомъ духовенствѣ, пожалуй не замедлила бы и болѣе сильнымъ противодѣйствіемъ, еслибы патріаршество продолжало существовать въ старинной его формѣ и стилѣ. Столкновеніе было неизбѣжно, потому что въ сущность реформы Петра входила секуляризація верховной власти, которая прежде имѣла сильныя ѳеократическія примѣси—конечно, отживавшія свой вѣкъ въ XVIII-мъ столѣтіи. Упадокъ вліянія духовенства не подлежитъ сомнѣнію, но онъ произошелъ не отъ того, что его хотѣли унижать, а отъ того, что оно само отстало отъ движенія, которое шло въ свѣтской образованности. Петръ легко сходился съ тѣмъ духовенствомъ, которое могло, по своему образованію,

помогать его планамъ: оттого выдвигаются при немъ духовныя лица западно-русскаго, кіевскаго образованія, какъ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ. Несмотря на мирный характеръ духовенства, Карамзинъ видитъ однако возможность столкновеній, но на этотъ случай онъ рекомендуетъ нѣсколько макіавелическія правила, которыя несовсѣмъ согласны съ «добродѣтелью», которую онъ обыкновенно рекомендуетъ государямъ: «*Умный* монархъ въ дѣлахъ государственной пользы всегда найдетъ способъ согласить волю митрополита или патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе *имѣетъ видъ свободы* и внутренняго убѣжденія, а не вѣрноподданнической покорности», т.-е. другими словами, — съумѣетъ втихомолку произвести тоже принужденіе, которое Петръ предпочелъ сдѣлать болѣе откровеннымъ образомъ? Это дѣйствительно и практиковалось не одинъ разъ на дѣлѣ, и нельзя сказать, чтобы эта практика—которую, конечно, нельзя скрыть—содѣйствовала къ возвышенію значенія духовенства въ глазахъ общества.

Свои выводы о реформѣ и ея слѣдствіяхъ Карамзинъ высказываетъ въ сожалѣніи о томъ, что мы, хотя во многомъ лучше нашихъ предковъ, но съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. «*Имя русскаго*—говоритъ онъ—имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство. Пусть назовутъ то *заблужденіемъ;* но какъ оно *благопріятствовало любви къ отечеству* и нравственной силѣ его! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; *спрашиваю* (!): кому бы легче было покорить Россію—невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ, или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы *стали* гражданами міра (!), но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Здѣсь опять исторически ошибочно то преувеличеніе «многихъ выгодъ иноземныхъ обычаевъ», будто бы пріобрѣтенныхъ

русскими *до* Петра,—на которое мы имѣли случай указывать,— и чрезвычайно странны разсужденія о гражданскихъ добродѣтеляхъ старины, утраченныхъ потомками. Чтобы выставить дѣло ярче, Карамзинъ по обыкновенію не постоялъ за преувеличеніями: обвинять русскихъ, что они стали слишкомъ «гражданами міра» — можно было развѣ только для смѣха, потому что «гражданъ міра», если ужъ они были, было развѣ пять человѣкъ, а народная масса оставалась совершенно вѣрна взглядамъ древней Руси. Въ слѣдующемъ же году Карамзинъ долженъ былъ увидѣть доказательства; народъ считалъ Наполеона Антихристомъ, его войско—нехристями, не людьми; больше нечего было желать. Въ образованномъ меньшинствѣ были, правда, люди, въ которыхъ Карамзинъ могъ справедливо находитъ упадокъ этой древнерусской добродѣтели, были люди, которые дѣйствительно сомнѣвались, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ» и проч.,—но совершенно непонятно, что хотѣлъ сказать Карамзинъ и чего онъ хотѣлъ требовать отъ этихъ людей? Если было тогда справедливо, что «имя русскаго» потеряло «силу неисповѣдимую», какую имѣло въ тѣ времена, когда думали, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство»,— это просто объяснялось тѣмъ, что многіе стали считать эти древнія мнѣнія *заблужденіемъ:* неужели надо было сохранять это наивное заблужденіе старины людямъ, которые были уже нѣсколько образованы, знали другіе примѣры и могли сравнивать? Смѣшно было говорить, что русскіе заразились космополитизмомъ, но у людей образованныхъ дѣйствительно являлось новое понятіе о національномъ достоинствѣ и «совершеннѣйшемъ гражданинѣ», понятіе, при которомъ они не могли держаться патріархальныхъ убѣжденій старины и вмѣстѣ не могли восхищаться настоящимъ порядкомъ вещей, гдѣ «совершеннѣйшее гражданство» было невозможно. Весь смыслъ новой исторіи общества и состоялъ именно въ томъ, что оно пріобрѣтало съ увеличеніемъ образованія и новыя нравственно-общественныя понятія и стремилось дать имъ мѣсто въ жизни. Только такой смыслъ и могло имѣть «просвѣщеніе», если оно имѣло у насъ какой-нибудь смыслъ, и этого опять совершенно не понималъ тотъ же писатель, который такъ много и съ такимъ жаромъ разсуждалъ о просвѣщеніи.

Свои жалобы на упадокъ старинныхъ гражданскихъ добродѣтелей, Карамзинъ подтверждаетъ ссылкой на вельможъ, которые столь охладѣли къ отечеству, что спокойно читаютъ въ европейскихъ столицахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ. Какъ видимъ, это тотъ же пресловутый вопросъ объ абсентеизмѣ,

который еще недавно снова трактовался въ нашей литературѣ и котораго никакъ не могутъ разрѣшить люди мнѣній Карамзина и московскаго «Дня». Достаточно сказать, что абсентеисты, пожалуй даже старѣе петровской Россіи, — потому что, собственно говоря, еще Курбскій былъ абсентеистомъ, потомъ, говорятъ, еще при Годуновѣ русскіе, посланные за границу въ ученье, не возвратились потомъ въ Россію,—и что причины новѣйшаго абсентеизма достаточно ясны: для однихъ это было тягостное чувство отъ отсутствія сколько-нибудь свободной умственной и гражданской жизни дома; для другихъ,—и особенно для тѣхъ людей, которыхъ разумѣлъ Карамзинъ,—полная гражданская испорченность, источникъ которой лежалъ въ тѣхъ же домашнихъ условіяхъ. Эти послѣдніе были обыкновенно люди, которые, воспитавшись въ аристократической сферѣ, никогда не имѣли никакого интереса къ народу, избалованные крѣпостными богатствами, видѣли въ русскомъ народѣ только мужиковъ, доставлявшихъ деньги. Полагаемъ, что нѣтъ надобности подробно объяснять, что виной этого явленія была вовсе не реформа Петра, вовсе не то, что эти люди вмѣсто русскаго кафтана надѣли французскій кафтанъ, — а именно тотъ порядокъ вещей, который осыпается похвалами Карамзина и который онъ совѣтуетъ еще укрѣпить и усилить.

Выводъ Карамзина о Петрѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ великъ безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». Мы видѣли отчасти, насколько можно приписывать Петру упадокъ русскихъ гражданскихъ добродѣтелей. Карамзинъ соглашается, что самая дѣятельность Петра была возможна только при безграничности его власти: «въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной: ничто не казалось ему страшнымъ». Такая власть создана была древней Россіей, такой власти и желалъ Карамзинъ для Россіи, и можно было бы спросить: на какихъ же основаніяхъ можно указывать ей образъ дѣйствій? Что можетъ удерживать ея заблужденія и излишества, если, по мнѣнію Карамзина, она не должна имѣть никакихъ ограниченій? Карамзинъ отвѣчаетъ вообще: «добродѣтель», а здѣсь приводитъ еще аргументы, вычитанные изъ «Общественнаго Договора». Сказавъ о томъ, какъ Петръ Великій попиралъ народные обычаи, т.-е. одежду, пищу, бороду, патріарха и т. д., Карамзинъ говоритъ: «Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ,

въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго,—но не сказалъ: противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Все это прекрасно, но кому же извѣстно что-нибудь объ этомъ первоначальномъ завѣтѣ, и отчего еще, если возможенъ былъ одинъ завѣтъ, невозможенъ другой?

Итакъ, древняя Россія была создана и возвеличена единодержавіемъ и самодержавіемъ. Тѣмъ же самодержавіемъ она была преобразована при Петрѣ. Петръ былъ великій мужъ, который самыми ошибками доказываетъ свое величіе: «какъ хорошее, такъ и худое онъ дѣлаетъ на вѣки». Но дѣло его осталось неконченнымъ, и преемники его до самой Екатерины неспособны были быть его продолжателями.

Картина XVIII-го вѣка въ «Запискѣ» Карамзина довольно безпристрастна, хотя она опять не приводитъ его къ правильному уразумѣнію настоящаго состоянія народа и общества. Въ первое время послѣ Петра, «пигмеи спорили о наслѣдіи великана; аристократія, олигархія губили отечество», вслѣдствіе того, «самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка». При Аннѣ оно и возстановилось вполнѣ, — но дѣло не поправилось: «истинные друзья престола и Анны гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давалъ право ждать милостей царскихъ». Затѣмъ два новые заговора, Биронъ и правительница Анна теряютъ власть и свободу, вступаетъ на престолъ Елизавета. «Усыпленная нѣгою монархиня давала канцлеру Бестужеву волю торговать политикою и силами государства»; только счастье спасало Россію отъ чрезвычайныхъ золъ, но «счастіе не могло спасти государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова». Характеръ правленія не отличался мягкостью: «грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей; осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильнаго; еще пытки и тайная канцелярія существовали». Потомъ новый заговоръ, и за нимъ паденіе и смерть «жалкаго» Петра III, и воцареніе Екатерины.

Мы указывали выше, какими неумѣренными восхваленіями Карамзинъ прославлялъ Екатерину въ своемъ «Похвальномъ Словѣ». Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и тотъ же Карамзинъ самъ опровергаетъ свой панегирикъ, потому что, хотя и здѣсь онъ преклоняется передъ «истинной преемницей величія Петрова и второю образовательницей новой Россіи», но видитъ и слабыя стороны царствованія, которыхъ даже на его взглядъ оказывается очень много. Не будемъ спорить о томъ, насколько «ею смяг-

чилось самодержавіе», дѣйствительно ли «страхи тайной канцеляріи изчезли» и т. д. Для примѣра противорѣчій пришлось бы перебрать все «Похвальное Слово» и все, что говорится объ Екатеринѣ въ «Запискѣ». Довольно нѣсколькихъ указаній. Такъ, по «Похвальному Слову» Екатерина «научила насъ любить въ порфирѣ добродѣтель», а здѣсь самъ же Карамзинъ, говоря о нравахъ тогдашняго двора, спрашиваетъ: «богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое?» Картина, которую онъ рисуетъ теперь, ясно показываетъ, что внѣшній блескъ того времени покрывалъ чрезвычайную внутреннюю неурядицу. Указавъ, въ числѣ «нѣкоторыхъ пятенъ» царствованія Екатерины, на испорченность придворныхъ нравовъ, Карамзинъ продолжаетъ: «Замѣтимъ *еще*, что *правосудіе не цвѣло* въ сіе время.... Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе *блеска*, нежели *основательности*: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но *красивѣйшее по формамъ*.... Екатерина дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія.... Чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ [1]); дворъ *забылъ языкъ русскій*; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши, *дворянство одолжало*; *дѣла безчестныя*, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали *обыкновеннѣе*.... Екатерина — великій мужъ въ главныхъ соображеніяхъ государственныхъ — являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, *дремала на розахъ*, *была обманываема*; не видала, или *не хотѣла видѣть* многихъ злоупотребленій....» и т. д. Несмотря на то, царствованіе Екатерины осталось для него идеаломъ и онъ указываетъ въ немъ Александру образецъ для подражанія!

Итакъ, Карамзинъ могъ самъ видѣть, когда хотѣлъ видѣть, потому что если приведенныя слова и не заключаютъ еще полнаго изображенія тѣхъ внутреннихъ неустройствъ и общественныхъ тягостей, которыхъ много представляло прославленное царствованіе, то все-таки здѣсь указано многое. Понятно, что все это стало ясно Карамзину не теперь только; онъ самъ говоритъ, что «въ послѣдніе годы ея жизни.... мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину». Въ описаніи царствованія Павла Карамзинъ говорилъ всю правду, и относительно общественнаго настроенія высказываетъ слѣдующее любопытное за-

---

1) Карамзинъ ставитъ это въ число «вредныхъ слѣдствій Петровой системы»; проще и вѣрнѣе было бы поставить это въ число вредныхъ слѣдствій стариннаго невѣжества, потому что потребности въ образованіи нельзя было удовлетворить русскими средствами, которыя были еще слишкомъ слабы.

мѣчаніе: «Въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное *остервенѣніе противъ злоупотребленій власти* заглушало голосъ личной осторожности» [1]). Всѣ эти опыты, повидимому, могли бы навести на нѣкоторыя сомнѣнія, или по крайней мѣрѣ, если Карамзинъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей системѣ, внушить больше осмотрительности въ ея доказательствахъ. Но онъ, по обыкновенію, всѣ трудности обходитъ словами, и всѣ опыты были напрасны. Увидѣвъ и испытавъ даже на себѣ недостатки правленія Екатерины, онъ способенъ былъ потомъ писать самый неумѣренный панегирикъ, старательно обдѣлывая его реторическія украшенія, и послѣ царствованія Павла, описавъ «остервенѣніе», неспособенъ былъ понять, что при такомъ ходѣ вещей въ людяхъ, истинно преданныхъ отечеству, могло явиться глубокое сомнѣніе въ самой системѣ и искреннее желаніе найти какую-нибудь гарантію безопасности и спокойствія.

Карамзинъ говоритъ, что благоразумнѣйшіе россіяне сожалѣли, что зло вреднаго царствованія было пресѣчено способомъ вреднымъ. Сожалѣніе было конечно справедливо. Онъ разсуждаетъ далѣе, что подобные заговоры сдѣлаютъ самодержавіе только игралищемъ олигархіи, и поведутъ къ безначалію, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя. «Кто вѣритъ Провидѣнію—говоритъ онъ—да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его какъ бурю, землетрясеніе, язву, феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіе 9-ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ.... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей! Да устрашаютъ и государей для спокойствія народа!» и т. д.

Этими словами Карамзинъ устранялъ самый вопросъ, поставленный въ началѣ царствованія Александра самой властью, которая, въ минуту сознанія своей отвѣтственности, стала искать средства устранить возможность подобныхъ бѣдствій основаніемъ правильнаго законнаго правленія. Въ словахъ Карамзина заключалась конечно цѣлая политическая система. Карамзину нужно

---

[1]) Карамзинъ говоритъ, что это было «дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго царствованія», которое «не могло быть истреблено въ четыре года Павлова»—дѣло достаточно объясняется чувствомъ «общаго бѣдствія», на которое указываетъ онъ самъ.

было сказать эти слова, чтобы поддерживать потомъ свою теорію безусловнаго подчиненія и безправной покорности, и изображать врагами божескими и человѣческими людей, которые думали бы иначе. Карамзинъ хочетъ отнять у общества самую мысль объ усовершенствованіи порядка вещей, подъ которымъ оно живетъ. Это—воля Провидѣнія! сносите ее какъ бурю, какъ землетрясеніе, и не помышляйте о томъ, чтобы могъ наступить иной порядокъ вещей, въ которомъ право и законъ устраняли бы необходимость подвергаться землетрясеніямъ. Мы уже видѣли эти ссылки на Провидѣніе, которыя обыкновенно употребляются въ подобныхъ случаяхъ и такъ часто бываютъ или пустословіемъ или лицемѣріемъ. Чѣмъ могъ онъ ручаться, что онъ вѣрно истолковываетъ волю Провидѣнія, что волю Провидѣнія исполняло именно то событіе, которое онъ указываетъ, а не другое? Если онъ въ одномъ случаѣ будетъ указывать намъ бичъ гнѣва небеснаго для народа (и за что?), то другіе объяснятъ другія событія какъ наказаніе для самой власти за неисполненіе *ея* обязанностей? Тотъ, «кто вѣритъ Провидѣнію», безъ сомнѣнія будетъ принимать одинаково и то, и другое... Но понятно, что вѣра въ Провидѣніе должна быть предоставлена личному чувству каждаго. Перенесенная въ политическую теорію, она становится или ѳеократической точкой зрѣнія, въ родѣ Боссюэта, или чистымъ фатализмомъ. Но общество, на извѣстной степени развитія, не можетъ довольствоваться ни тѣмъ ни другимъ, какъ вещами уже слишкомъ патріархальными.

Далѣе, занедостаткомъ другихъ политическихъ принциповъ, Карамзинъ хочетъ только пугать и государей и народъ опасностью заговоровъ. «Заговоры суть бѣдствія—говоритъ онъ тамъ же—колеблющія основу государствъ и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить монарховъ, или смѣнять ихъ, что̀ будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи, и должно скоро обратиться въ безначаліе...» Совершенно справедливо; но этотъ самый порядокъ вещей, обычный нѣкогда только въ византійскомъ и турецкомъ Константинополѣ, проходитъ черезъ все наше XVIII-е столѣтіе, благодаря безсилію закона и безправности общества. Поэтому именно первыя либеральныя стремленія Александра избѣжать подобныхъ колебаній установленіемъ какихъ-нибудь прочныхъ законовъ и возбужденіемъ подавленнаго до тѣхъ поръ общества, и были съ одной стороны вѣрнымъ пониманіемъ исторической потребности, съ другой простымъ инстинктомъ самосохраненія.

Карамзинъ говоритъ въ утѣшеніе, что «мы въ теченіи 9-ти

вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ», — утѣшеніе очень простодушное или лицемѣрное. Онъ самъ передъ тѣмъ только называлъ тиранническими многія мѣры самого Петра, которыя были иногда дѣйствительно жестоки; онъ самъ только что разсказывалъ объ угнетеніи отъ разныхъ властолюбивыхъ олигарховъ, при Екатеринѣ I, при Аннѣ, при Елизаветѣ. Или, по его мнѣнію, тиранство есть только прямое истребленіе людей, огнемъ и мечемъ, какъ бывало при Иванѣ Грозномъ?...

Съ такимъ предисловіемъ приступаетъ онъ къ царствованію Александра. Эта часть его «Записки» есть самое рѣшительное отрицаніе тѣхъ либеральныхъ предпріятій, которыя наполняютъ первые годы царствованія.

Мы видѣли, что эти предпріятія были часто очень несостоятельны, по нерѣшительности самого императора и недостатку реальныхъ свѣдѣній у него самого и его помощниковъ. Когда прошло нѣсколько времени, эти свойства дѣла стали обнаруживаться сами собой, и потому не особенно трудно было видѣть ихъ слабыя стороны и противорѣчія; и Карамзинъ часто указываетъ ихъ довольно искусно. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ правъ въ своей критикѣ. Во-первыхъ, она была ошибочна теоретически, потому что для исправленія неудачъ предлагала полную общественную и государственную неподвижность, — и вся теорія была чрезвычайно узкая и вяло-безсодержательная. Нравственно, онъ не былъ правъ потому, что винилъ Александра не только за его личныя ошибки, но и за ошибки цѣлой эпохи, цѣлаго общественнаго настроенія, отъ которыхъ не былъ вовсе свободенъ и самъ критикъ, потому что онъ самъ былъ въ числѣ людей, которые прежде создавали кругомъ Александра фальшивыя и вредныя иллюзіи.

Указавъ, что въ началѣ царствованія господствовали въ умахъ два мнѣнія: одно, желавшее ограниченія самовластія, другое, хотѣвшее только возстановленія Екатерининской системы, Карамзинъ присоединяется къ послѣднему, и смѣется надъ тѣми, кто думалъ «законъ поставить выше государя». Ему можно было бы напомнить, что въ ту пору и самъ онъ въ своихъ одахъ Александру «пѣлъ» свободу («сколь ты свобода намъ мила»), вызывалъ Александра «давать уставы» («свобода тамъ, гдѣ есть уставы»), и въ примѣръ указывалъ самого Бога:

Его велѣньямъ нѣтъ препоны
. . . .
Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жъ премудрости законы, —

другими словами, Карамзинъ говорилъ тоже самое, надъ чѣмъ

теперь насмѣхался. Ему бы слѣдовало, по крайней мѣрѣ, быть умнѣе прежде, потому что, какъ теперь оказывалось по его словамъ, дѣло было совсѣмъ невѣроятное.

«Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? — спрашиваетъ онъ. Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти, вижу аристократію, а не монархію. Далѣе: что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто»... Карамзинъ грозитъ, что съ перемѣною государственнаго устава Россія должна погибнуть, что самодержавіе необходимо для единства громадной и состоящей изъ разнообразныхъ частей имперіи, что наконецъ монархъ не имѣетъ права законно ограничить свою власть, потому что Россія вручила его предку самодержавіе нераздѣльное; наконецъ, предположивъ даже, что Александръ предпишетъ власти какой-нибудь уставъ, то будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ, безъ иныхъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи? «Нѣтъ, — продолжаетъ онъ, — оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ власти: да царствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? *страхомъ*—возбудить *всеобщую ненависть* въ случаѣ противной системы царствованія»...

Здѣсь высказаны, конечно, всѣ возраженія, какія можно было сдѣлать противъ такого октроированія конституціонныхъ учрежденій, о какомъ тогда думали. Эти возраженія очень сильны, и для тогдашнихъ отношеній они справедливо указывали если не невозможность, то чрезвычайную затруднительность предпріятія. Но мнѣніе Карамзина, отчасти вѣрное для данной минуты, заключало въ себѣ ту всегдашнюю ошибку фанатическаго консерватизма, что Карамзинъ рѣшалъ вопросъ и за будущее. Въ этомъ отношеніи либералы видѣли дальше, или предчувствовали вѣрнѣе. Для общества, раньше или позже, долженъ былъ наступить період, когда оно пойметъ необходимость преобразованія и когда

его все-таки пришлось бы совершить. Либералы и не думали тогда о полной конституціонной реформѣ; они думали только о нѣкоторыхъ освободительныхъ мѣрахъ, о первомъ возбужденіи общественной дѣятельности, безъ которой наконецъ немыслимо было правильное развитіе и внутреннее благосостояніе страны. Вопросъ шелъ только *о приготовленіи* другого лучшаго порядка, и эта забота была совершенно основательна, потому что для разсудительныхъ людей негодность стараго была очевидна. Карамзинъ для бо̀льшей убѣдительности опять прибѣгаетъ къ системѣ устрашенія, и пугаетъ Александра двумя львами, терзающими другъ друга въ одной клѣткѣ. Само собою разумѣется, что для политической борьбы «двухъ львовъ» въ тогдашней Россіи не было элементовъ и дѣло шло вовсе не о борьбѣ двухъ равныхъ политическихъ силъ, а только объ уничтоженіи безурядицъ, одинаково тяжелыхъ и для власти и для общества, и противъ которыхъ правительство, чувствуя себя безсильнымъ, хотѣло воспользоваться и содѣйствіемъ общества. Средства, предложенныя самимъ Карамзинымъ, были конечно ученическимъ мудрствованіемъ: что значитъ — править добродѣтельно, пріучать ко благу? Это были въ данномъ случаѣ ничего не значущія фразы, нравоученіе, годное только для прописей: чтобы править по истинѣ «добродѣтельно», надо было бы прежде всего сдѣлать такія вещи, отъ которыхъ Карамзинъ первый пришелъ бы въ ужасъ—напримѣръ, хоть освободить съ хорошимъ надѣломъ крестьянъ. И отчего монархъ не могъ бы быть добродѣтеленъ и при томъ порядкѣ вещей, противъ котораго Карамзинъ вооружался? Онъ тогда не посмѣялся бы «десять разъ» на дѣлаемыя ему представленія, напротивъ соглашался бы съ ними, когда они справедливы, и слѣдовательно дѣло пошло бы какъ нельзя лучше. Въ концѣ концовъ, послѣ внушеній о добродѣтели, Карамзинъ находитъ только одно средство «удержать будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти»—это страхъ народной ненависти, конечно съ ея послѣдствіями. Это дѣйствительно заставляетъ иногда государей воздерживаться отъ слишкомъ жестокой тираніи; но неужели для правителей нѣтъ другого побужденія оставаться въ предѣлахъ благоразумія и справедливости, и неужели неправы были люди, которые стремились къ такому государственному порядку, гдѣ можно было бы избѣгать этого ужаснаго крайняго средства?

Рѣшивъ этотъ первый вопросъ, Карамзинъ переходитъ къ разсмотрѣнію внѣшней и внутренней дѣятельности правительства. Указавъ, какъ всѣ «россіяне» согласны были въ добромъ мнѣніи о качествахъ монарха, его ревности къ общему благу и т. д.,

Карамзинъ собираетъ твердость духа, чтобы «сказать истину», что «Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры»... Что Россія очень могла быть наполнена недовольными, это было совершенно возможно,—но, если исключить чиновническій міръ, раздраженный тогда указомъ объ экзаменахъ, и дворянство, большинство котораго опасалось либеральныхъ мѣръ правительства по крестьянскому вопросу,—это недовольство едва ли не было преувеличено Карамзинымъ въ смыслѣ его тенденціи. По крайней мѣрѣ, мы видѣли, что люди той же тенденціи говорили эти самыя вещи уже на второй и третій годъ царствованія Александра, когда, конечно, было гораздо меньше поводовъ къ недовольству.

Карамзинъ начинаетъ съ суроваго осужденія внѣшней политики, ошибокъ дипломатическихъ и военныхъ. Онъ осуждаетъ въ особенности посольство графа Маркова, его высокомѣріе въ Парижѣ и воинственный задоръ нѣкоторыхъ лицъ при дворѣ. По дешевому способу—осуждать вещи, не имѣвшія успѣха, онъ сурово обличаетъ дѣйствія, результатъ которыхъ былъ неудаченъ, и не забываетъ «стараго министра», который, «съ тонкою улыбкою давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ графу Маркову получить голубую ленту въ досаду Консулу». Въ самомъ дѣлѣ, воинственный азартъ есть одна изъ самыхъ антипатичныхъ и пошлыхъ вещей, какими могутъ страдать народы и правительства; но Карамзину могли бы возразить, что въ дѣлахъ съ Наполеономъ замѣшивалась наконецъ и національная честь, которою правительства не могутъ не дорожить. Кромѣ того, на правительствѣ могли отражаться и взгляды тѣхъ «добрыхъ россіянъ», на которыхъ такъ часто ссылается Карамзинъ: что же они говорили тогда, и какой образъ дѣйствій могло бы извлечь правительство изъ ихъ сужденій, если бы къ нимъ прислушивалось? Масса «добрыхъ россіянъ» была уже издавна проникнута полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости «россовъ» и въ ихъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами и предавалась національному самохвальству, которое съ XVIII-го вѣка въ особенности распространяла рабски-льстивая литература одъ, похвальныхъ словъ и т. д., и которое по мѣрѣ силъ поощрялъ и самъ Карамзинъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы». Въ отвѣтъ на его обвиненія, графъ Марковъ и «старый министръ» (съ такой же «тонкой улыбкой») могли бы сказать, что они въ его же собственномъ журналѣ въ то самое время вычитали, и имѣли неблагоразуміе повѣрить, что «колоссъ Россіи ужасенъ», что «рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля»,

что «никогда величіе Россіи не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ», что «она можетъ презирать обыкновенныя хитрости дипломатики и т. д., и т. д.»

Въ разборѣ внутреннихъ преобразованій, Карамзинъ находитъ еще больше поводовъ къ осужденіямъ. Измѣнять было нечего, по его словамъ,—стоило только возстановить Екатерининскіе порядки и все было бы прекрасно. «Сія система правительства (Екатерининская) не уступала въ благоустройствѣ никакой иной европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами имперіи». Этого и слѣдовало держаться. Но,—«вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ исправить по основательному размышленію, совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ (?), что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгнуть только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ и все дѣлаемъ лучше отъ привычки».

Такова была основа мнѣнія Карамзина. Но онъ только-что передъ тѣмъ, изображая правленіе Екатерины, описывалъ (и все еще очень неполно) то жалкую, то ужасную картину внутренней неурядицы, какую создавала «сія система». Императоръ Александръ былъ почти юношей, когда вступалъ на престолъ, конечно могъ далеко не имѣть практическаго знанія жизни,—но онъ уже въ то время гораздо яснѣе «глубокаго знатока исторіи» понималъ недостатки этой системы и больше имѣлъ сердца къ тому бѣдственному положенію вещей, которое при ней развивалось,—къ угнетенію народныхъ массъ, ко всеобщему грабежу, ко всеобщему неправосудію и т. д. Конечно, глубже чувствовали историческую потребность тѣ, кто желалъ широкой реформы, нежели тѣ, кто желалъ только починки и штопанья стараго хлама. Исполненіе было неудачно, потому между прочимъ, что и задача была трудна, — но основная мысль, выставленная совѣтниками Александра, сдѣлаетъ имъ честь въ исторіи. «Исправить по основательному размышленію», — но если основательное размышленіе и приводило къ мысли, что старыми способами нельзя ничего поправить? «Правило мудрыхъ» подлежитъ большому сомнѣнію, потому что въ государственномъ порядкѣ всякая новость есть благо, когда она устраняетъ какое-нибудь застарѣлое зло,—а этого, по крайней мѣрѣ, желали (и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигли) совѣтники Александра.

Переходя къ частностямъ, Карамзинъ строго критикуетъ новыя учрежденія Александра, напр. учрежденіе министерствъ, мѣры по министерству народнаго просвѣщенія, устройство милиціи, предположенія объ освобожденіи крестьянъ, мѣры финансовыя, проекты законодательные и т. д. Мы не будемъ подробно приводить его обличеній, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, относящіяся къ дѣятельности Сперанскаго, были уже указаны авторомъ «Жизни Сперанскаго», который во многихъ случаяхъ вѣрно оцѣнилъ ихъ достоинство. Мы ограничимся общими замѣчаніями и тѣми подробностями, которыя менѣе извѣстны.

Карамзинъ считалъ министерства вещью вовсе ненужной и предпочиталъ старыя коллегіи [1]). Онъ ставитъ въ великое преступленіе авторамъ новаго учрежденія поспѣшность, съ какой оно было введено, и тѣ временныя практическія неудобства, которыя были почти неизбѣжны при установленіи новой администраціи. Все новое для него дурно, все старое прекрасно: «съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокурорами у насъ шли дѣла и прошло *блестящее* царствованіе Екатерины II» (*какъ* прошло, это онъ только-что разсказывалъ за нѣсколько страницъ); въ коллегіяхъ трудились «знаменитые чиновники», у нихъ былъ «долговременный навыкъ», «строгая отвѣтственность»—въ министерствахъ ничего этого не было. Біографъ Сперанскаго показалъ уже, насколько правды было въ этомъ восхваленіи старыхъ коллегій и дѣйствительно ли таковы были труды «знаменитыхъ чиновниковъ». Онъ замѣтилъ здѣсь и то противорѣчіе, какихъ вообще не мало въ запискѣ Карамзина и которыя производятъ очень непріятное впечатлѣніе, заставляя предполагать въ авторѣ или крайнюю необдуманность, или не совсѣмъ хорошій выборъ полемическихъ средствъ. Карамзинъ въ одномъ мѣстѣ претендуетъ, что правительство, создавая учрежденіе, не объясняло своихъ основаній и побужденій: «Говорятъ россіянамъ: было такъ, отнынѣ будетъ иначе; для чего?—не сказываютъ» и ссылается на Петра: «Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ *давалъ отчетъ народу:* взгляните на Регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава». Но въ другомъ мѣстѣ, Карамзинъ съ такой же смѣлостью утверждаетъ, что «въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государевой.» Къ чему же было ссылаться на Петра, который и раскрывалъ свою душу именно затѣмъ, чтобы внушить одобреніе къ своимъ законамъ? Немного

[1]) См. «Жизнь Сперанскаго», I, 132 — 144.

далѣе, Карамзинъ, отвергая мысль объ отвѣтственности министровъ, разсуждаетъ такъ: «кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ *безъ шума, тихо и скромно.* Худой министръ есть ошибка государева: должно исправлять подобныя ошибки, но *скрытно*, чтобъ народъ *имѣлъ довѣренность* (!) къ личнымъ выборамъ царскимъ». Итакъ, опять рекомендація способа дѣйствовать «шито и крыто», въ которомъ Карамзинъ очевидно и считалъ государственную мудрость. Эта система дѣйствій «подъ рукой», «тихо и скромно», «безъ шума»,—система, по которой практиковали старинные и позднѣйшіе Архаровы, Еропкины, Эртели и т. п., — которую такъ усердно рекомендуетъ Карамзинъ Александру, и для министровъ, и для духовенства, и для жестокихъ помѣщиковъ, — сама по себѣ достаточно характеризуетъ его понятія о государственномъ управленіи.

Мѣры по министерству народнаго просвѣщенія вызываютъ опять суровѣйшія осужденія Карамзина. Императоръ Александръ— «употребилъ милліоны для образованія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества (!!). Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій и число ихъ такъ невелико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы». «Вся бѣда оттого, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства». Тамъ множество слушателей, а у насъ — «у насъ *нѣтъ охотниковъ* для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ (!), а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли;... наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ» (?), а выгоды «ученаго состоянія» еще неизвѣстны. Карамзинъ думалъ, что слѣдовало, вмѣсто 60-ти профессоровъ вызвать не больше 20-ти и только увеличить число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ, тогда «призрѣнная бѣдность черезъ 10, 15 лѣтъ произвела бы ученое состояніе» (Карамзинъ еще въ «Вѣстникѣ Европы» думалъ, что у насъ ученыхъ людей и воспитателей юношества слѣдовало бы приготовлять изъ «мѣщанскихъ дѣтей»; для дворянина, очевидно, это была бы вещь унизительная!).... «Строить и покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ—есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ

нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани?» и проч. Карамзинъ сильно осуждаетъ порученіе университетскаго хозяйства совѣту, осмотръ училищъ профессорами, жалуется на недостатокъ русскихъ учителей, и наконецъ рѣшаетъ, что «вообще министерство такъ называемаго (!) просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя».

Вся тирада о министерствѣ народнаго просвѣщенія есть одно изъ самыхъ жалкихъ мѣстъ въ Запискѣ «о древней и новой Россіи». Въ словахъ Карамзина слышится такое недоброжелательство, которое даже трудно объяснить себѣ и которое производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, если вспомнить, что эти слова говорились однимъ изъ первыхъ людей тогдашней литературы и образованнаго общества. Основаніе университетовъ кажется ему только прискорбнымъ убыткомъ для казны! У него нѣтъ и мысли о томъ, что еслибы даже были серьезныя ошибки въ дѣйствіяхъ министерства, то онѣ были бы весьма понятны и извинительны при первыхъ опытахъ и особенно, когда ихъ надо было дѣлать въ странѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ невѣжественной. Вмѣсто доброжелательнаго совѣта, у Карамзина нашлись только раздражительныя осужденія. Не говоря о томъ, что человѣку, истинно любящему просвѣщеніе, не пришло бы въ голову жаловаться на *такія* траты правительства, Карамзинъ забываетъ, что еслибы тутъ и въ самомъ дѣлѣ иныя траты остались на первое время непроизводительными, *этотъ* убытокъ все-таки не могъ быть такъ великъ и вреденъ, какъ другого рода убытки, къ которымъ издавна привыкла русская казна, — убытки отъ всякаго чиновническаго грабежа и воровства, убытки въ родѣ тѣхъ, на какіе жалуется Карамзинъ, говоря о временахъ Екатерины, и т. д.; наконецъ, что этотъ убытокъ долженъ былъ вознаграждаться полезнымъ дѣйствіемъ на общество (какъ это и было) и тѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, какого можно было ожидать отъ учебныхъ учрежденій впослѣдствіи. Онъ жалуется, что правительство основало университеты, но не приготовило учениковъ; — но, во-первыхъ, рядомъ съ университетами основаны были приготовительныя школы и гимназіи, которыя могли открывать путь въ университетъ; во-вторыхъ, правительство могло разсчитывать на прежнія учебныя заведенія и на тѣ Екатерининскія школы, которыя уже существовали и о которыхъ съ такимъ краснорѣчіемъ говорилъ и Карамзинъ въ своемъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ. Если правительство не принялось тотчасъ же само за отысканіе учениковъ для университетовъ, то въ этомъ винить

его невозможно; оно весьма естественно могло ждать, что общество отзовется сколько-нибудь на его заботы, и не нужно будетъ «призрѣвать» только одну бѣдность, чтобы «добрые россіяне» стали чему-нибудь учиться. «Дворяне служатъ», возражаетъ Карамзинъ; но правительство и могло ожидать, что съ открытіемъ университетовъ, съ возможностью учиться, дворяне захотятъ «служить» уже не такими невѣждами, какими они бывали... Карамзинъ странны мъ образомъ полагаетъ, что университеты основаны только для того, чтобы произвести какое-то особое «ученое состояніе», какъ будто образованіе должно ограничиваться однимъ нарочно къ тому предназначеннымъ сословіемъ; онъ думаетъ, что рѣшилъ дѣло, сказавши, что «дворяне служатъ», что «наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ» и т. д.,—что же, ни дворяне, ни судьи, ни священники не нуждаются въ образованіи, какое доставляли университеты?

И все это говорилъ тотъ же человѣкъ, который съ чувствительностью и жаромъ толковалъ бывало о просвѣщеніи, которое должно привести людей къ благополучію; — и тотъ же человѣкъ, который при первыхъ мѣрахъ этого министерства осыпалъ ихъ самыми преувеличенными восхваленіями. «Я чту великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо!... но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами»,—восклицаетъ Карамзинъ въ статьѣ «Нѣчто о наукахъ», и защищаетъ просвѣщеніе отъ обвиненій Руссо, между прочимъ такими словами: «Такъ! просвѣщеніе есть *палладіумъ благонравія* — и когда вы, вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ *область добродѣтели*, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы *какое нибудь состояніе* въ гражданскомъ обществѣ долженствовало *пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ* — нѣтъ! *Сіе златое солнце* сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; *сей текущій кристаллъ* утоляетъ жажду и властилина и невольника; *сей столѣтній дубъ* обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и героя.... *Цвѣты грацій* украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ....» — впрочемъ, довольно.

Обличеніе указа объ экзаменахъ приведено и объяснено въ книгѣ барона Корфа [1]). Указъ былъ черезъ мѣру требователенъ, и не мудрено было возражать на него; но и здѣсь Карамзинъ не могъ обойтись безъ преувеличеній и каррикатуры.

---

[1]) «Жизнь Спер.», I, 180—181.

Намѣреніе и вліяніе этого указа достаточно опредѣлены въ «Жизни Сперанскаго». Карамзинъ справедливо говорилъ, что правительство, «съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ университетахъ, желало насъ *принудить къ тому»*, — дѣйствительно желало принудить, когда увидѣло, какъ упрямо старое невѣжество. Указъ былъ неудаченъ, но учиться онъ принудилъ, и трудно винить правительство, что оно употребило такое средство, когда даже лучшіе представители образованнаго общества могли разсуждать о просвѣщеніи, какъ разсуждалъ Карамзинъ. Клинъ приходилось выбивать клиномъ.

Далѣе, Карамзинъ говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ, какъ извѣстно, рѣшительный противникъ освобожденія. Мы не стали бы оспаривать у него права быть человѣкомъ своего времени, дѣлить предразсудки и заблужденія этого времени, — еслибы Карамзинъ не давалъ намъ права предъявлять къ нему болѣе высокія требованія, чѣмъ къ массѣ его современниковъ, еслибы самъ онъ не говорилъ такъ много о натурѣ, о свободѣ, о просвѣщеніи, о человѣчествѣ: естественно требовать, чтобы онъ—въ извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ—наконецъ сколько нибудь исполнялъ тѣ прекрасныя отвлеченныя правила, которыми его сочиненія переполнены. Къ сожалѣнію, изъ-за красивыхъ фразъ о натурѣ и человѣчествѣ безпрестанно выглядываетъ самое дюжинное крѣпостничество.

Онъ осуждаетъ указъ, запрещавшій продажу и покупку рекрутъ, которая сдѣлалась въ то время цѣлымъ гнуснымъ промысломъ. Карамзинъ защищаетъ эту торговлю въ интересѣ «небогатыхъ владѣльцевъ», которые «лишились бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества»; онъ знаетъ о «дворянахъ-извергахъ, которые торговали крестьянами безчеловѣчно»,—но полагаетъ, что довольно было бы «грознымъ указомъ» запретить такой промыселъ. Если дѣйствительно жаль было, что «лучшіе земледѣльцы» теряли возможность сохранить семью наймомъ рекрута,—какъ утверждаетъ Карамзинъ,—это могло быть неудобствомъ указа; но въ цѣломъ онъ, конечно, вызванъ былъ примѣрами ужасной торговли людьми, существованіе которой Карамзинъ признаетъ и самъ и которую правительство хотѣло прекратить окончательно. Что касается до «худыхъ крестьянъ», которыхъ надо было сбывать небогатымъ владѣльцамъ, и число которыхъ, по словамъ его, стало больше, чѣмъ прежде («крестьяне стали хуже въ селеніяхъ», замѣчаетъ онъ вообще), то поклонникъ «натуры», влюбленный въ человѣчество, не подумалъ даже спросить себя: отъ чего же

стали умножаться эти худые крестьяне и могутъ ли вообще *улучшаться* крѣпостные?

Это «ухудшеніе» крестьянъ было, конечно, только лишнимъ аргументомъ за тѣ освободительныя мѣры, къ которымъ робко приступало тогдашнее правительство. Карамзинъ не могъ пропустить того обстоятельства, что «нынѣшнее правительство имѣло, *какъ увѣряютъ*, намѣреніе *дать господскимъ людямъ свободу*», и излагаетъ свои резоны противъ этого. Его теорія—таже, какую выставляли и въ недавнее время всѣ крѣпостники, считавшіе возможнымъ только личное освобожденіе крестьянъ съ вознагражденіемъ помѣщика. Онъ начинаетъ крѣпостное право съ IX-го вѣка (холопство) и утверждаетъ, что крестьяне никогда не были владѣльцами земли, которая есть неотъемлемая собственность дворянъ; что крестьяне, происшедшіе изъ холоповъ, также законная собственность дворянъ и не могутъ быть освобождены даже лично «безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщикамъ»; что только вольные крестьяне, закрѣпленные Годуновымъ, могутъ «по справедливости» требовать прежней свободы; но такъ какъ *мы не знаемъ нынѣ*, кто изъ нынѣшнихъ крестьянъ происходитъ отъ холопей, кто отъ вольныхъ людей, то—законодателю очень трудно было бы рѣшить этотъ вопросъ, еслибы онъ не имѣлъ смѣлости разсѣчь Гордіева узла, то-есть дать свободу всѣмъ по праву естественному и праву самодержавія. «Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный самодержавецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими».

А вреднымъ крѣпостного права Карамзинъ и не думалъ считать, — и напротивъ, рисуетъ бѣдственное и опасное состояніе крестьянъ, освобожденныхъ *безъ земли*, — «которая, *въ чемъ не можетъ быть спора*, есть собственность дворянская». Крестьяне будутъ пьянствовать и злодѣйствовать; помѣщики, которые прежде «щадили въ крестьянахъ свою собственность» (!), не будутъ ихъ щадить; крестьяне начнутъ ссориться между собой, и не имѣя прежняго «суда помѣщичьяго, рѣшительно безденежнаго», станутъ жертвой мздоимныхъ исправниковъ и «безсовѣстныхъ судей» [1]); начнется затрудненіе въ уплатѣ податей и отъ буйства крестьянъ опасность для государства и т. д. и т. д. Напугавъ всѣмъ этимъ своего читателя, Карамзинъ кончаетъ: «Въ заклю-

---

[1]) Таковы слѣдовательно оказывались судьи, которымъ не для чего было учиться въ университетахъ.

ченіе скажемъ доброму монарху: Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое *прежде тебя существовало* (*положимъ*, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло),—но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Это «положимъ» также очень характеристично: Карамзину точно досадно, что приличіе не позволяетъ ему оспаривать это мнѣніе [1]).

Крѣпостничество Карамзина тѣмъ удивительнѣе, что отъ «глубокаго знатока» исторіи можно было бы ждать нѣкотораго пониманія тѣхъ вліяній, которыя оказывало на жизнь крѣпостное право, какъ съ другой стороны можно было бы ждать болѣе человѣчнаго, сочувственнаго взгляда на бѣдственное положеніе крѣпостного населенія отъ человѣка, который все-таки размышлялъ, который хвалился нѣжностью сердца и страстной любовью къ человѣчеству. Къ сожалѣнію здѣсь еще разъ приходится убѣждаться, что такая преувеличенная чувствительность слишкомъ часто бываетъ одной фразой, и можетъ граничить съ совершеннымъ безсердечіемъ на дѣлѣ. Въ словахъ Карамзина, при всемъ стараніи, нельзя услѣдить ни малѣйшей тѣни сочувствія къ угнетенному классу; это только отношеніе барина, который считаетъ, что дѣло иначе и быть не должно, который въ книжкѣ съ нѣжностью описываетъ поселянъ, а на дѣлѣ съ пренебреженіемъ говоритъ о «господскихъ людяхъ», требуетъ отъ нихъ только исполненія работы и негодуетъ на ихъ пьянство, буйство и т. п., и какъ будто не хочетъ вѣрить, что дѣйствительно правительство хотѣло дать этимъ «господскимъ людямъ» свободу. Конечно, онъ не одобряетъ «дворянъ-изверговъ», но это нисколько не измѣняетъ его мнѣнія. Указывая на трудности даже личнаго освобожденія, Карамзинъ замѣчаетъ: «Тогда (при Годуновѣ, который закрѣпилъ крестьянъ) они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ *навыкъ рабовъ*; мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго *безопаснѣе порабощать людей*, нежели дать имъ не вó время свободу». Безо-

---

[1]) Карамзинъ еще въ «Вѣстн. Европы» высказался противъ освобожденія; онъ считалъ возможнымъ только ограниченіе власти помѣщиковъ, но оставлялъ за ними и владѣніе, и право непосредственнаго надзора. «Многія замѣчанія Карамзина,—говоритъ г. Погодинъ (I, стр. 360), остаются вѣрными и требуютъ до сихъ поръ вниманія: освобожденные и надѣленные замлею крестьяне *не могутъ быть предоставлены себѣ*, особенно при неограниченномъ распространеніи кабаковъ, и имѣютъ нужду *въ ближайшемъ надзорѣ и руководствѣ*». Это постоянно утверждала газета «Вѣсть», при чемъ пользовалась иногда тѣми самыми аргументами, какіе указывалъ Н. М. Карамзинъ.

пасность порабощенія даже такихъ темныхъ, забитыхъ и безпомощныхъ людей, какъ были крестьяне, показали возстанія Стеньки Разина и Пугачева, показалъ разбродъ русскаго населенія, бѣжавшаго толпами куда только можно,— въ высшемъ быту порабощеніе обезсилило русское общество, въ крѣпостномъ быту оно подавило народную жизнь, довело ее до страшнаго отупѣнія и безсилія. «Глубокій знатокъ» исторіи не видѣлъ ничего этого; онъ остался чуждъ и тѣмъ протестамъ противъ крѣпостного права, которые еще за десятки лѣтъ до того времени исходили отъ Новикова, и потомъ отъ Радищева; въ то время, когда въ русскомъ обществѣ снова возрождались инстинкты человѣколюбія и справедливости, и начинало сказываться сознаніе объ общественномъ вредѣ крѣпостного права, когда даже въ остзейскомъ обществѣ высказывались потрясающія и глубокія обличенія Меркеля — къ сожалѣнію, очень приложимыя нерѣдко и къ русской тогдашней жизни, — Карамзинъ, «какъ историкъ, уважающій жизнь», предпочиталъ нравы добраго стараго времени, и строго осуждалъ либеральное вольнодумство, которое вообразило, что слова «любовь къ человѣчеству» могутъ имѣть какой-нибудь серьезный смыслъ.

Впрочемъ, въ *этихъ* мнѣніяхъ Карамзина нисколько не была виновата исторія, изученію которой его біографы приписываютъ консерватизмъ его мнѣній въ эпоху «Записки». Отношеніе Карамзина къ живому народу, въ которомъ столько было «господскихъ людей», всегда было очень барское. Когда онъ переносилъ къ намъ литературную сантиментальную школу, и перелагалъ ее на русскіе нравы въ «Бѣдной Лизѣ» или «Фролѣ Силинѣ», онъ и тогда понималъ всѣ свои возвышенныя чувства только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ представлялъ народную жизнь въ видѣ той же старинной пасторали и идилліи, а на жизнь настоящую смотрѣлъ съ брезгливостью помѣщика, считавшаго, что крестьяне принадлежатъ къ другой породѣ. Образчиковъ его мнѣній обоего рода можно было бы привести не мало изъ его сочиненій, гдѣ онъ является въ своемъ литературномъ костюмѣ, и изъ его писемъ, гдѣ мы видимъ его въ домашнемъ халатѣ: какъ старательно, напримѣръ, разбираетъ онъ, въ письмахъ къ Дмитріеву, всѣ тонкости сантиментальной фразы, подбираетъ для нея чувствительные эффекты и удаляетъ все «низкое»; съ какой простотой онъ понимаетъ съ другой стороны практическія отношенія. Въ оффиціальныхъ такъ-сказать сочиненіяхъ онъ не можетъ говорить о поселянинѣ безъ нѣжнаго чувства, онъ желаетъ ему всякихъ благъ, и напримѣръ просвѣщенія.

Въ указанной статьѣ «Нѣчто о наукахъ», онъ говоритъ: «Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени, съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ счастію роскошнѣйшаго сатрапа». Гдѣ видалъ Карамзинъ *такого* земледѣльца, неизвѣстно; но вотъ практическій образчикъ того просвѣщенія, какое устроивалось на дѣлѣ для земледѣльца настоящаго: «Мальчикъ форейторъ, — пишетъ онъ брату въ 1800 году, — кажется мнѣ мало способнымъ къ поваренному искусству. Развѣ не отдать ли Вуколку къ хорошему повару на годъ? Онъ уже нѣсколько времени учился.... Есть ли вамъ угодно, то мы помѣнялись бы: я доставилъ бы вамъ чрезъ годъ очень хорошаго повара, а вы мнѣ лакея. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Естьли прикажете, то я отдамъ учиться и мальчика.... Между тѣмъ буду искать нанять вамъ повара.... И купить хорошаго повара никакъ нельзя; продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ».

Какъ же было не исполниться негодованіемъ на либерализмъ, который хотѣлъ истребить такую торговлю людьми, какъ собаками?

О томъ, какъ пріобрѣтались поселянами — на практикѣ — нѣжныя подруги, можно видѣть изъ писемъ Карамзина къ его бурмистру: парни женились и дѣвки выходили замужъ по барскому и бурмистрову приказанію, — хотя бывали примѣры, что противъ этихъ мѣропріятій крестьяне возставали «міромъ», — вѣроятно, не безъ причины [1]).

Слѣдуетъ въ «Запискѣ» критика финансовыхъ мѣръ; мы не будемъ останавливаться на ней, по спеціальности вопроса [2]); достаточно сказать, что здѣсь указано нѣсколько дѣйствительныхъ ошибокъ, непрактическихъ мѣръ, но есть по обыкновенію преувеличенія, и опять недостаетъ безпристрастія, чтобы оцѣнить то, что̀ было справедливаго въ нѣкоторыхъ принципахъ Сперанскаго.

Далѣе, одно изъ самыхъ раздражительныхъ обвиненій направлено противъ законодательныхъ предпріятій царствованія и въ частности противъ работъ Сперанскаго [3]). Въ этомъ отдѣлѣ

---

[1]) Нечего говорить о томъ, чтобы *такое* отношеніе къ крестьянамъ было у Карамзина только непремѣнной чертой времени. Не всѣ помѣщики бывали таковы, какъ описанные С. Т. Аксаковымъ, и Карамзину можно было бы отличаться даже отъ большинства, еслибы оно было таково. Невольно, въ контрастъ Карамзину, вспоминается Шишковъ, человѣкъ еще болѣе стараго покроя, и однако относившійся къ своимъ крестьянамъ съ замѣчательной, даже трогательной мягкостью.

[2]) Эта часть записки передана также, хотя не вполнѣ, въ «Жизни Спер.» I, 224 — 230.

[3]) Тамъ же, I, стр. 161 — 165.

«Записки» есть мѣста, гдѣ Карамзинъ былъ всего больше правъ; онъ очень ѣдко и справедливо смѣялся надъ первыми работами «Коммиссіи законовъ», когда главнымъ дѣльцомъ ея былъ Розенкампфъ, указывалъ слабыя стороны проекта «Уложенія» Сперанскаго,—работы, слишкомъ поспѣшно и слишкомъ въ сыромъ видѣ пущенной имъ въ ходъ, — но, какъ всегда, Карамзинъ не заботился о точности, когда нужно бросить лишнюю тѣнь на вещь ему ненавистную, а то, что онъ выставляетъ въ замѣнъ, далеко не серьезно, а иногда ребячески наивно.

«Какое изумленіе для россіянъ!»—восклицаетъ онъ, назвавъ проектъ «Уложенія» переводомъ Наполеонова кодекса. «Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія», и пр., и вооружается противъ самаго кодекса. «Для того ли существуетъ Россія какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія (Карамзинъ разумѣлъ тѣ различныя коммиссіи, которыя со временъ Петра учреждались для составленія законовъ), чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однако же не велѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ....» Тысяча лѣтъ существованія Россіи конечно вставлена только для украшенія, потому что и за тысячу лѣтъ у насъ брались цѣликомъ византійскіе и варяжскіе законы, потомъ брались татарскіе обычаи, потомъ, именно при Петрѣ, шведскіе законы, при Екатеринѣ собирались подражать французскимъ моднымъ идеямъ и т. д. Карамзинъ не хотѣлъ знать, *каковы* были труды, надъ которыми сто лѣтъ работали старыя коммиссіи: между прочимъ, эти труды, такъ долго безплодные, и усиливали ту общественную потребность въ цѣломъ здравомъ законодательствѣ, которая повела къ торопливымъ трудамъ Сперанскаго. Высокомѣрное отношеніе къ Наполеонову кодексу объясняется, конечно, только незнаніемъ, и указаніе на эксъ-якобинцевъ едва ли не было предназначено внушить Александру новое понятіе о характерѣ Сперанскаго. Ссылка на Петра Великаго мало соотвѣтствовала собственнымъ отзывамъ Карамзина, который въ другомъ мѣстѣ жаловался, что Петръ хотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею; о законодательствѣ Петра біографъ Сперанскаго замѣтилъ уже, что Карамзинъ—

завѣдомо или невѣдомо — самъ дѣлалъ здѣсь ошибку, потому что нѣкоторые законы Петра были именно цѣликомъ переведены съ шведскаго, голландскаго и нѣмецкаго, какъ напр. часть воинскаго устава, генеральный регламентъ, военные артикулы и др.

Взгляды самого Карамзина на законодательные предметы иногда приводятъ въ недоумѣніе. «Кстати ли,—говоритъ онъ,— начинать напр. Русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ *не было* и *нѣтъ* въ Россіи? У насъ только *политическія* или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ». Біографъ Сперанскаго замѣчаетъ, что «такое странное утвержденіе можно объяснить въ критикѣ только однимъ движеніемъ раздраженной страсти».

Но, осуждая проектъ, Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, самъ признавалъ необходимость «систематическаго» кодекса, только онъ желалъ строить его не на кодексѣ Наполеона, а на Юстиніановыхъ законахъ и на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ-то и былъ споръ, и конечно, задумывая планъ новаго систематическаго кодекса не съ археологическими цѣлями, естественнѣе было подумать о новомъ европейскомъ законодательствѣ, чѣмъ о византійскомъ и томъ старомъ русскомъ, гдѣ и Карамзинъ считалъ необходимымъ исправить нѣкоторые, особенно уголовные законы, «жестокіе, варварскіе», — да и одни ли уголовные? — которые, хотя и не исполнялись, но существовали «къ стыду нашего законодательства». Этотъ-то стыдъ и почувствовали серьезно люди, которые предпочли искать образца въ Наполеоновомъ кодексѣ. Если бы это систематическое законодательство оказалось слишкомъ труднымъ, Карамзинъ, какъ извѣстно предлагалъ простое собраніе существующихъ законовъ, — какъ это же самое предлагалъ, въ худшемъ случаѣ, и Сперанскій.

Указавъ двумя словами еще нѣсколько ошибочныхъ мѣръ правительства, Карамзинъ приходитъ къ такому общему заключенію о положеніи вещей: «....Удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ, но сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ».

Онъ предлагаетъ затѣмъ свои собственныя мнѣнія о томъ, что надо было сдѣлать для благосостоянія Россіи и въ чемъ должна была состоять сущность правленія. Главную ошибку

новыхъ законодателей онъ видитъ въ «излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности»;—дѣла не лучше ведутся, только въ мѣстахъ и чиновниками другого названія. По его мнѣнію, важны не формы, а люди: министерства и совѣтъ могутъ пожалуй существовать, и будутъ полезны, если только въ нихъ будутъ «мужи, знаменитые разумомъ и честію». Поэтому главный совѣтъ Карамзина — «искать людей», и не только для министерствъ, но въ особенности на губернаторскія мѣста. Онъ полагаетъ, что все пойдетъ отлично, и министрамъ можно будетъ «отдыхать на лаврахъ», если найдутъ 50 хорошихъ губернаторовъ: они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Онъ желалъ, чтобы губернаторы были тѣмъ, что были при Екатеринѣ намѣстники, т.-е. полные хозяева края, и сожалѣетъ, что губернаторамъ оставались не подчинены многія части и дѣла въ губерніи: школы, удѣльныя имѣнія, почта и проч.

Итакъ, слѣдуетъ только «искать людей». Карамзинъ не вѣритъ въ силу «закона», объ утвержденіи котораго «пѣли сирены вокругъ трона». Онъ стоитъ на томъ, что «въ Россіи государь есть живой законъ», что «въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти: наше правленіе есть отеческое, патріархальное», и главнымъ средствомъ власти указываетъ награды и въ особенности наказанія, ссылаясь на слова Макіавеля, что «страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ». Государь добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, судитъ и наказываетъ безъ протокола какъ отецъ семейства. «Строгость безъ сомнѣнія непріятна для сердца чувствительнаго», но она необходима. Въ Россіи не будетъ правосудія, если государь не будетъ «смотрѣть за судьями». «Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви», и пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. «Не должно позволять, чтобы кто-нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно (?) представлять лице недовольнаго.... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью. Скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ» (!).

Указавъ потомъ, какъ ошибочно правительство употребляло иногда другое средство — награды, Карамзинъ повторяетъ еще разъ: «Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя россійскаго; безъ сего искусства тщетно будетъ искать народнаго блага въ органическихъ уставахъ!...»

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ Карамзинъ присоединяетъ еще нѣкоторыя частныя. Онъ защищаетъ интересы дворянства, къ которому предполагалъ въ Александрѣ нерасположеніе. Онъ

развиваетъ ту извѣстную тему, которую мы встрѣтили даже въ запискѣ Сперанскаго — point de noblesse, point de monarchie, —но съ той разницей, что по мнѣнію Сперанскаго у насъ еще нужно было основать и приготовить политически настоящую аристократію, а Карамзинъ находилъ, что она уже есть какъ слѣдуетъ; далѣе, у Сперанскаго, аристократія должна была составить конституціонный элементъ, а по Карамзину, дворянство есть только привилегированный классъ ближайшихъ слугъ государя, — «не отдѣлъ монаршей власти, но главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный». Нація распредѣляется самымъ простымъ образомъ: «народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ». Карамзинъ дѣлаетъ оговорку въ пользу «превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи», но настаиваетъ на томъ, чтобы государь «имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія»....

Во-вторыхъ, онъ совѣтуетъ возвысить духовенство. Онъ «не предлагаетъ возстановить патріаршество», но желаетъ, чтобы синодъ имѣлъ больше важности, чтобы въ немъ были напр. одни архіепископы, чтобы онъ вмѣстѣ въ сенатомъ сходился для выслушанія новыхъ законовъ, для принятія ихъ въ свое хранилище и обнародованія, — «*разумѣется* безъ всякаго противорѣчія». Кромѣ хорошихъ губернаторовъ, надо дать Россіи и хорошихъ священниковъ: «безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ».

Въ заключеніи своемъ Карамзинъ повторяетъ свои мнѣнія о вредѣ нововведеній, о необходимости спасительной строгости, о выборѣ людей, о разныхъ частныхъ мѣрахъ, и выражаетъ надежду на исправленіе ошибокъ и успокоеніе недовольства. Свою консервативную программу онъ еще разъ совмѣстилъ въ такія слова: «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей. Вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ»....

Возвратимся еще къ послѣднему отрывку. Слова Карамзина объ излишнемъ уваженіи формъ казались вообще его біографамъ мѣткой критикой преобразовательныхъ плановъ Александра. И дѣйствительно, пристрастіе къ формѣ было крупнымъ недостаткомъ этихъ плановъ; государственныя преобразованія остались чисто формальными; но формы имѣли однако свое значеніе—и самъ Александръ, въ свои либеральныя минуты, и особенно

его совѣтники вовсе не думали ограничиваться введеніемъ однихъ новыхъ формъ, но хотѣли и тѣхъ вещей, которыя изображались этими формами. Дѣло шло о томъ, чтобы измѣнить традиціонный характеръ власти, и ограничить ея произволъ извѣстнымъ участіемъ общества въ управленіи, а для этого созданіе новыхъ формъ являлось необходимымъ: какимъ бы образомъ иначе могло быть достигнуто «ограниченіе произвола», какимъ образомъ могла обнаружиться самостоятельная дѣятельность и вмѣшательство общества? Изложенный выше планъ Сперанскаго показываетъ, что новыя учрежденія были бы не одной внѣшней перемѣной. Онъ могъ остаться неудачнымъ, вызвавъ противъ себя массу приверженцевъ патріархальной старины [1]), но въ тѣхъ формахъ, которыя онъ хотѣлъ ввести, было все-таки больше смысла, чѣмъ въ мнѣніяхъ Карамзина.

Въ самомъ дѣлѣ, эти мнѣнія ровно ничего не говорили. Легко сказать—«выбрать людей», но ихъ надо было выбрать изъ того же испорченнаго общества, и что сдѣлаетъ самый добродѣтельный человѣкъ тамъ, гдѣ всѣ условія жизни, создавшіяся цѣлыми десятками и сотнями лѣтъ, дѣлали невозможной желаемую добродѣтель въ управляемыхъ? Могъ ли бы онъ, напр., уничтожить хотя «мздоимныхъ» чиновниковъ, когда этимъ чиновникамъ съ однимъ жалованьемъ, большею частью, пришлось бы нищенствовать, когда само общество совершенно понимало эту причину мздоимства, и иногда очень спокойно его выносило? Понятно, что этотъ общій ходъ дѣлъ долженъ былъ овладѣть наконецъ и тѣмъ человѣкомъ, который предназначался исправить его. Да и онъ вышелъ изъ того же общества, и самъ зналъ все это. Тоже самое произошло бы и въ разныхъ другихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ возлагалъ на 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ свои фантастическія надежды.

Правленіе должно быть «отеческое», «патріархальное»,—точно въ самомъ дѣлѣ для управленія огромнымъ государствомъ годились средства, употреблявшіяся для помѣщичьихъ имѣній. Положимъ, монархъ — добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ и смотритъ за судьями; но какъ узнать тѣхъ и другихъ, какъ усмотрѣть за судьями? Карамзинъ пересмотрѣлъ цѣлое столѣтіе, и въ самыя блестящія царствованія, даже въ царствованія людей какъ Петръ и Екатерина, онъ не находитъ исполненія своего идеала,—и не думаетъ спросить себя: достижимъ ли вообще когда-нибудь этотъ идеалъ такими патріархальными путями? Далѣе, главнѣйшее средство, которое рекомендуетъ Карамзинъ для до-

[1]) Ср. «Жизнь Спер.» I, стр. 143.

стиженія народнаго благополучія—страхъ, — есть конечно сильное обуздывающее патріархальное средство, но опять странно видѣть въ писателѣ, влюбленномъ въ человѣчество, такое пристрастіе къ этому средству. Онъ забываетъ всѣ общественныя влеченія человѣка, всѣ средства, какія даетъ просвѣщеніе, и не заботится о воспитаніи въ людяхъ чувства человѣческаго достоинства и сознанія права и справедливости: взамѣнъ всего этого, онъ предпочитаетъ страхъ,—для правителя—страхъ, что его возненавидятъ и составятъ противъ него заговоръ, для управляемыхъ—что ихъ «казнятъ», однимъ словомъ, предпочитаетъ патріархальныя бухарскія средства.

Защита интересовъ дворянства у Карамзина была предисловіемъ той дворянской теоріи, которая до недавняго времени сильно господствовала въ извѣстныхъ кругахъ и въ послѣдніе годы имѣла достойнаго представителя въ газетѣ «Вѣсть». Полагаемъ, что она не нуждается въ опроверженіи. Карамзинъ извлекалъ ее изъ барскихъ преданій своего сословія, къ которымъ прибавляетъ еще ребяческія ссылки на Монтескьё, — ребяческія, потому что аристократія, о которой говорилъ Монтескьё, была не совсѣмъ то, что̀ было русское дворянство....

Совѣты Карамзина относительно духовенства напоминаютъ приведенныя нами выше слова его о томъ, какъ можетъ обращаться «умный монархъ» съ митрополитами. Онъ, возстававшій противъ формъ, предлагаетъ здѣсь еще худшую форму — внѣшніе возвеличеніе синода, — «разумѣется безъ всякаго противорѣчія», т.-е. безъ всякой самостоятельности: понятно, что роль такого синода могла быть одна; онъ долженъ былъ лишнимъ лицемѣріемъ и обманомъ усилить «добродѣтель» правленія.

Мы должны были остановиться подробнѣе на «Запискѣ» Карамзина, потому что до сихъ поръ она мало извѣстна большинству читателей, и между тѣмъ чрезвычайно характерна. Какъ планъ Сперанскаго представляетъ собой одну сторону тогдашнихъ мнѣній, крайній выводъ тогдашняго либеральнаго движенія, высказанный однимъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія, такъ «Записка» Карамзина представляетъ другой полюсъ этихъ мнѣній, оппозицію мнимо-историческаго консерватизма стараго общества, оппозицію, высказанную замѣтнѣйшимъ представителемъ стараго поколѣнія [1]). Это крайніе пункты, ко-

[1]) Конечно, эти выраженія нѣсколько условны: собственно Карамзинъ былъ старше Сперанскаго только на пять лѣтъ.

торые даютъ мѣрку всего движенія: здѣсь оно выразилось ярче и яснѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь произведеніяхъ тогдашней печатной литературы и другихъ явленіяхъ общественной жизни.

Мы указывали выше, какое великое значеніе придаютъ запискѣ Карамзина его нынѣшніе біографы и панегиристы. Имъ кажется, что здѣсь заключается цѣлое откровеніе объ истинномъ политическомъ устройствѣ Россіи: юбилей Карамзина совпалъ съ наибольшей крѣпостнической реакціей, и печально сказать, что онъ послужилъ однимъ изъ заявленій этой реакціи. Это уже бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на смыслъ общественныхъ идеаловъ Карамзина.

Собирая наши замѣчанія, не можемъ не обратиться еще къ сужденіямъ писателя, почти современнаго той эпохѣ, еще видѣвшаго дѣятельность Карамзина и его самого. Отзывъ Н. И. Тургенева любопытенъ и тѣмъ, что въ немъ сказывается не одно личное мнѣніе, но отчасти и взгляды молодого либеральнаго поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, въ которомъ направленіе Карамзина—насколько оно обнаруживалось въ его сочиненіяхъ и мнѣніяхъ его кружка (потому что самая Записка тогда не была извѣстна)—уже начинало возбуждать антипатію.

Самъ г. Тургеневъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ личному характеру Карамзина и о «Запискѣ» думаетъ, что въ ней «нельзя не признать нѣсколькихъ взглядовъ, достойныхъ настоящаго государственнаго человѣка». Указавши на смѣлость «Записки»—хотя, какъ увидимъ, она была только относительная—и очертивъ ея содержаніе, г. Тургеневъ высказывается объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: [1]).

...«Что меня особенно непріятно поразило въ этой запискѣ, это то, что Карамзинъ иногда ставитъ себя какъ будто органомъ дворянства. Онъ забываетъ приличія, которыя долженъ соблюдать всякій разсудительный и умный человѣкъ; онъ забываетъ свое собственное достоинство до того, что серьезно говоритъ о привилегіяхъ (sic), данныхъ государями этому сословію.

«Не знаю, ошибался ли я, но мнѣ всегда казалось, что въ томъ, что написалъ Карамзинъ о Россіи, онъ хотѣлъ сказать русскимъ: «Вы неспособны ни къ какому прогрессу; довольствуйтесь быть тѣмъ, чѣмъ васъ сдѣлали ваши правители; не пробуйте никакой реформы, чтобъ не надѣлать глупостей». Это

---

[1]) См. La Russie I, стр. 462—469. Приводимъ въ главныхъ чертахъ этотъ отзывъ между прочимъ потому, что его еще ни разу не принимали въ соображеніе наши критики и біографы Карамзина (которымъ онъ могъ бы, однако, послужить съ пользой), и слѣд. онъ еще новъ для нашей литературы.

объясняетъ, какимъ образомъ онъ могъ всегда сохранить дружбу Александра. Несмотря на всю свою искренность и доброту, Александръ былъ все-таки монархъ, и притомъ абсолютный. Быть можетъ, онъ разсердился бы, наконецъ, на человѣка, который не говорилъ ему всегда лести, а иногда говорилъ даже немного жесткія вещи,—еслибы возраженія Карамзина не основывались, въ концѣ концовъ, на уваженіи къ любви абсолютной власти, на какомъ-то поклоненіи передъ ней. Еслибы такіе принципы проповѣдовалъ рабъ, они могли бы не понравиться Александру; но въ устахъ человѣка образованнаго и человѣка честнаго, они пріятно щекотали тайные инстинкты монарха [1]).

«....Карамзинъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и съ умомъ просвѣщеннымъ; онъ былъ одаренъ благородной и возвышенной душой. Но эти качества не помѣшали ему провозглашать необходимость и пользу абсолютизма для Россіи. Онъ долженъ былъ выражаться такъ по убѣжденію, потому что былъ неспособенъ къ лицемѣрію или лжи. Однакоже, извѣстно было, что онъ вовсе не былъ врагомъ формъ правленія, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія управляютъ Россіей; онъ былъ даже энтузіастомъ ихъ. «Я республиканецъ въ душѣ, говорилъ онъ иногда; но Россія прежде всего должна быть велика, а въ томъ видѣ, какъ она есть, только самодержавный монархъ можетъ сохранить ее сильною и страшною».—Въ молодости Карамзинъ видѣлъ Европу; онъ пріѣхалъ во Францію во время террора [2]). Робеспьеръ внушалъ ему чуть не поклоненіе. Его друзья разсказывали, что при извѣстіи о смерти страшнаго трибуна, онъ пролилъ слезы; въ старости онъ еще говорилъ о немъ съ уваженіемъ, удивляясь его безкорыстію, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному костюму, который, по словамъ его, былъ контрастомъ костюму людей этого времени».

Изученіе русской исторіи приводило Карамзина къ заключенію, что всѣ успѣхи и величіе Россіи были достигнуты самодержавіемъ.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ, по поводу извѣстной Записки Карамзина о Польшѣ (1819), г. Тургеневъ замѣчаетъ тоже: «Правда, что хотя Карамзинъ — по его мнѣнію — защищалъ только интересы Россіи, въ сущности онъ говорилъ въ пользу императорской власти; и если подобной оппозиціей можно на минуту задѣть капризъ самодержавнаго монарха, то здѣсь нѣтъ, однако, опасности возстановить его противъ себя серьезно и надолго»... (La Russie, I, стр. 89). Наши критики не дѣлали такого психологическаго наблюденія; между тѣмъ оно очень объясняетъ отношенія.

[2]) Это не совсѣмъ точно; Карамзинъ въ эпоху террора былъ уже въ Россіи.

«Изъ этихъ соображеній — продолжаетъ г. Тургеневъ — проистекали, по мнѣнію Карамзина, необходимость и непогрѣшимость автократіи не только для излеченія золъ русской имперіи, но и для сохраненія ея величія. Карамзинъ, повидимому, думалъ, что это величіе было единственное, на какое только можетъ имѣть притязаніе русскій народъ. Онъ любилъ свое отечество съ энтузіазмомъ, и его любящая и благородная душа не могла оставаться равнодушна къ счастію людей; но *считать народъ за ничто* и желать величія только той, конечно привлекательной, отвлеченности, которую называютъ отечествомъ, значитъ не признавать естественныхъ правъ, значитъ слишкомъ дешево цѣнить достоинство человѣка. Соотечественники Карамзина не могли считать лестнымъ для себя такое вѣрованіе.

«Карамзину отвѣчали на его мнѣніе о необходимости абсолютизма: — «признайтесь, по крайней мѣрѣ, что если Россія поднялась при помощи абсолютной власти, то она поднялась только на колѣняхъ». И это разсужденіе было такъ справедливо (замѣчаетъ г. Тургеневъ), что его дѣлали всѣ разсудительные люди при чтеніи исторіи Карамзина, который дѣлаетъ апотеозъ автократіи.... На все это онъ отвѣчалъ только, что Россія велика, сильна, и что ея боятся въ Европѣ».

Наконецъ, г. Тургеневъ въ особенности не прощаетъ Карамзину его уклоненій говорить о крѣпостномъ правѣ. «Онъ легко скользитъ по этому предмету (т.-е. въ «Исторіи Государства Россійскаго») всякій разъ, когда онъ является подъ его перомъ, и если встрѣчаются вещи, которыхъ онъ положительно не можетъ пропустить, онъ относитъ ихъ въ примѣчанія. Онъ не только не осуждаетъ роковыхъ законовъ, прикрѣпившихъ русскаго крестьянина къ землѣ, но кажется извиняетъ ихъ и дѣлаетъ имъ родъ апологіи, рисуя печальную картину нищеты, въ которой находились крестьяне въ то время, когда пользовались своей свободой. Дѣйствительно, въ это время земледѣльцы въ Россіи, какъ и вездѣ, были чрезвычайно бѣдны; но потомъ въ другихъ странахъ ихъ положеніе улучшилось, между тѣмъ какъ въ Россіи, мѣра, почти просто полицейская, прикрѣпившая крестьянъ къ землѣ, которую они обработывали, произвела съ теченіемъ времени настоящее рабство».

Довольно понятно, почему Александръ въ первую минуту былъ пораженъ «Запиской» Карамзина очень непріятно: сначала, и тонъ, и содержаніе Записки могли вызывать въ немъ очень справедливое неудовольствіе; но затѣмъ Александръ помирился съ Карамзинымъ подъ вліяніемъ другихъ ея сторонъ. Это по-

слѣднее указано г. Тургеневымъ; этого не могъ не замѣтить и біографъ Сперанскаго, который говоритъ, что, «вникнувъ ближе въ *истинный смыслъ* Записки, Александръ простилъ смѣлую ея искренность» [1]. Она противорѣчила многимъ мѣрамъ и мнѣніямъ Александра, во многомъ была совершенно несправедлива, не разъ должна была задѣвать его самолюбіе и даже его искреннія добрыя побужденія, но въ концѣ концовъ она льстила инстинкту власти....

Мы видѣли, какъ панегиристы Карамзина превозносятъ государственную мудрость «Записки»; даже тѣ изъ нихъ, которые какъ будто хотѣли относиться къ ней критически, находятъ, что онъ «былъ вообще правъ». Намъ кажется, напротивъ, что если въ «Запискѣ» и есть вѣрныя замѣчанія о нѣсколькихъ неудачныхъ мѣрахъ тогдашняго правительства, то въ цѣломъ раздражительная вражда Карамзина противъ какихъ-нибудь перемѣнъ вовсе не говоритъ о широтѣ его государственныхъ взглядовъ,—потому что взамѣнъ онъ не представилъ ничего лучшаго, а развѣ еще худшее — и «вообще» онъ былъ совершенно неправъ.

Въ Запискѣ Карамзина и въ планахъ Сперанскаго встрѣтились два основные принципа русской внутренней жизни, одинъ—отживавшій свое время, другой—только-что появлявшійся. Европейское вліяніе, постоянно возраставшее съ Петра Великаго, въ это время подѣйствовало на общественныя понятія. Первые признаки сознанія выразились въ критическомъ отношеніи къ господствующему порядку вещей, и затѣмъ въ желаніи достигнуть лучшаго порядка, гдѣ общество могло бы освободиться отъ неограниченнаго владычества государства и начать болѣе самостоятельную дѣятельность, въ которой и должно было ждать единственныхъ залоговъ общественнаго и національнаго блага въ будущемъ. Таковы были тогда стремленія еще немногихъ людей, которые однако были лучшими представителями общественнаго интереса, потому что понимали его всего яснѣе. Принципы, на которыхъ утверждалось существовавшее устройство общественныхъ отношеній, были тѣже порядки XVI—XVII вѣка, мало измѣнившіеся и отъ петровской реформы. Это былъ завѣщанный до-петровской Россіей, почти восточный абсолютизмъ, при которомъ и личность каждаго и цѣлое общество были совершенно безправны. Европейскіе нравы смягчили внѣшность абсолютизма, но не уничтожали его сущности. Между тѣмъ въ

---

[1] «Жизнь Спер.», I, 153.

русскую жизнь съ XVIII-го вѣка проникли нѣкоторыя вліянія европейской образованности; лучшихъ людей начинало тяготить сознаніе личной и общественной безправности; для успѣховъ внутренняго развитія уже чувствовалась потребность въ большей долѣ общественной свободы. Европейское движеніе конца прошлаго столѣтія отразилось въ нашемъ образованномъ обществѣ нѣсколькими отвлеченными понятіями, которыя дали этой практически выроставшей потребности и свои теоретическія основанія. Правленіе Павла еще болѣе разъяснило необходимость какого-нибудь преобразованія существующаго порядка, и въ царствованіе Александра мы видимъ уже первое столкновеніе старыхъ преданій и новыхъ жизненныхъ потребностей общества, первое столкновеніе между старыми порядками безграничнаго абсолютизма и стремленіемъ къ новымъ учрежденіямъ въ смыслѣ европейской конституціонной монархіи. Новое направленіе было еще слабо; приверженцы его были немногочисленны; дѣйствія часто неудачны, но въ основной мысли оно было право: будущее зависѣло отъ развитія общественной самостоятельности; правительственная мудрость должна была заключаться въ расширеніи народной образованности и въ освободительныхъ реформахъ.

Таковъ былъ историческій моментъ, который надо было понять человѣку, желавшему стать судьей общества и его исторіи, и указывать его будущее. Для яснаго, истинно государственнаго или философскаго ума, это будущее и потребности общества въ настоящую минуту едва ли могутъ казаться сомнительными — для этого уже въ то время могло быть достаточно указаній историческихъ и философско-политическихъ, на которыя должно было наводить наблюденіе русской жизни, если и оставить въ сторонѣ внушенія простого чувства справедливости, — и громадная разница между Сперанскимъ и Карамзинымъ, или тѣми направленіями, какія они собою представляли, была въ томъ, что Сперанскій довольно понималъ этотъ историческій моментъ, хотя не вполнѣ удачно для него работалъ, а Карамзинъ совершенно не понялъ его.

Карамзинъ не совсѣмъ ошибался исторически, когда утверждалъ, что величіе Россіи было создано однимъ абсолютизмомъ, но (не говоря объ историческихъ натяжкахъ, какія онъ дѣлаетъ въ защиту своего мнѣнія) онъ ошибался тѣмъ, что слишкомъ преувеличилъ свой историческій выводъ, распространяя его не только на настоящее, но и на будущее. Настоящее уже самыми противорѣчіями своими указывало на необходимость видоизмѣнить прежніе порядки жизни, и это указаніе было понято совершен-

но справедливо Сперанскимъ. Карамзинъ не хотѣлъ понимать этого, и въ самомъ прошедшемъ онъ не увидѣлъ того важнаго обстоятельства, что старый абсолютизмъ достигалъ «величія» Россіи слишкомъ тяжелыми жертвами, и что оттого «величіе» это было слишкомъ односторонне и неполно. Жертвы эти состояли, со временъ возникновенія Московскаго царства, въ страшномъ истребленіи людей, въ насиліяхъ, разогнавшихъ цѣлыя массы населенія, въ уничтоженіи земской общественной самодѣятельности, въ порчѣ національнаго характера и въ подавленіи національнаго ума; если тяжкія жертвы людей могли быть нужны въ свое время для достиженія политическаго единства, то нравственный вредъ продолжалъ свое дѣйствіе во все теченіе новѣйшей русской исторіи и страшно замедлилъ развитіе русскаго народа въ смыслѣ цивилизаціи. Вслѣдствіе этого и «величіе», достигнутое такими средствами, было чисто внѣшнее, завоевательное и военное, которое, само собою, нисколько не предполагало истиннаго величія, состоящаго въ успѣхахъ гражданской жизни, умственнаго развитія и внутренняго благосостоянія. И дѣйствительно, величіе военной имперіи XVIII и XIX вѣка далеко не сопровождалось равными внутренними успѣхами: въ гражданской жизни господствовало всеобщее безправіе,—которое Карамзинъ ребячески старался прикрашивать патріархальными способами,—въ умственномъ отношеніи господствовала крайняя отсталость и невѣжество, благосостояніе матеріальное обнаруживалось азіатской роскошью аристократіи и нищетой крестьянства. Если даже признать, что исторически, для укрѣпленія государства, нужно было это внѣшнее завоевательное величіе, то, разъ оно было пріобрѣтено, для государства являлась все-таки другая, внутренняя задача. Она оставалась нетронутой. Карамзинъ видѣлъ много недостатковъ русской жизни и не могъ понять, что они всего чаще были органически необходимымъ послѣдствіемъ системы, которую онъ защищалъ. Изученіе исторіи не объяснило Карамзину, что патріархальный принципъ, превозносимый имъ, отживалъ свое время, и какъ часто бываетъ съ великими историческими принципами, изъ орудія успѣха становился орудіемъ застоя. «Величіе», какого онъ достигалъ, становилось кажущимся; просвѣщеннѣйшіе люди отдѣлялись отъ національной жизни, въ которой чувствовали себя чужими, или боролись безуспѣшно для ея обновленія. Историческая необходимость требовала, чтобы власть, подавившая нѣкогда земскія силы народа, вновь вызвала ихъ къ жизни, когда внѣшнее единство и политическая сила государства были достаточно пріобрѣтены,—это

была необходимость, потому что безъ развитія этихъ внутреннихъ земскихъ, общественныхъ силъ, государству грозилъ застой, безсиліе и упадокъ. Эта необходимость совпадала съ внушеніями истиннаго патріотизма и истинной образованности, и ее чувствовали, инстиктивно или сознательно, совѣтники Александра. А «глубокій знатокъ» вынесъ изъ исторіи только одинъ идеалъ—той подавленной, отупѣвшей жизни XVII-го вѣка, которая была только печальной ступенью для новой Россіи.

Таковъ былъ существенный порокъ мнѣній Карамзина и его «Записки». Понятно, что его мнѣнія приводили къ совершенно иной программѣ, чѣмъ предполагавшаяся программа импер. Александра. Карамзинъ не могъ не видѣть внутреннихъ неурядицъ, и вину всего этого свалилъ на тотъ новый образъ мыслей, какой подозрѣвалъ въ совѣтникахъ Александра. Карамзинъ стоялъ за старое, и желалъ только усиленія абсолютизма; Александръ или его совѣтники справедливѣе думали, что неурядица въ цѣломъ происходила скорѣе отъ его излишества и крайностей. Карамзинъ требовалъ «добродѣтели», Александръ желалъ учрежденій. Карамзинъ думалъ, что все хорошо, что нужно только выбрать людей; новый взглядъ находилъ, что безъ новыхъ учрежденій никакіе люди не помогутъ, потому что недостатокъ лежалъ въ самыхъ формахъ старой жизни, въ ея крайнемъ безправіи, открывавшемъ полный просторъ всякому произволу. Зло Карамзинъ хотѣлъ лечить тѣмъ же, отъ чего оно произошло—лечить продолженіемъ той же системы, тѣмъ же произволомъ и той же безправностью массы. Карамзинъ винилъ нововводителей, что они только мѣняютъ формы, не мѣняя сущности, но вина того же абсолютизма была въ томъ, что преобразованіе не могло осуществиться; вина давно созданныхъ абсолютизмомъ нравовъ была въ томъ, что новыя формы еще не наполнялись новой сущностью. Новыя учрежденія были однако необходимы для новой жизни: при той системѣ мирнаго преобразованія «сверху», какая имѣлась въ виду, законъ самъ долженъ былъ открыть пути для общественной дѣятельности, для выраженія общественнаго мнѣнія и народныхъ желаній, — для этого именно и были нужны новыя учрежденія, потому что безъ нихъ всякое вмѣшательство общества въ дѣла правленія было бы недозволительно, противозаконно, уголовно-преступно.

Свою точку зрѣнія Карамзинъ защищаетъ въ «Запискѣ» съ тенденціозностью, какой не долженъ бы былъ позволять себѣ писатель, у котораго было уже свое прошедшее. Не говоримъ о томъ, какъ въ разсказѣ о «древней» Россіи онъ скрашиваетъ

все, что̀ могло противорѣчить его предвзятой мысли; не говоримъ о томъ, какъ онъ могъ, смотря по надобности, совершенно иными красками изображать правленіе Екатерины въ «Запискѣ», въ «Похвальномъ Словѣ»,—но чрезвычайно странно читать въ его «Запискѣ» о самомъ царствованіи императора Александра вещи прямо противоположныя тому, что самъ Карамзинъ говорилъ за немного лѣтъ въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Онъ тогда безусловно восхищался всѣмъ (кромѣ развѣ предположеній объ освобожденіи крестьянъ — въ этомъ вопросѣ онъ всегда себѣ вѣренъ); теперь онъ безусловно осуждаетъ. И если самъ онъ хотѣлъ, чтобы правительство соображалось съ мнѣніями «добрыхъ россіянъ», то кто же заставлялъ его тогда съ такимъ легкомысліемъ предаваться необузданному панегирику, восхвалять внутреннія мѣры правительства, преувеличивать военную политическую силу «ужаснаго колосса», питать національныя страсти и вводить въ заблужденіе правительство и «добрыхъ россіянъ». Карамзинъ жалуется, говоря о царствованіи Александра, что надежды перваго времени не оправдались, но ктоже столько подслащалъ тогда общественное мнѣніе и усыплялъ его своими панегириками? Скажутъ: Карамзинъ могъ перемѣнить свои мнѣнія; — но въ такомъ случаѣ долженъ былъ собственный примѣръ научить его бо̀льшей терпимости, потому что и въ другихъ возможно было заблужденіе, совершенно искреннее и честное, — каково, надо предполагать, было его собственное.

Вмѣсто того, Карамзинъ съ какимъ-то злорадствомъ, котораго мы не можемъ помирить съ отзывами о безупречныхъ достоинствахъ его характера, обвиняетъ «неблагомысленныхъ» совѣтниковъ Александра. Мы упоминали, какой смыслъ должны были получать эти обвиненія при извѣстной и тогда подозрительности и мнительности Александра. Одинъ изъ панегиристовъ Карамзина выражаетъ мысль, что «можетъ быть и *ссылка* Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ Запискою» [1]. Признаемся,—какъ мы ни мало расположены къ поклоненію передъ Карамзинымъ, мы не желали бы думать, чтобы это предположеніе имѣло основанія; не желали бы, чтобы и на него упалъ упрекъ за это черное пятно въ царствованіи Александра.

Что же, наконецъ, ставилъ самъ Карамзинъ на мѣсто той системы, которую онъ съ такимъ раздраженіемъ обвинялъ? Біографъ Сперанскаго, разбирая одно мѣсто «Записки», замѣчаетъ:

[1]) Казанскій юбилей стр. 101.

«Карамзинъ, какъ человѣкъ умный и добросовѣстный, не могъ... не видѣть всѣхъ недостатковъ прежняго порядка дѣлъ и не желать улучшеній. Но чего, именно, онъ желалъ, то остается, для насъ по крайней мѣрѣ, неразгаданнымъ» [1]). И дѣйствительно, мудрено понять, какимъ образомъ могла дѣйствовать система правленія, рекомендованная Карамзинымъ. По всему ея изображенію это выходитъ таже система, по которой онъ управлялъ своими двумя Макателемами. Власть должна быть отеческая, патріархальная, монархъ долженъ самъ за всѣмъ присматривать, наказывать виновныхъ, награждать достойныхъ, правленіе должно утверждаться на добродѣтели и мудромъ избраніи людей, управляемые должны повиноваться и безмолвствовать — такова собственно программа Карамзина, которая слишкомъ наивна, чтобы быть возможной.

Г. Тургеневъ, по нашему мнѣнію, очень вѣрно замѣтилъ, что въ основаніи мнѣній Карамзина лежало невысокое мнѣніе о русскомъ народѣ, мысль, что русскій народъ и не способенъ ни къ чему иному, кромѣ того, что сдѣлаютъ изъ него его правители. Дѣйствительно, безпристрастное наблюденіе, съ какимъ еще мало обращались къ Карамзину, покажетъ, что у него не одинъ разъ высказывается это сухое — скажемъ ближе — помѣщичье отношеніе къ крестьянскому народу. Мы указывали не разъ, какъ подобныя вещи легко мирились съ его сладкой чувствительностью на словахъ; онъ могъ по-своему любить отвлеченный народъ, какъ любилъ отвлеченное отечество, но къ живому народу онъ относился съ высомѣріемъ, поражающимъ крайне непріятно. Въ русскомъ обществѣ было потомъ не мало людей, которые приходили къ такому скептическому мнѣнію о народѣ, но въ ихъ мнѣніяхъ была однако громадная разница съ мнѣніями Карамзина. Для тѣхъ, эти недостатки народа являлись результатомъ несчастной исторіи, бѣдственныхъ обстоятельствъ; эти люди не скрывали отъ себя слабыхъ сторонъ народа; сомнѣніе приводило иныхъ, какъ Чаадаева, къ отчаянію въ будущемъ, приводило къ раздраженному недовольству, какъ Бѣлинскаго и какъ многихъ иныхъ, но эти люди мучительно страдали отъ своего сомнѣнія, со страстью отдавались всему, въ чемъ могли видѣть залогъ лучшаго успѣха въ будущемъ, и никогда не выдѣляли себя изъ среды этого народа, не показывали къ нему того высокомѣрнаго пренебреженія, какое проходитъ легкой, но замѣтной чертой въ понятіяхъ

---

[1]) Жизнь Спер. I, 141.

Карамзина. Какъ бы ни легка была эта черта, ея присутствія было достаточно, чтобы внушить людямъ иного характера воззрѣній антипатію къ писателю, каковы бы ни были его другія заслуги. И если вспомнить, что рядомъ съ этимъ Карамзинъ защищалъ безусловно патріархальный абсолютизмъ, не желая замѣчать его историческаго вреда, и поощрялъ его даже тогда, когда онъ самъ готовъ былъ къ уступкамъ; что онъ съ враждебной нетерпимостью смотрѣлъ на всѣ попытки улучшеній, какъ будто и въ самомъ будущемъ желалъ закрыть для націи путь къ новому, болѣе свободному, болѣе совершенному порядку вещей,— мы поймемъ, почему молодое либеральное поколѣніе десятыхъ и двадцатыхъ годовъ уже высказалось противъ Карамзина... *Во всякомъ случаѣ* это отношеніе Карамзина къ народу «нуждается въ оправданіи», какъ говорилъ когда-то кн. Вяземскій о характерѣ фонъ-Визина.

Мы видѣли, въ какомъ свѣтѣ Карамзинъ выставляетъ роль дворянства; онъ настаиваетъ на необходимости аристократіи, и въ самомъ дѣлѣ какъ будто хочетъ выступить органомъ дворянства и его интересовъ. Едва ли онъ могъ представлять себя говорящимъ отъ лица другого сословія, когда онъ обращался къ императору Александру со словами: «требуемъ», «хотимъ», которыя не разъ употреблены въ «Запискѣ». Но кто же далъ вамъ право «требовать» чего-нибудь? — можно было бы спросить его. Эта претензія есть еще одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыхъ мы уже не мало видѣли въ «Запискѣ»: по его же собственной теоріи «добрымъ россіянамъ» надо было только повиноваться.

Послѣ всего этого, можно себѣ представить, что̀ надо думать, когда тотъ-же Карамзинъ называетъ себя республиканцемъ [1]. Такимъ же образомъ признавали себя республиканцами и другія историческія лица, представлявшія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ наименѣе республиканскаго. Такъ императрица Екатерина говорила о себѣ въ письмахъ къ Вольтеру. Если въ тѣ времена это была мода, то во времена Карамзина это была пустая фраза, новый образчикъ того самомнѣнія и высокомѣрія, о которомъ мы говорили. Это слово, со временъ классическихъ трагедій, Телемака и Анахарсиса, совмѣщало тогда всякія свободныя и воз-

---

[1] Быть можетъ, менѣе странно, что тоже повторяютъ и новѣйшіе его біографы, напр. «На вопросъ: какому образу правленія Карамзинъ отдавалъ преимущество? сочиненія его даютъ возможность отвѣчать довольно положительно: *По убѣжденіямъ*, онъ былъ неизмѣнный монархистъ, но *по чувству* склонялся къ республикѣ», и проч.

вышенныя добродѣтели — слыть республиканцемъ, конечно значило стоять выше «грубой толпы», которая неспособна къ свободѣ, и не можетъ понимать возвышенности республиканскаго образа мыслей, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было совершенно безопасно и невинно, потому что настоящаго республиканства никто и не опасался, потому что никто въ него серьезно не вѣрилъ,— какъ имп. Павелъ не вѣрилъ доносамъ на Карамзина. Республиканство Карамзина именно была только форма сантиментальнаго самохвальства, потому что на дѣлѣ эта фраза ничѣмъ не подтверждалась. Въ идеалѣ «величія», какое представлялось ему для его собственнаго отечества, нѣтъ ничего, что сколько-нибудь походило бы на народную и общественную свободу. Напротивъ, свобода была ему ненавистна и величіе, какого онъ хотѣлъ, заключается въ громадности государства, въ наружномъ порядкѣ, въ перепугѣ сосѣдей: «колоссъ Россіи ужасенъ» — говоритъ Карамзинъ съ самодовольствомъ...

Въ воззрѣніяхъ Карамзина — которыя въ «Запискѣ» выразились только яснѣе, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, и которыя, конечно, онъ не менѣе ясно высказывалъ въ своемъ кружкѣ— было такимъ образомъ много вещей положительно фальшивыхъ и въ его отношеніяхъ къ народу, и къ исторіи, и къ настоящему. Конечно, не все въ этихъ ложныхъ взглядахъ принадлежало исключительно ему, но Карамзинъ, по своему литературному вліянію и общественному положенію, въ особенности способствовалъ ихъ распространенію. Въ концѣ концовъ дѣйствіе подобныхъ воззрѣній было, конечно, вредное, деморализирующее. Идеалъ, выставляемый Карамзинымъ, представлялъ такое отсутствіе живого общественнаго содержанія, что не могъ имѣть другого дѣйствія. Неумѣренное восхваленіе патріархальной власти съ отеческими мѣрами «подъ рукой», «безъ шуму» и т. п., съ пренебреженіемъ ко всѣмъ желаніямъ привести ее въ нормальныя формы закона; грубое и фальшивое стремленіе къ внѣшнему «величію»; смѣшное стараніе вздувать очень сомнительную роль аристократіи и рядомъ требованіе безмолвнаго повиновенія; помѣщичье пренебреженіе къ народу и т. д.—все это не могло быть полезно для внутренняго развитія. Толки о «величіи» создавали тотъ родъ ложнаго патріотизма, который изъ-за внѣшняго шума и блеска не видитъ внутреннихъ бѣдствій отечества, въ которомъ такъ сильно развивается національное самохвальство и воинственная задорность. Карамзину принадлежитъ большая доля въ развитіи того грубаго національнаго самообольщенія, которое нанесло и еще наноситъ много величайшаго вреда нашему обще-

ственному развитію,—и «Записка», гдѣ Карамзинъ всего больше высказался со стороны своихъ общественныхъ взглядовъ, была трудомъ, потраченнымъ на защиту отживавшихъ нравовъ и преданій человѣкомъ, котораго по другимъ его трудамъ и таланту печально видѣть партизаномъ стараго общественнаго рабства и застоя.

Впослѣдствіи, мы скажемъ о впечатлѣніи, какое произвела «Исторія Государства Россійскаго» (1818) на общество и особенно на молодое поколѣніе, теперь замѣтимъ только, что въ послѣдніе годы своей жизни Карамзинъ пользовался полной милостью двора, и новое царствованіе началось для него также изъявленіями особенной благосклонности.

Смерть императора Александра опечалила его, и ему пришлось, между прочимъ, увидѣть, чѣмъ бываетъ общество, живущее въ томъ порядкѣ вещей, который онъ такъ рекомендовалъ. «Можно ли читать безъ умиленія, — пишетъ онъ въ декабрѣ 1825 г. Дмитріеву, — что̀ пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрикаціи *тошнитъ*».... Какъ жаль, что онъ не замѣчалъ этого прежде.

Есть не малыя основанія думать, что идеи Карамзина, воплотившіяся въ «Запискѣ»—имѣли практическое вліяніе на высшія сферы новаго наступавшаго періода. Когда русская общественная мысль въ началѣ новаго царствованія переживала трагическій кризисъ, Карамзинъ со всей нетерпимостью и ожесточеніемъ, какія производила его система, внушалъ свои идеи людямъ новаго періода и возбуждалъ въ нихъ вражду къ либеральнымъ идеямъ прошлаго царствованія и либеральнымъ стремленіямъ общества [1]). Этими совѣтами и внушеніями онъ, съ своей стороны, наносилъ свою долю зла начинавшемуся умственному и общественному движенію; онъ рекомендовалъ програму застоя и реакціи, и его имя дало лишній авторитетъ идеямъ этого рода, господствовавшимъ и въ высшихъ сферахъ и въ массѣ общества въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій. Многіе изъ его поклонниковъ, «шептавшихъ святое имя», заняли потомъ важныя мѣста въ разныхъ отросляхъ управленія и вѣрно послужили его идеямъ... Система, имъ рекомендованная, оказалась очень примѣнимой на практикѣ, — въ самомъ дѣлѣ для нея не требовалось никакихъ нововведеній, никакихъ усилій мысли надъ преобразованіями, — и довольно извѣстно, какими плодами обнару-

---

[1]) См. Погодина, «Н. М. Карамзинъ», II, стр. 460.

жилось ея дѣйствіе: общественная жизнь была совершенно подавлена; русская мысль, имѣвшая въ этомъ періодѣ многихъ блестящихъ представителей, едва могла существовать подъ суровой опекой; сухой формализмъ господствовалъ въ управленіи; въ массѣ общества процвѣталъ тотъ невѣжественно-хвастливый патріотизмъ, который современники назвали кваснымъ, крайнее отсутствіе и боязнь мысли; каковы были суды и внутреннее управленіе, это еще очень памятно:—по наружности и на бумагѣ все обстояло благополучно, пока не наступило тяжелое разочарованіе крымской войны. Едва ли кто станетъ спорить, что общественно-политическая система, господствовавшая въ эти десятилѣтія, — по всѣмъ основнымъ чертамъ своимъ, — была именно та самая, горячимъ адвокатомъ которой явился Карамзинъ въ своей «Запискѣ», что она примѣняла именно эти самыя идеи. Едва ли Карамзинъ могъ желать тѣхъ результатовъ, какіе принесла въ концѣ концовъ эта система, но они были необходимы по всей ея сущности. Эти результаты, которые шестнадцать лѣтъ тому назадъ испугали все, даже мало о чемъ думавшее русское общество и возбудили въ немъ — правда не надолго — порывъ къ общественнымъ улучшеніямъ, эти результаты, раскрытые восточной войной, и даютъ возможность опредѣлить практическій смыслъ идей, которыхъ представителемъ былъ Карамзинъ и характеръ того общественнаго круга, отъ лица котораго онъ хотѣлъ говорить.

А. Пыпинъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ САТИРА
ДО РАБЛЕ.

I.

«XVI вѣкъ—герой», выразился весьма удачно Мишле, приступая къ описанію одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ общественнаго развитія въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было бы болѣе мѣтко охарактеризовать вѣкъ, записанный въ скрижали исторіи, какъ вѣкъ «возрожденія» и «реформаціи». Едва ли въ какую-нибудь другую эпоху бывало такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, какъ въ XVI столѣтіи, для того, чтобы открыть новую эру въ жизни авропейскихъ народовъ. Но, благопріятныя событія, выпавшія на долю XVI-го вѣка, достались ему не даромъ; онъ долженъ былъ изъ-за нихъ претерпѣть тяжелую борьбу, и въ этой-то борьбѣ онъ и заслужилъ себѣ имя героя. Ему предстояло одолѣть сильнаго врага, разбить средневѣковой складъ жизни, въ его двухъ рѣзкихъ проявленіяхъ: феодализмѣ и господствѣ церковной власти, и на эту борьбу направлены были всѣ его усилія. XVI-й вѣкъ вышелъ побѣдителемъ, взявъ себѣ въ союзники сильнаго бойца — человѣческій разумъ.

Необыкновенный хаосъ господствовалъ въ Европѣ въ этотъ смутный періодъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ временамъ. Съ одной стороны, старый строй жизни разрушался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, толкаемый въ пропасть собственною своею дряхлостью и порчею, съ другой, разумъ съ трудомъ освобождался отъ приставшихъ къ нему средневѣковыхъ сѣтей. Нельзя не удивляться этому хаосу, когда мы предста-

вимъ себѣ всѣ чрезвычайныя противорѣчія, наполнявшія собою переходную эпоху конца XV и XVI вѣковъ. Какое поразительное разнообразіе представляется нашему уму, когда мы сопоставляемъ имена Лютера и Колумба съ именами Игнатія Лойолы и Александра VI; когда мы сближаемъ такія событія, какъ открытіе книгопечатанія и открытіе Америки рядомъ съ горящими всюду кострами инквизиціи и чудовищными религіозными преслѣдованіями; когда въ одно и тоже время мы присутствуемъ при самыхъ высокихъ проявленіяхъ человѣческаго разума и при его самыхъ мрачныхъ изступленіяхъ, свидѣтельствующихъ еще о варварскомъ состояніи эпохи. Невѣроятно казалось бы, чтобы изъ этого хаоса могла бы выроcти современная цивилизація.

Два великихъ историческихъ явленія возвышаются и властвуютъ надъ XVI-мъ вѣкомъ, этимъ «вѣкомъ возмутившагося разсудка», какъ назвалъ его другой французскій историкъ, Луи Бланъ; эти явленія были возрожденіе литературы, искусства, и религіозная реформа. Между двумя этими явленіями существуетъ самая тѣсная связь, и если нельзя утверждать, чтобы одно породило другое, то тѣмъ не менѣе можно сказать, что возрожденіе искусства, литературы, философіи древняго міра дало новую силу реформаціи и заставило сдѣлать ее рѣшительный шагъ. Изученіе классическаго міра древности открыло новый, казалось, безконечный горизонтъ; знакомство съ его литературой, философіей, религіозными воззрѣніями Греціи и Рима вызвало духъ анализа, изслѣдованія и привело за собой скептическое отношеніе къ существовавшему міросозерцанію и къ цѣлому средневѣковому строю жизни. Древняя жизнь, понятія древности представились въ какомъ-то ослѣпительномъ блескѣ, который бросалъ въ мракъ и кромѣшную тьму идеи, понятія и правила феодальнаго общества. Масса, вырвавшаяся изъ-подъ спуда средневѣковыхъ понятій и окунувшаяся въ жизнь классическаго міра, вышла оттуда полная силы, свѣжести, энергіи. Ознакомленная съ знаніемъ древности, она привела въ наукѣ къ Копернику, въ искусствѣ къ Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело, въ религіи къ тому крупному и великому по своимъ послѣдствіямъ движенію, которое называется реформаціей.

Страна, въ которой прежде всѣхъ другихъ почувствовалось пробужденіе, была счастливая Италія, сохранявшая еще преданія сошедшей съ исторической сцены цивилизаціи. Она была подготовлена болѣе всѣхъ другихъ земель къ воскресенію литературы, философіи, искусства, вообще знанія классическаго міра. Почва была уже нѣсколько расчищена трудами Данта, Петрарки, Бок-

качіо. Если тутъ не исчезли традиціи римской образованности, то, съ другой стороны, возрожденію классическаго искусства и цѣлаго міросозерцанія древнихъ помогали учащенныя сношенія съ павшею Восточною Римскою имперіею, съ Константинополемъ, гдѣ сохранился культъ греческой поэзіи и философіи. Въ Константинополѣ никогда не переставали изучать Гомера и Платона, и ихъ идеи и воззрѣнія были живы, когда Византія подпала владычеству турковъ. Турецкое владычество не нанесло вреда ни древней философіи, ни древней литературѣ, напротивъ оно способствовало возрожденію ихъ, благодаря тому обстоятельству, что множество ученыхъ и образованныхъ грековъ удалились изъ своего отечества и перенесли въ Италію греческую древность, которая должна была оживить и римскую. Пришедшіе въ Италію греки стали учить и знакомить наслѣдниковъ римской цивилизаціи съ памятниками греческой образованности, и въ этихъ памятникахъ итальянцы должны были встрѣтить много близкаго, родного. Иначе оно и не могло быть. Литература народа есть больше чѣмъ его выраженіе, это душа, духъ его, который никогда не умираетъ, это то, что есть самаго высокаго и истиннаго въ его существѣ, потому что произведенія этого духа одни только и переживаютъ матеріальное паденіе народа. На произведенія римской цивилизаціи имѣли самое непосредственное, самое прямое вліяніе греческая поэзія, философія, искусство, и потому безъ знакомства съ памятниками греческой образованности всѣ эти произведенія, хотя и не умершія, оставались непонятными и какъ бы заживо схороненными. Теперь же, когда знаніе греческаго языка, всѣ живые зародыши начинали шевелиться, и вмѣстѣ съ знакомствомъ съ греческими мыслями, идеями, образами, представленіями, возставалъ, тоже подъ ихъ покровомъ, цѣлый придавленный вѣками міръ латинской цивилизаціи. Италія упивается древностью; она получила какую-то обаятельную силу и прелесть, въ ней чувствовалась какая-то необыкновенная свѣжесть и молодость. Средневѣковой складъ жизни казался по сравненію дряхлымъ, изношеннымъ, уродливымъ. Точно струя горячей крови влилась въ вены Италіи вмѣстѣ съ открывшимся кипучимъ источникомъ Гомера, Софокла, Эсхила, вмѣстѣ съ мудростью Платона, Аристотеля, Пиѳагора. Но возрожденіе классическаго міра имѣетъ другое значеніе, какъ только обогащеніе феодальнаго общества бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ памятниковъ литературы, исскуства, распространеніе знанія, философіи древнихъ. Такое знакомство съ литературой, философіей, искусствомъ было бы совершенно мертво, безплодно, еслибы почерпнутыя отсюда идеи и представленія не были

переносимы въ самую жизнь. Эпоха «возрожденія» потому и имѣетъ великое значеніе въ исторіи, что близкое знакомство съ древнимъ міромъ и возстановленіе его сокровищъ разрушило феодальное общество и разорвало тѣ безчисленныя сѣти, которыми опутана была его жизнь. Двумъ господствующимъ въ общественномъ организмѣ среднихъ вѣковъ началамъ, клерикальному и феодальному наносится сильный ударъ, и общество переходитъ отъ феодальныхъ нравовъ къ современнымъ началамъ жизни. Въ Италіи переходъ этотъ совершился прежде чѣмъ въ какой-нибудь странѣ, и причину этого превосходства нужно искать, помимо тѣхъ вліяній, о которыхъ было упомянуто, также и въ томъ, что Италія не была «германизирована»[1]), какъ всѣ остальныя страны Европы, нашествіемъ сѣверныхъ народовъ. Варвары поселились здѣсь только временно, большая часть изъ нихъ покинула Италію, а тѣ, которые остались были скоро покорены силою латинской культуры. Вслѣдствіе этого германская кора была тутъ очень тонкая и скоро была окончательно уничтожена возрожденіемъ латинской цивилизаціи. Такимъ образомъ, въ то время, когда вся Европа еще держалась на феодальномъ порядкѣ, Италія дѣлается государствомъ почти современнаго характера. Возрожденіе античной цивилизаціи привело здѣсь къ золотому вѣку искусства, которое быстро достигло до той степени совершенства, на которой съ тѣхъ поръ его никогда больше никто не видѣлъ. За Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, Тиціаномъ, Веронезомъ, Рафаэлемъ, Корреджіо, Тинторето стояло еще цѣлое племя знаменитыхъ художниковъ, между которыми мы встрѣчаемъ такіе крупные таланты, какъ Андрея дель-Сарто, Пальма, Фра-Бартоломео, Луини и десятки другихъ. Это въ одной живописи; въ скульптурѣ, архитектурѣ мы находимъ такія имена, какъ Бенвенуто-Челлини, Гиберти, Донателло, Брунеллески, Сансовино и т. д. и т. д. Возрожденіе древней образованности сказывается не только на этихъ искусствахъ, оно одинаково отзывается на всѣхъ остальныхъ отросляхъ человѣческаго ума. Рядомъ съ именами великихъ художниковъ мы находимъ не менѣе замѣчательные таланты въ литературѣ, поэзіи, философіи; вездѣ чувствуется жизнь, движеніе, открываются философскія академіи, устраиваются платоновскіе пиры, всюду заботятся о возстановленіи, возможно точномъ, греческихъ и латинскихъ произведеній. Люди, посвящающіе себя наукѣ, не гибнутъ отъ невѣжественнаго преслѣдованія, напротивъ, они находятъ опору и помощь при различныхъ итальянскихъ дворахъ, ими гордятся

[1]) Philosophie et l'art en Italie, par H. Taine.

и славятся, имъ поручаютъ самыя важныя дѣла государства. Пикъ-де-ла-Мирандола, Макіавели, Пульчи, Аріосто, немного позже Торквато-Тассо, Галилей—вотъ столбы, на которые опирается эпоха возрожденія въ Италіи.

Естественно, что подъ напоромъ здоровой мысли, возбужденной возрожденіемъ классическаго міра, средневѣковое зданіе, не имѣвшее прочнаго фундамента на итальянской почвѣ, должно было рушиться. Оно рушится безъ шума и треска, не вызывая той бури, которая начинаетъ разыгрываться на сѣверѣ, чтобы отсюда разразиться на всю остальную Европу. Изъ двухъ началъ, господствующихъ въ теченіи среднихъ вѣковъ, только одно особенно давило Италію—это церковь, духовенство, папская власть, имѣвшая тутъ свою колыбель. Пробужденіе искусства, литературы, науки дѣйствуетъ на это начало совершенно особеннымъ образомъ. Оно не старается бороться противъ возрожденія древняго міра, который дышалъ въ каждомъ камнѣ вѣчнаго города, оно поддается господствующему оживленію, и по крайней мѣрѣ въ своихъ представителяхъ, папахъ, принимаетъ участіе въ общемъ движеніи. Преступный Александръ VI не оставался чуждъ міру искусствъ; Юлій II, весь отдавшійся политикѣ и воинственнымъ предпріятіямъ, кладетъ основаніе св. Петру, покровительствуетъ Микель-Анджело и заказываетъ для себя геніальному артисту великолѣпную гробницу, которая, къ сожалѣнію, никогда не была исполнена. Что это было бы за произведеніе—можно судить по статуѣ Моисея, назначавшейся для этой гробницы. Преемникъ Юлія II, Левъ X, представляетъ изъ себя типъ аѳинянина золотого вѣка, Перикла. Слава, окружающая это имя, досталась ему безъ особенныхъ усилій, и онъ не понесъ никакихъ особенныхъ трудовъ для того, чтобы его вѣкъ получилъ имя «вѣка Льва X». Онъ наслаждался всѣми прелестями жизни, проводилъ время среди забавъ и увеселеній, но эти забавы и увеселенія имѣли самый изящный характеръ. Онъ былъ горячимъ покровителемъ искусства, умѣлъ понимать и цѣнить его и окружилъ себя всѣми замѣчательными людьми своего времени. Онъ былъ первымъ зрителемъ первыхъ трагедій и комедій, исполнявшихся на итальянскомъ языкѣ, и одинаково любилъ какъ произведенія древнихъ и ихъ подражателей, такъ и произведенія болѣе или менѣе оригинальныхъ писателей, не заимствовавшихъ ни у кого ни содержанія, ни формы. Всѣ отрасли искусства были ему одинаково дороги. Съ представителемъ поэзіи, Аріосто, его соединяла самая тѣсная дружба; представитель живописи Рафаэль украшалъ его компаты и наполнялъ галлереи своими полуязыческими мадоннами. Левъ X страстно любилъ музыку, звуки

которой каждый день наполняли его дворецъ. Если жизнь, которую онъ велъ, не совсѣмъ соотвѣтствовала его сану, за то никто не могъ бы про него сказать, что онъ отсталъ отъ своего времени. Онъ пользовался всѣми удовольствіями свѣтскаго человѣка, и ни при одномъ дворѣ того времени не было такъ весело, шумно, и никогда не тратилось столько остроумія и самаго изящнаго вкуса на игры, забавы, праздники. Ко двору Льва X стекалось все, что было только самаго даровитаго во всѣхъ сферахъ искусства; онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сподвижниковъ эпохи «возрожденія». Если это свѣтское, хотя и вполнѣ достойное направленіе должно было все-таки нѣсколько колебать строгій характеръ папской власти, то еще болѣе содѣйствовало ея ослабленію то обстоятельство, что на папскій престолъ всходили иногда лица, подобныя Александру VI Борджіа, на котораго тогда уже жаловались, что онъ «заботится о водвореніи царства сатаны», и «прокладываетъ дорогу антихристу»; собственно говоря, трудно себѣ представить, чтобы самъ антихристъ или сатана обладали бо́льшими пороками, чѣмъ папа Александръ VI. Одинъ человѣкъ только превосходилъ его, это былъ его сынъ—Цезарь Борджіа. Не существовало такого преступленія, такого злодѣйства, предъ которымъ они бы остановились. Сегодня онъ убиваетъ и бросаетъ въ Тибръ своего старшаго брата, который пользуется расположеніемъ его сестры Лукреціи, въ надеждѣ занять его мѣсто; завтра онъ приказываетъ схватить и убить мужа своей сестры, и когда этотъ оправляется отъ тяжелой раны, Цезарь говоритъ: «то, что̀ не сдѣлано въ полдень, сдѣлается вечеромъ» и въ самомъ дѣлѣ врывается въ комнату, гдѣ лежалъ законный мужъ Лукреціи; онъ убиваетъ его, прогоняя двухъ женщинъ, ходившихъ за нимъ: Лукрецію и сестру ея мужа. Кинжалъ и ядъ были самыми употребительными средствами Александра VI и его сына Цезаря, чтобы отдѣлываться отъ своихъ враговъ. Списокъ ихъ жертвъ вѣроятно былъ бы значительно длиннѣе, если бы одинъ разъ, когда папа собирался отравить одного кардинала, онъ не отравился самъ, принявъ ядъ, назначенный для кардинала. Возможность подобнаго лица на папскомъ престолѣ очевидно доказываетъ уже, что характеръ папской власти совершенно измѣнился.

Разслабленіе папской власти и ея свѣтскій характеръ отразились на всей религіозной жизни народа. Свободомысліе, которое никогда нельзя было задавить въ Италіи, теперь перешло уже совсѣмъ въ отрицательное направленіе, и если низшіе классы, держась только обрядовой стороны церкви, впали въ какое-то языческое суевѣріе, то высшіе классы про-

никлись антирелигіознымъ духомъ [1]). Примѣръ былъ заразителенъ, и какъ самая папская власть приняла свѣтскій характеръ, такъ точно сдѣлалось и со всѣмъ другимъ духовенствомъ и даже цѣлыми монашескими орденами. На всѣ мѣста, на всѣ должности смотрѣли только какъ на средство для достиженія власти или другихъ выгодъ, а духовныя обязанности вовсе не исполнялись. Такое жалкое положеніе папства имѣло благодѣтельное вліяніе на развитіе свободнаго духа, почерпнутаго изъ возрожденія классическаго міра. Ничто въ Италіи не должно было его больше стѣснять, церковь, папская власть—эти оковы среднихъ вѣковъ, были безсильны, чтобы остановить новое направленіе жизни, которое отбрасывало всѣ старыя основанія. Самые коренные принципы вѣры были потрясены; философскія школы вели споры о безсмертіи души; догматы католичества потерпѣли сильное пораженіе. Все приносилось въ жертву возставшей изъ-подъ спуда вѣковъ древней жизни, всѣ отдались ея изученію, рылись въ архивахъ, переводили древнихъ писателей, реставрировали текстъ классиковъ; Гомеръ, Страбонъ, Ѳукидидъ, Платонъ, Аристотель были вызваны изъ долгой ссылки, и съ какою-то сыновнею нѣжностью привѣтствовалось каждое открытіе въ изученіи древнихъ; но ученость не убила древней поэзіи, которая точно также была изучаема; ею восхищались и вдохновлялись не только поэты, но всѣ образованные люди эпохи. Древность не осталась въ долгу; снова вырвавшись на божій свѣтъ, она породила собою движеніе, которое привело Европу на новую дорогу, и надѣлило Италію цѣлою плеядою звѣздъ первой величины. Неизвѣстно, до какой степени развитія дошла бы Италія, если бы жизнь ея не была подкошена цѣлымъ рядомъ ожесточенныхъ войнъ, еслибы поля ея не служили мѣстомъ раздора и кровопролитныхъ битвъ въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, еслибы Италія не сдѣлалась добычею иностраннаго владычества. Какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и войны эти имѣли одну хорошую сторону: онѣ разбросали благодатныя сѣмена эпохи возрожденія по другимъ странамъ Европы, и всюду вызвали броженіе, разшевеливъ ветхое средневѣковое зданіе. Въ другихъ странахъ было не такъ легко сбросить средневѣковыя цѣпи, феодальный строй жизни былъ вездѣ несравненно крѣпче и глубже, чѣмъ въ Италіи; Римская церковь вездѣ обладала большею силою, чѣмъ здѣсь, а потому и натискъ на нее долженъ былъ быть несравненно сильнѣе.

Возрожденіе древняго міра принимаетъ въ Германіи иное

---

[1]) Ранке.

направленіе, нежели въ Италіи. Оно не было подготовлено здѣсь такими великими поэтами, какъ Данте, Петрарка, Боккачіо, а явилось перенесенное изъ Италіи, благодаря людямъ, вышедшимъ изъ школъ духовныхъ братствъ. Возрожденіе не открыло здѣсь такой блистательной эпохи, какъ въ Италіи, оно не имѣло такого литературнаго, художественнаго, научнаго характера, какъ тамъ; здѣсь распространеніе языковъ, знаніе философіи древнихъ повело не къ процвѣтанію искусствъ, а къ устройству народныхъ школъ. Въ Италіи возрожденіе и изученіе древнихъ направлено было на высшіе интересы жизни; здѣсь оно обратилось на пользу обыденныхъ интересовъ и противъ тѣхъ условій, которыя больше всѣхъ стѣсняли жизнь. Изъ всѣхъ этихъ условій главнымъ представлялось положеніе церковной власти; знаніе древнихъ языковъ послужило сильнымъ орудіемъ къ уничтоженію ея злоупотребленій. Людямъ была дана возможность читать Библію, и въ этомъ простомъ, кажется, фактѣ лежитъ одна изъ причинъ великаго религіознаго движенія XVI вѣка. Изученіе древнихъ языковъ открыло людямъ глаза. Если въ Италіи не обнаруживается грозной оппозиціи противъ папской власти, то только потому, что она принимаетъ здѣсь свѣтскій характеръ, попадаетъ въ разставленныя возрожденіемъ классическаго міра сѣти и теряетъ свой суровый характеръ. Оппозиція противъ церкви выросла здѣсь изъ литературы и науки, и не встрѣчая себѣ въ папской власти сопротивленія, не заявила себя какимъ-нибудь рѣшительнымъ шагомъ, а привела общество къ антирелигіозному направленію. Въ Германіи случилось нѣсколько иначе; вражда противъ римской церкви возникаетъ изъ духовныхъ, богословскихъ изслѣдованій и она не останавливается здѣсь на злостномъ и сатирическомъ отношеніи къ церковной власти, а доходитъ въ своемъ ожесточеніи до самаго отчаяннаго нападенія, которому когда-либо подвергалась римская церковь. Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы реформація исключительно была вызвана возрожденіемъ древняго міра; нѣтъ, идея реформаціи нѣсколько разъ уже являлась на свѣтъ, она имѣла предшественниковъ и апостоловъ въ личностяхъ Виклефа, Гуса и нѣкоторыхъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, однако, возрожденіе классическаго міра, распространеніе знанія древнихъ языковъ дало новый и сильный толчекъ этой идеѣ въ Германіи, которая сдѣлалась теперь, вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ, свидѣтельницею событія настолько же важнаго по своимъ результатамъ, насколько важно было самое возрожденіе древней цивилизаціи.

Съ самыхъ первыхъ годовъ XVI столѣтія средневѣковое зданіе начинаетъ получать сильные удары въ лицѣ церковной вла-

сти, монашескихъ орденовъ и придуманныхъ ими основъ жизни. Рейхлинъ, Ульрихъ Гуттенъ, Эразмъ расчищаютъ своими смѣлыми трудами дорогу, на которую скоро долженъ вступить Лютеръ. Всѣ они стремятся подкосить основанія церковной власти и у всѣхъ у нихъ одинъ путь—литературный. Рейхлинъ, воспитанный Франціей, много путешествовавшій и посѣтившій Италію въ самыхъ послѣднихъ годахъ XV вѣка, явившись туда спустя три мѣсяца послѣ сожженія на кострѣ Савонароли (1498), когда пепелъ «пророка» не успѣлъ еще остыть, и когда не замерли еще звуки его грозныхъ рѣчей, вынесъ оттуда самое тяжелое впечатлѣніе; онъ не могъ не почувствовать презрѣнія къ церковному учрежденію среднихъ вѣковъ, къ папской власти, которая принадлежала въ ту минуту Александру VI Борджіа. Презрѣніе это должно было усилиться, когда онъ лично узналъ намѣстника св. Петра. Результатомъ его странствованій, его занятій была книга, направленная противъ монашескихъ орденовъ, и главнымъ образомъ противъ доминиканцевъ. Сказать въ то время слово противъ этого могущественнаго ордена, пользовавшагося особеннымъ покровительствомъ папы, и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи костры и палачей, было неслыханною дерзостью, на которую мало кто смѣлъ бы рѣшиться. Негодованію доминиканцевъ не было границъ; они сожгли книгу Рейхлина, въ надеждѣ сжечь скоро и ея автора. Они исполнили бы свое намѣреніе, еслибы на сторонѣ этого знаменитаго знатока еврейскаго языка не стоялъ самъ императоръ и многіе нѣмецкіе герцоги. Теперь же они не посмѣли и остановились въ своемъ намѣреніи. Вслѣдъ за Рейхлиномъ выдвигается фигура Ульриха Гуттена, котораго Германія XVI вѣка назвала «пробудителемъ» человѣческаго рода. Въ 1514 году онъ издаетъ свои письма тёмныхъ людей—«Epistolae obscurorum virorum», въ которыхъ онъ посвящаетъ людей чуждыхъ монастырямъ и школамъ, въ тайны этихъ учрежденій. Раздался взрывъ смѣха, вызванный сатирою Гуттена, и она была такъ тонка, такъ умна, что долго тотъ міръ, противъ котораго она была направлена, не подозрѣвалъ, что именно онъ и вызывалъ этотъ презрительный смѣхъ. До появленія этихъ писемъ, простое одѣяніе изъ бѣлаго сукна монаховъ доминиканскаго ордена наполняло какимъ-то безотчетнымъ ужасомъ всѣхъ и каждаго; послѣ же ихъ выхода въ свѣтъ, это же самое одѣяніе, бывшее точно символомъ костровъ и палачества, сдѣлалось предметомъ общей насмѣшки, «дѣти и собаки бѣгали за ними». Письма эти, распространившіяся въ огромномъ числѣ экземпляровъ были истинною заслугою Гуттена; въ нихъ съ небывалою силою сказалось торжество

новаго, свободнаго духа надъ затхлыми началами среднихъ вѣковъ. Онъ возвѣщаетъ реформу, но не одну только религіозную реформу; не довольствуясь ею, Гуттенъ хочетъ измѣнить весь строй жизни, онъ хочетъ реформировать все общество: толпа, народъ служитъ для него исходнымъ пунктомъ во всѣхъ идеяхъ и помыслахъ. Онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, предчувствуетъ зарю новаго времени, новой жизни, онъ призываетъ ее всѣми силами своего духа, онъ съумѣлъ разглядѣть то, что для большинства скрывалось еще въ непроницаемой тайнѣ, онъ является проповѣдникомъ «возрожденія» свободы мысли, торжества справедливости и обновленія міра. Его личная жизнь какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ его протесту противъ жизни всего средневѣковаго общества. Предназначенный быть священникомъ, Гуттенъ, пятнадцати лѣтъ, бросаетъ свой кровъ и убѣгаетъ бродить по свѣту, испытывая голодъ, нищету и всѣ случайности, выпадающія на долю человѣка, не желающаго идти по пробитой торной дорогѣ. Онъ дѣлается студентомъ, но вмѣсто того, чтобы избрать предметомъ своего изученія право или теологію, онъ посвящаетъ себя поэзіи. На родительскій гнѣвъ онъ отвѣчаетъ стихами, въ которыхъ объявляетъ, что цѣлью его жизни всегда будетъ одно только: «быть ничѣмъ». «Ничѣмъ» значитъ, собственно говоря, быть «всѣмъ», быть голосомъ общества, толпы. Гуттенъ и былъ на самомъ дѣлѣ этимъ голосомъ пробуждавшейся общественной совѣсти.

Рейхлинъ, Ульрихъ Гуттенъ и Эразмъ, напечатавшій Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ и сдѣлавшій такія толкованія и замѣчанія, которыя вели къ той же цѣли, какъ и труды Рейхлина и сатира Гуттена, т.-е. къ потрясенію основъ папства, были настоящими предтечами Лютера, смотрѣвшими, правда, иногда глубже и шире самого главы реформаціи. Ничто, казалось, не предсказывало въ Лютерѣ человѣка, назначеннаго играть такую колоссальную роль въ исторіи человѣчества. Смѣлый въ своихъ порывахъ, онъ отличается однако какой-то боязливостью; склонный къ поэзіи, мечтательности, меланхоліи, онъ, казалось, способенъ былъ къ роли реформатора. Съ - молоду онъ ходилъ изъ двери въ дверь, получая милостыню за свои пѣсни, пока, однажды, захваченный и испуганный на дорогѣ разразившеюся грозою, онъ не падаетъ на землю и не произноситъ обѣта поступить въ монахи. Онъ, который открываетъ дорогу раціонализму, который борется противъ всякихъ суевѣрій, онъ самъ былъ преисполненъ ими, и часто во mракѣ ночи испытывалъ ужасъ различныхъ видѣній. Въ 1511 году, молодой монахъ, неизвѣстный братъ Августинъ, отправляется въ Римъ, чтобы до-

быть себѣ отпущеніе грѣховъ. Тутъ, при видѣ общаго разврата, испорченности, страшной безнравственности, среди которой погрязала папская власть, впервые онъ услышалъ внутренній голосъ, который говорилъ ему, что все это ложь, обманъ, что средневѣковая церковь сгнила.... Въ эти минуты братъ Августинъ превращается мало-по-малу въ Лютера, въ великаго реформатора, наполнившаго своимъ именемъ всю Европу нѣсколько лѣтъ спустя.

Продажа индульгенцій въ Германіи была только поводомъ, который заставилъ Лютера возстать, наконецъ, противъ отжившаго учрежденія среднихъ вѣковъ. Онъ понималъ очень хорошо, что эта продажа находится въ связи съ общимъ паденіемъ церкви, и потому можно было ожидать, что онъ не остановится ни передъ какими выводами, къ какимъ бы крайностямъ они его ни привели. Однако, несмотря на то, что Лютеръ, рѣшившись на что-нибудь, былъ уже чуждъ страха и смѣло нападалъ даже на самого главу церкви, онъ, тѣмъ не менѣе, не разъ останавливался и колебался, и, быть можетъ, не пошелъ бы такъ далеко, еслибы общее движеніе не толкало его неудержимо впередъ. Къ счастью, открытое возмущеніе противъ церковной власти одного человѣка было результатомъ возмущенія цѣлаго общества. Лютеръ долженъ былъ нестись, толкаемый народнымъ вѣтромъ, какъ выразился онъ самъ. Онъ не могъ не чувствовать въ себѣ страшной силы, приданной ему общественнымъ мнѣніемъ, поддержкою всего народа. Если, несмотря на всѣ счастливыя условія, при которыхъ Лютеру приходилось дѣйствовать, онъ все еще иногда колебался, то это доказываетъ только одно, какъ тяжело еще казалось тогда стряхнуть съ Европы давившее ее иго, какъ страшна еще казалась, несмотря на все, что было сдѣлано Римомъ, чтобы ослабить этотъ страхъ, фигура папы.

Левъ X наслаждался жизнію, не помышляя о страшной грозѣ, собравшейся надъ его головою, и вѣра въ учрежденіе папства была такъ сильна, онъ узнавши о первыхъ шагахъ Лютера, онъ спокойно говорилъ: «все это споры монаховъ»! Но скоро однако движеніе такъ сильно охватило Германію, въ обществѣ пронесся такой гулъ, который предсказывалъ близкую бурю; сильные міра встрепенулись, императоръ Максимиліанъ почувствовалъ какое-то безпокойство, о которомъ поспѣшилъ сообщить Льву X. Но остановить взрывъ было уже невозможно, онъ не зависѣлъ больше отъ отдѣльныхъ личностей. Папская булла была сожжена, примиреніе съ Римомъ сдѣлалось немыслимо. Движеніе, охватившее Германію, распространилось скоро по всей Европѣ и отдало всѣ страны въ жертву страшнымъ преслѣдованіямъ,

народнымъ возстаніямъ, кровопролитнымъ войнамъ, окончаніе которыхъ не суждено было увидѣть XVI вѣку. Скромный протестъ Мартина Лютера противъ злоупотребленій римской церкви породилъ такой хаосъ, такую революцію, которыхъ, разумѣется, не предчувствовалъ авторъ его. Онъ думалъ, что онъ нанесетъ ударъ одному Риму, въ то время, когда ударъ наносился въ самое сердце всему средневѣковому зданію. Онъ думалъ, что научаетъ только обсуждать дѣйствія и права папы, въ то время, когда онъ научалъ вмѣстѣ съ тѣмъ обсуждать права и дѣйствія королей. Въ религіозной реформѣ лежитъ прочный зародышъ будущей политической реформы. Папа—духовный властелинъ, но тѣмъ не менѣе властелинъ, онъ сброшенъ въ пропасть, другіе неминуемо должны слѣдовать за нимъ. Если принципъ неограниченной власти разбивается въ своей самой уважаемой формѣ—духовной, то понятное дѣло, что онъ не можетъ держаться въ его свѣтской формѣ. Требованіе свободы для христіанина необходимо вело къ требованію свободы для человѣка. Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не предвидѣть, что протестъ въ религіи долженъ вести за собою протестъ въ политикѣ, что Лютеръ религіозный не повлечетъ за собою Лютера политическаго. Этого рода слѣпотѣ былъ подвергнутъ великій нѣмецкій реформаторъ. Онъ, допускавшій принципъ сопротивленія въ религіи, не допускалъ его въ политикѣ, и въ этомъ открывается непослѣдовательность и нѣкоторая узкость воззрѣній Лютера: онъ не сознавалъ, что, проповѣдуя религіозную свободу, онъ тѣмъ самымъ вызывалъ людей искать политической свободы. Связь религіозной и политической свободы была такъ естественна, что не успѣлъ раздаться крикъ Лютера противъ Рима, какъ этотъ же крикъ, подхваченный тысячами голосовъ, повторился противъ королей и князей. Вспыхнула страшная крестьянская война, наполнившая Германію разореніемъ и ужасомъ. Лютеръ имѣлъ наивность радоваться истребленію крестьянъ, которые лучше поняли смыслъ проповѣдуемыхъ имъ идей, смыслъ всей реформаціи, нежели онъ самъ. Мюнцеръ былъ ни болѣе ни менѣе, какъ послѣдователемъ Лютера. Какъ ни тяжелъ былъ совершившійся кризисъ, какія бѣдствія онъ ни повлекъ за собою, тѣмъ не менѣе вліяніе реформаціи было громадное; она дала такіе же благодѣтельные результаты, какъ и «возрожденіе» въ Италіи. Возрожденіе и реформація, распространившись по всей Европѣ, разрушили старое средневѣковое зданіе и бросили сѣмена для будущей обильной жатвы, собранной только въ концѣ XVIII-го столѣтія. Съ необыкновенною быстротою распространились идеи революціи XVI вѣка по всему міру, и нѣтъ страны, гдѣ

нельзя было прослѣдить ихъ вліянія. Изобрѣтеніе книгопечатанія оказало необыкновенную услугу для распространенія по всему міру того движенія, которое возбуждено было въ Италіи и Германіи: вездѣ основывались типографіи, изъ-подъ станковъ которыхъ выходили въ тысячахъ экземпляровъ библіи, произведенія классическаго міра и тѣ сочиненія современныхъ писателей и дѣятелей, которымъ суждено было содѣйствовать разрушенію средневѣковой жизни и положить начало новой эпохи въ развитіи человѣчества.

Эти два великія событія XVI вѣка—возрожденіе древняго міра и реформація, были бы не полны одно безъ другого. Реформація, безъ того свѣта, которымъ озарила древность всѣ свободные умы, или бы вовсе не явилась, или, если бы даже и явилась, вызванная крайнимъ разложеніемъ католическаго міра, то была бы не болѣе, какъ частною оппозиціею противъ римской церкви, какими представляются намъ попытки реформаторовъ, предшествовавшихъ Лютеру. Съ другой стороны, еслибы итальянское движеніе не было подкрѣплено свободнымъ духомъ изслѣдованія, вызваннымъ протестантизмомъ въ Германіи, то легко могло бы случиться, что возрожденіе древняго искусства, литературы, осталось бы въ предѣлахъ извѣстной школы и не получило бы такого громаднаго значенія въ жизни всѣхъ націй. Если бы, несмотря на неразрывность этихъ міровыхъ событій, нужно было бы опредѣлить, которое изъ двухъ имѣло большее вліяніе, реформація ли или «возрожденіе», то безъ сомнѣнія пальма первенства принадлежитъ послѣднему. Реформація, несмотря на все присущее ей значеніе и на силу, съ которою она выступила въ свѣтъ, подчинила себѣ меньшій кругъ національностей, чѣмъ возрожденіе, которое проникло во всѣ сколько-нибудь цивилизованные народы, охватило собою всѣ отрасли нравственной жизни націй, и сдѣлалось основнымъ элементомъ общественнаго развитія Европы.

Реформація и возрожденіе, проникнувъ во всѣ страны, не могли обойти и Франціи; событія эти отразились на ней съ большою силою, хотя и не въ одинаковой степени. Борьба новыхъ жизненныхъ элементовъ съ средневѣковымъ строемъ была самая ожесточенная, и если побѣда осталась на сторонѣ «возрожденія», то, во всякомъ случаѣ, досталась не дешево. Франція, и даже въ лучшихъ ея представителяхъ этой эпохи, въ томъ даже, что всегда является самымъ живымъ элементомъ въ общественномъ организмѣ—литературѣ, не легко могла освободиться отъ средневѣковыхъ формъ, отъ средневѣковыхъ традицій, которыми она была проникнута насквозь. Она съ трудомъ могла оторваться отъ тѣхъ узкихъ, полныхъ противорѣчія понятій, находившихся

въ прямомъ отношеніи съ феодальными и клерикальными цѣпями, которыми она была окована съ ногъ до головы. Эти клерикальныя цѣпи сдѣлали то, что реформація не могла одержать во Франціи побѣды надъ католичествомъ, хотя она и достаточно проникла сюда, чтобы пріобрѣсти себѣ сильное вліяніе. Вліяніе это было настолько велико, чтобы вызвать во французскомъ обществѣ, и даже въ его самомъ высшемъ слоѣ — придворномъ, сильную оппозицію противъ римской церкви, но недостаточно, чтобы не допустить разсвирѣпѣлую клерикальную партію до самыхъ ожесточенныхъ преслѣдованій. Реформація проникла во Францію посредствомъ распространенія книгъ, брошюръ, проповѣдывавшихъ мысли, идеи, воззрѣнія великаго реформатора и его сильныхъ помощниковъ. Мало кто имѣлъ на французское общество такое сильное вліяніе, какъ Эразмъ. Его сочиненія, брошюры расхватывали и читали съ жадностью. Францискъ I, который то поддавался вліянію новыхъ идей, то подчинялся страху передъ Сорбонной, то являлся защитникомъ людей, склонявшихся къ протестантизму, то дѣлался, подъ вліяніемъ Сорбонны, ихъ неумолимымъ гонителемъ, призывалъ во Францію Эразма, также какъ онъ призвалъ къ своему двору Леонарда-да-Винчи, котораго окружилъ всевозможнымъ почетомъ. Францискъ любилъ окружать себя великими художниками, учеными, писателями, онъ умѣлъ цѣнить и понимать ихъ заслуги, и въ этомъ кругу онъ конечно не могъ остаться чуждымъ того умственнаго движенія, которое охватило XVI вѣкъ. Если съ идеями «возрожденія» онъ самъ познакомился на мѣстѣ, во время своихъ походовъ въ Италію, то съ идеями реформаціи его сблизили окружавшіе его люди, между которыми первое мѣсто принадлежитъ его сестрѣ Маргаритѣ Валуа — этому доброму генію всѣхъ свѣтлыхъ умовъ, всего литературнаго круга Франціи XVI вѣка. Но не всегда этотъ добрый геній имѣлъ достаточно силы, чтобы направлять необузданнаго Франциска I. Онъ вдругъ вырывался изъ ея рукъ и отдавался партіи Сорбонны, имѣвшей во главѣ заклятаго врага всякой свободной мысли—Беду. Въ эти минуты имъ овладѣвалъ злой геній его матери, этой сторонницы инквизиціи. Эразмъ зналъ вліяніе этой партіи на французскаго короля и не поѣхалъ на приглашеніе Франциска. Партія Сорбонны пользовалась всякимъ представлявшимся случаемъ, чтобы усиливать преслѣдованія не только противъ протестантовъ, но противъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ она сколько-нибудь заподозрѣвала въ тайномъ сочувствіи реформѣ. Отъ преслѣдованій Сорбонны не уходили даже личные друзья короля, она не разъ угрожала даже его родной и любимой сестрѣ Маргаритѣ. Какъ же послѣ этого

могли укрыться простые смертные? Горе тому, кто открыто становился на сторону реформаціи, горе тому, кто объявлялъ себя сторонникомъ Лютера, Меланхтона или Эразма — того ожидалъ костеръ, темница, эшафотъ. Часто даже личность короля была безсильна, чтобы спасти человѣка—на глазахъ всѣхъ была смерть Беркена, друга и переводчика Эразма, который осмѣлился возстать противъ Сорбонны, противъ Беды, и доказывалъ, что этотъ послѣдній вовсе не христіанинъ. Беркенъ былъ правъ, палачь не можетъ быть христіаниномъ; но за свою правоту онъ долженъ былъ заплатить жизнію. Король не могъ его спасти; Сорбонна обманула его. Беркенъ былъ сожженъ. Негодованію короля не было границы, но Сорбонна не смущалась, она сознавала свою силу и не отступалась даже отъ войны съ самимъ королемъ. Смерть Беркена и многихъ другихъ ему подобныхъ была безсильна, чтобы остановить наплывъ новыхъ идей во Францію. Мысль, идея переживаетъ человѣка, казнь превращаетъ его въ мученика, а его убѣжденіе—въ священную заповѣдь. Если протестантизмъ не могъ побѣдить во Франціи католицизма, который поддерживался невѣжествомъ массы населенія, то тѣмъ не менѣе ожесточеніе, съ которымъ велась борьба между двумя лагерями, доказываетъ уже, какъ силенъ былъ потокъ новыхъ идей, шедшихъ изъ Германіи. Всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди XVI вѣка были вовлечены имъ въ борьбу, обильную хорошими и пагубными результатами, исполненную страшныхъ бѣдствій и вмѣстѣ самыхъ живительныхъ элементовъ. Обѣ партіи, оба лагеря, лагерь прошедшаго и лагерь будущаго сражались съ одинаковою страстью, съ одинаковою настойчивостью, они дрались съ одинаковою силою, хотя и разными оружіями. На сторонѣ однихъ была свободная мысль, на сторонѣ другихъ она слишкомъ часто, къ несчастію, замѣнялась пытками и кострами. Лагерь прошедшаго, употребляя эти оружія, не отказывался и отъ оружія своихъ противниковъ: книга на книгу, памфлетъ на памфлетъ, брошюра на брошюру. Эта страстная борьба двухъ міросозерцаній, двухъ различныхъ убѣжденій, понятій, этотъ процессъ прошедшаго съ будущимъ и составляетъ удивительную картину XVI вѣка, соперничествующаго по своему величію съ великимъ XVIII вѣкомъ.

Какъ ни стремителенъ былъ потокъ, шедшій изъ Германіи, онъ уступалъ все-таки по силѣ другому потоку новыхъ идей, падавшему съ высоты итальянскихъ Альпъ. Италія эпохи возрожденія имѣла громадное вліяніе на Францію; она вдохнула въ нее новую жизнь, она дала толчокъ ея развитію, она указала ей путь къ современной цивилизаціи. Новыя идеи, новыя понятія,

новыя воззрѣнія были внесены во Францію изъ Италіи не при помощи типографскихъ станковъ, не при помощи сочиненій и книгъ, какъ то было съ страною реформаціи, они были пересажены на французскую почву прямымъ соприкосновеніемъ Франціи съ Италіею во время походовъ Карла VIII, Лудовика XII и Франциска I въ Италію.

Италія XVI вѣка представляетъ собою странное зрѣлище. Въ то самое время, когда искусство, литература достигаютъ до апогея своего величія, политическое состояніе Италіи ухудшается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Не нужно однако изъ этого заключать, что политическая жизнь націи не находится въ прямой связи съ ея нравственною жизнью, связь эта всегда существуетъ и контрастъ, подмѣчаемый въ Италіи, оказывается только наружнымъ, кажущимся. Ни искусство, ни литература, ни наука не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ лишенъ политической свободы, гдѣ судьба его находится въ рукахъ или чужеземцевъ, или тирановъ, правящихъ по своему произволу. Италія XVI вѣка подверглась власти и тѣхъ и другихъ, и въ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, кроется причина, что блестящая эпоха возрожденія съ такою поразительною быстротою исчезаетъ и замѣняется полнѣйшимъ нравственнымъ упадкомъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно бушевала жизнь, выбрасывая на поверхность таланты и геніи, тамъ застаемъ мы теперь кладбищенскую тишину и пустоту. Напрасно Леонардо-да-Винчи беретъ своимъ девизомъ: «бѣги отъ бури», напрасно другіе великіе художники запираются въ своихъ мастерскихъ, и, какъ бы не желая слышать и знать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя постигаютъ ихъ родину, посвящаютъ свои таланты служенію высшимъ нравственнымъ интересамъ не Италіи, но цѣлаго человѣчества, «буря» не повинуется имъ, она стремится за ними, и кончаетъ тѣмъ, что поглощаетъ ихъ собою. Италія не хочетъ слышать голоса тѣхъ, которые предсказываютъ и ея гибель: она горда, она чувствуетъ свое нравственное превосходство надъ всѣмъ остальнымъ міромъ, она сознаетъ, что въ ея рукахъ находится самый державный изъ всѣхъ скипетровъ—скипетръ мысли! Италія XVI-го вѣка не знала еще, что отсутствіе свободы изсушиваетъ источникъ мысли, что деспотизмъ и рабство развращаютъ общество и дѣлаютъ его неспособнымъ къ служенію высшимъ идеямъ и стремленіямъ человѣчества. Почти цѣлыхъ три вѣка, тяжелыхъ вѣка летаргическаго сна, который многими былъ принятъ за смерть и въ самомъ дѣлѣ такъ сильно походилъ на нее, отплатили Италіи за ея пренебреженіе политическою свободою и независимостью въ великую эпоху возрожденія. Только не-

многіе внимали тому голосу, который пророчествовалъ разореніе и гибель: «О Италія, о Римъ! Кайтесь! Ты не внемлешь мнѣ, Италія, ты умрешь!» Костеръ, на который былъ брошенъ Савонарола, былъ отвѣтомъ на его дерзкія пророчества. Среди толпы, окружавшей несчастнаго пророка, стоялъ человѣкъ, сознававшій также ясно, какъ и Савонарола, весь ужасъ положенія; онъ мучился и страдалъ за свою Италію, потому что съумѣлъ разглядѣть ту темную бездну, въ которую падала его родина. Этотъ человѣкъ былъ никто иной какъ Микель-Анджело. Его мрачныя думы, можетъ быть, помимо его воли, отразились и на его произведеніяхъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ художниковъ, которые не взяли своимъ девизомъ: «бѣги отъ бури», и однимъ изъ немногихъ людей, которые дорожили свободою. Потеря ея заставляла страдать его и нигдѣ эти страданія не сказываются такъ сильно, какъ на его chef d'oeuvre — капеллѣ Медичисовъ во Флоренціи. Въ этомъ памятникѣ Медичисовъ кто не узнаетъ надгробнаго камня заживо схороненной Италіи; въ этой фигурѣ Penseroso, въ этихъ гигантскихъ статуяхъ, лежащихъ на землѣ, кто не увидитъ выраженіе страны, народа, постигшаго свою печальную судьбу. Микель - Анджело передалъ въ этомъ памятникѣ всю боль своей души, все испытываемое имъ страданіе за порабощеніе и позоръ Италіи, и въ этомъ нельзя сомнѣваться, когда мы слышимъ слова, которыя заставляетъ онъ произносить своихъ гигантовъ: «мнѣ сладко спать, и въ особенности быть изъ камня, до тѣхъ поръ, пока господствуетъ злополучіе и позоръ. Ничего не видѣть, ничего не слышать, это для меня величайшее изъ благъ. Не буди меня. О! говори тихо». Эти слова, обращенныя къ мраморной «Ночи» Микель-Анджело, развѣ не рисуютъ собою весь мракъ политической ночи Италіи? Ночь эта наступила для Италіи прежде, чѣмъ замерли разнесенные вѣтромъ звуки голоса Савонаролы, предсказывавшаго политическую смерть Италіи. Италія не вѣрила этому, да и въ самомъ дѣлѣ съ трудомъ могла вѣрить. Какъ было ей согласить паденіе, смерть, идущія рядомъ, съ самыми великими произведеніями, нарождавшимися каждый день? А между тѣмъ слова пророка оправдывались прежде, нежели можетъ быть онъ самъ это думалъ. Давно ли, кажется, онъ предсказывалъ нашествіе чужеземцевъ, какъ на самомъ дѣлѣ оно сбывается, и французская армія съ Карломъ VIII во главѣ переходитъ уже Альпы, призываемая кѣмъ? самими итальянцами. Никогда еще никто съ такою увѣренностью не предсказывалъ народу, который воображаетъ себѣ, что онъ полонъ жизни, что пробилъ для него послѣдній часъ. Тутъ собственно прерывается

исторія Италіи для того, чтобы дать мѣсто безконечной мартирологіи, тянувшейся въ продолженіе цѣлыхъ длинныхъ трехъ вѣковъ. Въ Италіи нѣтъ даже настолько жизни, чтобы защищаться самой, и нашествіе Карла VIII не встрѣчаетъ себѣ никакихъ препятствій. До сихъ поръ исторія никогда не представляла ничего подобнаго, она никогда еще не была свидѣтельницею того, чтобы одинъ народъ отдавался другому безъ борьбы, безъ боя. Чужеземцы сначала дѣйствуютъ осторожно, опасаясь встрѣтить отчаянное сопротивленіе; не находя его, они чувствуютъ себя господами и Италія дѣлается яблокомъ раздора различныхъ націй, или вѣрнѣе, честолюбія различныхъ королей и императоровъ.

Если исключить прогулки по Италіи въ средніе вѣка германскихъ императоровъ съ своими ватагами сѣверныхъ варваровъ, то арміи Карла VIII принадлежитъ первенство въ нашествіи на страну «возрожденія». Указывая на французовъ, Савонарола восклицалъ: «О Италія, о Римъ! Я предаю васъ въ руки народа, который сотретъ васъ изъ среды народовъ. Я вижу, какъ они спускаются голодные, какъ львы. Чума сопутствуетъ войнѣ. И смертность будетъ такъ велика, что могильщики будутъ ходить и кричать по улицамъ: У кого есть мертвые? И тогда одинъ принесетъ своего отца, другой своего сына.... О Римъ! Я повторяю тебѣ: покайся! Кайтесь, о Венеція! о Миланъ!..... Они говорятъ, что я навлекаю бѣду на Италію. Увы! предсказывать и навлекать, развѣ это одно и тоже? Флоренція, что сдѣлала ты? Хочешь, чтобы я сказалъ тебѣ? Ты переполнила беззаконіе; приготовляйся къ страшному бѣдствію!» Но Франція не только не была способна задушить геній Италіи, но и сама вдохновилась имъ. Италія была давно уже какимъ-то магнитомъ для Франціи, и она съ жадностью смотрѣла по ту сторону Альпъ. Лудовикъ XI всегда имѣлъ передъ глазами Италію и осторожно подготовлялъ себѣ право на вмѣшательство въ ея дѣла. Много разъ сами итальянцы призывали Францію, но она какъ бы не слышала этого призыва. Карлъ VIII не могъ устоять отъ соблазна, его тянуло туда; четырнадцати лѣтъ онъ велитъ принести ему «портретъ Рима», а въ двадцать съ небольшимъ отправляется лично, во главѣ цѣлой арміи, взглянуть, вѣренъ ли былъ представленный ему портретъ. Франція была ошеломлена, увлечена всѣми прелестями, на которыя она жадно набросилась въ Италіи. Она хотѣла бы ее поглотить въ своемъ восторгѣ; какъ на хорошее, такъ и на дурное одинаково бросались французы, начиная отъ самого короля и кончая послѣднимъ солдатомъ. При томъ невѣжественномъ состояніи, въ ко-

торомъ находилась вся Францiя, то, что̀ было дурного въ Италiи, ее увлекало больше чѣмъ хорошее, потому что дурное ей было болѣе понятно. Они накинулись прежде всего на наслажденiя; для нихъ все было ново, все имѣло какой-то волшебный характеръ; въ своемъ буйномъ восторгѣ они не знали границы. Королю чувственному, страстному, подражала вся армiя. Скоро побѣдители были подчинены своимъ побѣжденнымъ. Францiя не могла не признать нравственнаго превосходства Италiи, и скоро французы стали подражать итальянцамъ въ нравахъ, обычаяхъ, стали перенимать у нихъ самыя ихъ понятiя. Въ этомъ заимствованiи Францiя, конечно, могла только выиграть, потому что, если даже французы склонны были скорѣй понимать дурное, то хорошее приходило помимо ихъ воли. Италiя представлялась завоевателямъ какимъ-то раемъ: они останавливались въ недоумѣнiи передъ мраморными церквами, передъ поразительными памятниками итальянскаго искусства, они почувствовали какую-то новую, незнакомую имъ струю въ воздухѣ и опьянѣли отъ ея силы. Результаты этого похода Карла VIII были велики. Французы вынесли изъ Италiи сѣмена ея цивилизацiи. Политическое паденiе, Италiи, которое такъ горько оплакиваютъ Савонарола, Макiавелли, Микель-Анджело, не было безплодно для человѣчества; это паденiе привело въ Италiю чуждые ей народы, которыхъ она, вмѣсто того, чтобы возненавидѣть и проклясть, надѣлила всѣми сокровищами своей цивилизацiи; это столкновенiе двухъ мiровъ, двухъ различныхъ вѣковъ—Италiи XVI вѣка и Францiи, отставшей по крайней мѣрѣ на два столѣтiя, было какъ нельзя болѣе благодѣтельно; изъ этого толчка родилась искра, которая распространила по Францiи священный огонь «возрожденiя». «Открытiе Италiи — говоритъ Мишле — имѣло для XVI вѣка большее значенiе чѣмъ открытiе Америки». Только первый шагъ былъ труденъ; путь теперь проложенъ, и за Карломъ VIII отправляются въ Италiю Лудовикъ XII и его наслѣдникъ Францискъ. Какъ велики были бѣдствiя, причиненныя этими и другими вызванными ими походами для Италiи, такъ же выгодны они были для Францiи въ нравственномъ отношенiи. Яркiй свѣтъ XVI вѣка, освѣщавшiй Италiю, переходилъ сюда все больше и больше, распространяя по Францiи любовь къ искусству, страсть къ знанiю, влеченiе къ цивилизацiи. Францiя, воспитанная Италiею, сознаетъ ея нравственное превосходство, и старается притянуть къ себѣ ея поэтовъ, ученыхъ, художниковъ. Побѣжденные политически въ Италiи, итальянцы являются побѣдителями во Францiи, гдѣ они диктуютъ законы при дворѣ Франциска I. Подъ теплымъ итальянскимъ влiянiемъ, во Францiи исчезаетъ

суровость въ нравахъ, общественныя отношенія улучшаются, вся жизнь получаетъ другое направленіе. Но вліяніе Италіи, ея цивилизаціи, не убили во Франціи своеобразности; она сохранила, подчиняясь итальянской образованности, свою оригинальность, свой свободный духъ.

Измѣненіе, происшедшее во французскомъ обществѣ вслѣдствіе вліянія реформаціи и «возрожденія», должно было немедленно отозваться на литературѣ. Вліяніе это очень живо и быстро чувствуется не только во внѣшнихъ ея формахъ, въ чистотѣ языка, въ изложеніи, но и на самомъ содержаніи, въ несравненно болѣе свободномъ, глубокомъ и всестороннемъ обсужденіи всѣхъ предметовъ. Если вліяніе нахлынувшаго на Францію изъ Италіи и Германіи свѣта сказывается на всѣхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, на всѣхъ родахъ литературы, то на одномъ направленіи литературы это вліяніе было особенно благодѣтельно, одинъ родъ получилъ особенную силу, именно сатира, для которой народился во Франціи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI-го вѣка, Франсуа Рабле, этотъ Вольтеръ своей эпохи, какъ его называетъ Мишле. Направленіе это, получившее теперь такой блескъ, благодаря генію Рабле, имѣло во Франціи самые глубокіе корни; сатира, если можно такъ выразиться, была колыбелью французской литературы, и въ настоящей статьѣ мы хотѣли бросить хоть бѣглый взглядъ на то, какъ выражалось сатирическое направленіе, какія формы принимало оно въ предшествовавшую ему эпоху, на первыхъ порахъ, когда зарождалась только французская литература.

II.

Нигдѣ сатира не играла такой роли, какъ во Франціи, и причина этого лежитъ въ самомъ характерѣ народа, который съ необыкновенной быстротою и легкостью подмѣчаетъ и схватываетъ смѣшную сторону всѣхъ людей, всѣхъ явленій. Сатира издавна играла большую роль во французкой литературѣ; въ сатирѣ находила себѣ лучшее выраженіе пробуждавшаяся свободная мысль среднихъ вѣховъ. Духъ критики и насмѣшки всегда служилъ, самымъ здоровымъ элементомъ общественнаго организма. Какъ отрицательная сила, это правда, сатира никогда ничего не создала, но она служила и служитъ орудіемъ разрушенія и тѣмъ самымъ всегда оказывала услуги человѣчеству. Это не Немезида, не вражеская сила, направленная противъ существующаго, какъ величаетъ сатиру Шеллингъ, а скорѣе добрый

генiй въ борьбѣ нравственной силы противъ физической. Сплошь и рядомъ сатира была послѣднимъ орудiемъ, единственнымъ мщенiемъ въ рукахъ слабаго противъ сильнаго; она боролась со всяческой тиранiею, клерикальной, феодальной, монархической, всегда она стояла на сторонѣ народа, здраваго смысла и справедливости. Во Францiи всегда было живо чувство оппозицiи противъ всякой власти, стремленiе ограничивать ее постояннымъ сопротивленiемъ. Она постоянно роптала и насмѣхалась надъ своими властелинами, и будучи рабою, она повиновалась и трепетала, но мстила за внушаемый ей страхъ самою злою сатирою. Поэтому-то кто-то и сказалъ про Францiю, что это «монархiя, умѣряемая водевилемъ».

Но если сатира и до настоящей минуты имѣетъ большое значенiе во французскомъ обществѣ, то въ среднiе вѣка она занимала преобладающее мѣсто; она пользовалась всѣми средствами, облекалась во всевозможныя формы, чтобы уничтожать насмѣшкою господствовавшiй страхъ къ тому или другому учрежденiю, и поселять въ народѣ идеи независимости, свободы. На публичныхъ площадяхъ, устами менестрелей, сатира разбрасывала первыя сѣмена новаго порядка, который долженъ былъ возникнуть на руинахъ феодализма. Старый порядокъ былъ проченъ; для того, чтобы ему былъ нанесенъ тяжелый ударъ, нужно было, чтобы онъ самъ наложилъ на себя руку. Весь мiръ принадлежалъ двумъ великимъ силамъ: церкви и феодализму, изъ которыхъ одна произвела на свѣтъ папство, другая рыцарство. Изъ совокупныхъ усилiй того и другого возникли крестовые походы, результатъ которыхъ былъ тотъ, что и та и другая власть вышли изъ нихъ значительно ослабѣвшими, и выиграли отъ нихъ тѣ, которые стояли въ сторонѣ отъ этого великаго средневѣковаго движенiя. Вся отдавшись борьбѣ съ невѣрными, папская власть потратила на нее всю свою силу и влiянiе, ея постоянныя, двухвѣковыя домогательства утомили наконецъ и народы и ихъ властителей; всѣ почти оставались глухи къ отлученiямъ, щедро разбрасываемымъ папами. Внутреннiй раздоръ церкви, возникшiй расколъ, вражда съ имперiей и наконецъ народныя революцiи въ Италiи окончательно потрясли могущество папской власти. Не менѣе потрясены были въ своемъ могуществѣ и феодальные бароны, которые, для поддержанiя войны съ Востокомъ, нуждались въ громадныхъ средствахъ и принуждены были продавать свои земли, привилегiи и утратили во время ихъ отсутствiя власть надъ своими вассалами и крѣпостными. Когда они возвратились изъ дальнихъ странъ, когда прекратились крестовые походы, двѣ власти, управлявшiя мiромъ, не могли

болѣе возвратить себѣ прежняго вліянія. Позади ихъ сталъ возвышаться новый міръ, на сцену выступаетъ королевская власть и рядомъ съ нею третье сословіе, опирающіяся другъ на друга. Изъ городовъ движеніе переходитъ въ сельское населеніе и уже въ самомъ началѣ XII вѣка Франція дѣлается свидѣтельницею возстаній. Возмущеніе крестьянъ въ Нормандіи подавлено баронами, но жалобы, ропотъ не исчезаютъ, и они сказываются въ пѣснѣ, которая выражаетъ собою свободныя народныя стремленія: «nous sommes hommes comme ils sont». Въ этой пѣснѣ, марсельезѣ XII вѣка, передано все то, что̀ воодушевляло крестьянъ, сознаніе ихъ достоинства, сила, и какая то увѣренность въ томъ, что побѣда въ концѣ концовъ будетъ принадлежать имъ, а не рыцарямъ.

«Et s'ils nous veulent guerroyer,
Bien avons contre un chevalier
Trente ou quarante paysans
Vigoureux et combattants».

Все общество раздѣляется какъ бы на два лагеря: защитниковъ и враговъ прошедшаго, и на сторонѣ послѣднихъ становится народная партія, главное направленіе которой сатира. Она проникаетъ во всѣ роды народнаго творчества, начиная отъ простой пѣсни, этой «матери французской поэзіи», и проходитъ черезъ сказки, эпопеи, романы, фарсы, комедіи и вообще сценическія произведенія. Пѣсня, которая начинаетъ воспѣвать любовь, очень быстро обращается къ другимъ, болѣе серьезнымъ сторонамъ жизни, и ея легкой и остроумной насмѣшкѣ подвергаются императоры, папы, епископы. Духовенство имѣло особенное свойство возбуждать сатирическое вдохновеніе народныхъ пѣвцовъ, жонглеровъ. Нѣтъ ничего, что бы не подлежало области этихъ народныхъ ораторовъ-поэтовъ. Они мѣшаютъ стихи и прозу, остроумничаютъ надъ всѣми событіями, надъ властями и высокими лицами, они присвоили себѣ власть смѣяться надъ всѣмъ и никого не щадить. Пѣсня была лучшимъ дипломомъ для человѣка, она «открывала дверь въ за̀мокъ, кошелекъ богатыхъ и ухо народа». Пѣсня явилась какъ новая сила, творившая судъ надъ другими и не признававшая его надъ собою. Мало-по-малу образуется народная литература, которая выходитъ не изъ школы, зависитъ не отъ церкви, а просто вдохновляется каждый день всѣмъ, что̀ происходитъ передъ глазами, или что̀ долетаетъ до слуха народныхъ пѣвцовъ. Подобная литература имѣетъ то преимущество, что она не обращается къ одному какому-нибудь слою общества, ей внемлютъ всѣ классы, всѣ люди. Свободно

вдохновляясь, пользуясь всѣмъ, что ей попадается на пути, въ то время, когда еще не существовало книгопечатанія, она представляла собою свободную мысль, она въ самомъ дѣлѣ играла у толпы ту роль, какую играетъ теперь пресса. Эти жонглёры, трубадуры, которыхъ знатный людъ и любилъ, и страшился, переходили отъ одной стороны къ другой; выходя изъ дворца они шли на площадь, сегодня садились за столъ барона, завтра дѣлили хлѣбъ съ простымъ работникомъ, и всюду разносили идеи, передавали впечатлѣнія; они служили связывающимъ звеномъ между двумя противоположными полосами общества. Такимъ путемъ росла новая сила, одинаково устрашавшая и сильныхъ и слабыхъ, сила эта была ничѣмъ инымъ, какъ общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ, судъ Божій, по словамъ одного историка, замѣнялся судомъ народнымъ, происходившимъ на площади, куда собирались тысячи людей. Сатира при этомъ не могла не играть важной роли. Она всегда имѣла увѣренность найти себѣ сильный отголосокъ въ толпѣ, всегда нѣсколько ревнивой къ привилегіямъ и преимуществамъ знатныхъ. Сатира тутъ не стѣсняется: сегодня она направляется на отдѣльныхъ лицъ, завтра на цѣлое учрежденіе. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться съ авторомъ книги о «французской сатирѣ въ средніе вѣка», Леньяномъ, который удивляется, до какой степени въ средніе вѣка, въ ту эпоху, которую мы представляемъ себѣ какъ задавленную деспотизмомъ, дѣлается столько невѣроятно смѣлыхъ нападокъ на папство, епископство, все духовенство, на рыцарство, и даже на самые неприкосновенные догматы религіи, какъ рай, адъ и т. д. Такая терпимость, разумѣется, объясняется только пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ, съ которымъ относились къ народной поэзіи. На нее не смотрѣли серьезно, и потому она дѣлала, что хотѣла, говорила и смѣялась и даже бичевала совершенно свободно.

Какъ ни пламенна и ни бурна была сатира, выливавшаяся въ пѣсни изъ горячей южной фантазіи трубадуровъ, и какъ ни глубока и тонка была она въ болѣе холодныхъ пѣсняхъ труверовъ, этихъ сѣверныхъ пѣвцовъ, сатира не ограничивалась только пѣснями, она находила также себѣ пріютъ въ другихъ родахъ народной литературы. Трубадуры, жонглёры любили, также какъ и пѣсни, свои сказки, разсказы, которые пользовались не меньшею популярностью. Рамка этихъ сказокъ болѣе скромная, нежели другихъ родовъ, въ нихъ передается обыденная жизнь со всѣми ея треволненіями; скандальныя событія, случившіяся въ окрестности, злословіе и насмѣшка имѣютъ тутъ полный просторъ. Больше всего въ этихъ сказкахъ достается монахамъ,

монашенкамъ, вызывающимъ легкую, но злую сатиру, которая рядомъ съ этимъ не останавливается ни передъ баронами, ни передъ рыцарями. Въ сказкѣ, принадлежащей къ чисто народной литературѣ, знатные становятся на второй планъ, а на первый выступаетъ простолюдинъ—vilain, и разумѣется онъ выступаетъ не для того, чтобы на него обрушивались насмѣшки и удары сатиры. Напротивъ, изъ его устъ сатира направляется на тѣхъ, которые по своему положенію возвышаются надъ нимъ и пользуются своимъ положеніемъ, чтобы притѣснять его, на тѣхъ, которые довели «вилена» до самаго ужаснаго положенія. И несмотря на то, что черный народъ былъ въ такомъ загонѣ, въ сказкахъ, проникнутыхъ свободнымъ духомъ, виленъ занимаетъ уже то мѣсто, которое должно было принадлежать ему только въ далекомъ будущемъ. Въ сказкахъ онъ смѣется надъ властителями земли и спрашиваетъ, такъ ли въ самомъ дѣлѣ мерзокъ (vilain), кто носитъ это имя, а не кто-нибудь другой, и не заключается ли мерзость больше въ сердцѣ, чѣмъ въ крови, въ поступкахъ скорѣе, чѣмъ въ прозвищѣ: «vilains est qui fet vilonie». Сатира въ сказкахъ не упускаетъ ничего: она преслѣдуетъ всякія привилегіи, права рожденія, богатства, не задумывается насмѣхаться надъ властью земною и даже небесною, но все это тѣмъ не менѣе занимаетъ второстепенное мѣсто, на главномъ же планѣ стоитъ будничная жизнь и будничные интересы.

Помимо пѣсни и сказки, сатира, выражалась еще въ нравственныхъ поэмахъ, имѣвшихъ цѣлью не только забавлять, но и поучать. Между такого рода произведеніями народной литературы можно указать, какъ одно изъ типическихъ, нравственную поэму: «le Castoiement d'un père á son fils». Это «внушеніе отца сыну» представляетъ собою собраніе нравоучительныхъ и шуточныхъ разсказовъ, которое каждый народный пѣвецъ по своему усмотрѣнію сокращалъ, расширялъ, измѣнялъ, добавлялъ собственною фантазіею, и изобрѣтательностью. Сатира направлена здѣсь не столько на лица, учрежденія, сколько на недостатки, людскіе пороки, какъ обманъ, лѣность, пьянство и въ особенности предостерегаетъ отъ вліянія дурныхъ женщинъ, къ которымъ средневѣковые моралисты особенно строги. Рядомъ съ этими нравственными поэмами стоятъ однородныя съ ними произведенія, такъ называемыя «библіи»: это были цѣлыя нравственно-сатирическія энциклопедіи, гдѣ всѣ классы общества, всѣ возрасты, всѣ состоянія находятъ себѣ урокъ. Если сатира не покидаетъ подобныхъ произведеній, то все-таки она уступаетъ первенствующее мѣсто нравственнымъ сентенціямъ, поу-

ченіямъ, снисходительнымъ къ недостаткамъ слабыхъ и строгимъ къ баронамъ, притѣсняющимъ бѣдныхъ людей вмѣсто того, чтобы защищать ихъ, къ духовенству и къ тому, что превозносится въ пѣсняхъ, къ любовнымъ отношеніямъ. Хотя поученія, совѣты, наставленія и составляютъ главное содержаніе этихъ нравственныхъ произведеній, то тѣмъ не менѣе, будь они вовсе лишены сатиры, то подобныя поученія оставались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Чтобы какой-нибудь родъ народной поэзіи получилъ популярность, нужно было въ немъ присутствіе сатиры, которая и завладѣваетъ всѣми родами народнаго творчества, не исключая и самыхъ серьезныхъ. Нигдѣ однако сатира не нашла себѣ такого полнаго выраженія, какъ въ двухъ большихъ сатирическихъ эпопеяхъ среднихъ вѣковъ—въ «Лисѣ» и въ «Романѣ Розы»—этой крупной аллегорической поэмѣ, которая, казалось сначала, такъ мало создана была для сатиры.

Что касается до «Лисы», то чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, опредѣлить происхожденіе этого популярнаго созданія. Уподобленіе человѣка животному принадлежитъ еще древнему міру; оно и понятно, потому что большое родство и сосѣдство между животными и людьми, объясняетъ достаточно созданіе подобной фабулы. Стóитъ только устранить на минуту разсудокъ, отличающій человѣка отъ остальныхъ животныхъ, разсудокъ, не играющій въ дѣйствительной жизни большой роли между людьми, чтобы человѣчество немедленно представило собою все разнообразіе звѣринаго царства. Такое сравненіе или изображеніе человѣка въ видѣ животнаго рано должно было придти на умъ людямъ, поэтому лучше всего и не доискиваться, гдѣ кроется корень, завязка знаменитой средневѣковой поэмы. Въ XIII-мъ вѣкѣ «Лиса» представляется главнымъ сатирическимъ произведеніемъ, пользующимся весьма обширною популярностью. Оно не представляетъ собою стройнаго цѣлаго, оно сливалось мало-по-малу изъ различныхъ кусковъ, даже не крѣпко сплоченныхъ между собою; это произведеніе, принадлежащее цѣлому обществу, куда каждый изъ его членовъ вносилъ свой оболъ, надъ нимъ работали цѣлыя поколѣнія, множество замѣчательныхъ умовъ, талантливыхъ людей, имена которыхъ погибли въ безднѣ другихъ именъ, обыкновенныхъ смертныхъ.

Въ «Лисѣ» какъ нельзя лучше отражаются всѣ средніе вѣка, со всѣмъ хаосомъ господствовавшихъ тогда учрежденій, идей, понятій, борющихся между собою силъ, изъ которыхъ одни тянули назадъ, другіе впередъ, одни показывали вдали свободу, другіе прикрывали порабощеніе. Нравы, законы, противоположные

интересы сословій, споры, борьба среди средневѣкового общества — все это нашло себѣ мѣсто въ «Лисѣ» и въ ея прозрачныхъ аллегоріяхъ. Какъ въ этой безконечной поэмѣ изображаются всѣ интересы, всѣ классы тогдашняго общества, такъ точно группируются здѣсь всѣ роды литературы; каждый вкладчикъ, вносилъ тотъ родъ, въ которомъ онъ чувствовалъ себя болѣе свободнымъ. На этой легендѣ, прошедшей черезъ цѣлые вѣка, должны были и въ самомъ дѣлѣ образовались крупные наросты, которые самымъ своимъ содержаніемъ указываютъ, къ какому времени нужно отнести ихъ образованіе. Поэма эта не есть исключительное достояніе французской литературы; она является какъ бы общею собственностью, и если во Франціи она получила значительное развитіе, то въ Германіи она пользовалась неменьшею популярностью, которую въ концѣ прошлаго столѣтія обновилъ могущественнѣйшій талантъ Гёте.

Во Франціи эта поэма имѣетъ какъ бы три фазиса, отвѣчающихъ тремъ періодамъ, въ которые старая «Лиса» преображалась и появлялась на свѣтъ въ новыхъ видахъ. Первый періодъ составляетъ конецъ XII и самое начало XIII вѣка, второй-конецъ XIII и наконецъ послѣдній—начало XIV вѣка. Къ первому относится поэма, извѣстная подъ именемъ «Ancien Renart», ко второму «Couronnement de Renart» и «Renart le Novel» и наконецъ XIV вѣку принадлежитъ «Renart le Contrefait». Въ «Лисѣ» перваго періода сатира далеко не составляетъ главнаго содержанія и она является какъ бы косвеннымъ образомъ: остроуміе, веселье, стремленье забавлять — вотъ что стоитъ на первомъ планѣ. «Лиса» является тутъ лицомъ очень осторожнымъ, хитрымъ; людскіе пороки, человѣческія бѣдствія не волнуютъ его, оно не позволяетъ себѣ желчныхъ выходокъ противъ сильныхъ, угнетающихъ слабыхъ, напротивъ, оно принимаетъ свѣтъ такъ какъ онъ есть и старается извлечь изъ него всю возможную для себя пользу. «Лиса»—это изображеніе пронырливой личности, не останавливающейся ни передъ чѣмъ, извѣдавшей все на свѣтѣ, прошедшей чрезъ всякаго рода дѣла, испробовавшей всѣ занятія, начиная отъ жонглёра, доктора, вора, монаха, пуская въ ходъ всѣ орудія: дипломатію, обманъ, лицемѣріе смѣясь надъ всѣмъ и ничего не уважая кромѣ хитрости. Фигура эта, имѣющая почти всегда въ свѣтѣ большой успѣхъ, окружена цѣлымъ обществомъ звѣрей, одаренныхъ всѣми качествами людей. Рядомъ съ личностью «Лисы» стоитъ волкъ Изенгринъ, затѣмъ «благородный» левъ, всегда торжественное, но кроткое величество, эгоистъ до нельзя, тщеславный и гордый своими прерогативами, поддающійся лести куртизановъ, которые окружаютъ

«благороднаго» въ образѣ различныхъ животныхъ, какъ леопардъ, оселъ, кошка и т. д. Сущность этой поэмы перваго періода составляетъ борьба «Лисы» противъ Изенгрина; торжество хитрости надъ силою. Сатира проходитъ черезъ всю поэму, но сатира эта не подавляетъ собою главнаго содержанія, она скользитъ, проникаетъ между строчекъ, и не занимая виднаго мѣста, тѣмъ не менѣе даетъ себя чувствовать. Все, что особенно чтилось и уважалось въ средніе вѣка, все, къ чему относились, съ горячею вѣрою и любовью, все тутъ легко осмѣяно, все пародируется. Странствія къ святымъ мѣстамъ, чудеса, крестовые походы, рыцарство, папство, однимъ словомъ, всѣ основы средневѣковой жизни подвергнуты здѣсь тонкой ироніи, которая, при всей своей мягкости, не лишена извѣстной глубины.

Чѣмъ далѣе впередъ подвигается эта народная эпопея, чѣмъ больше старѣетъ она, тѣмъ больше она теряетъ свой сказочный характеръ, и сатира выдвигается впередъ, такъ что въ XIV столѣтіи она исключаетъ уже всякой другой интересъ. Въ «Renart le Novel» авторъ, имя котораго сохранилось, именно Jacquemart Gelée, злой сатирикъ и легитимистъ, рисуетъ, какъ бываетъ пагубно, когда королевская власть, олицетворенная львомъ, уступаетъ совѣтамъ гордости, лести, хищности, предостерегаетъ ее отъ подобнаго бѣдствія, и тутъ же бичуетъ духовенство, которое вмѣсто того, чтобы подавать примѣръ добродѣтели, первое предается развратной жизни, обманамъ, скупости и тому подобному. Торжество хитрости, этого орудія противнаго идеямъ рыцарства, было какъ бы знакомъ, что оно отжило свой вѣкъ, что на его мѣсто выступаетъ новая сила, которая должна разрушить средневѣковое зданіе въ его двухъ главныхъ проявленіяхъ: феодализмѣ и церкви. Если сатира и мораль и составляютъ существенное содержаніе «Renart le Novel», то все-таки авторъ его не лишилъ еще своей поэмы извѣстной веселости, остроумія, легкости.

Все это исчезаетъ въ поэмѣ XIV-го столѣтія «Renart le Contrefait», въ которой авторы воспользовались только однимъ остовомъ старинной поэмы, почти одними названіями ея героевъ, чтобы вложить въ ихъ уста всю горечь, которую они чувствовали въ жизни. «Лиса» перестаетъ тутъ быть четвероногимъ животнымъ и дѣлается двуногимъ, вѣроятно изъ опасенія, что кто-нибудь не пойметъ, о комъ идетъ рѣчь въ поэмѣ. «Лиса» прошла уже тутъ черезъ школу, сдѣлалась ученымъ и на каждомъ шагу старается выказывать свои знанія исторіи и поэзіи. Куда исчезла старинная веселость, куда пропалъ хитрый смѣхъ; самыя мрачныя воззрѣнія на жизнь и людей наполняютъ у авторовъ «Re-

nart le Contrefait» ихъ раздраженные общественными пороками умы. Не одинъ какой-нибудь классъ, не одно какое-нибудь сословіе является тутъ предметомъ ѣдкихъ нападковъ и злыхъ выходокъ, всѣ люди, всѣ классы испытываютъ на себѣ злобу мрачныхъ сатириковъ. Для нихъ самые честные люди, это тѣ, которые открыто носятъ имя воровъ и негодяевъ, всѣ остальные адвокаты, ученые, доктора, ростовщики, всѣ эти люди, только съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ эксплуатируютъ народъ, несчастныхъ угнетенныхъ тружениковъ, потому ко всѣмъ имъ авторы позднѣйшей «Лисы» относятся съ одинаковою антипатіею. Правда, говоря о священникахъ и людяхъ, такъ-называемой благородной крови, аристократахъ того времени, рѣчь ихъ дышетъ еще большею ненавистью, они отрицаютъ право, законность одинаково какъ церковной, такъ и феодальной собственности, и если не прямо, то косвенно возбуждаютъ народъ къ возмущенію противъ всѣхъ этихъ притѣснителей. Такая пропаганда, чисто литературнаго характера, все больше и больше проникала народныя массы, которыя не могли остаться глухи къ ихъ собственнымъ страданіямъ, изображаемымъ въ поэмахъ. Прежде чѣмъ сойти съ исторической сцены «Лиса» услышала первые звуки набата, возвѣщавшаго страшное движеніе народа, выведеннаго изъ терпѣнія вѣковыми притѣсненіями. Jacques Bonhomme, олицетворяющій собою народъ, пробудился наконецъ, онъ усталъ нести на своей спинѣ всѣ тяжести, всѣ невзгоды, ему надоѣло все платить да платить, на его тѣлѣ выступилъ кровавый потъ. Кому до него было дѣло, пусть себѣ Jacques Bonhomme кричитъ, лишь бы онъ только платилъ, больше отъ него ничего не хотѣли; напрасно Jacques Bonhomme увѣщевалъ перестать его грабить, напрасно онъ взывалъ къ церкви и феодальнымъ баронамъ:

Cessez, cessez, gens d'armes et piétons,
De piller et manger le bonhomme,
Qui de longtemps Jacques Bonhomme
Se nomme.

Его не слушали. Ему ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ поднять знамя возмущенія; Жаки, въ изступленіи и негодованіи отъ долгихъ страданій, возстали, набросились какъ лютые звѣри на за́мки, ихъ владѣтелей, и по всей странѣ распространили разоренье и ужасъ. Никто не могъ обвинять ихъ. Въ этомъ народномъ движеніи, въ этой «Jacquerie» роль литературы была далеко не изъ послѣднихъ. Самые невинныя въ началѣ, поэмы превращались подъ конецъ въ сильное орудіе революціонной пропаганды. Какъ «Лиса» первоначально не имѣла

такого рѣшительнаго политическаго характера, и только получила его въ XIV-мъ вѣкѣ, такъ случилось и съ другою поэмою, еще болѣе невинною въ своемъ зародышѣ именно съ «Романомъ Розы».

«Roman de la Rose» представляетъ собою самый замѣчательный и вмѣстѣ самый любопытный памятникъ свободной поэзіи двухъ столѣтій, конца XIII и начала XIV вѣка. Произведеніе это, пользовавшееся чуть не до половины XVI вѣка славой «Иліады» или «Божественной комедіи», принадлежитъ двумъ авторамъ, совершенно противоположнымъ другъ другу по характеру и по роду своихъ талантовъ. Guillaume de Lorris написалъ первую половину этой поэмы, которую докончилъ, значительно расширилъ и измѣнилъ другой поэтъ—Jean de Meung. Какъ велика противоположность между характерами Гильома Лорриса и его преемника, такъ же велика она между первою и второю частью романа, написанныхъ на разстояніи сорока лѣтъ. Въ поэтѣ XIII вѣка преобладаетъ грація, сантиментальность, игривость; въ поэтѣ XIV вѣка суровость, озлобленіе, недовольство; первый мечтаетъ только о наслажденіяхъ, о любви, о розовыхъ сторонахъ жизни, второй видитъ ея мрачную сторону, ему бросаются въ глаза людскіе пороки и бѣдствія, и онъ бичуетъ одни и оплакиваетъ другіе. Казалось бы, что «Романъ Розы», начатый Гильомомъ Лоррисомъ, вовсе не созданъ для сатиры, что самое содержаніе поэмы не допускаетъ ея сосѣдства, а между тѣмъ именно сатира является главнымъ элементомъ этого замѣчательнаго произведенія. Когда Jean Meung принялся доканчивать поэму Лорриса, она была уже почти окончена и первоначальному ея автору нужно было бы всего нѣсколько сотъ стиховъ, чтобы поэма была закруглена. Не такъ поступилъ Jean Meung. Принявъ на себя трудъ приписать конецъ къ «Роману Розы», онъ воспользовался готовой басней, какъ канвой, по которой онъ могъ выводить самые разнообразные узоры, и къ четыремъ тысячамъ стиховъ, принадлежащихъ Лоррису, Jean Meung прибавляетъ еще болѣе четырнадцати тысячъ стиховъ. Любовь составляетъ главное содержаніе первой половины поэмы, въ которой не нужно искать ничего другого, какъ самыхъ нѣжныхъ и граціозныхъ любовныхъ мечтаній. Гильомъ не находитъ времени злословить свой вѣкъ, онъ весь принадлежитъ любовнымъ похожденіямъ своего героя, стремящагося къ обладанію предметомъ своей страсти, и если мимоходомъ онъ бросаетъ пращнымъ камешкомъ противъ скупости и лицемѣрія, то только потому, что первыя условія счастливаго любовника должны быть щедрость и прямота. Этотъ герой, этотъ любовникъ въ воображеніи Гильома Лорриса есть

никто иной, какъ онъ самъ. Во всемъ этомъ фантастическомъ произведенiи Лорриса ничто не указываетъ на стремленiе рисовать дѣйствительный мiръ, нигдѣ почти нельзя отыскать слѣда моралиста, озабоченнаго пороками своего времени и своего общества. Не успѣвъ докончить своей поэмы, Гильомъ Лоррисъ умеръ около 1260 года, и только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти за нее принялся Jean Meung. Къ счастью этого произведенiя, продолжатель, какъ это рѣдко бываетъ, оказался не только не слабѣе перваго творца «Романа Розы», но еще несравненно талантливѣе и сильнѣе. Та перемѣна въ направленiи, на которую мы указали въ «Лисѣ» при переходѣ этой народной поэмы изъ XIII въ XIV столѣтiе, замѣчается также и въ «Романѣ Розы» и здѣсь, можетъ быть, эта перемѣна въ направленiи носитъ на себѣ болѣе рѣзкiй характеръ.

Сатира въ народной поэзiи XIV вѣка становится несравненно болѣе смѣлою, въ нападкахъ ея появляется небывалая дерзость; она не довольствуется насмѣшкой надъ всѣмъ окружающимъ мiромъ, она идетъ далѣе и объявляетъ ему непримиримую войну. Поэтамъ XIV вѣка, собственно говоря, мало дѣла до сюжета, главное для нихъ—это высказать все то, что накипѣло у нихъ на сердцѣ; ихъ интересуетъ не разсказъ, не судьба дѣйствующихъ лицъ, а только тѣ нападки, тѣ злобныя филиппики, которыми они бросаютъ въ привилегированные классы, духовенство и феодальныхъ владѣтелей. Вотъ отчего Jean Meung, нисколько не задумываясь, беретъ недоконченную и сантиментальную поэму Гильома Лорриса и влагаетъ въ уста героевъ своей поэмы грозныя, бурныя и язвительныя рѣчи; вотъ отчего на сантиментальную канву «Романа Розы» нанизываются узоры, точно заимствованные изъ Contrat Social. Ему понадобилась популярная поэма только для того, чтобы подъ ея покровомъ легче проходила въ народъ его разрушительная сатира; поэтому между началомъ и концомъ этой поэмы нѣтъ ничего общаго, кромѣ развѣ однихъ именъ, начерченныхъ Лоррисомъ образовъ. Но и тутъ Jean Meung не остановился и прибавилъ къ прежнимъ фигурамъ новое лицо, самое важное во второй половинѣ поэмы, именно образъ лицемѣрiя, «Faux-Semblant». Въ этой фигурѣ заключаются уже всѣ черты, всѣ свойства будущаго Тартюфа, и если Мольеръ создалъ изъ нихъ характеръ, типъ, сдѣлалъ изъ своего героя живого человѣка, то тѣмъ не менѣе образецъ, матерiалъ, уже обдѣланный и обчищенный, доставилъ ему Jean Meung своимъ Faux-Semblant. Вся разница между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что герой средневѣковаго поэта-сатирика самъ на каждомъ шагу обнаруживаетъ, въ громкихъ рѣчахъ, свое лицемѣрiе, между тѣмъ какъ герой

Мольера лицемѣръ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, но всѣ его рѣчи направлены къ тому, чтобы скрыть это. Фигура Faux-Semblant самая популярная во второй половинѣ «Романа Розы», ею и еще одною, которая была набросана уже Гильомомъ Лоррисомъ, «Разумомъ» пользуется Jean Meung, чтобы высказать все, чтó у него на душѣ. На душѣ же у него злоба противъ всего средневѣкового строя жизни, и онъ далекъ отъ того, чтобы ее сколько-нибудь сдерживать. Его поэма превратилась въ какую-то энциклопедію, въ которую вошли сужденія о всѣхъ вопросахъ, о всѣхъ понятіяхъ и учрежденіяхъ его вѣка. У него была одна цѣль, это поколебать религіозныя и политическія основы средневѣковой эпохи, потому на нихъ онъ и направилъ свою сильную и необузданную сатиру. Королевская власть, десятина, налоги, собственность—все это подвергается строгому разбору этого сатирика-моралиста, но все это ничего въ сравненіи съ тою пыткою, которой онъ подвергаетъ духовенство. Онъ обличаетъ его съ такою силою, бросаетъ такой яркій свѣтъ на его пороки и его пагубное вліяніе, что можно думать, что мы уже въ эпохѣ реформаціи. Не менѣе ѣдка его сатира, когда она принимается объяснять происхожденіе королевской власти, и это безцеремонное съ ней обращеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ королевской власти онъ видитъ все-таки себѣ союзника въ борьбѣ противъ высокомѣрныхъ притязаній церкви и феодаловъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы признавать королевскую власть божественнаго права, иначе конечно онъ не проповѣдывалъ бы другого права, прямо ей противоположнаго—права возмущенія и отказа въ уплатѣ налоговъ. Въ этихъ разсужденіяхъ Jean Meung дѣлается изъ романиста и моралиста прямымъ республиканцемъ, провозглашая идеи свободы и равенства. Онъ развиваетъ всѣ эти мысли, заставляя выведенные имъ образы, но не дѣйствительныя лица, произносить длинныя рѣчи, проповѣди, въ которыхъ на каждомъ словѣ сказывается свободный мыслитель, но не тотъ, который избѣгаетъ страсти, увлеченія, а напротивъ такой, который, распаленный внутреннимъ огнемъ, бросается на всѣ предразсудки стараго свѣта и съ ненавистью и презрѣніемъ отталкиваетъ все, что стоитъ на дорогѣ, ведущей къ водворенію въ мірѣ правды и справедливости. Каковы бы ни были привиллегіи—онъ объявляетъ себя ихъ врагомъ, привиллегіи ли это рожденія, сана, богатства, ему все равно.

Не многія поэмы пользовались такою обширною популярностью, какъ «Roman de la Rose», и не многіе писатели пользовались тогда такою громкою славою, какъ Jean Meung, авторъ этого романа. При жизни и послѣ смерти онъ одинаково почитался, и не только

его современники, но и позднѣйшіе цѣнители литературныхъ произведеній ставили его на ряду съ Гомеромъ и Дантомъ. Мы не станемъ говорить о томъ, что́ есть преувеличеннаго въ хвалебныхъ гимнахъ этому писателю, который вплоть до XVI вѣка сохранялъ первенствующее мѣсто во французской литературѣ. Подобная оцѣнка сатирика XIV-го вѣка, какъ бы ни была она ошибочна, важна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какое большое значеніе приписывали умнымъ сатирамъ Meung'а. Конечно, онъ никогда бы не пользовался такою славою и популярностью, еслибы сатиры его не были выраженіемъ его времени, еслибы онѣ не отвѣчали народнымъ стремленіямъ. Если «Романъ Розы» и его творцы Guillaume Lorris и Jean Meung, и главнымъ образомъ послѣдній, такъ долго удерживали пальму первенства и совершенства во французской литературѣ, то причина этого явленія кроется не столько въ достоинствахъ произведеній, которыхъ, конечно, нельзя оспаривать, сколько въ томъ печальномъ періодѣ французской исторіи, который открывается скоро послѣ смерти Jean'а Meung'а. Онъ является какъ бы послѣднимъ сатирикомъ, политическимъ поэтомъ среднихъ вѣковъ, имъ замыкается эпоха, богатая произведеніями народной поэзіи; вмѣстѣ съ его смертью какъ бы пріостанавливается все развитіе французской литературы. Страшныя войны между Франціею и Англіею, наполняющія большую часть XIV столѣтія и первую половину XV вѣка, внутреннія волненія, Жакерія — вотъ что́ остановило прогрессивное движеніе французской поэзіи, вотъ что̀ мѣшало появленію такого таланта, который заставилъ бы позабыть сатирическаго поэта «Романа Розы». Народу некогда было думать о произведеніяхъ воображенія, когда дѣйствительныя событія были такого рода, что оставляли вымышленныя далеко за собою, вниманіе его было отвращено отъ пороковъ привилегированныхъ сословій опасностью, въ которой находилась Франція; въ это тяжелое время нужна была не сатира, не поэзія, а исторія, и въ этой отрасли литературы дѣйствительно появляется крупный талантъ Фруассара, который почти одинъ владычествуетъ въ несчастный періодъ революцій и войнъ, всегда порождающій, какъ замѣтилъ Виллыменъ, историческіе таланты. Впрочемъ, хотя время второй половины XIV и XV вѣка представляется въ литературномъ отношеніи временемъ остановки, застоя, все-таки нельзя сказать, чтобы поэзія, изящная литература, или по крайней мѣрѣ то́, что принято называть изящной, вовсе исчезли. Нѣтъ, поэзія становится на отдаленный планъ, она не порождаетъ болѣе такихъ крупныхъ талантовъ какъ Jean Meung, но она все-таки продолжаетъ двигаться. Сатира, участь которой насъ особенно ин-

тересуетъ, не составляетъ болѣе, вплоть до XVI вѣка, до появленія Рабле, главнаго содержанія поэзіи, но тѣмъ не менѣе мы можемъ въ второстепенныхъ поэтахъ второй половины XIV и XV столѣтій прослѣдить ту сатирическую закваску французскаго ума, которая съ такою силою сказалась въ великомъ сатирикѣ XVI вѣка, — Франсуа Рабле.

Среди пустоты, порожденной внутренними волненіями, среди разоренія, причиненнаго страшною войною съ Англіею, въ литературѣ раздаются только слабые голоса, большею частью оплакивающіе печальное положеніе Франціи, и только изрѣдка слышится энергическая нота, изрѣдка вырывается изъ груди поэтовъ этой эпохи крикъ мести при созерцаніи общественныхъ бѣдствій, мужественный призывъ къ отчаянной борьбѣ и сопротивленію. Въ этой эпохѣ, обильной поэтами, но обильной только по количеству, а никакъ не по качеству, плодовитой и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодной, нѣтъ никакой возможности дѣлать подробный перечень поэтовъ и писателей; нужно только указать на немногихъ изъ этой длинной плеяды и по нимъ уже можно болѣе или менѣе судить и о всѣхъ остальныхъ.

Первымъ по времени нужно назвать Эсташа Дешанъ, который былъ проникнутъ патріотизмомъ и ненавистью къ чужеземцамъ, поэта, который умѣлъ сочувствовать бѣдствіямъ народа. Въ своихъ стихахъ онъ не ограничивается однако выраженіемъ желаній, чтобы враждебная Англія была поскорѣе уничтожена, онъ обращаетъ также вниманіе на внутреннее состояніе страны и преслѣдуетъ своими эпиграммами всѣхъ тѣхъ, кто, пользуясь властью, дурно управляетъ народомъ. Онъ направляетъ свою печальную сатиру противъ тѣхъ, которые только и знаютъ, что выжимаютъ изъ народа деньги да деньги, которые, какъ піявки, высасываютъ изъ него всю кровь; онъ постоянно является на сторонѣ тѣхъ, которые страдаютъ, вооружается противъ притѣснителей, судья ли то, духовныя лица, или какіе бы то ни было другіе властелины земли. Онъ сохраняетъ въ этомъ отношеніи традиціи поэтовъ XIII и XIV столѣтій, гораздо болѣе тѣхъ поэтовъ, которые непосредственно слѣдуютъ за нимъ. Онъ разсуждаетъ о всемъ и по поводу всего даетъ совѣты королю, къ которому онъ чувствуетъ большую привязанность, что впрочемъ не мѣшаетъ Дешану высказывать ему и самую горькую правду. Онъ написалъ громадное количество, около 80 тысячъ, стиховъ, и если большинство изъ нихъ мало имѣетъ смысла и нисколько незамѣчательно, за то попадаются и очень удачныя мысли, одинаково удачно выраженныя. Въ одномъ изъ его произведеній, въ которомъ особенно ярко отсвѣчивается цѣлая

эпоха, сатира Дешана принимаетъ мрачный, свирѣпый характеръ. Поэтъ изображаетъ знатныхъ и сильныхъ подъ видомъ сборища львовъ, леопардовъ, волковъ и медвѣдей, которые соединяются вмѣстѣ, чтобы легче сдирать кожу съ слабыхъ животныхъ, въ образѣ которыхъ не трудно узнать простой народъ. Сильные звѣри не хотятъ слушать жалобъ бѣдной овцы, которая робко напоминаетъ, что въ одинъ годъ съ нея четыре раза сдираютъ шерсть. На всѣ жалобы слабаго и ничтожнаго народа раздается только одинъ отвѣтъ, слышенъ все одинъ и тотъ же зловѣщій крикъ:

Sà de l'argent, sà de l'argent!

Крикъ этотъ повторяется до тѣхъ поръ, пока обнищалый и голодный народъ не освирѣпѣетъ, не возстанетъ и не разорветъ на части этихъ немногихъ привилегированныхъ животныхъ, которыя только и умѣютъ, что обижать его. Но не долго длится торжество; скоро народъ, не умѣя справиться съ своею побѣдою, снова подпадаетъ подъ власть старыхъ притѣснителей, и снова въ его ушахъ раздается страшный крикъ: «Sà de l'argent», и снова, какъ барана, его начинаютъ стричь нѣсколько разъ въ годъ. Благодаря этой сатирѣ, Дешанъ попадаетъ въ немилость, его лишаютъ содержанія, что̀ еще болѣе озлобляетъ его и заставляетъ писать еще болѣе такія вещи. Его негодованіе и злоба противъ всѣхъ этихъ львовъ, леопардовъ и волковъ уступаетъ только одному: его злобѣ и негодованію противъ англичанъ, которыхъ ему хочется стереть съ лица земли. Эту политическую злобу раздѣляютъ съ Дешаномъ и всѣ послѣдующіе поэты этой несчастной эпохи, между которыми болѣе видное мѣсто занимаютъ Аленъ Шартье, Христина Пизанская и Шарль Орлеанскій.

Подобно Дешану, Шартье былъ приближеннымъ лицомъ ко двору, и подобно же Дешану, онъ не поддался развращающей придворной атмосферѣ. Шартье не былъ замѣчательнымъ поэтомъ. Вилльменъ называетъ его даже «плохимъ поэтомъ» и стихи его «плоскими и грубыми», но нельзя отказать ему въ глубокомъ чувствѣ, въ пониманіи народныхъ страданій и бѣдствій, въ вѣрномъ изображеніи тѣхъ интересовъ, которыми жила тогда Франція. Изъ всѣхъ его произведеній, написанныхъ стихами и прозою, лучшими должны считаться тѣ, гдѣ Шартье перестаетъ быть лирикомъ, гдѣ онъ покидаетъ сантиментализмъ, чтобы сдѣлаться сатирикомъ. Сатира является какъ бы хорошо обработанною почвою, вступая на которую каждый писатель чувствуетъ себя тверже, свободнѣе. Однимъ изъ самыхъ удачныхъ его про-

изведеній въ этомъ родѣ является его «le Curial» т.-е. куртизанъ, царедворецъ, въ которомъ онъ описываетъ, съ большою тонкостью и вмѣстѣ силою, то, что много разъ послѣ Шартье давало пищу сатирикамъ, именно дворъ. Онъ изображаетъ дворъ XV столѣтія почти такимъ же, какимъ изображали въ XVII, XVIII и позже, рисуетъ его блестящую, мишурную сторону рядомъ съ господствующимъ обманомъ, хитростью, вѣроломствомъ. Подобно Эсташу Дешану, который также, говоря о придворной жизни, восклицаетъ: «Только коварство и зависть выдвигаютъ здѣсь людей впередъ»—Шартье говоритъ: «бѣгите, добродѣтельные люди, бѣгите, и держитесь дальше отъ этого собранія (двора), если вы хотите хорошо и счастливо жить». Предостерегая людей, чтобы они не стремились ко двору, онъ пишетъ, что тутъ всякій долженъ потерять даже ту ничтожную долю добродѣтели, которую онъ пріобрѣлъ, такъ какъ здѣсь все основано на подкупѣ, чѣмъ бы ни подкупали людей»: «мы подкупаемъ другихъ, и другіе насъ, лестью или другими развратными средствами. Мы отлично умѣемъ также продавать себя тѣмъ, которые нуждаются въ насъ». Но какими бы достоинствами ни обладала сатира «le Curial», безъ сомнѣнія, она не доставила бы автору такой извѣстности, еслибы онъ ограничился нападеніемъ на одни только узкіе придворные интересы въ то время, когда кровь лилась по всей Франціи, когда огонь обнималъ всю страну. Краснорѣчіе, которое заставило современниковъ Шартье назвать его отцомъ краснорѣчія и сравнить его съ Цицерономъ, не нашло бы себѣ достаточно простора, еслибы оно ограничено было тѣсною рамкою придворнаго міра. Оно съ силою вышло наружу только тогда, когда видъ несчастной Франціи возбудилъ въ немъ страшное негодованіе, когда боль, причиненная страданіями цѣлаго народа, защемила ему сердце. Онъ написалъ тогда «le Quadriloge invectif», въ которомъ поставилъ лицомъ къ лицу привилегированныя сословія и простой народъ, заставляя поочереди говорить каждое сословіе, которыя всѣ вмѣстѣ обвиняютъ другъ друга въ бѣдственномъ положеніи Франціи. Какъ ни старается Шартье возвыситься надъ всѣми партіями, какъ ни старается онъ не принимать исключительно ничьей стороны, какъ ни сильно въ немъ желаніе содѣйствовать всеобщему примиренію для спасенія Франціи, но ему все-таки не удается скрыть, къ кому главнымъ образомъ лежатъ всѣ его симпатіи. На всѣ сословія онъ одинаково распространяетъ дѣлаемые имъ упреки, но въ тѣхъ оправданіяхъ, которыя онъ влагаетъ въ уста различныхъ классовъ, въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя дѣлаются на бросаемые въ нихъ упреки, немудрено однако узнать тайное, задушевное мнѣніе

Шартье о томъ, кто менѣе всѣхъ другихъ виновенъ въ общественномъ бѣдствіи и кто болѣе всѣхъ заслуживаетъ участія, состраданія и любви. Шартье достигаетъ до высокой степени краснорѣчія и силы, когда онъ вырываетъ изъ груди народа его грустную исповѣдь, его жалобный стонъ. «Смотри, мать, смотри,—восклицаетъ народъ, обращаясь къ своей матери Франціи,—и подумай о томъ страшномъ положеніи, изъ котораго мнѣ нѣтъ выхода! Оружіе и знамена подняты противъ непріятеля, но они обращаются противъ меня, они разрушаютъ мое жалкое существованіе, мою жалкую жизнь. Противъ враговъ они сражаются словами, противъ меня дѣйствіями». Народъ жаловался тогда, какъ и теперь, на притѣсненія привилегированныхъ сословій, и тогда какъ и теперь ропщетъ на то, что у него отнимаютъ работу его рукъ. Аленъ Шартье зналъ, что думалъ и чувствовалъ народъ, онъ сочувствовалъ его думамъ и жалобамъ, и потому влагаетъ въ его уста такія слова, отъ которыхъ всѣмъ другимъ должно было дѣлаться холодно: «Я, какъ оселъ, который несетъ невыносимо тяжелую ношу,... трудъ моихъ рукъ питаетъ бездѣльниковъ и подлыхъ людей,... я поддерживаю ихъ жизнь потомъ и трудомъ своего тѣла, и они причиняютъ мнѣ всякія обиды,... они живутъ черезъ меня, а я умираю черезъ нихъ». Эти жалобы приводитъ Шартье, чтобы объяснить, что всѣ возмущенія и возстанія, въ которыхъ обвиняютъ народъ, вызваны противъ его воли невыносимою тираніею привилегированныхъ сословій. Здравыя понятія Алена Шартье, его сочувствіе всему благородному и ненависть ко всему, чѣмъ нарушается справедливость, его стремленіе поднять упавшій духъ Франціи въ тяжелое время народныхъ бѣдствій, все это достаточно, чтобы искупить слабыя стороны его поэтической дѣятельности, и дать ему мѣсто среди болѣе выдающихся писателей XV вѣка.

Мы не будемъ останавливаться ни на Христинѣ Пизанской, ни на Шарлѣ Орлеанскомъ, этихъ двухъ поэтахъ, пользовавшихся большою славою, потому что у обоихъ не находимъ слѣдовъ даже той сатиры, которую мы встрѣтили у Дешана и Шартье. У обоихъ, особенно у Христины, есть патріотическій жаръ, рисующій хорошо эпоху, но нѣтъ той силы, которая свойственна была другимъ поэтамъ XV вѣка. Христина Пизанская имѣла громкую извѣстность, ее восхваляли еще и въ слѣдующемъ вѣкѣ, но извѣстность эта должна быть приписана главнымъ образомъ тому, что Христина была женщина, и притомъ еще несчастная женщина. Что касается до Шарля Орлеанскаго, отца Лудовика XII, то его произведенія, хотя и пользовались

меньшею извѣстностью, имѣютъ несравненно болѣе достоинствъ, и у новѣйшихъ французскихъ критиковъ, какъ Сентъ-Бёвъ и Вилльмемъ онъ пользуется особенною милостью. Его стихи, правда, гораздо легче, граціознѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, въ нихъ точно предчувствуется, въ отношеніи языка, новая эпоха, но за то поэзія его лишена того содержанія, которое составляло силу Дешана и Шартье. Шарль Орлеанскій, главнымъ образомъ, лирикъ, жизнь его, полная горести, вмѣсто того, чтобы ожесточить его умъ, дала его поэзіи какой-то жалобный тонъ, мягкій, нѣжный колоритъ. Двадцать пять лѣтъ онъ находился въ плѣну у англичанъ, и потому главная часть его поэзіи посвящена описанію чувствъ, которыя онъ испытывалъ вдали отъ родины. Но чувства эти возбуждаются, главнымъ образомъ, воспоминаніями о солнцѣ Франціи, веселомъ обществѣ, прекрасныхъ дамахъ и т. д. Въ стихахъ его нѣтъ ничего мужественнаго; они были бы болѣе понятны, если бы принадлежали не воину Шарлю Орлеанскому, а несчастной Христинѣ Пизанской, которая, во всякомъ случаѣ, больше мыслила и обладала большею серьезностью. По возвращеніи изъ плѣна, Шарль поселился въ своемъ замкѣ, который сдѣлался скоро, но на короткое время, литературнымъ центромъ, сборищемъ поэтовъ и всѣхъ, такъ-называемыхъ, «beaux esprits» того времени. Однажды въ этотъ за́мокъ забрелъ бродяга по наружности, сорванецъ, но поэтъ въ душѣ, и тотчасъ въ этой княжеской средѣ нашелъ себѣ теплый пріютъ. Бродяга этотъ былъ никто иной, какъ Виллонъ, поэтъ совершенно противоположный Шарлю Орлеанскому, который занимаетъ во французской литературѣ почетное мѣсто, только благодаря своему утонченному языку и граціи — достоинства, которыя не составляютъ отличительнаго свойства таланта Виллона.

Виллонъ въ полномъ смыслѣ этого слова дитя природы: въ немъ нѣтъ ничего искусственнаго, ненатуральнаго, онъ пишетъ то, что чувствуетъ, не примѣшивая къ своимъ произведеніямъ той непереваренной учености, до которой падки были всѣ его предшественники. Грубость и цинизмъ нерѣдко въ стихахъ этого народнаго поэта, реалиста по преимуществу, но онъ выкупаетъ ихъ своею искренностью, правдивостью, теплотою, въ его произведеніяхъ на каждомъ шагу слышно сильное біеніе человѣческаго сердца. Съ Виллономъ французская литература дѣлаетъ значительный шагъ впередъ по пути простоты, естественности, словомъ, по той дорогѣ реализма, на которой Рабле пошелъ такъ далеко. Если въ его стихахъ мы не встрѣчаемъ той политической сатиры, которую мы видѣли въ произведеніяхъ его предшественниковъ, то тѣмъ не менѣе сатирическое направле-

ніе является въ немъ преобладающимъ. Ко всѣмъ сторонамъ, ко всѣмъ явленіямъ и моментамъ человѣческой жизни онъ относится сатирически, сатира какъ бы спустилась вмѣстѣ съ Виллономъ въ обыденную жизнь, въ которой такъ несчастливилось бѣдному поэту. Съ самаго ранняго возраста онъ былъ брошенъ на произволъ судьбы, и почти до конца жизни онъ имѣлъ только двухъ неизмѣнныхъ спутниковъ, нищету и голодъ:

Povre je suis de ma jeunesse
De povre et de petite extrace!

восклицаетъ Виллонъ, и чтобы никто не сомнѣвался въ его низкомъ происхожденіи, онъ иронически прибавляетъ:

Sur les tombeaux de mes ancestres
On n'y voit couronnes ni sceptres.

Съ такими двумя спутниками, какъ нищета и голодъ, Виллонъ долженъ былъ смотрѣть на жизнь, казалось бы, съ самой мрачной стороны; но натура его такова, что онъ смѣется надъ всѣми несчастіями, выпавшими на его долю, и хотя смерть и не страшна ему, и онъ описываетъ ее съ хладнокровіемъ, доходящимъ до цинизма, но все-таки жизнь, какова она ни есть, онъ предпочитаетъ всему остальному: «лучше жить нищимъ, рѣшаетъ онъ, чѣмъ гнить подъ богатыми лохмотьями». Одинъ изъ историковъ французской литературы даетъ очень удачный портретъ Виллона, въ слѣдующихъ словахъ: «представьте себѣ какого-нибудь веселаго «enfant de Paris», живущаго на удачу, плута на половину изъ необходимости, на половину изъ проказническаго ума, всегда между голодомъ, тюрьмою и висѣлицею, никогда не теряющаго ни своей веселости, ни своего живого духа; то граціознаго и нѣжнаго поэта—кто могъ бы подумать, чтобы это было возможно съ такою жизнію—(прибавляетъ французскій критикъ),—то сатирика и насмѣшника, иногда впадающаго въ меланхолію, которую онъ вдругъ прерываетъ шутовскою или ироническою выходкою; то сожалѣющаго о своей молодости, проведенной среди дурной жизни, то описывающго съ какою то энергическою грубостью грязь своей жизни; то снова впадающаго въ свою шутливую беззаботность». Портретъ въ самомъ дѣлѣ вѣренъ, Виллонъ былъ именно таковъ. Въ нѣкоторыхъ стихахъ, какъ бы для того, чтобы доказать, что онъ не окончательно испорченъ, онъ начинаетъ дѣлать сознанія, полныя упрековъ самому себѣ, дышащія самымъ искреннимъ раскаяніемъ: «еслибы—восклицаетъ онъ—во время моей безумной молодости, я учился», тогда конечно онъ не велъ бы такую бродяжническую жизнь, ко-

торая чуть-чуть не довела его до висѣлицы, еслибы не милость короля. Но Виллонъ не ожидалъ милости и приготовился уже къ висѣлицѣ и съ удивительною живостью воспѣваетъ свой эшафотъ, свою смерть и свою будущую судьбу, или вѣрнѣе будущую судьбу своего трупа. Онъ собирается умирать, точно также какъ онъ провелъ всю жизнь, т.-е. не думая и не заботясь о томъ, что̀ будетъ впереди. Онъ пишетъ свое завѣщаніе, въ которомъ онъ даетъ волю своему сатирическому настроенію, оставляя въ наслѣдство судамъ свои скверныя дѣла, свои процессы, трактирщикамъ свои долги, парижскимъ школьникамъ свой дипломъ баккалавра, игрокамъ свои старыя карты, и наконецъ свое тѣло «нашей бабушкѣ землѣ», и при этомъ только жалѣетъ объ одномъ, что червяки не очень поживутъ на его счетъ, такъ какъ голодъ «велъ съ нимъ всю жизнь отчаянную войну». Рядомъ съ частною сатирою, которую онъ направляетъ противъ своихъ друзей и враговъ, изрѣдка попадаются также сатирическія выходки противъ общественныхъ золъ и пороковъ. Но важность Виллона не заключается въ этой общественной сатирѣ, а въ томъ свободномъ отношеніи къ жизни, которое дѣлаетъ его какъ бы представителемъ свободныхъ мыслителей старой Франціи. Достоинство его то, что въ немъ нѣтъ ничего условнаго и неестественнаго, онъ развивается своею дорогою, постоянно сохраняя самую полную независимость и съ простотою изображая то, что̀ чувствуетъ, рисуя то, что̀ видитъ, и главное всегда находя въ своемъ языкѣ самое вѣрное выраженіе своей мысли и своихъ чувствъ. Сильное воображеніе, глубокое чувство, блестящее остроуміе и, главное, свободная мысль—вотъ качества, благодаря которымъ онъ разрываетъ свою связь съ средними вѣками и становится на рубежѣ новой поэзіи.

Цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ еще Виллона отъ первыхъ поэтовъ XVI вѣка: въ эти пятьдесятъ лѣтъ много было писано, но мало замѣчательнаго. Въ цѣлой плеядѣ поэтовъ, идущихъ за Виллономъ или рядомъ съ нимъ, сто̀итъ только упомянуть имя Гильома Кокильяра. Произведеніе Кокильяра, заслуживающее болѣе другихъ вниманія, это сатира его «Droits nouveaux», въ которой онъ объявляетъ войну старому міру. Но лучше не останавливаться на концѣ этого переходнаго времени между средними вѣками и новыми, открывающимися вторженіемъ во Францію духа реформаціи и возрожденія, и прямо пойти къ тѣмъ поэтамъ и писателямъ, которые открываютъ собою славную эпоху XVI вѣка.

Маргарита Валуа и Клеманъ Маро—вотъ тѣ писатели, которые вводятъ насъ въ литературное движеніе XVI вѣка, откры-

ваютъ собою торжественное шествіе, вотъ, наконецъ, писатели, которые испытываютъ на себѣ первыя вліянія реформаціи и возрожденія. Оба, правда, одинаково робко подчиняются вліянію новой силы; свободная мысль, проникнувшая сюда изъ Германіи и Италіи, сдерживается у нихъ придворнымъ воспитаніемъ, ихъ положеніемъ, и наконецъ недостаточно богатыми природными средствами, но тѣмъ не менѣе вліяніе новыхъ идей, принесенныхъ движеніемъ XVI вѣка, достаточно сильно отразилось на ихъ произведеніяхъ, чтобы ихъ можно было пройти молчаніемъ. Еслибы даже Маргарита Валуа вовсе не была писательницею, то и тогда все-таки слѣдовало бы упомянуть ея имя, такъ какъ дворъ ея былъ центромъ, вокругъ котораго собирались всѣ литературныя славы, дворецъ ея былъ пріютомъ, куда укрывались свободные мыслители того времени отъ религіозныхъ преслѣдованій потрясеннаго католицизма. Она рано выучилась по-гречески, по-латыни, по-еврейски, и такое богатство въ знаніи языковъ значительно облегчило ей пониманіе того колоссальнаго умственнаго движенія, которое охватило тогда всю западную Европу. Не смѣя, по своему положенію, какъ сестра, и сестра, обожавшая своего брата, Франциска I, открыто высказаться въ пользу реформаціи, Маргарита со всею свойственною ей страстью отдалась за то литературному движенію, вызванному эпохою возрожденія. Если въ первое время своего царствованія Францискъ I не только терпѣливо сносилъ, но и самъ не чуждался идей реформаціи, то конечно это въ значительной степени нужно приписать внушеніямъ Маргариты, которая, къ сожалѣнію, не долго сохраняла надъ нимъ перевѣшивающее вліяніе. Скоро Францискъ предался, отчасти благодаря фальшивой политикѣ, отчасти благодаря своей слабости, самымъ дикимъ преслѣдованіямъ, уступивъ убѣжденіямъ и угрозамъ такихъ мрачныхъ людей, какъ Беда. Въ это время преслѣдованій и гоненій Маргарита была настоящимъ ангеломъ-хранителемъ цѣлаго литературнаго кружка, который жилъ и дышалъ только новыми идеями; домъ ея былъ убѣжищемъ для всѣхъ, на кого только падала тѣнь подозрѣнія въ привязанности къ враждебной католицизму реформаціи. Какъ ни высоко было ея положеніе, это покровительство новымъ религіознымъ, или какъ утверждала Сорбонна, антирелигіознымъ идеямъ не было совершенно безопасно даже для Маргариты, на которую не разъ указывали Франциску I, какъ на то сѣмя зла, которое нужно вырвать прежде всѣхъ другихъ. Францискъ не рѣшился однако на враждебный и предательскій поступокъ противъ той, которая чувствовала къ нему любовь, страсть, не останавливающуюся ни передъ какими жертвами. Маргарита называ-

вала своего брата «солнцемъ», онъ былъ для нея всѣмъ, что есть самаго дорогого на свѣтѣ, она сама говорила, что Францискъ для нея «отецъ, сынъ, братъ, другъ, мужъ». Впослѣдствіи она съ грустью должна была сознаться, что еслибы Францискъ этого только потребовалъ, она была бы готова сдѣлаться даже его любовницею. Маргарита не только изъ уваженія или боязни къ своему брату не разорвала свой союзъ съ католическою церковью, но также и потому, что къ религіознымъ вопросамъ своего времени она не чувствовала того жара, не находила въ немъ того наслажденія, которое доставляли ей идеи, вызванныя эпохою «возрожденія». Пропитанная этими идеями, отдавшись вся литературному движенію, она оставалась болѣе равнодушною къ религіозному обновленію, которое такъ тѣсно было связано съ умственнымъ. Бо̀льшій или меньшій индифферентизмъ къ религіознымъ спорамъ, вызваннымъ реформаціею рядомъ съ самымъ страстнымъ отношеніемъ къ идеямъ, возбужденнымъ «возрожденіемъ», черта эта принадлежитъ не одной Маргаритѣ, она присуща очень многимъ литературнымъ дѣятелямъ XVI вѣка. Очевидно, что Италія оказывала бо̀льшее вліяніе на Францію, нежели Германія. Помимо благотворнаго вліянія, которое оказывала Маргарита на литературную среду XVI вѣка, она сама занимаетъ мѣсто въ умственномъ движеніи Франціи и по другому еще праву, по своимъ литературнымъ произведеніямъ, изъ которыхъ наибольшею славою пользуется «l'Heptaméron» или «Исторія счастливыхъ любовниковъ». «Гептамеромъ» есть ничто иное, какъ собраніе разсказовъ, въ которыхъ любовныя похожденія трагическаго и комическаго характера составляютъ главное содержаніе. Произведеніе это, честь котораго оспариваютъ у Маргариты, приписывая его другому писателю, именно Бонавентурѣ Де-Перье, грѣшитъ главнымъ образомъ отсутствіемъ оригинальности. Оно навѣяно «Декамерономъ» Боккачіо, но конечно стоитъ несравненно ниже творенія италіянскаго писателя XIV вѣка. Тѣмъ не менѣе, разсказы Маргариты не лишены также своихъ достоинствъ. Достоинства эти не столько относятся къ внутреннему содержанію разсказовъ Маргариты, сколько къ ихъ внѣшней формѣ. Значительный успѣхъ, по сравненію съ предшествовавшими писателями, сдѣланъ въ языкѣ, въ манерѣ изложенія, хотя по бѣдности мысли эти разсказы стоятъ, можетъ быть, даже ниже произведеній писателей XV в. Въ разсказахъ Маргариты нѣтъ ни особенной глубины, ни особенной силы, нѣтъ той смѣлости, которою отличались ея предшественники, но за то есть утонченность вкуса, сказывающаяся не только въ болѣе изящномъ языкѣ, но и въ какомъ-то без-

отчетномъ стремленіи къ болѣе свободному и многостороннему развитію жизни. Въ произведеніи Маргариты, отличающемся небывалою еще легкостью, живымъ языкомъ, есть еще одна особенность—это большой запасъ будничной, житейской философіи, спокойное и добродушное обсужденіе людей и нравовъ, какая-то умѣренность, приличная сдержанность въ хулѣ и порицаніи, сдержанность, налагаемая требованіями придворной жизни. Признавая за Маргаритою всѣ эти качества, нечего и говорить, что въ ней не нужно искать ни глубокой ироніи, ни горячихъ нападковъ на людскіе пороки, ни порывовъ страсти, ни взрывовъ горячаго увлеченія, которые сильно дѣйствуютъ на воображеніе читателей. Лишенная крупнаго таланта, не обладая ни энергіею, ни богатою фантазіею, Маргарита Валуа, благодаря «Гептамерону», занимаетъ все-таки почетное мѣсто въ исторіи французской литературы. Впрочемъ, нужно сказать, или вѣрнѣе, повторить еще разъ, что надъ всѣми литературными достоинствами Маргариты владычествуетъ одно: это ея любовь къ литературѣ и неподдѣльное и глубокое сочувствіе къ свободному движенію, вызванному реформаціею и возрожденіемъ. Благодаря этому сочувствію, дворъ Маргариты сдѣлался центромъ тяготѣнія для всѣхъ «неофиціальныхъ» писателей, изъ которыхъ со многими она была въ самыхъ дружескихъ, самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. Враги Маргариты старались набросить тѣнь на ея имя, утверждая, что сочувствіе къ свободному движенію XVI вѣка было вызвано въ ней вовсе не любовью къ идеямъ реформаціи или возрожденія, что сочувствіе ея къ писателямъ и поэтамъ не было безкорыстно, что во всѣхъ ея поступкахъ и дѣйствіяхъ руководило одно—ея связь съ однимъ изъ представителей этой эпохи, именно съ Клеманомъ Маро́. Многіе даже не хотѣли признавать ея поэзію и прозу за произведенія Маргариты, стараясь за ея рукою увидѣть руку ея мнимаго любовника. Позднѣйшіе біографы Маргариты Валуа со всею силою возстали противъ этого предположенія, и теперь мало кто сомнѣвается, чтобы Маргарита была связана съ Клеманомъ Моро́ чѣмъ инымъ, какъ самою искреннею платоническою дружбою.

Между талантомъ Маргариты и талантомъ Маро̀ есть много сходнаго и сходство именно заключается въ томъ, что всѣ достоинства поэзіи Маро̀, болѣе внѣшнія, чѣмъ внутреннія—черта, общая съ Маргаритою. Утонченность и грація—вотъ отличительныя качества Маро́, и только изрѣдка въ немъ проявляется энергія и сила, вызванная печальными обстоятельствами его жизни. Жизнь Маро̀ была самая бурная въ то время, когда по натурѣ своей онъ долженъ былъ бы пользоваться самымъ нена-

рушимымъ спокойствіемъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ попалъ въ придворную атмосферу, и въ этой средѣ очень скоро обратилъ на себя вниманіе и занялъ мѣсто среди «beaux esprits» двора Франциска I. Въ то время, когда идеи реформаціи были въ «модѣ» при дворѣ,—это было въ началѣ царствованія Франциска,—когда всѣ придворныя дамы и тѣмъ болѣе мужчины стремились прослыть за свободныхъ мыслителей, Клеманъ Маро́ былъ гугенотомъ, но нисколько не вслѣдствіе убѣжденій, потому что къ религіознымъ вопросамъ онъ былъ очень равнодушенъ. Идеи реформаціи еще тогда не пустили глубоко своихъ корней, и главнымъ образомъ ограничивались поверхностью. Подсмѣиванье надъ попами, надъ церковными злоупотребленіями, надъ «бѣднымъ» духовенствомъ, которое богатѣло съ каждымъ днемъ, увлеченіе сочиненіями Эразма, защита ученыхъ только-что основанной тогда «Collége de France» и насмѣшки надъ высохшими муміями Сорбонны—вотъ въ чемъ заключался тогда характеръ реформаціи во Франціи. Такого рода протестантизмъ былъ и протестантизмъ Маро́, который впрочемъ не захотѣлъ покинуть свой протестантизмъ даже тогда, когда весь дворъ уже оставилъ его и вмѣстѣ съ королемъ во главѣ обратился «на путь истинный». То, что для другихъ было пустою и скоропреходящею модою, то у Клемана Маро́ вошло въ привычку. Его протестантизмъ, хотя и поверхностный, навлекъ на себя преслѣдованіе и онъ долженъ былъ покинуть Францію, которую Маро́ любилъ больше своей жизни. Напрасно онъ запасается мужествомъ, напрасно онъ отгоняетъ отъ себя сожалѣнія, напрасно онъ не хочетъ проронить ни одной слезинки, разставаясь съ Франціею, напрасно, наконецъ, онъ обманываетъ самого себя, заставляя свою руку писать:

Fort grand regret ne vint son coeur blessant,

на самомъ дѣлѣ онъ ощущаетъ совершенно иныя чувства, и невольно восклицаетъ:

Tu mens, Marot: grand regret tu sentis!

Онъ бѣжалъ въ Италію, но не долго могъ оставаться въ ней, его тянуло назадъ, и онъ умоляетъ Франциска снова возвратить ему Францію, онъ клянется не проронить болѣе ни одного слова, которое могло бы вызвать преслѣдованіе. Онъ получаетъ позволеніе возвратиться, спѣшитъ въ свою дорогую Францію. Здѣсь онъ снова встрѣтилъ своихъ старыхъ враговъ, между которыми на первомъ планѣ стояли Сорбонна, и Діана де-Поатье—любовница Франциска I и потомъ его сына. Она не могла простить

ему злыхъ эпиграммъ на ея счетъ, эпиграммъ, которыя обличали прежнія дружескія ея отношенія къ Маро́. Сорбонна, ненавидѣвшая точно также Маро́ за восхваленіе враждебной ей Collége de France, соединилась съ Діаною, чтобы погубить легкомысленнаго поэта, такъ мало созданнаго для того, чтобы бороться съ энергіею за свои убѣжденія. Два раза испыталъ Маро́ всю тяжесть заключенія въ Шатле, два раза, благодаря дружбѣ Маргариты Валуа и протекціи короля, онъ выходилъ изъ суровой тюрьмы; но никакія преслѣдованія не могли успокоить безпокойнаго нрава поэта, и въ то время, когда онъ сидитъ въ тюрьмѣ за злые стихи, направленные противъ его преслѣдователей, онъ тутъ же сочиняетъ другіе, которые возбуждаютъ противъ него еще бо́льшую ненависть и раздраженіе. Дружба короля истощилась, онъ предаетъ своего прежняго любимца въ руки его враговъ и бѣдному поэту ничего не остается болѣе дѣлать, какъ снова покинуть Францію. Онъ бѣжитъ въ Женеву, не уживается въ ней, отправляется въ Пьемонтъ и тутъ, въ изгнаніи, вдали отъ друзей, оканчиваетъ свою бурную, полную волненій, жизнь. Жизнь эта цѣликомъ отражается на его литературной дѣятельности, которая представляетъ собою необыкновенную смѣсь всевозможныхъ родовъ поэзіи: баллады, эпиграммы, маленькія поэмы, сатира—все это слѣдуетъ у Маро̀ другъ за другомъ. Онъ начинаетъ, какъ и подобаетъ придворному человѣку, съ посвященія своему королю, которому онъ подноситъ свое первое произведеніе: «Temple de Cupido», собраніе разсужденій о прелестяхъ любви въ формѣ стиховъ. Въ это время ему еще не было двадцати лѣтъ. Несмотря на его большую молодость, благодаря нѣсколькимъ вольнымъ стихотвореніямъ, въ которыхъ онъ довольно безцеремонно обращался съ важными лицами и съ важными вопросами, по преимуществу религіозными, его очень скоро объявляютъ еретикомъ, протестантомъ, и это обвиненіе было источникомъ бѣдствій всей его жизни. Если это обвиненіе послужило къ тому, чтобы, подобно его предшественнику Виллону, проморить его два раза въ Шатле, то это же обвиненіе помогло и тому, чтобы усилить въ немъ дѣйствительную злобу къ пылавшему местью католицизму, и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь и привязанность къ свободнымъ идеямъ эпохи «возрожденія». На эти обвиненія подчасъ отвѣчалъ онъ какъ бы извиненіемъ, отрекаясь отъ протестантизма, подчасъ же злою насмѣшкою и презрительною улыбкою — орудіями, которыми онъ пользовался какъ никто. Сидя въ тюрьмѣ онъ вовсе не упадалъ духомъ, и свои лучшія произведенія онъ написалъ, сидя въ казематѣ. Тюрьмою помѣчены два его посла-

нія, одно къ его другу, другое къ королю, въ которыхъ онъ просилъ о своемъ освобожденіи; и по тону ихъ можно судить, съ какимъ стоическимъ спокойствіемъ онъ переносилъ гоненія. Въ одномъ онъ говоритъ между прочимъ:

Je ne t'escri de Dieu en sa puissance,
C'est a luy seul t'en donner connoissance;
Je ne t'escri des Dames de Paris,
Tu en sçais plus que leurs propres maris.

Въ этихъ четырехъ строкахъ отлично отражается одна сторона поэтической дѣятельности Маро́. Онъ, не стѣсняясь, съ большимъ легкомысліемъ выказывая свое безвѣріе, говоритъ о Богѣ и рядомъ толкуетъ о парижскихъ дамахъ, съ которыми онъ былъ такъ близокъ; одно переплетается у него съ другимъ, религіозные вопросы для него также важны, какъ и любовныя похожденія. Онъ ни надъ чѣмъ серьезно не останавливается, и ко всему относится съ полнымъ нидифферентизмомъ. Нечего и говорить, что этотъ индифферентизмъ, это свободомысліе, которое сплошь и рядомъ обнаруживается у Маро́, представляетъ собою уже значительный шагъ впередъ, сдѣланный на почвѣ нравственнаго прогресса. Подобныя шутки не проходили ему, конечно, даромъ и въ тѣ самыя минуты, когда онъ писалъ просьбы о своемъ помилованіи, онъ совершалъ въ глазахъ его преслѣдователей новыя преступленія. Такъ, напр., прося короля, чтобы онъ позволилъ ему воротиться въ Парижъ, онъ пишетъ, что онъ больше не будетъ писать ничего такого, что́ могло подать поводъ къ преслѣдованіямъ, онъ говоритъ, что онъ пробылъ въ Венеціи и выучился тамъ бояться всего и молчать. Онъ обѣщаетъ королю:

De parler peu et de poltroniser,
Et d'un seul mot de Dieu ne deviser.

Но обѣщанія эти онъ держалъ не долго. Языкъ его скоро развязывался, и сознавая, какою опасностью грозятъ шутки надъ церковью и духовенствомъ, онъ пишетъ:

L'oisiveté des moines et cagots
Je la dirois, mais garde les fagots!
Et les abus dont l'Eglise est fourrée
J'en parlerois, mais garde la bourrée!

Церковь и духовенство составляли главнымъ образомъ цѣль, въ которую безъ устали мѣтили свободные писатели этой эпохи. Оно и понятно. Церковь и духовенство играли тогда слишкомъ

большую роль въ жизни народа; въ политическомъ, нравственномъ и даже матеріальномъ отношеніи вліяніе церкви было огромно. Церковь стремилась удержать въ своихъ рукахъ верховную политическую власть, она мѣшала нравственному развитію, являлась по своему существу неумолимою и жестокою противницею свободныхъ идей, внесенныхъ «возрожденіемъ», она же грабила народъ, скопляя въ своихъ рукахъ колоссальныя богатства. Какъ же писателямъ, подчинявшимся вѣянію новаго духа, было не бороться съ нею! Маро́, стараясь колоть ее всевозможными средствами, рѣдко доходилъ до настоящей сатиры; и если не считать его сатирическихъ посланій, извѣстныхъ подъ именемъ du Coq-à-l'Ane, то только въ своемъ произведеніи, въ которомъ онъ описываетъ Шатле подъ именемъ «l'Enfer», онъ возвышается до серьезнаго сатирическаго тона. Въ этомъ произведеніи онъ съ энергіею казнитъ своихъ судей, возстаетъ со всею силою своего ума противъ возмутительныхъ дѣйствій своихъ враговъ, онъ клеймитъ позоромъ пытку, и съ отвращеніемъ и ужасомъ восклицаетъ:

O chers amis, j'en ay veu martyrer
Tant que pitié m'en mettoit en esmoy!

Его «Адъ» не былъ ему прощенъ, и тѣ, которые возбуждали его смѣхъ или негодованіе, рѣшились во что бы то ни стало отдѣлаться отъ поэта, вызывавшаго къ нимъ презрѣніе. Они знали хорошо, что Маро́ имѣетъ могущественныхъ покровителей, но они не остановились передъ этимъ, они имѣли власть вырывать даже изъ рукъ короля свои жертвы. Маро́ перевелъ псалмы Давида и переводъ этотъ послужилъ обвиненіемъ противъ него, несмотря на то, что весь дворъ, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ придворнымъ, напѣвали переведенные имъ псалмы сквозь зубы. Онъ обвиненъ былъ въ ереси, и для того, чтобы не быть сожженнымъ на кострѣ, какъ одинъ изъ самыхъ близкихъ его друзей, Этьенъ Доле, ему оставалось только бѣжать. Положеніе свободномыслившихъ французскихъ писателей становилось необыкновенно тяжело. Костры раскидывались все на большее и большее пространство. Король, старѣя и теряя силы, становился болѣе набожнымъ и подчинялся все болѣе пагубному вліянію фанатиковъ католицизма. Примѣръ Доле, сожженнаго на кострѣ не столько за свои произведенія, сколько за то, что, въ качествѣ книгопродавца, распространялъ по Франціи «пагубныя» книги, выходившія изъ-подъ первыхъ станковъ, былъ какъ нельзя болѣе внушителенъ и довольно громко говорилъ, какая участь ожидаетъ теперь во Франціи людей, въ которыхъ

окрѣпли идеи «возрожденія». Оставаясь во Франціи, Маро́, быть можетъ, только увеличилъ бы своимъ именемъ и безъ того безконечный списокъ несчастныхъ жертвъ католической инквизиціи.

Можно было опасаться, что благодаря печальной эпохѣ религіозныхъ гоненій, наступившей теперь для Франціи, сатира, этотъ самый жизненный нервъ французской литературы, совсѣмъ затлохнетъ и вмѣстѣ съ Клеманомъ Маро́ отправится умирать въ изгнаніи. Трудно было не видѣть, что сатира, вмѣсто того, чтобы развиваться, крѣпнуть и черпать новыя силы въ идеяхъ принесенныхъ эпохою «возрожденія», значительно ослабѣвала и съ каждымъ днемъ все мельчала и становилась блѣднѣе. Въ произведеніяхъ Маргариты де-Валуа и Клемана Маро́, сатира занимаетъ уже самое скромное, едва замѣтное мѣсто, если сопоставить ихъ съ тѣми средневѣковыми писателями, которые создавали сатирическія народныя пѣсни и поэмы, подобныя «Лисѣ» и «Роману Розы». Казалось, что сатира, въ легкихъ стихахъ Маро̀, испускаетъ свое послѣднее дыханіе. Въ дѣйствительности оно было не такъ. Клеманъ Маро̀ является не послѣднимъ представителемъ сатиры во Франціи, а только послѣднимъ изъ предшественниковъ того великаго сатирика, который долженъ былъ придать французской сатирѣ такой блескъ и такую силу, какой она не имѣла никогда ни прежде, ни послѣ. Вся сатирическая литература, существовавшая до сихъ поръ, служила, казалось, только подготовительнымъ матеріаломъ; вся она ушла, какъ бы потонула въ томъ геніальномъ произведеніи, въ которомъ всѣ идеи, внесенныя новою историческою эпохою, нашли самое полное и лучшее выраженіе во Франціи. Произведеніе Рабле принадлежитъ къ немногимъ великимъ созданіямъ европейской литературы, по всей справедливости носящимъ имя безсмертныхъ, а личность Франсуа Рабле—къ тѣмъ немногимъ творцамъ, которые, триста лѣтъ спустя, не перестаютъ возбуждать въ людяхъ удивленіе къ глубинѣ ихъ ума и силѣ ихъ генія.

Евгеній Утинъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА.

(Замѣтки о Германіи).

I.

Наши историки обыкновенно раздѣляютъ русскую исторію на нѣсколько періодовъ, большихъ и малыхъ, и каждый періодъ характеризуютъ особенными явленіями, большими и малыми, но преимущественно малыми, такъ какъ большихъ, даже при томъ микроскопѣ, который постоянно держатъ при себѣ наши историки, оказывается не много. Все это прекрасно, потому что если есть исторія, то непремѣнно есть періоды; но мнѣ всегда казалось, что наши историки не достаточно глубоко проникаютъ въ событія и упускаютъ существенныя черты нашей исторической жизни, имѣющія то несомнѣнное достоинство, что онѣ отличаются необычайной простотой; простота же, само собою разумѣется, служитъ къ ясному уразумѣнію событій и устраняетъ всякія головоломныя соображенія и непонятныя загадки.

По моему мнѣнію, которое, конечно, я никому не навязываю, существеннѣйшія черты нашей исторической жизни заключаются въ томъ, что мы, попеременно были одержимы пароксизмами самовосхваленія и самоуниженія. Сегодня лучше насъ нѣтъ народа въ мірѣ; завтра нѣтъ народа хуже насъ; послѣзавтра опять мы оказываемся наилучшею націей. Такимъ образомъ, правдивому историку оставалось бы только надписывать на отдѣльныхъ частяхъ русской исторіи такія заглавія: «мы лучше всѣхъ» и «мы хуже всѣхъ», чтобъ каждый истинно-русскій человѣкъ зналъ, не читая, о чемъ въ тѣхъ частяхъ повѣствуется и насколько жалостливо или комично было наше положеніе въ данномъ періодѣ.

Разсудительный читатель, надѣюсь, не подумаетъ, что я шучу, ибо достаточно разсудительному читателю кинуть взглядъ въ глубь нашей исторіи, чтобъ дѣйствительно убѣдиться въ несомнѣнномъ существованіи указанныхъ мною чертъ. И что всего замѣчательнѣе въ этомъ, такъ это то, что выводы всегда противоположны или, лучше сказать, разнорѣчивы съ заглавіемъ періодовъ. Такъ, если «мы лучше всѣхъ» считали себя въ извѣстный періодъ, то это значитъ, что мы были хуже всѣхъ или не лучше худшихъ; если же мы считали себя хуже всѣхъ, то выводъ за данное время былъ таковъ, что мы стали лучше худшихъ и даже приблизились къ довольно хорошимъ. Впрочемъ, дальше этой скромной отмѣтки мы никогда не шли, потому что періоды, когда мы были «хуже всѣхъ», отличались обыкновенно краткостью, тогда какъ періоды противоположнаго о себѣ мнѣнія, напротивъ, тянулись иногда нескончаемо.

Середины почти никогда не было: либо всѣхъ лучше, либо всѣхъ хуже. Въ настоящее время есть признаки, по которымъ можно уже судить, что наступаетъ пора, когда мы, не обинуясь, станемъ считать себя лучше всѣхъ. Я не былъ зараженъ этимъ самомнѣніемъ, однако, какъ человѣкъ чувствительный, нѣсколько подъ вліяніемъ глубоко-прочувствованныхъ и краснорѣчивыхъ страницъ славянофиловъ и близкой имъ по духу и политическимъ идеаламъ такъ-называемой иностранною журналистикой партіи «національныхъ демократовъ»,—думалъ, что если мы и не лучше всѣхъ, то не особенно дурны. Конечно, литература наша не можетъ идти въ сравненіе съ европейскою, но она произвела нѣкоторые таланты преимущественно, однако, въ духѣ «мы хуже всѣхъ»; наше искусство не признано самостоятельнымъ въ Европѣ, но мы вѣдь только начинаемъ; зато во всемъ другомъ мы можемъ стоять уже на ряду съ Европою: у насъ есть войско, офицеры, генералы и даже полководцы; есть чиновничество, раздѣленное на четырнадцать классовъ, министры и даже государственные люди; есть промышленность, училища и университеты, прекрасные города, пространныя тюрьмы, полиція, желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія. Однимъ словомъ, есть все такое, что необходимо европейцу, не исключая музеевъ, библіотекъ и даже пѣшихъ и конныхъ памятниковъ болѣе или менѣе великимъ нашимъ людямъ. Въ послѣднее время завели мы даже законъ въ формѣ гласнаго суда и если не доставало намъ нѣкоторыхъ представительныхъ учрежденій, то всѣмъ извѣстно, что мы или еще не созрѣли, или же, что намъ ихъ и не надо, потому что мы народъ своеобразный, которому верховныя судьбы дали миссію доказать міру, что представительство есть нечто

иное, какъ баловство и переливанье изъ пустого въ порожнее и что безъ него славянскія племена могутъ процвѣтать несравненно лучше, чѣмъ Западъ при немъ.

Окриляемый этими превосходными мыслями, я отправился на Западъ. Война помѣшала мнѣ видѣть все его пространство, но я видѣлъ Германію въ мирѣ и войнѣ, видѣлъ проклинаемую у насъ Пруссію и думаю, что нѣсколько легкихъ замѣтокъ о мелкихъ вещахъ будутъ не лишни, во-первыхъ потому, что мы сбираемся считать себя лучше всѣхъ, во-вторыхъ потому, что я видѣлъ Германію во время не совсѣмъ обыкновенное.

II.

Одинъ нѣмецкій инженеръ, строившій у насъ желѣзныя дороги, съ большой похвалой говорилъ мнѣ о сметливости русскаго мужика, который, будучи нанятъ для земляныхъ работъ, при нуждѣ исполняетъ каменныя работы и проч. «Нашъ нѣмецъ на это не способенъ», прибавилъ онъ.

— И вы заключаете изъ этого, что русскій народъ даровитѣе нѣмецкаго.

— Не изъ одного этого я заключаю о большой даровитости русскаго народа. Я присматривался къ нему прилежно и довольно долго. Онъ дѣйствительно даровитъ, но нѣмецъ имѣетъ передъ нимъ большія преимущества при меньшей даровитости. Нѣмецъ трудолюбивѣе въ томъ смыслѣ, что умѣетъ распредѣлять свой трудъ съ пользою, и если ужъ что нѣмецъ знаетъ— то онъ знаетъ основательно. Вы, пожалуй, способнѣе насъ сдѣлать все, вы многостороннѣе, но мы сильнѣе васъ своею односторонностью; вы многое можете сдѣлать, но все кое-какъ, лишь бы держалось, а мы не разбрасываемся, и то немногое, что каждый изъ насъ умѣетъ дѣлать, мы дѣлаемъ хорошо и прочно. На это, конечно, есть историческія причины, и я думаю, что еслибъ васъ не стѣсняли на каждомъ шагу, еслибъ у васъ было столько свободы, сколько ея есть у насъ, то и вы стали бы, быть можетъ, одностороннѣе, но лучше. Я никогда ничего не слыхалъ о вашихъ изобрѣтеніяхъ даже въ практической области, а у насъ такихъ изобрѣтеній много. Дѣло въ томъ, что когда человѣкъ сидитъ надъ чѣмъ-нибудь долго, онъ доведетъ свое дѣло до совершенства, насколько, конечно, есть у него способностей. Это выгоднѣе и въ жизни частной и въ государственной, чѣмъ многосторонность, отчасти вынужденная и вовсе не направленная. У насъ способные люди не пропадаютъ, а у васъ имъ даже не-

гдѣ выказаться и я сильно удивлялся одному вашему московскому профессору, который, одушевленно говоря о преимуществахъ русскихъ передъ нами, просто восторгался какимъ-то мужикомъ, который взлѣзъ на какой-то шпиль при помощи одной веревки и ежеминутно рискуя сломать себѣ шею. «Этого, говорилъ онъ, ни одинъ нѣмецъ не сдѣлаетъ». Я отвѣчалъ ему, что нѣмецъ и не подумаетъ этого дѣлать, потому что у нѣмца есть средства сдѣлать это же самое безъ риску, навѣрняка. Я видѣлъ ваши желѣзныя дороги—это срамъ, какая постройка. При постройкѣ Николаевской желѣзной дороги, говорили мнѣ, много воровали, всѣ, начиная съ высшихъ и кончая низшими, но она все-таки лучше всѣхъ вашихъ дорогъ построена. Понятно, что вамъ и думать нечего ѣздить такъ быстро, какъ мы—сейчасъ все расползется.

— Но вы забываете нашъ адскій климатъ.....

— Что климатъ? Вы видѣли наши постройки въ Германіи—тутъ приходилось столько трудностей преодолѣть, что у васъ и рѣчи быть не можетъ ни о чемъ подобномъ. Сколько туннелей, подъемовъ, мостовъ, какое полотно! Въ гористой части приходилось употреблять колоссальныя средства и труды. Да что? У насъ шоссе гораздо лучше устроено, чѣмъ полотно вашихъ желѣзныхъ дорогъ. У васъ все протекція, взятки, подкупъ. Я присутствовалъ однажды при осмотрѣ вновь построенной желѣзной дороги особой коммисіей. Осмотръ происходилъ глубокой осенью; дорога пролегала по мѣстности мало населенной. Строители пригласили изъ Петербурга лучшаго повара, который пріѣхалъ съ особой коммисіей поваровъ и официантовъ. Осмотръ производился такъ, что меня гораздо больше интересовала поварская коммисія, на долю которой дѣйствительно выпала трудная работа. Среди степи, въ холодъ, подъ дождемъ она раскидывала шатры, устраивала походную кухню, сооружала столовую и буфетъ, и приготовляла такіе завтраки и обѣды, какихъ у насъ король не ѣстъ въ высокоторжественные дни. Сколько тутъ было выпито шампанскаго и другихъ винъ и я думаю, что эти вина не способствовали ясному пониманію дѣла господами осмотрщиками. Я спросилъ одного строителя: даютъ ли они взятки? Онъ улыбнулся и отвѣтилъ: нѣтъ, но это угощеніе намъ стóитъ пятнадцать тысячъ рублей. Но я знаю, что нигдѣ столько не тратится денегъ на подарки, какъ въ вашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Объ администраціи вашихъ дорогъ — я уже и не говорю: это что-то невозможное. Директора только жалованье получаютъ, но сами ничего не дѣлаютъ; объ интересахъ публики — и помину нѣтъ; на ея требованія никакого вниманія не обращается, и у

васъ ѣздить только тѣмъ хорошо, которые могутъ приказывать или которые знакомы съ начальствомъ желѣзной дороги. Въ директора компаній по большей части избираются люди, имѣющіе связи или знающіе ходы къ администраторамъ. Я зналъ одного такого, совсѣмъ не мудренаго, но онъ служилъ докладчикомъ по желѣзно-дорожному дѣлу у одного сановника. Нажившись, онъ вышелъ въ отставку и немедленно сталъ приглашаться въ директоры разныхъ желѣзно-дорожныхъ правленій. Ему платили по 5, по 8 тысячъ въ годъ и въ одно и тоже время онъ бывалъ директоромъ въ трехъ—четырехъ правленіяхъ. Онъ разумѣется ничего не дѣлалъ, но онъ сохранилъ всѣ прежнія свои связи, онъ зналъ всѣ входы и выходы къ канцеляріяхъ, онъ зналъ, къ кому и *какъ* обратиться въ случаѣ нужды. Я не говорю ужъ о томъ, что ваше невѣжество очень глубоко и иногда на мѣстахъ, требующихъ огромныхъ спеціальныхъ знаній, видишь людей вполнѣ невѣжественныхъ, гостинныхъ шаркуновъ, которыхъ водятъ за носъ приближенные и которые и сами настолько недобросовѣстны, что, отказываясь брать взятки, не отказываются придавать большое значеніе торговое и промышленное такимъ пунктамъ, которые его вовсе не имѣютъ, но близъ которыхъ лежатъ собственныя ихъ имѣнія.

— Позвольте, вотъ вы говорили объ администраціи на желѣзныхъ дорогахъ, но знаете ли вы, что эта администрація, напр. начальники станцій, ихъ помощники, кондукторы, на нѣкоторыхъ дорогахъ состоятъ исключительно изъ нѣмцевъ?

— Знаю и очень сожалѣю васъ. Вы берете въ начальники станцій такихъ людей, которымъ у насъ въ Германіи не дадутъ мѣста кондуктора, а ваше общество по этимъ индивидуумамъ судитъ вообще о нѣмцахъ. Я насмотрѣлся на вашихъ нѣмцевъ и долженъ сознаться, что либо они ушли изъ нѣмецкой земли потому, что тамъ не могли бы найти себѣ пропитанія по своей бездарности, лѣности или невѣжеству, либо русская среда такъ дурна, что она втягиваетъ въ себя нѣмца и дѣлаетъ его еще хуже русскаго, хуже потому, что онъ усвоиваетъ себѣ какое-то высокое мнѣніе о своей особѣ и на русскихъ глядитъ съ пренебреженіемъ. Вы знаете, что среда — великое дѣло. У насъ каждый служащій—слуга публики и своего дѣла, у васъ каждый служащій—слуга своего ближайшаго начальства, а у ближайшаго начальства — есть свое начальство, и такъ цѣлая лѣстница. Притомъ вообще всякій важный человѣкъ — у васъ есть уже начальникъ всюду, гдѣ бы онъ ни появился. Хотя, говорятъ, вы очень успѣли въ послѣдніе годы, но, приглядѣвшись поближе, я видѣлъ вездѣ такое отсутствіе порядка, такой произволъ, та-

кую лѣность въ отправленіи своихъ обязанностей, такое пренебреженіе къ закону и правамъ публики, что я не могу себѣ представить, что-жъ у васъ было прежде....

Иностранцу, въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, что у насъ было прежде, когда и теперь не хорошо. Но выходя изъ области желѣзныхъ дорогъ, которыхъ теперь у насъ настроено довольно, какъ много совершеннѣе ихъ администрація за границей, чѣмъ у насъ. Говоря «за границей», я разумѣю Германію и отчасти нѣмецкую Швейцарію. Не окунувшись еще въ европейскій порядокъ, не избалованный еще имъ, ѣдешь, напр., по Варшавской желѣзной дорогѣ и особенно не возмущаешься, какія бы передряги она ни заставила васъ перенесть. Но попасть съ нѣмецкой дороги на дорогу главнаго общества— хладнокровіе исчезаетъ. Во-первыхъ, 35 верстъ въ часъ вмѣсто 45—50 на нѣмецкихъ дорогахъ — ужъ это не одно и тоже; во-вторыхъ, безтолковость кондукторовъ, когда къ нимъ приходится обращаться, не мало поражаетъ васъ; въ-третьихъ, смущаетъ васъ и международное племя, не русскіе, не нѣмцы, не жиды, изъ котораго главное общество избираетъ свой персоналъ. Въ-четвертыхъ — вѣчно опаздываютъ и, говорятъ, еще не было случая, когда бы поѣзды совершенно точно приходили къ мѣсту своего назначенія. По крайней мѣрѣ я не былъ этому свидѣтелемъ. Ѣхали за границу — опоздали на полтора часа; ѣхали изъ-за границы — опоздали на пять часовъ и притомъ совсѣмъ не оригинально, но довольно назидательно.

За Динабургомъ вдругъ останавливаемся въ степи.

— Что̀ такое случилось?

— Ничего не безпокойтесь: трубы лопнули въ локомотивѣ.

Начинаются бѣготня, суетня, брань. Кондукторы ругаютъ машиниста, утѣшая пассажировъ:

— Вѣдь этакій чортъ — говорили ему, зачѣмъ ѣдешь на испорченной машинѣ? Ничего, говоритъ, доѣду. А какъ тамъ доѣхать, когда трубы текли. На прошлой станціи говорили — не послать ли отсюда депешу, чтобъ выслали другой локомотивъ? Не надо, говоритъ, доѣду. Вотъ тебѣ и доѣхалъ — и намъ непріятность и пассажирамъ.

Дѣлать нечего—вынимаютъ переносный телеграфный станокъ, ставятъ его на полотно дороги, соединяютъ его проволокой съ проволокой постояннаго телеграфа. Не дѣйствуетъ. То одинъ возьмется, то другой, то третій—нѣтъ да и только.

— Отчего же онъ не дѣйствуетъ?

— А Богъ его знаетъ—не дѣйствуетъ.

— Чтожъ вы сдѣлаете?

— А вотъ пошлемъ на станцію пѣшаго. Мартыновъ, сбѣгай-ка на станцію.

И Мартыновъ «бѣжитъ» за десять верстъ, а мы стоимъ въ полѣ четыре часа, голодные и жаждущіе: дѣло было какъ разъ передъ станціей, на которой предстоялъ чай и завтракъ.

Ѣдемъ далѣе и смотримъ на часы — и убѣждаемся, что на каждой станціи поѣздъ стоитъ дольше минутою, двумя, тремя. Ничего подобнаго, что́ есть на нѣмецкихъ дорогахъ, гдѣ никто не зѣваетъ, гдѣ все спорится, кипитъ, гдѣ точны какъ.... я хотѣлъ было сказать «какъ машины», но это не такъ. Нѣмцы вовсе не такъ педантичны и умѣютъ держать порядокъ разумный: я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, когда поѣздъ ждалъ лишнюю минуту запоздавшаго пассажира и даже, отъѣхавъ со станціи на четверть версты, возвращался, если опоздавшимъ пассажирамъ или растерявшимся на большихъ станціяхъ, гдѣ сходится нѣсколько дорогъ, удавалось обратить на себя вниманіе отъѣхавшаго поѣзда. Потерянныя минуты онъ наверстаетъ на быстротѣ, но у насъ машинистъ этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не отвѣчаетъ за то, что опоздалъ, но отвѣчаетъ собственнымъ карманомъ, если истратилъ топлива болѣе, чѣмъ назначено.

И когда убѣдишься въ безтолковости, въ небрежности и тупости нашей администраціи, то невольно поблагодаришь Бога, что дороги наши растянуты по равнинамъ. Что́ было бы съ пассажирами, еслибъ у насъ природа представила такіе же подъемы, спуски, такія же пропасти и туннели, какъ въ Германіи и Швейцаріи?... Населеніе уменьшилось бы навѣрно и европейскіе статистики ни за что не отгадали бы, что причина этому кроется въ одномъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ цивилизаціи— желѣзныхъ путяхъ....

Еслибъ наша желѣзно-дорожная администрація высказывала намѣреніе заботиться объ интересахъ публики, то ей можно было бы посовѣтовать многое заимствовать у сосѣдней Германіи. У насъ до сихъ поръ нѣтъ на такихъ дорогахъ, какъ Царскосельская и Петергофская, такъ-называемыхъ въ Германіи retour-billet'овъ, то-есть билетовъ отъ одной станціи до другой и обратно. Въ Германіи такіе билеты выдаются на всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ. Вы берете, напр., retour-billet отъ Берлина до Потсдама; билетъ этотъ годенъ вамъ на два дня, т.-е. вы можете остаться въ Потсдамѣ два дня и съ тѣмъ же билетомъ вернуться въ Берлинъ; на третій онъ уже не имѣетъ силы и вы должны взять новый билетъ. Конечно, не рѣдко случается, что пассажиръ, разсчитавшій свою поѣздку на одинъ день, ос-

тается въ Потсдамѣ два и три дня; онъ такимъ образомъ платитъ дороже, чѣмъ заплатилъ бы, взявъ билетъ до Потсдама, и потомъ отъ Потсдама до Берлина; на этихъ случайностяхъ и основанъ разсчетъ retour-billet'овъ желѣзно-дорожными правленіями; для публики же эти «возвратные» билеты выгодны въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, не надо торопиться на станцію и заботиться о томъ, чтобъ успѣть взять билетъ; во-вторыхъ, «возвратные» билеты стоютъ дешевле и притомъ значительно; въ-третьихъ, возвратный билетъ въ курьерскихъ поѣздахъ даетъ пассажиру право ѣхать обратно со всякимъ поѣздомъ и во всякое время. Для рабочаго класса, для торговцевъ и для коммиссіонеровъ эти билеты особенно важны; но наши желѣзныя дороги вѣроятно найдутъ бездну неудобствъ для своихъ пассажировъ и кондукторовъ въ билетахъ подобнаго рода; кромѣ того, надо вѣдь особую сумму для того, чтобъ отрядить директора за границу для подробнаго изученія этого сложнаго вопроса во всѣхъ государствахъ Европы. Какъ бы то ни было, замѣчу, что время, на которое возвратный билетъ годенъ, разсчитывается по разстоянію: на самыхъ небольшихъ разстояніяхъ оно равняется двумъ днямъ, на болѣе значительныхъ четыремъ, шести, недѣлѣ и проч.

На южно-германскихъ, рейнскихъ, французскихъ, голландскихъ и бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ существуютъ еще rundreise-billet'ы, которые можно получать во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ. Эти билеты выдаются на недѣлю, на три, на мѣсяцъ, на сорокъ и даже на пятьдесятъ дней, смотря по разстоянію, которое вы проѣзжаете. Разстояніе это точно опредѣлено въ каждомъ билетѣ, т.-е. названы всѣ города, которые вы имѣете право посѣтить. Приведу одинъ примѣръ: изъ Кёльна вы можете ѣхать на Люттихъ, Ахенъ, Брюссель, Парижъ, Страсбургъ, Баденъ-Баденъ, Карльсруэ, Дармштадтъ, Гейдельбергъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Майнцъ, всѣ прирейнскіе города и возвратиться въ Кёльнъ. Этотъ кругъ вамъ стоитъ въ первомъ классѣ 36 талеровъ, причемъ вы можете избирать отъ одного мѣста до другого какіе вамъ угодно поѣзды. Билетъ имѣетъ силу на 31 день, т.-е., предварительно сообразивъ, вы можете совершить превеселую поѣздку, останавливаясь въ значительныхъ городахъ дольше, въ незначительныхъ — день и два. Если цѣль вашихъ стремленій Парижъ, то, заручившись этимъ билетомъ, вы можете пробыть въ новомъ Вавилонѣ болѣе двухъ недѣль и у васъ останется еще время на подробный осмотръ всѣхъ другихъ городовъ. Благодаря тому, что этотъ rundreise-billet обнимаетъ Францію, гдѣ курьерскіе поѣзды существуютъ

только для пассажировъ перваго класса—что не особенно рекомендуетъ демократизмъ этой страны — сумма 36 талеровъ довольно значительна. Въ Германіи и Италіи, гдѣ курьерскіе поѣзды существуютъ для пассажировъ 1 и 2 класса (въ Германіи даже для 1, 2 и 3 классовъ), съ помощью rundreise-billet'а можно очень дешево совершить поѣздки весьма пространныя.

Все, что сказано здѣсь относительно желѣзныхъ дорогъ, относится и къ пароходамъ. На швейцарскихъ озерахъ можно имѣть билеты для увеселительныхъ прогулокъ, lustfahrt-billet'ы, которые выдаются на нѣсколько дней, смотря по разстоянію. Общества пароходства по Балтійскому морю придумали еще такую штуку: если вы берете одинъ билетъ, платите столько-то; если берете нѣсколько билетовъ для цѣлой компаніи путешественниковъ—вамъ дѣлаютъ уступку, о значеніи которой можно судить по слѣдующему примѣру: переѣздъ стоитъ $7^1/_2$ талеровъ, не помню изъ какого мѣста въ какое; если вы возьмете 30 билетовъ, то платите только по 5 тал. за каждый. Наши петербургскія пароходныя компанія могутъ смѣло соперничать въ небрежности съ компаніями желѣзно-дорожными, а потому о возвратныхъ билетахъ въ Петергофъ, Кронштадтъ, острова, Шлюссельбургъ, на дачи по Невѣ, нѣтъ и помину. Оно и понятно: директоры ничего не дѣлаютъ, иногда ничего не знаютъ, низшая администрація ведетъ дѣло рутиннымъ порядкомъ, и всѣ боятся, какъ бы нововведеніе не задало работы гг. директорамъ и не уменьшило дохода. Въ то время, когда иностранцы всѣми силами стараются развить въ населеніи любовь къ путешествіямъ, къ любознательности, увеличить число пассажировъ, предоставляя имъ всевозможныя льготы, у насъ все валится черезъ пень въ колоду, кое-какъ, согласно преданіямъ отцовъ, и если въ какой нибудь компаніи поселится дѣятельный директоръ — о немъ говорятъ какъ о нѣкоемъ чудѣ...

III.

Удобства, представляемыя желѣзными дорогами, пароходами и шоссе (послѣднія въ своемъ родѣ — тоже совершенство) поднимаютъ въ Германіи массы путешественниковъ. Въ каникулярное время вы постоянно встрѣчаете цѣлыя общества молодыхъ людей, — студентовъ, по большей части, которые то пѣшкомъ, то по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, изучаютъ свою родину, знакомятся съ бытомъ населенія. И никто имъ не препятствуетъ, напротивъ все покровительствуетъ. Нигдѣ у нихъ

не спросятъ паспортовъ, никто не заподозритъ ихъ, что они составили тайное общество съ цѣлью ниспровергнуть короля Вильгельма или произвести революцію въ средѣ рабочихъ. Они вольны и свободны какъ птицы и это путешествіе, укрѣпляя ихъ мускулы, даетъ запасъ знаній, необходимыхъ каждому человѣку. Этотъ юноша увидитъ бытъ народа лицомъ къ лицу и когда вступитъ въ жизнь самостоятельнымъ гражданиномъ, у него есть яркое представленіе о достоинствахъ и недостаткахъ своей родины. Посмотрѣлъ бы я у насъ на участь пяти человѣкъ, которые бы захотѣли совершить такое путешествіе по одной губерніи: имъ вѣроятно пришлось бы испытать въ мирное время гораздо больше непріятностей, чѣмъ корреспонденты французскіе терпѣли въ настоящую войну, когда попадались къ нѣмцамъ, и англійскіе, когда попадались къ французамъ. У насъ сейчасъ же разные блюстители прозрѣли бы въ такомъ путешествіи нѣчто сверхъестественное и путешественники должны были бы благодарить Бога, еслибъ ихъ *только* отправили по этапу на мѣсто родины.

Оттого мы ничего и не знаемъ о своей родинѣ и она остается для насъ и еще долго останется дѣйствительно неизвѣстной землей. У насъ есть Кавказъ и Крымъ, могущіе по климату и живописности природы спорить съ лучшими странами Европы; но попробуйте поѣхать туда—у насъ нѣтъ ни одного путеводителя, и вамъ легче собрать справки о путешествіи въ какой-нибудь уголъ Испаніи, неизвѣстный даже испанцамъ, чѣмъ въ извѣстныя страны собственной родины. У насъ есть минеральные ключи, но и къ нимъ не доберешься, а если доберешься, то натерпишься всевозможныхъ невзгодъ и по дорогѣ и на мѣстѣ.

Вообще каждый шагъ за границей доказываетъ вамъ, что вы не на родинѣ, каждый шагъ представляетъ вамъ матеріалъ для сравненій и, къ сожалѣнію, не въ пользу родины. У насъ говорятъ, что нѣмцы выдумали обезьяну; нѣмецъ выдумалъ нѣчто болѣе пригодное, именно порядокъ, о которомъ у насъ понятія не имѣютъ. Слово это повторяется россійскими гражданами постоянно съ ироніей, а администраціей серьезно; граждане инстинктивно чувствуютъ, что у насъ порядка нѣтъ, а есть безпорядокъ, описаніемъ котораго ежедневно заняты наши газеты; администрація тоже чувствуетъ, что у насъ нѣтъ порядка, и старается ввести его, но, къ сожалѣнію, мѣры ея не всегда хороши и удобоисполнимы; да и вообще порядокъ приказами не скоро введешь. Что́ такое нѣмецкій порядокъ — описать трудно, особенно русскому человѣку, привыкшему описывать безпорядокъ. Это какая-то магическая сила, проникающая все населеніе сверху до низу, это что-то органически слившееся со всѣмъ

нѣмецкимъ бытомъ. Это не красивая игрушка, не парадъ, не что-то случайно приготовленное на показъ высокимъ путешественникамъ, а постоянный, прочный укладъ жизни, гдѣ всему есть своя мѣра, свой вѣсъ и свое мѣсто. Словно при созданіи нѣмца природа сказала «не сотворю нѣмца», а «сотворю порядокъ»— и нѣмецъ родился. Насъ, людей съ широкими натурами, со многосторонностью, имѣющею способность ни на чемъ серьезно не останавливаться, этотъ порядокъ иногда коробитъ и мы съ удовольствіемъ предаемся глумленію надъ нимъ, и дѣйствительно онъ представляетъ не мало сторонъ, благодарныхъ для меткаго остроумія; но когда приглядишься къ упорному труду, который царствуетъ въ этомъ порядкѣ, къ благоразумной экономіи, не пускающей послѣднюю копѣйку ребромъ, къ серьезному воспитанію, получаемому молодежью, къ незначительной цифрѣ преступленій и ко многому другому, что мирно и хорошо цвѣтетъ подъ этимъ порядкомъ—самъ насмѣешься надъ прежнимъ своимъ глумленіемъ.

— Посмотрите, что за дуракъ-нѣмецъ: только-что пріѣхалъ, лошадь, понятно, разгорячена—а онъ ее поитъ.

— Да онъ поитъ ее теплою водою.

— Какъ теплою водою?

— А точно также, какъ мы, напр., во время жажды пьемъ чай.

— Вотъ что.... Штука простая, а вѣдь мы до сихъ поръ до нея не додумались.

Этотъ маленькій примѣръ можетъ служить образцомъ нашихъ поверхностныхъ воззрѣній на нѣмцевъ. И есть цѣлая лѣстница «простыхъ штукъ», до которыхъ мы, при всей широтѣ своихъ славянскихъ натуръ, никакъ додуматься не можемъ, и упрекаемъ нѣмца въ сухости и педантизмѣ, когда приличнѣе всего было бы себя самихъ упрекать въ невѣжествѣ и распущенности. То, что у нѣмца сдѣлалось необходимымъ жизненнымъ правиломъ, условіемъ, безъ котораго жизнь немыслима, у насъ сплошь и рядомъ считается либо идеаломъ, до котораго неизвѣстно еще когда мы доберемся, либо преступленіемъ, подробно обусловленнымъ въ сводѣ законовъ. Можетъ быть потому нѣмецъ и считается гнилымъ, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ Западомъ, а мы народомъ свѣжимъ, съ миссіей конечнаго счастія для человѣчества. И этотъ свѣжій народъ не можетъ еще раскрыть рта въ общественномъ мѣстѣ, чтобъ не оглядѣться: нѣтъ ли, молъ, кого *посторонняго*?... А если кто раскроетъ его слишкомъ широко, то пріятели толкаютъ въ бокъ и спѣшатъ предупредить: «что это вы, опомнитесь!» Нѣмецъ же говоритъ совершенно свободно обо всемъ и можетъ невозбранно объявлять всѣмъ и каждому, въ палатѣ, на

митингахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, за табльд'отами, что онъ думаетъ о правительствѣ, какихъ онъ политическихъ возрѣній. Сколько я знаю, у насъ только одинъ человѣкъ объявлялъ печатно, что онъ республиканецъ по убѣжденіямъ, и это былъ Карамзинъ; у нѣмцевъ—объявляй себѣ сколько хочешь, но не выходи изъ повиновенія законамъ существующаго государственнаго устройства. Мнѣнія — не преступленія: это знаетъ даже полиція у нѣмцевъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ многіе либералы, руководители общественнаго мнѣнія въ печати, съ жалкимъ юморомъ и тупымъ сарказмомъ обрушивающіеся на нѣмцевъ.

И вотъ стадообразная, невѣжественная толпа гогочетъ и, поднимая свой носъ съ гордостью падишаха, любуется своимъ кулакомъ; скромные, но тоже невѣжественные люди пріятно улыбаются съ самодовольствіемъ невинности. «Да, нѣмцы—это кордегардія, это милитаризмъ и деспотизмъ,—бѣдные нѣмцы!...»

Да, бѣдные нѣмцы! У нихъ, въ этой милитарной и яко бы деспотической Пруссіи, самый скромный бюджетъ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ; у нихъ народныя деньги не пропадаютъ и идутъ дѣйствительно на народныя нужды, а не расходятся по карманамъ администраторовъ; у нихъ на соль, напр., нѣтъ никакого акциза и ихъ скотъ употребляетъ это вещество съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ въ иныхъ странахъ люди; они крошатъ своимъ лошадкамъ такой хлѣбъ, который у насъ во многихъ губерніяхъ никогда не видятъ люди, а не то чтобы ужъ ѣдятъ; у нихъ существуетъ подоходный налогъ, изъ котораго не изъяты даже члены королевской семьи; у нихъ ужъ есть артели рабочихъ, которыя владѣютъ заводами и фабриками, на правахъ полныхъ хозяевъ, и еще больше артелей, которыя имѣютъ пай въ доходахъ хозяина; у нихъ рабочихъ союзовъ, артелей, обществъ взаимнаго вспоможенія, народныхъ банковъ, школъ едва ли не больше числомъ, чѣмъ жителей въ Петербургѣ. А мы все-таки лучше, потому что мы свѣжѣе, потому что наша миссія возвышеннѣе, та миссія, о которой прежде говорили благородные наивные люди, въ родѣ Константина Аксакова, а теперь говорятъ самые грязные газетчики, потому что это выгоднѣе, потому что это льститъ дурнымъ инстинктамъ массы...

Не подумайте, пожалуйста, что я не цѣню свойствъ и качествъ русскаго народа, что я желаю преднамѣренно унижать его. Народныя массы почтенны, они заключаютъ въ себѣ бездну талантовъ и способностей, но дѣло въ томъ, насколько дано простору послѣднимъ. Мы будемъ парить въ облакахъ и говорить болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, если за исходную

точку нашихъ сужденій станемъ принимать «неизвѣданныя нѣдра народнаго духа» и «неизвѣданныя богатства, почивающія въ пространной корѣ земной». Народъ ни при чемъ въ нашихъ спорахъ о его совершенствѣ; онъ насъ не читаетъ и читать не умѣетъ, да и некогда было бы читать ему насъ, когда онъ въ потѣ лица заработываетъ деньги не только для своей семьи, но и для насъ всѣхъ, образованныхъ людей, такъ какъ мы освобождены отъ повинностей, всею тяжестью лежащихъ на мужикѣ. А самозванныхъ выразителей народа пусть признаётъ кто хочетъ.

Я понимаю необходимость патріотизма, понимаю, что полезно возвышать народное сознаніе, но не понимаю, когда говорятъ, что ему надо льстить. Лесть внушаетъ только одно самодовольство, и льстецы заслуживаютъ такого же осужденія, какъ и тѣ публицисты, которые преднамѣренно выставляютъ нашихъ сосѣдей въ пристрастномъ свѣтѣ. Я покажусь вамъ, быть можетъ, человѣкомъ отсталымъ, но позвольте мнѣ высказаться, что для нашего общества не мало принесли вреда тѣ, которые весьма даровито смѣялись надъ парламентаризмомъ и успѣли опошлить его въ глазахъ даже просвѣщеннаго меньшинства. «Selfgovernment» въ одно время сдѣлалось самымъ смѣшнымъ словомъ и самые серьезные люди, слыша его, улыбались. Самая даровитая часть нашей печати увлеклась, подобно славянофиламъ, только съ другого конца, многоглаголивой «миссіей» русскаго народа съ его общиной, съ его расколомъ, додумавшимся до западнаго раціонализма, трепала несчастный парламентаризмъ до того сильно, что произошло странное явленіе. Тѣ, которые наиболѣе горячо были къ нему привязаны и знали, въ чемъ онъ состоитъ, замолчали и, такъ-сказать, «ушли въ себя». Все болѣе юное унеслось въ сферы заоблачныя и стало бредить о вещахъ неосуществимыхъ. Люди хладнокровные просто махнули рукой,— оно, молъ, и спокойнѣе. Къ сожалѣнію, я не могу вдаваться въ подробности, но кто наблюдалъ надъ нашимъ обществомъ, тотъ могъ бы замѣтить довольно сильный упадокъ интереса къ той политической формѣ, которую, не испытавъ, мы такъ безжалостно развѣнчали. Быть можетъ, это указываетъ на ширину нашего духа, на необъятность нашихъ стремленій, но согласитесь, что въ изреченіи Кузьмы Пруткова: «нельзя обнять необъятнаго», есть глубокій смыслъ, и лично я предпочелъ бы нѣкоторую узость взглядовъ ширинѣ ихъ, когда она ужъ черезчуръ необъятна и когда даже для узости не расчищено достаточно мѣста. Эта узость также полезна, какъ извѣстныя спеціальности; если для спеціалиста его дѣло становится дѣломъ жизни и онъ кладетъ на нее всю свою энергію, то тоже самое

можно примѣнить къ извѣстной узости политическихъ убѣжденій: твердо усвоенный, небольшой кружокъ политическихъ идей дѣлаетъ человѣка сосредоточеннѣе, законченнѣе и сильнѣе; онъ служитъ богу совершенно опредѣленному, знаетъ его достоинства и недостатки, и сознательно покланяется; ширина же политическихъ идей разбрасываетъ человѣка, дѣлаетъ его индифферентнымъ и тѣмъ легче уживчивымъ, чѣмъ дальше отдаляется возможность осуществленія его конечнаго идеала. Притомъ, въ большинствѣ случаевъ ширина—порожденіе индифферентизма или особенно пылкаго темперамента и только въ исключеніяхъ она—слѣдствіе крѣпкой критической головы; а дѣла дѣлаютъ не индифференты и не особенно-пылкія натуры: это удѣлъ спокойныхъ, твердыхъ и разсчитывающихъ.

Повѣрьте, что въ настоящее время нѣтъ ничего легче удовлетворить огромную массу русскаго общества: начните гоненіе на нѣмцевъ и давайте славянскія представленія съ гимнами чешскими, галицкими, словацкими и даже молдо-валахскими: масса и молдованъ приметъ за славяпъ. Какъ интермедіи, не дурно устраивать депутаціи отъ славянъ, которыя приходятъ къ намъ яко бы для того, чтобъ удивляться нашему могуществу и благосостоянію. Нѣкоторые органы нашей печати съ большимъ успѣхомъ проповѣдуютъ эту программу и при нашей ширинѣ политическихъ воззрѣній, при хвастовствѣ «неизслѣдованными нѣдрами народнаго духа» и при пристрастномъ отношеніи къ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, ближайшіе политическіе идеалы могутъ сдѣлаться весьма отдаленными.

Я все это говорю къ тому, что надо вещи называть собственными ихъ именами и что намъ болѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдуетъ больше говорить о хорошихъ сторонахъ европейскаго порядка, чѣмъ о дурныхъ. Этимъ я не хочу отрицать пользу критики чужихъ установленій, но указываю только на необходимость безпристрастія. Будемъ, пожалуй, преувеличивать свои достоинства и свои успѣхи, будемъ выдавать себѣ похвальные листы за усердіе въ наукахъ и добрую нравственность — это поощряетъ, но не станемъ называть свое черное бѣлымъ, потому что оно свое, и чернымъ бѣлое, потому что оно чужое. Безпристрастіе постоянно должно намъ подсказывать, что мы позади Европы и что много шаговъ намъ предстоитъ еще сдѣлать прежде, чѣмъ мы догонимъ ее. Да мы едва ли и догонимъ ее: развѣ заставимъ остановиться ее на столѣтіе, развѣ прикажемъ ей подождать насъ? Но едва ли она насъ послушаетъ, и намъ остается скромно работать и идти по пятамъ ея. Это—горькая истина, которую можетъ отрицать только самодоволь-

ная посредственность или отчаяніе людей умныхъ. По моему мнѣнію, только однимъ отчаяніемъ можно объяснить обращеніе къ «неизвѣданнымъ нѣдрамъ», соблазнявшимъ, какъ извѣстно, людей, вполнѣ умныхъ и развитыхъ. Безъ вѣры живется плохо и эта необходимость ея пораждаетъ кумиры въ земныхъ и духовныхъ нѣдрахъ. А ужъ какія тамъ нѣдра, когда поверхность не представляетъ ничего соблазнительнаго. И это не только въ важныхъ вещахъ, но и во всѣхъ мелочахъ практической жизни, а мелочи составляютъ весьма важный элементъ въ народной жизни, и могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для характеристики страны.

IV.

Въ Воронежской губерніи есть городъ Бобровъ, стоящій только въ подробныхъ географіяхъ. Въ этомъ городѣ есть у меня родственники. Упоминаю объ этомъ не для своей біографіи, а для характеристики нашихъ почтовыхъ учрежденій. Проживъ въ городѣ Пирмонтѣ, недалеко отъ Ганновера, я возъимѣлъ настоятельную необходимость написать въ городъ Бобровъ. Написавъ письмо, я отнесъ его на почту, почта отправила его и оно дошло по назначенію. Казалось бы весьма естественнымъ, чтобъ подобной же несложной процедуры было достаточно со стороны моихъ родственниковъ для отвѣтовъ мнѣ. Они такъ и думали. Написавъ письмо, они несутъ его на почту. Почтовый чиновникъ беретъ его и подозрительно разсматриваетъ.

— Что это за Пирмонтъ такой? спрашиваетъ онъ.

— А городъ такой въ Сѣверной Германіи.

— О такомъ городѣ я не слыхалъ.

— Да ничего, что не слыхали: вы возьмите деньги и отправьте письмо.

— Нѣтъ, не могу: я о такомъ городѣ не слыхалъ.

Такъ и не отправилъ, а я предавался размышленіямъ томительнаго свойства — отчего это мнѣ не отвѣчаютъ? А дѣло такое ясное, такое знакомое: г. русскій почтовый чиновникъ не слыхалъ о Пирмонтѣ. Замѣтьте, пожалуйста, что во всемъ этомъ фактѣ самое важное мѣсто занимаетъ слово: «не слыхалъ». Оно превосходно характеризуетъ составъ почтоваго управленія. Его агенты настолько лишь свѣдущи въ географіи, насколько «слышали» они отъ знакомыхъ о разныхъ городахъ. О Парижѣ онъ слышалъ, о Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ — онъ также слышалъ, но чуть прочтетъ онъ незнакомое имя на адресѣ, кончено—можете посылать нарочнаго съ своимъ письмомъ въ ближайшій губернскій

городъ, гдѣ, быть можетъ, и найдется знатокъ, да и то едва ли, если судить по тому, что «свѣдущій» петербургскій чиновникъ послалъ письмо, адресованное въ Канштадтъ, — въ Кронштадтъ. Даже слово «Канштадтъ» вычеркнулъ и написалъ «Кронштадтъ». Тутъ очевидно произошло тоже, что и въ Бобровѣ: чиновникъ не слыхалъ о Канштадтѣ, но о Кронштадтѣ слышалъ и даже, быть можетъ, былъ тамъ: поправлю, молъ, ошибку и получу заочную благодарность. Это какое-то наивное, добродушное невѣжество, которое вызываетъ зубовный скрежетъ только въ лицѣ прямо заинтересованномъ, а на устахъ посторонней публики является улыбка. Вы видите, что преданія г-жи Простаковой, отрицавшей пользу географіи, продолжаютъ жить даже въ такомъ учрежденіи, для котораго знаніе географіи необходимо. Попробуйте проэкзаменовать нашихъ чиновниковъ изъ географіи и оставьте только тѣхъ, которые получатъ удовлетворительный баллъ—вы увидите, что некому будетъ отправлять нашихъ писемъ.

Проэкзаменовать! Какая дерзость экзаменовать чиновника! Но въ томъ-то и дѣло, что у нашихъ сосѣдей, гдѣ почта устроена съ недосягаемымъ совершенствомъ, чиновники держатъ экзаменъ изъ географіи. Придите на почту и спросите у почтмейстера, какъ вамъ проѣхать ближайшимъ путемъ на Вѣну. Онъ разскажетъ вамъ это самымъ обстоятельнымъ образомъ, потому что пути сообщенія ему извѣстны въ Европѣ, какъ свои пять пальцевъ. И не на одной почтѣ такіе чиновники, а повсюду, во всѣхъ управленіяхъ: вездѣ экзаменъ, вездѣ знанія, а не протекція и «семейныя обстоятельства». Конечно, исключенія есть и тамъ, но это исключенія—въ дурную сторону, тогда какъ у насъ едва ли не наоборотъ. У насъ говорятъ, что мы взяли изъ Пруссіи самое худшее — ея военщину и бюрократію. О военщинѣ я подробнѣе скажу ниже, а теперь только замѣчу, что все дѣло заключается въ томъ, *какъ* взять? Взять форму еще не значитъ взять содержаніе, и вся наша бѣда въ томъ, что мы беремъ форму, и беремъ ее тщательно, воображая, что содержаніе само войдетъ въ форму. И разъ взявши форму, мы держимся ея, не обращая вниманія на то, что наши сосѣди становятся содержательнѣе, что ихъ администрація усовершенствуется, что начальники отдѣльныхъ частей не только люди вполнѣ образованные, но и спеціалисты по своей части. А у насъ?... Въ Берлинѣ за то, что письмо не попало въ тотъ разносъ, въ который слѣдовало, штрафуютъ цѣлое почтовое управленіе и цифра штрафа достигаетъ 12,000 талеровъ, такъ какъ штрафъ берется пропорціонально жалованью: чѣмъ оно больше, тѣмъ и штрафъ больше. Меньше всѣхъ заплатилъ почтальонъ, больше всѣхъ—почтдиректоръ. Оштрафуйте у

насъ за неисправность кого-нибудь, кромѣ почтальона—революція произойдетъ!... А дѣло тогда только и будетъ спориться, когда почтдиректоръ также будетъ отвѣчать своимъ карманомъ, какъ послѣдній почтальонъ.

Въ Пруссіи вы отдаете за письмо 1 зильбергрошъ и уходите вполнѣ увѣренные, что ваше письмо дойдетъ, что зильбергрошъ не перейдетъ въ карманъ почтовому чиновнику. А у насъ изобрѣтаютъ такія марки, которыхъ нельзя было бы снять ни подъ какимъ видомъ и высшая администрація съ радостью предается изслѣдованію этого изобрѣтенія, ибо она убѣдилась, что ея чиновники наверстываютъ скудное содержаніе на счетъ отправителей писемъ. Въ Германіи не берутъ росписокъ въ полученіи посылокъ и телеграммъ—такова увѣренность въ честности и аккуратности чиновника — и письма и посылки постоянно доходятъ, а у насъ и росписку получишь, а телеграмма все-таки не дойдетъ. А тайны писемъ? Во всей Германіи эта тайна — что-то священное, и когда я говорилъ нѣмцамъ, что у насъ письма распечатываются и читаются, они слушали это съ ужасомъ, который мнѣ казался комическимъ: болѣе, чѣмъ я, смѣтливые россіяне, вѣроятно бы прыснули со смѣху, когда увидѣли бы эти искаженныя удивленіемъ и ужасомъ честныя лица нѣмцевъ. Да что за важность, что письма читаются — лишь бы доходили-то, но и этого часто нѣтъ: прочтутъ и не отправятъ. Скажу яснѣе: принимай у насъ письма неоплаченныя, какъ это дѣлается во всей Европѣ, тогда бы только письмо пропало, но не пропали бы деньги; но у насъ заставятъ за письмо непремѣнно заплатить и не отправятъ: почтовое управленіе ничѣмъ не хочетъ платиться за свою неисправность, а все платимся мы. Наши читатели, впрочемъ, такъ часто читали похвалы прусской почтѣ, что это могло и надоѣсть имъ; но когда самъ на себѣ испытаешь всѣ удобства въ этомъ важномъ жизненномъ дѣлѣ, какъ почта, тогда какъ-то невольно хочется сказать и читателямъ: да, это вѣрно; все, что вы читали о прусской почтѣ на страницахъ «Вѣстника Европы», хотя невѣроятно, но вѣрно.

Хозяйка дома, у которой я жилъ въ Пирмонтѣ, послала своему племяннику въ Гамбургъ ящикъ съ клубникою. Бывшая при этомъ русская дама, не посвященная въ порядки прусской почты, сказала:

— Какъ это вы не боитесь посылать клубнику? Вѣдь вашу посылку раскупорятъ въ Гамбургѣ на почтѣ. У насъ всегда раскупориваютъ....

— Какъ же онѣ смѣютъ? наивно воскликнула хозяйка.

Кстати, это довѣріе, существующее между администраціей и

публикой, производитъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Вамъ вѣрятъ на слово, а не подозрѣваютъ васъ, и это довѣріе гораздо болѣе служитъ въ пользу администраціи, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ таможняхъ васъ не осматриваютъ, а просто спрашиваютъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь подлежащаго уплатѣ? И при такомъ порядкѣ таможня получитъ больше пошлинъ, чѣмъ при осмотрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мнѣ не довѣряютъ, то я предоставляю гг. чиновникамъ самимъ искать что есть у меня запрещеннаго. Представьте себѣ сто сундуковъ, плотно набитыхъ: сколько нужно времени чиновникамъ, чтобы всѣ ихъ осмотрѣть тщательно, а только при тщательномъ осмотрѣ, развертывая всѣ бумажки, выкладывая всѣ вещи, можно найти искомое. Но на тщательный осмотръ потребовалось бы столько времени, что его взять негдѣ. Гг. таможенные чиновники наверстываютъ за то на книгахъ. У меня взяли нѣмецкія газеты, которыя купилъ я въ Берлинѣ на дорогу.

— Этого нельзя провозить. Позвольте уничтожить!

— Сдѣлайте одолженіе.

И «National-Zeitung», и «Бисмаркова Газета», и «Крестовая Газета» были изорваны въ клочки, чтобъ не внесли онѣ собою чего-нибудь запрещеннаго въ предѣлы отечества. Но множество листовъ этихъ газетъ лежало у меня въ чемоданѣ, въ качествѣ обертокъ: ихъ не тронули потому, вѣроятно, что они теряютъ свою зловредность, какъ скоро въ нихъ что-нибудь завертываешь....

V.

Увы, вся эта стройность, вся эта гармонія жизни нарушилась ужасающимъ крикомъ «война!» И нигдѣ, ни въ одной странѣ этотъ крикъ такъ не ужасенъ, какъ въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ. Объяви войну наше правительство — это сказалось бы на бюджетѣ, возвысило бы цѣну жизненныхъ потребностей, понизило бы уровень общаго богатства страны, но главнымъ образомъ война отозвалась бы на томъ же несчастномъ мужичкѣ, который участвуетъ во всѣхъ повинностяхъ и поборахъ, во всѣхъ горяхъ и напастяхъ, постигающихъ государство, и не участвуетъ лишь въ его радостяхъ и увеселеніяхъ. Силой дѣйствующей и вмѣстѣ съ тѣмъ силой страдательной явился бы народъ и въ арміи, ряды которой онъ принужденъ бы былъ постоянно пополнять. Затѣмъ огромная масса зажиточнаго класса, купечество, дворянство, чиновничество вовсе не было бы заинтересовано прямымъ образомъ въ бѣдствіяхъ войны. А многимъ война представила бы поприще

легкой наживы и они заинтересованы были бы въ ея продолженіи, какъ въ памятную крымскую кампанію, которая такъ напоминаетъ настоящую войну, только роли измѣнились: вмѣсто русской арміи и ея администраціи — французская армія и ея жалкая администрація, вмѣсто французовъ, англичанъ и турокъ — пруссаки, баварцы, баденцы.

Совсѣмъ другое у нѣмцевъ. Тамъ каждый заинтересованъ въ войнѣ, каждый несетъ ея тягости натурою и капиталомъ, и нѣтъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ война приносила бы золотыя горы, особенно насчетъ продовольствія арміи. Тамъ война дѣйствительно народное бѣдствіе и если настоящая принята была не только безъ протестовъ, но съ одушевленнымъ патріотизмомъ, значитъ населеніе Германіи считало ее совершенно законною и необходимою.

Первый моментъ — это былъ моментъ плача и стона женщинъ, потомъ моментъ проклятій на голову французскаго императора и подвѣдомственнаго ему народа и затѣмъ понемногу наступало болѣе спокойное чувство, развлекавшееся патріотическими манифестаціями. Что́ дѣлать: коли война—надо вести ее честно и заботиться только о томъ, чтобъ она поскорѣе окончилась и дешевле бы стоила. Нѣмецъ взвѣшивалъ причины войны, разбиралъ дѣйствія короля своего Вильгельма и находилъ, что онъ поступилъ благоразумно и благородно. «Благоразумно и благородно»—эти слова я слышалъ тысячу разъ и всегда вспоминалъ грибоѣдовскіе «умѣренность и аккуратность». Еслибъ король поступилъ только благородно — нѣмецъ былъ бы недоволенъ, потому что королю необходимо быть не только благороднымъ, но и благоразумнымъ, главное же—благоразумнымъ, хотя я не видѣлъ, въ чемъ заключается благоразуміе. «Мы готовы, о, мы готовы!— восклицалъ нѣмецъ — и много побьемъ французскихъ думкопфовъ!» Потомъ онъ опять начиналъ размышлять и высчитывать, сколько побьютъ французскіе думкопфы благородныхъ и благоразумныхъ германцевъ. Бывали сцены глубокаго комизма и трагизма вмѣстѣ и вы плакали сквозь слезы, глядя на благородныхъ и благоразумныхъ сыновъ Арминія. Сцены эти особенно часто бывали во время того маскарада, который называется мобилизаціей арміи.

Извѣстно, что въ Пруссіи и вообще въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ всѣ обязаны быть солдатами, всѣ, исключая малорослыхъ и имѣющихъ какіе-нибудь существенные недостатки. Богатый и бѣдный, милліонеръ и крестьянинъ, купецъ и профессоръ, всѣ одинаково обязаны надѣвать солдатскій мундиръ, прослужить три года въ дѣйствительной службѣ, потомъ въ резервахъ и

ландверахъ: резервисты уже уходятъ домой и занимаются не военными, а гражданскими дѣлами. Отлучиться нельзя, нельзя и похвастаться своимъ патріотизмомъ, представивъ, напримѣръ, королю и отечеству единороднаго сына: онъ уйдетъ и безъ того, а въ случаѣ надобности уйдетъ за нимъ и отецъ. Вообще тутъ нѣтъ мѣста тѣмъ сантиментально-патріотическимъ представленіямъ, которыя въ такомъ ходу у другихъ народовъ, съ другою системою образованія арміи. То, чѣмъ у насъ можно похвастаться и заслужить наименованіе патріота особенно усерднаго—тамъ всякій обязанъ дѣлать.

Упомянутыя траги-комическія сцены происходили именно вслѣдствіе того обстоятельства, что каждый нѣмецъ—либо солдатъ, либо офицеръ, когда призываютъ резервы и ландверы. Чиновникъ оставляетъ перо и портфель, купецъ свои торговыя дѣла, профессоръ свою каѳедру, кельнеръ свой отель, и все это одѣвается въ мундиры и беретъ игольчатое ружье. Поражается взоръ и проникаешься удивленіемъ къ этой націи, которая вся идетъ защищать отечество и еще показываетъ довольно-шумный патріотизмъ. Нѣсколько дней тому назадъ вы сидѣли съ изящнымъ джентльменомъ, молодымъ и здоровымъ, только недавно вкусившимъ сладости супружества съ прекрасною и добродѣтельною супругою, которую онъ рядилъ въ бархатъ и шелкъ и прогуливалъ въ изящной коляскѣ, запряженной красивыми лошадьми. Этотъ изящный джентльменъ имѣетъ очень солидный годовой доходъ и жизнь ему улыбалась самымъ завиднымъ образомъ. Но вотъ объявлена война и джентльменъ является въ мундирѣ изъ толстаго сукна, въ холстинныхъ штанахъ, и несетъ на плечахъ своихъ вязанку сѣна.

Во время войны 1866 года нѣкоторый русскій путешественникъ, находившійся вблизи расположенія прусской арміи, встрѣтилъ однажды стадо быковъ, которое пасъ солдатъ. Тутъ ничего удивительнаго не было, но нашъ соотечественникъ заинтересовался тѣмъ, что солдатъ этотъ былъ въ очкахъ и, мирно пася быковъ, читалъ книгу. Подойдя къ этому военному пастуху, онъ удивился еще болѣе, замѣтивъ, что книга, которую пастухъ читалъ, была на греческомъ діалектѣ. Разговорились и оказалось, что пастухъ сей — доцентъ одного изъ прусскихъ университетовъ....

Во время проводовъ солдатъ вы постоянно могли видѣть, что изящныя дамы цѣлуются съ солдатами и плачутъ у нихъ на плечахъ. Будь это во французской или русской арміи—сказали бы, что дамы высшаго круга обнаруживали высокій патріотизмъ, даря свои поцѣлуи и слезы простымъ солдатамъ. Въ

поэтической Германіи, — это самое прозаичное дѣло: все это прощанье родныхъ и знакомыхъ, и этотъ солдатъ гораздо образованнѣе нашего офицера.

Что дѣлать, — надо это сказать, особенно, когда нѣкоторые органы печати кричатъ, что Германія — это кордегардія и солдатчина, а русскіе читатели, знакомые только съ своей солдатчиной, наивно вѣрятъ этому и думаютъ: какъ, однако, мы выше пруссаковъ! Нѣтъ, къ сожалѣнію, мы не выше ихъ. Тамъ почти всѣ офицеры съ университетскимъ образованіемъ, тамъ унтеръ офицеры образованнѣе нашихъ армейскихъ офицеровъ, не говоря о такихъ фактахъ, какъ вышеприведенный доцентъ, пасущій бычачье стадо. Прусская армія—это образованнѣйшая армія въ мірѣ и она доказываетъ, что образованіе не мѣшаетъ быть арміей мужественной и побѣдоносной. Говорятъ, что въ ней уродливая дисциплина; это можетъ быть, но защитники этой дисциплины утверждаютъ, что иначе нельзя при системѣ ландвера, гдѣ зачастую лица высшаго общественнаго положенія должны стать подъ начало лицъ низшаго положенія, что, поэтому, только строжайшая дисциплина и чинопочитаніе могутъ устранить случайности такого порядка.

Организуя страну въ войско на случай войны, правительство всѣми мѣрами поощряетъ стрѣлковыя общества, гимнастическіе и всякіе другіе союзы. Почти нѣтъ городка, гдѣ бы не было такого общества; правительство довѣряетъ странѣ, считаетъ ее взрослой и въ свободныхъ союзахъ не ищетъ соціализма и разрушительныхъ началъ, хотя не рѣдко соціализмъ въ нихъ и процвѣтаетъ. Что дѣлать? Крѣпкое правительство мирится съ этимъ, даже дѣлаетъ уступки соціализму, за то и увѣрено, что когда потребуется защита чести родины — всѣ пойдутъ на зовъ короля—монархисты рядомъ съ республиканцами, соціалистами и коммунистами. Только такое себялюбивое правительство, какъ французское, начиная войну, оповѣщаетъ міръ о какомъ-то мнимомъ заговорѣ, о какихъ-то рѣзкихъ словахъ, произнесенныхъ противъ императора, и о прочей безтолочи, любопытной и интересной лишь для самого императора.

Не знаю, какъ вы, но я того мнѣнія, что ужъ если есть арміи и арміи эти необходимы, пока человѣчество окончательно не поумнѣетъ и не сольется въ единомъ братскомъ поцѣлуѣ— что составляетъ прекрасную мечту—то лучше такая армія, гдѣ тысячами можно считать людей вполнѣ образованныхъ, развитыхъ и достаточныхъ, могущихъ отдать себѣ ясный отчетъ въ политической и экономической необходимости войны, чѣмъ такая, гдѣ грубое невѣжество и голь перекатная, гдѣ вмѣсто

книгъ—карты, вмѣсто картъ—вино, вмѣсто серьезныхъ интересовъ — интересы плацъ-парада и двусмысленныя похожденія. Конечно, оно, пожалуй, лучше, что «мясомъ для пушекъ» служитъ невѣжественная и голодная масса, жадная поживиться на чужой счетъ, сырой рабочій матеріалъ; но Германія, гдѣ всѣ пути къ образованію открыты и широки, гдѣ гражданки добродѣтельны и многоплодны, а граждане сильны и крѣпки, имѣетъ возможность скоро восполнить и порѣдѣвшіе ряды просвѣщенныхъ защитниковъ отечества... И мнѣ кажется, что Европа тогда только освободится отъ безполезныхъ войнъ, предпринимаемыхъ не въ интересѣ народа, а для удовлетворенія личныхъ взглядовъ властителей, когда обзаведется именно прусскою системою арміи. Когда самый образованный и зажиточный классъ будетъ непосредственно заинтересованъ въ войнѣ, когда министры и короли должны будутъ посылать своихъ сыновей въ битву, когда война будетъ не поприщемъ наживы и интригъ сильныхъ міра сего, тогда довольно тяжело будетъ «съ легкимъ сердцемъ» начинать войну, и армія, пожалуй, преспокойно себѣ откажется проливать кровь для поддержанія династическихъ и политическихъ взглядовъ своего властителя...

Признаюсь вамъ, я не могу выносить этого дурацкаго — passez-moi le mot — глумленія нѣкоторыхъ нашихъ органовъ надъ словомъ «отечество», если оно прилагается къ Германіи. Эти тупоумные патріоты иначе не называютъ его, какъ фатерландомъ, и для глупцовъ и невѣждъ это составляетъ большое наслажденіе. Я никакъ не могу понять, что въ этомъ словѣ смѣшного и почему оно смѣшнѣе слова «отечество», когда это послѣднее относится къ Россіи, какъ собранію разныхъ народностей въ одно государство. Вѣдь, говоря откровенно, составъ Германіи чище, однороднѣе, чѣмъ составъ нашего отечества, и однако ни одинъ порядочный нѣмецъ не станетъ глумиться надъ этимъ словомъ. Но вотъ чего желалось бы, чтобъ русскіе также цѣльно, также самоотверженно становились за свое отечество, какъ стали въ настоящее время нѣмцы; чтобъ наши города, подобно германскимъ городамъ, по собственному побужденію, подписывали по сту, по пятидесяти тысячъ талеровъ на военныя потребности прежде, чѣмъ король подалъ примѣръ собою, пожертвовавъ на войну полмилліона; чтобъ наши министры, подобно прусскимъ министрамъ, жертвовали по 6,000 талеровъ; чтобъ военная администрація наша показала бы себя столь безкорыстной и преданной дѣлу своего отечества, какъ администрація прусская; чтобъ городъ Петербургъ, подобно Берлину, собралъ для раненыхъ полтора милліона талеровъ въ не-

дѣлю. Однимъ словомъ, желалось бы видѣть въ своемъ отечествѣ такой же истинный, честный патріотизмъ, какой видѣлъ я въ Германіи, въ этомъ смѣшномъ фатерландѣ... Но когда и все это будетъ, нѣмецкій патріотизмъ нельзя сравнивать съ нашимъ, потому что тамъ вся страна идетъ въ солдаты, идетъ по обязанности, идетъ все самое свѣжее, молодое, исполненное жизни и силъ, и сверхъ этого жертвуетъ еще своимъ имуществомъ. Это поистинѣ—новая Спарта, Спарта XIX-го вѣка, просвѣщенная, богатая и экономная. Упомяну еще объ одной подробности, которая имѣла мѣсто въ одно время съ мобилизаціей арміи. Это наборъ лошадей. Всѣ владѣльцы лошадей приглашались привести ихъ на городскую площадь въ назначенный день и часъ, подъ страхомъ отчужденія лошади. И замѣтьте — всѣ владѣльцы: тутъ исключеній никакихъ нѣтъ ни для министровъ, ни для графовъ и князей, ни для княгини Марьи Алексѣвны, которая каждый день при дворѣ бываетъ и всѣмъ внушаетъ непреодолимый страхъ. Лошади всѣ въ сборѣ на площади, гдѣ сидятъ депутаты отъ города, военные пріемщики и ветеринары. Лошадей осматриваютъ и самыхъ лучшихъ отбираютъ. Если лошадь Марьи Алексѣвны отберутъ — конечно, лошадь уйдетъ на войну, а Марья Алексѣвна получитъ за нее не столько, сколько захочетъ, а сколько присудитъ особая коммиссія, состоящая изъ городскихъ депутатовъ, военныхъ пріемщиковъ и ветеринаровъ. И еслибъ Марья Алексѣвна жила въ Германіи, то она бы не пикнула, потому что сознавала бы, что она отнюдь не можетъ быть исключеніемъ.

Да, мы лучше сдѣлаемъ, если смиримся передъ этимъ «фатерландомъ», потому что онъ сильнѣе насъ и просвѣщеніемъ, и патріотизмомъ, и честностью. Мы были бы дѣйствительно непобѣдимымъ народомъ, еслибъ стояли на той же высотѣ культурной, на какой стоитъ Германія; но до этого далеко еще намъ. Не намъ враждовать съ Германіей, намъ надо подражать ей и изучать ее. Не даромъ же Петръ Великій именно ее и Голландію принялъ за образецъ, и не его вина, что наслѣдники его обратились за примѣрами къ Франціи. Не малое несчастіе для насъ заключается и въ томъ, что годы нашего прогресса совпали съ годами прогресса бонапартистскихъ идей. Было бы лучше, еслибъ мы заимствовали изъ Германіи, а не изъ наполеоновской Франціи.

А. С—нъ.

ІЕЗУИТЫ

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.

Lothair, by the Right Honourable B. Disraeli. 2 volumes, 1870.

Большинству нашихъ читателей извѣстно, что нынѣшній глава англійскихъ консерваторовъ, послѣдній *премьеръ* консервативной партіи, Бенджаминъ Дизраэли—литераторъ, и что возвышеніемъ своимъ онъ отчасти обязанъ и литературному своему таланту. Дизраэли — которому теперь шестьдесятъ пять лѣтъ — человѣкъ необыкновенно-талантливый. Соотечественники его гораздо болѣе уважаютъ въ немъ именно талантъ, чѣмъ нѣкоторыя другія качества, которыя впрочемъ, по мнѣнію старыхъ политиковъ, для государственнаго дѣятеля составляютъ только ненужный балластъ—an encumbrance. Но новыя поколѣнія не хотятъ довѣрять тому, въ комъ не предполагаютъ искренности убѣжденія и въ комъ замѣчаютъ всегдашнюю наклонность къ недобросовѣстности въ борьбѣ съ противниками. Дизраэли началъ свое политическое поприще собственно какъ радикалъ. Онъ нѣсколько разъ являлся передъ избирателями въ качествѣ радикала и не имѣлъ успѣха. Тогда онъ сталъ консерваторомъ и имѣлъ успѣхъ. Собственно говоря, у Дизраэли гораздо болѣе воображенія и полемическаго таланта, чѣмъ какого бы то ни было убѣжденія. Въ свои роли радикала и консерватора онъ только «вдумался»,

какъ вдумался онъ въ какое-то обожаніе еврейства, совершенно чуждаго ему по воспитанію, хотя не по рожденію. Обожаніе еврейства онъ обнаружилъ въ нѣкоторыхъ романахъ, выставляя домъ Израиля, какъ племя въ самомъ дѣлѣ избранное, далеко превосходящее геніемъ всѣ другія расы. Онъ не защитникъ равенства евреевъ; напротивъ, какъ консерваторъ, онъ защищаетъ неразрывность государства съ англиканской церковью. То, что онъ даетъ евреямъ, это—мечтательный ореолъ природнаго величія, ни къ чему не служащій.

Въ политикѣ Дизраэли входилъ въ разныя роли просто потому, что «искалъ случая». Ему еще съ дѣтства грезился парламентъ и даже премьерство, и въ одномъ изъ своихъ романовъ онъ вполнѣ выразилъ это свое безусловное и несовсѣмъ разборчивое на средства честолюбіе.

Сынъ литератора, человѣкъ съ не очень большими средствами, а между тѣмъ вовсе и не представитель народа, Дизраэли именно—«человѣкъ случая». Въ парламентъ онъ вступилъ въ 1837 году, но настоящій «случай» представился ему не очень скоро. Онъ былъ уже извѣстенъ своими «блестящими» романами «Vivian Grey», «Contarini Fleming», «Coningsby» и другими, извѣстенъ и по вызову на дуэль, съ которымъ онъ обращался сперва къ самому О'Коннеллю, знаменитому ирландскому агитатору, а потомъ къ его сыну, — и засѣдалъ въ палатѣ общинъ уже около десятка лѣтъ, когда этотъ «случай» ему представился. Этотъ случай было предложеніе сэра Роберта Пиля объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, внесенное въ сессію 1846 года. Дизраэли, который завоевалъ себѣ въ парламентѣ нѣкоторое положеніе или лучше сказать вниманіе, собственно благодаря своему качеству безпощаднаго полемиста, не уважавшаго ни авторитеты, ни парламентскіе обычаи, и потому возбуждавшаго общее любопытство солидныхъ англичанъ—тутъ вдругъ сталъ самъ на очень «солидную» почву, именно на защиту интересовъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые сильно были заинтересованы въ поддержаніи высокой цѣны хлѣба. Добывъ себѣ, наконецъ, солидную, практическую точку опоры, онъ съ нея началъ метать всѣ громы своего блестящаго, живописнаго и саркастическаго краснорѣчія въ «отступниковъ»—Пиля и его товарищей. Его главная сила—въ разоблаченіи всякихъ авторитетовъ и величій, и Пиля онъ старался выставить пустымъ педантомъ. Съ тѣхъ поръ, онъ занялъ важное мѣсто въ пріютившей его партіи тори, и, какъ извѣстно, былъ наконецъ и премьеромъ.

Въ литературной дѣятельности, Дизраэли даетъ своему воображенію полный просторъ. Въ его романахъ дѣйствительное

смѣшивается съ чудеснымъ. Онъ самъ путешествовалъ на Востокъ, и любитъ—въ противоположность новымъ писателямъ—уводить своихъ читателей въ страны далекія, какъ-то въ Азію, въ Венецію, Римъ, на Рейнъ, повсюду, гдѣ историческія преданія предрасполагаютъ къ фантастичности. Иногда у него являются какіе-то не то духи, не то аллегорическіе образы.

Въ новомъ романѣ старика Дизраэли, съ которымъ мы хотимъ познакомить читателя, фантастичность тоже есть, но канва его—реальная, канва его—быль, только фантастически воспроизводимая имъ. Вотъ почему этотъ романъ произвелъ въ Англіи громадную sensation, и на континентѣ возбудилъ живѣйшее любопытство. Даже у насъ, въ Петербургѣ, книгопродавцы не успѣваютъ выписывать достаточное количество экземпляровъ «Лотера».

Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что тутъ замѣшаны личности. Герой «Лотера», какъ говорятъ,—богатѣйшій лордъ, маркизъ Бютъ (Bute), нѣкоторое время тому назадъ перешедшій въ католическую вѣру. Очень вѣроятно, что во многихъ изъ остальныхъ лицъ романа: напр. въ кардиналѣ Грандисонѣ, герцогѣ Брентамѣ, лордѣ Сентъ-Альдегондѣ, семействѣ Сентъ-Джеромовъ, есть черты живыхъ лицъ. Съ главнѣйшими же лицами, выведенными въ романѣ, читатель познакомится изъ нашего обзора. Мы должны при этомъ оговориться, что единственными правами на вниманіе, которыя мы признаемъ въ романѣ Дизраэли, авляются именно: вопросъ объ успѣхахъ католицизма въ Англіи, недавнія событія въ Италіи, которыхъ Дизраэли коснулся, личность самого автора, наконецъ—фактъ произведеннаго имъ большого шума.

Успѣхи католицизма въ Англіи за послѣднія лѣтъ двадцать не подлежатъ сомнѣнію. Здѣсь разумѣются въ особенности успѣхи католицизма въ высшемъ обществѣ Англіи. Дѣло въ томъ, что успѣхи эти болѣе значительны по «качеству» новообращенныхъ, чѣмъ по ихъ количеству. Переходъ въ католичество богатаго лорда, отъ котораго болѣе или менѣе зависитъ населеніе его земель—фактъ весьма замѣтный. Католическая паства при этомъ, правда, умножается только одной овцою, но у этой овцы—богатое руно. Съ каждымъ такимъ обращеніемъ католическая церковь въ Англіи пріобрѣтаетъ не только болѣе матеріальныхъ средствъ, но болѣе вліянія, и если можно такъ выразиться—болѣе «входитъ въ моду», дѣлается болѣе фэшенебельною религіею. А это значитъ не мало, особенно въ Англіи. Сама англиканская High Church держится въ народѣ тѣмъ именно, что принадлежать къ ней—въ высшей степени respectable. Возьмите любую кар-

тину англійскихъ нравовъ, въ которой являются диссентеры, то-есть протестанты, не принадлежащіе къ англиканской церкви — сошлемся хоть на романъ Дж. Элліота—Felix Holt the Radical—и вы убѣдитесь, что на нихъ смотрятъ какъ на существа никакъ не принадлежащія къ «обществу», считаютъ ихъ vulgar и narrow-minded (грубыми и ограниченными) и понятіе о диссентерахъ въ умѣ англиканцевъ несовмѣстно съ понятіемъ о какомъ-либо видѣ refinement (утонченности), въ томъ числѣ съ понятіемъ о развитіи умственномъ.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя католицизмомъ въ высшемъ обществѣ, потому-то и опасны. Католичество до сихъ поръ сохраняло еще въ Англіи свою историческую непопулярность. «No popery», процессія Гея Фоукса и даже всякаго рода оранжистскія демонстраціи до недавнихъ временъ служили выраженіемъ искренней ненависти къ католицизму, той ненависти, какая поселяется долговременною борьбою. У насъ великоруссъ только равнодушенъ къ католичеству, а малороссіянинъ положительно враждебенъ къ нему. Такъ протестанты, въ такихъ странахъ, какъ Пруссія или Швеція, только равнодушны къ католицизму, между тѣмъ какъ масса англійскихъ протестантовъ дышала искреннею къ нему ненавистью.

Вотъ это-то враждебное настроеніе относительно католицизма и ослабѣло въ настоящее время, разумѣется вслѣдствіе успѣховъ умственнаго развитія. Съ тѣхъ поръ, какъ католики допущены къ должностямъ и въ парламентъ, и само государство поддерживаетъ изъ своего бюджета одно изъ католическихъ учрежденій, нѣтъ уже возможности видѣть въ католикахъ враговъ государства. По теоріи, которую въ прошломъ году провозгласилъ Гладстонъ, вслѣдствіе тѣхъ уступокъ, которыя были вызваны необходимостью, политическіе люди Англіи въ настоящее время уже не могутъ и не должны руководствоваться во внутренней политикѣ своими религіозными убѣжденіями, и самое господство — Establishment — англиканской церкви въ Англіи опирается уже не на принципъ неразрывности церкви съ государствомъ, а только на *фактъ*, т.-е. на желаніе большинства, которое, конечно, можетъ со временемъ и измѣниться. Такова теорія Гладстона. Вотъ почему въ Ирландіи онъ отмѣну протестантскаго Establishment и призналъ естественною и законною.

При ослабленіи въ массѣ ненависти къ католичеству весьма дѣйствительнымъ орудіемъ противъ его дальнѣйшихъ успѣховъ было бы пренебреженіе, то самое пренебреженіе, которое чувствуется къ другимъ диссентерамъ протестантскимъ, то-есть

такое понятіе, что католицизмъ есть религія низшаго класса людей, мало совмѣстная съ distinction и refinement. Для такого понятія существовала уже та подпора, что англичане съ надменностью смотрятъ на ирландцевъ, а ирландцы въ большинствѣ католики. Англійскій аристократическій слуга считаетъ едва ли подобающимъ себѣ служить въ ирландскомъ семействѣ; а относительно слугъ-ирландцевъ безпрерывно попадаются въ газетахъ вызовы съ такимъ заключеніемъ — Irish need not apply. Но вотъ это-то орудіе противъ католицизма и притупляется успѣхами, какіе оно сдѣлало въ высшемъ обществѣ; съ этой-то стороны и важно, что католицизмъ «входитъ въ моду».

Когда Пій IX, въ началѣ своего царствованія, пожаловалъ католическимъ прелатамъ въ Англіи англійскіе территоріальные титулы, какъ-то «архіепископъ вестминстерскій» и др., то это вызвало въ прессѣ, по старому обычаю, крикъ негодованія. Подъ вліяніемъ этого взрыва парламентъ утвердилъ билль, запрещавшій католическимъ прелатамъ именоваться англійскими территоріальными титулами. Что сами прелаты не послушались этого запрещенія и продолжали именоваться такими-то епископами, это неудивительно. Но замѣчательно, что и все общество именовало ихъ такъ, и титулы эти, которыхъ папа, по англійскому закону, раздавать не имѣлъ права, усвоились за ними обычаемъ до такой степени, что недавно пришлось отмѣнить билль о запрещеніи, дабы спасти законъ отъ всеобщаго нарушенія. Это достаточно свидѣтельствуетъ, что пренебреженіемъ противъ католицизма въ Англіи уже бороться нельзя, какъ нельзя бороться и народною ненавистью.

Такимъ образомъ поле для католической пропаганды въ Англіи разчистилось. На массу средняго общества, съ его крѣпкимъ протестантскимъ духомъ и трезвымъ здравымъ смысломъ, пропаганда эта, конечно, не можетъ дѣйствовать успѣшно. Но на аристократію, въ особенности на женщинъ, и на натуры эксцентричныя, которыя выростаютъ именно на почвѣ всякаго благосостоянія и роскоши, католицизмъ можетъ дѣйствовать успѣшно, и на этой-то почвѣ,—излюбленныя средства іезуитовъ, тонкія ихъ интриги и хитросплетенія могутъ приносить обильные плоды. Вотъ одна изъ такихъ интригъ и служитъ сюжетомъ романа Дизраэли. Его изображеніе кардинала Грандисона, монсиньоровъ Кэтсби и Бёрвика и патера Кольмена — вполнѣ вѣрно исторіи англійскихъ іезуитовъ. Нѣсколько преувеличена у него, быть можетъ, роль, которую весь клерикальный міръ самого Рима играетъ въ обращеніи одного человѣка.

«Леди Сентъ-Джеромъ, опираясь на руку монсиньора Бёрвика, прошла съ нимъ ту гостиную, гдѣ они сидѣли передъ обѣдомъ, и проведя его въ другую, смежную комнату, присѣла.

— Вы упомянули о Шотландіи, сказала она, и отозвались, что тамъ дѣло наше уже зрѣло?

— Это не подлежитъ сомнѣнію. По первоначальному плану предполагалось установить нашу іерархію въ Шотландіи въ то самое время, когда произошелъ расколъ тамошней протестантской церкви; но это было бы ошибкой; тогда обстоятельства еще не созрѣли. Произошла бы фанатическая реакція. Къ этому въ Шотландіи всегда есть предрасположеніе. Какъ бы то ни было, въ эту минуту въ Шотландіи англиканство и «свободная церковь» обоюдно воздыхаютъ о такомъ соглашеніи, которое бы снова соединило ихъ; и еслибы землевладѣльцы пожертвовали своимъ мелкимъ патронатствомъ, то иные думаютъ—это дѣло и уладилось бы. Но мы заботливо слѣдимъ за всѣмъ этимъ и мѣры наши приняты. Не такъ давно, мы послали въ Шотландію двоихъ изъ лучшихъ нашихъ людей, и они изобрѣли тамъ новую церковь, церковь «Соединенныхъ пресвитеріанъ». Самъ Джонъ Ноксъ не былъ азартнѣе ихъ или злѣе. Эти Соединенные пресвитеріяне и сдѣлаютъ наше дѣло; благодаря имъ жить въ Шотландіи станетъ просто невыносимо, и вотъ, когда наступитъ этотъ кризисъ, тогда эти милліоны заблудшихъ и отчаявшихся найдутъ себѣ убѣжище на лонѣ единой своей матери. Вотъ почему у насъ въ Римѣ торопились съ буллою и возстановленіемъ шотландской іерархіи.

— А кардиналъ этому противится?

— «И совѣтъ его будетъ принятъ. Въ знаніи этихъ британскихъ острововъ онъ не имѣетъ равнаго себѣ. Онъ желаетъ теперь какъ можно больше сдержанности. Здѣсь дѣла идутъ успѣшно впередъ, постепенно, но вѣрно. Въ Ирландіи—не то. Тамъ положеніе критическое или скоро будетъ критическое.

— Неужели! А я думала, что тамъ недоразумѣнія уже устранились, по крайней мѣрѣ на настоящее время?

Монсиньйоръ покачалъ головой. — А какъ вы думаете объ американскомъ вторженіи въ Ирландію?

— Вторженіи?

— Да, да; нѣтъ ничего вѣроятнѣе и намъ противнѣе. Теперь, когда война въ Америкѣ кончилась, тамошняя ирландская солдатчина желаетъ примѣнить свою опытность и свое оружіе въ своей родной странѣ; но объ интересахъ святого престола и благѣ нашей святой вѣры они и не помышляютъ. Ихъ тайная организація запутываетъ въ свои сѣти и народъ, и священни-

ковъ. Главное затрудненіе въ Ирландіи именно то, что какъ народъ, такъ и священники на все смотрятъ съ точки зрѣнія исключительно-ирландской. Чтобы достигнуть какой-нибудь чисто-мѣстной цѣли, они готовы поддерживать принципы самаго беззаконнаго либерализма, который, естественно, и ведетъ ихъ къ феніанизму и безбожію. Этой опасности они и не предвидятъ потому именно, что всѣ ихъ заботы отданы минутной политической цѣли.

— Но вѣдь можно же направлять ихъ?

— Намъ недостаетъ въ Ирландіи государственнаго человѣка, намъ нуженъ тамъ такой человѣкъ, какъ кардиналъ; но никогда не удавалось найти такого. А между тѣмъ, вождемъ въ Ирландіи можетъ быть только природный ирландецъ. Чорчилля мы захватили въ юности и воспитали его въ школѣ пропаганды; а все-таки и онъ уготовилъ намъ разочарованіе. Сперва казался какъ слѣдуетъ; былъ сдержанъ и строгъ; мы съ удовольствіемъ слышали, что онъ не популяренъ. Но теперь, при приближеніи критической минуты, его крестьянская кровь не избѣгла заразы. Онъ провозглашаетъ безусловное равенство всѣхъ религій, и право государства конфисковать духовныя имущества, и не возвращать ихъ намъ, а отчуждать навсегда. Для того, чтобы низвергнуть англиканское господство, онъ содѣйствуетъ такимъ стремленіямъ, которыя направлены къ ниспроверженію самой вѣры. Въ своемъ усердіи, онъ не замѣчаетъ, что англикане только держатъ покамѣсть собственное наше имущество на-арендѣ, и что срокъ ихъ арендѣ приближается.

— Жаль его.

— Все это опасно и со всѣмъ этимъ трудно управиться, а управиться надо. Наша задача — уничтожить феніанизмъ, но такъ, чтобы не усилить протестантства.

— Такъ вотъ цѣль вашего пріѣзда? А мы думали, что вы выѣхали изъ Рима, чтобы хлопотать объ иномъ дѣлѣ, многозначительно сказала леди Сентъ-Джеромъ.

— Былъ я и *тамъ*, видѣлся и съ *нимъ*.

— Убѣдили его?

— Нѣтъ, и никто не убѣдитъ его, по крайней мѣрѣ теперь (рѣчь идетъ объ императорѣ французовъ).

— Неужели же все потеряно? Неужели опять думаютъ о Мальтѣ?

— Наша святая церковь воздвигнута на скалѣ, но не на скалѣ Мальтійской», отвѣчалъ монсиньйоръ. «Антонелли—спокоенъ и имѣетъ хорошія надежды, хотя то, о чемъ я говорю

вамъ, все-таки несомнѣнно. Францiя умыла себѣ руки относительно нашего дѣла.

— Откуда же ждать помощи—воскликнула леди Сентъ-Джеромъ,—помощи противъ безбожниковъ и убiйцъ? Другая наша союзница, Австрiя, теперь далека отъ васъ; да еслибы граница ея и оставалась вблизи Рима, Австрiя—до чего мы дожили!—сама врагъ намъ.

— Бѣдная Австрiя! съ умилительною усмѣшкою произнесъ монсиньйоръ.—Была она нацiею, пока была германскою и католическою; теперь лишилась и того, и другого.

— Но знаете, милордъ, вѣдь ваши новости ужасны. Когда-то мы ждали защиты отъ Испанiи, но и изъ Испанiи приходятъ только прискорбныя извѣстiя.

— Да, сказалъ монсиньйоръ. Мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что не болѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, всѣ правительства Европы будутъ атеистическими, за исключенiемъ только французскаго. Францiя, изъ тщеславiя, всегда останется старшею дщерью церкви, даже если надѣнетъ красную шапку. Но если только святой отецъ удержитъ Римъ, всѣ эти дикiя перемѣны только усилятъ могущество обладателя престола св. Петра. У него будутъ подданные во всѣхъ странахъ свѣта и въ тѣ-то времена они будутъ подданными только его одного. Да, леди Сентъ-Джеромъ, мы будемъ избавлены отъ бѣдствiя послушничества двоимъ властямъ, того бѣдствiя, отъ котораго такъ много терпѣли наши предки.

— *Если* мы сохранимъ Римъ, замѣтила леди Сентъ-Джеромъ.

— И сохранимъ. Пусть христiане поддержатъ насъ своими молитвами еще немного лѣтъ, и Пiй Девятый будетъ могущественнѣйшiй монархъ въ Европѣ—а можетъ быть и *единственный*».

Въ ту минуту, когда послѣ этого разговора, леди Сентъ-Джеромъ и монсиньйоръ Бёрвикъ возвращались въ первую гостиную, въ дверяхъ ихъ встрѣтилъ кардиналъ, и далъ имъ знакъ рукою, приглашая ихъ остаться, гдѣ они были, и присѣсть опять. Здѣсь въ первый разъ между будущими заговорщиками зашла рѣчь о Лотерѣ.

— «Не безъинтересный случай, сказалъ кардиналъ; впрочемъ не имѣющiй отношенiя къ дѣламъ общественнымъ. Не ожидайте слишкомъ многаго — хотя предметъ все-таки важенъ, и представляетъ большой интересъ, особенно для меня. Я наконецъ увидалъ свое дитя, своего порученника.

— Это очень важно, съ очевиднымъ любопытствомъ замѣтила леди Сентъ-Джеромъ.

— Каковъ же онъ? спросилъ монсиньйоръ.

— Оправдываетъ самыя лучшія ожиданія. Очень хорошъ собою, отлично-воспитанъ и чрезвычайно искрененъ; у него большой умъ, нелишенный обработки; аффектаціи никакой.

— Ахъ, еслибы онъ былъ воспитанъ вашимъ высокопреосвященствомъ, сказала вздохнувъ леди Сентъ - Джеромъ. Быть можетъ, еще не слишкомъ поздно? прибавила она.

— Положеніе высокое, пробормоталъ Бёрвикъ.

— Сколько бы добра онъ могъ сдѣлать, продолжала миледи; и если онъ такъ искрененъ, то не можетъ быть, чтобы онъ былъ недоступенъ истинѣ.

— Онъ, кажется, нѣсколько сродни вашему сіятельству? задумчиво спросилъ кардиналъ.

— Родня, но очень далекій; едва ли онъ и признаетъ наше родство, хотя мы въ самомъ дѣлѣ одного рода, одной крови.

— Вамъ бы слѣдовало съ нимъ познакомиться, сказалъ кардиналъ.

— Чрезвычайно желаю этого. Онъ былъ совсѣмъ заброшенъ, воспитывался въ ужасной средѣ, невѣрныхъ фанатиковъ.

— Но онъ два года провелъ въ Оксфордѣ, замѣтилъ кардиналъ, и это могло отчасти поправить дѣло.

— Но вамъ, милордъ-кардиналъ, все-таки слѣдуетъ за него вступиться. Теперь, когда вы наконецъ узнали его, вамъ слѣдуетъ предпринять великую задачу; вы должны спасти его.

— Мы всѣ сказалъ кардиналъ, должны молиться, какъ я молюсь денно и нощно объ обращеніи Англіи.

— Или о покореніи, прошепталъ Бёрвикъ.»

У Дизраэли очень много воображенія. Воображеніе иногда вредитъ политической дѣятельности человѣка. Такъ, самъ Дизраэли, когда послѣ блистательно начатой литературной карьеры, онъ вступилъ въ палату общинъ, то первую свою рѣчь до того разукрасилъ разными подобіями и картинами, что общій смѣхъ заставилъ его замолчать. Импровизація Дизраэли до такой степени противорѣчила трезвому, business-like способу изложенія мыслей, который принятъ англійскимъ парламентомъ, что несмотря на существующій тамъ обычай ободрять всякаго начинающаго оратора, палата отнеслась къ нему безъ снисхожденія и онъ принужденъ былъ прервать рѣчь, заключивъ ее словами: «придетъ время, когда вы будете выслушивать меня!»

Но если воображеніе вредитъ политической дѣятельности, то политическая дѣятельность вредитъ воображенію, внося въ

него неизбѣжную долю предубѣжденія. Когда Дизраэли-писатель берется за картины ему несочувственныя въ политическомъ отношеніи, то самыя картины у него выходятъ плохія. Такъ, описывая ненавистные ему рабочіе союзы, онъ не находитъ ничего лучше, какъ изобразить trades-unions со всѣми глупостями масонскаго мистицизма. Такъ, въ настоящемъ романѣ, предпринявъ описать засѣданіе того знаменитаго «центральнаго комитета всесвѣтной революціи», который такъ часто выдумывался на́-ново континентальными государственными людьми, когда имъ нуженъ былъ поводъ, чтобы пріусилить давленіе въ собственномъ своемъ государствѣ, талантливый глава тори произвелъ плоскую пародію.

«Постоянный комитетъ священнаго союза народовъ»—такъ называется у Дизраэли это таинственное сборище. Этотъ «постоянный комитетъ» въ послѣдніе годы извѣстно чѣмъ занимался: подготовлялъ феніанское возстаніе въ Ирландіи и вмѣстѣ гарибальдійскій походъ на Римъ, который и окончился памятнымъ дѣломъ подъ Ментаною. Было бы напрасно угадывать, какія именно имена въ романѣ соотвѣтствуютъ Мадзини, Ледрю-Роллену, Стифену и т. д., потому именно, что эта сторона романа наиболѣе слабая. Тутъ есть и нѣкій генералъ, впослѣдствіи командовавшій вмѣстѣ съ Гарибальди въ походѣ на Римъ, и эмигранты—полякъ, итальянецъ и нѣмецъ, и—главное, таинственное лицо, въ собраніяхъ комитета впрочемъ неявляющееся,—Маріанна. Извѣстно, что когда вслѣдствіе такъ-называемыхъ «январьскихъ уступокъ» 1867 года, во Франціи перестали дѣятельно преслѣдовать тайныя общества, то ихъ вдругъ народилось довольно много, и что самымъ тайнымъ изъ тайныхъ, самымъ центральнымъ изъ центральныхъ, слыло, по отзывамъ полиціи, и въ разсказахъ добрыхъ буржуа́, ужасное общество «la Marianne», о которомъ никто даже не могъ изъяснить, чего оно хочетъ и гдѣ состоитъ, но относительно котораго всѣ были убѣждены, что оно состоитъ гдѣ-то въ дѣйствительности, и хочетъ чего-то весьма ужаснаго. Кажется, существованіе этой ужасной компаніи можно сравнить съ тѣмъ крикомъ Ohé Lambert! которымъ однажды огласился Парижъ безъ всякой причины, и который тысячи людей повторяли, не зная что̀ онъ значитъ, но предполагая, что онъ можетъ повредить правительству.

Но Дизраэли не былъ бы консерваторъ, еслибы не вѣрилъ или, по крайней мѣрѣ, не подавалъ вида будто вѣритъ въ существованіе ужасной подземной организаціи, той «стоглавой гидры революціи», которая континентальнымъ консерваторамъ-реакціонерамъ необходимѣе чѣмъ кому-либо, ибо безъ нея не

было бы объясненія для реакціи. Относительно самой «Маріанны» воображеніе его разыгралось весьма удачно, ибо «Маріанна» у него—просто женщина; женщина высокаго ума, великой красоты, настоящая душа всесвѣтной революціи и муза, вдохновляющая всѣхъ революціонеровъ. Это представленіе конечно уже не политическое, но зато довольно поэтическое, чего никакъ нельзя сказать о тѣхъ описаніяхъ революціонеровъ, которыя авторъ выдаетъ за правдоподобныя.

Генералъ, бывшій и будущій товарищъ Гарибальди, вызванъ былъ въ Англію по феніанскому дѣлу и явился въ собраніе «постояннаго комитета». Весь составъ комитета всталъ, когда генералъ вошелъ въ комнату. «Таково магическое вліяніе людей дѣйствія на людей пера и языка. Еслибы это былъ вмѣсто счастливаго воина — ораторъ, вдохновлявшій всю Европу, или журналистъ, завоевавшій человѣчеству права, — то члены постояннаго комитета сочли бы его своимъ же братомъ, увидѣли бы въ немъ просто человѣка, которому счастье послужило лучше, чѣмъ имъ, и который, благодаря случаю, собралъ жатву, которая могла быть удѣломъ и каждаго изъ нихъ».

Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, генералъ изъявилъ увѣренность, что въ Америкѣ можно набрать хорошій штабъ, для дѣйствія въ Ирландіи. Изъ Америки же ожидаются и ружья; все затрудненіе только въ томъ, какъ сдать ихъ на берегъ.

— «Но каково настроеніе народа въ самой Ирландіи, спросилъ генералъ; возстанетъ ли онъ, когда мы высадимся на берегъ?

— Вся страна организована, сказалъ «главный центръ», гражданинъ Десмондъ. Мы въ состояніи въ теченіи двухъ недѣль, когда угодно, выставить въ полѣ 300 тысячъ человѣкъ. И движеніе это—не есть религіозно-сектаторское движеніе; оно охватываетъ всѣ классы и всѣ исповѣданія. Намъ нужны только офицеры и—оружіе.

— Х-мъ, замѣтилъ генералъ. Ну, а другія потребности? Насчетъ коммиссаріатской части, какъ?

— Въ средствахъ недостатка не будетъ, возразилъ главный центръ. Нѣтъ страны, въ которой было бы больше накоплено денегъ, чѣмъ въ Ирландіи. Но что касается коммиссаріата, то будьте увѣрены, что движеніе снабдитъ себя само».

— Ну, посмотримъ, сказалъ генералъ. Жаль только, что дѣло-то это—ирландское; хотя, конечно, чѣмъ же инымъ могло оно и быть. Но я не люблю ирландскихъ дѣлъ: что бы ни говорили, и какъ бы дѣло ни было удовлетворительно съ виду, на

днѣ всякаго дѣла, если оно ирландское, непремѣнно сидитъ попъ. А я терпѣть не могу поповъ. Кстати: по дорогѣ сюда, я видѣлъ — какой-то кардиналъ садился въ свою карету. Я полагалъ, что мы съ Гарибальди въ 48-мъ году сожгли всѣ такія кареты. Кардиналъ въ каретѣ! Вотъ не воображалъ, что у васъ въ Лондонѣ допускаются такіе звѣри.

— Лондонъ — всякой птицѣ насѣстка», сказалъ Феликсъ Дроленъ.

— Очень немногіе изъ духовенства благопріятствуютъ настоящему движенію, проговорилъ Десмондъ.

— Тогда, въ добавокъ къ Англіи отозвался генералъ, противъ васъ еще одна великая держава.

— То-есть, наше духовенство несовсѣмъ противъ; большинство ихъ слишкомъ проникнуто народнымъ духомъ, чтобы было такъ. Но Римъ не одобряетъ—понимаете?»

Итакъ, революціонеры отзываются о положеніи дѣлъ въ Ирландіи совершенно согласно съ монсиньйоромъ Бёрвикомъ. Дѣло это впрочемъ такъ извѣстно, что и у Дизраэли оно исказиться не могло. Но что сказать объ этомъ замѣчательномъ генералѣ, человѣкѣ, игравшемъ важную роль, серьёзномъ, рѣшительномъ дѣятелѣ, который слегка освѣдомляется насчетъ ирландскаго коммиссаріата, а затѣмъ переходитъ къ сожалѣнію, что дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, именно такое, а не иное?

— «На что же и надѣяться человѣчеству, повелъ рѣчь полякъ, какъ не на возстаніе угнетенныхъ народностей? Мы принесли себя въ жертву — и понапрасну! Грецiя слишкомъ мала, Румынія—тоже, хотя онѣ обѣ готовы бы дѣйствовать; но сверхъ того, онѣ стали бы простыми орудіями въ рукахъ Россіи. Остается одна Ирландія, и она у нашихъ ногъ.

— Народы никогда не будутъ имѣть успѣха, отозвался нѣмецъ, пока у нихъ не будетъ флота. Только тогда возможно будетъ запасаться и ружьями и всѣмъ, что надо. У насъ для того и было возстаніе противъ Даніи, чтобы создать Германіи флотъ. Но Германія все-таки объединится, и можетъ объединиться не иначе, какъ въ видѣ республики. Тогда она станетъ владычицей морей.

— Нѣтъ, возразилъ Перрони, — это призваніе Италіи, которая хранитъ преданія Генуи, Венеціи, Пизы. Быть повелительницей морей—очевидное призваніе Италіи.

— Извините, сказалъ нѣмецъ. Повелительницею морей должна быть страна викинговъ. Флотъ будущаго построится изъ балтійскихъ лѣсовъ. У васъ, въ Италіи, совсѣмъ нѣтъ строевого лѣса.

— Да его теперь и не надо, отвѣтилъ Перрони. Изъ чего построится флотъ будущаго — это мнѣ неизвѣстно, но владычество на моряхъ зависитъ отъ качества мореходовъ, а мореходный геній итальянцевъ»....

Тутъ генералъ прервалъ разсужденіе, выразивъ желаніе пораздумать, а прежде всего отдохнуть съ дороги. Тогда президентъ предложилъ выпить тостъ. Наше угощеніе скучно,—сказалъ онъ, указывая генералу на графинъ съ водою и нѣсколько стакановъ на столѣ,—но мы прежде, чѣмъ разойтись, всегда провозглашаемъ тостъ; тостъ тому, кого вы любите, и кому вы служили вѣрно. Братья, налейте стаканы, и—*за Маріанну*!

«Если бы они были одушевлены виномъ, то и тогда не выказали бы больше оживленія, какъ въ эту минуту. Можно было слышать изъ столовой отголосокъ ихъ кликовъ, когда они, всѣ на разныхъ языкахъ, выражали свой неизмѣнный и непоколебимый энтузіазмъ, вызванный тостомъ въ честь ихъ повелительницы».

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Дизраэли случилось описывать какой-нибудь заговоръ изъ исторіи прошлыхъ вѣковъ, то у него достало бы воображенія на картину болѣе живую и что такимъ, давно-умершимъ заговорщикамъ онъ съумѣлъ бы вложить въ уста рѣчи болѣе умныя и болѣе характерныя. Здѣсь же, воображеніе талантливаго писателя сковывается враждебнымъ настроеніемъ консерватора и, представляя своихъ революціонеровъ въ смѣшномъ видѣ, онъ дѣлаетъ смѣшнымъ только собственный разсказъ. Съ какой стати этотъ нѣмецъ говоритъ о флотѣ, какъ будто революція когда-либо можетъ имѣть флотъ; этотъ споръ нѣмца съ итальянцемъ о владычествѣ морей, и это заявленіе поляка, что Румынія (?) и Греція на *все* готовы, но что въ концѣ концовъ онѣ готовы только быть орудіями Россіи—это скопировано съ пошлыхъ старыхъ консерваторскихъ глумленій надъ франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ, «которое крестило корабли, прежде чѣмъ они явились на свѣтъ».

Дизраэли взялся-было и за описаніе феніанскаго народнаго митинга въ самомъ Лондонѣ, но изложивъ только одну рѣчь, въ которой возвѣщается сборъ на «образованіе», при чемъ образованіе всѣми понимается въ смыслѣ вооруженія,—отказался отъ продолженія этого описанія. Въ результатѣ вышелъ только анекдотъ, что кэбменъ, въ награду за то, что Лотеръ далъ ему золотой за ѣзду, подарилъ ему карточку для входа на феніанскій митингъ, что уже само по себѣ невѣроятно. Феніане хотѣли бы прибить Лотера за нѣкоторыя неумѣстныя на такомъ митингѣ возраженія его, но его спасъ нѣкій незнакомецъ, ко-

торый потомъ и оказывается «генераломъ», пріѣхавшимъ въ Лондонъ по феніанскому дѣлу.

Лотéръ — сынъ одного изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ лордовъ, родился, когда отца его уже не было въ живыхъ; вскорѣ умерла и его мать. Онъ остался на попеченіи двухъ опекуновъ, назначенныхъ ему въ завѣщаніи его отца. Одинъ изъ нихъ былъ дядя его, шотландскій лордъ, строгій пресвитеріанецъ и вигъ. Другой, бывшій наставникомъ и другомъ отца Лотера, былъ высоко талантливый англиканскій духовный. Но этотъ второй опекунъ, впослѣдствіи, перешелъ въ католичество и былъ со временемъ возведенъ въ санъ кардинала. Вотъ почему между двумя опекунами Лотера во время его дѣтства и первой юности происходила ожесточенная борьба. Шотландскій пэръ, которому завѣщано было распоряженіе огромнымъ богатствомъ и пространными владѣніями сироты, взялъ его къ себѣ въ Шотландію и старался дать ему строгое, даже жосткое, пуританское образованіе. Онъ не пускалъ его въ Англію именно потому, что опасался, какъ бы мальчикъ тамъ не подпалъ подъ вліяніе кардинала. Съ этой цѣлью, онъ хотѣлъ, чтобы Лотеръ и университетскій курсъ прошелъ въ Шотландіи. Но кардиналъ этому воспротивился. Завѣщаніе ему именно поручало преимущественно надзоръ за умственнымъ развитіемъ Лотера и онъ потребовалъ, чтобы Лотеръ былъ посланъ не въ Эдинбургскій университетъ, а въ Оксфордскій, изъ котораго вышелъ и самъ кардиналъ, и который слыветъ опорою и разсадникомъ англиканизма столь «высокаго», что отъ него къ католичеству уже только одинъ шагъ. Отецъ Лотера самъ былъ питомецъ Оксфорда и въ завѣщаніи выразилъ желаніе, чтобы Лотеръ слушалъ курсъ также въ Оксфордѣ и принадлежалъ именно къ той же коллегіи, въ которой былъ отецъ. Поэтому, когда пуританинъ—шотландскій пэръ принялъ всѣ мѣры, чтобы разрушить всякую связь между Лотеромъ и другимъ его опекуномъ, обратившимся въ католичество, и хотѣлъ довершить свое дѣло при помощи Эдинбургскаго университета, то кардиналъ началъ противъ него процессъ, для принужденія его къ буквальному исполненію завѣщанія, и процессъ этотъ кардиналъ выигралъ, такъ что Лотеръ, по приговору лорда-канцлера, поступилъ въ Оксфордъ.

Эта борьба католичества съ протестантствомъ за душу и — разумѣется — земныя обладанія Лотера продолжается во всемъ романѣ и представляетъ самую его сущность. Главными представителями этой борьбы въ началѣ романа являются шотланд-

скій лордъ, со своими дочерьми, и кардиналъ со своими монсиньйорами. На помощь протестантизму подоспѣваютъ въ самомъ началѣ университетскій другъ Лотера Бертрамъ, сынъ герцога Брентама, и все семейство послѣдняго, съ многочисленными зятьями, и въ особенности младшая дочь герцога — Коризонда. Армія, какъ видите, весьма сильная. Но и къ католическому вождю подходитъ важное подкрѣпленіе—семейство лорда Сентъ-Джерома; не богатое зятьями, но столько же, какъ и семейство Брентамовъ, богатое красотою. Красавица здѣсь—миссъ Арондель, дочь виконта Сентъ-Джерома. Силы довольно ровныя.

Но несмотря на то, борьба выходитъ очень сложная. Мы указали на двѣ партіи, на двухъ красавицъ. Но вотъ на пути Лотера или лучше сказать на томъ «распутіи», гдѣ онъ очутился при вступленіи въ общество, съ огромнымъ богатствомъ, съ большимъ запасомъ воображенія и вмѣстѣ наивности,—является третья красавица, представительница третьей партіи.

— «Кто это, спросилъ Лотеръ, встрѣтивъ ее сперва на вечерѣ у своего нотаріуса.

— Еслибы ваше сіятельство могли достать пятифранковую монету французской республики 1850 года—можно достать у мѣнялъ — то вы тотчасъ бы узнали *ее*. Былъ конкурсъ артистовъ въ Парижѣ, живописцевъ и скульпторовъ и рѣщиковъ медалей, чтобы произвесть черты лица, достойныя представлять типъ la République française. Ни одна модель не была признана удовлетворительною, когда Oudine нашелъ дѣвушку семнадцати лѣтъ и буквальнымъ воспроизведеніемъ природы, побѣдилъ всѣхъ конкуррентовъ по общему, единодушному приговору. И хотя съ той поры прошли года, но видъ ея не измѣнился; пожалуй, теперь она еще ближе къ совершенству.

— Ея черты такого рода, что красота ихъ не только перенесетъ пору зрѣлости, но даже именно нуждалась въ зрѣлости, сказалъ Лотеръ. Но теперь она уже не—«французская республика»; что же она теперь?

— Зовутъ ее Теодора; она замужемъ, кажется за англичаниномъ, пріятелемъ Гарибальди. Происхожденіе ея неизвѣстно; одни говорятъ, что она итальянка, другіе—полька; разсказываютъ всякія чудеса. Говоритъ она на всякихъ языкахъ, считается ультра-космополиткою и изобрѣла новую религію».

Услужливый чичероне хотѣлъ тутъ же познакомить Лотера съ интересною, таинственною женщиною, но Лотеръ въ то время былъ занятъ другимъ предметомъ, и отклонилъ предложеніе.

Какъ ни печально разрушать обаяніе героя романа, особенно такихъ романовъ, въ которыхъ герою даны самыя возвышенныя

побужденія, однимъ словомъ, которыхъ герой есть настоящій герой, — необходимо замѣтить, что герой романа Дизраэли до такой степени смѣшиваетъ любовь съ убѣжденіями, и политическими и религіозными, что истиннымъ ревнителемъ какой бы то ни было идеи его признать никакъ нельзя. Прежде всего, онъ ухаживаетъ за леди Коризондою, дочерью герцога Брентама, и еще не достигши совершеннолѣтія, дѣлаетъ формальное предложеніе, прося у герцогини позволенія предложить руку и сердце ея дочери. Герцогиня, разумѣется, отклоняетъ такой дѣтскій планъ.

Понятно, что затѣмъ католицизму представляется тѣмъ болѣе вѣроятности увлечь молодого богача въ свои сѣти, такъ какъ въ центрѣ католическаго лабиринта тоже поставлена своя Розамунда—миссъ Клара Арондель. Кардиналъ уже открылъ «крестовый походъ», начавъ благочестивыя бесѣды съ сыномъ своего друга. Патеръ Кольмэнъ и монсиньйоръ Кэтсби (фамилія, напоминающая извѣстный «пороховой заговоръ») ежедневно осаждаютъ Лотера. Лотеръ поддается ихъ внушеніямъ, потому что, по природной мечтательности, весьма склоненъ къ разговорамъ въ этомъ родѣ, а патеры и прелаты—особенно же кардиналъ—вначалѣ заботливо избѣгаютъ всякаго повода къ тому, чтобы возбудить подозрѣніе на счетъ своихъ намѣреній. Кардиналъ даже прямо отклоняетъ вопросы спорные между вѣроисповѣданіями, а патеры насчетъ такихъ спорныхъ вопросовъ только внушительно вздыхаютъ.

Лотеръ гоститъ въ Воксѣ, замкѣ лорда Сентъ-Джерома. Подходитъ страстная недѣля и вотъ Лотеръ мало-по-малу привыкаетъ къ торжественному католическому богослуженію. «Въ страстную пятницу, — говорилъ ему патеръ Кольмэнъ, — также будетъ большая служба, при которой вы, можетъ быть, *не* захотите присутствовать, именно —литургія преждеосвященныхъ даровъ. Мы переносимъ благословенные дары въ траурный алтарь и снимаемъ покрывало съ запрестольнаго креста. Поклоненіе кресту—одинъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ у насъ, и протестанты упорно видятъ въ этомъ обрядѣ идолопоклонство. Но надѣюсь, мы сами лучше понимаемъ смыслъ собственныхъ нашихъ словъ и дѣйствій, и протестанты должны бы вѣрить, когда мы утверждаемъ, что наши колѣнопреклоненія передъ св. крестомъ — не что иное, какъ внѣшнее выраженіе любви, которою мы одушевлены къ распятому Іисусу; и что слова наши «обожаніе», «поклоненіе», въ примѣненіи ко кресту, означаютъ не болѣе какъ

то почитаніе, какое подлежитъ лицамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ Богу и богослуженію.

— Я не вижу въ этомъ идолопоклонства, сказалъ задумчиво Лотеръ.

— И никакой безпристрастный человѣкъ не могъ бы увидѣть, отвѣчалъ патеръ Кольмэнъ. Но къ сожалѣнію, всѣ эти предразсудки установились въ то время, когда въ мірѣ еще было менѣе знанія, чѣмъ теперь. Не мало зла причинили также и протестантскіе переводы священнаго писанія, которые сдѣланы на́скоро, и людьми недостаточно знакомыми съ восточными языками, и о восточныхъ обычаяхъ не имѣвшими и понятія. Всѣ новѣйшія изслѣдованія только подтвердили и оправдали богослуженіе церкви.

— Это очень интересный вопросъ, замѣтилъ Лотеръ.

— Такъ, этотъ самый вопросъ, продолжалъ патеръ, вопросъ объ идолопоклонствѣ былъ обильнымъ источникомъ недоразумѣній. Домъ Израиля былъ дѣйствительно призванъ для разрушенія идолопоклонства, потому что то идолопоклонство означало мрачные образы Молоха, распростиравшіе свои руки, посредствомъ механизма, и бросаніе первороднаго ребенка въ ихъ внутренность, содержавшую огненную печь;—означало Астарота на престолѣ среди рощъ, въ которыхъ, при лунномъ сіяніи, въ честь божества совершались несказанныя распутства. Нужно было откровеніе непосредственной воли Божіей, чтобы искупить человѣчество отъ зловредной порчи, которая подкосила бы самый родъ людской. Но смѣшивать такія дѣла съ памятованіемъ святыхъ угодниковъ божіихъ, которые изображаются кистью для того только, дабы житія ихъ служили вѣчнымъ ободреніемъ къ чистотѣ и святости, или видѣть въ царицѣ небесной и богоматери не болѣе какъ обыкновенную женщину—это значитъ умышленно вводить въ заблужденіе умъ и оскорблять сердце человѣка.

— Мы живемъ въ темныя времена, произнесъ Лотеръ.

— Наши времена не темнѣе, чѣмъ время передъ потопомъ и время передъ Пришествіемъ, и даже не темнѣе, чѣмъ то самое время, когда святые становились мучениками. У насъ въ мірѣ есть великій маякъ, котораго свѣтъ никогда не погасаетъ, какъ бы ни чернѣли тучи, какъ бы не ревѣла буря. Испытанію нынѣ подвергнуты люди, а не церковь; но на служеніи церкви именно и могутъ развернуться высшія способности человѣка, и обнаружиться благороднѣйшія его качества».

Лотеръ вспомнилъ объ этомъ разговорѣ, когда онъ съ семействомъ Аронделей (глава котораго—лордъ Сентъ-Джеромъ) и монсиньйоръ Кэтсби, расположились завтракать гдѣ-то далеко на границѣ вокскаго парка. «День былъ чудный; дёрнъ сухой и

мшистый служилъ имъ ковромъ. Они сѣли подъ высокими деревьями. Слуги раскрыли корзины съ завтракомъ; эти корзины были присланы изъ Бальмораля (королевскій подарокъ). Леди Сентъ-Джеромъ стала раздавать запасы; рѣдко она бывала прекраснѣе. Гостепріимство совершалось съ граціозною веселостью. Она шутливо всунула въ руку Лотера бумажку съ бутербродомъ изъ омáра и просила монсиньйора Кэтсби налить Лотеру стаканъ шабли.

— Жаль, что патеръ Кольмэнъ не съ нами, сказалъ Лотеръ, обращаясь къ миссъ Арондель.

— Почему?

— Потому чтó мы не кончили съ нимъ очень интересный разговоръ объ идолопоклонствѣ, когда меня позвали ѣхать сюда съ вами. Вотъ эта роща, напримѣръ, такая, въ которой хотѣлось бы обожать.

— Патеру Кольмэну слѣдовало бы быть теперь въ Римѣ, сказала мисъ Арондель. Онъ предполагалъ провесть тамъ святую недѣлю и я не знаю, для чего онъ перемѣнилъ намѣреніе.

— Вы сердитесь на него за это?

— Не сержусь, но удивляюсь; я удивляюсь, что человѣкъ, который могъ бы быть въ Римѣ, не ѣдетъ туда.

— Вы любите Римъ?

— Я никогда тамъ не была. Но быть тамъ—главное желаніе моей жизни.

— Позвольте мнѣ повторить слово, которое вы сами только что произнесли — почему?

— Естественно потому, что я хотѣла бы видѣть богослуженіе церкви во всемъ его совершенствѣ.

— Но я слыхалъ, что оно въ нашей странѣ совершается съ великолѣпіемъ и полной вѣрностью.

Миссъ Арондель покачала головой.—О нѣтъ! сказала она; у насъ богослуженіе едва только выходитъ еще изъ мрака катакомбъ. Если бы священные обряды совершались въ Англіи въ томъ видѣ, какъ они предположены, то мы и не слышали бы объ англійскомъ невѣріи.

— Это немаловажный результатъ, вопросительно вставилъ Лотеръ.

— Если бы у меня было то богатство, о которомъ мы столько слышимъ въ наше время и котораго обладатели повидимому такъ мало знаютъ, чтó съ нимъ дѣлать, я бы скупила нѣсколько улицъ въ Вестминстерѣ, теперь грязныхъ и служащихъ только къ стыду нашей столицы, разчистила бы большое мѣсто и построила бы настоящій каѳедральный соборъ, гдѣ бо-

гослуженіе совершалось бы на вѣчныя времена въ полномъ согласіи съ установленіями церкви. Мнѣ думается, что еслибъ сдѣлать это, то даже наша страна еще могла бы быть спасена».

Самъ лордъ Сентъ-Джеромъ былъ католикъ ревностный, но безобидный, и католикъ въ немъ никакъ не заглушалъ обыкновеннаго англичанина, для котораго вѣра—дѣло весьма важное, но имѣющее право только на извѣстное, опредѣленное число часовъ въ недѣлю, подъ условіемъ, что остальные дни и часы будутъ находиться въ полномъ распоряженіи трезваго common sense. Но въ женщинахъ семейства Аронделей католицизмъ подавлялъ самый британскій характеръ, превращая ихъ въ женщинъ южныхъ, въ испанокъ. Леди Сентъ-Джеромъ была фанатичка католицизма, готовая и къ жертвамъ, но не пренебрегавшая интригами. Что касается дочери ея, Клары Арондель, то это былъ, такъ-сказать, цвѣтокъ фанатизма еще болѣе страстнаго, но гораздо болѣе возвышеннаго. Она была именно изъ породы подвижницъ. Эта прелестная брюнетка, съ великолѣпными глазами «цвѣта фіалки», смотрѣла на дѣло вѣры какъ на главную цѣль существованія и нѣкоторая нѣжность ея къ влюбленному Лотеру проявляется ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ завоевать душу его для вѣчнаго спасенія. Типъ Клары Арондель едва ли не самый удачный въ романѣ Дизраэли, но авторъ ввелъ такое множество лицъ, въ томъ числѣ немало такихъ, которыя разсчитаны именно на характеристичность, что не имѣлъ возможности дать типу Клары тотъ просторъ и ту отдѣлку, которые сдѣлали бы его лучшимъ украшеніемъ романа. Во всякомъ случаѣ Клара Арондель несравненно выше не только самого Лотера, но и протестантской красавицы, Леди Коризонды, которая ничего болѣе, какъ обыкновенная неглупая дѣвушка, и даже симпатичнѣе Теодоры, которая представляетъ нѣчто слишкомъ «собирательное», будучи и страстною итальянкою, и ультра-космополиткою, и музою Альфіери—врага французовъ и «французскою республикою».

Выше приведены образцы разсужденій, какими патеры старались предрасположить Лотера къ католицизму. Само собою разумѣется, что въ такихъ разговорахъ патеры избѣгали нѣкоторыхъ особенно «трудныхъ» пунктовъ, какъ напр. вопроса о первенствѣ или безошибочности (слово «непогрѣшимость» несовсѣмъ вѣрно) папы. Только впослѣдствіи, уже въ Римѣ и при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ, кардиналъ Грандисонъ коснулся другого «труднаго» пункта, именно — инквизиціи, и конечно

разъяснилъ его такъ, что инквизиція вышла благодѣтельнѣйшимъ учрежденіемъ. Но въ началѣ своего похода, они старались только возбудить въ молодомъ человѣкѣ честолюбіе и религіозную мечтательность и употребить ихъ въ пользу своего дѣла. Для этого они искусно выставляли передъ Лотеромъ великость задачи — возстановленія господства въ мірѣ истинной вѣры, и громадность заслуги того, кто, имѣя средства оказать этому дѣлу важное содѣйствіе, поступилъ бы такъ.

— «Я спрашиваю себя — однажды сказалъ Лотеръ, съ свойственною ему задумчивостью — наступитъ ли еще время, когда Англія опять станетъ страною вѣрующею?

— Я ежедневно молюсь объ этомъ, сказалъ кардиналъ и пригласилъ Лотера присѣсть на свалившійся дубъ. Легкій, лихорадочный румянецъ оживилъ блѣдныя и тонкія черты кардинала; на минуту онъ, казалось, погрузился въ размышленія, потомъ заговорилъ голосомъ яснымъ, но нѣсколько глухимъ: «Я не вижу болѣе великой, болѣе благородной карьеры для молодого человѣка съ талантомъ и положеніемъ, въ наше время, какъ быть защитникомъ и исповѣдникомъ божественной истины. Я не думаю, чтобы въ наше время возможенъ былъ новый завоеватель. Государственными людьми, которыхъ демократизмъ унизилъ до степени политикановъ, и ораторами, которые превратились въ то, что нынѣ называется «дебатерами»,—уже пренебрегаетъ утомленный міръ. Не вѣрю также, чтобы нынѣ могъ явиться второй Данте, или хотя бы второй Мильтонъ. Міръ предался знанію физическому, полагая, что откровенія этого знанія дадутъ ему средства увеличить свое сладострастіе и помышленіе о плоти. Но пути науки ведутъ только къ неразрѣшимому и когда мы приближаемся къ этому безплодному предѣлу, голосъ божій взываетъ къ людямъ, какъ онъ взывалъ къ Самуилу; и вся поэзія, и страстность, и нѣжность въ природѣ человѣка обращаются къ убѣжищу вѣры; а тотъ, чьи дѣла и рѣчи наиболѣе будутъ соотвѣтствовать божественнымъ идеямъ, тотъ и будетъ величайшимъ человѣкомъ всего столѣтія».

— Но кто же можетъ быть способенъ для такой задачи, прошепталъ Лотеръ.

— Вы сами, — воскликнулъ кардиналъ, устремивъ сверкающіе взоры на своего собесѣдника;—вы сами и всякій, у кого есть необходимые дары, и кто одушевленъ безусловною вѣрой въ божественное предпріятіе».

— Но церковь въ замѣшательствѣ; вѣрующихъ раздѣляютъ двусмысліе, противорѣчіе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—произнесъ кардиналъ:—не такова церковь

Христова; она не подвержена замѣшательству, не поддается разномыслію, не колеблется отъ противорѣчія. И откуда же могло бы ей угрожать это? Ей соприсутствуютъ сами лица божества, укрѣпляя и направляя ее непрерывными чудесами. Въ замѣшательствѣ могутъ находиться церкви, основанныя актомъ парламента, а не Богомъ.

Лотеръ какъ будто вздрогнулъ и бросилъ на своего собесѣдника проницательный взглядъ. Потомъ, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, онъ сказалъ: — Я чувствую по временамъ большое уныніе.

— Естественно, отвѣтилъ кардиналъ. Въ уныніе впадаетъ всякій, кто не христіанинъ.

— Но я — христіанинъ, возражалъ Лотеръ.

— Христіанинъ отчужденный, сказалъ кардиналъ; христіанинъ, лишенный утѣшеній христіанства.

— Въ этомъ есть правда, сказалъ Лотеръ. Утѣшенія христіанства мнѣ необходимы, а между тѣмъ я не чувствую ихъ. Отчего это?

— Оттого, что то, что̀ вы называете вашей вѣрою, есть вещь совсѣмъ посторонняя вашей жизни, а не самая жизнь ваша, какъ бы слѣдовало. Вѣра должна править жизнью, а не быть случайнымъ въ ней фактомъ. Нѣтъ ни одной обязанности нашего существованія, ни одной радости или печали, которыя бы не были признаны, освящены священными обрядами церкви, имъ сочувствующей. Скажите мнѣ: — я слышу, вы въ послѣднее время посѣщали богослуженіе церкви—съ тѣхъ поръ, какъ вы живете подъ этимъ кровомъ. Неужели? Неужели вы не нашли въ этомъ священнодѣйствіи никакого утѣшенія?

— Да, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Лотеръ; я часто получалъ нѣкоторое облегченіе. И онъ вздохнулъ.

— Что душа тѣлу, то церковь для міра, продолжалъ кардиналъ. Это — связь между нами и сущностью божества. Она сошла съ неба въ полнотѣ и совершенствѣ и никогда измѣниться не можетъ. Ея обряды—символы небесныхъ истинъ; ея обычаи соотвѣтствуютъ всякому настроенію души; ея священнодѣйствія укрѣпляютъ его въ мудрости и чистотѣ, охраняютъ и спасаютъ его въ часъ страсти и искушенія. Церковь, со всѣми ея дѣйствіями и пособіями, установленіями и службами, и божественнымъ благолѣпіемъ ея обрядовъ доставляетъ намъ уже на землѣ какъ бы нѣкую тѣнь той вѣчной славы, которая ожидаетъ вѣрнаго на небесахъ, гдѣ благословенная матерь Бога и десятки тысячъ святыхъ неусыпно блюдутъ за нами, своимъ святымъ предстательствомъ.

— Мнѣ не объясняли ничего этого въ моемъ дѣтствѣ, сказалъ Лотеръ».

Но пусть читатель не думаетъ, что католицизму такъ легко достанется побѣда. Лотеръ, получивъ въ дѣтствѣ строго-религіозное направленіе, еще окрѣпшее подъ исключительнымъ духомъ Оксфорда, и мечтательный отъ природы, наконецъ не призванный ни къ какой практической дѣятельности, расположенъ былъ думать о подвижничествѣ на пользу вѣры вообще. Онъ не имѣлъ предвзятыхъ понятій собственно противъ католичества, а тутъ явились такіе краснорѣчивые толкователи, да еще чудные глаза Клары. Въ умѣ молодого, празднаго патриція сталъ рисоваться величественный образъ католичества, съ его безусловнымъ авторитетомъ, великолѣпными обрядами и тою красотою, какою одѣли его искусства. О «трудныхъ» пунктахъ онъ не думалъ, вѣроятно, потому именно, что вовсе не имѣлъ намѣренія сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ католикомъ. Но онъ уже, незамѣтно сдѣлался, если можно такъ выразиться, «диллетантомъ католицизма» и сталъ серьезно помышлять о томъ, какъ бы построить въ Лондонѣ католическій соборъ, достойный, какъ великолѣпія обрядовъ, такъ и прелестныхъ взоровъ Клары Арондель. Онъ даже заказалъ рисунки этого собора.

— «Дѣло построенія этого собора, сказалъ Лотеръ въ одномъ разговорѣ съ Кларою, — ваша собственная мысль, и мнѣ хотѣлось бы думать — ваше собственное желаніе; еслибы было не такъ, то едвали я бы смогъ привести это дѣло къ окончанію.

— А когда соборъ построится, спросила миссъ Арондель, что тогда?

— Помните, вы говорили мнѣ когда-то въ Воксѣ, что слѣдуетъ уважать всѣ зданія, имѣющія религіозное назначеніе, ибо въ концѣ концовъ, эти зданія переходятъ къ исповѣдующимъ истинную вѣру?

— Но когда строили соборъ св. Петра, возразила Клара, его посвящали имени святого на небесахъ. Кому же будетъ вашъ соборъ?

— Святой на небесахъ и на землѣ, сказалъ Лотеръ, краснѣя:—св. Кларѣ.

Въ эту минуту леди Сентъ-Джеромъ и ея гости встали, такъ что нельзя сказать навѣрное, разслышала ли миссъ Арондель послѣднія слова Лотера. По крайней мѣрѣ она не показала виду, что слышала ихъ».

Когда Лотеръ возвратился въ Лондонъ, герцогъ Брентамъ представилъ его ко двору. Вступивъ, такимъ образомъ, «на свое мѣсто», въ общество, Лотеръ на нѣкоторое время погрузился въ вихрь свѣтскихъ увеселеній: баловъ, обѣдовъ, катанья верхомъ по Гайдъ-парку и т. д.

Патеры не упускали его изъ виду и въ это время, и монсиньйоръ Кэтсби, и патеръ Кольмэнъ поочередно являлись къ нему, навѣдаться и поговорить о будущемъ зданіи собора. Но въ тоже время къ нему приставалъ нотаріусъ его, мистеръ Путни-Гайлсъ, съ планами о разныхъ торжествахъ для празднованія приближавшагося дня совершеннолѣтія молодого лорда, каковыя торжества необходимо было устроить не только въ Моріель-Тоуэрсѣ, фамильномъ замкѣ его, но во всѣхъ его имѣніяхъ, находившихся не только въ разныхъ графствахъ, но и въ разныхъ королевствахъ, подвластныхъ британской коронѣ. Этотъ вихрь свѣта, хотя и не давалъ пищи уму, но все-таки представлялъ нѣчто въ родѣ практической дѣятельности, и отвлекъ Лотера отъ исключительно-религіозной мечтательности. Такъ что, давъ одному пріятелю слово встрѣтиться съ нимъ въ Оксфордѣ,—гдѣ Лотеръ все еще держалъ лошадей,—онъ даже довольно сухо отвѣтилъ одному патеру, пришедшему отговаривать его отъ поѣздки.

Конюшни Лотера были, не доѣзжая мили три до Оксфорда. Отправившись взглянуть на своихъ лошадей, онъ встрѣтилъ на дорогѣ джентльмена съ дамою, которые стояли, окруженные толпою, возлѣ своего экипажа, разбитаго лошадьми. Лотеръ предложилъ имъ свою карету и оставилъ ее въ ихъ распоряженіи на все время пребыванія ихъ въ Оксфордѣ. Джентльменъ, потерпѣвшій такое сухопутное крушеніе, оказался американскимъ полковникомъ, по имени Кампіонъ. Онъ былъ нѣкогда чрезвычайно богатъ; у него были огромныя имѣнія на рабовладѣльческомъ югѣ. Война разорила его, но онъ все-таки былъ человѣкъ достаточный. Жена его была женщина рѣдкой, величественной красоты. Въ ихъ обществѣ Лотеръ провелъ нѣсколько вечеровъ, имѣвшихъ не малое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Въ домѣ Кампіона, Лотеръ встрѣтилъ и того оксфордскаго профессора-радикала, въ которомъ узналъ себя Гольдуинъ-Смитъ, нынѣ профессоръ Корнеллевскаго университета въ Америкѣ, написавшій Дизраэли за этотъ портретъ ругательное письмо, которое было переведено и въ нашихъ газетахъ.

«Оксфордскій профессоръ, находившійся въ гостяхъ у американскаго полковника, былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ убѣжденіями крайними касательно всякихъ предметовъ — рели-

гіозныхъ, соціальныхъ и политическихъ. Онъ былъ уменъ, съ большимъ знаніемъ — тѣмъ знаніемъ, какое могутъ дать человѣку книги, но безпокойное тщеславіе и безграничная самоувѣренность не дозволяли ему извлечь пользу даже и изъ той небольшой суммы опытности, какою могла уже снабдить его жизнь; онъ не былъ въ состояніи наблюдать надъ чѣмъ-либо или о чемъ-либо думать, кромѣ самого себя. Онъ имѣлъ даръ слова, и рѣчь его обращалась въ безконечное изложеніе, подправленное сарказмомъ и эффектнымъ жаргономъ. Менѣе, чѣмъ кто-либо, онъ былъ похожъ на оксфордскаго профессора; но мы живемъ въ переходное время.

Полковникъ Кампіонъ имѣлъ рекомендательное письмо къ нему отъ одного парижскаго ученаго, который проводилъ жизнь поочередно, то сражаясь на баррикадахъ, то открывая новыя планеты; брань, какою нашъ профессоръ осыпалъ основы англійскаго общества, слыла у иностранцевъ за отголосокъ мнѣній почтеннаго Оксфорда. Профессоръ не былъ доволенъ своею карьерою на родинѣ, и подобно многимъ людямъ того же склада ума, питалъ сумасбродно-тщеславныя мечты, которыя, по убѣжденію такихъ людей, могутъ быть осуществлены только въ Новомъ Свѣтѣ,—а потому былъ очень радъ познакомиться съ полковникомъ, въ видахъ облегчить себѣ будущія предпріятія. Такимъ образомъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней знакомилъ этихъ почетныхъ посѣтителей съ примѣчательностями университета, не упуская при этомъ случаевъ предстать предъ ними во всемъ блескѣ своего дара изложенія, своего саркастическаго таланта, несравненнаго ни съ чьимъ—по собственному его убѣжденію—и угостить ихъ эпизодами высокообработаннаго, живописнаго краснорѣчія, которыя имъ импровизировалъ съ искусствомъ.

Профессоръ весьма удивился, когда увидалъ Лотера, входившаго въ гостиную отеля. Менѣе чѣмъ кого-либо, онъ ожидалъ встрѣтить именно его. Подобно другимъ кабинетнымъ радикаламъ (sedentary men of extreme opinions), онъ въ обществѣ былъ паразитъ, и вмѣсто того, чтобы предаваться обычному своему злословію противъ пэровъ и князей, когда ему неожиданно случалось обѣдать съ кѣмъ-либо изъ этого класса, онъ старался блеснуть передъ ними и посвящалъ себя его увеселенію.

Г-жа Кампіонъ вышла въ гостиную только тогда, когда доложили, что готовъ обѣдъ.

— Надѣюсь, вы не чувствовали себя дурно? спросилъ Лотеръ.

— Очень мало, и этимъ я обязана вамъ.

Голосъ ея былъ замѣчателенъ: тихій и музыкальный; не рѣзкій, однакоже проницательный, такъ что самое обыкновенное

замѣчаніе ея привлекало и приковывало вниманіе. Ея голосъ гармонировалъ съ ея фигурою и манерами. Лотéру казалось, что онъ никогда еще не видѣлъ никого и ничего столь спокойно-свѣтлаго; но это не было спокойствіе приниженности или одной сознательной чистоты совѣсти; оно было не лишено нѣкоторой степени величія, спокойствія, какъ мы выражаемся, олимпійскаго. И черты ея были олимпійскія: лицо сходное съ типами Фидія; большіе сѣрые глаза съ темными рѣсницами; чудные волосы, естественно обильные, собранные греческою повязкою.

Бесѣда шла объ Оксфордѣ и велась сначала почти только полковникомъ и профессоромъ.

— И вы, спросилъ ее Лотеръ, раздѣляете взглядъ полковника Кампіона на Old England?

— Меня настоящее интересуетъ больше, чѣмъ прошедшее, а будущее болѣе настоящаго, отвѣчала она.

— Мнѣ, сказалъ Лотéръ, настоящее представляется столь же непонятнымъ, какъ и будущее.

Она слегка улыбнулась.

— Кажется оно ясно, возразила она; оно имѣетъ свои недостатки, но не недостатокъ въ ясности.

— Я не разрушитель, говорилъ профессоръ, обращаясь къ полковнику, но громко, — я во всякомъ случаѣ сохранилъ бы оксфордское учрежденіе, но съ необходимыми измѣненіями.

— Позвольте узнать съ какими? спросилъ Лотéръ.

— Да въ сущности небольшими. Я бы освободилъ его отъ религіи.

— Отъ религіи? сказалъ Лотéръ.

— Вѣдь однажды же мы освободились отъ нея, сказалъ профессоръ.

— То-есть, однажды мы измѣнили ее, согласился Лотéръ, однажды мы произвели въ ней реформы, какъ принято выражаться, но не отмѣнили ея, не изгнали ея изъ университета.

— Чтожъ, этотъ толчекъ не былъ бы значительнѣе, не былъ бы даже равенъ по важности съ переходомъ отъ вѣры папской къ вѣрѣ реформатской. Сверхъ того, университеты не имѣютъ ничего общаго съ религіею.

— Я думалъ, университеты должны быть универсальны, замѣтилъ Лотéръ, и имѣютъ нѣкоторое отношеніе ко всему.

— Я не могу представить себѣ какое-либо общество безъ религіи, сказала г-жа Кампіонъ.

Лотéръ не безъ нѣкотораго обожанія взглянулъ на ея чудное лицо, когда она произнесла эти слова».

Это была Теодора. Лотеръ провелъ съ Кампіономъ и его же-

ной нѣсколько дней и классическая красота этой женщины, ея глубокій, но сдержанный на словахъ энтузіазмъ, ея очевидное, хотя и спокойное одушевленіе одною идеею, для которой она жила, такъ подѣйствовали на молодого человѣка, что когда они простились, онъ уже задалъ себѣ вопросъ: «не былъ ли это сонъ; или мнѣ придется увидѣть ее еще?»

Онъ скоро воспользовался сдѣланнымъ ему приглашеніемъ посѣтить ихъ на виллѣ близъ Лондона, гдѣ они жили. Здѣсь передъ Лотеромъ раскрылся новый свѣтъ. Въ гостиной этой классической музы, посвятившей однако всѣ свои помышленія великому дѣлу свободы народовъ въ настоящемъ и будущемъ, онъ познакомился съ знаменитымъ англійскимъ живописцемъ, который названъ Фебомъ. Мистеръ Фебъ—типъ, очень недурно очерченный авторомъ и по всей вѣроятности взятый съ натуры. Мистеръ Фебъ женатъ на греческой княжнѣ, дочери князя самосскаго. Онъ—членъ англійской королевской академіи и зарабатываетъ своими картинами баснословныя деньги. Мистеръ Фебъ впослѣдствіи оказывается весьма пустымъ спѣсивцемъ и человѣкомъ нравственно-мелкимъ. Но сперва его можно принять за основателя цѣлой школы философіи въ примѣненіи въ особенности къ эстетикѣ. Или лучше сказать, вся его философія основана на эстетикѣ и все его міровоззрѣніе построено на эллинскомъ идеалѣ красоты. Такое міровоззрѣніе онъ постоянно проводитъ въ видѣ страстныхъ апологій «арійской расы», и такихъ же филиппикъ противъ «расы семитической». Но послушаемъ самого мистера Феба, какъ онъ объясняетъ Лотеру, въ чемъ заключаются основы искусства.

— «Основы искусства это—арійскіе принципы, сказалъ мистеръ Фебъ. Не только изученіе природы вообще, но именно природы прекрасной. Истинное искусство живописи можетъ существовать только въ странѣ, обитаемой первостепенною породою людей, такой странѣ, въ которой и законы, и манеры, и обычаи разсчитаны на то, чтобы поддерживать здоровье и красоту высшей породы людей, ее населяющей. Въ большей или меньшей степени, эти условія получались со временъ Перикла до временъ Адріана въ чистыхъ арійскихъ общинахъ; но затѣмъ началъ получать преобладаніе семитизмъ, и наконецъ совсѣмъ восторжествовалъ. Семитизмъ разрушилъ искусство; онъ научилъ человѣка презирать собственное тѣло, а существо искусства въ томъ и состоитъ, чтобы служить къ прославленію человѣческаго облика.

— Я, признаться, не имѣю права высказывать мнѣнія объ этомъ предметѣ, отозвался Лотеръ, но если подъ именемъ семитизма вы разумѣете религію, то позвольте замѣтить, что

итальянскіе художники сдѣлали же нѣчто, хотя и были воодушевлены именно семитизмомъ.

— Они сдѣлали очень много, они произвели нѣкоторыя изъ величайшихъ созданій искусства. Но семитизмъ далъ имъ только темы, а арійское искусство было дано имъ Возрожденіемъ, и было дано оно имъ членомъ чисто-арійской расы. Но семитизмъ снова приподнялся въ образѣ реформаціи и снова смелъ все долой. Когда папою былъ Левъ Десятый, то папство было идолопоклонническое; теперь папство обратилось къ христіанству, и вотъ искусство и погасло.

— Я, сказалъ Лотеръ, не считаю себя вправѣ вдаваться въ такія разсужденія. Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе сознаю свое невѣжество.

— И не жалѣйте о немъ, отвѣчалъ мистеръ Фебъ. То, что вы имъ называете, служитъ вамъ силою. Невѣжествомъ вы называете недостатокъ книжнаго знанія. Книги пагубны; онѣ— горе человѣческаго рода. Девять десятыхъ всего количества существующихъ книгъ—не что иное, какъ вздоръ, а остальныя, умныя—не что иное, какъ опроверженіе этого вздора. Величайшимъ бѣдствіемъ, когда-либо посѣтившимъ человѣчество, было изобрѣтеніе книгопечатанія. Книгопечатаніе убило воспитаніе. Искусство — великое дѣло, и наука—великое дѣло; но все, что могутъ сдѣлать искусство и наука въ смыслѣ воспитательномъ, можетъ сдѣлать самъ человѣкъ, собственными своими средствами, своимъ голосомъ, своей рукою, своимъ глазомъ. Сущностью воспитанія должно быть воспитаніе тѣла. Людямъ слѣдовало бы жить на вольномъ воздухѣ и заниматься правильными, разнообразными, раціональными упражненіями. Сообщить своему тѣлу силу и гибкость — первый долгъ человѣка. Слѣдуетъ развивать и вполнѣ подчинить себѣ всю систему мускуловъ. Что мнѣ нравится въ томъ обществѣ, къ которому принадлежите вы, такъ это именно, что люди этого общества въ самомъ дѣлѣ живутъ на воздухѣ, отличаются во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, умѣютъ говорить только на одномъ языкѣ и не читаютъ никогда. Все это, конечно, еще не есть полное воспитаніе, но это все-таки самое высшее воспитаніе, какое гдѣ-либо было со временъ грековъ».

Мистеръ Фебъ излагаетъ даже цѣлый планъ курса образованія, основаннаго на «арійскихъ началахъ»: слушаніе лекцій знаменитыхъ профессоровъ, съ обсужденіемъ слышаннаго, обученіе искусству говорить, воспитательное назначеніе театра, въ главѣ котораго былъ бы особый министръ, и по временамъ декламація лирической поэзіи. «Такъ, чтобы въ домѣ даже не

было ни одной книги, или газеты». Мистеръ Фебъ убѣжденъ, что подобное воспитаніе и для безопасности государства лучше многаго ученія и что придетъ то время, когда страшныя смертоносныя орудія, перейдя въ руки слабыхъ, истощенныхъ поколѣній будутъ также безсильны, какъ греческій огонь въ рукахъ воиновъ византійской имперіи.

Вилла Бельмонтъ, гдѣ жили Кампіоны, окончательно увлекла Лотéра и вырвала его изъ рукъ ехидныхъ патеровъ. Разговоры съ Теодорою дали и религіозности его совсѣмъ иное направленіе. До тѣхъ поръ онъ все гонялся за *правовѣріемъ*, отыскивалъ правовѣріе. Видя разногласія въ протестантизмѣ, онъ уже склонялся-было на сторону католицизма, который прельщалъ его именно своей исторической авторитетностью. Теодора разубѣдила его насчетъ необходимости выбора между различными правовѣріями. «Я молюсь Богу въ той церкви, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ присутствуетъ, и присутствуетъ дѣятельно, для побужденія меня къ добру, именно—въ глубинѣ моей совѣсти». Деизмъ Теодоры оказываетъ свое вліяніе на Лотéра. Читатель уже знаетъ, что Теодора и есть таинственная Маріанна.

Но прежде, чѣмъ новое «обращеніе» Лотéра скажется наконецъ въ дѣйствіи, авторъ вводитъ въ свой разсказъ нѣсколько новыхъ лицъ: гречанку—жену Феба, ея сестру, какую-то княгиню Тиволи, и отца революціонеровъ—Мирандолу, въ которомъ узнается Мадзини. Напомнивъ, что дѣйствіе происходитъ незадолго до гарибальдійской попытки овладѣть Римомъ, въ 1867 году, приведемъ отрывокъ изъ разговора генерала съ Мирандолою.

— «Никогда, — продолжалъ генералъ, никто не сравнялся съ вами въ чудесномъ самопожертвованіи, находчивости, и постоянствѣ, и терпѣніи, и непоколебимости духа; и однакоже, въ настоящую минуту, когда ваши друзья опять хотятъ подняться, и когда весна манитъ надеждою, я все-таки обязанъ сказать вамъ, что во всемъ свѣтѣ есть только два лица, которыя могутъ произвесть революцію и что вы—не въ числѣ ихъ.

— Я горячъ,—отвѣчалъ Мирандола,—я, быть можетъ, слишкомъ склоненъ увлекаться; но во мнѣ нѣтъ себялюбія, по крайней мѣрѣ въ то время, когда въ дѣлѣ замѣшаны интересы великаго дѣла. Скажите мнѣ имена этихъ лицъ, и если они захотятъ, я буду готовъ помогать имъ.

— Гарибальди и Маріанна.

— Полишинель и Баядерка! воскликнулъ Мирандола, и вскочивъ съ мѣста, началъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.

— А между — тѣмъ, спокойно объяснялъ генералъ, — нѣтъ никакого сомнѣнія, что только имя Гарибальди можетъ собрать въ Италіи десять тысячъ человѣкъ на любомъ пунктѣ, а во Франціи, хотя вліяніе Маріанны тамъ есть только вліяніе миѳа — имя ея имѣетъ магическое обояніе. Его никто не произноситъ, но никто не забываетъ, и легчайшій на него намекъ открываетъ вамъ сердце каждаго француза. Въ настоящее время во Франціи тайныхъ обществъ больше, чѣмъ было когда-либо, послѣ 1785 г., о нихъ ничего не слышно, но они существуютъ и вотъ они-то вѣруютъ въ Маріанну и больше ни во что.

— Вы были на Капрерѣ? спросилъ Мирандола.

— Былъ.

— Ну что же онъ сказалъ?

— Онъ ничего не хочетъ предпринимать иначе, какъ съ одобренія Савойца.

— Ему хочется получить пулю и въ другую ногу, сказалъ съ дикимъ сарказмомъ Мирандола. Неужели ему никогда не надоѣстъ измѣна?

— Мнѣ онъ показался спокоенъ и исполненъ надежды; былъ отвѣтъ генерала.

— Ну, а эта женщина?

— Гарибальди не хочетъ двинуться съ мѣста безъ Савойца, а Маріанна не хочетъ ничего дѣлать безъ Гарибальди; — вотъ каково положеніе.

— Видѣли вы ее?

— Еще нѣтъ; побывавъ на Капрерѣ, я пріѣхалъ сюда, чтобы повидаться съ нею и съ вами. Италія къ движенію готова и только ждетъ своего великаго мужа. А онъ не хочетъ дѣйствовать безъ Савойца; онъ ему вѣритъ. Я не хочу поддаваться скептицизму. Достаточно и дѣйствительныхъ трудностей, и нечего ихъ еще придумывать. У насъ нѣтъ денегъ и всѣ наши источники изсякли; но у насъ есть вдохновеніе священнаго дѣла, у насъ есть — вы, мы можемъ пріобрѣсть и еще кого-нибудь — и ужъ это по крайней мѣрѣ вѣрно — *французы вышли изъ Рима*».

Наступило наконецъ совершеннолѣтіе Лотéра и по этому поводу были великолѣпныя празднества въ Моріель-Тоуэрсѣ, родовомъ его замкѣ. Собраніе гостей тамъ было самое разнохарактерное, по убѣжденіямъ, конечно, а не по положенію въ свѣтѣ. Тамъ были и Брентамы, и въ ихъ числѣ леди Коризонда, и кардиналъ съ монсиньйорами, и англиканскій епископъ съ деканомъ и архидіакономъ, производившіе нѣкоторую войну съ пред-

ставителями католицизма за душу Лотéра, котораго каждая изъ церквей старалась увлечь на свое богослуженіе, и Теодора съ мужемъ. Прежде чѣмъ перейти къ фактическимъ послѣдствіямъ вліянія этой необыкновенной женщины на Лотéра, приведемъ хоть одинъ отрывокъ изъ ихъ разговоровъ.

Теодора, получивъ какія-то письма, заперлась въ своей комнатѣ и Лотéръ не могъ видѣть ее до вечера. Наконецъ, она его приняла. Когда онъ вошелъ въ комнату, она стояла; лицо ея имѣло выраженіе серьёзное. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу и извинилась, что не могла принять его раньше, такъ какъ она была нѣсколько разстроена.

— «Не мѣшаю ли я вамъ и теперь?

— Нѣтъ; напротивъ, мнѣ надо поговорить съ вами и въ дѣйствительности вы — единственный человѣкъ, къ которому я могла бы обратиться,—прибавила она, садясь.

Она обыкновенно была блѣдна, но когда онъ вошелъ, на лицѣ ея выступилъ румянецъ.

— Тó, что я имѣю вамъ сказать, не совсѣмъ подходитъ къ этому праздничному моменту въ вашей жизни, начала она; но я должна повиноваться судьбѣ.

— Ваша судьба глубоко интересуетъ меня, сказалъ Лотéръ.

— Но моя судьба зависитъ отъ судьбы нашего времени, отъ судьбы народовъ, произнесла она, поднявъ голову, и на лицѣ ея выразилась какая-то нравственная борьба.—Я переживаю въ это время не одно страданіе, и въ числѣ ихъ то сознаніе, что вы—единственный человѣкъ, къ которому я могу прибѣгнуть — именно тотъ человѣкъ, къ кому прибѣгнуть я не имѣю права.

— Если я этотъ человѣкъ, отвѣчалъ Лотéръ, то вы имѣете всякое право, ибо я вамъ преданъ душею.

— Но тутъ дѣло не въ личной преданности. Одна личная симпатія не оправдала бы моего къ вамъ призыва. Требовалась бы ваша преданность одному дѣлу, и такому дѣлу, которому вы—не сочувствуете.

— Отчего же?

— Отчего бы вамъ сочувствовать дѣлу моей павшей родины, вамъ, знатнѣйшему гражданину страны самой могущественной. Почему вы стали бы оскорбляться лежащимъ на ней унизительнымъ рабствомъ, вы, кому — въ религіозной мистификаціи, плѣнившей людей—выпало по крайней мѣрѣ то преимущество, что вы—протестантъ.

— Вы говорите о Римѣ.

— Да, я говорю о Римѣ, моей единственной мысли. О той

странѣ, которая первая запечатлѣла міръ широкой и прочной формою мужественной добродѣтели; о странѣ свободы, и закона, и краснорѣчія, и военнаго генія, странѣ, которую теперь сторожатъ монахи и которою правитъ свихнувшійся съ ума попъ.

— Въ Римѣ всякій принимаетъ участіе, сказалъ Лотеръ; Римъ — страна всемірная; даже тотъ свихнувшійся попъ, о которомъ вы говорите, хвалится двумя стами милліоновъ подданныхъ.

— Мнѣ бы не было дѣла до его похвальбы, еслибы онъ самъ былъ въ Авиньйонѣ, сказала Теодора. — Мнѣ все равно, сколько у него подданныхъ въ религіозномъ смыслѣ; предразсудокъ я охотно предоставляю времени. Время теперь перестало быть медлительнымъ; коса его быстро ходитъ въ нашъ вѣкъ. Но когда его унизительные догматы навязываются человѣчеству съ помощью авторитета нашего древняго, достославнаго Капитолія, когда заговоръ объ установленіи вѣчнаго умственнаго рабства заключается и исполняется тамъ, гдѣ былъ форумъ, тогда, если еще осталась на свѣтѣ истинная римская кровь,—а благодареніе Создателю ея еще не мало,—тогда для нея пора взыграться и закипѣть. И она встала, и начала ходить по комнатѣ.

— Вы получили дурныя вѣсти изъ Рима? спросилъ Лотеръ.

— Да, я получила изъ Рима дурныя вѣсти, повторила она тихимъ, глубокимъ голосомъ. Съ минуту они молчали.

Потомъ Лотеръ обратился къ ней: — Когда вамъ случалось прежде касаться этихъ предметовъ, вы никогда не выказывали большой увѣренности въ успѣхѣ, сказалъ онъ.

— О, я видѣла побѣду нашего дѣла, возразила она; побѣду святого дѣла правды, справедливости, народной чести. Я сидѣла у ногъ тріумвирата римской республики; людей, которыхъ по добродѣтели, и генію, и воинскому умѣнью, и мужеству, не превосходилъ никто изъ героевъ древней исторіи, никто, ни Катоны, ни Сципіоны. Я видѣла также, какъ кровь собственнаго моего рода лилась, какъ богатое вино, на побѣдоносную почву Рима; убитъ былъ мой отецъ, который былъ по лицу и сложенію богъ; потомъ, убиты были и мои красавцы-братья, которыхъ лики были достойны обожанія въ храмахъ; и я, я улыбалась среди гибели моего семейства, потому что думала, что Римъ, Римъ — свободенъ. И все это исчезло. Итакъ, могла ли я, въ разговорахъ, выказывать большую увѣренность въ успѣхѣ?

— Но теперь — вы надѣетесь? спросилъ Лотеръ, бросивъ на нее пытливый взглядъ; онъ всталъ и, приблизясь къ ней, слегка облокотился на верхъ камина.»

Тогда Теодора, не называя никого по имени, разсказала Лотеру, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, послѣ выхода францу-

зовъ, итальянская армія, *что бы ни случилось*, не вступитъ въ Римъ. *Онъ*, т.-е. Гарибальди, опасался новой междоусобной войны; но послѣ такого положительнаго завѣренія, движеніе должно было начаться, а для движенія нужно было содѣйствіе и людей, и денегъ. Мужъ Теодоры нѣкогда былъ чрезвычайно богатъ, и за такою помощью она обращалась къ нему, теперь же, война въ Америкѣ лишила его сколько-нибудь значительныхъ средствъ.

— «Ко мнѣ именно вамъ и слѣдовало обратиться, сказалъ Лотéръ, ибо безъ васъ я до сихъ поръ оставался бы тѣмъ, чѣмъ былъ, когда встрѣтился съ вами, оставался бы существомъ, полнымъ предразсудковъ, существомъ ограниченнымъ, съ искусственными сочувствіями и ложнымъ знаніемъ, тратящимъ жизнь на пустяки, не знающимъ великаго преимущества жить въ чудесное время великихъ перемѣнъ и прогресса. Не будь васъ, я теперь расточилъ бы свои средства на клерикальную игрушку, о которой мнѣ стыдно и вспомнить. Есть, быть можетъ, мнѣнія, въ которыхъ мы и не сходимся, но между нами нѣтъ разнорѣчія въ любви къ истинѣ и справедливости. Вы должны были знать, что я не остался равнодушенъ къ вашей красотѣ, ко всѣмъ вашимъ прелестямъ, но повѣрьте, что не онѣ, а высокій вашъ духъ совершенно законно обворожилъ мою мысль и мое сердце; и я давно рѣшился, если вы позволите, посвятить вамъ мое достояніе и мою жизнь».

Когда черезъ одну главу послѣ этой читатель находитъ разсказъ о томъ, какъ осенью 1867 года, между Фіасконе и Витербо, близко къ морю, въ укромной долинѣ собирался отрядъ гарибальдійцевъ, подъ командой того же генерала, съ которымъ мы познакомились въ Англіи, то онъ конечно тотчасъ же догадывается, что въ этомъ же отрядѣ находятся и Теодора, и мужъ ея Кампіонъ, и молодой мечтатель Лотéръ, увлеченный наконецъ къ дѣйствію, и именно въ такомъ дѣлѣ, которое не имѣло ничего общаго ни съ его воспитаніемъ, ни съ направленіями, исходившими на него отъ обоихъ его опекуновъ.

Долго они скрывались въ этой долинѣ, и въ это время отрядъ все возрасталъ, благодаря стеченію волонтеровъ. Настоящая борьба въ это время происходила не на римскихъ поляхъ, а во Франціи, гдѣ клерикалы дѣлали отчаянныя усилія склонить императора къ возвращенію войскъ въ Римъ, а революціонеры старались запугать его силою своихъ обществъ въ самой Франціи. Теодора ждала, какъ приговора о жизни и смерти, рѣшенія вопроса: возвратятся ли французы? Французскія войска уже сѣли-было на суда; но вдругъ распоряженіе было отмѣ-

нено. Великая радость въ отрядѣ нашего генерала, которому въ это время представился и первый случай для схватки съ папалинами. Въ схваткѣ этой гарибальдійцы одержали побѣду, но одинъ изъ папскихъ зуавовъ, отстрѣливаясь при отступленіи, ранилъ Теодору. Но врачъ увѣрилъ ее и ея друзей, что если только какое-либо нравственное волненіе не усилитъ ея лихорадки, она навѣрно оправится отъ этой раны.

Такъ они сдѣлали переходъ, въ нѣкоторомъ уныніи, несмотря на побѣду.

«Наступалъ вечеръ; несмотря на близкую картину насилія и смятенія, все казалось тихо, и вѣтерокъ съ моря нѣжно ласкалъ блѣдныя черты больной. Вдругъ, она вскрикнула: Это что?

И они отвѣчали, говоря: Мы ничего не слышали.

— Я слышу звукъ большихъ пушекъ, сказала Теодора.

Они стали прислушиваться, и въ ту же минуту, какъ врачъ, такъ и служанка услыхали далекій гулъ артиллеріи.

— Приближается освободитель, сказала служанка.

— Должно быть онъ, прибавилъ хирургъ.

— Нѣтъ, съ безпокойствомъ произнесла Теодора. Не съ той стороны звукъ. Сходи, Долоресъ, узнай, что это за гулъ. Хирургъ остался при больной и по временамъ повѣрялъ ея пульсъ и стиралъ легкій потъ на ея лбу, когда Долоресъ возвратилась и сказала: Синьйора, это — гулъ большихъ пушекъ Чивитта-Веккіи. Смертная блѣдность покрыла лицо Теодоры.»

Это были пушки, возвѣщавшія возвращеніе французовъ. Отчаяніе убило Теодору, произведя въ ея болѣзни именно тотъ кризисъ, котораго опасался докторъ. Умирая, она завѣщала Лотѣру не поддаваться усиліямъ католическихъ фанатиковъ, и взяла съ него слово, что онъ никогда не перейдетъ въ католичество.

Въ сраженіи при Ментанѣ, Лотѐръ былъ тяжело раненъ и считался убитымъ, когда на помощь ему явилась неожиданная избавительница.

Когда онъ пришелъ въ себя въ первый разъ, онъ увидалъ около себя монсиньйора Кэтсби и женскую фигуру, которой лицо было скрыто покрываломъ. Монсиньйоръ заботливо ухаживалъ за нимъ, Лотѐръ былъ почти убитъ, не только физически, но и нравственно. Смерть Теодоры, казалось, лишила его цѣли въ жизни. Долго онъ оставался ко всему равнодушенъ, но наконецъ, слабые нервы его стали находить нѣкоторое утѣшеніе въ «кроткой» бесѣдѣ монсиньйора и въ чудныхъ звукахъ органа, который игралъ гдѣ-то вблизи его комнаты. Религіозное настроеніе при такихъ обстоятельствахъ стало снова брать верхъ надъ его опустѣвшею душою.

Однажды монсиньйоръ Кэтсби вынулъ изъ своего портфеля превосходный рисунокъ, изображавшій мадонну. Лотéръ заинтересовался имъ, и на вопросъ, чье это произведеніе, получилъ отвѣтъ, что это — произведеніе Фра'Бартоломео. Но когда монсиньйоръ спросилъ его, не производитъ ли это лицо на него какого-либо особаго впечатлѣнія, не видалъ ли онъ когда-нибудь лицо, похожее на это, то Лотéръ отвѣчалъ отрицательно.

Затѣмъ, монсиньйоръ вынулъ другой образъ мадонны, произведеніе Джуліо, и устремилъ на Лотéра проницательный взглядъ; Лотéръ не обнаружилъ никакого особеннаго впечатлѣнія. Потомъ Кэтсби вынулъ еще одинъ образъ мадонны и продолжалъ наблюдать выраженіе лица Лотéра въ то время, какъ онъ показывалъ ему, одно за другимъ, еще нѣсколько изображеній того же лика, сдѣланныхъ всѣ разными мастерами. Наконецъ, прелатъ показалъ образъ мадонны работы Рафаэля. Глаза Лотéра разгорѣлись, на блѣдныхъ щекахъ его показался румянецъ, онъ самъ взялъ образъ изъ рукъ монсиньйора и приблизилъ его къ себѣ своими дрожащими руками.

— Да, это лицо я помню, прошепталъ онъ; это одинъ изъ тѣхъ типовъ эллинской красоты, которые нерѣдко попадались великому мастеру въ самомъ Римѣ. Прелатъ взглянулъ чрезъ свое плечо назадъ и махнулъ рукою. Тогда немедленно раздались звуки гимна пресвятой дѣвѣ, тихіе звуки чудной мелодіи. Когда Лотéръ проснулся на другой день, онъ нашелъ рисунокъ этой мадонны на столикѣ, у своего изголовья, въ подъемной рамкѣ.

Мало-по-малу, Лотéръ поправлялся и единственнымъ товарищемъ и собесѣдникомъ его въ это время былъ монсиньйоръ Кэтсби, который сталъ выводить и вывозить его на прогулки, но все въ мѣстá уединенныя, и еще въ іезуитскую церковь, отдѣланную съ тѣмъ изяществомъ и роскошью, какими отличаются церкви этого братства. Изболѣвшій умъ Лотéра охотно поддавался успокоительному вліянію искусства, очарованію сладкой и торжественной музыки, превосходныхъ образцовъ живописи, наконецъ вкрадчивымъ бесѣдамъ о вѣчности и о полномъ спокойствіи ума въ лонѣ той церкви, которая освобождаетъ умъ отъ всякихъ заботъ, предоставляя ему самый легкій и спокойный родъ дѣятельности—украшать догматы безусловные игрою воображенія.

Когда онъ достаточно оправился отъ страданій физическихъ, прелатъ свелъ его въ домъ Сентъ-Джеромовъ, которые, какъ оказалось, все еще были въ Римѣ. Клара Арондель настроена была еще религіознѣе и такъ сказать торжественнѣе, чѣмъ когда-либо. Когда Лотéру случалось возвращаться къ событіямъ послѣдняго

времени, то собесѣдники его съ какимъ-то таинственнымъ видомъ кивали головой и махали рукой, и онъ постоянно былъ прерываемъ такимъ возраженіемъ, что «теперь еще не время говорить о *такихъ* вещахъ», что Лотѣръ «еще недостаточно укрѣпился, чтобы можно было объяснить ему *все* случившееся». Такія возраженія заключали въ себѣ нѣчто въ родѣ намека на что-то таинственное и Лотеру не вполнѣ извѣстное.

Въ церкви іезуитовъ онъ не безъ нѣкотораго удивленія увидалъ тотъ самый образъ мадонны, котораго рисунокъ показывалъ ему прелатъ; и передъ произведеніемъ Рафаэля горѣло множество свѣчъ. Однажды, въ церкви, прелатъ сказалъ ему: «Здѣсь есть люди, которые желали бы поцѣловать ваши руки или хотя бы прикоснуться края вашей одежды. Вамъ это можетъ показаться докучливымъ, но это естественно, такъ какъ люди эти, можетъ быть, первый разъ въ жизни встрѣчаются съ человѣкомъ, которому была явлена столь великая благодать».

— Мнѣ явлена благодать? спросилъ Лотѣръ; а мнѣ кажется, что я напротивъ самый заброшенный изъ всѣхъ людей.

— Т-шъ, успокоивалъ его прелатъ; намъ не слѣдуетъ еще пока говорить объ *этихъ* вещахъ, а между тѣмъ нѣсколько человѣкъ приблизились и смотрѣли на Лотера съ выраженіемъ величайшаго любопытства и почитанія.

Наконецъ Лотѣръ узналъ, что женщина, покрытая вуалью, которую онъ видѣлъ у своей постели, въ промежуткахъ своего бреда, во время тяжелой болѣзни, была Клара Арондель и что пока была опасность, миссъ Арондель ухаживала за нимъ, какъ сестра милосердія.

Въ первый разъ, когда онъ обратился къ ней, въ салонѣ княгини Тарцея-Чинкве-Чента, миссъ Арондель обнаружила нѣкоторую принужденность. Однако она подала ему руку. Посмотрѣвъ задумчиво въ ея чудные, лиловые глаза, онъ сказалъ:

— «Вы призывали меня встрѣтить васъ въ Римѣ; и вотъ я— здѣсь.

— Я призывала васъ не только къ этому, отвѣчала она съ нѣкоторымъ колебаніемъ и краснѣя. Но потомъ, какъ бы сдѣлавъ надъ собой усиліе, для исполненія долга гораздо болѣе высшаго значенія, чѣмъ какія-либо личныя настроенія, она прибавила:—И я надѣюсь, что вы еще и все то исполните, какъ-то подобаетъ человѣку, удостоенному великой благодати.

— Я былъ удостоенъ вашимъ милосердіемъ, сказалъ Лотѣръ; и ему я обязанъ спасеніемъ моей жизни, и болѣе чѣмъ жизни. Да, продолжалъ онъ, не здѣсь мѣсто выразить вамъ мою благодарность за все то, что вы сдѣлали для меня, но я не могу

сдержать порывовъ моего сердца, хотя и чувствую, что выраженіе ихъ никогда не будетъ на уровнѣ съ вашимъ подвигомъ.

— Я только была орудіемъ высшей воли.

— Мы всѣ только орудія въ рукахъ высшей воли, но тѣ орудія, которыя ей угодно избрать, бываютъ именно избранныя.

— Да, да, вотъ это правда, сказала Клара Арондель, и я радуюсь, что вы сознаете это. Невозможно допустить, чтобы подобное избраніе, какъ то, котораго стали предметомъ вы, состоялось безъ предназначенія васъ для великихъ дѣлъ.

— Я дѣятель слишкомъ изнеможенный для совершенія такихъ дѣлъ, покачивая головою, отвѣчалъ Лотéръ.

— Нѣтъ, вы только прошли чрезъ испытанія. Такъ было и со св. Игнатіемъ, и со св. Францискомъ; вы прошли чрезъ искушенія и испытанія; но они только пробный камень характера, силы воли, могущества духа — проба того чистаго золота, какое требуется для служенія. Все это было направлено къ той цѣли, дабы вы сдѣлались защитникомъ той церкви, которой вы уже теперь — болѣе, чѣмъ сынъ.

— Болѣе чѣмъ сынъ?

— Истинно такъ. Однако здѣсь ни поводъ, ни мѣсто не соотвѣтствуютъ такимъ предметамъ; я знаю, что ваши—они же и мои—друзья не хотятъ нарушать постепеннаго возстановленія вашихъ силъ такими мыслями, которыя, хотя и сладостны, однако могутъ взволновать васъ. Но вы сами неожиданно коснулись этого предмета и простите мнѣ, помня ту мою, невыгодную для другихъ сторону, что я вѣчно занята одною мыслью.

— Чѣмъ бы вы ни были заняты, я принимаю въ томъ участіе.

— Вы очень любезны. Вы вѣрно уже слышали, что нашъ кардиналъ, кардиналъ Грандисонъ скоро пріѣдетъ въ Римъ?»

Кардиналъ Грандисонъ—опекунъ Лотéра—вскорѣ пріѣхалъ въ Римъ. Еще раньше его пріѣхалъ туда же новый кардиналъ—кардиналъ Бёрвикъ, тотъ самый прелатъ, котораго мы встрѣчаемъ въ началѣ романа. Монсиньйоръ Бёрвикъ былъ главнымъ дѣятелемъ, побудившимъ императора французовъ къ возвращенію войскъ въ Римъ, и за этотъ подвигъ получилъ кардинальскую шапку.

Лотéръ поправился и проводилъ время, пожалуй и удовлетворительно для своего тогдашняго настроенія, такъ какъ цѣли въ жизни у него уже не было и онъ желалъ только спокойствія. Но его все-таки начинало мучить сознаніе, что онъ какъ будто— въ плѣну. У него не было ничего своего, ни дома, ни времени, ни денегъ. Всю его корреспонденцію велъ прелатъ, который вѣчно былъ его собесѣдникомъ и всегдашнимъ спутникомъ. Лотéръ былъ радъ встрѣтиться съ кардиналомъ Грандисономъ и

объяснилъ ему неловкость своего положенія. Тогда спутникомъ его сдѣлался самъ кардиналъ. Онъ возилъ своего «сына» къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ римской куріи, напр. къ кардиналу-префекту Пропаганды и знакомилъ его съ разными учрежденіями католическаго міра. Само собою разумѣется, что тутъ уже доброму кардиналу пришлось коснуться и нѣкоторыхъ «трудныхъ пунктовъ» католическаго воззрѣнія, напр. инквизиціи. По его словамъ, римская инквизиція имѣетъ чисто-теологическое, доктринарное назначеніе, и всегда имѣла только такое назначеніе. Ужасы же испанской инквизиціи — какъ и слѣдовало ожидать — «страшно преувеличенные еретиками-протестантами и безбожниками-революціонерами» — онъ объяснялъ собственно природной жестокостью испанской расы, «которой кровь была отравлена примѣсью крови мавританской и жидовской». Кардиналъ даже старался увѣрить Лотсра, что испанская церковная инквизиція спасла Испанію, ибо безъ ея «смягчительнаго» вліянія, Испанія совершила бы еще и не такіе ужасы, а просто обратилась бы въ страну хищныхъ звѣрей; что сама испанская инквизиція старалась, посредствомъ апеляцій къ Риму, спасать жертвы національной лютости и такъ далѣе. Надо признаться, что эти объясненія слишкомъ нелѣпы не только сами по себѣ, но и въ устахъ такого высокоумнаго хитреца, какимъ Дизраэли хочетъ представить кардинала Грандисона.

Нѣчто таинственное все еще не было объяснено Лотеру; а между тѣмъ для празднованія этого чего-то таинственнаго подготовлено было особое торжество. Главной участницею въ этомъ торжествѣ была избрана Клара Арондель. Тѣмъ труднѣе стало для Лотера отказаться отъ участія въ немъ. Онъ наконецъ уступилъ просьбамъ кардинала и леди Сентъ-Джеромъ.

Монсиньйоръ Кэтсби условился съ Лотеромъ, что они войдутъ въ церковь іезуитовъ вмѣстѣ, чрезъ тѣ малыя двери, въ которыя они обыкновенно входили въ нее и прежде. Поэтому, когда они вошли, Лотеръ съ изумленіемъ увидѣлъ, что церковь была наполнена народомъ, такъ что не оставалось свободнаго мѣста.

— Гдѣ-же намъ помѣститься? спросилъ Лотеръ.

— Насъ ожидаютъ въ сакристіи, отвѣчалъ прелатъ.

Сакристія іезуитской церкви св. Георгія каппадокійскаго была такъ пространна, какъ бальный залъ какого-нибудь дворца. Ея высокій плафонъ, испещренный золотыми желобками, былъ населенъ всѣмъ царствомъ небеснымъ. Надъ широкимъ, роскошно-вызолоченнымъ карнизомъ ея витали группы серафимовъ, которые

могли быть приняты и за купидоновъ Альбано. Въ самой сакристіи и сосѣднихъ покояхъ собралось большое общество кардиналовъ и прелатовъ, и всякихъ высокопоставленныхъ правительственныхъ лицъ, которые собирались чрезъ нѣсколько минутъ двинуться въ торжественной процессіи кругомъ всей внутренности церкви.

Лотéръ почувствовалъ нервное возбужденіе; на него нашло какое-то необъяснимое смущеніе, подобное тому, какому подвергаются кандидаты на выборахъ, въ ту минуту, когда они вступаютъ въ полное собраніе своего избирательнаго комитета. Къ нему подходили, съ поклономъ, важныя лица — кардиналъ-префектъ Пропаганды, кардиналъ-ассесоръ Sant'Uffizio, кардиналъ про-датарій, и кардиналъ—римскій викарій. Монсиньйоры—статсъсекретарь государственныхъ грамотъ и интендантъ апостольскаго дворца — были представлены ему. Еслибы это былъ конклавъ, а Лотéръ—будущій папа, то и тогда ему оказали бы не больше почестей. Они разсыпались передъ нимъ въ увѣреніяхъ, что считаютъ этотъ день самымъ знаменательнымъ днемъ въ своей жизни, и что значеніе этого дня для самой церкви выше всякаго преувеличенія. Все это нѣсколько ободрило его, и онъ нѣсколько успокоился; но вотъ произошло общее движеніе, показавшее, что обрядъ начинается. Казалось довольно трудно управлять движеніемъ столь значительнаго и столь высокаго собранія, но ими управляли люди опытные въ такихъ дѣлахъ. Священнослужители и кадильщики заняли свои мѣста въ процессіи; хоругви и большіе золотые кресты слѣдовали одни за другими, казалось, безъ числа; за ними шло большое собраніе прелатовъ — длинный багряный рядъ, въ которомъ одни были въ ризахъ, другіе только въ подризникахъ, а нѣкоторые въ митрахъ. За прелатами показалась новая хоругвь пресвятой Дѣвы, и всѣ взоры устремились на эту хоругвь. Позади этой хоругви, окруженные облакомъ ѳиміама, шли двое прекраснѣйшихъ дѣтей Рима, одѣтыя на подобіе ангеловъ; въ рукахъ у мальчика была іерихонская роза, а дѣвочка держала лилію. Потомъ тянулся рядъ женщинъ, одѣтыхъ въ черномъ, съ вуалями, и за ними показалась одинокая фигура женщины, которой покрывало достигало пола.

— Теперь намъ слѣдуетъ идти, сказалъ монсиньйоръ Кэтсби Лотéру, и нѣжно, но очень рѣшительно двинулъ его на назначенное ему мѣсто. Вы обѣщали содѣйствовать ей, сказалъ прелатъ, вручая Лотéру зажженную свѣчу; — это такъ принято, прибавилъ онъ при этомъ, и надо избѣгать, чтобы не показаться страннымъ.

Такъ шли они, сопровождаемые римскими князьями, которые

несли балдахинъ. А позади ихъ торжественно слѣдовали кардиналы въ мантіяхъ, которыхъ шлейфы несли пажи, съ артистическимъ умѣньемъ слагавшіе складки ихъ лиловыхъ мантій.

Когда голова процессіи выступила изъ сакристіи въ церковь, раздались звуки трехъ органовъ и хора, составленнаго изъ лучшихъ пѣвцовъ всѣхъ церквей Рима, и загремѣлъ торжественный Te Deum. Величественная процессія обошла церковь и придѣлы, и возвратилась къ центру церкви. Тогда предпрестольныя рѣшетки растворились и кардиналы взошли на свои сѣдалища вкругъ алтаря, пажи ихъ присѣли у ногъ ихъ, прелаты соединились въ одну группу, а хоругви и кресты установились поодаль, всѣ рядомъ, кромѣ новой хоругви Богоматери, которою осѣнился сверху самый алтарь.

— Вотъ ваше мѣсто, сказалъ монсиньйоръ Кэтсби, приведя Лотéра къ возвышенію.

Служба продолжалась немалое время, но чудесная музыка, тончайшіе ароматы и изящныя движенія священниковъ, одѣтыхъ въ великолѣпныя ризы, движенія безпрестанно измѣнявшіяся, поддерживали интересъ обряда. Когда онъ былъ оконченъ, монсиньйоръ Кэтсби сказалъ Лотéру: «Я думаю, намъ лучше выйти чрезъ главный входъ; кажется, этого ожидаютъ».

Выйти изъ церкви было не такъ-то легко. Лотéръ былъ останавливаемъ на пути и принялъ поздравленія отъ княгини Тарпея-Чинкве-Чento и многихъ другихъ. Толпа, которой вниманіе было привлечено каретами кардиналовъ, не уменьшилась, когда выходили Лотéръ съ прелатомъ и имъ пришлось подождать съ минуту на ступеняхъ паперти, причемъ Лотéръ все предлагалъ идти, а монсиньйоръ медлилъ.

Наконецъ, онъ сказалъ: «Кажется, теперь ужъ можно идти», и они сошли на площадь. Тогда множество людей наиболѣе близкихъ къ нимъ упали на колѣна, и многіе изъ нихъ просили у Лотéра благословить ихъ, а нѣкоторые бросались цѣловать край его одежды.

На слѣдующее утро, Лотéръ нашелъ у себя на столѣ римскую газету, которая постоянно подавалась ему. Бросивъ на нее разсѣянный взглядъ, онъ вдругъ увидѣлъ въ ней свое имя. Тогда онъ началъ пристально читать и по мѣрѣ того, какъ чтеніе его подвигалось, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, сердце его стучало, дрожали руки, пробивался холодный потъ и наконецъ потемнѣло въ глазахъ. Въ газетѣ было описано вчерашнее торжество. Вотъ сущность длинной статьи, посвященной этому предмету:

«Вчерашнее торжество было посвящено прославленію величайшаго событія нашихъ дней. Оказывается, что нѣкій англійскій молодой дворянинъ, высокаго рода (излагались титулы Лотéра), подобно многимъ изъ благородныхъ своихъ соотечественниковъ, поступилъ волонтеромъ въ войско св. отца, для отраженія недавняго вторженія тайныхъ обществъ безбожія. Этотъ храбрый юноша, показавъ чудеса храбрости въ защитѣ святого дѣла церкви, палъ при Ментанѣ, въ числѣ другихъ благородныхъ воиновъ ея, и былъ сочтенъ мертвымъ. Черезъ день послѣ битвы, одна англійская госпожа, дочь знаменитаго дома, славнаго вѣковою преданностью св. престолу, вмѣстѣ съ другими сестрами милосердія, прислуживала своимъ раненымъ соотечественникамъ въ госпиталѣ «La Consolazione». Вдругъ она почувствовала легкое прикосновеніе къ своему плечу, и обернувшись, увидѣла жену чудной красоты, коей черты были запечатлѣны необычайной сладостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величіемъ. И жена сія рекла ей: «Ты печешься о тѣхъ британцахъ, кои вѣруютъ въ дѣву Марію. Знай же, что въ больницѣ «св. Троицы пилигримовъ» лежитъ теперь молодой британецъ, по наружности мертвый, но ты гряди къ нему и повѣдай, что приходъ твой отъ имени дѣвы Маріи, и тогда онъ не умретъ».

«Благочестивая англичанка, взявъ съ собою одну изъ сидѣлокъ и привратника, пошла въ лазаретъ пилигримовъ и тамъ, согласно бывшему ей гласу, обрѣла безчувственное тѣло юноши, въ которомъ благородная англичанка признала своего храбраго соотечественника. Она потребовала его себѣ, именемъ пречистой Дѣвы, и преподавъ ему надлежащія лекарства, унесла его къ своимъ родителямъ, живущимъ въ палаццо Агостини.

«По маломъ времени распространился слухъ о бывшемъ явленіи и были разныя неосновательныя догадки. Полагали, что приходившая жена была Марія-Серафима Де-Анджелисъ, благообразная супружница нѣкоего портного. Но вскорѣ оказалось: первое—она въ тотъ день отсутствовала изъ Рима, а второе—что она вовсе не была похожа на ту незнакомую жену, которая явилась сообщить извѣстіе о раненомъ. Тоже видѣніе было и двумъ служителямъ алтарей, нисходившихъ съ лѣстницы. Они послѣдовали за нею и видѣли, какъ встрѣтивъ двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, она дала имъ розу и лилію. Дѣти потомъ передали ея при томъ слова: «храните цвѣты эти, въ воспоминаніе; они никогда не увянутъ». И цвѣты, дѣйствительно, не увяли и понынѣ находятся въ первоначальной своей свѣжести подъ стекломъ въ придѣлѣ пресв. Дѣвы въ принадлежащей отцамъ-іезуитамъ церкви св. Георгія каппадокійскаго»...

Затѣмъ сообщалось,что консульта инквизиціи заботливо провѣрила всѣ показанія и свидѣтельства объ этомъ чудесномъ явленіи, и что при вчерашнемъ торжественномъ служеніи для прославленія этого чуда, взоры всѣхъ естественно устремлялись на Лотера, какъ на человѣка, избраннаго благодатью изъ всѣхъ нынѣ живущихъ смертныхъ.

Напрасно будетъ описывать отчаяніе Лотера, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ совершенно-безвыходномъ положеніи, въ которое поставилъ его заговоръ, и которое онъ наконецъ, какъ бы самъ призналъ за собою своимъ участіемъ въ торжествѣ на глазахъ всего народа.

Само собою разумѣется, что въ англійскихъ газетахъ вскорѣ явилась статейка въ такомъ родѣ: «Намъ пишутъ изъ Рима, что одинъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ лордъ—(прозрачное сокращеніе имени Лотéра) переходитъ въ католичество и уже участвовалъ въ торжественномъ римскомъ служеніи, съ зажженою свѣчею въ рукахъ».

Но однажды, когда Лотéръ въ глубокомъ отчаяніи сидѣлъ, одинокій, въ какихъ-то развалинахъ, и ему было видѣніе — видѣніе Теодоры и послышался ея голосъ, напоминавшій ему о данномъ ей обѣтѣ. «Remember!» и она бросила на него одинъ изъ своихъ свѣтлыхъ, спокойныхъ взглядовъ.

Тогда онъ вернулся домой, взялъ что было у него денегъ, и снова скрылся изъ дому, направившись изъ Рима къ берегу моря. Тамъ онъ нашелъ лодку и прельстивъ хозяина ея дорогою платой—подвергнуться опасности выхода въ широкое море, уплылъ отъ слишкомъ гостепріимнаго римскаго берега.

Лотéръ присталъ къ Мальтѣ и тамъ сталъ подъ покровительство и попеченіе знакомаго своего, великаго профессора живописи Феба, и послѣдовалъ за нимъ на принадлежавшій этому арійцу островъ на Эгейскомъ морѣ, гдѣ мистеръ Фебъ жилъ посреди арійской природы, съ арійскими обычаями и англійскою роскошью. Вскорѣ мистеръ Фебъ получилъ изъ Петербурга чрезъ русскаго посла въ Константинополѣ весьма неправдоподобныя предложенія. «Депеша,—говоритъ бывшій англійскій премьеръ,—заключала въ себѣ предложеніе г. Фебу прибыть къ с.-петербургскому двору, для принятія весьма высокаго назначенія и жалованья. Его нисколько не стѣсняли въ независимой его артистической дѣятельности, и предлагали ему очень

большое содержаніе, должность придворнаго живописца, и мѣсто президента академіи художествъ». Ему даже обѣщали патентъ на дворянство и нѣкоторый высокій орденъ, если онъ только прибудетъ въ Россію. При этомъ ему, въ случаѣ согласія, прежде всего поручали съѣздить въ Іерусалимъ и написать тамъ картину—прибытіе православныхъ поклонниковъ въ Іерусалимъ.

Мистеръ Фебъ весьма былъ склоненъ получить русскіе титулы. Но его смущало, во-первыхъ, то обстоятельство, что вмѣсто арійскаго сюжета ему предлагали сюжетъ «семитическій», во-вторыхъ то, что ему, арійцу, приходилось бы, въ случаѣ принятія такихъ блестящихъ предложеній, переселиться въ страну, обитаемую «монгольскою расою».

— «Не знаю еще,—задумчиво говорилъ онъ Лотéру,—чѣмъ они хотятъ меня сдѣлать. Вѣроятно барономъ, не больше, можетъ быть графомъ. Но въ Россіи, знаете, можно сдѣлаться княземъ, не родившись имъ. Еслибъ сдѣлали княземъ, тогда жена моя, урожденная Кантакузенъ, ничѣмъ бы не была обязана своей фамиліи, нося княжескій титулъ и по мужу...... И какой-такой орденъ обѣщаютъ они? «Высокій орденъ» —весьма неопредѣленно. Можетъ быть звѣзду Александра Невскаго......»

Мистеръ Фебъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, а Лотéръ поѣхалъ съ нимъ и тамъ отчасти исцѣлился отъ послѣдняго нравственнаго потрясенія, т.-е. отъ своего римскаго плѣна, въ которомъ все было чудесно, какъ спасеніе его отъ смерти, такъ и спасеніе его отъ сѣтей прелатовъ.

Возвратясь въ Англію, Лотéръ женился на леди Коризондѣ, дочери герцога Брентама, отбивъ ее у соперника, герцога Брикона. Клара Арондель пошла въ монастырь. Такимъ образомъ, Лотéръ избѣгнулъ фанатическихъ козней, въ которыхъ участвовали повидимому всѣ кардиналы, монсиньйоры и патеры главнаго штаба духовной папской арміи.

Если Лотéръ—маркизъ Бютъ, то слѣдуетъ ожидать, что и этотъ нобльменъ возвратится къ протестантизму. Недавно газета «Pall-Mall», которая первая сообщила о его совращеніи, извѣстила, что обратный переходъ маркиза въ самомъ дѣлѣ предвидится. Остается ожидать подтвержденія и пожелать, чтобы высокоблагородный маркизъ не нуждался въ спеціальномъ чудѣ для спасенія отъ вѣры въ чудеса.

Л. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Причины безсилія государствъ.—Чему учитъ примѣръ Франціи.—Наше внутреннее положеніе.—Вопросъ о вмѣшательствѣ.—Новая брошюра генерала Фадѣева.—Училищный фондъ черниговскаго земства.—Новое городовое положеніе.—Гарантіи городской самостоятельности.—Начало избирательнаго закона.—Пробѣлы положенія.—Закрытіе выставки.—Нижегородская ярмарка.

Неожиданные, внезапные удары, одинъ за другимъ постигшіе Францію, повергли наше общество въ изумленіе и даже нѣкоторое безпокойство. Нашлись непризванные стратеги, которые выступаютъ на помощь слабѣйшему, своими сочувствіями, а одинъ — кн. Урусовъ въ Москвѣ—даже совѣтами французскимъ главнокомандующимъ, съ подробными, весьма категорическими указаніями, съ приложеніемъ карты, на которой означена рекомендуемая маршалу Мак-Магону позиція, па подобіе тѣхъ картъ, которыя рисуются зонтиками на пескѣ стратегами петербургскими, болѣе скромными. Мало того, нѣкоторыя газеты уже начинаютъ проводить мысль, что Россія не допуститъ, не должна допускать какого бы то ни было разчлененія Франціи, а другія заботливо анализируютъ всякую статейку прусскихъ правительственныхъ органовъ, отыскивая въ нихъ честолюбивые замыслы и указывая обществу на всю опасность для насъ возрастанія германскаго могущества, наводятъ на неизбѣжную мысль, что Россіи слѣдовало бы предпринять что-нибудь, дабы обезопасить себя насчетъ такого возрастанія нѣмецкой силы.

Итакъ, есть симптомы, что по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть нашего общества не совсѣмъ терпѣливо переноситъ полное бездѣйствіе нашей политики и готова склониться къ вмѣшательству Россіи если не непосредственно въ войну, то въ такія дипломатическія мѣры предосторожности, которыхъ послѣдствіемъ очень легко могло быть вовлеченіе Россіи въ борьбу. Такихъ политиковъ увлекаютъ при этомъ двѣ мысли: обезопасить себя противъ непомѣрнаго возрастанія нѣ-

мецкаго могущества и при этомъ случаѣ — забрать славянъ въ цѣлости или хотя бы частью.

Мы не станемъ теперь разбирать, въ какой мѣрѣ эти двѣ мысли могли бы совмѣститься на практикѣ. Но мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что такія поползновенія въ части общества проявляются или встрѣчаютъ сочувствіе. Такая склонность къ воинскимъ подвигамъ происходитъ ли оттого, что въ нашемъ національномъ характерѣ есть черта Катона, и что намъ victa placuit causa? Но Катона проигранное дѣло касалось прямо, а насъ оно прямо никакъ не касается. Не будетъ ли сообразнѣе съ правдою нашихъ обстоятельствъ видѣть вь соотечественникахъ, сочувствіями своими порывающихся на бой дальній, тѣхъ крыловскихъ мужичковъ, которые «судили да рядили» о войнѣ съ Китаемъ, забывъ о щахъ и кашѣ, составлявшихъ непосредственный интересъ минуты?

Говоря такъ, мы очень далеки отъ того, чтобы отрицать естественность и разумность того интереса, съ какимъ русское общество слѣдитъ за событіями нынѣшней войны. Мы отвергаемъ только неразумные порывы къ дѣятельности въ чужомъ дѣлѣ и требуемъ для Россіи мира, безусловнаго мира. Что касается разумнаго интереса къ фактамъ происходящей на глазахъ нашихъ исторіи, то его мы не только не отвергаемъ, но даже радуемся ему.

Радуемся ему, во-первыхъ, потому, что прежде всего видимъ въ немъ признаки нѣкотораго умственнаго успѣха. Если вспомнить то равнодушіе и апатическое непониманіе, съ какимъ масса нашего такъ-называемаго образованнаго общества относилась къ европейскимъ событіямъ 1848 года, гораздо болѣе интереснымъ, чѣмъ простая война, то нельзя не радоваться нынѣшнему интересу къ судьбамъ Европы, который можетъ служить новымъ признакомъ, что умственные интересы въ нашемъ обществѣ укрѣпились, что политическія идеи принимаются имъ ближе къ сердцу и стали понятнѣе массѣ общества, чѣмъ было двадцать лѣтъ тому назадъ.

Во-вторыхъ, участіе, какое чувствуетъ наше общество къ фактамъ современной исторіи Европы, радуетъ насъ еще въ томъ предположеніи, что умамъ развитымъ и безпристрастнымъ удастся вывесть изъ настоящихъ событій уроки, не безполезные для насъ самихъ.

Чему научаетъ насъ постигшій несчастную Францію такъ неожиданно рядъ пораженій? Что сама матеріальная сила народа не можетъ преуспѣвать независимо отъ его нравственнаго положенія. Система, подавлявшая восьмнадцать лѣтъ всякую самостоятельность общества, отрицавшая у него даже свободу голоса, не дававшая ему свободы совѣщаній, учившая его, что истинный прогрессъ заключается въ прогрессѣ промышленномъ и полицейскомъ, въ томъ, чтобы настроилось вдругъ какъ можно болѣе желѣзныхъ дорогъ, чтобы въ го-

родахъ исправно чинилась мостовая и всѣ по возможности улицы освѣщались газомъ, а другую важнѣйшую сторону прогресса указывавшая въ прогрессѣ вооруженій, во введеніи новыхъ системъ ружей, удовлетворяя раціональнымъ требованіямъ собственно въ примѣненіи къ перестройкѣ крѣпостныхъ верковъ — такая система оказалась несостоятельною даже для прямой заявленной ею цѣли: для увеличенія вооруженной и вообще матеріальной силы страны. Отсутствіе свободы слова и собраній поддерживало фаворитизмъ, то-есть неспособность и нечестность. Заботливая охрана правительствомъ цѣлости своей власти пріучала массу народа къ апатіи, а просвѣщенное меньшинство—къ недовѣрію и недовольству. Общимъ результатомъ такой системы было приниженіе умственнаго уровня въ странѣ, отсутствіе истинно-способныхъ людей въ рядахъ ея оффиціальныхъ дѣятелей, и самообольщеніе насчетъ своихъ силъ, незнаніе своихъ недостатковъ, теорія безусловно-непобѣдимыхъ gloire и valeur française, сходная съ теоріею «забрасыванья шапками».

Вотъ главный урокъ, какой даютъ намъ нынѣшнія событія. Урокъ этотъ для насъ не совсѣмъ новъ. Но уроки забытые повторять не мѣшаетъ и надо пользоваться ими и тогда, когда они повторяются на чужой счетъ, не дожидаясь собственнаго болѣзненнаго опыта для уразумѣнія тѣхъ недостатковъ, какіе могли еще уцѣлѣть у насъ отъ прежняго времени. Не воевать намъ слѣдуетъ, а учиться. Иные люди, когда говорятъ о возможности войны, спрашиваютъ только о томъ, много ли у насъ готово ружей, заряжающихся съ казны, и нужныхъ къ нимъ патроновъ, и когда слышатъ въ отвѣтъ, что ружей Карлея, Крынка и Бердана у насъ уже готово 400 тысячъ, что патроновъ выдѣлывалось до сихъ поръ ежедневно полмилліона, а теперь выдѣлывается ежедневно по 600 тысячъ, наконецъ, что у насъ есть и митральёзы и что уже формируются составляемыя изъ нихъ скорострѣльныя батареи — то вполнѣ убѣждаются, что наши планы въ войнѣ совершенно обезпечены. Но Франція имѣла скорострѣльныхъ ружей больше нашего: увѣряла себя, что у нея ихъ болѣе милліона, и дѣйствительно имѣла ихъ 600 тысячъ, съ количествомъ патроновъ уже вполнѣ достаточнымъ. Имѣла она и митральёзы.

Наша желѣзно-дорожная сѣть составляетъ, конечно, очень большое стратегическое преимущество противъ временъ восточной войны; благодаря ей, на каждый пунктъ легче сосредоточить свободныя силы. Но Франція, которой пространство несравненно меньше, имѣла больше нашего желѣзныхъ дорогъ. Города ея лучше вымощены и освѣщены, чѣмъ наши.

Наши послѣднія реформы, безспорно, имѣютъ великое значеніе для насъ; онѣ обновили нашу жизнь. Но и онѣ не дали намъ ничего та-

кого, чего бы Францiя уже не имѣла. Мало того, реформы эти во Францiи уже давно принялись и совершились.

Правда, мы передъ современною Францiею имѣемъ одно весьма важное преимущество: взаимное довѣрiе между народомъ и правительствомъ. Но взаимное *довѣрiе* само по себѣ только чувство, способное возбудить взаимное *содѣйствiе* только тогда, когда уже наступили чрезвычайныя обстоятельства. Тогда у насъ это взаимное довѣрiе обнаружится тѣмъ, что правительство безъ всякаго опасенiя дастъ оружiе народному ополченiю, а народъ пойдетъ въ ополченiе по зову правительства. Но не такъ важно то взаимное содѣйствiе, которое выражается порывами въ исключительныя минуты и производитъ, предъ самымъ лицомъ опасности, ополченiя болѣе или менѣе пригодныя для дѣла,—какъ то взаимное содѣйствiе, которое существуетъ постоянно, которое запечатлѣваетъ собою всѣ отправленiя страны въ нормальное время, возвышаетъ духъ гражданъ, очищаетъ административные нравы, выводитъ на первый планъ личныя дарованiя, приготовляетъ исподоволь дѣятелей самоотверженныхъ и способныхъ, равныхъ своему призванiю въ моментъ великаго народнаго испытанiя, освѣщаетъ правительству дѣйствительные интересы и всей страны и всѣхъ ея мѣстностей, и обезпечиваетъ ихъ успѣшное удовлетворенiе.

Одушевленная довѣрiемъ къ правительству общественная самостоятельность, обезпеченный голосъ и контроль страны въ ея дѣлахъ, съ отложенiемъ въ сторону всякихъ опасенiй наверху и всякихъ недоумѣнiй внизу—вотъ что мы называемъ нормальнымъ взаимодѣйствiемъ, оплодотворяющимъ малопроизводительное безъ этихъ условiй, хотя и несомнѣнное и непоколебимое взаимное чувство довѣрiя, которымъ мы справедливо могли бы гордиться.

Напрасно было бы полагать, что всѣ дѣла устроятся сами собою, если масса народа искренно привержена къ правительству, а правительство одушевлено намѣренiями на благо народа, и засыпать на этой мысли въ сладкомъ самозабвенiи. Нашъ внутреннiй кризисъ, кризисъ, дающiй благодѣтельныя обѣщанiя, но сопряженный съ огромными трудностями, еще далеко не кончился. Положенiе важнѣйшей изъ нашихъ реформъ — дѣла освобожденiя крестьянъ еще таково, что нельзя не предвидѣть необходимости жертвъ со стороны всего государства. Истощенiе земли, малоразвитость промысловъ и тяжесть податей не оставляютъ надежды, что крестьяне, обремененные выкупными платежами, вынесутъ это новое бремя и поправятъ свое хозяйство. Съ каждымъ годомъ становится яснѣе, что государство должно будетъ оказать крестьянамъ облегченiе. Вотъ уже важная задача для правильнаго содѣйствiя всей страны правительству.

Задача эта тѣсно связана съ положенiемъ нашихъ финансовъ. Она предполагаетъ новыя жертвы, а между тѣмъ финансы наши и безъ

того находятся въ довольно-трудномъ положеніи. Мы можемъ утѣшать себя мыслью—если это утѣшительно—что мы платимъ въ казну почти полмилліярда рублей въ годъ. Но вѣдь изъ этого полумилліярда цѣлая четверть пропадаетъ или, что тоже, цѣны возвышаются въ равномъ этому размѣрѣ. А на это возвышеніе цѣнъ постоянно указывается во всеподданнѣйшихъ докладахъ г. министра финансовъ, при представленіи ежегоднаго бюджета. Между тѣмъ идутъ своимъ чередомъ займы внутренніе и внѣшніе на окончаніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая одна подаетъ надежды на усиленіе производительности страны.

Изъ всего этого положенія, хотя и не представляющаго опасности непосредственной, но могущаго представить огромныя затрудненія, если мы вдадимся въ войну, нѣтъ исхода внѣ того правильнаго содѣйствія страны начинаніямъ правительства, о которомъ мы говоримъ. Тоже самое должно сказать и о положеніи нашихъ западной и прибалтійской окраинъ, которое все еще не нормально, неопредѣленно и даже таинственно. То содѣйствіе общества правительству, какое представляется судебною, земскою и новою городскою реформами, не дастъ намъ исхода изъ этого положенія уже потому, что всѣ эти учрежденія къ финансовымъ дѣламъ, а стало быть и къ сущности нынѣшняго положенія крестьянскаго дѣла, не имѣютъ отношенія, а сверхъ того окраинъ эти реформы и не касаются и въ нихъ не дѣйствуютъ. Къ этому исключительному положенію окраинъ мы еще возвратимся ниже.

Для постеннаго, успѣшнаго, вѣрнаго и окончательнаго исхода изъ всѣхъ этихъ затрудненій, для полнаго завершенія и закрытія внутренняго кризиса, необходимо было бы слышать откровенный голосъ всей страны, передъ авторитетомъ котораго должны будутъ смолкнуть представители исключительныхъ интересовъ на окраинахъ. Но призвать и выслушать необходимо и ихъ, и необходимо, чтобы они имѣли случай стать лицомъ къ лицу съ органомъ всей Россіи. Печати, которая могла бы сдѣлать въ смыслѣ представительства желаній далеко не все, однако многое, необходимо для этого нѣчто болѣе, чѣмъ простая терпимость. При такомъ положеніи, какъ бы снисходительна ни была практика надзора за печатью,—а мы охотно признаемъ, что при нынѣшнемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ практика надзора снисходительнѣе, чѣмъ была передъ нимъ,—печать не можетъ говорить ни въ общемъ, ни въ частныхъ случаяхъ съ откровенностью, именно о тѣхъ предметахъ, которые въ умѣ у всякаго русскаго. Добросовѣстные органы воздерживаются въ виду вліятельнаго нежеланія, чтобы они касались того или другого, и скромно сознаютъ всю жалкость своего положенія въ такихъ случаяхъ, сознаютъ, что они вовсе не имѣютъ достоинства представителей общественной думы. Недобросовѣстные же органы вымѣщаютъ этотъ пробѣлъ «натравливаньемъ», и такимъ об-

разомъ стараются убѣдить себя и другихъ, что они—сила, имѣющая политическое значеніе.

При тѣхъ лишнихъ затрудненіяхъ, какія мы имѣемъ сравнительно съ западными государствами, и при отсутствіи многаго того, что они имѣютъ и что даетъ имъ неизвѣстную намъ силу,—можетъ ли добросовѣстный человѣкъ допускать мысль о нашемъ вмѣшательствѣ въ великую войну? Если правда, что у пруссаковъ побѣждаетъ «народный школьный учитель» (Volksschullehrer), а не генералы, то кто же будетъ побѣждать у насъ? Но не желая неуспѣха нашего оружія, мы не можемъ желать и вовсе, чтобы оно было употреблено въ дѣло потому, что и отъ успѣха его не можемъ предвидѣть для Россіи ничего особенно хорошаго. Теорію, что военная неудача учитъ общество уму-разуму и потому иногда желательна—мы отвергаемъ съ негодованіемъ. А удача, въ лучшемъ случаѣ, только распространила бы одно изъ главныхъ нашихъ затрудненій—несплошность, отчужденность нашихъ окраинъ отъ общаго государственнаго организма.

Разсудительному человѣку, когда онъ остановитъ свое вниманіе на смыслѣ нашего внутренняго положенія, и вникнетъ во всѣ тѣ затрудненія, которыя еще тормозятъ нашъ путь, непремѣнно покажутся противны тѣ «отводчики глазъ», которые вѣчно толкуютъ ему о величіи и о средствахъ вящше возвеличить это величіе. Когда онъ призадумается надъ тѣми многообразными внутренними трудностями и задачами, которыхъ мы коснулись, и вдругъ ему явится генералъ Фадѣевъ съ приглашеніемъ «возсоздать славянскій міръ», пріобрѣсть «первенство въ старомъ свѣтѣ», и поставитъ передъ нимъ альтернативу — «славянство или Туранъ», навѣрное сдѣлается нѣсколько досадно. Досадно, какъ тому рабочему семьянину, который призадумался, какъ бы ему свести концы съ концами, какъ бы воспитать дѣтей, а пожалуй даже, какъ бы внесть деньги за квартиру, а тутъ вдругъ ему посовѣтовали: встать, опредѣлиться въ кавалергарды, отчислиться въ Туркестанъ и добыть себѣ подвигомъ георгіевскій крестъ.

Новая брошюра генерала Фадѣева называется: «Приложеніе къ мнѣнію о восточномъ вопросѣ». Въ ней почтенный авторъ ставитъ именно ту альтернативу, о которой сейчасъ упомянуто: «славянство или Туранъ». Онъ никакъ не можетъ допустить термина внѣ этой альтернативы, а между тѣмъ такой терминъ ближе всего подъ рукою: мы не славянство и не Туранъ, а мы Россія. «Славянство съ его будущимъ» интересуетъ насъ гораздо менѣе, чѣмъ образованіе и свобода въ будущемъ для Россіи. И мы смѣемъ полагать, что само славянство внѣ нашихъ предѣловъ именно такъ смотритъ на ближайшую задачу Россіи и на вѣрнѣйшее средство его съ нами единенія. Для того, чтобы чехи и всѣ остальные славяне стали смотрѣть на насъ, какъ итальянцы на Пьемонтъ и нѣмцы на Пруссію, еще недостаточно

образовать то число батальоновъ, какое разсчиталъ генералъ Фадѣевъ. Для приведенія въ ясность нашихъ внутреннихъ вопросовъ совершенно недостаточно статей г. Данилевскаго въ «Зарѣ», которыя г. Фадѣевъ рекомендуетъ намъ для «возстановленія почвы подъ нашими ногами» и вмѣстѣ, какъ «бриліантъ среди груды истребляемой у насъ бумаги». О *«возстановленіи* почвы подъ наши ноги», мы слыхали уже слишкомъ много, и предпочитаемъ подумать объ *обработкѣ* почвы, которой уже слишкомъ довольно подъ нашими ногами. Мы радуемся, что журналъ «Квѣты» признаетъ имя генерала Фадѣева «славно во вшехъ властехъ ческо-словенскихъ», и даже тому, что самъ г. Фадѣевъ въ настоящее время уже оказался въ состояніи перевести эту хвалу себѣ еще на четыре славянскихъ языка. Но изъ того, что во всѣхъ этихъ переводахъ есть созвучіе, никакъ еще не слѣдуетъ, что славянское единство готово совершиться или должно быть совершено нами оружіемъ. Не трудно было бы написать на языкахъ французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ тоже весьма созвучную хвалу какому-нибудь иностранному генералу, напр. хотя бы генералу Гарибальди, но изъ этого никакъ нельзя будетъ вывесть заключеніе о скоромъ «возсозданіи латинскаго міра» и о «первенствѣ въ старомъ свѣтѣ» для Франціи. И что же это будетъ, если каждая раса станетъ думать не о развитіи, а о постройкѣ себѣ огромной казармы для захвата первенства въ старомъ свѣтѣ?

Окончимъ повтореніемъ глубоко-искренняго желанія, чтобы Россія удержалась отъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства и не поддавалась никакимъ завоевательнымъ мечтамъ, которыя, въ случаѣ неуспѣха, страшно и надолго разстроили бы наши дѣла, а въ случаѣ успѣха поставили бы препятствія, быть можетъ неодолимыя, для внутренняго развитія нашей, нынѣ существующей Россіи.

Намъ не разъ случалось говорить объ ограниченности средствъ, какими можетъ располагать земство на дѣло народнаго образованія, и обратили вниманіе на тотъ утѣшительный фактъ, выясненный оффиціальною статистикою, что при всей ограниченности этихъ средствъ, земствами однако сдѣланы уже весьма значительныя пожертвованія для учрежденія школъ. Въ «Земскомъ сборникѣ черниговской губерніи» мы находимъ интересное предположеніе земской коммиссіи, разсматривавшей вопросъ объ учрежденіи учительской семинаріи, относительно учрежденія особаго фонда для содержанія изъ процентовъ его значительнаго числа школъ въ губерніи. Коммиссія, вслѣдъ за почтеннымъ членомъ губернской управы, подавшимъ эту мысль, «видитъ въ этой мѣрѣ единственную прямую гарантію существованія народныхъ школъ, а слѣдовательно и единственную гарантію распространенія народнаго образованія». Предположеніе коммиссіи разсчитано на 300 школъ, для каждой изъ которыхъ необходимо 300 рублей въ годъ.

Такимъ образомъ, для скораго осуществленія значительнаго шага впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія (приготовленіе учителей для школъ черниговской губерніи уже обезпечено учительскою семинаріею), земству необходимо лишнихъ 90 т. рублей въ годъ. Что такое 90 т. рублей? содержаніе одного полка, и то едва-ли. А на эти деньги можно содержать 300 школъ въ губерніи. Какимъ путемъ мы скорѣе достигнемъ хотя бы единенія съ нами славянъ: содержа ли лишній полкъ, или триста лишнихъ школъ для народа? По глубокому нашему убѣжденію — вторымъ путемъ мы сдѣлаемъ даже и для величія Россіи больше.

Черниговская земская коммиссія разсматривала эти ежегодные 90 т. р., какъ процентъ съ капитала народныхъ школъ, и потому опредѣляла этотъ капиталъ приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Полтора милліона рублей *навсегда* обезпечили бы существованіе 300 народныхъ школъ. Откуда же достать эти $1\frac{1}{2}$ милліона? Попросить изъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія? Но министерство народнаго просвѣщенія само не очень богато и такое отвлеченіе средствъ могло бы повредить успѣхамъ высшаго классическаго образованія. Итакъ, вотъ коммиссія земства рѣшается собрать этотъ капиталъ съ самого же земства. Для этого она предполагала разсрочить сборъ всего этого капитала на 16 лѣтъ, и ежегодный сборъ около 90 тысячъ же рублей откладывать въ процентныя бумаги или въ какое-либо кредитное учрежденіе, а на проценты съ этихъ вкладовъ постепенно и открывать школы.

Мысль превосходная, и земская коммиссія еще увеличиваетъ свою заслугу, прося земское собраніе «не смотрѣть съ предубѣжденіемъ на новый налогъ (съ недвижимыхъ имуществъ и купеческихъ капиталовъ, въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$), такъ какъ онъ вовсе не будетъ тягостенъ для жителей губерніи, владѣющей 4,800 тысячами десятинъ земли, въ особенности въ виду той громадной пользы, той производительности, ради которой земское собраніе его установитъ».

Вотъ такія трудныя, благородныя усилія хотятъ разрушить проповѣдники «возсозданія міровъ». Девяносто тысячъ рублей, ежегодно обращаемые въ теченіи 16-ти лѣтъ въ процентныя бумаги или вносимыя въ какой-нибудь банкъ! Во что обратятся процентныя бумаги при огромной войнѣ, во что обратятся и частные банки?

Вотъ какъ трудно и медленно созидается внутреннее развитіе, даже и при величайшемъ, добросовѣстнѣйшемъ рвеніи и самопожертвованіи. А разрушить плоды такихъ долголѣтнихъ усилій легко въ первую же попытку пріобрѣсть «первенство въ старомъ свѣтѣ». Въ настоящее время есть пушки, для которыхъ одинъ лафетъ (для одного орудія) обходится слишкомъ въ 8,000 рублей. Каждая бомба стоитъ

рублей 30, не считая пороху—а сколько ихъ надо потратить на пріобрѣтеніе первенства?

Обратимся теперь къ одному новому шагу на пути къ развитію, шагу хотя и скромному, но тѣмъ не менѣе заслуживающему вниманія и сочувствія общества.

Преобразованіе нашего провинціальнаго устройства, послѣ неудачи, постигшей первый проектъ его—извѣстный проектъ «административной реформы», вырабатывается теперь вновь назначенною коммиссіею, составленною изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ администраціи. Работы отдѣловъ этой коммиссіи еще только начались въ прошломъ іюнѣ, и когда окончатся, конечно, нельзя предвидѣть. Но и по предварительномъ окончаніи, результатомъ работы отдѣловъ будетъ не готовый проектъ положенія, а только — согласно данной коммиссіи инструкціи — начертаніе общихъ началъ, которыя затѣмъ послужатъ основаніями для дальнѣйшихъ трудовъ коммиссіи. Въ числѣ вопросовъ, порученныхъ такой предварительной выработкѣ, находятся на первомъ планѣ и вопросы: объ установленіи единства дѣйствій отраслей провинціальнаго управленія и о значеніи губернатора.

Между тѣмъ, въ другой коммиссіи дозрѣлъ и въ прошломъ мѣсяцѣ получилъ законодательное утвержденіе проектъ новаго городового положенія. По сущности дѣла, это новое положеніе должно было отчасти коснуться и того вопроса о значеніи губернатора, котораго общая теорія поручена первой изъ названныхъ коммиссій. Никто однако не пожалѣетъ, что преобразованіе положенія о городахъ не было задержано въ ожиданіи разрѣшенія общаго вопроса о точнѣйшемъ опредѣленіи власти губернатора въ кругу провинціальныхъ учрежденій. Жалѣть объ этомъ можно тѣмъ менѣе, что настоящее городовое положеніе, неизбѣжно коснувшись значенія губернаторской власти, если сколько-нибудь и предрѣшило вопросъ о ней, то предрѣшило его въ смыслѣ либеральномъ, указавъ главнымъ назначеніемъ губернатора—надзоръ и непосредственное руководство всѣмъ провинціальнымъ управленіемъ.

Изъ двухъ преобразованій—провинціальной администраціи и муниципальнаго устройства—второе, безъ сомнѣнія, важнѣе перваго, по той собственно причинѣ, что какъ бы ни направились работы новой коммиссіи о губернскомъ управленіи, онѣ все-таки не выйдутъ изъ круга собственно *бюрократическихъ* подраздѣленій и подчиненностей; затѣмъ, наиболѣе интересною для общества частью административной реформы представляется устройство земской полиціи. Между тѣмъ, какъ преобразованіе муниципальнаго устройства, изданіе новаго городового положенія въ значительной степени захватываетъ именно общественную жизнь и по важности собственно предмета было бы до-

стойно стать, вслѣдъ за крестьянскою реформою, наряду съ реформами судебною и земскою.

Но такое сравненіе едва ли можно сдѣлать для новаго городового положенія въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ является. Не говоря уже о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, очевидно, что земская, а въ особенности судебная реформы внесли въ жизнь Россіи совсѣмъ новые элементы, изъяли изъ вѣдѣнія бюрократической власти цѣлыя, весьма важныя отправленія народной жизни, чего нельзя сказать о новомъ положеніи.

Муниципальная реформа, хотя ей и не предстояло создавать новыхъ общественныхъ или независимыхъ властей, такъ какъ городскія учрежденія съ тѣнью самостоятельности существуютъ у насъ уже почти столѣтіе, тѣмъ не менѣе могла получить огромное значеніе для развитія общественной самодѣятельности, и вообще сдѣлаться одною изъ капитальнѣйшихъ реформъ въ государствѣ, если бы она, во-первыхъ, обнимала всю территорію государства, во-вторыхъ, была бы совершенно полна сама по себѣ, то-есть заключала бы въ себѣ рѣшеніе всѣхъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ городовъ, между прочимъ и того вопроса, какія условія требуются для того, чтобы городъ оставался городомъ и чтобы посады признавались городами, и наконецъ, чтобы въ постановленіяхъ своихъ о самостоятельности городского управленія они содержали въ себѣ всѣ гарантіи для дѣйствительной общественной самодѣятельности въ городахъ.

Нынѣшнее преобразованіе, безспорно — важный шагъ впередъ; но ни полнымъ, ни кореннымъ его еще признать нельзя и оно скорѣе должно быть признано «улучшеніями въ городскомъ управленіи и хозяйствѣ», чѣмъ дѣйствительною полною городскою реформою. Причиною тому прежде всего то обстоятельство, что слишкомъ много вопросовъ, какъ по сущности самого городового положенія, такъ въ особенности по объему его приведенія въ дѣйствіе въ настоящее время, еще остались нерѣшенными.

Правда, измѣненія въ устройствѣ городовъ, въ порядкѣ городского управленія, принадлежатъ къ труднѣйшимъ изъ вопросовъ законодательства. Для полнаго и общаго преобразованія необходима и старательная статистическая подготовка, которая у насъ особенно затруднительна. Но за то, быть можетъ, нигдѣ въ Европѣ раціональное коренное рѣшеніе въ вопросахъ городского устройства не обставлено меньшими историческими затрудненіями, чѣмъ у насъ. Наши города сами не что иное, какъ произведеніе власти законодательной и административной. Это — не юридическія лица, заключившія съ государственной властью договоры и имѣющія такія привилегіи, въ силу которыхъ *городъ* не есть просто совокупность городскихъ обывателей, а нѣкоторая условная фикція, одѣленная прерогативами. Поэтому у

насъ ничто не препятствуетъ, при начертаніи городской реформы, разсматривать городъ именно только какъ совокупность всѣхъ живущихъ въ немъ личностей, и опредѣлять эту реформу такъ, чтобы составъ городской общественной власти былъ какъ можно независимѣе и просвѣщеннѣе, не обращая вниманія на прежнія хартіи и вообще на ту фикцію, что городъ есть привилегированное сословіе, а не простая совокупность живущихъ въ немъ людей.

Утвержденный нынѣ проектъ городового положенія былъ окончательно выработанъ въ коммиссіи, учрежденной при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ кн. Урусова. Въ этой коммиссіи были члены отъ II-го отдѣленія, отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и городскіе головы петербургскій, московскій и череповецкій. Хотя проектъ, выработанный коммиссіею предварительно, не былъ помѣщенъ въ сообщеніяхъ «Правительственнаго Вѣстника», но въ печати однако являлись свѣдѣнія о трудахъ коммиссіи и даже о проявлявшейся въ средѣ ея разности въ направленіяхъ. Оппозиція въ коммиссіи была оппозиція въ смыслѣ консервативномъ, а положеніе, какъ оно явилось нынѣ, есть результатъ предположеній либеральнаго большинства коммиссіи, которыя и были одобрены государственнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ, проекта болѣе полнаго или болѣе либеральнаго совсѣмъ не было въ виду.

Прежде всего мы должны указать на тѣ ограниченія, которыми обусловлено настоящее преобразованіе городского управленія. Вводится оно теперь только въ поименованныхъ въ указѣ сорока пяти главныхъ городахъ. Оно не вводится покамѣсть въ столицахъ и въ Одессѣ, по исключительному положенію этихъ городовъ, и думамъ этихъ городовъ повелѣно, въ теченіи шести мѣсяцевъ, представить свои соображенія относительно примѣненія къ нимъ настоящаго положенія. Не вводится оно и въ городахъ западныхъ губерній, за исключеніемъ Кіева, и въ городахъ прибалтійскаго края; примѣненіе его, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, послѣдуетъ послѣ сношеній мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Для введенія новаго городового положенія въ двухъ столицахъ, Одессѣ, западныхъ губерніяхъ (о царствѣ польскомъ ничего не упомянуто) и прибалтійскомъ краѣ потребуются новыя законодательныя постановленія. Наконецъ, въ остальныхъ городахъ и посадахъ внутреннихъ и сибирскихъ губерній, кромѣ исчисленныхъ въ указѣ сорока пяти, новое положеніе будетъ вводимо постепенно, по усмотрѣнію г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Это — ограниченіе касательно самаго введенія преобразованія. Нельзя не пожалѣть, что ограниченіе это не только коснулось городовъ западныхъ и прибалтійскихъ губерній, наравнѣ со всѣми остальными, сверхъ 45-ти, но что для этихъ окраинъ предполагается при-

мѣненіе новаго положенія не иначе, какъ посредствомъ новаго законодательнаго обсужденія и постановленія. И между тѣмъ, именно для этихъ-то окраинъ новое устройство городского управленія всего нужнѣе, въ смыслѣ какъ политическомъ, такъ и гражданскомъ. Балтійскія городовыя постановленія представляютъ устройство столь своеобразное, разнообразное и устарѣлое, что *соглашать* съ нимъ новое городовое положеніе не представится, очевидно, никакой возможности. Здѣсь надо выбирать одно изъ двухъ: или рѣшиться оставить навсегда неприкосновенными учрежденія остзейскихъ городовъ, какъ и всѣ остзейскіе средневѣковые порядки, или ввесть въ остзейскихъ городахъ общее для русскихъ городовъ положеніе. Первое рѣшеніе объяснялось бы безусловнымъ уваженіемъ къ такъ-называемому историческому праву. Но это историческое право приводитъ остзейскіе порядки къ абсурду. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ странахъ или областяхъ, которыя связаны съ государствомъ какъ отдѣльныя органическія государственныя единицы, историческое право служитъ для охраны гарантій ихъ независимости, но въ такихъ странахъ есть живой мѣстный, законный органъ, который право это можетъ видоизмѣнять, сообразно съ потребностями времени. Это мы видимъ въ Венгріи: самостоятельность ея охраняется тысячелѣтнею конституціею, но за то Венгрія имѣетъ свой живой законодательный органъ—сеймъ, и нынѣ дѣйствующіе въ Венгріи порядки нисколько не похожи на тѣ, которые существовали не только 800 лѣтъ тому назадъ, но и на тѣ, какіе существовали во время прагматической санкціи. Историческая законность измѣнена, сообразно требованіямъ времени, сеймомъ, который избирается всѣми гражданами. Остзейскія же провинціи не имѣютъ сами никакого законодательнаго органа, который могъ бы измѣнять историческія постановленія, согласно съ необходимостями времени. Сеймы ихъ — провинціальные и сословные, а если измѣнить этотъ ихъ характеръ, то это будетъ нововведеніемъ, не менѣе нарушающимъ историческое право, чѣмъ хотя бы простое введеніе въ остзейскіе города городового положенія, выработаннаго въ Петербургѣ. Полное уваженіе къ исторической законности въ прибалтійскомъ краѣ есть не что иное, какъ безусловный застой, абсурдъ, который не существуетъ уже и въ самомъ «недвижномъ Китаѣ».

Какую же цѣль могло бы имѣть соглашеніе съ историческою законностью посредствомъ сношеній между генералъ-губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ? Иного же повода къ отсрочкѣ предполагать нельзя. Развѣ желаніе самихъ городскихъ корпорацій остзейскаго края? Но желаніемъ этихъ корпорацій, какъ всѣхъ корпорацій, отстаивающихъ свои исключительныя привилегіи, противопоставляются справедливыя желанія тѣхъ, кто этими привилегіями не пользуется, кто отягощенъ ими. При изданіи новаго городового положенія выска-

зана уже мысль объ отмѣнѣ въ имперіи самаго существованія цехового сословія, какъ отдѣльнаго сословія. А въ прибалтійскомъ краѣ, такъ и будутъ оставаться неприкосновенны нынѣшнія цеховыя устройства? Повторимъ при этомъ случаѣ еще разъ, что въ остзейскомъ вопросѣ пора бы рѣшиться на что-нибудь изъ двухъ: отказаться отъ *всякихъ* перемѣнъ; тогда слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ попытокъ къ ограниченію безусловнаго преобладанія тамъ германизма—или же сдѣлать всѣ тѣ перемѣны, какія потребны для доставленія большинству населенія этого края правъ и гарантій равныхъ съ тѣми, какими пользуется русскій народъ. Или полный застой, съ полнымъ мертвеннымъ спокойствіемъ, или откровенная раціональность, ведущая прямо къ цѣли—другой альтернативы здѣсь нѣтъ и всякій «средній терминъ», какъ нелогиченъ самъ по себѣ, такъ и непрактиченъ, ибо къ цѣли не ведетъ или ведетъ совсѣмъ призрачнымъ образомъ, а между тѣмъ вызываетъ, совершенно даромъ, неудовольствіе въ вліятельномъ мѣстномъ классѣ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. при безповоротномъ слѣдованіи однимъ требованіямъ разумности, мы перенесемъ въ странѣ силу въ руки пріязненнаго намъ большинства, и тогда можемъ не бояться горсти нѣмцевъ. Во второмъ случаѣ, то-есть при безусловномъ уваженіи къ status quo, къ застою, — намъ останется хоть то утѣшеніе, что нѣмцы будутъ нами вполнѣ довольны и прекратится обоюдное препирательство и раздоръ (до тѣхъ поръ, пока сами эсты и латыши не подымутся). Средній же терминъ можетъ имѣть только такое послѣдствіе: латышей и эстовъ мы оставляемъ въ рукахъ нѣмцевъ, а нѣмцевъ возстановляемъ противъ себя.

Такая политика могла бы только приготовить намъ серьезныя затрудненія, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ.

Нѣчто подобное приходится сказать и по поводу отсрочки введенія городового положенія въ города западныхъ губерній. Губерніи эти все еще находятся въ положеніи странномъ, нелегко поддающемся опредѣленію. Понятно военное положеніе во время ненормальныхъ событій; затѣмъ, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, каковъ бы ни былъ характеръ мѣстныхъ особенностей, существующихъ не временно и случайно, а постоянно—понятно только общее законное положеніе, и оно-то и можетъ быть самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для устраненія тѣхъ мѣстныхъ особенностей, которыя неблагопріятны правильному развитію жизни. Для примѣра достаточно указать на Познань, гдѣ наиболѣе успѣшное дѣйствіе противъ антигосударственнаго духа произведено именно при господствѣ общей всему государству законности. Средній терминъ, оставляющій огромную окрайную полосу государства въ положеніи ненормальномъ, исключительномъ, ни военномъ, ни строго-законномъ, самъ по себѣ есть не что иное, какъ сепаратизмъ, и пріучаетъ мѣстное населеніе думать, что для него все еще предстоятъ перемѣны системы управленія.

Въ виду нынѣшнихъ событій мы сочли нужнымъ, по поводу исключенія окраинъ отъ пользованія новымъ государственнымъ актомъ большой важности, еще разъ указать на необходимость скорѣйшаго устраненія всякихъ колебаній и недоразумѣній, и затѣмъ возвращаемся къ содержанію Городового Положенія.

Въ общихъ основаніяхъ его съ большою точностью опредѣлены предметы вѣдомства городского общественнаго управленія, въ числѣ которыхъ упомянуто право составлять обязательныя для жителей постановленія и право ходатайства передъ правительствомъ относительно мѣстныхъ нуждъ и пользъ города. Въ этихъ общихъ основаніяхъ провозглашенъ также принципъ *самостоятельности* дѣйствій городского управленія въ предѣлахъ предоставленной ему закономъ власти. Самостоятельность дѣйствій городского управленія ограждается тѣмъ, что одна администрація сама не рѣшаетъ дѣлъ по дѣйствіямъ городского общественнаго управленія, а приноситъ на нихъ жалобу въ сенатъ; для разсмотрѣнія же несогласій между коронною администраціею и городскими думами вводится совершенно новое учрежденіе—губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Это учрежденіе состоитъ изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатою, предсѣдателя окружнаго суда, предсѣдателя или члена мирового съѣзда, предсѣдателя губернской земской управы и городского головы губернскаго города и начальника того управленія, съ которымъ произошло у городской думы несогласіе. Идея этого посредничествующаго учрежденія заслуживаетъ полнаго сочувствія и представляетъ значительное улучшеніе. Члены этого учрежденія не находятся въ прямой зависимости отъ губернатора, а нѣкоторые, какъ представители суда и земства, и вполнѣ независимы отъ него. Нельзя однако не замѣтить, что полнаго равенства, какое предполагается посредничествомъ, учрежденіе это все-таки не представляетъ. Посредничество здѣсь будетъ происходить между мнѣніемъ выборной общественной власти и мнѣніемъ казенной администраціи; дѣла эти губернское присутствіе рѣшаетъ по простому большинству голосовъ; и начальникъ того управленія, которое не согласилось съ городской думой, допускается въ губернское присутствіе съ правомъ голоса, а между тѣмъ изъ думы не призывается никто. Но сама мысль образовать такое посредничество, призвавъ въ него представителей суда и земства—превосходна. Рѣшенія губернскаго присутствія приводятся въ исполненіе немедленно, но какъ губернаторъ, и заинтересованное вѣдомство и частныя лица, такъ и городская дума могутъ аппелировать на него въ сенатъ. Вообще, *надъ* думами поставлены только двѣ инстанціи — губернское присутствіе и сенатъ. Если вспомнить, что нѣкоторые члены коммиссіи полагали поручить разсмотрѣніе дѣлъ по пререканіямъ съ думами просто — губернаторской канцеляріи, то нельзя не видѣть большого успѣха въ новомъ положеніи.

Не слѣдуетъ однако думать, что губернаторъ оставленъ совершенно безъ средствъ противиться распоряженіямъ городскихъ думъ. Губернатору прямо предоставленъ *надзоръ* за дѣйствіями городскихъ властей и притомъ не только за законностью, но и за справедливостью ихъ дѣйствій; онъ вноситъ въ губернское присутствіе дѣло о противозаконности дѣйствій городскихъ властей; въ тоже присутствіе онъ вноситъ и тѣ обязательныя для жителей постановленія городской думы, «къ изданію которыхъ онъ встрѣтитъ препятствія». Городскимъ обществамъ не предоставлено самимъ заботиться о полицейскомъ порядкѣ; полиція всецѣло остается въ рукахъ администраціи, то-есть мѣстнаго представителя ея, губернатора. Городское общество, правда, можетъ составлять рѣшенія относительно разныхъ полицейскихъ порядковъ, но рѣшенія эти—не болѣе какъ проекты, ибо прежде всего и до утвержденія ихъ думою городская управа обязана сообщать ихъ мѣстному полицейскому начальнику. Если не состоится соглашенія не только съ губернаторомъ, но даже съ начальникомъ полиціи въ городѣ, то дѣло передается на разсмотрѣніе губернскаго присутствія. Сверхъ того, если городскимъ управленіемъ не сдѣлано распоряженія къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ для города обязательнымъ, и если напоминаніе губернатора о томъ останется безъ дѣйствія, то губернаторъ, съ согласія впрочемъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, приступаетъ къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ города и доноситъ о томъ немедленно министру внутреннихъ дѣлъ.

Изъ всего этого ясно, что городское представительство, дума, никакъ не будетъ въ городѣ полнымъ хозяиномъ. Самостоятельность его будетъ болѣе обезпечена, чѣмъ нынѣ, но обезпечена она собственно отъ личнаго произвола губернатора. Всякое распоряженіе городской думы можетъ быть отмѣнено рѣшеніемъ губернскаго присутствія, по предложенію губернатора. Итакъ, степень гарантіи общественнаго самоуправленія обусловится въ разныхъ мѣстахъ и разныя времена различно, смотря по тому, каково будетъ расположеніе лицъ, входящихъ въ составъ губернскаго присутствія. Пререканія чаще всего могутъ происходить, конечно, между городскимъ обществомъ и мѣстнымъ полицейскимъ начальникомъ. Обѣ стороны могутъ аппеллировать къ губернскому присутствію; но при этомъ въ положеніи ихъ есть нѣкоторая разница; губернаторъ—прямой начальникъ полицейскаго чиновника и естественно всегда будетъ склоненъ заступиться за него; въ губернскомъ присутствіи состоитъ членомъ его помощникъ, вице-губернаторъ. Между тѣмъ какъ городской элементъ, хотя и имѣетъ въ присутствіи своего представителя—губернскаго городского голову, но между головою губернскаго города и городскимъ обществомъ дру-

того города никакъ нѣтъ той связи, какая всегда существуетъ между начальникомъ и подчиненнымъ.

Вотъ почему самостоятельность городского управленія навѣрное была успѣшно обезпечена не столько безпристрастіемъ губернскаго присутствія, сколько расширеніемъ того круга власти, въ которомъ городское представительство дѣйствовало бы безъ всякаго стѣсненія, на основаніи общихъ законовъ. Напримѣръ, еслибы полиція была раздѣлена на два рода: полицію безопасности въ строгомъ смыслѣ, и полицію благочинія и благоустройства, и еслибы первая оставалась при нынѣшней организаціи, въ видѣ коронной стражи, а вторая была прямо и безусловно подчинена городскому управленію—то самостоятельность послѣдняго въ дѣлахъ обыкновенныхъ, вседневныхъ, а потому и важныхъ, навѣрное была бы обезпечена болѣе, чѣмъ даже полнымъ безпристрастіемъ членовъ губернскаго присутствія при разборѣ неизбѣжно частыхъ несогласій между самостоятельною полиціею и чающимъ самостоятельности городскимъ обществомъ.

Скажутъ пожалуй: какъ можно слишкомъ много полагаться на радѣніе городского управленія о порядкѣ въ городѣ и даже слишкомъ полагаться на его справедливость относительно людей бѣдныхъ? Но на этотъ вопросъ можетъ отвѣчать только самое устройство городского управленія. Если избирательный законъ таковъ, что городомъ будетъ управлять кружокъ нѣсколькихъ капиталистовъ, отъ которыхъ зависятъ и всѣ мелкіе владѣльцы и торговцы, пользующіеся цензомъ— въ такомъ случаѣ возраженіе справедливо, но въ такомъ случаѣ, какъ ни усиливайте административный контроль надъ дѣйствіями городскихъ властей, какъ ни стѣсняйте ихъ отправленій — результатъ все будетъ тотъ же.

Если же избирательный законъ, а затѣмъ и составъ городской думы таковъ, что она есть истинное представительство интересовъ всего населенія, съ допущеніемъ притомъ обывателей въ составъ этого представительства не только на основаніи имущественнаго ценза, но и на началѣ степени образованности — то тогда ни стачки, ни несправедливости ожидать нельзя.

Это приводитъ насъ къ тому избирательному закону, который положенъ въ основаніе новаго городового положенія.

Кромѣ условій подданства, возраста, неопороченности, податной исправности и резиденціи, законъ требуетъ отъ избирателя, чтобы онъ владѣлъ въ городѣ недвижимымъ имуществомъ подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержалъ торговое или ремесленное заведеніе по купеческому свидѣтельству, или уплачивалъ городу сборъ со свидѣтельства купеческаго или промысловаго на мелочной торгъ, или прикащичьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе опредѣленныхъ промышленныхъ заведеній. Итакъ, цензъ—чисто имущественный, безъ всякаго допущенія представителей отъ остальнаго осѣдлаго

населенія, и безъ допущенія лицъ по праву высшаго и средняго образованія (на основаніи дипломовъ).

Такое чисто-капиталистское и торговое избирательное сословіе созывается въ три избирательныя собранія на основаніи списка его членовъ, въ постепенности цифръ платимаго каждымъ въ пользу города сбора. Если взять треть всей суммы платимыхъ сборовъ и начать насчитывать по этому списку по порядку столько лицъ, сколько будетъ соотвѣтствовать одной трети всего сбора, то эти-то лица и составятъ собраніе перваго разряда; затѣмъ насчитывается далѣе еще столько лицъ, сколько нужно для составленія изъ платимыхъ ими въ сборъ денегъ второй трети всей суммы сбора—это собраніе второго разряда; всѣ остальные, подходящіе подъ цензъ—составляютъ собраніе третьяго разряда. Каждое изъ этихъ трехъ собраній избираетъ само цѣлую треть всего состава городской думы.

Тому, кто знаетъ наши небольшіе города, не можетъ не быть совершенно ясно, что изложенный избирательный законъ, давая слишкомъ большое преобладаніе капиталу, можетъ отдать все городское самоуправленіе въ руки тѣсныхъ кружковъ. Въ небольшихъ городахъ собраніе перваго разряда составится изъ нѣсколькихъ купцовъ, представителей одного или двухъ вѣдомствъ, имѣющихъ въ городѣ недвижимыя имущества, приносящія доходъ (а стало-быть и обложенныя сборомъ въ пользу города), и нѣсколько главныхъ домовладѣльцевъ. Они изберутъ уже цѣлую треть думы. Второе собраніе будетъ состоять изъ бо́льшаго кружка, но тотъ будетъ совершенно подъ вліяніемъ перваго. Такимъ образомъ, можетъ весьма нерѣдко случаться— и несмотря на тайную подачу голосовъ—что составъ большинства городской думы будетъ зависѣть отъ нѣсколькихъ человѣкъ въ городѣ. Что говорить о мелкихъ городахъ, когда у насъ въ Петербургѣ одному лицу принадлежало 17 громадныхъ домовъ?

Итакъ, составъ думъ будетъ, во-первыхъ, положительно зависѣть отъ преобладанія капитала и притомъ безъ всякаго ограниченія, такъ что, еслибы гдѣ оказалось (напр. въ прежнихъ владѣльческихъ мѣстечкахъ или въ мелкихъ городахъ съ одной большой фабрикою), что цѣлую треть сбора уплачиваетъ одинъ обыватель, то этотъ обыватель и назначитъ цѣлую треть членовъ городской думы. Даже и въ акціонерныхъ собраніяхъ, гдѣ уже все дѣло не въ личностяхъ, а въ капиталѣ, есть ограниченіе числа голосовъ, какимъ можетъ располагать одно лицо, и до цѣлой трети оно доходить не можетъ (мы не говоримъ о средствахъ «искусственнаго подготовленія» общихъ собраній). А вѣдь города прежде всего—все-таки совокупность людей, гражданъ, а не капиталовъ.

Во-вторыхъ, есть ли данныя утверждать, что прикащикъ, имѣющій свидѣтельство перваго разряда, потому только, что онъ вноситъ въ пользу города нѣкоторую лепту, гораздо способнѣе для успѣшнаго и

справедливаго управленія дѣлами города, чѣмъ кандидатъ университета, врачъ, присяжный повѣренный и учитель гимназіи? Если же для успѣха городского самоуправленія не такъ важны десять рублей платимаго сбора (которые все равно платиться будутъ, хотя бы имъ и не присвоивался голосъ), какъ истинное умственное развитіе и та гарантія нравственныхъ качествъ, которая въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляется высшимъ и даже среднимъ образованіемъ, то почему же этимъ представителямъ интеллигенціи закрытъ доступъ въ городское представительство, безъ пособія промысловаго свидѣтельства? Сказать: всякое распоряженіе связано съ расходами, а кто ничего не платитъ, тотъ не долженъ и вмѣшиваться въ распоряженія— было бы совершенно неосновательно, ибо кто же не платитъ въ пользу города? Очевидно, что всякій, кто живетъ въ немъ, не исключая и осѣдлаго поденщика, платитъ въ его пользу. Съ кого же, какъ не со своихъ жильцовъ взимаетъ свою часть городского сбора домовладѣлецъ? съ кого, какъ не съ потребителей торговецъ?

Вотъ соображеніе, котораго, по нашему убѣжденію, никакъ не слѣдовало бы упускать изъ виду при составленіи новаго избирательнаго закона для городовъ. Для успѣшности, независимости и нравственности городского управленія не столько важно непремѣнное, непосредственное участіе нѣсколькими рублями въ непосредственномъ платежѣ городского сбора, сколько—обезпеченіе городу въ лицѣ думы истиннаго представительства его осѣдлаго населенія, и привлеченія въ составъ этого представительства образованныхъ людей.

Нѣчто подобное законодатель и имѣлъ въ виду. Установивъ избирательное право исключительно на началѣ имущественномъ, которое принято и въ представительствѣ земскомъ, законодатель однако сознавалъ необходимость представительства болѣе или менѣе узкаго, представительства города не какъ извѣстной массы капиталовъ только, но и какъ совокупности гражданъ, и потому, не отступая отъ основнаго своего принципа, предположилъ расширить избирательное сословіе посредствомъ расширенія «основы» — assiette — сбора. Въ мнѣніи государственнаго совѣта положено между прочимъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ «по установленіи въ *нѣкоторыхъ* городахъ сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній, о предоставленіи права на участіе въ общественномъ управленіи и лицамъ обложеннымъ симъ сборомъ *въ опредѣленномъ размѣрѣ»*. Вотъ оно наше — household suffrage. Это предположеніе весьма важно, но когда же оно осуществится? Установленіе такого сбора будетъ зависѣть отъ самихъ городскихъ думъ каждаго города отдѣльно, думъ, избранныхъ на нынѣшнемъ тѣсномъ избирательномъ правѣ. Надо сперва, чтобы нѣкоторые, то - есть нѣсколько городовъ это сдѣлали (а захотятъ ли первыя представительства расширенія избирательнаго права?) и затѣмъ только вопросъ будетъ рѣ-

шенъ законодательнымъ порядкомъ и рѣшеніе это будетъ непосредственно примѣнено, конечно, только къ тѣмъ нѣсколькимъ городамъ. Что же могло препятствовать рѣшенію этого вопроса впередъ теперь же и было ли необходимо торопиться съ изданіемъ городового положенія, когда такой существенный, коренной вопросъ, какъ самый характеръ избирательнаго сословія, остается нерѣшеннымъ?

Сверхъ того, избирательное право, повидимому, полагается предоставить не всѣмъ хозяевамъ квартиръ, обложенныхъ сборомъ, а только тѣмъ, которые вносятъ этотъ сборъ не менѣе опредѣленнаго размѣра. Наконецъ, безусловнаго «привлеченія способностей», т.-е. предоставленія избирательнаго права всѣмъ, имѣющимъ дипломы высшаго и средняго образованія, внѣ всякаго имущественнаго ценза, вовсе и не предполагается. Несмотря на многія улучшенія, осуществляемыя новымъ городовымъ положеніемъ, нельзя не сожалѣть, что въ немъ оказались эти весьма существенные пробѣлы.

Въ положеніи старательно опредѣлены условія отправленія городского хозяйства и постановлены полезныя ограниченія, какъ напр. то, которое требуетъ большинства двухъ третей голосовъ думы для заключенія займа и отчужденія городского имущества, и то, которое постановляетъ, что никакой новый сборъ не можетъ быть установленъ иначе, какъ съ утвержденія законодательной власти.

Городское управленіе будетъ состоять изъ представительнаго собранія—городской думы, и исполнительной власти—городской управы, избираемой думою. Предсѣдательство въ обѣихъ поручено городскому головѣ. Едва ли не было бы болѣе раціонально поручить предсѣдательство въ думѣ особому лицу, какъ предполагало меньшинство коммиссіи. Дѣло въ томъ, что засѣданія городской думы, избираемой на четыре года, назначаются или по усмотрѣнію головы, или по требованію губернатора, или по желанію не менѣе одной пятой части гласныхъ, заявленному головѣ. Такимъ образомъ, дума не есть собраніе постоянное, имѣющее опредѣленныя въ году сессіи. Въ этомъ отношеніи законъ постановляетъ только, что для разсмотрѣнія городского бюджета и отчетовъ управы, дума должна имѣть не менѣе двухъ (!) засѣданій въ годъ. Итакъ, удобство контроля въ остальное время будетъ зависѣть исключительно отъ иниціативы пятой части всего числа гласныхъ, заявленной тому же городскому головѣ, который, какъ представитель исполнительной власти, часто можетъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы собраніе не состоялось. А кто не знаетъ, какъ трудно рѣшаются у насъ люди на подобную иниціативу, какъ трудно собрать достаточное число голосовъ для подобнаго шага? Еслибы дума имѣла своего особаго предсѣдателя, то прибавился бы еще одинъ шансъ для контроля — созваніе думы этимъ предсѣдателемъ.

Нельзя пройти молчаніемъ еще слѣдующаго излишняго права, предоставленнаго управѣ: если она найдетъ опредѣленіе думы противо-

законнымъ, то, *не приводя онаго въ исполненіе*, представляетъ о томъ думѣ, а затѣмъ, если *разногласіе* между управой и думой не устранится, то управа вноситъ дѣло къ губернатору, который передаетъ это дѣло на разрѣшеніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. То-есть, другими словами, административное учрежденіе рѣшаетъ споры между представительствомъ города и выбранными имъ уполномоченными. Какое можетъ быть равенство между представительствомъ и его уполномоченными? И къ чему такія предосторожности противъ представительнаго элемента? Развѣ зло, которымъ страдаетъ наше общественное управленіе, вообще состоитъ наиболѣе въ томъ, что представительныя собранія нарушаютъ законы, а не въ томъ, что кружокъ уполномоченныхъ захватываетъ все управленіе въ свои руки, устраняетъ отъ себя дѣйствительный контроль, и стремится обратить самое начало представительства въ ничто?

Еще нѣсколько краткихъ замѣчаній: духовныя имущества, «не приносящія дохода», и здѣсь опять, какъ и въ земскомъ правѣ, исключены отъ всякаго обложенія городскимъ сборомъ. Такимъ образомъ, городъ долженъ будетъ и мостить и освѣщать улицы около архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ садовъ, и содержать полицію для охраны этихъ имуществъ, а имущества эти въ городскомъ сборѣ участвовать не будутъ. И здѣсь также, какъ въ земскомъ правѣ, предположено опредѣлить *высшій размѣръ* обложенія торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ въ пользу города. Наконецъ, участіе города въ расходѣ на содержаніе полиціи и на устройство или наемъ помѣщеній для городского полицейскаго управленія *никакимъ высшимъ размѣромъ не ограничено*, а опредѣляется штатами самой полиціи, которые могутъ быть увеличиваемы совершенно независимо отъ желаній города. А между тѣмъ, вотъ гдѣ опредѣленіе высшаго размѣра, сравнительно со средствами города, было бы уже положительно необходимо. Лучшее доказательство представляетъ самъ Петербургъ, о чемъ мы уже однажды бесѣдовали.

Въ общемъ выводѣ, новое городовое положеніе осуществляетъ очень замѣтныя улучшенія въ положеніи городовъ: оно отмѣняетъ сословное раздѣленіе городскихъ жителей и даетъ городской самостоятельности относительно личности губернатора немаловажную гарантію въ лицѣ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, учрежденія, котораго мысль, повторяемъ, превосходна. Но мы должны также повторить и сожалѣніе объ узкомъ, ограниченномъ примѣненіи новаго городового положенія въ настоящее время и о тѣхъ весьма важныхъ пробѣлахъ, которые допущены въ немъ отсрочкою рѣшенія весьма существенныхъ вопросовъ, именно: положеніе не распространяется пока ни на западныя, ни на прибалтійскія губерніи, а изъ всѣхъ городовъ имперіи непосредственно примѣняется только къ сорока-пяти; предоставлены дальнѣйшему разрѣшенію вопросы: о распространеніи изби-

рательнаго права на нанимателей квартиръ, о лучшемъ отношеніи городскихъ учрежденій къ земскимъ, объ отмѣнѣ заставныхъ городскихъ сборовъ, о высшемъ размѣрѣ обложенія въ пользу города торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ (долженъ быть рѣшенъ къ 1871 году), объ упраздненіи отдѣльнаго ремесленнаго сословія, объ освобожденіи думъ отъ обязанностей по дѣламъ рекрутскимъ. Не говоря уже о томъ, что новое городовое положеніе вовсе не опредѣляетъ основныхъ условій, которыя даютъ городу право конституироваться городомъ или продолжать свое существованіе на положеніи города. Не слишкомъ ли много такимъ образомъ оставлено пробѣловъ?

Вниманіе петербургской публики въ послѣднее время было сильно отвлечено военными событіями отъ нашей мануфактурной выставки, которая и закрылась почти непримѣтно. Помѣщенныя теперь въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» данныя свидѣтельствуютъ снова о неполнотѣ этой выставки, въ смыслѣ «всероссійской». Общее число самостоятельныхъ экспонентовъ составило 2,540, и изъ этого числа 36% приходится на долю одной Петербургской губерніи, на долю Московской только 15%, Царства Польскаго 10% и Финляндіи 8%, а остальной Россіи только 31%, что очень немного, такъ какъ въ томъ числѣ находятся наши внутреннія мануфактурныя губерніи.

Война же повліяла и на нижегородскую ярмарку. Начало ея всегда бываетъ не особенно оживлено, но судя по нынѣшнему началу, предвидятся результаты не блестящіе, а посредственные. Замѣчательно, что открытіе серьезной дѣятельности на ярмаркѣ съ каждымъ годомъ запаздываетъ на нѣсколько дней противъ прежняго. Вліяніе войны на ярмарку пока сказывается болѣе въ смыслѣ неблагопріятномъ, чѣмъ благопріятномъ. Нѣтъ спросу изъ за-границы ни на мѣха, ни на сало. Возвышеніе же цѣнъ на хлопчато-бумажныя и шелковыя издѣлія еще не сказалось, хотя и предвидится. Торговлѣ хлѣбомъ война, само собою разумѣется, должна придать оживленіе, но обильный урожай нынѣшняго года позволяетъ надѣяться, что большой вывозъ не произведетъ значительнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ. Будемъ надѣяться, что война не получитъ для насъ болѣе ощутительнаго значенія, а это въ нашей же волѣ: стóитъ воздержаться отъ всякаго понудительнаго посредничества. И какую бы цѣль могло имѣть собственно такое посредничество? Поддержаніе или возстановленіе «политическаго равновѣсія въ Европѣ?» Но это равновѣсіе есть чистая фикція, и изъ-за «заблаговременнаго» поддержанія равновѣсія нами уже было принесено въ прежнія времена слишкомъ много жертвъ, совершенно безплодныхъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го сентября 1870.

Ложныя предположенія о войнѣ между Германіей и Франціей. — Ошибки второй имперіи и ея несостоятельность въ военномъ дѣлѣ. — Театръ войны и военныя дѣйствія.—Что представляетъ побѣжденная Франція и чего можно ожидать?—Министерство, законодательный корпусъ, комитетъ столичной обороны.—Генералъ Трошю.—Республиканцы.—Національное воодушевленіе французовъ.—Дѣятельность духовенства и надежды бонапартизма. — Вліяніе успѣховъ нѣмецкаго оружія на Германію и другія государства Европы.—Паденіе второй имперіи.

Война между Германіей и Франціей, вызванная императоромъ Наполеономъ III, приняла сразу весьма неблагопріятный для Франціи оборотъ и грозитъ окончательно разрушить все обаяніе Бонапартовской династіи, какъ въ глазахъ французовъ, такъ и всей оффиціальной Европы.

Когда послѣдовало объявленіе войны, это объявленіе состоялось при такихъ обстоятельствахъ и съ такою странною поспѣшностью со стороны Франціи, что всѣ ожидали, что вслѣдъ за посольствомъ Ле-Сури въ Берлинъ, на Рейнѣ тотчасъ появятся французскія войска, и быстро двинутся съ одной стороны—на Майнцъ и Франкфуртъ, а съ другой—на Карлсруэ, Штутгартъ и Мюнхенъ. Всѣ газеты, какъ наши, такъ и иностранныя спѣшили другъ передъ другомъ снабжать своихъ читателей картою Германіи, въ полной увѣренности, что война будетъ происходить почти исключительно на нѣмецкой почвѣ и, если коснется Франціи, то развѣ какихъ-нибудь пограничныхъ съ Германіею городовъ. Этотъ маленькій фактъ показываетъ, что во всей Европѣ и Россіи существовало общее убѣжденіе, что такъ какъ война вызвана Франціею, то Франція же, вѣроятно, первая выступитъ въ походъ, и, захвативъ Германію врасплохъ, такъ быстро и такъ далеко продвинется вглубь нѣмецкой земли, что вся война, какъ бы она продолжительна ни была, начнется, пройдетъ и закончится непремѣнно въ Германіи или гдѣ-нибудь на восточной границѣ Франціи — не дальше. Распространенію и укрѣпленію этого убѣжденія въ публикѣ

много способствовала, конечно, невѣжественная, на истрепанныхъ историческихъ воспоминаніяхъ основанная увѣренность газетъ въ превосходствѣ французской арміи надъ нѣмецкою. Фактъ новѣйшей исторіи—особенно война 1866 года—былъ у всѣхъ передъ глазами, но никто не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Бить австрійцевъ—говорила одна изъ нашихъ газетъ—не велика слава: кто ихъ не билъ! О Кустоццѣ и Лиссѣ эта газета совсѣмъ забыла,—забыла она и о томъ, что Пруссія 1866 года сражалась не только съ Австріею, но и со всею остальною Германіей. Забывали или — лучше сказать — не понимали наши французоманы и того, что по сю сторону Рейна подымался цѣлый народъ на защиту своей собственной земли, а по ту сторону — только люди, заботящіеся лишь о собственныхъ, личныхъ интересахъ. Забывали, наконецъ, что организація арміи въ Германіи придаетъ войску народный характеръ, между тѣмъ какъ французская армія воспитываетъ въ своихъ рядахъ только шовинизмъ и династическую преданность. Думали, сверхъ-того, что если во Франціи существуетъ разладъ между правительствомъ и образованнымъ классомъ, то онъ во всякомъ случаѣ вполнѣ уравновѣшивается разладомъ между югомъ Германіи и сѣверомъ съ одной стороны, и между сѣверными государствами и прусскимъ правительствомъ съ другой.

Большинство этихъ легкомысленныхъ предположеній, невыгодныхъ для нѣмецкой націи, разбито кровавыми фактами послѣдняго мѣсяца. Нѣмцы доказали, что они не намѣрены долѣе терпѣть иностраннаго вмѣшательства въ ихъ внутреннія несогласія,—что для всякой иностранной державы, какъ бы она могущественна и грозна ни была, они представляютъ собою цѣлый, единый народъ, способный защищать свою національную независимость и свою территоріальную неприкосновенность. Ихъ военная и политическая организація оказалась несравненно лучше французской,—даже относительно соблюденія военныхъ законовъ и гуманнаго обращенія съ плѣнными и ранеными; нѣмцы не только не погрѣшили противъ «цивилизованныхъ идей великой французской революціи», но сами могутъ служить примѣромъ для императорской Франціи, которая передала славное знамя свободы, равенства и братства въ руки дикаго тюркоса, готоваго съ яростью броситься на всѣхъ и вся по первому приказанію, и способнаго на всякія безчеловѣчныя продѣлки даже съ ранеными солдатами непріятельской арміи.

Что газеты могутъ не понимать нравственной силы той или другой націи—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, да онѣ и не несутъ никакой отвѣтственности за подобное незнаніе. Но чѣмъ объяснить легкомысліе французскаго правительства, сунувшагося въ войну сломя голову? Всѣ его разсчеты на разъединеніе нѣмцевъ показываютъ только, что оно, наблюдая надъ жизнью нѣмецкой націи, не при-

мѣтило въ ней самыхъ крупныхъ переворотовъ въ національномъ характерѣ,—что оно представляло себѣ нынѣшнюю Германію чѣмъ-то въ родѣ Рейнскаго Союза блаженной памяти. Дипломаты второй имперіи, разъѣзжавшіе по всей Германіи и наслаждавшіеся придворною жизнью при разныхъ нѣмецкихъ короляхъ, герцогахъ, князьяхъ, и т. п., не только не позаботились познакомиться съ матеріальнымъ бытомъ и нравственнымъ развитіемъ нѣмцевъ, но обманывались даже въ своихъ надеждахъ на придворныхъ друзей. Всѣ они завѣряли императора, что южная Германія никакъ не присоединится къ сѣверной,—всѣмъ имъ казалось, что куда повернетъ то или другое южно-нѣмецкое правительство, туда придутъ и подданные, но въ дѣйствительности баварцы и виртембергцы сами увлекли съ собою свои правительства. Всѣ партіи, какъ ретроградныя, такъ и прогрессивныя, вдругъ слились въ одно крѣпкое цѣлое, которому не могло противостоять ни одно правительство.

Вторая имперія, впрочемъ, никогда не отличалась особенною проницательностью въ пониманіи народныхъ стремленій, въ оцѣнкѣ могущества народныхъ желаній, — она постоянно говорила о своемъ уваженіи къ независимости чужихъ націй, но на умѣ у нея были совсѣмъ другіе планы. Пускаясь въ итальянскую кампанію, она вовсе не думала создавать итальянскаго королевства,—разсказывая про «чудеса шасспо́» подъ Ментаною, ей въ голову не приходило, что эти «чудеса» обойдутся ей въ нынѣшнюю критическую минуту отсутствіемъ помощи со стороны Италіи; отправляясь создавать имперію по другую сторону Атлантическаго океана, она и не подозрѣвала, что послѣ многихъ годовъ невѣроятныхъ усилій республиканскіе сосѣди Мексики окажутся способными уничтожить однимъ словомъ все, что создавали въ Мексикѣ французскія войска подъ шумокъ американской междоусобной войны. Такъ и теперь, императоръ Наполеонъ шелъ разрушить объединявшуюся Германію, воображая себѣ, что это объединеніе есть плодъ лишь какого-нибудь графа Бисмарка, а не всей новѣйшей исторіи нѣмецкой націи. Германія дала по этому вопросу громадную и весьма замѣчательную литературу, — она убѣдилась путемъ глубокихъ изученій всѣхъ сторонъ государственной жизни разныхъ цивилизованныхъ странъ (и Франціи въ томъ числѣ), что развитіе прочной свободы среди многочисленнаго народа невозможно при внутреннемъ разладѣ между ея частями и въ виду безпрестанныхъ вмѣшательствъ со стороны иностранцевъ, — она высказывала это убѣжденіе на тысячу ладовъ и во всѣхъ сферахъ своей общественной жизни,—она совершила съ этою цѣлью широкую революцію, потрясла троны своихъ правителей, напоминая имъ о нетерпѣливости своего желанія;—вторая имперія все это видѣла, ея агенты могли все это читать и въ книгахъ, и въ общественныхъ явленіяхъ, и между тѣмъ всѣ они оста-

лись при своемъ старомъ мнѣніи о нѣмцахъ, — всѣмъ имъ чудились одни лишь феодальные порядки, и больше ничего. Старые зàмки дѣйствительно торчатъ по всей Германіи, и особенно на берегахъ Рейна, но въ этихъ старыхъ зàмкахъ поются новыя пѣсни, и въ этихъ новыхъ пѣсняхъ звучатъ современныя ноты свободы, равенства и братства.

Вторая имперія оказалась несостоятельною не только въ оцѣнкѣ національнаго духа нѣмцевъ и относительно миролюбія своей собственной націи, но даже въ искусствѣ вести войну, даже въ снабженіи всѣмъ необходимымъ единственной надежной опоры своей—арміи. Французскіе солдаты оказались въ своей собственной странѣ въ положеніи арміи, находящейся въ осадѣ, — чтобы не умереть съ голоду, имъ приходилось заниматься мародёрствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, занятыхъ впослѣдствіи прусскими войсками, деревенскіе жители говорили безпристрастнымъ корреспондентамъ лондонскихъ газетъ, что французскіе солдаты ведутъ себя на военномъ постоѣ хуже прусскихъ, и часто захватываютъ съѣстные припасы, не платя за нихъ ни одного су, что они воруютъ картофель съ огородовъ и т. п. Захваченные въ плѣнъ французы жаловались, что имъ давали на ежедневные расходы слишкомъ ничтожную для военнаго времени сумму (одинъ франкъ), и что они нуждались не только въ продовольствіи, но даже въ военныхъ припасахъ: патронахъ и порохѣ. Очень можетъ быть, что эта послѣдняя жалоба должна быть отнесена скорѣе къ неискусству французскаго солдата въ обращеніи съ скорострѣльнымъ ружьемъ (онъ слишкомъ часто стрѣляетъ), чѣмъ къ дѣйствительному недостатку въ патронахъ и т. п.; но съ другой стороны есть факты, явно свидѣтельствующіе о дурномъ вооруженіи французской арміи: въ числѣ ружей, доставшихся нѣмцамъ отъ убитыхъ французовъ, попадаются и такія, которыя принадлежатъ къ старой системѣ—не скорострѣльной!

Въ стратегическихъ соображеніяхъ и движеніяхъ, армія Наполеона III оказалась тоже совершенно несостоятельною. Тогда какъ нѣмцы дѣйствуютъ дружно и повсюду являются въ превосходныхъ силахъ, французскіе генералы почти во всѣхъ битвахъ не успѣваютъ вó-время подкрѣпить другъ друга, не знаютъ ни мѣстности, въ которой имъ приходится маневрировать передъ искуснымъ и свѣдущимъ непріятелемъ, ни тактики прусскихъ военачальниковъ. Первыя битвы, потерянныя французами, потеряны именно потому, что отдѣльные корпуса французской арміи стояли въ слишкомъ далекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ и не имѣли никакихъ свѣдѣній о движеніяхъ нѣмецкихъ армій. Устроивъ, 2-го августа, саарбрюкенскій парадъ для императорскаго принца, французскіе генералы, вмѣсто того, чтобы быстро приступить къ наступательной войнѣ, успокоились на лаврахъ сожженія беззащит-

наго города и снова принялись за свое обычное *far-niente*. Учитель принца, генералъ Фроссаръ, предводительствовавшій нападеніемъ на Саарбрюкенъ, остался доволенъ своимъ ученикомъ, и всѣ французскія газеты удивлялись хладнокровію, съ которымъ многообѣщающій принцъ, достойный своего отца, смотрѣлъ на потоки человѣческой крови въ купели его новаго «крещенія». Нѣмецкія арміи между тѣмъ готовились къ наступательнымъ дѣйствіямъ одновременно по всей линіи.

Главнымъ центромъ всѣхъ нѣмецкихъ войскъ служила прирейнская Баварія (Пфальцъ); только сѣверная треть ихъ—первая армія—подъ начальствомъ генерала Штейнмеца, находилась въ прирейнской Пруссіи, охраняя тамъ желѣзно-дорожную станцію Санкт-Іоганнъ, расположенную за Саарбрюкеномъ, по другую сторону рѣки Саара. Вторая армія, самая многочисленная изъ всѣхъ, подъ предводительствомъ принца Фридриха-Карла (брата прусскаго короля), находилась въ срединѣ между первою и третьею, а третья, предводительствуемая прусскимъ наслѣднымъ принцемъ, занимала ту часть Пфальца, которая прилегаетъ къ герцогству Баденскому. Наступательныя дѣйствія начала эта третья армія почти одновременно съ нападеніемъ Штейнмеца на Фроссара. Наслѣдный принцъ напалъ на корпусъ маршала Макъ-Магона. Между Фроссаромъ въ Саарбрюкенѣ и Макъ-Магономъ въ Гагенау стоялъ третій корпусъ французовъ—генерала Фальи, въ крѣпости Бичѣ. Хотя въ Бичѣ слышали выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ, однако войска корпуса Фальи пришли на помощь Фроссару и Макъ-Магону лишь тогда, когда уже было поздно, когда имъ оставалось только раздѣлить общее пораженіе. Корпусу Фроссара пораженіе было нанесено у Форбаха, на Шпикеренскихъ высотахъ, господствующихъ надъ городомъ Саарбрюкеномъ, а корпусу Макъ-Магона при деревняхъ Вёртѣ и Фришвиллерѣ. За два дня до сраженія подъ Вёртомъ, армія наслѣднаго принца одержала побѣду подъ Виссамбуромъ (4-го августа) надъ одною изъ дивизій корпуса Макъ-Магона, но эта побѣда безъ пораженія самого маршала не могла бы имѣть особенно важнаго значенія, такъ какъ она досталась нѣмцамъ крайне дорого. Макъ-Магонъ лишился подъ Вёртомъ 30-ти пушекъ, шести картечницъ, двухъ орловъ и 6,000 плѣнныхъ,—Фроссаръ тоже потерялъ шесть картечницъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Оба корпуса, вмѣстѣ съ дивизіями Фальи, отступили передъ торжествующимъ непріятелемъ въ крайнемъ безпорядкѣ. Фроссаръ бѣжалъ въ Мецъ, Макъ-Магонъ отступалъ къ Нанси и благополучно добрался до шалонскаго лагеря. Погоня за Макъ-Магономъ дала нѣмецкой арміи возможность раздѣлить французскія войска на двѣ неравныя половины, и новою задачею ея сдѣлалось теперь удержать это разъединеніе во что бы то ни стало. Три громадныя битвы подъ Мецомъ (14, 16 и 18 августа: у деревни Панжъ, подъ городомъ Марс-Латуромъ, и у деревень Гравелотта и Резонвилля), въ

которыхъ обѣ стороны лишились чуть ли не цѣлой сотни тысячъ человѣкъ ранеными и убитыми, рѣшили этотъ важный стратегическій вопросъ въ пользу нѣмцевъ, открывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу въ Парижъ. Маршалъ Базенъ, принявшій начальство надъ всею французскою арміею, принужденъ былъ заключиться въ Мецѣ съ корпусами Ладмиро, Декана, Канробера, Бурбаки и Фроссара (остаткомъ); Макъ-Магонъ, подкрѣпленный корпусомъ Дуэ, и съ нѣсколькими дивизіями корпуса Фальи, бросилъ Шалонъ и потянулся еще ближе къ Парижу, который готовится выдержать осаду подъ руководствомъ генерала Трошю.

Нѣмцы вошли во Францію цѣлымъ полу-милліономъ, и къ нимъ постоянно прибываютъ новыя подкрѣпленія. Несомнѣнно, что потери ихъ весьма велики и что имъ пришлось разсѣять свои войска по всей занятой ими странѣ, причемъ одна крѣпость Страсбургъ отвлекла для своей осады не менѣе 20 тысячъ человѣкъ, — несомнѣнно также, что удержать Базена въ Мецѣ дѣло не легкое, которое потребуетъ, пожалуй, двойной, сравнительно съ базеновскою, арміи,—но всѣ эти чисто-военныя затрудненія нисколько не помѣшали и уничтоженію арміи Макъ-Магона, и не помѣшаютъ окончательному торжеству нѣмцевъ, если французскій народъ не возьметъ, наконецъ, оборону отечества въ свои собственныя руки, если онъ не повторитъ на себѣ унизительную исторію 1814 года, продолжая ожидать спасенія въ императорскомъ правительствѣ до вступленія непріятеля въ столицу.

Слѣдя внимательно за ходомъ событій въ Парижѣ и другихъ мѣстностяхъ Франціи, можно съ нѣкоторою положительностью утверждать, что Франція 1870 года похожа скорѣе на Францію 1814, чѣмъ на Францію временъ великой революціи. Нынѣшняя Франція не имѣетъ въ себѣ ни Мирабо, ни Дантона, ни одного военнаго генія, а между нынѣшнимъ законодательнымъ корпусомъ и конвентомъ 1792 года есть также мало общаго, какъ между тѣмъ же конвентомъ и законодательнымъ корпусомъ 1813—1814 года. Можно утверждать, пожалуй, что законодательный корпусъ 1813—1814 года былъ выше нынѣшняго, такъ какъ онъ прямо требовалъ ограниченія личной власти и безъ этого ограниченія не хотѣлъ приступать къ національной оборонѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, подымать народъ противъ внѣшняго врага, когда при помощи его страна можетъ освободиться отъ врага внутренняго, истощившаго всѣ силы націи на удовлетвореніе своего личнаго эгоизма и имѣющаго въ виду лишь окончательное подавленіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ интересовъ народа? Нынѣшній законодательный корпусъ только свергъ ни на что неспособное министерство Олливье-Лебёфа, замѣнивъ его кабинетомъ самыхъ безсовѣстныхъ авантюристовъ второй имперіи, готовыхъ во всякую данную минуту обагрить улицы Парижа кровью лучшей французской молодежи и

безкорыстнѣйшихъ патріотовъ Франціи. Министерство графа Паликао показываетъ, сверхъ того, какой образъ правленія долженъ былъ наступить во Франціи, еслибъ Наполеону III удалось вернуться въ Парижъ съ побѣдными лаврами. Министерство Паликао—это не оборона Франціи, но ужасъ всему, что есть либеральнаго въ Парижѣ. Самъ Паликао извѣстенъ всей Европѣ лишь своими варварскими и грабительскими подвигами въ Китаѣ, да еще тѣмъ, что онъ взялъ въ плѣнъ Абдель-Кадера. Это человѣкъ грубый, малообразованный, лихоимецъ и тиранъ. Отъ него отвернулись всѣ его собраты по оружію, онъ не участвовалъ въ итальянской компаніи 1859 года потому только, что всѣ другіе генералы французскихъ войскъ отказывались идти съ нимъ въ одной и той же арміи. Законодательный корпусъ 1857—1863 г.—собраніе, крайне раболѣпное предъ императорскимъ правительствомъ—не только не соглашался наградить Паликао за его китайскую экспедицію, но даже требовалъ отдать его подъ судъ за разбойническое обращеніе съ китайцами. Другіе члены новаго министерства принадлежатъ къ той же категоріи людей. Таковъ же блестящій публицистъ Клеманъ Дювернуа, который сперва демократствовалъ въ одной широко распространенной либеральной газетѣ, а потомъ вдругъ сталъ издавать бонапартистскую газету и даже обратилъ ее въ органъ самого императора, — у него есть и талантъ, и стиль, и знанія, но у него нѣтъ такихъ убѣжденій, которыя не могли бы появиться на денежномъ рынкѣ,—и его сдѣлали министромъ торговли! Таковъ же нѣкій Жеромъ Давидъ, фрондировавшій противъ всѣхъ либеральныхъ начинаній самого императора и гласно, пожалуй, даже честно утверждавшій, что либеральная имперія—химера; онъ теперь министръ публичныхъ работъ. Таковъ же ничѣмъ незамѣчательный Мань, появляющійся въ качествѣ министра финансовъ всякій разъ, когда нужно сдѣлать крупный заемъ для поддержанія какихъ-нибудь династическихъ плановъ. Вотъ еще министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Латуръ д'Овернь — извѣстный только тѣмъ, что онъ графъ и знаетъ придворные этикеты. Перечислять другихъ знаменитостей кабинета Паликао не стóитъ;—характеръ этого кабинета ясенъ и безъ того. Пока онъ находится во главѣ правленія, Франція должна быть признаваема второю имперіею,—пока законодательный корпусъ заявляетъ къ нему довѣріе, корпусъ долженъ быть признаваемъ собраніемъ бонапартистовъ, а корпусъ не только раболѣпствуетъ передъ Паликао, но и готовъ вмѣстѣ съ нимъ переправиться изъ Парижа куда угодно, лишь бы спасти личную систему правленія. Когда, 26-го августа, депутатъ Келлеръ предложилъ корпусу заявить, что это собраніе должно засѣдать только въ столицѣ, оно громаднымъ большинствомъ голосовъ отвергло предложеніе Келлера и тѣмъ соединило свои судьбы съ министерствомъ Паликао.

Но кромѣ министерства и законодательнаго корпуса, въ столицѣ

Франціи есть еще такъ-называемый «комитетъ обороны города Парижа», съ генераломъ Трошю во главѣ. Въ этомъ комитетѣ кромѣ Трошю есть еще четыре генерала, изъ которыхъ одинъ—Шабо-Латуръ—личный другъ Трошю; за тѣмъ къ комитету причислены три министра: военный, морской и публичныхъ работъ (Паликао, Риго-де-Женульи и Жеромъ-Давидъ), и маршалъ Вальянъ, личный другъ Наполеона III. Въ послѣднее время, либеральный депутатъ Кератри много старался о томъ, чтобъ въ комитетѣ парижской обороны законодательный корпусъ имѣлъ своихъ собственныхъ представителей, и въ томъ же числѣ (9), но послѣ многихъ споровъ съ Паликао, Кератри не успѣлъ провесть своего предложенія: законодательный корпусъ отвергъ эту гарантію своего участія въ дѣлѣ столичной обороны большинствомъ 206 голосовъ противъ 41. Этотъ фактъ тоже отлично характеризуетъ стремленія законодательнаго собранія. Но этого мало,—Паликао рѣшился даже унизить его въ его собственныхъ глазахъ: онъ сказалъ депутатамъ съ трибуны, что онъ готовъ доказать имъ свое довѣріе въ дѣлѣ національной обороны и самъ назначить трехъ членовъ законодательнаго корпуса въ члены столичнаго комитета; эти трое—графъ Дарю, маркизъ Талюэ и Дюпюи-де-Ломъ. Вмѣстѣ съ ними назначены въ комитетъ же два сенатора: Бегикъ и генералъ Меллине. Наконецъ, 26 августа въ «Оффиціальномъ Журналѣ» появилось назначеніе въ комитетъ и Тьера, который въ 40-выхъ годахъ успѣлъ побудить правительство къ устройству укрѣпленій, защищающихъ теперь Парижъ отъ непріятеля. Но Тьеръ не сразу вошелъ въ составъ комитета столичной обороны; 27-го августа онъ объявилъ въ палатѣ, что согласится вступить въ комитетъ обороны лишь съ утвержденія самой палаты. Министерство и тутъ нашлось чтó сказать. «Мы *назначили* Тьера только потому, что полагали, что такъ какъ онъ положилъ основаніе укрѣпленіямъ, то онъ *естественно долженъ* участвовать въ ихъ защитѣ». Депутатъ лѣвой стороны Штенакерсъ хотѣлъ-было продолжать демонстрацію Тьера, предложивъ палатѣ *избрать* Тьера безъ баллотировки, но президентъ палаты Шнейдеръ тотчасъ перебилъ Штенакерса, замѣтивъ, что никакого избранія ненужно, такъ какъ палата своими криками уже «выразила сочувствіе этому *назначенію*». Какъ ревниво отдѣляетъ министерство комитетъ парижской обороны отъ законодательнаго корпуса, можно видѣть еще изъ слѣдующаго факта. Когда, послѣ битвы подъ Мецомъ, для всѣхъ стало ясно, что армія маршала Базена отрѣзана отъ Парижа, оппозиціонные члены законодательнаго корпуса потребовали, въ тайномъ засѣданіи, чтобы передъ ними предсталъ генералъ Трошю, то Паликао прямо и энергически отказался исполнить это требованіе. Министръ объявилъ, что генералъ Трошю не что иное, какъ его подчиненный: «я единственный глава въ Парижѣ»—сказалъ Паликао, и въ его словахъ звучала нота Лю-

довика XIV, когда тотъ произнесъ свое знаменитое: «l'état — c'est moi!».

На отчужденіе Трошю отъ законодательнаго корпуса есть весьма важныя причины. Генералъ Трошю (Trochu) пользовался нѣкоторою популярностью въ парижской публикѣ со времени обнародованія его книжки: «L'Armée Française en 1867», выдержавшей въ томъ же году до двадцати изданій. Въ этомъ сочиненіи, генералъ подвергъ суровой критикѣ всѣ стороны французской арміи, особенно строго напирая на тотъ пунктъ, что она обладаетъ не народнымъ характеромъ, а династическимъ. Книга Трошю сильно не понравилась не только при дворѣ, но и въ генеральномъ штабѣ, и авторъ ея оставался съ тѣхъ поръ въ опалѣ, что̀ способствовало, конечно, упроченію его собственной популярности въ либеральныхъ кружка́хъ Парижа. Въ началѣ войны Трошю не дали ни одного важнаго порученія, его бросили въ Шербургъ къ морскимъ солдатамъ, съ которыми онъ долженъ былъ принять участіе въ экспедиціи въ Балтійское и Нѣмецкое моря, но для транспортированія которыхъ вмѣсто 120 судовъ оказалось въ наличности лишь 22. Побѣды нѣмцевъ на границѣ и ихъ быстрое преслѣдованіе французскихъ войскъ заставили правительство отказаться отъ высадки на берегахъ Балтійскаго моря и призвать морскихъ солдатъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ которыми прибылъ въ Парижъ и Трошю. Парижъ былъ въ то время сильно взволнованъ тревожнымъ молчаніемъ изъ-подъ Меца, въ назначеніи Трошю главнокомандующимъ парижскихъ войскъ правительство надѣялось найти дешевое средство для успокоенія парижанъ и возбужденія въ нихъ довѣрія къ новымъ военнымъ приготовленіямъ министерства Паликао. Трошю согласился принять на себя главную роль въ оборонѣ Парижа и сразу явился передъ публикою съ прокламаціею, въ которой ни однимъ словомъ не упоминается о существованіи императора, и громко взывалъ къ «обдуманной, твердой рѣшимости великаго военнаго народа». Парижъ — говорилъ генералъ — «принимаетъ подобающую ему роль и желаетъ стать центромъ великихъ усилій, великихъ примѣровъ и жертвъ». Парижанамъ эта прокламація весьма понравилась,—только газета «Temps» нечаянно замѣтила, что генералъ хотя признаетъ себя человѣкомъ, «не принадлежащимъ ни къ какой партіи, кромѣ партіи отечества», тѣмъ не менѣе проситъ жителей «наказывать собственными руками тѣхъ, кто, не принадлежа ни къ какой партіи, видитъ въ общественныхъ несчастіяхъ только случай къ удовлетворенію своихъ презрѣнныхъ инстинктовъ»;—кто же эти люди? спрашиваетъ «*Temps*». Либеральный генералъ написалъ въ отвѣтъ очень длинное письмо, въ которомъ прямо порицаетъ личный образъ правленія, именуетъ себя «человѣкомъ свободнаго слова» (un homme de libre discussion), и *такъ* объясняетъ недоразумѣніе газеты «Temps»:— «Можетъ наступить пора, когда Парижъ, угрожаемый со всѣхъ сто-

ронъ и подвергающійся всѣмъ испытаніямъ осады, будетъ, такъ-сказать, преданъ тому специальному классу негодяевъ (de gredins), которые видятъ въ общественныхъ несчастіяхъ только случай къ удовлетворенію ихъ презрѣнныхъ инстинктовъ. Эти люди, какъ извѣстно, бѣгаютъ тогда по испуганному городу съ крикомъ: «измѣна!»—они бросаются въ дома̀ и грабятъ. Этихъ-то людей я рекомендую захватывать всѣмъ частнымъ людямъ, такъ какъ всѣ полицейскія силы понадобятся на крѣпостные валы—вотъ и всё». Газета «Temps» нашла въ этихъ объясненіяхъ «самый возвышенный патріотизмъ и самую чистую демократію», хотя въ сущности эти объясненія ровно ничего не объяснили, ибо ловить и бить мошенниковъ и безъ приказаній генерала всякій гражданинъ всегда считалъ себя вправѣ.

Что генералъ Трошю, которому такъ сильно обрадовались всѣ парижскіе либералы, мѣтитъ въ своей прокламаціи не въ уличныхъ негодяевъ только, но и въ другихъ людей, — это доказывается тѣмъ простымъ фактомъ, что съ вступленіемъ его въ должность парижскаго губернатора и главнокомандующаго столичныхъ войскъ, преслѣдованіе демократическихъ газетъ и республиканцевъ вообще не только продолжается, но и принимаетъ еще болѣе широкіе размѣры. До появленія Трошю въ Парижѣ были запрещены «Reveil» и «Rappel», и сама перестала выходить «Марсельеза», со вступленіемъ Трошю въ должность запрещены «Cloche» и «Centre gauche», и гроза виситъ надъ «Siècle» и «Avenir National». Легковѣрные парижане приписываютъ всѣ эти безсмысленныя мѣры одному Паликао, какъ будто бы Трошю, занимая такой важный постъ, не могъ угрозою отставки разомъ положить конецъ всѣмъ политическимъ преслѣдованіямъ. Между тѣмъ, мы въ телеграммахъ изъ Брюселя читаемъ, что эти политическія преслѣдованія обѣщаютъ принять весьма широкіе размѣры и распространиться съ газетъ на лица. Такъ, 26-го августа, въ Парижѣ было арестовано до 1,500 лицъ, между которыми—говоритъ «Indépendance Belge»—было много республиканцевъ, соціалистовъ и осужденныхъ прежде на лишеніе свободы журналистовъ». Этотъ фактъ можно принять за начало новаго *coup d'état*, — если Трошю одобряетъ его, то значитъ у него существуютъ на то серьезныя причины, значитъ, во всякомъ случаѣ, что Трошю не хочетъ республики. Но Трошю можетъ быть непріятенъ имперіи въ другомъ отношеніи, такъ какъ онъ высказывалъ не разъ сочувствіе къ парламентскому правленію, которое, по его мнѣнію, могли бы установить принцы изъ дома Орлеановъ. Другъ его, генералъ Шабо-Латуръ, командующій теперь всею артиллеріей въ Парижѣ, былъ передъ самымъ объявленіемъ войны въ Англіи, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Орлеанами. Имперія готова эксплуатировать услуги этихъ генераловъ, но она употребляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы эти полезные пока генералы не пріобрѣли возможности совершить пе-

реворотъ въ пользу наслѣдниковъ Луи-Филиппа. Эти наслѣдники просились въ армію, чтобы быть поближе къ трону, но имъ отказали, и они успокоились на этомъ отказѣ, такъ какъ въ немъ они имѣютъ теперь прекрасное оправданіе своему бездѣйствію. Само собою разумѣется, что какъ эти принцы, такъ и ихъ сторонники въ арміи, ненавидятъ республиканцевъ также сильно, какъ и вторую имперію, и только этою ненавистью да еще безтактностью самихъ республиканцевъ можно объяснить себѣ такое событіе, какъ арестъ 1,500 французовъ, виновныхъ только въ томъ, что они отъ души ненавидятъ бонапартизмъ, навлекшій на страну всѣ ужасы неудачной и несправедливой войны. Про нынѣшнихъ приверженцевъ Бурбонской династіи можно тоже сказать, что и про прежнихъ: они ничему не научились и ничего не забыли;—и у нихъ, какъ у бонапартистовъ, на первомъ планѣ интересы династіи, а не свободы и матеріальнаго благосостоянія Франціи.

Безтактность республиканцевъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они пустились сами въ глупыя и даже гнусныя демонстраціи противъ нѣмцевъ и тѣмъ дали поводъ правительству провозглашать всѣхъ людей, пылко проявляющихъ свою ненависть противъ второй имперіи, измѣнниками Франціи, состоящими на жалованьѣ у Пруссіи. Сами республиканскіе депутаты подстрекали всѣхъ взрослыхъ парижанъ, съ трибуны законодательнаго корпуса, добыть себѣ оружіе во что бы то ни стало, а между тѣмъ, когда горячіе люди напали въ Вильеттѣ на казенный складъ оружія и при этомъ ранили нѣсколькихъ пожарныхъ, тѣ же республиканскіе депутаты, въ лицѣ Гамбетты, потребовали строгаго и быстраго суда надъ этими «иностранцами». Вся правая сторона палаты съ восторгомъ привѣтствовала безтактность Гамбетты, а свирѣпый Паликао даже благодарилъ его и тотчасъ же назначилъ военный судъ надъ вильетскими революціонерами, изъ которыхъ шестеро осуждены на смертную казнь. Послѣ выходки Гамбетты, каждаго республиканца, который почему-либо не нравится министерству, можно тотчасъ бросить въ тюрьму по одному подозрѣнію въ томъ, что онъ будто бы подкупленъ Пруссіей. Какъ поступаетъ Паликао даже съ самыми популярными людьми изъ республиканской партіи — можно видѣть по участи Рошфора. Этотъ писатель, несмотря на то, что срокъ его заключенію уже кончился, все еще томится въ тюрьмѣ и имѣетъ въ законодательномъ корпусѣ лишь одного защитника — старика Распайля, который пытался-было сдѣлать вопросъ правительству по этому дѣлу, но одно имя Рошфора возбудило въ палатѣ такой шумъ, что Распайль лишенъ былъ физической возможности сдѣлать свой запросъ. И въ виду этого возмутительнаго отстаиванія вопіющаго нарушенія закона, Гамбетта рѣшился утвердить своимъ голосомъ справедливость приговоровъ военнаго суда

надъ вильетскими обитателями, принявшими совѣтъ Пикара о необходимости добыть себѣ оружіе во что бы то ни стало за серьезное дѣло! Къ чему же въ такомъ случаѣ всѣ эти Пикары и Гамбетты подымаютъ постоянно въ палатѣ вопросъ о національной оборонѣ, о крайней необходимости вооружить всѣхъ гражданъ, — къ чему они самымъ жестокимъ образомъ порицаютъ и министровъ и правую сторону за то, что они не только не хотятъ снабжать оружіемъ бѣдныхъ людей, но даже совершенно устраняютъ послѣднихъ изъ рядовъ національной обороны? Самъ Жюль-Фавръ — тоже республиканецъ — требовалъ, чтобы снова ввесть законъ 1831-го года о національной гвардіи, а этимъ закономъ (онъ принятъ и введенъ) въ національные гвардейцы принимаются только такіе люди, которые могутъ экипироваться и вооружиться на свой собственный счетъ. Пролетарій и рабочій вообще не только не принимается въ составъ національной гвардіи, но — по послѣднему приказу Трошю — даже долженъ будетъ совершенно покинуть Парижъ, ибо онъ «не въ состояніи заготовить для себя жизненные припасы на все время осады». Вмѣстѣ съ рабочими людьми изгоняются изъ Парижа и всѣ нѣмцы, хотя бы они были подданными не тѣхъ державъ, съ которыми Франція находится теперь въ войнѣ.

Просматривая весь этотъ длинный рядъ безпрестанныхъ беззаконій со стороны министерства и безтактностей со стороны другихъ партій какъ въ законодательномъ корпусѣ, такъ и въ ихъ общественной дѣятельности, и зная также, какіе двусмысленные и лживые бюллетени о ходѣ военныхъ событій сообщаетъ французамъ императорское правительство — рѣшительно недоумѣваешь, откуда берется то удивительное довѣріе, какимъ окружаетъ парижанинъ все оффиціальное, все власть имѣющее. Ихъ увѣряютъ, что маршалъ Базенъ совершаетъ будто бы какія то стратегическія движенія, и они вѣрятъ, хотя прусскія телеграммы и лондонскія газеты давно уже сообщили всему міру, что Базенъ сидитъ въ крѣпости Мецѣ, отовсюду окруженный нѣмецкими войсками. Ихъ увѣряютъ, что Паликао успѣетъ во-время организовать и вооружить новую громадную армію — и они вѣрятъ, хотя самъ Паликао говоритъ, что ружья куплены въ Англіи, но еще не доставлены въ Парижъ. Ихъ увѣряютъ, наконецъ, что генералъ Трошю сдѣлаетъ столицу совершенно неприступною крѣпостью, — и они вѣрятъ этому, хотя сами рѣшительно не понимаютъ, откуда возьмется въ Парижѣ столько войска, сколько нужно для обороны фортовъ, вооруженныхъ 2-мя тысячами пушекъ. Правда, отъ этой легкомысленной вѣры всего одинъ шагъ къ такому же легкомысленному отчаянію. Сегодня существуетъ полное довѣріе ко всему и непоколебимая вѣра въ успѣхъ, назавтра въ Парижѣ будетъ господствовать паническій страхъ. Въ продолженіи этой войны, съ нимъ случилось такъ уже два раза: послѣ пораженія подъ Вёртомъ и послѣ битвы подъ Мецомъ, когда

узнали, наконецъ, что эти битвы не помѣшали непріятелю продолжать свое движеніе на Парижъ. Вообще говоря, только съ большимъ трудомъ можно представить себѣ нѣкоторую возможность неудачи нѣмцевъ подъ Парижемъ, который не перестанетъ страдать отъ внутренней неурядицы даже въ виду непріятеля. Да, оно и быть иначе не можетъ. Паликао, Трошю и какой-нибудь республиканецъ изъ Вильеты—можетъ ли быть между ними что-нибудь общее, когда вопросъ идетъ не только объ оборонѣ столицы Франціи, но и о томъ еще, какой династіи удобнѣе всего возсѣсть на французскій тронъ послѣ побѣды надъ нѣмцами. Столичная буржуазія, на долю которой выпадаетъ защита Парижа, напуганная прокламаціею Трошю о «gredins», готовыхъ кинуться, во время осады, на дома мирныхъ гражданъ и учинить грабежъ, едва ли согласится выдержать долгую осаду: у нея весь вопросъ заключается въ династіи и она, во всякомъ случаѣ, предпочтетъ капитуляцію и переходъ Парижа въ руки дисциплинированной арміи внѣшняго врага, предоставленію своихъ сокровищъ всѣмъ случайностямъ нападенія со стороны этихъ ужасныхъ «gredins», вооружить которыхъ ни Трошю, ни Паликао никакъ не рѣшаются, и о вооруженіи которыхъ республиканскіе депутаты, въ родѣ Гамбетты, говорятъ лишь потому, что на такое вооруженіе не согласится бонапартовское министерство. Конечно, Трошю изгоняетъ этихъ «gredins» изъ Парижа, но всѣхъ не выгонишь, и ихъ во всякомъ случаѣ останется тамъ такое количество, которое подѣйствуетъ на мужество буржуазныхъ гвардейцевъ несравненно гибельнѣе, чѣмъ синіе мундиры пруссаковъ.

Несомнѣнно, что будь Франція свободна, будь она, какъ въ 1792 году, на другой день послѣ своего освобожденія отъ внутреннихъ притѣснителей и династическихъ честолюбцевъ,—она съ умѣла бы справиться съ внѣшнимъ врагомъ и у нея хватило бы силъ прогнать непріятеля не только изъ-подъ Парижа, но и изъ предѣловъ Франціи вообще, такъ какъ въ настоящее время уже всѣ французы, во всѣхъ углахъ своего отечества, начинаютъ сознавать свое національное униженіе, и если они все-таки не сливаются въ одно крѣпкое, непоколебимое цѣлое, то отчасти потому, что 20-лѣтнее политическое развращеніе лишило ихъ инстинкта иниціативы въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, а отчасти потому, что значительное число ихъ справедливо опасалось, что пока власть находится въ рукахъ имперіи, народный энтузіазмъ, поднятый и возбужденный въ пользу защиты отечества, могъ въ концѣ концовъ сыграть лишь роль слѣпого орудія въ интересахъ той самой власти, которая довела Францію до нынѣшняго гибельнаго состоянія. Если Наполеонъ III продолжалъ держаться арміи и старался представить себя раздѣляющимъ съ нею всѣ опасности, то исключительно въ тѣхъ видахъ, чтобы вы-

ждать возбужденіе народнаго духа и потомъ, воспользовавшись этимъ энтузіазмомъ для изгнанія нѣмцевъ изъ Франціи, силою того же энтузіазма снова укрѣпиться на тронѣ подъ именемъ Наполеона IV...

Усерднымъ агитаторомъ своимъ среди невѣжественныхъ крестьянъ вторая имперія считало духовенство, и эта агитація проявила уже свое династическое вліяніе. Въ Эльзасѣ и Лотарингіи, и вообще въ департаментахъ, занятыхъ нѣмецкими войсками, фанатизмъ невѣжественной толпы былъ направленъ почти исключительно противъ непріятельскихъ солдатъ, которыхъ сельскіе священники старались представить крестьянамъ какимъ-то исчадіемъ ада, идущимъ обращать французовъ въ лютеранство, грабить и всячески тиранить ихъ, насиловать ихъ женъ и дочерей. Эта безсмысленная проповѣдь, впрочемъ, распространяется по всей Франціи не только священниками, но и почти всею французскою прессою, за исключеніемъ органовъ искренно-либеральнаго направленія;—особенно отличаются въ этомъ науськиваніи толпы на нѣмцевъ парижскія бонапартистскія газеты, и этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что бонапартизмъ ищетъ теперь спасенія въ самыхъ дурныхъ страстяхъ нафанатизированнаго невѣжества. Эти страсти, направленныя противъ нѣмцевъ, побуждаютъ эльзасскихъ крестьянъ выкалывать глаза и вырѣзывать языки раненымъ нѣмецкимъ солдатамъ, отравлять колодцы и т. п., а направленныя противъ французовъ, эти страсти возбуждаютъ глупую толпу къ истребленію всѣхъ, кто радуется паденію имперіи. Въ Дордони былъ уже случай захвата одного неосторожнаго юноши (не изъ крестьянъ), котораго крестьяне не только избили и изуродовали, но сожгли живымъ за то только, что онъ будто бы радовался побѣдамъ пруссаковъ. Въ Сомскомъ департаментѣ, когда представитель его въ законодательномъ корпусѣ, графъ д'Эстурмель объявилъ крестьянамъ, что онъ считаетъ нужнымъ низложить императора, толпа сперва стала бранить графа и затѣмъ бросилась на него и хотѣла его повѣсить, и если повѣшеніе не состоялось, то лишь благодаря благоразумію одного изъ крестьянъ, уговорившаго своихъ собратовъ лучше сдать графа ближайшимъ властямъ, чѣмъ расправиться по собственному произволу. Бонапартистскія газеты съ радостью принимаютъ эти ужасные факты въ доказательство того, что имперія еще пользуется широкою популярностью среди крестьянъ, которые будто бы приписываютъ всѣ нынѣшнія неудачи «измѣнѣ», подъ которою можно разумѣть что угодно. Съ другой стороны, эти факты служатъ бонапартистамъ средствомъ для угрозы всѣмъ ненавистникамъ имперіи новою жакеріей; — угроза весьма гнусная, конечно, но сильная. Бонапартисты, однако, сильно ошибаются, если полагаютъ, что крестьяне вездѣ, по всей Франціи, преданы императору также слѣпо, какъ въ какой-нибудь крайне невѣжественной Дордони (60 процентовъ безграмот-

ныхъ) или въ деревнѣ Эстурмеля. Изъ англійскихъ газетъ, а отчасти и изъ французскихъ мы узнаемъ, что тамъ и сямъ крестьяне говорятъ, что ихъ *обманули*. «Если бы мы знали, что утвердительный отвѣтъ во время плебисцита означалъ всѣ эти бѣдствія войны съ Пруссіею, мы дали бы нашимъ мерамъ отрицательные бюллетени» — таковъ былъ общій говоръ среди крестьянъ, находившихся въ департаментахъ между Парижемъ и рейнской границею, когда сквозь нихъ проѣзжалъ одинъ изъ корреспондентовъ «Daily-News»; тоже самое говорили крестьяне одному французскому землевладѣльцу, пишущему изъ Парижа въ газету «Times».

Само собою разумѣется, что всѣ эти сожалѣнія о прошлыхъ ошибкахъ нисколько не уменьшили бы общаго патріотическаго воодушевленія, еслибъ сожалѣющіе получили какую-нибудь солидную гарантію въ томъ, что въ будущемъ новый обманъ невозможенъ, но этой гарантіи не можетъ быть, пока существуетъ министерство Паликао. Оттого-то мы видимъ рядомъ съ разными фактами патріотическаго самопожертвованія проявленіе самаго ѣдкаго раздраженія противъ власти, организующей дѣло національной обороны. Съ одной стороны создаются группы вольныхъ стрѣлковъ, съ другой мы видимъ неповиновеніе военному начальству со стороны парижской національной гвардіи. Тутъ являются люди готовые идти прямо въ бой, но имъ не даютъ оружія, тамъ другіе, хорошо вооруженные, отказываются идти на войну оттого только, что не увѣрены въ пользѣ изгнанія внѣшняго врага изъ предѣловъ отечества въ такую минуту, когда этотъ внѣшній врагъ бьетъ злѣйшаго изъ внутреннихъ враговъ Франціи. Хаосъ страшный, и трудно сказать, выйдетъ ли изъ него Франція цѣлая, обновленная. Большинство фактовъ, представленныхъ до сихъ поръ событіями на театрѣ войны и въ столицѣ Франціи обѣщаетъ скорѣе катастрофу 1814 года, чѣмъ республиканскую непобѣдимость 1793 г.

Для Германіи нынѣшняя война уже успѣла оказать громадную услугу—соединить всѣхъ нѣмцевъ въ одно цѣлое и вселить въ нихъ вѣру въ свое національное могущество. Къ несчастію, въ пылу побѣдъ они начинаютъ забывать, что могущество Германіи не должно создаваться путемъ напраснаго и ненужнаго ослабленія Франціи, и что побѣды надъ арміями императора Наполеона еще не даютъ Германіи права на разчлененіе французской земли даже вопреки желаніямъ мирнаго населенія. Между тѣмъ и въ оффиціальномъ органѣ Сѣверо-германскаго Союза, и въ оффиціозной «Provinzial-Correspondenz», и въ южно-германскихъ казенныхъ газетахъ заявляются притязанія Германіи на Эльзасъ и Лотарингію съ 2 милліонами жителей нѣмецкаго происхожденія и говорящихъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ. Къ чести нѣмецкой прессы слѣдуетъ сказать, что демократическія газеты и даже буржуазная «Volks-Zeitung» видятъ въ этомъ захватѣ

униженіе французской націи, между тѣмъ какъ нѣмецкая демократія желала бы только уничтожить бонапартизмъ во Франціи, не возбуждая во французскомъ народѣ стремленія къ военному возмездію. Голосъ этихъ демократовъ былъ бы услышанъ прусскимъ правительствомъ только въ томъ случаѣ, если бы нѣмецкія войска потерпѣли серьезное пораженіе, но этого пораженія пока не предвидится, и желанія демократовъ начинаютъ покрываться не только криками нѣмецкихъ консерваторовъ, но и партіею національныхъ либераловъ, которые, собравшись въ Берлинѣ 31-го августа, единогласно приняли адресъ къ прусскому королю, въ которомъ заявляютъ полное довѣріе къ «мудрости короля», то-есть и къ его желанію оторвать отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Такой захватъ будетъ повтореніемъ исторіи съ Ниццою и Савойею, но съ тою разницею, что Ницца и Савойя присоединялись къ государству, которое по своему политическому устройству мало чѣмъ отличается отъ того, къ которому эти земли прежде принадлежали, и которое, сверхъ того, всегда служило центромъ притяженія для многихъ изъ гражданъ Ниццы и Савойи. Жители Эльзаса и Лотарингіи имѣютъ весьма мало общаго съ остальною Германіей, — въ нихъ нѣтъ никакого партикуляризма, они успѣли уже принять въ себя привязанность къ великимъ дѣламъ ихъ общаго отечества, Франціи; всѣ рабочіе, всѣ образованные люди Эльзаса и Лотарингіи (эти провинціи — самыя образованныя послѣ Парижа) уже со временъ великой революціи принимаютъ дѣятельное участіе въ общемъ политическомъ движеніи Франціи; они привыкли, въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, считать всѣ удачи и пораженія общественныхъ силъ въ дѣлѣ цивилизаціи Франціи своими собственными пораженіями и удачами и вдругъ—одинъ несчастный случай, и всѣ эти милліоны людей должны сразу измѣнить всѣ свои лучшія симпатіи и антипатіи и стать членами совершенно иной среды, правда, тоже образованной, тоже свободолюбивой, но развивающейся совершенно на другихъ преданіяхъ и отличающейся совершенно иными привычками и нравами. Положеніе крайне тяжелое, способное остановить умственное и нравственное развитіе, и даже подорвать матеріальное благосостояніе.

Добрые результаты имѣютъ успѣхи нѣмецкаго оружія на всѣ сосѣднія съ Франціею земли. Римъ почти находится въ рукахъ Италіи, такъ какъ французскія войска уже покинули его. Въ Испаніи маршалъ Примъ склоняется въ пользу республиканцевъ, что особенно замѣтно изъ недавно обнародованной амнистіи по политическимъ преступленіямъ; эта амнистія вполнѣ искренняя, такъ какъ она снимаетъ всѣ запоры съ тюремъ, въ которыхъ были заключены политическіе преступники, и открываетъ границу Испаніи для всѣхъ политическихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ. Въ Швейцаріи приступили къ сокращенію

наблюдательной на границѣ арміи, а Бельгія пріобрѣла гарантію своей независимости въ договорѣ Англіи съ Пруссіею и Франціею.

Успѣхамъ же нѣмецкаго оружія во Франціи слѣдуетъ приписать готовящееся примиреніе между чехами и нѣмцами въ Австріи, и даже то обстоятельство, что вѣнское министерство согласилось произвесть новые выборы въ пражскій сеймъ, чего не могли добиться чехи во время первыхъ переговоровъ своихъ съ графомъ Потоцкимъ...

Великія событія, совершившіяся въ послѣдней половинѣ августа мѣсяца, заставляютъ насъ измѣнить нашъ взглядъ на нѣмецко-французскую войну сообразно съ характеромъ перемѣнъ, вызванныхъ седанскою катастрофою, то-есть пораженіемъ и сдачею маршала Макъ-Магона и плѣномъ самого императора Наполеона. Извѣстіе объ этихъ событіяхъ дошли до Парижа лишь 3-го сентября, и на другой же день вызвали въ народѣ стремленіе сбросить съ себя путы второй имперіи. Это стремленіе достигло своей цѣли безъ всякихъ опасныхъ потрясеній, при общемъ энтузіазмѣ народа: Парижъ, а за нимъ и всѣ большіе города Франціи провозгласили республику, и во главѣ французской націи мы видимъ теперь правительство, составленное изъ людей искренно-демократическаго образа мыслей, съ способнымъ и даровитымъ генераломъ (Трошю) въ качествѣ президента. Трошю не былъ республиканцемъ по убѣжденію, но обстоятельства влекутъ его въ республику, и такъ какъ онъ не политикъ вообще, и имѣетъ теперь въ виду лишь изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Франціи, то можно надѣяться, что пока Парижъ не перейдетъ въ руки нѣмцевъ, и пока одинъ нѣмецкій солдатъ остается на французской землѣ, Трошю будетъ идти рука объ руку съ республикою,—будетъ такимъ же республиканцемъ, какъ всѣ его собраты въ новомъ правительствѣ: Гамбетта, Жюль Фавръ, Пикаръ, Жюль Симонъ и другіе.

И такъ, Франція—республика, и она можетъ биться теперь съ непріятелемъ, не опасаясь того, что ея побѣда можетъ быть невыгодна или гибельна императорской династіи. Теперь каждому французу, имѣющему хотя искру любви къ своему отечеству, представляется широкій, ничѣмъ не стѣсняемый просторъ дѣятельности для спасенія независимости и нераздѣльности Франціи. Возобновленная Франція можетъ еще разъ явить изумленному міру великій примѣръ республики 1792 г.

До послѣднихъ дней, мы имѣли передъ собою войну между императоромъ Наполеономъ и нѣмецкою націею, — теперь обстоятельства придаютъ войнѣ характеръ почти совершенно противоположный. Императора Наполеона нѣтъ вовсе, и мы видимъ передъ собою лишь французскую націю, сбросившую съ себя иго гнуснаго деспотизма и сражающуюся за цѣлость своей территоріи, на которую

заявляютъ притязаніе хищники изъ нѣмцевъ въ родѣ Наполеона III Нѣмецкая нація, если судить по отзывамъ ея лучшихъ и образованнѣйшихъ представителей, напримѣръ Штрауса, Кольба, Венедея и т. п., не питаютъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ и требовали лишь гарантій своей безопасности въ будущемъ; лучшую гарантію въ этомъ отношеніи представляетъ провозглашеніе республики во Франціи и признаніе Франціей единства Германіи, что, конечно будетъ сдѣлано. Требовать отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи послѣ низверженія Наполеона и провозглашенія республики — такое требованіе могутъ заявлять только такіе же политическіе хищники, какимъ былъ низверженный императоръ. Все, что есть благороднаго и великодушнаго въ нѣмецкой націи, съ омерзѣніемъ отвернется отъ подобныхъ требованій, такъ какъ исполнить ихъ республика не можетъ, да и не должна, и такъ какъ настаивать на нихъ вооруженною силою значитъ стремиться солдатскою рукою задавить и уничтожить свободу чужой націи, имѣющей въ себѣ всѣ задатки не только къ нравственному и умственному развитію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но и служить превосходнымъ стимуломъ въ дѣлѣ общаго прогресса въ Европѣ. Мы не сомнѣваемся, что нѣмецкіе демократы—до многихъ національныхъ либераловъ включительно — поймутъ, что дальнѣйшее продолженіе войны съ Франціей и всѣ побѣды, которыя могутъ одержать теперь нѣмцы съ цѣлью захвата Эльзаса и Лотарингіи, будутъ побѣдами не германскаго единства надъ наполеоновскимъ хищничествомъ, но побѣдами Бисмарковскаго хищничества надъ французскимъ единствомъ. Вотъ почему всѣ наши симпатіи съ настоящей минуты принадлежатъ Франціи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

О современномъ состояніи періодической литературы въ Италіи.

Августъ, 1870.

Пій IX выбралъ весьма неудобное время для провозглашенія догмата о своей непогрѣшимости. Внезапно разразившаяся война отвлекла тревожное вниманіе публики отъ береговъ Тибра на берега Рейна и дѣянія св. отцовъ, собранныхъ на Вселенскомъ Соборѣ, вдругъ лишились даже чести произвести въ мірѣ хоть сколько-нибудь замѣтный скандалъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла поставилъ Пія IX

въ крайне затруднительное положеніе. Ему, вслѣдствіе его безграничнаго тщеславія, было бы слишкомъ горько умирать въ такое время, когда смерть его врядъ ли могла бы произвести желаемый эффектъ. При такомъ положеніи дѣлъ онъ вовсе былъ бы не прочь, на зло своимъ недоброжелателямъ, пережить двадцати-четырехъ-лѣтній срокъ, который извѣстное римское преданіе полагаетъ предѣломъ его царствованія. Появилось даже новое пророчество, гласящее устами одной ясновидящей, будто бы въ видахъ спасенія церкви, подвергающейся въ настоящее время большимъ опасностямъ, царствованію Пія IX предназначено, въ силу неизреченной благодати Божіей, продлиться до тридцати лѣтъ.

Но каковы бы ни были въ будущемъ судьбы папы и его престола, въ Италіи въ настоящую минуту едва ли съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ въ Германіи и во Франціи слѣдятъ за извѣстіями, приходящими съ поля сраженія. Массы по случаю войны разсуждаютъ такимъ образомъ: если побѣда останется за Франціей, она конечно поспѣшитъ отблагодарить итальянское правительство за его симпатію къ ней отдачей ему Рима. Если же, напротивъ, Франціи суждено потерпѣть пораженіе, силы ея понесутъ такой уронъ, что она рѣшительно не будетъ въ состояніи противиться нашему вступленію въ Римъ, который слѣдовательно, такъ или иначе, а все-таки наконецъ перейдетъ къ намъ. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, большинство итальянской публики замѣтно одобряетъ положеніе, какое приняло наше правительство въ отношеніи франко-прусской борьбы. Справедливы или нѣтъ подобныя предположенія—покажутъ событія, мы же не можемъ не сомнѣваться за одно съ нашими менѣе увлекающимися соотечественниками, чтобъ пріобрѣтеніе Рима при такихъ условіяхъ дѣйствительно послужило намъ въ пользу. Не принесло бы оно намъ напротивъ новыхъ заботъ и, чего добраго, не навлекло бы на насъ новыхъ бѣдъ. Римъ достался бы намъ такимъ образомъ не въ силу нашихъ правъ на него, не въ силу своего собственнаго и всей Италіи единодушнаго страстнаго желанія на это, а единственно потому, что намъ представляется удобный случай отнять его у тѣхъ, кто болѣе не въ силахъ его отстаивать. А такого рода пріобрѣтенія, какъ извѣстно, рѣдко обходятся даромъ и не всегда приносятъ добрые плоды. Развѣ мы уже не видѣли, какъ король итальянскій, получивъ въ даръ отъ Франціи Ломбардію, долженъ былъ за то ей уступить двѣ изъ своихъ собственныхъ наслѣдственныхъ провинцій. Далѣе, Тоскана была присоединена къ Сардиніи, благодаря искусной политикѣ графа Кавура, умѣвшаго склонить на эту мѣру тосканскихъ государственныхъ людей. Южная Италія была подчинена королю славнымъ и побѣдоноснымъ мечемъ Гарибальди. Венецію онъ получилъ тоже изъ рукъ Франціи, и теперь Риму предстоитъ присоединиться къ Италіи вовсе не потому,

что Римъ и Италія не могутъ существовать другъ безъ друга, а только потому, что обстоятельства принуждаютъ Францію наконецъ открыть намъ доступъ въ вѣчный городъ. Такого рода соединеніе, приведенное въ исполненіе при подобныхъ условіяхъ, вмѣсто того чтобъ усилить Италію, скорѣе можетъ ее ослабить. Римъ съ своей язвой католицизма безвреденъ для королевства, пока не входитъ въ составъ его. За то Римъ въ качествѣ столицы Италіи можетъ имѣть на нее пагубное вліяніе.

Невыразимо грустно видѣть, съ какимъ отсутствіемъ всякаго такта и достоинства, съ какимъ непростительнымъ легкомысліемъ относились наши министры въ теченіи послѣдняго десятилѣтія къ вопросу о нашемъ національномъ единствѣ. Они какъ будто не понимали, что перенося столицу изъ Турина во Флоренцію и, далѣе, предполагая перенести ее изъ Флоренціи въ Римъ, они дѣйствовали въ духѣ совершенно противномъ основному началу этого самаго единства, прежде всего требовавшаго прочнаго центра, къ которому могли бы стремиться, находя въ немъ точку опоры, всѣ силы нѣкогда разъединенной страны. Но правительствомъ нашимъ обуяла страсть казаться либеральнымъ, и потому оно то-и-дѣло впадаетъ въ противорѣчія. Стремясь къ объединенію страны, оно, неловкимъ примѣненіемъ слишкомъ широкихъ конституціонныхъ началъ, только все болѣе и болѣе разъединяетъ умы, которые, не видя никакого центра, связывающаго въ одно цѣлое ихъ интересы, пребываютъ въ состояніи постояннаго колебанія и утрачиваютъ энергію и стремленіе къ дружному и послѣдовательному образу дѣйствій.

Мы, въ Италіи, страдаемъ скорѣе отъ избытка, нежели отъ недостатка свободы. Другая нація съ нашими гражданскими правами сдѣлала бы уже чудеса, а мы—все недовольны, все желаемъ бо́льшаго. Вмѣсто того, чтобъ пользоваться тѣмъ, что́ мы имѣемъ, мы постоянно требуемъ лучшаго, иного, подобно больному, который, не видя или вѣрнѣе не желая видѣть причины своей болѣзни, то-и-дѣло мѣняетъ лекарства въ надеждѣ утишить боль. Вмѣсто того онъ только раздражаетъ себя и усиливаетъ зло, отъ котораго страдаетъ. Теперь Италіи прежде всего слѣдовало бы позаботиться о прекращеніи внутри себя всякихъ политическихъ смутъ и серьезно заняться разработкой тѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, какими она еще обладаетъ. Для этого ей болѣе всего надо обратить вниманіе на народное образованіе, которое одно способно пробудить въ массахъ чувство національнаго достоинства. Только съ развитіемъ послѣдняго исчезнетъ корень зла, отъ котораго нынѣ страдаетъ Италія, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ тѣ побочныя бѣдствія, заставляющія насъ такъ громко кричать, какъ будто они были главныя.

На подобныя мысли невольно наводитъ то, какъ масса нашей

публики относится къ кровавой и такъ неожиданно для всѣхъ разразившейся борьбѣ между Франціей и Пруссіей. Ни даже въ 1859 и 1866 г., когда война была въ предѣлахъ нашего собственнаго отечества, когда австрійцы угрожали полной гибелью нашей національности, не слѣдили мы съ большой жадностью за всѣмъ, что происходитъ на полѣ сраженія. Всѣ партіи мгновенно пришли у насъ въ движеніе и не скупятся на изъявленіе своихъ надеждъ и симпатій. Такъ простой народъ, подстрекаемый демократами, громко выражаетъ свою радость по случаю успѣха, какой до сихъ поръ сопровождалъ прусское оружіе. Но въ этомъ онъ руководствуется вовсе не сочувствіемъ къ германской независимости, которой будто бы угрожаютъ честолюбивые замыслы французскаго императора, а просто-на-просто ненавистью къ личности Наполеона III за извѣстное дѣло при Ментанѣ. А для Бисмарка достаточно того, что онъ противникъ Наполеона, чтобъ слыть въ глазахъ нашихъ демократовъ настоящимъ героемъ. Правительственная партія, съ другой стороны, очень хорошо знаетъ, что на Наполеона III никакъ нельзя взвалить всей отвѣтственности за кровопролитіе при Ментанѣ. Ей слишкомъ хорошо извѣстно участіе, какое она сама принимала въ нихъ, и теперь она всячески старается возбудить въ публикѣ сочувствіе къ Франціи. Съ этой цѣлью она безпрестанно толкуетъ объ опасности, какою Пруссія угрожаетъ въ лицѣ Франціи всей латинской цивилизаціи, какъ будто бы первая была вмѣстилищемъ всякаго невѣжества, а вторая оплотомъ знанія и мудрости.

Такого рода преувеличенныя сужденія снова до крайности возбудили у насъ пагубный духъ партій и опять отвлекли насъ отъ нашихъ собственныхъ домашнихъ дѣлъ. Торговля и промышленности наши отъ этого не мало страдаютъ, но за то въ выгодѣ издатели политическихъ журналовъ. Самыя ничтожныя изъ нашихъ газетъ, въ настоящее время, расходятся тысячами экземпляровъ. На серьезныя статьи, какія могутъ въ нихъ заключаться, никто конечно не обращаетъ вниманія, но всѣ съ жадностью бросаются на телеграфическія депеши, которыя наперерывъ стараются сообщать, часто болѣе изумительныя, нежели достовѣрныя извѣстія.

Если принять въ соображеніе всеобщее броженіе умовъ, то придется сознаться, что настоящій моментъ не изъ самыхъ приличныхъ для спокойнаго обсужденія современнаго состоянія въ Италіи періодической литературы. Но быть можетъ, въ Россіи нѣсколько спокойнѣе относятся къ настоящимъ событіямъ и потому не считаю вполнѣ несвоевременнымъ предложить вашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нашей журналистикѣ.

Вкусъ къ періодическимъ изданіямъ чисто литературнаго свойства впервые появился въ прошломъ столѣтіи, когда журналъ «Caffè»,

издававшійся знаменитымъ маркизомъ Беккаріей и братьями Берри, пріобрѣлъ себѣ чуть-ли не европейскую извѣстность. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія первенство по этой части литературы безспорно принадлежало Милану. Послѣ австрійской реставраціи въ 1815 г. ломбардскіе патріоты вздумали положить нѣкоторыя моральныя границы все болѣе и болѣе усиливающемуся вліянію австрійцевъ и съ этой цѣлью основали журналъ «Il Conciliatore». Всѣмъ извѣстна роль, какую этотъ журналъ игралъ въ 1820 г., въ печальной участи Сильвіо Пеллико, который былъ секретаремъ при его редакціи. Осужденіе послѣдняго на заключеніе въ Шпильбергѣ было въ тоже время смертнымъ приговоромъ для «Il Conciliatore», послѣ чего лучшіе изъ итальянскихъ писателей, группировавшихся вокругъ знаменитаго поэта Винченцо Монти, стали помѣщать свои произведенія въ новомъ изданіи, получившемъ названіе «Biblioteca italiana». Когда же и на этотъ послѣдній журналъ было наложено запрещеніе, миланское общество литераторовъ, не унывая отъ предъидущихъ неудачъ, положило основаніе извѣстной «Rivista Europea», въ которой главнымъ сотрудникомъ былъ даровитый критикъ Карло Тенка. Журналъ этотъ довольно долгое время пользовался вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, пока его не затмила другая, болѣе яркая звѣзда, появившаяся на литературномъ горизонтѣ подъ именемъ «Politecnico». Впрочемъ этотъ послѣдній не долго пользовался своей славой и угасъ не позже какъ въ 1849 г., когда его издатель, чрезвычайно талантливый писатель и ученый, Карло Каттанео, принужденъ былъ эмигрировать въ Лугано. Тогда Миланъ внезапно остался безъ всякаго литературнаго органа, который могъ бы служить выраженіемъ патріотическихъ стремленій ломбардскихъ гражданъ. Однако такой пробѣлъ не могъ долго существовать въ ихъ жизни, и лучшіе умы тогдашняго времени не замедлили вновь соединиться для изданія новаго еженедѣльнаго журнала, гдѣ, подъ видомъ литературной критики, поддерживали въ итальянцахъ мужество и надежду на лучшія времена. Журналъ этотъ, во главѣ котораго стояли Тенка и Алліеви, носилъ названіе «Crepuscolo» и, благодаря усиліямъ своихъ даровитыхъ и великодушныхъ сотрудниковъ, имѣлъ благотворное вліяніе на ломбардцевъ. «Crepuscolo», подобно своему предшественнику «Il Conciliatore», проводилъ идею италіянской независимости, почему на него подозрительно и недоброжелательно смотрѣли австрійцы и маленькіе владѣтельные князьки. Притѣсненія, какимъ онъ вслѣдствіе этого часто подвергался, немене его дѣйствительныхъ заслугъ содѣйствовали его быстрому распространенію. Онъ имѣлъ до шести тысячъ подписчиковъ,—цифра, кажущаяся почти невѣроятной въ сравненіи съ скромнымъ числомъ читателей, какими могутъ похвастаться современныя изданія. Но съ наступленіемъ 1859 года редакція «Crepuscolo», вѣроятно уставъ бороться съ своими про-

тивниками, внезапно прекратила свою дѣятельность, или вѣрнѣе сказать перенесла ее на другое поприще, посвятивъ себя изданію газеты, которая получила имя «Perseveranza» и служила органомъ миланской аристократіи. Столица Ломбардіи такимъ образомъ пріобрѣла новую политическую газету, но лишилась лучшаго во всей Италіи литературнаго періодическаго изданія. Это печальное событіе возбудило въ Каттанео желаніе возобновить свой «Politecnico». Друзья его съ радостью встрѣтили это намѣреніе, но что разъ умерло, то трудно оживить, и «Politecnico» пришлось испытать на себѣ справедливость этой истины. Несмотря на всѣ усилія своихъ сотрудниковъ, онъ никогда болѣе не могъ подняться на ту высоту, на которой находился прежде. Нѣсколько разъ мѣнялъ онъ издателей и редакторовъ и наконецъ окончательно исчезъ, слившись, частью съ флорентинской «Nuova Antologia», частью съ техническимъ журналомъ, издающимся въ Миланѣ, «L'Architetto». Съ этимъ журналомъ столица Ломбардіи утратила всякое значеніе въ области итальянской періодической литературы. Въ ней, правда, и до сихъ поръ издается множество мелкихъ еженедѣльныхъ журналовъ, но они не только не приносятъ никакой пользы обществу, а напротивъ развращаютъ въ немъ вкусъ и нравы. Случается, что одинъ и тотъ же издатель разомъ выпускаетъ въ свѣтъ до семи и восьми еженедѣльныхъ обозрѣній, состоящихъ изъ тетрадей отъ восьми до шестнадцати страницъ и заключающихъ въ себѣ, кромѣ романовъ, біографій, критическихъ статей и разнаго рода извѣстій, еще и цѣлый рядъ иллюстрацій. И все это публика имѣетъ за пять, шесть, семь и восемь франковъ въ годъ. Не зная всѣхъ уловокъ, къ какимъ прибѣгаютъ подобнаго рода издатели, трудно себѣ представить, какъ могутъ, при такой ничтожной подписной цѣнѣ, существовать ихъ журналы. А дѣло между тѣмъ очень просто.

Чтобъ имѣть для своихъ журналовъ иллюстраціи, подобнаго рода издатели выписываютъ изъ Франціи, Англіи, Германіи *клише* рисунковъ, уже отслужившихъ свое дѣло при тамошнихъ журналахъ, и вновь пускаютъ ихъ въ ходъ у себя. Иногда клише эти бываютъ еще не дурны и тогда рисунки въ миланскихъ изданіяхъ выходятъ сносны, но чаще они оказываются никуда негодными. Кромѣ того, гравюры съ однихъ и тѣхъ же клише появляются почти одновременно въ разныхъ журналахъ одного и того же издателя. Точно тоже самое повторяется и со статьями. Антрепренеръ пишетъ самъ или заказываетъ кому-нибудь статью, для одного изъ своихъ журналовъ, а затѣмъ на извѣстномъ разстояніи перепечатываетъ ее по очереди во всѣхъ другихъ. Такимъ образомъ, иностранные клише у насъ, въ полномъ смыслѣ слова, убиваютъ гравёрное искусство, а миланская система перепечатыванія одной и той же статьи въ различныхъ журналахъ имѣетъ гибельное вліяніе на періодическую литературу, ставя въ чрезвычайно

невыгодное положеніе какъ писателей, такъ и тѣхъ издателей, которые смотрятъ на журналистику съ болѣе серьезной и благородной точки зрѣнія. Дѣйствительно, у кого хватитъ средствъ и мужества издавать честнымъ образомъ иллюстрированный журналъ съ оригинальными рисунками и постоянно свѣжими статьями, когда публика привыкла угощаться подогрѣтыми кушаньями, лишь бы съ нея за то брали наиболѣе дешевую цѣну?

Итакъ, мы видимъ, что Миланъ, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія стоялъ у насъ во главѣ движенія періодической литературы, въ настоящее время упалъ до того, что сдѣлался просто гнѣздомъ ловкихъ спекулянтовъ, имѣющихъ въ виду только свои выгоды, а вовсе не успѣхи отечественной словесности и науки.

Что касается до остальной Италіи, то журнальная дѣятельность развилась въ ней гораздо позже. До 1849 года только и можно указать на два журнала, заслуживающіе дѣйствительное уваженіе. Оба издавались въ Пьемонтѣ и назывались одинъ «Le letture popolari», другой «Il Subalpino». Первый, чрезвычайно небрежно печатавшійся, тѣмъ не менѣе заключалъ въ себѣ хорошія статьи, имѣвшія въ виду пробуждать въ народѣ чувство національной гордости и стремленія къ независимости. Второй, напротивъ, издавался съ большимъ стараніемъ, былъ украшенъ хорошими гравюрами и имѣлъ чисто художественный и литературный характеръ. Къ сожалѣнію только надо сказать, что «Il Subalpino» существовалъ очень не долго.

Наконецъ, въ 1850 г. въ томъ же Пьемонтѣ появилось новое и чрезвычайно замѣчательное періодическое изданіе. То былъ ежемѣсячный журналъ, «Rivista Contemporanea», во главѣ котораго стоялъ молодой человѣкъ Луиджи Кіала, еще слушавшій курсъ изящной словесности въ туринскомъ университетѣ, но уже успѣвшій составить себѣ въ публикѣ довольно громкую извѣстность. Онъ отличался неутомимой дѣятельностью и большимъ журнальнымъ тактомъ, съ помощью котораго успѣлъ собрать вокругъ себя все, что было тогда даровитаго между туринской молодежью. Онъ вскорѣ вовсе оставилъ университетъ и весь отдался своему журналу, которому дѣйствительно умѣлъ въ самое короткое время сообщить чрезвычайно живой интересъ. То былъ моментъ, когда вся Италія смотрѣла на Пьемонтъ, какъ на источникъ своего спасенія и потому съ жадностью читала все, что онъ ей предлагалъ, а тѣмъ болѣе журналъ, въ которомъ многіе изъ эмигрировавшихъ въ Туринъ знаменитыхъ патріотовъ помѣщали свои статьи. Кромѣ того Кіала всегда чрезвычайно мягко относился, какъ къ духовенству, такъ и къ австрійцамъ, вслѣдствіе чего «Rivista Contemporanea» имѣла свободный доступъ и въ Ломбардо-Венеціанское королевство. За то въ другихъ частяхъ Италіи она была строго запрещена, что однако не мѣшало ей проникать туда въ довольно значи-

тельномъ числѣ экземпляровъ. За границей она тоже пользовалась не малымъ уваженіемъ. Но если Кіала былъ отличнымъ редакторомъ, за то онъ не замедлилъ оказаться весьма плохимъ администраторомъ хозяйственной части своего изданія. «Rivista Contemporanea», послѣ нѣсколькихъ лѣтъ блестящаго существованія, перешла въ другія руки и начала видимо упадать, пока въ 1859 г. не сталъ во главѣ ея извѣстный адвокатъ Гульельмо Стефани, съумѣвшій снова оживить ее. Но со смертью Стефани въ 1861 г., она опять утратила почти всякій цвѣтъ и только въ 1869 г. стала опять пріобрѣтать нѣкоторый вѣсъ подъ управленіемъ профессора Анджело Де-Губернатиса, въ настоящее время слившаго ее съ своимъ собственнымъ новымъ журналомъ, носящимъ названіе «Rivista Europea».

Теперь въ Италіи существуютъ всего только два большія періодическія изданія литературнаго свойства, которыя оба выходятъ въ свѣтъ во Флоренціи. Изданія эти, вышеупомянутая «Rivista Europea» «La Nuova Antologia».

Первая имѣетъ главной цѣлью взаимное сближеніе Италіи съ другими странами. Она выходитъ каждое первое число книжкой въ 200 страницъ и заключаетъ въ себѣ оригинальныя произведенія лучшихъ изъ современныхъ итальянскихъ писателей, а также и переводы статей иностранныхъ, имѣющихъ какой-нибудь интересъ для Италіи. Кромѣ литературнаго, у нея есть еще отдѣлы ученый, критическій, политическій и современныхъ событій. Затѣмъ это обозрѣніе еще очень внимательно слѣдитъ за успѣхами въ Европѣ женскаго образованія, къ сожалѣнію еще очень низко стоящаго у насъ, и отличается богатствомъ своихъ иностранныхъ корреспонденцій, которыя получаетъ изъ Франціи, Германіи, Англіи, Швейцаріи, Россіи, Греціи и Америки. Политическія тенденціи «Rivista Europea», чисто демократическаго свойства.

Совершенно инымъ характеромъ отличается другой журналъ, издаваемый во Флоренціи типографомъ Лемонье. Журналъ этотъ выходитъ тоже каждое первое число и имѣетъ видъ чрезвычайно опрятный и даже нарядный. Онъ называется «*Новой* Антологіей», въ отличіе отъ старой, которая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была поставлена на ноги извѣстнымъ Вьёссё (Vieusseux) и служила центромъ собранія знаменитѣйшихъ писателей того времени, каковы: Джино Каппони, Леопарди, Джіордани, Коллетта, Монтани, Томмазео. Не мудрено, что съ такими сотрудниками тогдашняя «Antologia» пользовалась большой извѣстностью не только въ Италіи, но и за границей. Впрочемъ и ее скоро постигла одна участь со всѣми другими журналами, которые осмѣливались отстаивать права Италіи на свою независимость. Съ 1830 г. она сдѣлалась предметомъ преслѣдованій австрійскаго правительства и наконецъ принуждена была совсѣмъ прекратить свое существованіе.

Вслѣдъ затѣмъ тотъ же Вьёссё основалъ такъ-называемый «Archivio storico italiano», гдѣ въ настоящее время печатаетъ свои драгоцѣнныя критическія замѣтки на итальянскую исторію нашъ знаменитый старецъ поэтъ и романистъ, Александръ Манцони.

Въ 1866 г. профессоръ политической экономіи въ пизанскомъ университетѣ, синьоръ Протонотари вздумалъ возстановить умершую Антологію, давъ ей названіе новой и въ тоже время подарить Италіи журналъ, подобный извѣстной «Revue des deux Mondes». Онъ съ этой цѣлью пригласилъ къ участію въ своемъ предпріятіи семь акціонеровъ, и собравъ сумму въ 70,000 фр., смѣло принялся за дѣло. Прежде всего онъ постарался, чтобъ наружный видъ, т.-е. цвѣтъ обложки и форматъ его журнала какъ двѣ капли воды походилъ на свой образецъ, но этого, а также и 70,000 фр. оказалось еще недостаточнымъ для успѣха новой Антологіи, которая составляетъ совершенную противоположность старой. Послѣдняя смѣло указывала путь своимъ современникамъ и возставала противъ злоупотребленій власти,—первая, напротивъ, придерживается лести и не успѣваетъ слѣдовать за своимъ временемъ. Протонотари пригласилъ къ участію въ своемъ журналѣ нашихъ лучшихъ писателей. Многіе изъ нихъ дѣйствительно нерѣдко печатаютъ свои произведенія въ «Nuova Antologia», но такъ какъ эти произведенія помѣщаются въ ней только случайно, то журналъ профессора Протонотари, хотя дѣйствительно можетъ похвастаться время отъ времени хорошими диссертаціями, учеными разсужденіями, но никакъ не статьями съ животрепещущимъ интересомъ минуты, которыя однѣ способны сообщить періодическому изданію жизненность и силу. Съ другой стороны статьи, которыя пишутся нарочно для «Новой Антологіи» часто страдаютъ непростительными длиннотами, вѣроятно вслѣдствіе того, что редакторъ за нихъ выдаетъ вознагражденіе по листамъ. Онъ платитъ отъ 100 до 120 фр. съ листа и цѣна эта, какъ она ни ничтожна въ сравненіи съ цифрой, какой оплачиваются литературные труды въ Германіи, во Франціи, въ Россіи и въ Англіи, у насъ, въ Италіи, кажется чрезвычайно щедрой. При такой системѣ изданія 70,000 фр. не долго длились въ кассѣ редакціи журнала «La Nuova Antologia», который теперь, за ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, влачитъ довольно жалкое существованіе.

Кромѣ этихъ двухъ общихъ учено-литературныхъ обозрѣній въ Италіи издается еще множество спеціальныхъ журналовъ. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ «l'Archivio Giuridico» (Юридическій Архивъ), издаваемый въ Болоньѣ профессоромъ Филиппо Серафини и между прочимъ, пользующійся авторитетомъ въ Германіи. Затѣмъ чуть ли не каждая отдѣльная отрасль науки и искуства имѣетъ у насъ свой болѣе или менѣе достойный органъ, — каждое, даже маленькое ученое или литературное общество свой журналъ, въ кото-

ромъ печатаетъ свои записки. Кромѣ того, въ Италіи еще множество частныхъ, мѣстныхъ изданій, которыя не выходятъ изъ предѣловъ интереса города или провинціи, гдѣ печатаются. Совершенно естественно, что при такомъ изобиліи самыхъ разнородныхъ журналовъ въ Италіи, ни одинъ не можетъ расходиться въ слишкомъ большомъ числѣ экземпляровъ. Въ одномъ Римѣ, не смотря на строгую цензуру, выходитъ ежегодно въ свѣтъ не менѣе семнадцати ученыхъ и литературныхъ періодическихъ изданій, а во всей Италіи около двухъ-сотъ. Если раздѣлить эти 200 журналовъ на приблизительное число 50,000 подписчиковъ, то выйдетъ, что среднимъ числомъ каждый журналъ будетъ имѣть не болѣе 250 подписчиковъ. Одна только «Civiltà Cattolica», издающаяся въ Римѣ, имѣетъ нѣсколько тысячъ абонентовъ, но это вслѣдствіе своего религіознаго характера; изъ другихъ же журналовъ рѣдкій расходится въ числѣ тысячи. Такъ напр. туринская «Rivista Contemporanea», когда перешла въ руки профессора Де-Губернатиса имѣла всего 200 подписчиковъ. Въ прошломъ 1869 г. она, подъ его управленіемъ, пріобрѣла ихъ 550, которые съ сліяніемъ ея съ «Rivista Europea» всѣ перешли въ редакцію этого новаго журнала. «Nuova Antologia» имѣетъ 400 подписчиковъ, а «l'Archivio Giuridico», несмотря на всѣ свои достоинства, всего только 100. И такъ далѣе, чѣмъ спеціальнѣе журналъ, тѣмъ у него менѣе абонентовъ.

Но вообще итальянскому журналу надо не много, чтобъ существовать. Если онъ имѣетъ 100 подписчиковъ, у него окупается печатаніе 150 экземпляровъ, конечно, если онъ издается на скромныхъ началахъ и не гонится за наружнымъ блескомъ. Въ случаѣ же, если онъ, подобно «Archivio Giuridico» заботится о своей внѣшности, ему большей частью плохо приходится, развѣ только явится на выручку какой-нибудь меценатъ, который поможетъ ему встать на ноги.

Но, спросите вы, если ста подписчиковъ достаточно для существованія журнала въ Италіи, во сколько же обходится его изданіе? Очень не дорого, надо сказать правду. Отпечатать въ числѣ 500 экземпляровъ одинъ листъ въ 16 страницъ обыкновеннымъ шрифтомъ и на обыкновенной бумагѣ, а затѣмъ брошюровать его, стоитъ у насъ отъ 32 до 35 франковъ. Почтовыя издержки тоже чрезвычайно незначительны: за одинъ сантимъ мы разсылаемъ по всей Италіи журналъ, который вѣситъ до 40 граммъ. Разсыльному при редакціи платится отъ одного до полутора франка въ день. Вотъ и все, лишь только эти издержки покрыты, затѣмъ уже начинается чистый доходъ. Что касается до статей, то въ Италіи за нихъ вообще не полагается вознагражденія и писатель большею частью отдаетъ въ журналъ свое произведеніе даромъ. Такой печальный для журнальныхъ сотрудниковъ порядокъ вещей поддерживается многими причинами. Главная изъ нихъ,—это огромное количество у насъ ученыхъ и лите-

ратурныхъ обществъ и такъ-называемыхъ академій. За исключеніемъ туринской Академіи Наукъ, миланскаго Института и флорентинской Академіи делла-Круска, которые имѣютъ ограниченное число членовъ, получающихъ за свои труды извѣстное вознагражденіе, остальныя ученыя учрежденія съ необыкновеннымъ радушіемъ открываютъ свои двери всякому желающему въ нихъ войдти. Въ академическихъ собраніяхъ, конечно, произносятся рѣчи, которыя печатаются въ актахъ и затѣмъ раздаются между членами. Академикъ въ Италіи обыкновенно платитъ за тщеславное желаніе принадлежать къ тому или другому ученому обществу даровымъ трудомъ. Университетскіе профессора, съ своей стороны, имѣютъ привычку въ началѣ каждаго курса открывать свои лекціи рѣчью, которую потомъ отдаютъ для напечатанія въ какой-либо изъ журналовъ. Въ видѣ вознагражденія себѣ, они требуютъ только извѣстное число оттисковъ, немедленно раздаваемыхъ друзьямъ и товарищамъ. Издателю же журнала почти ничего не стоитъ въ этомъ случаѣ удовлетворить профессора, такъ какъ ему 100 экземпляровъ оттисковъ, въ 16 страницъ каждый, обходятся франковъ въ десять не болѣе. Кромѣ университетскихъ стѣнъ подобныя же рѣчи произносятся еще при открытіи курсовъ въ гимназіяхъ, лицеяхъ, элементарныхъ и техническихъ школахъ, по случаю разныхъ литературныхъ торжествъ, введенныхъ у насъ въ моду министромъ Натоли и наконецъ на воскресныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ для народа. Всѣ эти рѣчи ищутъ попасть на страницы какого либо журнала и авторы, лишь бы добиться этой чести и получить нѣсколько оттисковъ, вовсе не заботятся ни о какомъ другомъ вознагражденіи.

Изъ этого выходитъ, что за исключеніемъ «Nuova Antologia», «Rivista Europea» и еще весьма немногихъ журналовъ, платящихъ за помѣщаемыя ими на своихъ столбцахъ статьи, всѣ остальныя наши періодическія изданія постоянно угощаютъ публику даровымъ матеріаломъ, который въ огромномъ количествѣ доставляется имъ литературными дилеттантами. Изъ этого слѣдуетъ, что писатель, который въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и въ Россіи, можетъ, если не обогатиться, то во всякомъ случаѣ безбѣдно существовать своимъ трудомъ, у насъ въ Италіи долженъ умереть съ голоду, если вздумаетъ добывать себѣ хлѣбъ исключительно своимъ перомъ. И въ этомъ случаѣ судьба пишущихъ для газетныхъ фельетоновъ вовсе не завиднѣе тѣхъ, которые работаютъ на большія литературныя періодическія изданія. Къ тому же серьезныя политическія газеты обыкновенно открываютъ для фельетоновъ свои столбцы всего три, четыре раза въ недѣлю и вообще въ такихъ случаяхъ почти всегда отдаютъ преимущество роману, приносимому имъ въ даръ какимъ либо начинающимъ писателемъ, или переводу съ англійскаго и французскаго, за который платятъ по 5 франковъ съ номера. Если же они имѣютъ дѣло съ

извѣстнымъ литераторомъ, то возвышаютъ гонорарій до 10 фр. Говорятъ, будто Жюль-Жаненъ получаетъ по 500 фр. съ номера за фельетоны, которые помѣщаетъ въ газетѣ «Débats». Въ такомъ случаѣ литературный трудъ во Франціи цѣнится въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ въ Италіи.

Участь политическихъ писателей у насъ сравнительно лучше. Составитель политическихъ статей гораздо скорѣе можетъ найти имъ сбытъ въ той или другой газетѣ, при чемъ иногда заработываетъ отъ двухъ до трехъ тысячъ фр. въ годъ. За то и доходы редакторовъ политическихъ журналовъ гораздо значительнѣе тѣхъ, которые получаютъ издатели литературныхъ обозрѣній; они, за покрытіемъ издержекъ, имѣютъ отъ трехъ до шести тысячъ франковъ чистаго барыша. Недавно извѣстный нашъ издатель Барбера задумалъ основать новый политическій журналъ, который уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начнетъ выходить въ свѣтъ. Журналъ этотъ будетъ носить названіе «Nuova Italia» (Новая Италія) и редакцію его Барбера ввѣряетъ бывшему министру народнаго просвѣщенія Анджело Баргони, за что предлагаетъ ему ежегодно вознагражденіе въ 9 тысячъ франковъ. Сумма эта кажется всѣмъ баснословной, и Барбера дѣйствительно вправѣ гордиться такой неслыханной у насъ щедростью.

Изъ всего этого вы видите, что періодическая литература у насъ далеко не процвѣтаетъ. Для поправленія дѣла необходимо, чтобъ съ одной стороны поуменьшилось число дилеттантовъ-писателей, а съ другой, чтобъ издатели журналовъ стали серьезнѣе смотрѣть на свою дѣятельность, имѣя при этомъ въ виду не какъ можно болѣе дешевый способъ изданія своего журнала, а истинную пользу литературы и общества.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія лондонскаго Тоуэра.

Her Majesty's Tower, by William Hepworth Dixon. Vol. II. 1870.

Лондонская «Башня» или «Тоуэръ» — одна изъ наиболѣе извѣстныхъ достопримѣчательностей. Tower хотя и значитъ «башня», но зданіе, знаменитое подъ этимъ именемъ въ исторіи Англіи, вмѣщаетъ въ себѣ не одну башню. Иностранецъ, который прибылъ въ Лондонъ не непосредственно на пароходѣ, а по желѣзной дорогѣ, не увидитъ

Тоуэра, пока не отправится нарочно на открытіе. Далеко на востокъ отъ фешэнебльнаго Вестъ-Энда, въѣхавъ уже въ самый центръ Сити, въ концѣ Cannon Street и вблизи Лондонскаго моста, онъ, и то еще вдалекѣ, увидитъ высокое четвероугольное строеніе, съ четырьмя башнями по угламъ, сѣрое, съ бѣловатыми полосами и пятнами, какъ всѣ старыя постройки дымнаго гигантскаго города. По мѣрѣ приближенія къ этому строенію, онъ открываетъ, что четвероугольное зданіе, стоящее на небольшой возвышенности, есть только центръ многихъ строеній воинственнаго характера и притомъ того именно стараго, зловѣщаго, который состоялъ въ частномъ, личномъ насиліи, а не въ машинномъ дѣйствіи массъ артиллеріи на массы мяса и костей. Тоуэръ — крѣпость, но не правильная крѣпость съ системою однообразныхъ бастіоновъ и выдающихся въ равныхъ разстояніяхъ угловъ, а случайный, историческій сборъ разныхъ устрашительныхъ подробностей. Съ одной стороны, именно противъ Сити, сохранился глубокій ровъ, обращенный въ садъ, который однако закрытъ отъ города рѣшеткою, на берегу рва, противоположномъ крѣпости. За рвомъ стоятъ массивныя, мрачныя башни разной величины, соединенныя толстыми стѣнами. Нѣсколько башень защищаютъ входъ съ моста, бывшаго подъемнымъ и образуютъ двое укрѣпленныхъ воротъ, сквозь которыя ведетъ путь въ крѣпость. Другія башни, соединенныя стѣнами, домомъ губернатора и казармами, извнѣ представляются сплошною массою камня, подъ которою возвышается издали видный четыреугольный за́мокъ, съ башенками по угламъ. Этотъ за́мокъ, главная часть всей этой разновременной и разнообразной постройки, и есть то, что́ называется «Бѣлою башнею», центромъ Тоуэра. Построенъ онъ Вильгельмомъ - Завоевателемъ и, стоя на самой границѣ Сити, очевидно предназначенъ былъ не для отпора внѣшнихъ враговъ, а для устрашенія бюргеровъ Сити. Поставивъ этотъ крѣпкій четыреугольникъ внѣ территоріи Сити, онъ не нарушилъ привилегій, которыя обѣщалъ блюсти, но на дѣлѣ подчинилъ ее своему произволу.

На свѣжій взглядъ и теперь поразительно дѣйствуетъ этотъ фактъ завоеванія, 800 лѣтъ тому назадъ сложенный въ камни. Вы пробираетесь сквозь узкія улицы Сити и вокругъ васъ кипитъ вся дѣловая жизнь величайшаго въ мірѣ торговаго города, слышите свистъ нѣсколькихъ локомотивовъ, толкаетесь съ массою людей, бѣгущихъ кто на станцію Cannon Street, кто на биржу, кто въ лавки; мимо васъ снуютъ и кричатъ уличные торговцы, вамъ кричатъ о побѣдѣ какой-нибудь лошади, или о продажѣ газетъ, и вездѣ на глухихъ стѣнахъ вы видите несчетную массу разноцвѣтныхъ объявленій, между которыми въ этой мѣстности безпрестанно бросается въ глаза особенно рельефное своими размѣрами объявленіе о «Daily Telegraph». И вдругъ, вы выходите на площадь, окаймленную спереди рѣшеткою,

за которою — ровъ, а позади огромная сѣрая, мрачная, погруженная въ молчаніе каменная масса, нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ современностью, съ жизнью, какое-то орлиное гнѣздо, возвышающееся надъ суетливымъ птичьимъ дворомъ.

Что такое въ сущности Тоуэръ теперь? Нѣчто, гораздо менѣе значущее въ жизни Лондона, чѣмъ неважная Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ. Нѣтъ тамъ ни гробницъ монарховъ, ни монетнаго двора, ни государственной тюрьмы. Есть только казарма, да диковинныя башни, которыя показываются за six pence, и въ которыхъ хранятся разныя оружейныя рѣдкости и государственныя регаліи. Теперь сила не тутъ; вернитесь назадъ и зайдите на биржу, или взгляните на доки здѣсь же, вблизи. Такъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности; но когда изъ дѣлового моря Сити вы взойдете на Tower's hill и увидите это грозное гнѣздо норманновъ, висящее надъ шумнымъ рынкомъ саксонскаго бюргерства, то почувствуете, что передъ вами — монументальная исторія Англіи.

Исторія Англіи и въ самомъ дѣлѣ тѣсно связана съ исторіею знаменитаго замка. Здѣсь жили короли, начиная съ норманскихъ и вплоть до Елисаветы; строили его башни и стѣны, послѣ Вильгельма, Генрихъ I и Генрихъ III, Эдуардъ IV и Карлъ II, Яковъ I и Вильгельмъ III. Сидѣли здѣсь въ заключеніи и храмовники, и шотландскій король, и король французскій, и герцогъ орлеанскій, и Гэй Фоуксъ и многіе десятки знаменитѣйшихъ людей Англіи, представителей самыхъ знаменитыхъ ея фамилій изъ поколѣнія въ поколѣніе. А сколько казнено здѣсь людей! Развѣ только въ зданіи испанской инквизиціи казнено больше. Пройдя внутреннюю входную арку, вы видите направо, укрѣпленныя ворота на концѣ уступа, къ рѣкѣ. Это — дверь измѣнниковъ, the traitors-gate, и сквозь нее прошла длинная вереница сужденныхъ и казненныхъ, виноватыхъ и правыхъ, жертвъ произвола: и участники порохового заговора, и Анна Болейнъ, и леди Іоанна Грей, которыя и казнены на дворѣ Тоуэра, на мѣстѣ, огороженномъ низенькою желѣзною рѣшеткой и поросшемъ травой. Вотъ въ башнѣ, во второмъ этажѣ, на Темзу отворено окно, подъ которымъ растетъ плющъ — это келья, въ которой умерщвлены сыновья Эдуарда IV.

Однимъ словомъ, исторія Тоуэра есть исторія государственныхъ переворотовъ и насилій, въ которыхъ Westminster-Hall даетъ приговоръ, а Тоуэръ исполняетъ. Но нерѣдко Тоуэръ и не дожидается приговора изъ Вестминстера. Много людей, между прочимъ и король Генрихъ VI, умерли здѣсь въ заключеніи, другіе изведены ядомъ, не дождаясь приговора, какъ сэръ Томасъ Овербёри. Эту печальную, живописную, романическую исторію взялся описывать Диксонъ.

По его словамъ, онъ работаетъ надъ нею уже двадцать лѣтъ, и

картинность, живость его изложенія въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствуютъ, что онъ сжился съ этимъ сюжетомъ, усвоилъ себѣ глубокое, полное знакомство съ многочисленными актерами этой вѣковой трагедіи королевскаго произвола. Блестящій талантъ Диксона, какъ разсказчика, здѣсь проявляется вполнѣ, и владѣя этимъ матеріаломъ вполнѣ, Диксонъ не впадаетъ здѣсь въ странныя и нелѣпыя сопоставленія, какія, подъ вліяніемъ этого таланта, требующаго картинности, онъ дѣлаетъ, трактуя о предметахъ знакомыхъ ему поверхностно. Чтобы писать исторію на подобіе Маколея и даже Мишле́, надо владѣть матеріаломъ безусловно, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, ибо въ живописномъ разсказѣ, каждое отдѣльное слово, какой-нибудь лишній эпитетъ или лишнее имя въ длинномъ перечнѣ—выдастъ поверхностнаго знатока и обличитъ въ немъ дилеттанта.

Диксонъ предпринялъ настоящій трудъ, то-есть историческіе этюды о Тоуэрѣ собственно съ цѣлью разъясненія, въ какихъ именно мѣстахъ, башняхъ и покояхъ Тоуэра происходила та или другая историческая сцена. Поэтому, онъ называетъ свою книгу — a book of identifications. Но солидная историческая подготовка и писательскій талантъ Диксона дали его труду болѣе обширное значеніе, значеніе живописныхъ историческихъ эскизовъ.

Въ первомъ томѣ, первоначальное назначеніе осязательно; во второмъ оно уже сказывается только какъ цѣль, оставшаяся далеко позади. Первый томъ этого сочиненія вышелъ въ началѣ прошлаго года; второй нынѣшнею весною.

Чтобы дать понятіе о манерѣ автора, приведемъ его характеристику англійскаго Кремля, Тоуэра. «Когда смотришь на Тоуэръ извнѣ, съ холма (Tower's hill), онъ кажется посѣдѣлымъ отъ старости, и въ темныхъ морщинахъ его какъ бы сказываются угрызенія. Домъ нашихъ мужественнѣйшихъ королей, гробъ благороднѣйшихъ нашихъ рыцарей, сцена мрачнѣйшихъ нашихъ преступленій — зданіе это говоритъ многое и глазамъ, и душѣ. Сѣрая башня, зеленое дерево, черныя ворота и хмурящіеся стѣнные зубцы — все въ немъ выдается рельефно, выступаетъ изъ среды всѣхъ предметовъ близкихъ и отдаленныхъ, грозитъ, живописуется, приковываетъ къ себѣ; все въ немъ дѣйствуетъ на чувство очарованіемъ и увлекаетъ насъ изъ вседневнаго настроенія въ міръ романическій, похожій на тотъ, который сказался такимъ блескомъ и такою тѣнью на страницахъ Шекспира.

«Тоуэръ — и тюрьма, и дворецъ, и судъ, и во всѣхъ этихъ видахъ дѣйствуетъ на умъ какъ картина, поэзія, драма; и если воображеніе всего чаще видитъ въ немъ именно государственную тюрьму, такъ оттого, что душа воспріимчивѣе къ человѣческому интересу, чѣмъ къ археологическому или оффиціальному факту. На одного человѣка, которому любопытно взглянуть на ту комнату, гдѣ собирался такой-то

совѣтъ или засѣдалъ такой-то судъ, найдется сто человѣкъ, которые предпочтутъ посмотрѣть покой, гдѣ помѣщалась леди Іоанна Грей, келью, въ которой писалъ сэръ Вальтеръ Ралей, башню, изъ которой спасся сэръ Джонъ Ольдкэстль. Кто не остановится на минуту у ступеней, на которыхъ молилась Анна Болейнъ, или у того расщепа въ стѣнѣ, сквозь который смотрѣлъ Артуръ Де-ла-Поль; или въ той комнатѣ, гдѣ Крэнмеръ, Летимеръ и Ридли вмѣстѣ изслѣдовали новый завѣтъ?

«Тоуэръ для насъ имѣетъ тоже обаяніе, какъ домъ, въ которомъ мы родились, школа, въ которой мы учились. Куда бы мы ни перенеслись, всюду послѣдуетъ за нами то угрюмое, старое зданіе, что́ стоитъ на Пруду; оно имѣетъ долю во всемъ, что́ мы знаемъ, оно — часть насъ самихъ, какъ мы есть теперь. Пусть моря отдѣляютъ насъ отъ Темзы, но эта Башня не отстанетъ отъ насъ, будетъ все съ нами какъ живая. Она оцвѣчиваетъ страницы Шекспира; она бросаетъ мимоходный мракъ на исторію Бэкона. Многія изъ книгъ нашихъ написаны подъ ея сводами; тамъ написаны Poésies герцога Орлеанскаго, «History of the World» Ралея, и Эліота — «Monarchy of Man», и Пенна — «No Cross, no Crown».

«По самой древности, Тоуэръ не имѣетъ соперниковъ ни въ дворцахъ, ни въ темницахъ, ибо его исторія, какъ Иліады, какъ сфинкса, какъ ньютонова камня теряется въ туманныхъ временахъ, предшествуя началу нашей точной исторіи. Древніе писатели считаютъ начало Тоуэра отъ Цезаря; эту легенду принялъ и Шекспиръ и другіе поэты, и по ней одна башня и до сихъ поръ слыветъ въ народѣ Цезаревою башнею. Остатки римской стѣны и теперь видны близь нѣкоторыхъ мѣстъ рва. Саксонская хроника уже упоминаетъ о Башнѣ такимъ образомъ, что можно допустить существованіе на этомъ мѣстѣ саксонскаго укрѣпленія. Тѣ строенія, которыя мы видимъ теперь, были начаты Вильгельмомъ-Завоевателемъ и рядъ апартаментовъ въ Цезаревой башнѣ — зала, галлерея, комната совѣта и церковь — былъ построенъ первыми норманскими королями и служилъ королевскою резиденціей всѣмъ королямъ-норманнамъ. Что́ можетъ Европа противопоставить такому повѣствованію?

«Въ сравненіи съ Лондонскою Башнею — ея восьмью вѣками жизни исторической, и девятнадцатью столѣтіями легендарной молвы — всѣ прочіе дворцы и темницы представляются произведеніями одного дня. Старѣйшій экземпляръ дворца въ Европѣ, западный фасадъ за̀мка въ Вѣнѣ, — построенъ, когда у насъ царствовалъ Генрихъ Третій. Кремль въ Москвѣ и дворецъ дожей въ Венеціи принадлежатъ четырнадцатому вѣку. Сераль въ Стамбулѣ построенъ Магометомъ Вторымъ. Древнѣйшая часть Ватикана начата Борджіемъ, и носитъ его имя. Старый Луврь начатъ, когда у насъ былъ Генрихъ Восьмой; Тюльери—

когда царствовала Елизавета. Въ эпоху нашей междоусобной войны Версаль былъ еще болотомъ. Санъ-Суси и Эскуріалъ относятся къ восьмнадцатому столѣтію. Іерусалимскій сераль—построенъ турками. Дворцы въ Аѳинахъ, Каирѣ, Тегеранѣ — въ новѣйшія времена.

«И тюрьмы, тѣ тюрьмы, которыя остались не только въ исторіи и драмѣ, но и въ дѣйствительности, не могутъ — за исключеніемъ св. Ангела въ Римѣ — сравниться съ Тоуэромъ. Бастилья исчезла; Барджелло сталъ музеемъ; Piombi перенесены изъ-подъ кровли дожей. Венсеннъ, Шпандау, Шпильбергъ, Магдебургъ—всѣ новы передъ той темницей, изъ которой спасся Ральфъ Фламбардъ не позже 1100 года, года перваго крестоваго похода».

Оставляя въ сторонѣ пользу такого сравненія и вопросъ о томъ, не слѣдовало ли указать въ немъ на Palais de Justice въ Парижѣ, въ которомъ тоже есть башня Цезаря и который также служилъ резиденціею древнѣйшимъ королямъ, начиная съ IX вѣка, т.-е. почти за два столѣтія раньше завоеванія Англіи Вильгельмомъ, нельзя не согласиться, что Диксонъ мастеръ въ дѣлѣ бойкихъ характеристикъ и рельефныхъ описаній. И мастерство его проявляется въ описаніи не только зданій, но цѣлыхъ положеній и отдѣльныхъ типовъ. Такъ, въ первомъ томѣ у него превосходна характеристика долгой борьбы Англіи съ Испаніею и изображеніе исторической личности Вальтера Ралея. То и другое связываетъ второй томъ съ первымъ, и потому мы сперва сдѣлаемъ обзоръ этихъ двухъ описаній.

Борьба Англіи и Испаніи была не только борьбою двухъ вѣръ и двухъ политическихъ принциповъ, но и борьбою за господство на морѣ, за обладаніе Америкою, борьбою двухъ націй мореплавателей. Борьба эта была безпощадная и происходила вездѣ, гдѣ только являлся испанскій или англійскій интересъ, покрытый британскимъ или кастильскимъ флагомъ или знаменемъ: въ Кадиксѣ и въ Коркѣ, въ Нидерландахъ и въ Гвіанѣ, въ Виргиніи и въ Римѣ, на морѣ и на сушѣ, въ тайнѣ королевскихъ кабинетовъ, и въ тайнѣ темницъ испанской и англійской, и даже подземной мины подъ парламентскимъ дворомъ. «Во время Ралея, говоритъ Диксонъ, преобладаніе на земномъ шарѣ принадлежало Испаніи; оно было враждебно Англіи во всѣхъ отношеніяхъ: враждебно ея религіи, враждебно ея торговлѣ, ея свободѣ, ея законамъ. Испанія продолжала утверждать, что англичане — народъ отверженный Богомъ и что ея священный долгъ—наказывать ихъ и спасти ихъ. Она высылала своихъ шпіоновъ и брави въ Лондонъ, свои войска въ Конноутъ. Своимъ золотомъ и своимъ могуществомъ она возстановляла намъ враговъ за шотландскою границей и въ лагеряхъ Нидерландовъ. Даже тогда, когда она держалась политики мира, она сгоняла наши корабли съ океана и повергала въ темницы нашихъ мореходовъ. Она закрывала Левантъ нашимъ купцамъ и за-

прещала всякое сношеніе Англіи съ Америкою.... Однимъ словомъ, во всѣ времена, и во всѣхъ мѣстахъ, отцы наши видѣли въ Испаніи своего смертельнаго врага. Противъ этой-то страны направилъ свою энергію Ралей; ея могущество онъ вызывалъ въ Гвіанѣ, унижалъ въ Кадиксѣ, перехитрялъ въ Виргиніи. Этотъ самый блестящій изъ когда-либо жившихъ англичанъ, питалъ къ Испаніи ту же страстную вражду, какую Аннибалъ питалъ къ Риму. Въ концѣ концовъ, однако, великая страна сотретъ великаго человѣка, и Ралей, сорокъ лѣтъ сражавшійся съ Испаніею, сражавшійся съ нею и мечомъ, и перомъ, былъ умерщвленъ на парламентской площади по волѣ Филиппа Третьяго».

Одинъ изъ любимцевъ Елисаветы, Ралей въ первый разъ попалъ въ Тоуэръ еще при ней за то, что соблазнилъ одну изъ ея фрейлинъ. Женившись на ней, по принужденію королевы, онъ былъ выпущенъ на свободу, но уже никогда не пользовался прежнимъ расположеніемъ такъ-называемой дѣвственницы-королевы. Во второй разъ, Ралей былъ заключенъ въ Тоуэръ Сесилемъ, по обвиненію въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью воцареніе Арабеллы Стюартъ; наконецъ въ третій разъ, онъ былъ ввергнутъ въ Тоуэръ по прямому требованію испанскаго кабинета, обѣщавшаго Якову I отдать инфанту въ супруги наслѣднику. Испанскій кабинетъ настаивалъ на казни своего врага. Пробовали всячески устроить такъ, чтобы Ралей кончилъ жизнь въ Тоуэрѣ болѣе или менѣе произвольнымъ самоубійствомъ. Но когда это не удалось, несмотря на назначеніе спеціальнаго съ этою цѣлью губернатора въ Тоуэръ, Ралей былъ открыто казненъ въ Palace-Yard (парламентская площадь), въ исполненіе прямого требованія Филиппа III. Хорошо было то время, когда человѣка съ популярностью, заслугами и положеніемъ Ралея бросали въ Тоуэръ (во второй разъ) за то, что лордъ Кобэмъ предлагалъ ему планъ заговора, а онъ осмѣялъ Кобэма въ лицо: онъ былъ виновенъ тѣмъ, что *слышалъ*, хотя и отвѣчалъ на слышанное только смѣхомъ. День казни Ралея «былъ прискорбнымъ днемъ для англичанъ», говоритъ Диксонъ; «приверженцы же Испаніи бѣсновались отъ радости. И однакоже побѣда осталась не за Испаніею. Ходомъ народной жизни управляетъ сила, высшая человѣческой власти; смерть героя не есть пораженіе, ибо кровь мученика сильнѣе тысячи мечей. День казни Ралея былъ днемъ рожденія новыхъ защитниковъ Англіи. Не одинъ Элліотъ былъ пламеннымъ молодымъ человѣкомъ, который, стоя у эшафота на парламентской площади и видя, съ какимъ духомъ невинности встрѣтилъ свою судьбу мученикъ, возвратился съ этого торжества совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Тысячи людей, во всѣхъ областяхъ Англіи, которые до той минуты вели беззаботную жизнь, вдругъ обратились въ неусыпныхъ ненавистниковъ Испаніи. Цѣль Ралея была достигнута тѣмъ самымъ путемъ, который былъ

указанъ геніемъ Ралея. Испанія держала въ своей рукѣ господство надъ морями, и Англія его у нея вырвала. Испанія не пускала Англію въ Новый Свѣтъ, а между тѣмъ духъ этого Новаго Свѣта нынѣ— духъ британскій. Великая борьба въ политической системѣ міра, въ то время еще недавняя, но уже достаточно ясно опредѣлившаяся, завязалась въ томъ моментѣ на такомъ вопросѣ: будетъ ли Америка испанскою и ѳеократическою, или англійскою и свободною? Ралей именно сказалъ, что она должна быть англійскою и должна быть свободною. Великой мысли своего сердца онъ посвятилъ свою кровь, свою судьбу, свой геній; и не взирая на ту сцену въ Palace Yard'ѣ, которая поразила современниковъ, какъ побѣда надъ нимъ Испаніи,— Америка нынѣ запечатлѣна духомъ британскимъ и свободнымъ».

Второй томъ исторіи Тоуэра обнимаетъ періодъ, богатый романическимъ интересомъ. Это — исторія такъ-называемаго «англо-испанскаго заговора» въ различныхъ его проявленіяхъ. Имѣя въ виду англійскаго читателя, Диксонъ не указываетъ годовъ, и даже не очерчиваетъ предѣловъ этого періода. Онъ начинается на самомъ рубежѣ XVII столѣтія. По смерти Елисаветы, на англійскій престолъ вступаетъ король шотландскій, слабоумный, упрямый и безнравственный Яковъ I Стюартъ. Католическая партія еще очень сильна въ Англіи, такъ какъ почти половина народа еще католики. Но католики, собственно какъ *партія* дѣйствующая или, по крайней мѣрѣ, интригующая, опираются на внѣшнюю силу — на все еще страшное могущество Филиппа III испанскаго, и въ особенности—на его неистощимыя сокровища, на его американское золото. За это золото британскіе министры продаютъ Филиппу политику своей страны. Сесиль и Нортэмптонъ состоятъ на содержаніи у испанскаго короля. Большинство англійскихъ католиковъ не думаетъ о заговорахъ и готово поддерживать политику національную; но дѣйствующая католическая партія въ странѣ — іезуиты и ихъ приверженцы, преимущественно новообращенные, изъ протестантовъ, фанатики, преданы папѣ и Испаніи, и готовы на все, чтобы силою возстановить въ Англіи господство католицизма. Большинство самого католическаго духовенства въ Англіи ненавидитъ этихъ іезуитовъ, интригановъ и фанатиковъ, а они, въ свою очередь, — заклятые враги этого умѣреннаго большинства. Рядомъ съ этими партіями стоятъ Сесиль и Нортэмптонъ, которые имѣютъ свои личные интересы, служатъ Испаніи не изъ фанатизма, а просто за деньги и стараются при случаѣ сокрушить и національныхъ католиковъ, и іезуитовъ, съ тѣмъ собственно, чтобы доказать Испаніи, что вся сила въ нихъ, продажныхъ совѣтникахъ короля; что сами іезуиты и католическіе пэры не значатъ ничего, и опираться на нихъ Испаніи нельзя; что, стало быть, деньги платятся Испаніею англій-

скимъ министрамъ не даромъ и должны платиться и впредь. Вотъ каково было положеніе дѣлъ, получившее общее названіе «англо-испанскаго заговора». Въ этомъ заговорѣ, въ разныхъ степеняхъ и съ разными цѣлями участвовали и іезуиты — настоящіе заговорщики, и министры, которые ихъ казнили: и тѣ, кто подкладывалъ порохъ подъ Westminster-Hall и нѣкоторые изъ тѣхъ, подъ кого порохъ подкладывался. Надъ всѣмъ этимъ — слабодушіе, капризы и пороки перваго Стюарта и широкій просторъ королевскаго и магнатскаго произвола. Вотъ основная канва той драмы, которой узоры Диксонъ выводитъ со свойственными ему живостью разсказа и рельефностью описаній.

Тоуэръ до послѣдняго времени не былъ еще вполнѣ достаточно обслѣдованъ въ связи съ исторіею; для публики нѣкоторыя его части даже не были доступны. Такъ, въ описаніи Лондона, изданномъ въ 1862 году, мы находимъ, что внутренняя церковь, превосходный остатокъ старой норманской архитектуры, къ сожалѣнію не открыта для публики, но имѣли случай, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, лично посѣтить эту нынѣ пустую залу, безъ всякаго стѣсненія, кромѣ приглашенія снять шляпу. Въ послѣднее время открыто много новыхъ фактовъ по исторіи Тоуэра; такъ, напр., обслѣдованы съ достовѣрностью мѣста помѣщенія суда королевской скамьи, заключенія леди Іоанны Грей, Ралея лорда Грея, Гэя Фоукса, іезуитовъ, графа Нортомберленда, Симура Овербэри, лорда и леди Соммерсетъ. Эти факты вошли въ новый трудъ Диксона. Но авторъ справедливо замѣчаетъ, что главный интересъ его книги болѣе общій, чѣмъ мѣстный: эти страницы исторіи Англіи, полныя грязныхъ интригъ, преступленій и насилій всякаго рода, ярко обнаруживаютъ, какъ и въ Англіи, около двухъ съ половиною вѣковъ тому назадъ, при процвѣтаніи королевскаго и аристократическаго произвола, политическая жизнь была руководима самыми низкими личными разсчетами и запечатлѣна глубокою безнравственностью.

По смерти Елисаветы, въ королевскомъ совѣтѣ оказались двѣ партіи: партія *англійская*, національная, которая желала, прежде чѣмъ провозгласить Якова I, заключить съ нимъ договоръ (terms) для обезпеченія свободы, настоящія pacta conventa; она же желала продолжать помощь Нидерландамъ противъ Испаніи, продолжать оборону протестантизма противъ Филиппа. Во главѣ этой партіи стояли Ралей, Фортескью и Грей. Другая партія, абсолютистская, *испанская*, не хотѣла договоровъ между королемъ и страною, желая только захватить короля въ свои руки, заключить съ Испаніею миръ, соотвѣтствовавшій слабодушію самого Якова, и затѣмъ получить отъ испанскаго кабинета золото, а отъ англійскаго монарха мѣста, титулы и имущества, конфискованныя у противниковъ. Главою этой партіи былъ

Сесиль и Говарды. Сесиль не хотѣлъ войны, потому что продолженіе войны фактически перенесло бы власть въ руки людей національной партіи, людей военныхъ, каковы были Ралей, Ноттингэмъ и Грей.

Такъ какъ соглашенія относительно договора съ королемъ въ совѣтѣ не состоялось, а между тѣмъ Яковъ уже прибылъ въ Тоуэръ, то царствованіе его такъ и протекло безъ договора. Король сразу сталъ на сторону Сесиля. Отозвать войска изъ Нидерландовъ вдругъ они не рѣшились, такъ непопулярна была въ странѣ эта мысль. Сесиль рѣшился оставить британскій гарнизонъ въ Остенде безъ всякой помощи, въ полной увѣренности, что наконецъ голодъ одолѣетъ его. Что касается до вождей воинственной партіи въ самой Англіи, то онъ предпринялъ при первомъ случаѣ помѣстить ихъ въ башняхъ Тоуэра. Холодный и тонкій интриганъ, Сесиль успѣлъ во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, благодаря именно антагонизму между національными католиками и іезуитами.

Половина страны и треть самыхъ пэровъ были еще католики. Іезуиты же, съ главою ихъ, отцомъ Гарнетомъ, были сильны только фанатизмомъ немногихъ своихъ приверженцевъ въ Англіи и необыкновенною своею дѣятельностью. Жизнь патера Гарнета, патера Фишера и ихъ товарищей была настоящимъ романомъ. Эти люди безпрерывно ѣздили изъ Рима, Испаніи, Нидерландовъ въ Англію, потомъ опять на континентъ, въ постоянныхъ превращеніяхъ, являясь то старыми рубаками, то бѣдными священниками, то фермерами, то матросами. Въ каждой области срединной Англіи у нихъ были завѣтные закоулки, дома приверженцевъ, снабженные тайными каморками и проходами, то въ стѣнѣ, то подъ поломъ, то въ дымовой трубѣ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ каморокъ не знали сами жильцы какого-нибудь дома въ Англіи, а знали о нихъ въ Римѣ. Національные католики терпѣть не могли іезуитовъ, и между свѣтскимъ католическимъ духовенствомъ и іезуитами въ Англіи велась жестокая полемика, въ которой самому патеру Гарнету сильно доставалось: онъ былъ обличаемъ въ пьянствѣ, сластолюбіи и всякихъ порокахъ. Свѣтскіе священники готовы были содѣйствовать правительству противъ іезуитовъ, іезуиты доносили правительству о всякой политической затѣѣ въ лагерѣ національныхъ католиковъ. Можно себѣ представить, какъ все это было на-руку проницательному и вѣроломнѣйшему изъ интригановъ — Сесилю. Тѣми и другими онъ пользовался какъ орудіями и взаимно казнилъ ихъ. Имѣя за собою золото и вліяніе испанскаго кабинета, и подчинивъ себѣ Якова, ему оставалось только сломить пассивную оппозицію воинственныхъ пэровъ, и въ особенности Грея, чтобы властвовать безусловно. Помощникомъ Сесиля былъ лордъ Генри Говардъ, извѣстный подъ титуломъ графа Нортэмптона. Знаменитый домъ Говардовъ

пришелъ въ упадокъ; лордъ Генри былъ братъ герцога, лишившагося своего титула и своихъ имѣній. Онъ былъ бѣденъ; онъ хотѣлъ возстановить свой домъ, его герцогскій титулъ и богатство, и пошелъ по дорогѣ Сесиля. Сесиля онъ свелъ со своей племянницей. Дорога къ почестямъ и богатству открылась передъ Генри Говардомъ: онъ былъ сдѣланъ графомъ Нортэмптономъ; племянникъ его Томасъ Говардъ—графомъ Соффолькомъ; наконецъ, одинъ изъ внуковъ его получилъ утраченные Говардами титулы—графовъ Аронделей и Соррей. Нортэмптонъ у Сесиля держался безчестіемъ своей племянницы, графини Соффолькъ, а впослѣдствіи свелъ ея дочь, леди Эссексъ, съ постыднымъ фаворитомъ короля, Карромъ.

Таковы были главные два представителя власти въ томъ періодѣ, о которомъ идетъ рѣчь: Сесиль и Нортэмптонъ — люди, готовые на всякую измѣну изъ-за денегъ, могущества и имѣній. Благородныхъ Ралея и Грея Сесиль скоро упряталъ въ Тоуэръ. Достаточно было для этого одной изъ самыхъ нелѣпыхъ политическихъ комедій. Нѣкоторое число національныхъ католиковъ сговорились свергнуть Сесиля и захватить короля. Они хотѣли выѣхать толпою на встрѣчу Якову, когда онъ изъ Гринича поѣдетъ въ Виндзоръ, окружить его, будто для торжественнаго сопровожденія, и разогнать его гвардію. Но объ истинной цѣли этого съѣзда и сами приглашенные къ нему дворяне-католики знали далеко не всѣ. Заговорщики вступили въ переговоры съ Греемъ, предлагая ему выѣхать вмѣстѣ съ ними на встрѣчу королю и подать ему записку объ ошибкахъ управленія Сесиля. Грей согласился-было; но какъ только узналъ, что предполагается разсѣять королевскую гвардію, тотчасъ отказался отъ участія въ этой демонстраціи. Такъ демонстрація и не состоялась, а между тѣмъ, іезуиты, ненавидѣвшіе національную католическую партію, донесли о происходившихъ переговорахъ, какъ объ измѣнническомъ предпріятіи, указавъ и мѣста, гдѣ найти виновныхъ. Вслѣдствіе этого, Ралей и Грей, совершенно безвинно, были отправлены Сесилемъ въ Тоуэръ. Лордъ Грей защищался просто: онъ хотѣлъ только представить королю прошеніе; если это составляетъ преступленіе, то онъ виновенъ; если нѣтъ, то онъ правъ. Онъ объяснилъ, что какъ только было упомянуто объ употребленіи силы, онъ тотчасъ устранился.

Тѣмъ не менѣе судъ пэровъ, которые были совершенно подъ вліяніемъ Сесиля и Нортэмптона, приговорили его къ «смерти измѣнниковъ». На вопросъ, имѣетъ ли онъ что-либо возразить противъ смертнаго приговора, Грей отвѣчалъ: «ничего». Послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: «но мнѣ приходитъ на мысль одно выраженіе Тацита —Non eadem omnibus decora; домъ Вильтоновъ уже принесъ не одну жизнь на службу королю, и Грей не можетъ выпрашивать себѣ жизнь».

Самъ Яковъ, безсердечный развратникъ, былъ пораженъ этимъ гордымъ отказомъ Грея просить о помилованіи. Уже нѣсколько участниковъ заговора были казнены и дворъ раздѣлился на двѣ партіи относительно Грея. Сесиль былъ силенъ, сильнѣе чѣмъ когда-либо, ибо въ то время прибылъ въ Лондонъ донъ-Хуанъ, графъ де-Виллья-Медина, испанскій посолъ, съ огромными сокровищами, и расточалъ ихъ на министровъ и дворъ Якова. «Богатство обѣихъ Индій текло изъ рукъ посла»—пишетъ Диксонъ. «Драгоцѣнные камни, перья, ароматы дождемъ падали на женъ королевскихъ совѣтниковъ и на другихъ дамъ, слывшихъ еще болѣе привлекательными, чѣмъ жены. Черезъ мѣсяцъ, донъ-Хуанъ сталъ предметомъ общаго фурора. Всякій ухаживалъ за нимъ, и всѣ его именемъ божились. Прекрасныя дамы, одѣтыя въ севильскіе шелка и въ жемчуги, провозгласили донъ-Хуана совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ рыцарей. Донъ-Хуанъ съ своей стороны особенно старательно ухаживалъ за графинею Соффолькъ, ближайшимъ другомъ Сесиля. Вотъ почему поговаривали, что большой дворецъ, который Сесиль строилъ себѣ въ то время на Charing-Cross, позолоченъ филипповымъ золотомъ».

«Люди, обогащенные этимъ золотомъ, кричали при дворѣ объ измѣнѣ Грея и требовали крови этого имѣнника; тѣ же, кто этого золота не взялъ, не стѣсняясь называли приговоръ подлымъ, свидѣтелей клятвопреступниками, а пэровъ продажными. Дамы были на сторонѣ помилованія, и всѣ приговоренные готовы были просить о милости, кромѣ Грея. Пемброкъ послалъ въ Лондонъ за актерами театра Globe, дабы «наставникъ своего времени» внушилъ сколько-нибудь мягкости и милости совѣтамъ короля; и вотъ, труппа Вилльяма Шекспира прибыла въ Вильтонъ для этой благой цѣли. Ею представлена была при дворѣ пьеса, и есть основаніе думать, что пьеса эта была «Мѣра за мѣру». Но король не тронулся поэзіею Шекспира, и несмотря на краснорѣчивое противопоставленіе поэтомъ права милости всѣмъ остальнымъ аттрибутамъ королевской власти, подписалъ приговоръ».

Затѣмъ, когда Грей уже склонилъ голову на эшафотѣ, объявлено было, что ему даруется жизнь. Одиннадцать лѣтъ прожилъ Грей въ Тоуэрѣ, тамъ и умеръ.

Устранивъ Грея, посредствомъ іезуитовъ, Сесиль скоро воспользовался случаемъ погубить самихъ іезуитовъ. Случай этотъ былъ—пороховой заговоръ. А чтобы доказать Испаніи, что онъ одинъ служитъ ей опорою, что ей разсчитывать нечего ни на іезуитовъ, ни на могущественныхъ католическихъ пэровъ, Сесиль самаго могущественнаго и популярнаго изъ нихъ, Пэрри, графа Нортомберленда, привлекъ къ пороховому заговору, на основаніи родства его съ однимъ изъ главныхъ участниковъ, разорилъ этого «графа волшебника» и ввергнулъ его въ Тоуэръ, гдѣ Нортомберлендъ и просидѣлъ до старости.

Исторія порохового заговора есть только эпизодъ въ общей исторіи англо-испанской интриги, о которой разсказываетъ Диксонъ. Взглядъ его на пороховой заговоръ новъ тѣмъ, что онъ рѣшительно устраняетъ отъ отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ англійскихъ католиковъ, которые однако вынесли на себѣ всю тягость послѣдствій этого безумнаго преступленія. Диксонъ доказываетъ, что пороховой заговоръ не только не былъ дѣломъ католиковъ, какъ большой партіи въ государствѣ, но даже и не дѣломъ іезуитовъ, *какъ общества.* Общество Іисуса и генералъ его Клавдій Аквавива противились этому заговору. Тѣмъ не менѣе, главные участники его были іезуиты и онъ былъ все-таки іезуитскимъ дѣломъ. Замѣчательно, что всѣ участники этого заговора по рожденію были протестанты: патеръ Гарнетъ, патеръ Персонсъ, патеръ Оуэнъ, Гей Фоуксъ, Кэтсби, Рейтъ, Дигби, Морганъ, Кэй и Пэрри, родственникъ Нортомберленда, были обращенные протестанты, фанатики католицизма. «Тѣ пятеро джентльменовъ, которые провели мину въ вестминстерскомъ дворѣ, были всѣ англійской крови и протестанты по рожденію... Заговоръ этотъ былъ главною попыткою клерикаловъ англо-испанской интриги противъ законовъ Англіи, попыткою, которую вести поручено было обращеннымъ изъ протестантовъ іезуитамъ; это было политическое столкновеніе, въ которомъ англійскіе іезуиты обратились къ мечу и погибли отъ меча». Тѣмъ не менѣе, и какъ бы справедливо ни было опредѣленіе Диксона, главнымъ виновникомъ этого чудовищнаго предпріятія все-таки оказывается фанатизмъ поборниковъ католическаго міровластія.

Пороховой заговоръ, обыкновенно называемый Фоуксовымъ, но въ которомъ Фоуксъ былъ низшимъ орудіемъ, техникомъ, разсказанъ у Диксона увлекательно. Повѣсть эта читается съ тѣмъ нѣсколько лихорадочнымъ интересомъ, какой внушается послѣдними страницами удачныхъ sensational novels.

Заговорщики были взяты только наканунѣ дня, назначеннаго ими для взрыва. Наканунѣ, они сами были обезпокоены слухами, будто при дворѣ нѣчто подозрѣваютъ. Но именно въ этотъ день случилось на самомъ мѣстѣ, приготовленномъ для взрыва, нѣчто странное. Когда Пэрси уѣхалъ обѣдать къ Нортомберленду, а остальные заговорщики разъѣхались по домамъ, въ зданіе Vinegar-house, изъ котораго вела мина подъ Westminster-Hall, явились лорды Соффолькъ и Монтигль съ однимъ пажомъ, безъ стражи. Они прошли подъ своды и разговаривали между собою смѣясь. Фоуксъ былъ на мѣстѣ. Когда Соффолькъ спросилъ у него, чьи эти дрова и уголья (прикрывавшіе порохъ), онъ отвѣчалъ, что Пэрси. Когда они спокойно удалились, Фоуксъ поспѣшилъ въ домъ Нортомберленда, вызвалъ тамъ Пэрси и сообщилъ ему успокоительное извѣстіе, что все обстоитъ благополучно и опасенія ихъ

были совсѣмъ напрасны. Этотъ визитъ Фоукса къ Пэрси, въ домъ Нортомберленда, и послужилъ Сесилю для того, чтобы погубить послѣдняго. Фоуксъ уже насыпалъ дорожку изъ пороха, зажегъ фонарь, и ожидая наступленія дня, сталъ подниматься по лѣстницѣ; только что онъ вышелъ изъ склепа, какъ былъ схваченъ и связанъ. «Что вы здѣсь дѣлаете»? спросили его. Фоуксъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло. «Еслибы схватили меня тамъ, внутри, отвѣчалъ онъ, я бы взлетѣлъ на воздухъ съ вами, и съ домомъ, и со всѣмъ».

Эти джентльмены Кэтсби и Пэрси, которые борятся со всевозможными затрудненіями для исполненія своего невѣроятнаго плана; эти іезуиты, которые достаютъ деньги; этотъ грубый, но безусловно безстрашный Гэй Фоуксъ, который живетъ на своей минѣ и до самаго конца не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на-счетъ успѣха; наконецъ самъ Сесиль, который имѣетъ въ рукахъ вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ, а оставляетъ его дозрѣвать, для того, чтобы проявилось во всемъ блескѣ «попеченіе Промысла о священной особѣ короля», и для того, чтобы запутать какъ можно больше и іезуитовъ и католическихъ пэровъ, и остаться безъ соперниковъ въ милостяхъ Филиппа испанскаго —какіе благодарные типы для повѣствователя! Надо отдать Диксону справедливость, онъ необыкновенно талантливый разсказчикъ и замѣчательный физіономистъ, если можно назвать такъ наблюдателя и описывателя историческихъ типовъ. Вмѣсто того, чтобы браться за описаніе совсѣмъ чуждыхъ ему странъ и условій, Диксону слѣдовало бы именно посвятить свой талантъ освѣщенію и вмѣстѣ популяризаціи тѣхъ моментовъ англійской исторіи, которые ближе ему знакомы и наиболѣе ему нравятся.

Не менѣе удачно разсказаны у Диксона исторія Арабеллы Стюартъ и бѣгство ея мужа Симура изъ Тоуэра, постыдное царство королевскаго любимца Карра, посредничество стараго Нортэмптона между внукою его, леди Францискою Говардъ, и этимъ фаворитомъ, наконецъ исторія отравленія въ Тоуэрѣ сэра Т. Овербэри, поэта, который посредствомъ того же Карра хотѣлъ обратить короля на путь національной политики.

Исторія Тоуэра сама по себѣ очень обширна, и, за предѣлами своего нынѣшняго разсказа, Диксонъ могъ бы найти не одинъ столь же любопытный, связанный съ Тоуэромъ, эпизодъ. Вспомнимъ, что еще въ первой четверти текущаго столѣтія сэръ Францисъ Бэрбеттъ и Тистльусъ были заключены въ Тоуэрѣ. Но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ томѣ Диксонъ не обѣщаетъ продолженія.

Л. П.

Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Руси, по актамъ 1432—1798 г. Составилъ *Владиміръ Антоновичъ.* Кіевъ, 1870.

Одинъ изъ самыхъ темныхъ и мало изслѣдованныхъ предметовъ русской исторіи есть конечно исторія городовъ. Исторія городовъ южнорусскихъ тѣмъ болѣе интересна, что они, оторвавшись нѣсколько столѣтій тому назадъ отъ остального русскаго міра, подъ вліяніемъ чужой національности получили особую организацію и своеобразную физіономію, во многомъ несходную съ городами сѣверо-восточной Россіи. Какъ на болѣе рѣзко выдающіяся черты ихъ отличія, можно указать: во-первыхъ, отсутствіе туземнаго торговаго сословія, почти на всемъ югѣ Россіи замѣненнаго чуждымъ по религіи и національности еврейскимъ населеніемъ; во-вторыхъ, существованіе въ юго-западномъ краѣ владѣльческихъ городовъ—этого наслѣдія польскаго владычества. Изслѣдованіе г. Антоновича имѣетъ двойной интересъ: какъ замѣчательный историческій трудъ, оно освѣщаетъ эту темную сторону нашей старины; какъ постановка вопроса объ уничтоженіи владѣльческихъ городовъ, — вопроса, въ недавнее время возбужденнаго въ журналистикѣ и мѣстной администраціи, — оно можетъ служить отвѣтомъ на много весьма важныхъ и насущныхъ требованій, подлежащихъ разрѣшенію.

Имя г. В. Антоновича въ первый разъ появилось въ литературѣ въ 1863 году, когда онъ, по актамъ кіевскаго центральнаго архива, издалъ свое «Изслѣдованіе о казачествѣ» (1500—1648 г.), пролившее совершенно новый свѣтъ на происхожденіе казачества. Вслѣдъ затѣмъ, какъ главный редакторъ архива, онъ издалъ одинъ за другимъ нѣсколько томовъ актовъ и по нимъ чрезвычайно интересныхъ изслѣдованій: «О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи» вообще, и въ частности «Объ околичной шляхтѣ», этомъ окатоличенномъ, но и по настоящее время сохранившемъ національныя южно-русскія черты, старомъ южно-русскомъ дворянствѣ (1867 г.); «Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра», по актамъ 1679 — 1716 г. (1868 г.) и, наконецъ, разсматриваемое нами «Изслѣдованіе о городахъ». Какъ важность самыхъ предметовъ, еще непочатыхъ въ нашей исторической литературѣ, такъ и важность вопросовъ, объясняемыхъ, а часто и возбуждаемыхъ сочиненіями г. Антоновича, могли бы дать матеріалъ для цѣлыхъ обширныхъ монографій; но г. Антоновичъ владѣетъ умѣньемъ не отягощать изслѣдованія массой подробностей, и напротивъ останавливается только на существенномъ, излагаетъ дѣло лаконически, довольно сухо, иной разъ какъ будто тяжело, но съ строгой логической послѣдовательностью. Это изслѣдователь, безъ сомнѣнія, очень талантливый. Этими свойствами, и едва ли еще не въ большей степени, чѣмъ прежнія сочиненія г. Антоновича, отличается и послѣднее его изслѣдованіе.

Въ этомъ изслѣдованіи авторъ показываетъ, что города юго-западной Россіи въ своей исторической жизни прошли одинъ за другимъ три періода и, соотвѣтственно этому, имѣли троякое значеніе: 1-е, города, какъ центры вѣча, *представители земель*; 2-е, со введеніемъ литовскаго военно-феодальнаго порядка, города превращаются въ *укрѣпленія, замки* и, наконецъ, 3-е, города получаютъ значеніе *торговыхъ центровъ*.

Какъ центры народнаго вѣча, города возникли въ южной Россіи еще до нашествія варяжскихъ князей съ ихъ дружинами — по мѣрѣ разселенія славянскихъ племенъ. Каждое племя, въ силу стараго обычая, имѣло свой вѣчевой центръ, къ которому тянули всѣ окружныя земли, и города въ это время получаютъ значеніе мѣста для сходокъ. Туда сходятся представители «околицъ» и «пригородовъ» для обсужденія общественныхъ дѣлъ, и подъ названіемъ города въ тѣ времена подразумѣвались не только собственно городскіе жители, но также и жители всѣхъ окружныхъ мѣстностей, составлявшихъ вмѣстѣ съ городскимъ населеніемъ одно общее вѣче.

Съ появленіемъ на югѣ Россіи варяжскихъ князей и водвореніи ихъ въ краѣ, города получаютъ нѣсколько иное значеніе: сохраняя по прежнему вѣчевое устройство, они кромѣ того становятся княжескими «столами» и центрами военной организаціи. Но это нисколько не нарушало племенного дѣленія края: столы княжескіе утверждались по большей части въ вѣчевыхъ городахъ, сообразно племенному дѣленію самыхъ общинъ. Вообще удѣльная система, по замѣчанію г. Антоновича, не нарушила племенного распредѣленія народа, напротивъ того, она «подчиняется общему складу народной жизни: вѣчевые центры считаются столами старѣйшими; пригороды, старые и вновь образовавшіеся,—столами младшими, и князья, сидящіе на послѣднихъ, — князьями сподручными тому князю, который занимаетъ главный столъ». Все это довольно извѣстно и изъ прежнихъ изслѣдованій объ этомъ періодѣ. Но далѣе, со времени литовскаго владычества, въ исторіи южной Руси, и въ исторіи городовъ особенно, является большой пробѣлъ, въ два столѣтія, никѣмъ не изслѣдованный. Пробѣлъ этотъ оставался не наполненнымъ отчасти потому, что литовскій періодъ былъ у насъ вообще мало изучаемъ, а отчасти—по отсутствію историческихъ памятниковъ для XIV и XV в. Единственными почти источниками для этого времени являются грамоты великихъ князей литовскихъ, жалующихъ владѣльцамъ имѣнія и городамъ — магдебургское право. По этимъ памятникамъ г. Антоновичъ и возстановляетъ жизнь городовъ южно-русскихъ подъ владычествомъ Литвы.

Такъ какъ литовское государство подъ давленіемъ крестоносцевъ образовалось на военномъ началѣ, то князья литовскіе чрезвычайно

заботятся объ укрѣпленіи государства и о заведеніи возможно большей и лучшей военной силы. Для этого они пользуются не только всѣмъ туземнымъ боярствомъ, но всѣми силами покровительствуютъ его развитію. Съ этою цѣлью они раздаютъ «за выслугу» служилымъ людямъ отдѣльные участки земель — съ тѣмъ, чтобы владѣльцы доставляли въ войско князя нѣсколькихъ вооруженныхъ людей. Такимъ образомъ, въ литовскомъ государствѣ возникаетъ военно-феодальный порядокъ. Прежнее дѣленіе края на земли и земель на волости (околицы) замѣняется новымъ—на княжества и повѣты, группирующіеся около княжескихъ за́мковъ. Но общины новому порядку уступаютъ не сразу: между ними и военно-феодальнымъ порядкомъ возникаетъ борьба за земельную собственность. Общины, по старой памяти, считаютъ всѣ прежде вѣчевыя земли своими, а въ пользу государства несутъ только повинности, большею частью натуральныя; а князья, считая земли своею собственностью, раздаютъ ихъ «за выслугу» служилымъ людямъ, обязаннымъ отбывать военную повинность. Сперва, конечно, и сами «служилые», получившіе земли, почти ничѣмъ не отличаются отъ общинниковъ: наравнѣ съ ними владѣютъ полученными землями и наравнѣ несутъ въ пользу государства всѣ повинности; но мало-по-малу служилое сословіе беретъ надъ общиною верхъ, обособляется — и общинная самостоятельность падаетъ. Чѣмъ ближе къ центру (Литвѣ), къ сѣверо-западу отъ Украины, тѣмъ раньше община утрачиваетъ свою самостоятельность (на Волыни и Полѣсьи, напр., разложеніе общинъ и сословное раздѣленіе уже въ началѣ XV в.), а землями завладѣваетъ служилое сословіе, оставивши городамъ только городскую общину—мѣщанское сословіе. Но упадокъ общины выражается, кромѣ утраты сельскихъ территорій, розданныхъ «земянамъ», еще и тѣмъ, что въ прежнее время военную повинность отбываетъ вся община, а теперь, съ образованіемъ особаго военнаго сословія,—городскія общины вовсе не несутъ военной повинности натурою, а вмѣсто того учреждаются денежныя повинности. Хотя эти такъ-называемыя «платы» идутъ тоже на содержаніе городовъ, но уже не вѣчевыхъ центровъ — представителей земель, а городовъ-за́мковъ, укрѣпленій,—на содержаніе многочисленнаго «за́мковаго уряда», на содержаніе старостъ.

Какъ мы уже замѣтили, военно-феодальное правительство стремилось укрѣпить себя за́мками, крѣпостями. Оно даже села переименовываетъ въ города, если владѣльцы обязываются выстроить въ нихъ крѣпости. Такъ, понятіе о городѣ, какъ о центрѣ общины, замѣняется новымъ: города становятся укрѣпленіями, за́мками. А городское сословіе изъ прежней самостоятельной общины превращается не болѣе, какъ въ источникъ содержанія постоянно возникающихъ крѣпостей.

Всѣ городскіе доходы, какъ-то: *помѣрное*, *мостовое*, *сошъ* и проч., идутъ исключительно на содержаніе замковъ и ихъ урядовъ. Кромѣ того, на городскомъ сословіи лежатъ еще и натуральныя повинности, отбываемыя тоже въ пользу замковъ. Надзоръ же за правильностію взносовъ и отработываемыхъ горожанами дней лежалъ: въ королевскихъ городахъ—на старостѣ, а во владѣльческихъ—на самихъ владѣльцахъ. Такое положеніе старостъ и владѣльцевъ чрезвычайно расширяло ихъ власть въ городахъ и давало имъ полный просторъ быть безотчетными распорядителями не только имуществомъ мѣщанъ, но часто и самою ихъ личностію. Такъ, въ прежнее время на содержаніе старостъ шли добровольные подарки, а теперь старосты всѣ сборы: «капщину» (пошлина съ продажи напитковъ), «верховщину» (подать съ огородовъ, гуменъ и дворовъ), «квитовое» (налогъ съ иногородныхъ купцовъ, привозившихъ въ городъ товары), «мыто» (десятина съ продаваемыхъ товаровъ), доходы съ городскихъ мельницъ и т. п., обратили въ свою пользу. А подъ видомъ «замковой послуги» натуральныя повинности мѣщане отбывали въ частную пользу старостъ. Что же касается поборовъ и повинностей во владѣльческихъ городахъ, то они далеко за собою оставляли королевскіе. На подмогу старостамъ и владѣльцамъ въ королевствѣ польскомъ являются евреи—откупщики-арендаторы не только всевозможныхъ «мытъ», но даже и православныхъ церквей. И все это всею своею тяжестью ложится на беззащитные города: мѣщане натуральными повинностями приближаются къ положенію крестьянъ; лишаются личной свободы; словомъ, все это приводитъ города «къ закрѣпощенію и уничтоженію городского сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и послѣднихъ слѣдовъ общинной жизни въ южной Руси».

При такомъ соціальномъ положеніи городовъ экономическая сторона ихъ тоже находилась въ крайне несчастномъ положеніи: благосостояніе горожанъ падаетъ; торговля и ремесла переходятъ въ руки евреевъ; мѣщане-христіане бѣднѣютъ, обращаются къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и частію расходятся,—отчего количество податей и вообще поборовъ уменьшается. Это послѣднее обстоятельство и заставляетъ правительство жаловать городамъ магдебургское право.

Цѣль раздачи городамъ этого права, по замѣчанію г. Антоновича, состояла въ томъ, чтобы «предотвратить окончательное подавленіе городского сословія военнымъ и предупредить исчезновеніе и закрѣпощеніе перваго вслѣдствіе давленія старостинской власти—представительницы второго». Раздача магдебургскаго права городамъ идетъ соотвѣтственно упадку общинъ и возвышенію военнаго порядка съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Такъ, во 2-ой половинѣ XIV-го вѣка магдебургское право получаютъ города Червоной Руси; въ Подоліи: Каме-

нецъ—въ концѣ XIV-го вѣка, а въ XV-мъ вѣкѣ уже второстепенные города; потомъ право это жалуется городамъ на Волыни, и затѣмъ уже въ Украинѣ. При этомъ магдебургское право въ различныхъ мѣстностяхъ получаетъ и различное значеніе. Тогда какъ на сѣверо-западѣ (Червоной Руси, Подоліи и Волыни), гдѣ оно жалуется раньше и гдѣ военно-феодальный порядокъ царилъ уже въ полной силѣ,—его понимаютъ, какъ гарантію городскихъ обществъ, въ значеніи городского населенія, противъ самоуправства за́мковыхъ урядовъ и старостъ; на юго-востокѣ, въ Украинѣ, гдѣ еще порядокъ общинный не совершенно исчезъ,—оно становится достояніемъ не одного города, а составляетъ гарантію самоуправленія цѣлой околицы или округа, тянувшаго къ городу, какъ общинному центру,—при чемъ новые города становятся къ главному городу въ отношенія пригородовъ. Такимъ образомъ, магдебургское право въ Украинѣ утверждало общинное устройство.

Но, разсматривая какое-нибудь учрежденіе, историку нужно опредѣлить не только цѣль, имъ предположенную, но и то, какую пользу или вредъ оно принесло. Какіе же результаты принесло магдебургское право? Облегчена ли была участь городовъ южной Руси, получившихъ это право, или оно было только палліативною мѣрою, на нѣкоторое время продлившею незавидную жизнь городовъ? На вопросы эти въ изслѣдованіи г. Антоновича находимъ обстоятельные и довольно неутѣшительные отвѣты. Какъ полумѣра, магдебургское право, по словамъ его, «не сообщило городамъ жизненности и не спасло ихъ отъ упадка по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно было жаловано городамъ съ болѣе или менѣе значительными ограниченіями, сохранившими довольно сильное вліяніе на городскія общины за́мка и оставившими старостамъ и частнымъ владѣльцамъ полное преобладаніе въ городахъ; а во-вторыхъ, право это, выработанное на чуждой почвѣ, не могло быть усвоено жителями городовъ южнорусскихъ, съ юридическими понятіями и историческими преданіями которыхъ оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось въ противуположныхъ направленіяхъ».

Какъ на примѣръ преобладанія старостъ въ городахъ, можно указать, что, напр., въ г. Каменцѣ, надѣленномъ самимъ широкимъ магдебургскимъ правомъ, вѣдѣнію старосты подлежали: тяжбы между горожанами и шляхтичами, магистратомъ и мѣщанами; завѣдованіе сборомъ съ городскихъ промысловъ; повѣрка городскихъ доходовъ и правильное ихъ употребленіе; отъ него зависѣла раскладка податей, такса и т. п. Какъ «бургарій» (комендантъ крѣпости), онъ судилъ проступки противъ благочинія; разрѣшалъ гулянья; въ его вѣдѣніи находились паспорты и т. д. Кромѣ этихъ подчиненій чисто мѣстнымъ властямъ, для городовъ шляхетской Рѣчи-Посполитой обязательны

были распоряженія сеймиковъ шляхты. Понятно, что при такихъ давленіяхъ старостъ и многовластіи, въ королевскихъ городахъ городскимъ общинамъ было не до самостоятельности. Въ городахъ владѣльческихъ было и того хуже: тамъ община находилась въ полной власти частнаго лица—владѣльца города. Ему принадлежалъ контроль надъ судебною властью магистрата; его вліяніе тяготѣло надъ выборомъ лицъ въ городскіе члены; онъ утверждалъ кандидатовъ на должности; даже, если было ему угодно, замѣщалъ ихъ своими. При такомъ полновластіи владѣльца, выборные урядники были только слѣпыми исполнителями его воли, за неисполненіе которой войтъ и бурмистръ часто попадали въ тюрьму. Гдѣ не жилъ самъ владѣлецъ города, тамъ замѣнялъ его владѣльческій староста. И, конечно, жизнь горожанъ тамъ была еще тяжеле: карманы этого экономическаго урядника тоже должны были наполняться городскимъ добромъ.

Такое подчиненіе городовъ старостамъ и владѣльцамъ приводитъ городское сословіе къ полнѣйшей утратѣ самоуправленія: даже регулированіе частной жизни мѣщанъ зависитъ отъ властей. «Свадебная куница» ставитъ въ зависимость отъ старостъ браки; запрещеніе мѣщанамъ проживать внѣ города стѣсняетъ ихъ личную свободу; установленіе самимъ владѣльцемъ мѣръ и вѣсовъ, а также таксъ на продукты, подчиняетъ владѣльцамъ торговлю; кромѣ того, во власти владѣльцевъ находилось распредѣленіе дней, въ какіе работать, въ какіе нѣтъ, въ какіе дни ходить въ баню; въ какое время года строить дома и т. д., и т. п.

Что касается магдебургскаго права, какъ кодекса законоположеній, то оно оставалось для городовъ южной Руси совершенно мертвою буквою: его не знали и имъ не руководствовались не только мѣщане, но даже и сами магистраты. Изъ него была заимствована только организація городскихъ властей; но и то, какъ говоритъ г. Антоновичъ, «не точно и неопредѣленно: на всемъ пространствѣ южной Руси не было двухъ городовъ, имѣвшихъ одинаковое устройство». Причиною нежизненности законовъ было то, что, какъ сказано выше, они не согласовались съ народными обычаями. А какъ сильно еще сохранились въ городахъ обычаи и преданіе, можно заключить изъ того, что кромѣ двухъ коллегій по магдебургскому праву: «Рады», подъ предсѣдательствомъ бурмистра, судившей дѣла гражданскія и завѣдывавшей городскою полиціею, имуществомъ города и надзоромъ за торговлею, и «Лавничего суда», состоявшаго изъ 12 и болѣе лавниковъ, и вѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ войта дѣла уголовныя, — въ городахъ южно-русскихъ образовалась еще третья коллегія, *Совѣтъ 40—30 мужей*, выборныхъ отъ цеховъ. «Совѣтъ» этотъ контролировалъ магистратъ по управленію городскими финансами и городскимъ

благоустройствомъ, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, составлялъ высшій трибуналъ, предъ которымъ склонялись первыя двѣ коллегіи. Но это продолжается не долго. Въ большинствѣ случаевъ и тутъ начальство магистратское борется съ народомъ и стремится какъ можно ниже нагнуть шею беззащитному мѣщанству. Хотя «мужи» и взываютъ о помощи къ правительству, хотя короли и назначаютъ особыя коммисіи для разбора препирательствъ коллегій съ «совѣтомъ», но все это ни къ чему не приводитъ: коммисіи тянутъ дѣла цѣлые годы, не доводятъ ихъ къ концу, а войты и бурмистры, подкупивши милость коммисаровъ, грозятъ даже подчинить города шляхетскому суду.

Такимъ образомъ, магдебургское право, по словамъ г. Антоновича, «не доставляя гарантіи внѣшней для самостоятельности городовъ, бывши чуждо народу, не давало и внутреннихъ прочныхъ основъ для ея развитія» — и, поэтому, совершенно не достигло цѣли, для которой предназначалось, т.-е., не поддержавши городовъ, въ смыслѣ гражданскаго развитія, не развило ихъ торговой и промышленной дѣятельности.

Тогда правительство, потерявши надежду создать городскую автономію магдебургскимъ правомъ, раздаетъ городамъ многочисленныя частныя торговыя льготы и привилегіи. — Они были трехъ родовъ:

1) Особыя льготы и преимущества при производствѣ торговли, какъ-то: освобожденіе отъ платы «мыта» съ привозимыхъ въ городъ товаровъ, окупаемыхъ «на мытницахъ» или «мытныхъ коморахъ», которыя большею частію отдавались на откупъ евреямъ; предоставленіе мѣщанамъ права торговли горячими напитками, и устройство складовъ, т.-е. обязательная въ городѣ продажа товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы. Всѣ эти привилегіи — чисто исключительнаго и монопольнаго характера, направленныя къ развитію торговли въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, убивали ее въ цѣлой странѣ, а налоги и безконечныя обременительныя «мыта» уничтожали торговлю и въ привилегированныхъ центрахъ.

2) Привилегіи, жалуемыя городамъ «на ярмарки и торги» (рынки), имѣли нѣкоторое значеніе тоже для отдѣльныхъ мѣстностей, но также не могли поддержать, со всѣхъ сторонъ убиваемой, торговой и промышленной дѣятельности городовъ. Во-1-хъ, товары, привозившіеся на ярмарки и торги, состояли почти исключительно изъ сельскихъ произведеній, какими и понынѣ на уѣздныхъ ярмаркахъ торгуетъ нашъ простолюдинъ, а во-2-хъ, и эти произведенія были отягощены налогами, исключительно падавшими на низшіе классы народа, такъ какъ шляхтичи пользовались правомъ провозить всѣ произведенія безпошлинно.

и 3) Привилегіи, съ начала XVI-го в. раздаваемыя городамъ, для

развитія ремесленной промышленности на устройство ремесленныхъ корпорацій (цеховыхъ братствъ), составляли тоже монополію немногихъ лицъ и потому тоже не принесли городамъ надлежащей пользы. «Цеховыя братства», въ большинствѣ случаевъ, замыкались въ тѣсный кругъ отдѣльной мѣстности, стѣсняли мастеровыхъ своею исключительностью и не только способствовали, а, напротивъ того, убивали ремесленную дѣятельность, которая вмѣстѣ съ торговою всецѣло перешла въ руки евреевъ.

Евреи, хотя по закону не пользовались льготами, предоставленными христіанамъ, на дѣлѣ овладѣли всей торговой и промышленной жизнью южной Руси. Г. Антоновичъ указываетъ слѣдующія причины, давшія евреямъ такое положеніе въ краѣ: во-1-хъ, евреи обладаютъ большимъ промышленнымъ развитіемъ, чѣмъ туземные мѣщане; они солидарны въ своихъ дѣйствіяхъ; составляютъ ассоціаціи для промышленныхъ предпріятій; капиталы у нихъ создаются путемъ ассоціацій и кредита; во-2-хъ, они заводятъ свою собственную организацію и самоуправленіе въ краѣ, получившія прочное основаніе вслѣдствіе единства происхожденія и вѣры, и въ-3-хъ, они сознаютъ себя племенемъ пришлымъ, чуждымъ мѣстному народонаселенію и его интересамъ; они не считаютъ себя обязанными соблюдать въ отношеніяхъ къ нему нравственныя правила, соблюдаемыя въ отношеніяхъ между собою; они считаютъ себя въ непріятельской землѣ, но, какъ слабѣйшіе, избѣгаютъ открытой борьбы, и, пользуясь единственнымъ оружіемъ, въ которомъ они сознаютъ свое превосходство — промышленнымъ развитіемъ, они эксплуатирутъ всѣ слабыя стороны устройства и нравовъ туземцевъ, и, такимъ образомъ, подавляютъ на его собственной территоріи гораздо болѣе многочисленное и болѣе полноправное туземное населеніе. Какъ на очень любопытный фактъ авторъ указываетъ на еврейское самоуправленіе, напоминающее собою прежнее общинное, Такъ, у нихъ болѣе значительный городъ составлялъ *кагалъ*, а мелкіе города и села—*прикагалки*. Кагалъ подлежалъ суду и управленію коллегіи изъ выборныхъ лицъ, которые назывались «жидовскіе старшіе, кагальные, судьи, школьники», и утверждались за извѣстную плату замковымъ урядомъ или владѣльцемъ города. Судъ производился этими лицами, подъ предсѣдательствомъ равина, по талмуду, по обычаямъ и преданіямъ евреевъ. Для раскладки же податей, выборные отъ кагаловъ съѣзжались на «жидовскіе сеймики», постановленія которыхъ обязательны были для всѣхъ евреевъ въ воеводствѣ. Но какъ ни стройна была организація евреевъ, она едва ли бы въ состояніи была подавить городскія общины и поработить города, если бы евреи дѣйствовали прямыми путями. Только подкупъ правительства въ лицѣ старостъ и другихъ многочисленныхъ властей Рѣчи-Пос-

политой рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Города очутились въ рукахъ евреевъ. Заплативши извѣстную дань «уряду», они селились въ запрещенныхъ мѣстахъ, брали на откупъ отъ старостъ, а иногда и отъ самихъ магистратовъ, городскіе доходы, подъ видомъ ихъ облагали поборами городскіе промыслы, какіе еще оставались въ рукахъ туземныхъ мѣщанъ; ставши откупщиками королевскаго мыта, прибрали къ своимъ рукамъ всю торговлю... Такъ что правительство съ XVII-го в. оставляетъ всякое попеченіе о городахъ, и только изрѣдка подтверждаетъ прежнія грамоты. Но эти грамоты, съ уничтоженіемъ общины, уже не имѣютъ ровно никакого значенія: городское сословіе или совершенно исчезло, или обратилось къ земледѣльческимъ занятіямъ, не выработавши изъ себя мѣстнаго средняго класса, который бы могъ хотя нѣсколько уравновѣсить въ шляхетскомъ государствѣ такія двѣ крайности, какъ шляхтичъ и хлопъ. Отсутствіе средняго класса, говоритъ г. Антоновичъ, «было однимъ изъ знаменій паденія Рѣчи-Посполитой.»

Хотя при ея паденіи, 18 апрѣля 1791 года, и былъ изданъ законъ «о вольныхъ королевскихъ городахъ», на время какъ будто даже оживившій ихъ; но законъ этотъ, по замѣчанію г. Антоновича, опоздалъ на два столѣтія. Впрочемъ, законъ этотъ, возникшій не по инціативѣ шляхетства, а безъ его согласія, не могъ долго и продержаться: генеральная конференція 29 октября 1792 г. и королевскій ассесорскій судъ возстановили въ городахъ прежнія права старостъ и владѣльцевъ. Но въ то время города южнорусскіе уже были присоединены къ Россіи. Такъ «нѣсколько столѣтій назадъ—кончаетъ г. Антоновичъ свое интересное во многихъ отношеніяхъ изслѣдованіе — они оставили русскій міръ полные силы, правившіе сами собою и тянувшими къ нимъ землями, богатые гражданскими правами, равноправностію и благосостояніемъ жителей; теперь они возвращались истощенные, съ полукрѣпостнымъ населеніемъ, оторванные отъ земли и переполненные иноплеменнымъ, враждебнымъ и эксплуатирующимъ ихъ жизнь еврейскимъ народонаселеніемъ.»

Но спрашивается: въ какомъ положеніи находились города южнорусскіе лѣвой стороны Днѣпра, еще въ 1648 году оставившіе шляхетскую Рѣчь-Посполитую и присоединенные къ единовѣрному Московскому государству? Выпала ли хоть имъ, подъ владычествомъ родныхъ братьевъ, лучшая доля? Къ сожалѣнію, и на эти вопросы можно отвѣтить только отрицательно. Нѣсколько свидѣтельствъ изъ второй половины XVIII-го в., достаточно показываютъ, въ какомъ, по истинѣ безотрадномъ, положеніи находились города на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Одинъ изъ современниковъ (1763 г.) говоритъ о торговой и промышленной дѣятельности края: «Во всей Украинѣ ни единаго изъ

купцовъ капиталистовъ нѣтъ, который бы купечествомъ знатенъ былъ. Всѣ ихъ продукты или худо заведены и въ торгъ не годятся для выпуску, или въ маломъ числѣ родятся;... границы, тяжелымъ тарифомъ затрудненныя, послѣдній духъ ихъ къ промысламъ умертвили; а при томъ пожитокъ отъ виннаго куренія, не многимъ трудомъ пріобрѣтенный, остатки въ нихъ склонности къ заведенію другихъ промысловъ, истребили. Ни фабрикъ, ни рукодѣлій; люди бѣдны, наги, а частію — голодны». (Основа, 1862 г., январь, стр. 25). Графъ Румянцевъ въ своей любопытной и поучительной запискѣ «о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ» (1765 г.) говоритъ: «Многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ. Жители въ городахъ, опасаясь таковыхъ раздачъ, принуждены были писаться въ казаки, и торгуютъ и промышляютъ противу права, натурально со многими неудобностями и безъ успѣховъ; а гражданское все бремя лежитъ на оставшихся, коль въ числѣ малыхъ, столь и бѣдныхъ людяхъ; гражданское же начальство должности своей въ охраненіи правъ не только не наблюдаютъ, но подъ разными видами имѣнія и доходы городскіе присвоили, частію въ собственность, а другіе подъ именемъ урядовъ; слѣдственно города стали пусты, публичныя строенія сами въ себѣ изойшли, подъ именемъ городовъ обратились разныхъ тамъ живущихъ владѣльцевъ въ деревни... Ратушныя деревни почти всѣ во владѣніи партикулярномъ состоятъ... Строеніе въ городахъ вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное... Книга: порядокъ правъ гражданскихъ, о всемъ томъ, что къ цѣлости, безопасности, чистотѣ и украшенію городскому служитъ, достаточно наставляетъ; но къ сожалѣнію все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, есть совсѣмъ развращенное и токмо народъ отягощающее. Художества и ремесла вездѣ по привиллегіямъ быть и цехи свои имѣть должны; но токмо изъ тѣхъ или майстерство, по перемѣнамъ нравовъ и обычаевъ, мало надобное, либо-же безъ всякаго поправленія, въ своемъ первоначальномъ состояніи остается.» (Малороссія въ 1767 году», стр. 139—141). Изъ наказовъ, данныхъ городскимъ сословіемъ депутатамъ, избраннымъ въ знаменитую «Коммиссію» 1767 года, видно, что города находились въ самомъ ужасномъ положеніи, что мѣщане были жалкимъ, загнаннымъ сословіемъ, которое могъ обижать, кто хотѣлъ. Полтавскіе горожане, напр., жалуются: «Не имѣемъ мы на себя никакого уваженія... всѣ мы порицаемся мужиками и презираемы бываемъ, кольми паче отъ великороссійскихъ квартирующихъ и переѣзжающихъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, даже до послѣдняго солдата, претерпѣваемъ, какъ войтъ и урядники, такъ и мѣщане, несноснѣйшія утѣсненія, обиды и поруганія, и самые побои... А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ кото-

рыхъ мы частыя имѣемъ обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; чѣмъ самымъ отъемлется у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, кто чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ сыскать»... (тамъ же, стр. 93).

Итакъ, города южнорусскіе, находившіеся подъ владычествомъ русскимъ, были не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ города, принадлежавшіе Польшѣ. Вся разница, слѣдовательно, состояла въ томъ, что при извѣстной безурядицѣ Рѣчи-Посполитой города южно-русскіе до такого положенія доведены были иновѣрными королевскими старостами и частными владѣльцами, при помощи откупщиковъ-евреевъ, а города, находившіеся подъ русскимъ владычествомъ, — малороссійскимъ шляхетствомъ, не уступавшимъ польскому, и русскимъ гражданскимъ начальствомъ, «должности своей въ наблюденіи правъ» не наблюдавшимъ, переходящими и квартирующими войсками и вообще полиціею, которая что̀ ни дѣлала, все то, по словамъ графа Румянцева, «есть совсѣмъ развращенное и токмо народъ отягощающее»...

Только въ послѣднее время города южно-русскіе лѣвой стороны Днѣпра, съ введеніемъ земства и гласнаго суда, получили снова нѣкоторое гражданское значеніе, какого, находясь до сихъ поръ въ частномъ владѣніи, не имѣютъ города на правой сторонѣ Днѣпра. Экономическая же сторона жизни тѣхъ и другихъ, развитіе туземнаго торговаго сословія, мѣстныхъ промысловъ, почти на всемъ югѣ Россіи находящихся въ рукахъ евреевъ, искусственно скученныхъ разными ограниченіями,—словомъ: «какимъ образомъ города, какъ говоритъ графъ Румянцевъ, яко нужную въ разсужденіи внутреннихъ торговъ и промысловъ вѣтвь общенародной пользы, привесть въ цвѣтущее состояніе», — все это вопросы, еще ожидающіе своего разрѣшенія.

И. Р.

Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи. Berlin. 1869. Стр. 72.

Брошюра эта издана въ Берлинѣ въ прошломъ году, но дозволена въ Россіи только въ нынѣшнемъ, изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ сочиненіе неизвѣстнаго соотечественника нашего заключало въ себѣ какія-нибудь запрещенныя мысли. Совсѣмъ напротивъ: оно, можно сказать, патріотизма даже преисполнено, какъ и должно было ожидать отъ человѣка, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Михаилу Николаевичу Муравьеву и Михаилу Никифоровичу Каткову.

Объ этомъ авторъ самъ свидѣтельствуетъ и даже выписываетъ нѣсколько строкъ изъ одного письма г. Каткова, адресованнаго къ нему, г. сочинителю этой брошюры. Вопросъ, котораго касаются строки г. Каткова, — колонизація западнаго края великорусскими крестьянами, на чемъ настаивалъ сочинитель брошюры и что̀ отрицалъ г. Катковъ, обнаружившій въ немногихъ строкахъ большое незнакомство съ составомъ населенія западнаго края. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать отъ публициста, сильнаго чувствами, но не богатаго знаніемъ Россіи.

Что касается самого сочинителя брошюры, то это человѣкъ, изучавшій западный край на мѣстѣ и пришедшій къ тому нехитрому выводу, что все зло у насъ отъ поляковъ, что избавься сегодня Россія отъ поляковъ — съ завтрашняго дня она станетъ процвѣтать до скончанія вѣка. «Россія не знала бы ни одного чернаго дня (ни одного! можете себѣ это представить!), не подверглась бы ни одной серьезной опасности, еслибъ не поляки. И эти же поляки, и именно тѣ изъ нихъ, которые болѣе ожесточены противъ насъ, разселяются большими группами въ промышленныхъ городахъ нашихъ, въ плодороднѣйшихъ губерніяхъ, гдѣ для предоставленія имъ бо̀льшихъ средствъ распространять свои идеи, однимъ дается содержаніе отъ казны, не требуя за эти деньги ни труда, ни вознагражденія, другимъ дозволяется покупать имѣнія, не требуя даже, чтобъ они причислялись къ мѣстному коренному русскому дворянству и не исключая ихъ изъ той среды, въ которой они враждебно противъ насъ дѣйствовали». Мы сдѣлали эту выписку потому, что она довольно точно резюмируетъ ту часть брошюры, гдѣ авторъ доказываетъ вредоносность поляковъ, католиковъ и православныхъ, высланныхъ во внутреннія губерніи и служащихъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Авторъ рекомендуетъ радикальную мѣру—изгнать изъ Россіи всѣхъ рѣшительно поляковъ въ Польшу и въ западный край: пусть тамъ они увеличатъ «число нашихъ враговъ», но пусть не сѣютъ революціонныхъ и всякихъ другихъ мыслей въ Россіи и не жгутъ ее; пусть «Россія будетъ Россіей». А нѣмцы? Отчего бы ужъ кстати и нѣмцевъ не выгнать, а съ ними и всѣхъ другихъ иностранцевъ? Тогда Россія еще больше стала бы Россіей....

Мы, впрочемъ, должны сказать, что сочинитель брошюры изображаетъ собою человѣка, у котораго здравыя мысли перепутались съ нездоровыми и даже прониклись ими до такой степени, что одни отъ другихъ отдѣлить трудно. Въ началѣ, напр., онъ говоритъ въ пользу полной вѣротерпимости, совѣтуетъ ввести русскій языкъ въ католическое богослуженіе вмѣсто польскаго и завести въ Петербургѣ «новую римско-католическую семинарію на чисто русскихъ началахъ, по при-

мѣру протестантскихъ семинарій, существующихъ во Франціи, католическихъ — въ Англіи и Пруссіи, имѣющихъ общегосударственный характеръ»; за этимъ онъ прибавляетъ: «Заведеніе это необходимо поручить надзору III отдѣленія, которое, вслѣдствіе событія 4 апрѣля и тысячи (??) возмутительныхъ явленій уже начало радикально преобразовываться, и вѣроятно вскорѣ станетъ наравнѣ съ подобными институтами западной Европы». Вообще сочинитель брошюры налегаетъ на полицію и ждетъ отъ ея дѣятельнаго вмѣшательства въ общественныя дѣла всякихъ результатовъ; онъ не прочь даже приписать силѣ англійской полиціи то, что дѣлаетъ въ Англіи вполнѣ развитое и полиціей не направляемое общественное мнѣніе. Разумѣется, объ «измѣнѣ» и «измѣнникахъ» сочинитель брошюры говоритъ съ такою же любовью, какъ г. Катковъ, съ тѣми же намеками на сановниковъ и государственныхъ людей; разница только та, что г. Катковъ называетъ ихъ «высшими сферами», а сочинитель брошюры прямо «сановниками», «министрами» и «государственными людьми». «Еслибъ, говоритъ онъ, съ 25-го по 30-й годъ государственные люди не были слѣпы, то возстаніе 1831 года было бы невозможно; еслибы государственные люди съ 1860 по 1863-й годъ не слушали сами, въ теченіе двухъ лѣтъ, возмутительныхъ гимновъ, то» и проч. Наконецъ, «еслибы принято было ближе къ сердцу дѣло освобожденія польскихъ преступниковъ, ссылаемыхъ въ каторжную работу, то (слушайте!) *серьезное слѣдствіе раскрыло бы общества, къ которымъ принадлежали освободители этихъ преступниковъ*, и 4-е апрѣля не имѣло бы мѣста». Кажется, ясно?... Но зачѣмъ сочинитель именъ не назвалъ — было бы еще яснѣе.

Говоря о чиновникахъ западнаго края, призванныхъ туда для обрусѣнія, сочинитель брошюры раздѣляетъ ихъ на два класса: поляковъ-католиковъ и поляковъ, принявшихъ православіе—одна категорія, о вредоносности которой онъ говорилъ уже достаточно; другая категорія—русскіе, не достаточно обезпеченные, большею частію холостые или оставившіе свои семейства внутри Россіи. «Жениться на мѣстныхъ (уроженкахъ), которыя бы дали нѣкоторыя средства къ жизни—*запрещено*, что, впрочемъ, прибавляетъ сочинитель, вполнѣ основательно, такъ что это неженатое нахлынувшее населеніе образуетъ нѣчто въ родѣ казачины и имѣетъ совершенно такое же вліяніе на болѣе развитыхъ, нежели они, жителей края, какъ русская армія, занимавшая Парижъ, на его жителей.... Но русская армія въ Парижѣ составляла по крайней мѣрѣ одно цѣлое и офицеры неоднократно проливали свою кровь за честь своихъ товарищей, армія же чиновниковъ въ западномъ краѣ, вслѣдствіе неопредѣлительности положенія, не сливается въ одно, не имѣетъ общей цѣли, не побуждается

одинаковыми чувствами, и тѣмъ слабо противодѣйствуетъ общему врагу. Холостые, лишенные женскаго общества и возможности жениться, нерѣдко предаются картамъ, а иногда и пьянству», и проч.

Характеристика эта знаменательна въ томъ отношеніи, что она сдѣлана человѣкомъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ и Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ. Послѣ этого говорите объ обрусѣніи и его успѣхахъ, когда, по словамъ сочинителя-патріота, тамъ русскую интеллигенцію представляютъ казаки. Не выражаемъ общаго мнѣнія объ этой нѣсколько странной брошюрѣ, но не можемъ не повторить, что въ ней есть здравыя мысли, къ числу которыхъ принадлежитъ и нижеслѣдующая: «Чтобъ окончательно упразднить польскій вопросъ, сдѣлать его немыслимымъ, слѣдуетъ всѣ вообще существующія въ Россіи учрежденія, съ ихъ малѣйшими оттѣнками, вводить единовременно и въ западный край...»

Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. А. Зыбиной. I. Китай. Москва, 1870. Стр. 175.

Повидимому, г-жа Зыбина намѣрена написать многотомную исторію женщинъ. Мы заключаемъ это изъ того, что въ лежащей передъ нами книгѣ не исчерпана даже исторія китайской женщины, и г-жа Зыбина обѣщается въ слѣдующей книгѣ возвратиться къ этому предмету. Мы, впрочемъ, не знаемъ намѣреній г-жи Зыбиной: быть можетъ, она хочетъ только разсказать одну исторію китайской женщины, взявъ ее за типъ. На это какъ будто указываетъ полемическій тонъ сочинительницы, которая не упускаетъ случая поспорить съ китайскими мудрецами и учеными, жившими нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, и при этомъ показать, что и мудрецы новѣйшіе, живущіе и жившіе въ Европѣ, одинаковаго мнѣнія съ китайцами. Изучая китайскую литературу по французскимъ источникамъ, г-жа Зыбина постоянно цитируетъ изъ нея, и изъ многихъ цитатъ, прямо не относящихся къ женщинамъ, всякій можетъ убѣдиться, что въ Китаѣ жили очень не глупые люди. Чтожъ касается собственно женскаго вопроса, то мужчина тамъ преобладалъ: въ сочиненіи г-жи Зыбиной, очень старательно составленномъ, это доказано весьма ясно и пространно, даже гораздо пространнѣе, чѣмъ бы это слѣдовало. Дѣло въ томъ, что мы опасаемся, что сочинительница, увлекшись исторіей и литературой Китая, увлечется еще болѣе литературой Индіи, представляющей также свои достоинства, потомъ предстоитъ ей еще длинный рядъ народовъ, также съ интересной литературой и исторіей, и «Взглядъ на значеніе женщины» можетъ разро-

стись въ огромное сочиненіе, доведеніе котораго до конца даже и предвидѣть трудно. Это тѣмъ скорѣе можетъ случиться, что г-жа Зыбина не ограничивается тѣсною рамкою собственно женской исторіи, и старается захватить весь народный бытъ съ многообразныхъ сторонъ. Кромѣ того, полемическій методъ автора можетъ повести также къ большимъ неудобствамъ, какъ для самой писательницы, такъ и для читателей ея: такъ какъ положеніе женщины и историческая роль ея у всѣхъ древнихъ народовъ была болѣе или менѣе одинакова, то автору предстоитъ перспектива постоянныхъ повтореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же параллелей и сближеній.

Изъ недавней старины. Разсказы и воспоминанія *Петра Григорьевича Кичеева.* Москва. 1870.

Г. Кичеевъ—московскій старожилъ и адвокатъ, видѣвшій вступленіе французовъ въ Москву—собралъ въ этой книжкѣ нѣсколько статеекъ своихъ, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Архивѣ». Авторъ кое-что видѣлъ самъ и записалъ, напр., вступленіе въ Москву французовъ и пребываніе ихъ тамъ, кое-что слышалъ отъ другихъ и тоже записалъ. Въ массѣ матеріала для характеристики нашего общества конца прошлаго и начала настоящаго столѣтій эти воспоминанія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе, но не великое. Насколько г. Кичеевъ умѣетъ пользоваться запасомъ своей памяти и тѣми матеріалами, которые попадаются ему подъ руку, видно изъ слѣдующаго примѣра: у него былъ экстрактъ изъ дѣла объ извѣстной Солтычихѣ, составляющій сто листовъ; г. Кичеевъ сдѣлалъ изъ него извлеченіе, умѣстившееся на десяти разгонисто-напечатанныхъ страничкахъ. За то факты у него являются постоянно при освѣщеніи нравоучительными сентенціями.

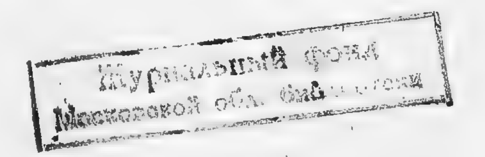
Видимый міръ. Небо.—Воздухъ.—Вода.—Огонь.—Земля. Изданіе А. И. Мамонтова. Москва. 1870.

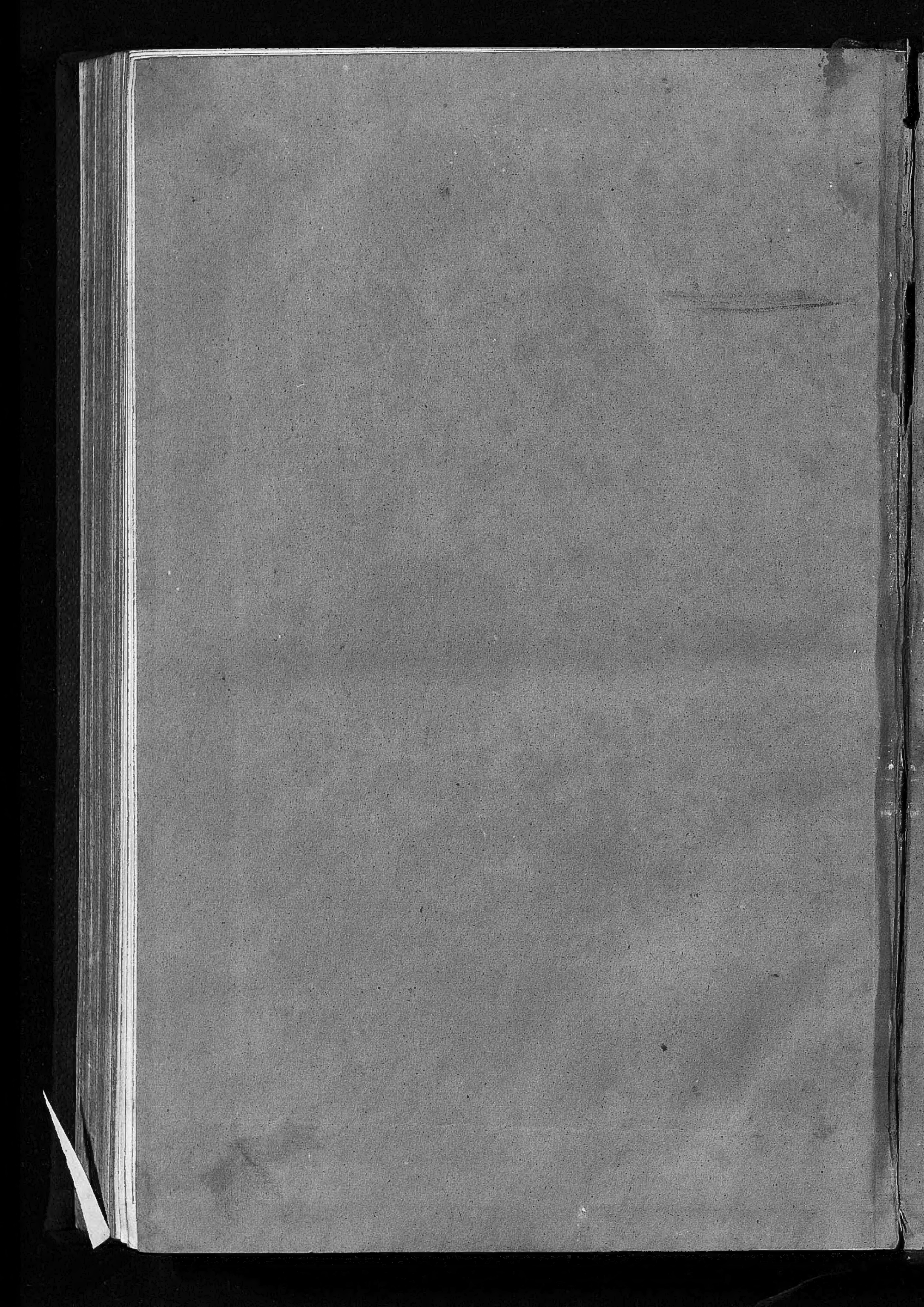
Подъ общимъ заглавіемъ «Видимаго міра», г. Мамонтовъ предпринимаетъ рядъ популярныхъ книгъ, которыя, отличаясь «отсутствіемъ научныхъ рубрикъ и опредѣленій, безъ всякой научной системы», дали бы читателю понятіе о видимомъ мірѣ. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія изъ географіи, астрономіи, физики, химіи, геологіи

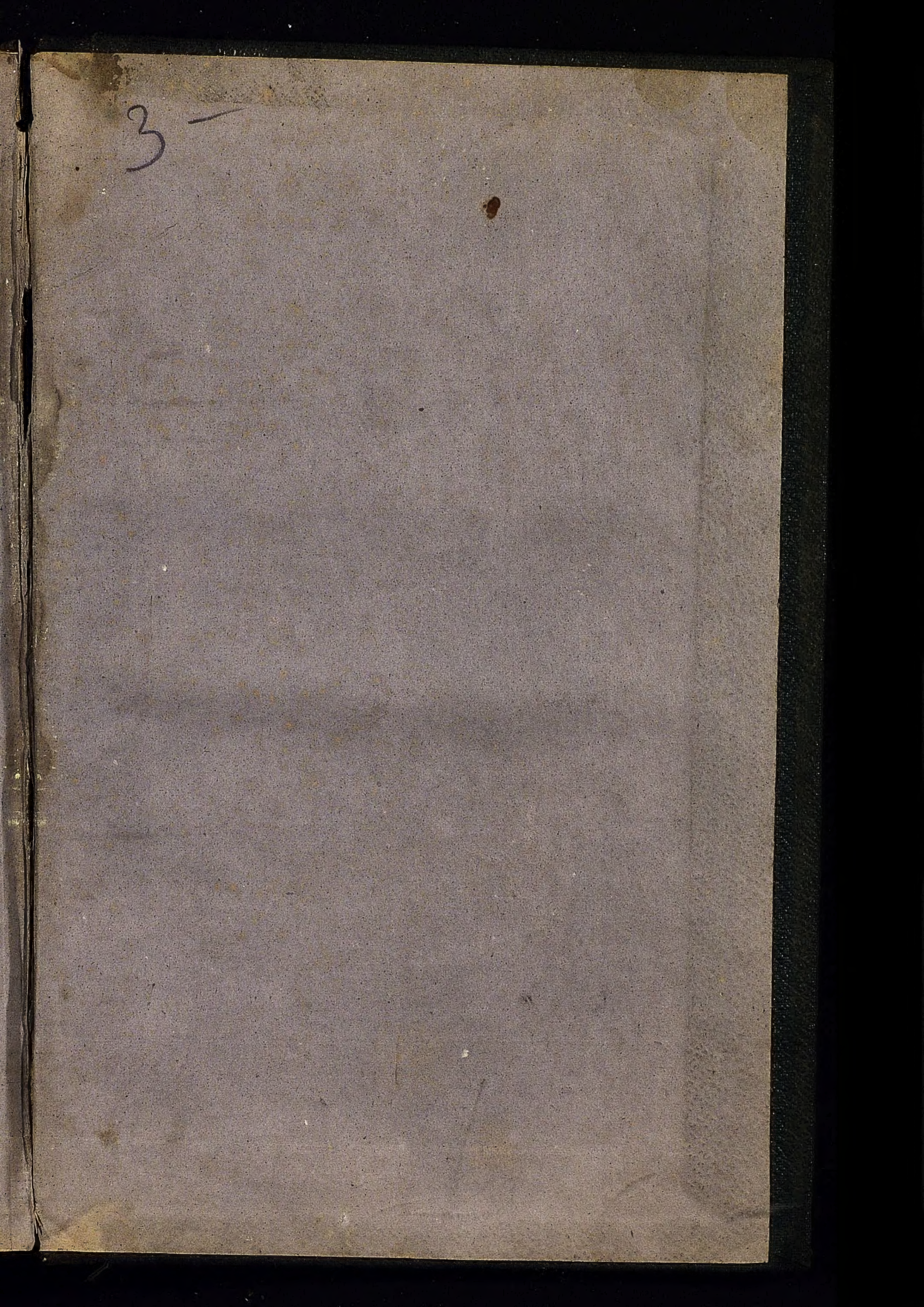
и минералогіи. Мы думаемъ, что задача подобныхъ книгъ, чтобы быть выполненною вполнѣ удовлетворительно, прежде всего должна имѣть въ виду опредѣленный кругъ читателей, то-есть читателей съ извѣстнымъ уровнемъ подготовки. Судя по предисловію, издатель имѣлъ въ виду «молодыхъ читателей», то-есть дѣтей, но это еще вопросъ, можетъ ли служить дѣтямъ съ пользою эта книжка во всѣхъ своихъ отдѣлахъ? Начать съ того, что физика и химія — предметы настолько трудные, что даже элементарныя свѣдѣнія изъ нихъ не могутъ быть усвоены дѣтьми самостоятельно, безъ помощи опытнаго и толковаго наставника; присутствіе при дѣтяхъ такого наставника исключаетъ необходимость въ книжкѣ, подобной той, которую издалъ г. Мамонтовъ; отсутствіе такого наставника исключаетъ для дѣтей возможность пользоваться книжкою, гдѣ всѣ объясненія изъ химіи и физики сопровождаются описаніемъ опытовъ, а въ предисловіи къ ней выражается желаніе, чтобъ всѣ читатели ея «стали сами экспериментаторами и передѣлали бы по крайней мѣрѣ бо́льшую часть изъ описанныхъ опытовъ». Чтобъ передѣлать опыты даже въ томъ упрощенномъ видѣ, въ какомъ они описываются въ «Видимомъ мірѣ», необходимо имѣть довольно сложные инструменты и препараты и давать въ руки дѣтямъ ядовитыя вещества. Первому условію, то-есть инструментамъ и препаратамъ, издатель, повидимому, не придаетъ значенія и не останавливается на практическихъ неудобствахъ, которыя повлекутъ они за собою въ каждой семьѣ; что касается второго условія, то издатель говоритъ: «отъ насъ далеки опасенія, весьма распространенныя въ массѣ родителей и воспитателей, давать въ руки дѣтямъ ядовитыя вещества и доставлять имъ возможность играть огнемъ. По собственнымъ наблюденіямъ мы знаемъ, что достаточно простого предупрежденія въ ядовитости того или другого вещества или въ опасности отъ извѣстнаго опыта, чтобъ дѣти были очень осторожны». Хотя съ этимъ далеко нельзя согласиться, но если принять такое положеніе за неоспоримую истину, то все-таки необходимо, по самому смыслу приведенныхъ строкъ, чтобъ при дѣтяхъ, во время опытовъ находился человѣкъ знающій, который съумѣлъ бы направить ихъ понятія и предупредить или устранить опасность опытовъ; само собою разумѣется, что родители и воспитатели, незнакомые болѣе или менѣе основательно съ физикою и химіей, не могутъ быть такими руководителями, а книжка, изданная г. Мамонтовымъ, не можетъ служить имъ вполнѣ достаточнымъ руководствомъ. Кромѣ того, необходимо принять въ соображеніе, что даже опытнымъ преподавателямъ и съ прекрасными инструментами не всегда удается производить опыты съ необходимою отчетливостью; что же будетъ съ родителями и воспитателями, которые вмѣстѣ съ дѣтьми станутъ учиться производить ихъ по книжкѣ «Ви-

димый міръ»? Вслѣдствіе этого, намъ кажется, что благоразумнѣе отбросить всѣ ядовитыя вещества и не посвящать дѣтей прежде времени въ тайны и опасности лабораторіи; опыты безопасные и несложные, конечно, можно производить, и въ этомъ отношеніи «Видимый міръ» представляетъ матеріалъ довольно удовлетворительный, изложенный мѣстами очень хорошо. Вообще книжка эта, при обиліи рисунковъ, весьма не лишняя въ общеобразовательной библіотекѣ.

М. Стасюлевичъ.






3—